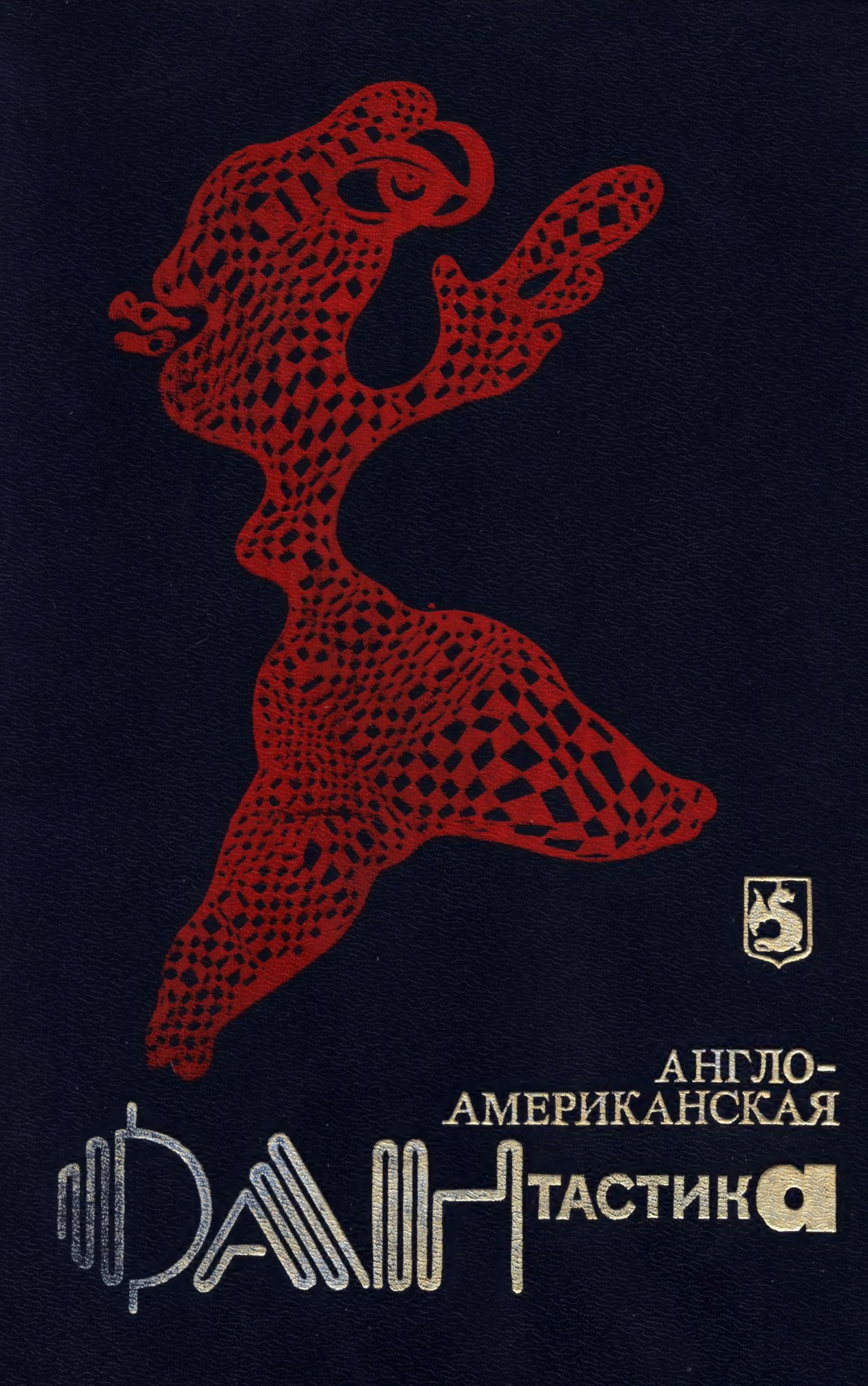

АНГЛО-
АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА

ТОМ 1

МОСКВА
«ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ»
1991

ББК 84.7 США

Составитель Юрий Никитин

Общая редакция Любови Антиповой

Художник Николай Ловецкий

Англо-американская фантастика. Том I. Пер.
А72 с англ. М.: Змей Горыныч, 1991.— 480 с.
ISBN 5—85912—007—2

В первый том сборника «Англо-американская фантастика» вошли произведения известных писателей-фантастов Урсулы ле Гуин «Колдун Архипелага», Альфреда ван Вогта «Торговый Дом оружейников», Майкла Муркока «Феникс в обсидиане». Читатель, открывший нашу книгу, «проглотит» ее на одном дыхании.

А $\frac{4703040100—007}{М796(03)—91}$ Без объявл. ББК 84.7 США

ISBN 5—85912—007—2

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякий нормальный человек, несмотря на 73 года советской власти, предисловия читает как послесловия, если читает вообще. В то же время всякое госиздательство и поныне считает своим святым долгом давать развернутое толкование, объяснять взрослым людям, видимо, считая всех живущих после 17-го года дебилами, как понимать публикуемое произведение.

В этом издательства напоминают актеров (почему-то именуемых комментаторами) программы «Время» — не информацию подают, как принято во всем мире, а играют эмоции, настраивая телеидиотов на нужные реакции. Наше издание охотнее обошлось бы вовсе без предисловия (вы — взрослые, сами все поймите), но появилась необходимость сказать несколько слов об издании, не произведениях.

Итак, все мы, любители и ценители книги, в той или иной мере знакомы с «черным» рынком. Книжным. Именно там обитают настоящие знатоки, фаны, коллекционеры. Не только фантастику и детективы: Цветаеву, Ахматову, Хлебникова всегда ценили на рынке, а в госиздательствах — в зависимости от политической погоды. На рынке всегда говорили правду. Пусть шепотом и с оглядкой, но все-таки говорили. А в предисловиях госиздательств — врали громко, вдохновенно, многомиллионными тиражами.

Здесь, в фирме «Змей Горыныч», собрались те, кто раньше покупал книги на «черном» рынке. Даже члены Союза писателей СССР не родились писателями с крохотными льготами в приобретении книг, когда-то покупали у «жучков», обменивались с ними, доставали через них.

В «Змее» собрался, естественно, не весь рынок, а часть тех помешанных, кто, купив интересную книгу, не прячет под замок, а гоняется за приятелями и даже малознакомыми людьми с криком: «Прочтите! Прелесть! Обязательно прочтите!» И пытается всучить ему томик, чтобы потом можно было обменяться восхищением, поговорить, как автор мастерски закрутил, придумал, нарисовал!..

Этот том, как и следующие за ним, ориентируется на вкусы читателя. Правда, так говорится в предисловиях всех книг, изданных в СССР, будь это фантастика или роман о знатных доярках. Но наши издания, как убедитесь, действительно ориентированы на читателя. Сегодняшнего, такого, какой он есть. Не того, каким нарисован на плакатах, где трое звероподобных строителей коммунизма устрашающе надвигаются на вас. Знаменитая троица: могучий рабочий, крепкогрудая доярка и примкнувший к ним интеллигент — правда, тоже с кулаками крупнее головы и лобиком толщиной в палец младенца. С такими не то что в коммунизм, на темной улице побоишься встретиться!

А раз уж ориентируемся на читателя, какой есть на самом деле, а не в сводках ЦСУ, то в этих книгах не будет Р. Бредбери, А. Кларка, А. Азимова и ряда других примелькавшихся имен. Будут те, кого читают в Америке и во всем цивилизованном мире, пусть даже они неугодны любой из партий, захватившей к моменту выхода книг власть в стране.

Предвижу вопль малограмотного читателя: как это без великого Бредбери — самого величайшего из фантастов Америки и всего мира? «Совести Америки», как называл его не то Суслов, не то еще кто-то из непререкаемых авторитетов? Как без Кларка, Азимова?

Дорогой читатель, позвольте поделиться крохотной информацией, которой обладаем отчасти удаче, отчасти упорству, отчасти удобному местожительству. Лишь в Москве существует кроме обычного книжного рынка еще и рынок, где продают и меняют книги на английском языке. Как и на обычном, в основном продают и покупают фантастику, детективы, вестерны, ужасы, дамские романы о любви (так приходится переводить для понятности жанр «лав стори»). Москва — город, где многие иностранные туристы издавна оставляют в гостиницах купленные в дорогу детективчики и другую популярную литературу, где масса дипломатов и прочего люда, которые во множестве завозят такие книги.

Естественно, при нашем скудном фантастическом и детективном рационе многие вынужденно переключились на производственные романы и опусы про доярок — надо же что-то читать, чтобы не озвереть окончательно! — но в Москве нашлась лазейка для наиболее упорных. Ряд фанов фантастики выучили английский лишь для того, чтобы читать в подлинниках книги, которые стекаются на ул. Качалова, дом 17, где есть магазин иностранной книги, единственный в Москве. Правда, там сдающих книги перехватывают еще на подступах наиболее активные товарищи «черного» рынка.

Далее. Начиная читать в подлинниках, с изумлением убеждаешься, что в США почему-то читают совсем других авторов, которых в СССР подают как «самых-самых». Это у нас был величайшим из величайших Говард Фаст (до тех пор, как де-

монстративно не вышел из Компартии США), затем стал величайшим Теодор Драйзер, некоторое время побыл в великих Стейнбек, пока не выступил в поддержку американской войны во Вьетнаме... Был и остается величайшим фантастом Р. Бредбери, ибо логика проста. Суслов говорил: «Помилуйте, если не верите нам, что Америка — жуткая страна фашизма, то посмотрите, что американцы сами говорят о себе! Они же врать о себе не станут!»

Наш советский читатель, других американских авторов не читавший, поневоле начинает считать Бредбери величайшим, ибо сравнивать может лишь с Казанцевым, Мартыновым да Щербаковым.

Есть еще один объективный показатель, который должен убедить самых недоверчивых. В США существует великое множество литературных премий фантастов. Премии объединений, клубов, организаций, обществ, штатов, университетов, издательств... Среди них выделяются две, всеамериканские, которые присуждают читатели и профессионалы порознь. Мнения, естественно, как правило, не совпадают. Читатели присуждают «Хьюго» одному, а писатели и критики «Небьюлу» — другому. Бывают случаи, когда мнения сходятся, и писатель получает две премии за одну вещь — это триумф.

Так вот, Р. Бредбери за всю многолетнюю литкарьеру получил одну-единственную литпремию от журнала «Авиация и космонавтика» за опубликованную статью. В то же время его коллеги собирали за романы урожай высших наград, включая «Хьюго», «Небьюла», «Аполло» и др., но оставались неизвестными в СССР, ибо просто писали великолепнейшую фантастику, а цель разоблачить гнилой строй капитализма перед собой не ставили.

Кстати сказать, такая же ситуация и в детективе. В СССР переводили Кристи, старушка лихо лила воду на идеологическую мельницу, показывая, как прогнил высший свет Запада, где все только и делают, что режут, душат, ловят, грабят, предают, извращаются, так же и Чейза, который показал, что весь западный мир — воры, проститутки, извращенцы, гады, предатели, бандиты, убийцы, психопаты... Естественно, почти абсолютно не переводился популярный поджанр детектива: спай стори, т. е. шпионский. Мол, зачем нам добавлять славы американским разведчикам? Тем более что там нередко схлестываются с КГБ или ГРУ.

Возвращаясь к фантастике, добавим: помимо того, что даем наиболее популярных авторов США и Англии, делаем крен в сторону фэнтези. По двум причинам: фэнтези почти не переводилась, а фэнтези теплее, человечнее. У нас переводили технарей Кларка и Азимова не случайно: мы-де первые вышли в космос, у нас первых пошел луноход... А к тому же наша атеистическая страна не должна читать книги, где главными героями являются маги, колдуны, ведьмы, где на каждом шагу — драконы, гномы, эльфы, привидения!

Но жанр фэнтези гораздо популярнее в США, чем жанр строго научной фантастики. А ведь США — страна технарей, деловых людей, где гораздо меньше, чем у нас, обращают внимание на окульт, мистику. В США немыслимо, чтобы телепаты, экстрасенсы — до такого позора дожили! — и тем более — колдуны! — выступали по главным каналам телевидения, а в центральных газетах на полном серьезе публиковать гороскопы. Тем не менее фэнтези читают охотнее, маги и колдуны оказались ближе, чем громыхающие машины будущего и непогрешимые роботы.

Одним из принципов работы нашей фирмы является публикация новых произведений. Все мы, покупая за 5—7 номиналов «мировский» сборник ЗФ, кривимся: «Опять старья напихали!» На всякий хороший сборник две трети набирается перепечаток. Так вот, нашим переводчикам розданы лучшие из лучших романов, а перепечатывать старые издания мы не планируем.

Далее. Мы объявили о подписке на пятитомник фантастики, но если — тьфу-тьфу — не стрясется чего-нибудь гадкого с общественным строем, то за пятым томом выйдет шестой, седьмой...

Также надеемся в этом пятитомнике поправить некоторые ляпы государственных издательств. И воспользоваться в своих интересах, естественно. Например, читатели однажды получили два романа Мэри Стюарт о короле Артуре и колдуне Мерлине «Полые холмы» и «Последнее колдовство», но мало кто знает, что это второй и третий тома трилогии. Мы же подготовили к печати и первый, в интересах читателей и нашего тощего кошелька.

Переводится эпопея Айзека Азимова «Основание», за которую он получил высшие премии фантастов. Этот важнейший труд не был издан в СССР, хотя почему-то издавали огромными тиражами его третьестепенные вещи и даже примитивнейшие пробы пера.

Есть и другие сюрпризы.

Еще — никаких купюр. Помним, страшно раздражало это «печатается с сокращениями». Вечно подозреваешь, что убрали самое интересное. Так что даже в ущерб произведению, но сокращать не будем, пока не вернем доверие читателей, утерянное, кстати, не нами.

И последнее. Похоже, что большая часть издательств вообще не заметила перемен в стране. Например, издательство «Мир» в предисловиях по-прежнему разжевывает советскому читателю, как понимать то или другое произведение, с каких классовых позиций подходить, заодно выбалтывает эффектные концовки, рассказывает сюжеты. Половину прелести от прочитанного убивается заранее (что делать, платят в госиздательствах за количество листов, не за качество, а составитель тоже хочет заработать, да побольше, да за счет читателей).

Потому, чтобы не быть похожими на таких составителей, обрываем предисловие. Все остальные страницы — только авторам!

От редакции.

Альфред Ван Вогт

ТОРГОВЫЙ ДОМ ОРУЖЕЙНИКОВ

Перевод с англ. *Елены Константиновой*, 1990.

Редактор *Виолетта Денисевич*.

1

Хедрок отвлекся от своего луча-информатора, хотя экран продолжал светиться, в мельчайших деталях передавая все, что происходит в конференц-зале императорского дворца. Молодая женщина с непроницаемым выражением лица сидела на троне, мужчины низко склонялись перед ней, и их голоса слышались совершенно отчетливо. Все было как обычно. Впрочем...

У Хедрока пропал интерес к совещанию в зале, тем более что теперь ему следовало торопиться. Из ума не шли роковые слова женщины.

— При данных обстоятельствах,— сказала она несколько минут назад,— мы больше не можем себе позволить идти на риск с перебежчиком из стана оружейников. То, что случилось, слишком важно. Поэтому, генерал Грэлл, исключительно ради подстраховки арестуйте капитана Хедрока через час после обеда и повесьте его. Повторяю: ровно через час, поскольку, во-первых, он, как обычно, будет обедать за моим столом, и, во-вторых, я намерена присутствовать на казни.

— Слушаюсь, ваше величество.

Хедрок ходил взад-вперед по комнате. Затем вновь устремил мрачный взгляд на экран, который, будучи материализован, как сейчас, занимал весь угол. Молодая женщина все еще сидела в конференц-зале, правда, уже в одиночестве, и зловещая ухмылка играла на ее продолговатом лице. Ухмылка исчезла, когда женщина дотронулась до кнопки на подлокотнике и начала ясным голосом диктовать. Некоторое время Хедрок прислушивался к ее указаниям, касавшимся рутинных дворцовых дел, но вскоре сосредоточился на собственных проблемах. Необходимо выпутаться из этого безнадежного положения. Очень осторожно он стал настраивать пульт. Образ молодой императрицы померк. Экран осветился раз-другой, и на нем возникло контрастное изображение человека.

Хедрок сказал:

— Вызываю Высший Совет Торгового Дома оружейников.

— Потребуется минута,— деловито произнес человек,— чтобы собрать членов Совета.

Хедрок озабоченно кивнул. Он вдруг занервничал. Хотя вызов он произвел довольно уверенным тоном, Хедроку все-таки показалось, что голос его чуточку дрогнул. Он сидел очень спокойно, сознательно расслабившись. Через минуту на экране появилось с десяток лиц — вполне достаточно для кворума.

Хедрок сразу доложил о смертном приговоре. И добавил:

— Несомненно, происходит что-то экстраординарное. За последние две недели, когда собирался имперский кабинет, я всякий раз замечал, что высшие офицеры вовлекают меня в пустые разговоры, мешая вернуться в свою комнату. Обращаю ваше внимание на фактор времени: арест произойдет через час после обеда, то есть в моем распоряжении остается три часа. Сегодня мне почему-то дали вернуться к себе во время заседания кабинета — уж не для того ли, чтобы услышать приговор? Если они знают возможности нашего Высшего Совета, то должны понимать, что, предупреждая меня заранее, дают шанс скрыться.

— Что вы предлагаете? — резко спросил член Совета Питер Кадрон.— Намерены остаться?

Волнение снова охватило Хедрока.

— Вы, мистер Кадрон, конечно, помните, что мы анализировали характер императрицы. Она дитя своего века со всеми его социальными неурядицами и техническим совершенством — отсюда неуравновешенность и склонность к авантюризму, как и у девятнадцати миллиардов ее подданных. Ей необходимы перемены, новые ощущения, возбуждение. Но во главу угла следует поставить то, что она наделена имперской властью и представляет консервативные силы, не желающие менять прежние порядки. В результате — постоянные шараханья из стороны в сторону, опасное состояние несбалансированности, которое делает ее самым страшным врагом Торгового Дома за много веков его существования.

— Несомненно,— заключил другой член Совета,— казнь даст разрядку ее взвинченным нервам. В те несколько минут, когда вы будете дергаться, болтаясь в петле, жизнь покажется ей менее пресной.

— Мне представляется,— твердым голосом произнес Хедрок,— что один из наших ноуменов мог бы просчитать различные варианты и дать практический совет, каким образом мне поступить.

— Сейчас посоветуемся с Эдвардом Гонишем,— сказал Питер Кадрон.— Пожалуйста, потерпите, пока мы обсудим этот вопрос.

Они исчезли, вернее, отключился звук. И хотя Хедрок видел, как двигаются губы, голосов не слышал. Разговор продолжался долго, казалось, время тянется слишком медленно, пока люди на экране объяснялись с кем-то, кого не было видно. В ожидании Хедрок крепко сжал зубы, сцепил пальцы рук. Он вздохнул с облегчением, когда молчание прервалось и Питер Кадрон сказал:

— Сожалеем, но вынуждены констатировать следующее. Эдвард Гониш не стал полагаться на интуицию из-за отсутствия предшествующего опыта. В вашем случае следует руководствоваться только логикой. Поэтому мы хотели бы знать, считаете ли вы возможным присутствовать на обеде? Иными словами, до какого предела сохраняется шанс на побег из дворца?

Хедрок очень надеялся на практический совет, и что же он получил вместо него? Этот гений, ноумен по имени Эдвард Гониш, великий спец по части интуиции, от решения которого зависит его судьба, увиливает. Хедрок не сразу пришел в себя, но, постепенно успокоившись, сказал:

— Нет, если я останусь на обед, я обречен. Императрица любит играть в кошки-мышки и наверняка сообщит мне о приговоре во время трапезы. У меня есть план, который целиком зависит от ее эмоционального восприятия. Он основан на том предположении, что императрица сочтет необходимым оправдаться.

Хедрок замолчал, хмуро взглянул на экран, затем продолжил:

— Хотелось бы подробнее узнать о ходе вашего обсуждения. Мне годится любая помощь.

— Вам известно, Хедрок,— вступил в разговор член Совета Кендлон, человек с мясистой физиономией,— ваше присутствие во дворце преследует две цели. Первая — предупредить Торговый Дом оружейников о внезапном нападении, которое представит опасность для всей нашей цивилизации,— и в этом вопросе наше мнение едино. Вторая цель — это, конечно, выношенный вами план по части установления постоянных контактов и взаимопонимания между Торговым Домом оружейников и Имперским правительством. Следовательно, ваша шпионская деятельность имеет второстепенное значение. Любую не слишком важную информацию, полученную вами, можете оставить при себе — нам она не нужна. Но прошу припомнить: не слышали ли вы какого-либо намека, дающего основание предположить, что готовится нечто катастрофическое?

Хедрок медленно покачал головой. Он вдруг почувствовал себя душевно опустошенным и бессильным физически. Наконец, собравшись, заговорил размеренно, подбирая слова, которые, казалось, шли откуда-то из ледяного далека:

— Я вижу, господа, вы не пришли к какому-либо определенному решению, а между тем едва ли станете отрицать, что хотели бы сохранить налаженные мною связи. Кроме того, ничуть не сомневаюсь, вам не терпится узнать, что же скрывает императрица. Ведь недаром вы упомянули о предложенном мною плане. И в связи со всем этим я намерен остаться.

Они не очень-то торопились с согласием. При своеобычном, необузданном характере императрицы, заметил один из членов Совета, любое необдуманное слово Хедрока может привести к фатальному исходу. Они самым дотошным образом пустились в обсуждение разных деталей. Дело заключалось в том, что Хедрок

первым в истории предал Торговый Дом оружейников и тем не менее отказывал любопытной правительнице в какой-либо конкретной информации. Незаурядная внешность, яркий ум, сильный характер Хедрока уже пленили ее. Сколько же усилий пропадет даром, если сейчас, спешным порядком, выкрасть его из дворца! Поэтому, рассуждал другой член Совета, если исключить тот факт, будто против нас замышляют нечто злокозненное и слишком опасное, следует полагать, что императрица решила испытать Хедрока, угрожая смертью, дабы рассеять свои подозрения. Так что будьте предельно осторожны! В крайнем случае выдайте ей секретные сведения о Торговом Доме — поначалу самого общего характера, чтобы возбудить интерес к более важным, более точным данным и...

Тут раздался звонок в дверь. Хедрок вздрогнул, нажал кнопку на пульте и отключился, прервав разговор. Ясно сознавая, что позволил себе разволноваться, он, умышленно не спеша, вынул из галстука обыкновенную золотую булавку и склонился над столом. На нем лежал перстень, маленькая блестящая вещица; покрытая орнаментом головка перстня в точности повторяла экран большого информатора в углу комнаты, с той лишь существенной разницей, что была вещественной, вполне осязаемой, а вся конструкция приводилась в действие атомными силами при помощи совершенной энергетической установки, заключенной в корпус перстня. Гораздо проще было воспользоваться автоматическим рычажком, вделанным на всякий экстренный случай, как сейчас, но Хедрок тянул время, дабы успокоиться.

Задача была довольно трудная, пожалуй, сравнимая с вдеванием нитки в иголку. Три раза он не мог попасть в пазик — рука еле заметно дрожала. На четвертый — удалось. Экран вспыхнул, словно лампочка лопнула, правда, не оставив осколков и вообще никаких следов — все растворилось в воздухе. На тумбочке в углу, где секунду назад располагался информатор, лежало лишь одеяльце, используемое в качестве подстилки, чтобы не поцарапать поверхность тумбочки. Хедрок швырнул его в спальню, затем постоял в нерешительности, держа перстень на ладони. Наконец положил его в металлическую коробочку, к трем другим кольцам, и нажал на кнопку, чтобы все они исчезли, если кто-нибудь вздумает открыть коробочку. Когда он размеренным шагом направился к двери, в которую настойчиво звонили, только перстень-пистолет остался у него на пальце.

В высоком человеке, стоявшем в коридоре, Хедрок узнал одного из дежурных офицеров императрицы. Тот кивнул и отчеканил:

— Капитан, ее величество просила сообщить, что обед уже подают. Будьте любезны следовать за мной без промедлений.

В первое мгновение у Хедрока создалось впечатление, что над ним грубо подшутили — императрица Иннельда уже начала свою щекочущую нервы игру. Не могло так быстро наступить время обеда! Он взглянул на часы. На маленьком циферблате

было 12.35. Прошел час с тех пор, как из суровых, прекрасно очерченных уст императрицы он услышал смертный приговор.

Фактически ему не оставили выбора — идти на обед или нет. Все решили за него уже тогда, когда он сообщал Совету, будто располагает тремя часами. Положение приобрело полную ясность, когда он шел мимо солдат, стоявших в каждом коридоре на пути в императорскую столовую. Да, вот она реальность, от которой никуда не денешься. Хедрок остановился на пороге огромного зала, постоял немного, приходя в себя, и саркастически улыбнулся. Затем спокойно, с легкой усмешкой на устах прошел между рядами столов с шумными придворными и опустился на свое место в пяти креслах от императрицы, сидевшей во главе трапезы.

2

Коктейль и суп уже были поданы. После активного обсуждения ситуации с членами Совета, столь внезапно прерванного, Хедрок пребывал в некоторой задумчивости и ждал, что будет дальше, разглядывал мужчин вокруг себя — молодых, уверенных в себе, умных и преданных сторонников ее императорского величества.

С острым чувством сожаления подумал о том, что сейчас все должно кончиться. Шесть месяцев с немалым удовольствием провел он в этом блестящем обществе. При виде этих надменных мужчин, наделенных огромной властью, предающихся необузданным наслаждениям, он с грустью думал о своем далеком прошлом. Улыбка, скорее смахивающая на гримасу, исказила его лицо. Бессмертие, которым наделили Хедрока, порождало одну особенность, кстати, постоянно прогрессирующую,— он все реже думал о самосохранении, играл с огнем, подчас неоправданно рисковал, подвергая жизнь опасности. Он давно знал, что непременно ввяжется в какую-нибудь передрягу, выйти из которой вряд ли помогут его скрытые силы. Хотя теперь, как и прежде, руководствовался лишь целью, отличной от той, в какой его подозревали.

Вдруг голос императрицы перекрыл шум разговоров и вывел его из задумчивости:

— Где витают ваши мысли, капитан Хедрок?!

Хедрок медленно повернул к ней голову. Ему захотелось быстрым взглядом сказать ей больше, чем он позволял себе до сих пор. Ибо, едва занял свое место, сразу же почувствовал, как за ним наблюдают ее зеленоватые глаза. Держалась она поразительно — само благородное спокойствие, полное самообладание. Он еще раз отметил типичные для рода Айшеров черты лица: высокие скулы, волевой подбородок. Последняя представительница выдающейся династии, последняя из наделенных властью, но, вероятно, не последняя в роду. Безграничная энергия, безудержные страсти пылали в ней. Совершенно очевидно, прекрасная Иннельда, несмотря на сумасбродный характер,

выстоит, как и ее знаменитые предки, преодолев интриги, победив коррупцию, и передаст власть наследнику, следующему Айшеру.

«Сейчас, воспользовавшись благоприятным моментом, самое правильное задеть ее за живое»,— с возрастающей тревогой подумал Хедрок. И выпалил:

— Я вспомнил, Иннельда, о вашей бабушке, прелестной Ганил, златокудрой императрице, которую семь раз лишали трона. Если бы не ваши темные волосы, вы были бы точной ее копией в молодости.

Тень замешательства мелькнула в зеленоватых глазах. Императрица сжала губы, затем приоткрыла их, как будто собираясь что-то сказать. Однако Хедрок не стал ждать:

— В Торговом Доме оружейников есть ее полная иллюстрированная биография. Вот я и подумал: как ни печально, но пройдут годы и от вас останется только рассказ с картинками в какой-нибудь пыльной видеотеке.

Удар попал в цель. Хедрок знал, что императрице была невыносима мысль о старости и смерти. Глаза ее гневно сверкнули, и в них, как это не раз случалось прежде, он прочитал обуревавшие ее чувства.

— Уж вам-то, по крайней мере,— прерывающимся голосом изрекла императрица,— не видать моего полного жизнеописания в картинках. Вам, мой дорогой капитан, наверное, будет любопытно узнать, что ваша шпионская деятельность разоблачена и сегодня вас повесят!

Ее слова потрясли Хедрока. Одно дело — предаваться досужим размышлениям в тиши кабинета: дескать, ничего страшного нет, просто изощренная проверка, ловкая попытка вытянуть из тебя кое-какие сведения, и совсем другое — сидеть рядом с женщиной, которая может позволить себе быть жестокой и безжалостной, каждый каприз которой беспрекословно воспринимается преданным окружением, да еще слышать из ее уст свой смертный приговор! Никакая логика не в силах противостоять тирану во плоти, тут всякие размышления нереальны.

Вот и попробуй теперь вразумительно объяснить самому себе, как очутился в столь незавидном положении. Ведь ничего не стоило спокойно выждать, когда через два-три поколения в роду Айшеров появится самая обыкновенная женщина, а не такой тиран. Впрочем, поздно предаваться пустым мечтаниям. Хедрок сделал над собой усилие, расслабился и улыбнулся. В конце концов он вынудил ее объявить приговор гораздо раньше, чем она хотела. Хоть и скверная, но все-таки психологическая победа. Н-да, еще несколько таких побед, и нервное потрясение ему обеспечено.

Люди в огромной столовой еще разговаривали, только не за императорским, а за дальними столами. Внимание Хедрока сосредоточилось на ближайшем окружении. Одни не сводили глаз с императрицы, другие — с него. И почти все пребывали в одина-

ковом замешательстве. Как видно, не могли разобрать, то ли это плохая шутка, то ли очередная драма, которые императрица время от времени разыгрывала, кажется, с единственной целью — испортить людям аппетит. Мысли Хедрока были сконцентрированы на важности момента, ибо приближенные вслушивались в их разговор и он надеялся, что их участие спасет ему жизнь.

Императрица первая нарушила молчание:

— Плачу́ пенни за ваши последние мысли, капитан,— произнесла она мягко и язвительно.

Хлестко подковырнула. Хедрок проглотил насмешку.

— Я не отказываюсь от своих слов: вы очень похожи на очаровательную, темпераментную Ганил. Правда, с той лишь разницей, что она в свои шестнадцать лет не спала со змеей!..

— Что такое? — изумился один из придворных.— Иннельда спала со змеей? Надеюсь, вы выразились иносказательно? Однако смотрите-ка — она краснеет!

И действительно. Взгляд Хедрока не без удивления задержался на вспыхнувших румянцем щечках. Он не ожидал такой сильной реакции. Несомненно, сейчас произойдет яростный взрыв. Впрочем, он не повергнет в смущение самоуверенных молодых людей за императорским столом, выдвинувшихся по непременным для всех качеством — выдающихся личностей и подхалимов одновременно.

— А ну-ка, Хедрок,— сказал усатый принц дель Куртин,— не утаивайте от нас такую пикантную подробность. Я полагаю, она тоже извлечена из иллюстрированного досье Торгового Дома оружейников.

Хедрок молчал. Казалось, улыбнувшись кузену императрицы, он подтвердил свои слова, хотя на самом деле едва видел принца краешком глаз. Его внимание было сконцентрировано сейчас на единственно важном для него человеке. Императрица Айшер медленно наливалась гневом. Она тяжело поднялась.

— Вы, капитан, поступили весьма умно,— мрачно заметила она,— повернув разговор таким образом. Но смею заверить, пользы это вам не принесет. Ваша быстрая реакция лишь подтверждает то, что вы знали о моем намерении. Вы шпион, и мы делаем соответствующий вывод.

Глаза ее грозно сверкали, но в голосе почти не улавливались злобные нотки, на что и надеялся Хедрок.

— Ну что вы, Иннельда,— вступился кто-то из приближенных.— Неужели вы собираетесь отделаться бездоказательной констатацией шпионской деятельности капитана?

— Берегитесь, господин ходатай,— вспылила она,— не то составите компанию Хедроку!

Мужчины за столом обменивались многозначительными взглядами. Некоторые неодобрительно качали головами, а затем все разом, как по команде, заговорили друг с другом, не обращая внимания на императрицу.

Хедрок ждал. Случилось то, на что он очень и очень рассчитывал, однако он почему-то не испытывал чувства удовлетворения. Бывало, демонстративное пренебрежение мужчин, чьим обществом правительница дорожила, производило на нее немалое эмоциональное воздействие. С момента появления здесь Хедрок дважды был тому свидетелем. Но, кажется, на этот раз дело обстояло несколько иначе. Да, именно так, убедился он, когда увидел кривую усмешку на устах императрицы.

— Весьма сожалею, джентльмены, но у вас сложилось неверное представление. Прошу извинить меня за резкие слова, которые, кажется, дали вам основание думать, будто мое решение относительно капитана Хедрока носит сугубо личный характер. Нет, просто меня крайне обеспокоило открытие, что он шпион.

Ее слова произвели впечатление. Они прозвучали достаточно убедительно, и мужчины, молча выслушав ее, больше не вступали в разговоры между собой. Хедрок сидел, откинувшись в кресле, и с каждой секундой все больше осознавал свое поражение. Он склонялся к мысли, что побудительной причиной для вынесения приговора явился не шпионаж, а нечто другое, весьма и весьма серьезное, пока еще недоступное его пониманию.

Необходимо было предпринять нечто чрезвычайное.

И он погрузился в раздумья. Длинный стол под белой гладкой, как атлас, скатертью, два десятка мужчин, сидевших за ним, отошли на задний план, уступив место лихорадочным поискам выхода. Дабы круто изменить наметившийся ход событий, нужно выкинуть что-то сногсшибательное. Но тут до него дошло, что уже какое-то время говорил принц дель Куртин:

— ...Нельзя же голословно обвинять человека в шпионаже и полагать, что мы сразу поверим. Мы знаем — когда вам очень нужно, вы можете быть самой изобретательной выдумщицей на всем белом свете. Если бы я предвидел, что случится нечто подобное, непременно пришел бы сегодня утром на заседание кабинета. Вы готовы, Иннельда, представить хоть какие-нибудь доказательства?

Хедрок заерзал в кресле. Ближнее окружение императрицы в основном одобрило приговор, по сути, даже не дав себе труда задуматься над его мотивами и обоснованием. Следовательно, чем скорее эти люди перестанут болтать, тем лучше. Но тем большую осторожность необходимо проявлять ему. И повернуть дело так, чтобы императрица пошла на попятную. В какой именно форме — не имеет значения.

Когда императрица заговорила, голос у нее был мрачноватый и напряженный, хотя она пыталась сдерживать себя:

— Весьма сожалею, но прошу вас поверить мне на слово. Возникло весьма серьезное положение. Оно было единственным предметом обсуждения на сегодняшнем заседании кабинета. Уверяю вас: решение о казни капитана Хедрока принято едино-

гласно, хотя лично я огорчена тем, что возникла столь печальная необходимость.

— Иннельда, я был лучшего мнения о вашем интеллекте,— заметил Хедрок.— Уж не думаете ли вы, будто я разузнал об очередном злокозненном выпаде против Торгового Дома оружейников, кстати, явно бессмысленном, совершенно бесполезном, и теперь вознамерился сообщить им об этом пустяке?

Правительница обожгла его взглядом.

— Я вовсе не собираюсь раскрывать все наши карты,— чеканила она, словно била молотом по наковальне.— Не знаю, какие средства связи вы используете для контакта с вашим начальством, но мне известно, что они существуют. Мои физики постоянно регистрируют на своих приборах мощные волны дальней связи.

— Исходящие из моей комнаты? — мягко спросил Хедрок.

Она взглянула на него в упор, сердито кривя губы. В ее словах не было полной уверенности:

— Вы не посмели бы прийти сюда, если бы все было столь очевидно. И довожу до вашего сведения, сэр, что не намерена вступать в пререкания.

— Хотя даже не представляете себе, о чем идет речь,— молвил Хедрок так спокойно, как только мог.— Я сказал все необходимое, дабы доказать свою невиновность, когда открыл никому не известный здесь факт, и могу повторить: в возрасте шестнадцати лет вы одну ночь провели в постели с живой змеей.

— Вот-вот! — воскликнула императрица. Она задрожала от восторга.— Начинаются признания. Итак, вы предполагали, что придется защищаться, и приготовили неотразимую реплику.

Хедрок пожал плечами:

— Против меня что-то готовилось. В течение последней недели мою квартиру обыскивали каждый день. Меня принуждали выслушивать скучнейшие монологи увешанных орденами болванов из Военного министерства. Я оказался бы круглым дураком, если бы не просчитал все возможные варианты.

— Никак не возьму в толк,— вступил в разговор один молодой человек,— при чем тут змея? Каким образом ваша осведомленность о ней доказывает вашу невиновность?

— Не будьте таким ослом, Мэддерн,— заметил принц дель Куртин.— Все очень просто. Торговый Дом оружейников знал интимные подробности жизни дворца Иннельды задолго до того, как здесь появился Хедрок. То есть система шпионажа существует давно и более опасна, более изощренна, чем мы предполагали раньше. Следовательно, обвинение против капитана Хедрока состоит в том, что он, видимо, по беспечности не рассказал нам о ней своевременно.

В голове Хедрока вертелось: еще не пора, еще не пора. Очень скоро и весьма неожиданно может случиться нечто непредви-

денное, и тогда он должен будет действовать быстро, решительно, точно определив время удара. Вслух он произнес ровным голосом:

— О чем вы беспокоитесь? За последние триста лет у Торгового Дома оружейников не было ни малейшего намерения свергнуть имперское правительство. Я знаю абсолютно точно, что луч-информатор используется с огромной осторожностью. Он никогда не применялся ночью, за исключением того случая, когда ее величество приказала изъять из зоопарка змею. Две женщины-ученые, в ведении которых находится приемная установка, продолжали наблюдение из собственного любопытства. Конечно, такой неординарный эпизод был занесен в досье. Может быть, вам небезинтересно узнать, ваше величество, что по этому поводу было написано два психологических сочинения, в том числе нашим величайшим роботом Эдвардом Гонишем.

Краем глаза Хедрок видел, как стройное, гибкое тело женщины подалось вперед, губы чуть приоткрылись, глаза распахнулись с неподдельным интересом.

— Что же он там насочинял про меня? — произнесла она очень тихо. Казалось, она вкладывает в слова все свое существо. Потрясенный Хедрок понял, что его час наступил. Вот теперь, подумал он, *теперь!*

Его била дрожь. Он ничего не мог поделать с собой, впрочем, ему было все равно. Приговоренный к смерти, конечно, должен испытывать сильное волнение, в противном случае он не человек и недостоин сострадания. Его голос, перекрыв шум разговоров за дальними столами, звучал неистово и страстно. Правда, в этом не было особой нужды — женщина и без того впилась в него широко открытыми глазами. Полуребенок, полугений, она всем своим сильно чувствующим, эмоциональным существом жаждала чего-то необыкновенного.

— Должно быть, все мы безумны,— проговорил Хедрок.— Вы постоянно недооцениваете Торговый Дом оружейников и их бурно развивающиеся научные исследования. Мысль, будто я прибыл сюда как шпион, будто интересуюсь какой-то пустяковой тайной правительства, совершенно абсурдна. Мое присутствие имеет одну лишь цель, и императрица прекрасно осведомлена о ней. Если ее величество покончит со мной, она умышленно убьет в себе то хорошее, то выдающееся, что в ней есть. Хотя, насколько могу судить, представители рода Айшеров в самый последний момент избегали самоубийственных действий.

Нахмурившись, императрица приняла обычную позу, откинувшись в кресле.

— То, что вы сказали о своей цели, свидетельствует лишь о вашей ловкости,— заметила она.

Хедрока прервали, но не смутили, он не собирался уступать инициативу.

— Очевидно, вы забыли историю,— с жаром продолжал он,—

или утратили реальный взгляд на вещи. Оружейные заводы были основаны несколько тысячелетий назад человеком, считавшим, что бесконечная борьба разных группировок за власть — безумие и что гражданские войны, как и все другие, должны быть навсегда прекращены. В те годы только-только отгремела война, в которой погибло более миллиарда человек. И он, первооснователь заводов, обрел тысячи сторонников, решивших идти с ним до конца. Его идея была проста: никакое действующее правительство не будет свергнуто. Но вместе с тем учреждается организация, единственная цель которой — дать гарантии, что правительство никогда не станет обладать всей полнотой власти над своим народом.

Хедрок перевел дух:

— Всякий человек, считавший себя несправедливо обиженным, получил полное моральное право покупать оружие для самозащиты. Это стало возможным, когда изобрели электронную и атомную систему контроля, позволившую возвести неподдающиеся разрушению заводы и производить исключительно оборонительное оружие. Гангстеры и прочие преступники уже не могли им воспользоваться для нападения.

Сначала люди думали, что Торговый Дом оружейников представляет собой нечто вроде завуалированной антиправительственной организации, которая станет защищать их интересы. Но время шло, а Торговый Дом не вмешивался в дела Айшеров. Защищать собственную жизнь и достоинство было делом каждого человека или группы лиц. Предполагалось, что люди сами научатся постоять за себя, а власть имущие, обычно стремящиеся закабалить их, будут вынуждены сознательно сдерживать эти свои порывы. И таким образом между теми и другими возникнет более или менее устойчивое равновесие.

Однако оказалось необходимым предпринять еще один шаг, на сей раз для защиты не от правительства, а от не в меру алчного частного предпринимательства. Пути развития цивилизации настолько усложнились, что простые смертные не могли противостоять агрессивным бизнесменам, пускавшимся во все тяжкие ради сверхприбылей.

Хедрок заметил, как встревожилась императрица. Ее нельзя было заподозрить в любви к Торговому Дому оружейников, да он и не собирался изменить ее отношение к ним. Его цель состояла в том, чтобы довести до сознания окружающих абсурдность ее подозрений. И он перешел к главному.

— Во дворце не совсем ясно представляют, что Торговый Дом оружейников в силу своих потрясающих научных достижений могущественнее правительства. Конечно, оружейники понимают, что народ может не поддержать их, если они, пренебрегая здравым смыслом, свергнут императрицу и тем самым подорвут стабильность отношений — основу сосуществования. *Тем не менее их превосходство несомненно.* Уже по одному этому

обвинения императрицы в мой адрес беспочвенны, и их мотивы, как видно, совершенно иные.

Хедрок почувствовал, что драматизм нарастает, и замолчал. Главное он сказал, атмосферу накалил, теперь требовалась разрядка, и они ее получат, только в несколько неожиданном виде.

— Чтобы вы уяснили всю значительность научных достижений оружейников, хочу сообщить, что Торговый Дом обладает удивительно тонким аппаратом, который может предсказать кончину человека. Шесть месяцев назад, незадолго до прибытия во дворец, ради собственной забавы я получил сведения о том, когда умрет каждый член имперского кабинета и многие здесь присутствующие.

Теперь они были у него в руках. Сидели как завороженные, впившись в него лихорадочными глазами. Но он не позволил себе упустить инициативу. С усилием поклонился чуть побледневшей правительнице и торопливо продолжил:

— Счастлив объявить, ваше величество, что вам предстоит долгая, неизменно благополучная жизнь. К сожалению,— в его голосе послышались печальные нотки,— здесь присутствует джентльмен, которому судьба предопределила умереть сегодня... и даже в этот час.

Он не стал упиваться произведенным эффектом. Нельзя было терять ни секунды. Того и гляди, его обман откроется и все пойдет прахом.

— Генерал Грэлл! — громко сказал он, повернувшись к столу, за которым сидели военные.

— При чем тут я? — с опаской спросил генерал, которого обязали исполнить приговор.

Хедрок успел отметить, что в зале установилась томительная тишина. Сознавая, что все внимание сосредоточилось на нем, Хедрок набрал полные легкие воздуха, напряг диафрагму и звонко выкрикнул:

— Генерал Грэлл, если вам суждено умереть, то от чего бы это? Вы больны?

Человек с массивным подбородком медленно встал из-за стола.

— Я чувствую себя прекрасно,— прорычал он.— О чем речь, черт бы вас побрал!

— Сердце не беспокоит? — настаивал Хедрок.

— Нисколько.

Хедрок отбросил кресло и вскочил на ноги. Он пошел ва-банк, и любая ошибка стоила бы ему слишком дорого.

Резким движением он вскинул руку и неучтиво наставил на генерала палец.

— Вы генерал Листер Грэлл, не правда ли?

— Вот именно, капитан Хедрок. Но я крайне возмущен вашей выходкой...

— Генерал,— оборвал его Хедрок,— а я с крайним сожалением должен сообщить, что, по имеющимся данным, сегодня,

ровно в 13.15, вы умрете от сердечной недостаточности. Вот в эту минуту, в эту секунду!..

Тут уж медлить было нельзя. Хедрок согнул палец с перстнем, и у него возникло ощущение, как будто в той руке, что указывала на генерала, невесть откуда возник пистолет, конечно, невидимый со стороны.

Это было не массовое изделие, продающееся в обычном магазине, а скорее творение волшебника — специальный анлимитед — оружие безотказное, не требующее перезарядки. Его никто не держал в руках, оно никогда не демонстрировалось на выставках и было рассчитано на применение в сугубо экстремальных ситуациях. Будучи нацелено на пульсирующую ткань, недоступное человеческому глазу, оно прерывало пульсацию.

Что и произошло — мышцы сердца генерала Грэлла, словно зажатые в тиски, были парализованы.

Хедрок разжал руку. Пистолет дематериализовался.

Что тут началось! Все всполошились, началась общая паника. Хедрок подошел к императрице и склонился перед ней. Она выглядела абсолютно, даже как бы сверхъестественно спокойной, и Хедрок не мог подавить в себе волну восхищения. Она могла быть эмоциональной женщиной, но в критические моменты, когда требовалось принять жизненно важные решения, проявляла необычайную твердость характера, унаследованную от Айшеров. Он заглянул в невозмутимую зелень ее глаз, вдруг вспыхнувших, как ему показалось, изумрудными огоньками, и преисполнился надеждой на ее совершеннейшее здравомыслие.

— Наверное, вы сами понимаете,— сказала она,— что косвенно во всем признались, убрав генерала Грэлла.

Он не стал ничего отрицать пред ликом божественного существа, в которое она превратилась в эти мгновения, показавшиеся ему столь долгими.

— Мне сообщили о смертном приговоре,— вымолвил он,— и о том, кто приведет его в исполнение.

— Значит, вы признаетесь?

— Я соглашусь со всем, что бы вы ни сказали, коль скоро вы осознаете, что я стою на страже ваших интересов.

Она взглянула на него с недоверием.

— Человек, выступающий с позиций Торгового Дома оружейников — организации, постоянно борющейся против меня, говорит о моих интересах?

— Я не являюсь,— тщательно подбирал слова Хедрок,— никогда не был и никогда не буду человеком, выступающим с позиций Торгового Дома оружейников.

На лице ее выразилось удивление.

— Я почти верю этому,— кивнула она.— В вас есть что-то странное — я должна понять, что именно...

— Я когда-нибудь вам расскажу. Обещаю.

— А вы, кажется, уверены в том, что я не отдам приказа о вашем повешении какому-нибудь другому офицеру.

— Я уже говорил: Айшеры не доводят себя до самоубийства.

— Вы все о том же... Какое невероятное самомнение! Ну да бог с вами. Дарую вам жизнь, но в данный момент вы должны покинуть дворец. Вам не удалось убедить меня, будто всемогущий луч-информатор все еще действует.

— Неужели?

— Когда мне было шестнадцать лет, возможно, у вас имелось такое средство шпионажа и вы подглядывали за нашей жизнью, но сейчас весь дворец огражден защитными экранами. Через них проникают только волны двусторонней связи. Другими словами, должно быть передающее устройство внутри и приемное устройство снаружи.

— Вы очень умны,— ответил Хедрок.

— Что же касается возможности заглядывать в будущее,— продолжала императрица,— да будет вам известно, о путешествии во времени вне всяких пределов мы знаем столько же, сколько Торговый Дом оружейников. Перемещение туда и обратно ни для кого не секрет, хотя оно и не приводит ни к чему хорошему. Ну да ладно. Я хочу, чтобы вы покинули нас на два месяца. Возможно, я вызову вас раньше. Кстати, передадите Высшему Совету Торгового Дома следующее сообщение: то, что я делаю, не представляет никакой опасности для оружейников. Клянусь честью!

Хедрок долго не спускал с нее глаз. Наконец мягко сказал:

— Я представлю подробнейшее сообщение. Не имею ни малейшего понятия о том, что вы делаете сейчас или собираетесь делать в дальнейшем, но одна ваша черта привлекла мое внимание. В крупных шагах политического или экономического плана, которые мне довелось наблюдать за последнее время, вы придерживались консервативных установок. Откажитесь от них. Грядут перемены. Пусть они наступают. Не противодействуйте, а направляйте их, руководите ими. Поднимите еще выше престиж знаменитого рода Айшеров.

— Благодарю за совет,— произнесла она сухо.

Хедрок поклонился.

— Буду с нетерпением ждать весточки через два месяца,— сказал он.— До свидания.

Гул возобновившихся разговоров нарастал за спиной, когда Хедрок дошел до богато украшенных дверей в дальнем конце зала. В коридоре, где его никто уже не видел, убыстрил шаг. Вошел в лифт, нажал кнопку с обозначением «крыша». Подъем был долгий, и он занервничал. В любую минуту, *в любую секунду* настроение императрицы могло измениться.

Лифт остановился, створки раскрылись. Он вышел и только тогда увидел большую группу мужчин. Они двинулись навстречу двумя шеренгами, охватывая его справа и слева. Они были в

штатском, хотя не составляло труда определить в них полицейских.

В следующее мгновение один из них сказал:

— Капитан Хедрок, вы арестованы.

3

Хедрок стоял на крыше дворца в окружении двух десятков людей и недоумевал, как это он, баловень судьбы, которому всегда сопутствовала удача, угодил в ловушку. Оказать сопротивление? Слишком уж много тут молодцов, пожалуй, сумеют пресечь любые его поползновения. Но и сдаваться он не намерен. Императрица, отдавая приказ о его задержании, *должна была* понимать: в подобной ситуации у него нет другого выхода, кроме как пойти на крайние меры, используя все имеющиеся средства защиты. Пора состязания умов, уязвленного самолюбия и реверансов миновала!

— Что вам нужно?! — взорвал тишину его громовой голос.

В былые годы не раз бывали случаи, когда густой баритон Хедрока, при всей мощи походивший на оглушительный рев, парализовал волю людей гораздо более солидных, чем те, что стояли вокруг него на крыше. Увы, сейчас этого не произошло.

Хедрок смутился. Выходит, зря напряг мышцы, готовясь пронестись сквозь строй остолбеневших простофиль, дабы преодолеть какие-нибудь двадцать пять футов. Ему мучительно было видеть почти рядом серебристый автоплан, еще мгновение назад казавшийся столь достижимым. Пробираться силой? С одним пистолетом против двадцати? Конечно, его анлимитед не чета тем, что продаются в оружейных магазинах. С восемью человеками в полукруге он быстро справился бы, а с остальными? К тому же, вероятно, запасшимися бластерами — оружием тоже нешуточным...

Крепко сбитый молодой человек, тот самый, что произнес: «Вы арестованы», прервал невеселые думы Хедрока:

— Не предпринимайте опрометчивых действий, мистер оружейник Джоунз,— отчеканил он.— Советую держаться спокойно!

— Джоунз!..— невольно повторил Хедрок. Когда неожиданное изумление прошло, он почувствовал себя значительно увереннее. Казалось, совершилось невозможное — появился шанс на спасение. Он быстро овладел собой и оценивающе, но без тревоги обвел взглядом стоявших поодаль стражников, которые совершенно безучастно наблюдали за происходящим: на их лицах не было ни тени подозрения. Хедрок вздохнул с облегчением и сказал:

— Я подчиняюсь.

Люди в штатском взяли его в кольцо и повели к автоплану. Едва они вошли в салон, аппарат взмыл в небо. Хедрок опустился в кресло рядом с молодым человеком, назвавшим пароль, но заговорить смог не сразу.

— Очень смело сработано,— сказал он дружелюбно,— дерзко и эффектно. Хотя, признаюсь, вы заставили меня поволноваться.

Хедрок засмеялся, восстановив в памяти недавний инцидент на крыше дворца, хотел еще что-то сказать, но осекся — молодой человек, сидевший рядом, никак не реагировал на его слова, даже не улыбнулся. Несколько странно с его стороны, подумал Хедрок, заподозрив неладное.

— Простите, как вас зовут? — спросил он у молодого человека.

— Пелди,— отрывисто вымолвил тот.

— Кому пришло в голову снарядить вас?

— Члену совета Питеру Кадрону.

— Понятно,— кивнул Хедрок.— Кадрон подумал, что мне придется с боем пробиваться на крышу и, если я до нее доберусь, понадобится помощь.

— Не сомневаюсь,— произнес Пелди,— что это в какой-то степени оправдывало наше появление.

Слишком уж сдержанным тоном говорил этот молодой человек. Холодок, исходивший от него, все больше настораживал Хедрока. Он мрачно глянул сквозь прозрачный пол на проносящийся внизу городской пейзаж. Автоплан на хорошей скорости летел над Империал-Сити. Хедрок почувствовал вдруг всю тяжесть бремени, взваленной им на себя: он задался целью, в достижении которой отнюдь не был уверен. Да тут еще тайна его бессмертия — о чем никто не должен был знать... Ну ладно, а что ему предстоит в ближайшем будущем?

— Куда же вы намерены меня доставить? — поинтересовался он.

— В отель,— буркнул Пелди.

Отель «Ройал Ганил» служил штаб-квартирой Торгового Дома оружейников. Выходит, мелькнуло в голове Хедрока, затевается нечто достаточно серьезное.

Отелю «Ройал Ганил» скоро будет двести лет. И стоил он, если не изменяет память, семьсот пятьдесят миллиардов. Массивный фундамент огромного здания располагается на площади почти четырех городских кварталов. Стены пирамиды устремлялись вверх ступенчатыми ярусами, и с каждого по законам архитектуры того времени низвергались водопады. На высоте тысячи двухсот футов здание венчалось садом правильной формы со сторонами по восемьсот футов. Благодаря искусному дизайну, создававшему оптический обман, строгий квадрат как бы терял свои границы.

Хедрок построил это здание в память о выдающейся женщине-императрице из того же рода Айшеров, причем в каждой комнате предусмотрел трансмиттерную установку, которая в нужный момент позволяла ему исчезнуть, переместившись в пространстве.

В активное действие установка приводилась одним из перстней,

к несчастью, оставшимся во дворце. Отчаяние охватило Хедрока, когда он шел в сопровождении своего эскорта к ближайшему лифту. Впрочем, во дворце он поступил вполне благоразумно, решив надеть только перстень-пистолет, дабы никто не заподозрил, что у оружейников есть и другие выдающиеся изобретения. Правда, в тайниках, разбросанных по всему отелю, находились запасные перстни, но было весьма сомнительно, что ему удастся улучить минутку и, отойдя в сторону от бдительных стражников, заручиться новым перстнем.

Лифт остановился, прервав размышления Хедрока. В неотступном окружении хмурых лиц он очутился в широком коридоре перед дверью со светящейся надписью:

КОРПОРАЦИЯ «МЕТЕОР»
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Насколько знал Хедрок, вывеска соответствовала действительности лишь наполовину. Гигантская корпорация в самом деле занималась добычей и обработкой металла, но была законспирированной дочерней компанией Торгового Дома оружейников, который, не вмешиваясь в ее чисто производственную деятельность, с немалой пользой для себя обделывал собственные весьма разносторонние дела и делишки под прикрытием вывески самой корпорации и ее многочисленных отделений, разбросанных по всему свету.

Хедрока препроводили в первое помещение — кабинет огромных размеров. Вскоре массивная дверь в противоположной стене отворилась и из нее вышел высокий весьма приятный мужчина средних лет. Они знали друг друга. Однако тот, хотя и улыбнулся дружелюбно, не слишком спешил навстречу.

— Ну, мистер Хедрок,— сказал он,— как поживает императрица?

Улыбка на лице Хедрока получилась натянутой. Его несколько насторожило поведение великого биоробота.

— Счастлив сообщить, мистер Гониш, что она пребывает в добром здравии.

Эдвард Гониш заразительно рассмеялся.

— Боюсь,— вымолвил он,— подобная новость привела бы в уныние очень многих людей. Кстати, в последнее время Высший Совет пытается проникнуть в тайну императрицы, используя мою интуицию. Я анализирую досье на известных и потенциально великих людей. Сведения слишком скудные, гораздо меньше тех десяти процентов, которые мне необходимы. Пока дошел до буквы «М» и могу дать лишь предварительное заключение. Если императрица скрывает изобретение, то, наверное, оно относится к полету во Вселенную. Впрочем, мои выводы основаны не только на интуиции.

Хедрок нахмурился.

— Полет во Вселенную! Она была бы против...— Он замолчал, затем воскликнул: — А ведь вы правы! И кто же изобретатель?

Гониш снова засмеялся:

— Не торопитесь. Я еще не все проверил. Но если вам интересно, мое внимание привлек ученый по имени Дерд Кершоу.

Однако тут выражение его глаз изменилось. Он взглянул на Хедрока с явным подозрением. Наконец спросил с тревогой в голосе:

— Черт возьми, Хедрок, в чем дело? Что вы натворили?

Неожиданно Пелди, офицер тайной полиции, шагнул вперед:

— Право, мистер Гониш, арестованный не должен...

— Не забывайтесь! — оборвал, словно отбрил его, тот.— Отойдите в сторону и не прислушивайтесь. Мне нужно поговорить с мистером Хедроком наедине.

Пелди покорно склонил голову:

— Прошу прощения, сэр. Виноват.

Он отступил к двери и жестом подозвал своих людей, оставив собеседников один на один.

Итак, этот Пелди снова назвал его арестованным. Конечно, Хедрок догадывался о худшем, но гнал от себя мрачные мысли, стараясь думать, что находится лишь под подозрением. Если ни в чем не признаваться, льстился он надеждой, члены Высшего Совета вряд ли будут настаивать на широком разбирательстве.

— Я предложил, чтобы дело передали мне,— вновь заговорил Гониш.— У меня ведь свои методы. Но они и слушать не пожелали. Плохой признак, на мой взгляд. А вы как полагаете?

— Я знаю лишь одно,— сказал Хедрок,— их взволновала решимость императрицы меня повесить. Они снарядили спасательный отряд и выкрали меня из дворца, но... подвергли аресту. Попал из огня да в полымя.

Гониш стоял в задумчивости.

— Если бы вы каким-нибудь образом отделались от них,— сказал он.— Меня не посвятили в обстоятельства дела и, конечно, не снабдили сведениями об индивидуальной психологии членов Совета, поэтому было бы неразумно полагаться на мою интуицию. Но если бы вам удалось настоять на судебном разбирательстве со слушанием сторон, это была бы частичная победа. Высокомерия членам Совета не занимать, так что не следует беспрекословно подчиняться их решениям, как будто исходящим от самого господа бога.

Гониш, нахмурив брови, двинулся к двери, а Пелди тем временем подошел к Хедроку.

— Сюда, сэр,— сказал молодой человек.— Члены Совета примут вас незамедлительно.

— Вот как...— произнес Хедрок. От теплого чувства, вызванного дружеским вниманием Гониша, не осталось и следа,— Не хотите ли сказать, что Совет заседает в соседнем зале?

Ответа не последовало, да Хедрок и не слишком рассчитывал на него. Прямой, весь подобравшийся, он последовал за офицером тайной полиции и переступил порог. Дверь плотно затворилась.

Члены Совета, восседавшие за v-образным столом, устремили на него любопытные взгляды. Странная вещь — если бы два года назад он не отказался баллотироваться в Высший Совет, тоже сидел бы здесь, среди людей разного возраста и способностей, начиная от тридцатилетнего Ансила Неера, блестящего администратора, и до седовласого Бейда Робертса. Впрочем, не все лица были ему знакомы — уж слишком их много. Хедрок начал считать присутствующих, думая о словах Гониша: «Добивайтесь судебного разбирательства!» — что означало: сбейте с них спесь. Хедрок закончил подсчет, и ему стало как-то неуютно. Тридцать! Высший Совет в полном составе! Что же такое они пронюхали, раз собрались все вместе? Он представил себе этих руководителей высокого ранга в их штаб-квартирах, на этой планете, на спутниках, на Марсе или Венере. И где бы они ни находились, они *везде* прошли через свои вибротрансформаторы и в ту же секунду оказались здесь.

Ради него. И так неожиданно. Более чем странно и весьма тревожно. Хедрок, ощущая себя человеком неординарным, современником двух-трех поколений сидящих перед ним людей, а также и многих других, которые жили и умирали, жили и умирали, умирали, умирали на его глазах, расправил плечи и спросил громовым, раскатистым голосом:

— В чем же меня обвиняют? — Он вложил в эти слова всю незаурядную силу своих тренированных легких, полагаясь на огромный опыт общения с представителями всех сословий и человеческих рас.

Члены Совета за стоящим на некотором возвышении столом, освещенным светом, зашевелились, заерзали, в недоумении поглядывая друг на друга. Наконец Питер Кадрон тяжело поднялся на ноги.

— Меня попросили выступить от имени Совета,— сказал он,— поскольку я выдвинул обвинения против вас.— Он посмотрел на коллег и мрачно продолжал: — Уверен, теперь всем вам абсолютно ясно, что из себя представляет мистер Хедрок. Прямо удивительно, как лихо он продемонстрировал сейчас некоторые свои свойства, до сих пор тщательно скрываемые, и тем самым подтвердил наши догадки.

— Да уж,— поддакнул Дим Лили, администратор с грубыми чертами лица.— Прежде Хедрок казался мне человеком сдержанным и мягким в обращении. А тут вдруг, когда его приперли к стене, мечет громы и молнии.

— Вот именно,— добавил молодой Ансил Неер.— Мы коечто выяснили и очень хотели бы получить исчерпывающие объяснения.

Хедрок поморщился и на минуту смешался. В его планы отнюдь не входило, чтобы его поведение истолковали столь превратно и пришли к выводу, будто он совсем не тот, за кого себя выдает.

— Так в чем же меня обвиняют? — вновь спросил Хедрок высокомерно.

Все молчали. Наконец Питер Кадрон сказал:

— Когда будет нужно, вы узнаете. Но сначала, мистер Хедрок, где вы родились?

Ах вот в чем дело...

Он не испугался. Скорее, ему стало немного грустно и даже забавно при мысли, что наступил-таки час расплаты. Возможно, он в чем-то допустил промашку.

— У вас есть все мои данные,— наконец вымолвил он.— Я родился в Централии, Штат Мидл Лейксайд.

— Что-то вы помедлили с ответом,— придрался один из членов Совета.

— Я пытался сообразить,— невозмутимо пояснил Хедрок,— что стоит за этим вопросом.

— Как звали вашу мать? — спросил Кадрон.

Хедрок в удивлении остановил взгляд на лице вопрошающего: уж не думают ли члены Совета, что такой простой вопрос приведет его в замешательство?

— Делмира Марлтер,— ответил он.

— У нее было еще трое детей?

Хедрок кивнул:

— Два моих брата и сестра умерли в юношеском возрасте.

— А ваши отец и мать?

— Отец скончался восемь лет назад, мать — шесть.

Поразительно, как трудно было ему вымолвить последнюю фразу. Он буквально выдавил из себя эти печальные сведения о двух пожилых людях, которых никогда в глаза не видел, но о которых разузнал почти все.

— Итак, джентльмены,— с нотками удовлетворения в голосе произнес Кадрон, обводя взглядом членов Совета,— вырисовывается следующая картина: человек, чьи родители и все близкие родственники умерли, поступает на службу в Торговый Дом оружейников, пройдя обычную процедуру оформления. Затем, благодаря своим необыкновенным, как утверждают, способностям, быстро продвигается по служебной лестнице и занимает весьма высокое положение, то есть пользуется нашим большим доверием. А мы между тем даже не предполагаем, как много он о себе скрывает. Вскоре он убеждает Высший Совет пойти на авантюру. Мы соглашаемся, поскольку встревожены поведением императрицы — не замышляет ли она чего-то против нас,— и решаем понаблюдать за ней более пристально. Теперь мы подходим к вопросу, требующему вдумчивого анализа. Не кажется ли вам странным, что из десятков тысяч способных мужчин, какими

располагает наша организация, мы выбираем того единственного, кто вопреки логике в течение долгих шести месяцев пребывает в обществе императрицы Иннельды, вызывая к себе ее интерес?..

— И кого она только что отлучила от своей особы,— язвительно вставил Хедрок.— Вы ведь не поинтересовались, но *именно это* явилось причиной сегодняшней суматохи во дворце. К вашему сведению, меня изгнали на два месяца.

Питер Кадрон вежливо поклонился ему и обратился к членам Совета, молча сидевшим за столом:

— Будьте внимательны — сейчас я задам мистеру Хедроку вопрос по поводу его образования.— Серые глаза Кадрона сверкнули.— Итак? — спросил он.

— Моя мать преподавала в университете,— сказал Хедрок.— Она учила меня частным образом. Вы ведь знаете, что все богатые люди делали так в течение столетий. Конечно, мне приходилось периодически сдавать экзамены. Вы можете проверить: к заявлению о принятии в организацию приложены мои экзаменационные ведомости.

Кадрон мрачно улыбнулся.

— Все члены семьи значатся на бумаге, как и сведения об образовании, кроме документальных, нет никаких иных подтверждений.

Плохо дело. Настолько плохо, что Хедрок не стал даже искать сочувствия в суровых лицах членов Совета. Случилось то, что раньше или позже должно было случиться. Неизбежно. Ибо альтернативного выхода из его ситуации не существовало. Довериться какому-нибудь милому человеку, который в критический момент подтвердил бы подлинность его личности, чревато полным провалом. У людей всегда можно выведать правду, как бы дружески они ни были к тебе расположены, сколько бы ты им ни платил. А составленный по всем правилам документ вряд ли у кого-нибудь вызовет подозрение. Хедрок гнал от себя мысль, будто Совет близок к раскрытию его тайны.

— Послушайте,— сказал он.— Чего вы добиваетесь? Если я не Роберт Хедрок, то кто же?

Выражение мрачного удовлетворения не сходило с лица Кадрона.

— Именно это мы и пытаемся выяснить,— резко произнес он.— Однако еще один вопрос. После того как родители вступили в брак, ваша мать уже не поддерживала отношений со своими университетскими друзьями, с бывшими коллегами?

Хедрок прикидывал, как лучше ответить, пристально глядя в глаза собеседнику.

— Все стыкуется, не так ли, мистер Кадрон? — наконец произнес он глухим голосом.— Но вы правы. Жилье мы снимали. Отец по работе часто, каждые несколько месяцев, переезжал с места на место. Вряд ли вы найдете кого-нибудь, кто вспомнит

моих родителей или меня. Мы действительно жили очень уединенно.

Он сам себе вынес обвинительный вердикт. И хотя это был искусный психологический ход, в его основе лежал чистый вымысел.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы заслушивать свидетельские показания. Торговый Дом оружейников не проводит судебных расследований в прямом смысле слова, но приговоры выносит. При этом единственным критерием всегда является не доказательство вины, а сомнение в невиновности. Если бы вы занимали в нашей организации менее высокое положение, наказание было бы не столь значительным. Вас просто освободили бы от должности, предварительно стерев в вашей памяти служебные тайны. Но беда в том, что вы слишком много знаете, и наказание должно быть суровое. Сами понимаете, в нашем положении *нельзя* поступать иначе. К счастью, мы основываемся не только на подозрениях, поэтому наша совесть чиста... Может быть, хотите что-нибудь добавить?

— Нет,— отрезал Хедрок.

Он не шелохнулся, стараясь трезво оценить ситуацию. Некогда в обстановке полной секретности он убедил руководство корпорации «Метеор» занять под конторы верхние этажи отеля «Ройал Ганил», поскольку ему казалось, что их конспиративная штаб-квартира будет там в большей безопасности, чем где бы то ни было. Одновременно, преследуя собственные интересы, изъял из их части здания все перстни-активаторы и вибрационные установки, столь необходимые ему сейчас. Если бы он проявил тогда бóльшую предусмотрительность, вон за той дальней панелью находился бы его перстень.

Между тем Питер Кадрон начал обвинительную речь:

— Естественно, прежде чем Совет пришел к решению, психологи быстро, но довольно тщательно проанализировали персональную карту Хедрока. И выявили экстраординарный факт.

Он замолчал, всматриваясь в лицо Хедрока, словно пытаясь что-то выведать по его выражению.

— Обнаружилось разночтение,— продолжал Кадрон,— между вашей действительной и потенциальной смелостью, отраженной в Рр-карте. Исходя из прежних данных, вы даже не задумались бы над тем, оставаться во дворце на чреватый опасностью обед или нет.

Кадрон снова умолк. Хедрок ждал, когда тот закончит. Пауза затягивалась, и Хедрок, обведя взглядом сидевших за столом людей, вздрогнул. Их лица не предвещали ничего хорошего. Сомнений не осталось: они его осудили.

Итак, специалисты сверились с его анамнезом, как сказали бы в старину. Что он знает о новых способах исследований и о сложнейшей аппаратуре? Изобретение было сделано не менее тысячи лет назад. Изначально аппарат был похож на анализа-

тор умственных способностей «Империал Ламбет». Затем он совершенствовался, расширялась сфера его применения, увеличивалась точность определения интеллекта, эмоциональной стабильности и прочих параметров. А ему этот аппарат был ни к чему — он и сам мог с пристрастием оценить свои умственные и психологические возможности. Во время периодических обследований он старался скоординировать уровень собственного развития и втиснуть его в ограниченные рамки того типажа, каким хотел бы предстать перед Торговым Домом оружейников.

Хедрок встрепенулся, словно загнанный конь перед стойлом,— у них же ни черта на него нет!

— Итак! — выпалил он столь резко, что у самого же зазвенело в ушах.— Итак, я на пять процентов смелее, чем следует. Какая чушь! Смелость зависит от обстоятельств. В определенной ситуации даже заяц становится львом.

Он уже не осознавал, как крепнет, наливается силой голос. Убежденность в собственной правоте наряду с глубокой тревогой за свою судьбу придавали его словам страстное звучание.

— В каких заоблачных высотах вы витаете? Оглянитесь вокруг! Посмотрите, что творится! — будто хлыстом хлестал он.— Происходит нечто чрезвычайное. Это не пустой каприз скучающей императрицы. Она вполне сложилась как личность в прямом смысле этого слова, если отбросить какие-то мелочи, и мы не имеем права забывать, что живем в пятом периоде правления Дома Айшеров. В любой час можно ожидать наступления событий огромной важности — у девятнадцати миллиардов подданных ее величества зреет недовольство. Состояние умов критическое, ситуация взрывоопасная. Расширение границ научного прогресса меняет общественные отношения. В глубинах хаотических людских масс зарождается кризис огромной силы, пятый в истории Айшеровской цивилизации. Активность, проявляемую императрицей на данном этапе, следует объяснить только тем, что ее изобретатели близки к небывалому прорыву в очень важной области. Императрица сказала, что вызовет меня через два месяца, а может быть, раньше. Наверное, *много раньше*. У меня сложилось впечатление, почти уверенность, что это произойдет через два дня. В крайнем случае — через две недели.

Он распалился. Кадрон попытался было что-то вставить, но Хедрок, не обращая на него внимания, с жаром продолжал. Его голос заполнял всю комнату.

— Весь наличный персонал Торгового Дома оружейников следует сосредоточить в Империал-Сити. Каждую улицу взять под наблюдение. Воздушный флот подтянуть поближе к городу. Все это уже должно быть задействовано. И что же я здесь застаю? — Он остановился, затем с сарказмом добавил: — Высший Совет тратит драгоценное время, обсуждая надуманную проблему — проявил ли отдельный человек смелость...

Он замолчал, с тоской сознавая, что никакого впечатления не произвел. Это было видно по непроницаемым, словно каменным, лицам. Тишину нарушил Питер Кадрон.

— Разница составляла не пять, как вы изволили заметить, а семьдесят пять процентов, и мы не могли не реагировать.

Хедрок вздохнул, признавая свое поражение, и почувствовал некоторое облегчение. Он с горечью понял почему. Раньше, несмотря на безвыходное положение, еще теплилась надежда. Теперь ее не стало. Вот он, кризис — результат научного прогресса, прогресса, который, как он думал, был под его контролем. Он ошибался.

— Уверяю вас, мистер Хедрок,— Кадрон продолжал говорить спокойно и искренне,— мы все удручены неожиданно свалившейся на нас обязанностью. Но обстоятельства выше нас. Посвящу вас в детали: когда психологи обнаружили отклонение, Рр-аппарат вычертил два церебральных графика. При наложении нового графика на предыдущий, полученный при вашем последнем обследовании, выявилось *семидесятипятипроцентное усилие каждой функции мозга.* Повторяю: *каждой функции,* а не какой-нибудь отдельно взятой. В результате получен истинный коэффициент вашего умственного развития, составляющий невероятную величину —278 баллов.

— Вы сказали: «Каждой функции»,— подколол Хедрок.— Полагаю, идеализм и альтруизм в их числе?

Некоторые члены Совета посмотрели на него в смущении.

— Мистер Хедрок,— ответил Кадрон,— человек, наделенный подобным альтруизмом, относился бы к Торговому Дому оружейников просто как к посреднику в большой игре. Мы не можем себе позволить никакого альтруизма... Но пойдем дальше. По правилам матричной алгебры... сложные конфигурации... график императрицы...

До сознания Хедрока доходили лишь отдельные термины — он углубился в собственные мысли. Как будто научные выкладки заворожили его — в тактически нужный момент он не прервал словоизвержения Кадрона. Хедрок был достаточно эрудирован, чтобы понимать: все эти графики мозговой деятельности, эмоций, выраженные математическими знаками, складывались в изящные конструкции и отображали скрытые человеческие побуждения. Он снова обратил внимание на Кадрона.

— Как я упомянул, проблема,— говорил тот,— заключалась в том, чтобы точно определить время прибытия во дворец спасательного отряда — не раньше и не позже. На основании вашей старой Рр-карты было выяснено, что вам не выбраться из дворца живым, если не возникнет некая неизвестная величина третьей степени. Эта посылка была тотчас отвергнута — наука не может принимать во внимание какое-то чудо. Поэтому во втором варианте за основу взяли час сорок пополудни с возможным допуском плюс — минус четыре минуты. Посадка была совер-

шена в час тридцать пять. Две минуты ушло на проверку фальшивых удостоверений личности. В час тридцать девять вы вышли из лифта. Полагаю мои доводы убедительны.

Какая-то чушь! Оказывается за эти годы, пока он жил и строил планы, скрупулезно закладывая основу для их осуществления, право распоряжаться его судьбой перешло к Рр-аппарату, возможно, самому выдающемуся из всех изобретений человеческого разума. Хедрок пребывал будто в тумане и поэтому не сразу понял, что Кадрон уже сел, уступив место другому члену Совета.

— Принимая во внимание тот факт,— говорил маленький седовласый человечек,— что это преступление не укладывается в обычные рамки, а также учитывая прежние заслуги, вы, мистер Хедрок, вправе знать следующее: мы относимся со всей серьезностью к тайной деятельности императрицы. К вашему сведению, молодой человек, здешний штат увеличен в пять раз. Вероятно, вы волновались и не заметили, что лифт с места посадки шел вниз гораздо дольше, чем обычно. Мы заняли еще семь этажей отеля, и наша организация находится в *постоянной* готовности. К огромному сожалению, несмотря на ваш страстный призыв, я вынужден согласиться с мистером Кадроном. Торговый Дом оружейников является тем, чем он является, и должен реагировать быстро и сурово на случаи, подобные вашему. Я поддерживаю решение: смерть — единственно возможный приговор.

За столом кивали головами.

— Да!

— Смерть.

— Немедленно...

— Погодите-ка! — голос Хедрока перекрыл общий шум.— Вы сказали, что заняли дополнительно несколько нижних этажей. Значит, мы не в той части отеля, где раньше располагалась корпорация «Метеор»?

Члены Совета в недоумении уставились на Хедрока, а он, не ожидая ответа, устремился к покрытой орнаментом панели на темной полированной стене справа от него. Все оказалось гораздо проще, чем рисовало себе его сумасбродное воображение. Никто не остановил Хедрока возгласом, никто не вытащил пистолет. Достигнув заветной панели, он приложил к ней четыре пальца, придал им правильное положение и... на его указательный палец из укромного паза выскользнул перстень. Точно рассчитанным движением он направил бледно-зеленый лучик на вибрационную установку и шагнул в трансмиттер.

Хедрок очутился в знакомом помещении на расстоянии двух с половиной тысяч миль от Империал-Сити и не стал тратить время на излишний осмотр. В подвале со сводчатым по-

толком привычно поблескивала аппаратура и мягко урчали работающие машины. Он подошел к выключателю на стене и нажал на него, приведя в действие колоссальный сгусток энергии.

Вот и все, подумал Хедрок, живо представив себе, как в отеле «Ройал Ганил» все перстни и виброустановки самоликвидируются, бесследно исчезают. Они свое сделали, послужив ему верой и правдой. Что же касается Торгового Дома оружейников, то Хедрок горел желанием как можно скорее от него избавиться.

Хедрок повернулся и направился к одной из дверей. Шагнул через порог и в тот же миг, осознав смертельную опасность, хотел отпрыгнуть назад. Слишком поздно: двадцатифутовое чудовище кинулось на него. Сокрушительный удар лап отбросил Хедрока к стене, он кувырком покатился вдоль нее. Голова кружилась, подташнивало, сознание меркло. Он пошевелился, сделав попытку подняться, и увидел приготовившуюся к новому броску гигантскую белую крысу — из оскаленной пасти торчали грозные клыки...

4

Весь подобравшись, Хедрок ждал. Затем взревел во весь свой голос, угрожающие отголоски которого прокатились по комнате. Крыса, жалобно взвизгнув, метнулась в сторону и забилась в дальний угол, сжавшись там в комок, и Хедрок подумал, что последний ее резкий бросок, как видно, отнял слишком много жизненных сил, очевидно, и без того бывших на исходе. Крыса медленно завалилась на бок. Ее стекленеющие глаза были устремлены на Хедрока, когда он, пошатываясь, шел к клеткам с животными. Там он надавил на клавишу датчика, отключив программу ускоренного роста и развития.

Вернувшись обратно, Хедрок взглянул на жалкое существо, заползшее под сломанный стул. От могучего чудовища осталась малая часть — тельце грязно-белого цвета длиной не более шести дюймов. Она была еще жива, эта очень старая на вид крыса, и слабо шевельнулась, когда он поднял ее и понес через виварий в находящуюся за ним лабораторию. Там Хедрок заложил ее в анализатор и ощутил теснение в груди. Собственно, это чувство жалости он испытывал не к несчастной крысе и не к какому-нибудь конкретному существу, а ко всем ныне живущим на земле. Как-то одиноко ему стало в мире, где люди и бессловесные твари, едва появившись на свет, промелькнут под ярким солнцем, словно мотыльки-поденки, и исчезнут без следа на веки вечные.

Хедрок отогнал эти мысли, решив проверить виварий. У крысиных семей, находящихся в разных клетках, все было в порядке. Они обзавелись новым потомством, судя по размерам молодняка,

родившимся после того, как механический процесс был прерван огромной крысой, вырвавшейся на свободу.

Он не стал чинить дыру в большом металлическом загоне, только вновь надавил на датчик, тем самым возобновив автоматическое течение процесса. Сам по себе этот процесс был очень прост. Хедрок начал свой эксперимент тысячу лет назад, когда поместил несколько пар — мужских и женских особей — в четыре специально сконструированных домика. Кормежка происходила через определенное время. Клетки чистились при помощи оригинального струйного насоса.

У природы своя автоматика — через определенные, весьма небольшие периоды появлялся молодняк, подрастал, прибавляя в весе, и приводил в действие чувствительный противовес, вмонтированный в пол клетки. Как только вес крыс достигал заданной величины, оказывая соответствующее давление на висящий в воздухе пол, открывалась маленькая дверка, и крыса раньше или позже попадала в узкий коридор. Дверка за ней закрывалась, причем никакие дверки из других домиков не могли открыться, пока коридор был занят. В конце коридора появлялась наживка, внутри которой был спрятан крошечный стимулятор роста, кстати, производства Торгового Дома оружейников. Крыса проглатывала наживу, тепло ее тела нагревало стимулятор, приходило в действие реле, которое открывало дверку в свободный загон сорока футов в ширину, длину и высоту. Пол коридора начинал раскачиваться, и крысе ничего не оставалось, как выбраться оттуда. Она проходила в дверку, та закрывалась и блокировала ей ход назад.

Достаток пищи в загоне активизировал рост, чему в немалой степени способствовал стимулятор. Крыса быстро прибавляла в весе и превращалась в двадцатифутовое чудовище, чьи физиологические процессы убыстрялись пропорционально увеличению размеров тела. При подобном ускорении жизни быстро наступала смерть. Труп охлаждался при минусовой температуре, пол загона наклонялся, замороженная крыса соскальзывала на ленту конвейера и транспортировалась в анализатор, а оттуда в специальную емкость, где распадалась под воздействием лучей.

Весь процесс повторялся снова и снова на протяжении многих столетий. При этом Хедрок преследовал грандиозную по значимости цель — добиться в преднамеренных опытах над животными того же, что в результате случайного облучения множителем — вибратором произошло с ним пятьдесят пять веков назад. Получить бессмертную крысу, а вместе с ней бесценный материал для дальнейшего использования. Ведь если он преуспеет в своих изысканиях, можно будет всех людей наградить бессмертием.

Информационная карточка крысы, чуть не убившей его, поступила в картотеку наряду с тремя другими карточками, особая ценность которых заключалась в регистрации функционирования

некоторых органов, продолжавшегося после смерти. Такие аномалии случались и раньше, и он тщательно исследовал их, не жалея времени. Судьба последней крысы особенно заинтересовала Хедрока, потому что она прожила девяносто пять лет. Не мудрено, что сумела выбраться на свободу. Продолжительность жизни — вот что отличало ее от сородичей, которые так же быстро набирали вес, приобретая гигантские размеры, но жили всего лишь несколько часов.

Экспериментатор подавил свое нетерпение — сейчас было не до научных занятий. Крыса подождет до лучших времен, он не уничтожит ее, а подвергнет консервации, как уже было с некоторыми другими. Прежде надо заняться жизненно более важным делом, которое могло повлиять на само существование человечества.

Предстояло многое успеть, прежде чем Высший Совет Торгового Дома дезавуирует его, лишив влияния в организации. Хедрок быстро переоделся в рабочий костюм и прошел через трансмиттер.

Он оказался в одной из своих конспиративных квартир в Империал-Сити и посмотрел на часы: с момента исчезновения из отеля «Ройал Ганил» минуло десять минут. Почему бы не действовать смело, если вполне резонно допустить, что многим тысячам служащих Торгового Дома пока ничего не известно о недавнем заседании Совета? Хедрок уселся перед телестатом и вызвал Информационный центр этой организации.

— Говорит Хедрок,— представился он.— Мне нужен адрес Дерда Кершоу.

— Хорошо, мистер Хедрок,— оператор ответила, как всегда, быстро и учтиво, без малейшего намека на то, что его имя предано анафеме.

Вскоре в аппарате послышался знакомый щелчок.

— Досье мистера Кершоу у меня,— сказала другая женщина.— Прислать его вам или прочитать необходимые данные?

— Подержите его перед экраном,— распорядился Хедрок.— Я скопирую то, что нужно.

Изображение листа из досье появилось на его телестате. Он записал последний адрес Кершоу —1874, Треллис Майнор Билдинг. Там же имелись сведения о прежних адресах Кершоу, его рождении, родителях и об образовании, которое он получил в детские и юношеские годы.

В правом нижнем углу стоял знак золотой звезды, который Торговый Дом оружейников присваивал за особые заслуги. Вместе с тем он означал, что ученые организации считают Дерда Кершоу одним из двух или трех выдающихся специалистов в области физики.

— Так,— сказал Хедрок,— следующую страницу, пожалуйста.

Металлическая пластинка такого же формата, как бумажный лист, хотя во много раз тоньше, исчезла, а затем появилась

вторая. Она начиналась с того, на чем заканчивалась первая. Среднее образование, обучение в колледже, черты характера, оценки интеллекта, первые успехи, наконец, список изобретений и научных открытий.

Хедрок не стал читать этот список: к деталям можно вернуться позже. Он услышал имя Кершоу от ноумена Эдварда Гониша, и это была удача — нужно брать быка за рога, и как можно скорее. Благодаря той случайной встрече он обладал информацией, на которую еще никто не обратил внимания. У него были основания так считать. Правда, Гониш со своей интуицией не дал окончательного ответа по поводу Кершоу и межзвездного путешествия. Но его слова заставили задуматься. Может быть, в запасе еще час или даже день, дабы найти ключ к разгадке, не опасаясь вмешательства Высшего Совета.

— Дайте последнюю страницу,— торопливо произнес он.

Страница появилась. Хедрок устремил взгляд на фамилии справа — список лиц, не так давно имевших доступ к досье. Кроме Эдварда Гониша там значился Дэн Нилан. Хедрок смотрел на вторую фамилию, прищурив глаза, а так как был взвинчен и настороженн, заметил то, что в спокойном состоянии наверняка пропустил бы. За фамилией Гониша стоял маленький штамп, означавший, что ноумен брал досье и затем вернул его. А после фамилии Нилана такого штампа не было.

— Когда Нилан пользовался досье и кто он такой? — спросил Хедрок.

— Мы еще не удовлетворили до конца требование мистера Нилана, сэр.— Голос девушки звучал спокойно.— Когда вы запросили досье, мы перевели его сюда из отдела. Подождите минутку, пожалуйста. Я соединяю вас с нужным оператором.

Она с кем-то разговаривала, но Хедрок не видел с кем и не слышал слов. Последовала пауза. Затем на экране появилось лицо другой девушки. Она кивнула, когда поняла, что хочет абонент.

— В данный момент мистер Нилан ожидает в оружейном магазине на Линвуд-авеню. Первый запрос касался его брата Джила Нилана, который исчез, кажется, год назад. Узнав, что последний адрес его брата совпадает с адресом Дерда Кершоу, он запросил сведения о Кершоу. Мы как раз их искали, когда вы вызвали нас, а ваш запрос пользуется приоритетом.

— Значит, Нилан все еще ждет в линвудском магазине? — поинтересовался Хедрок.

— Да.

— Придержите его там,— распорядился Хедрок,— пока я не доберусь до магазина. Мне понадобится пятнадцать минут, поскольку я не могу сейчас воспользоваться трансмиттером.

— Мы повременим с его запросом,— дала обещание девушка.

— Благодарю вас,— сказал Хедрок и отключил связь.

Поспешно, хотя и с некоторым сожалением, Хедрок снял свой рабочий костюм. Держа его в руках, прошел через трансмиттер в лабораторию, а затем вернулся обратно. Облачившись в обычный костюм, он направился на крышу своего многоквартирного дома, а там к ангару, где держал личный автоплан.

Он не пользовался им несколько лет, поэтому проверил мотор, приборы, рычаги управления, потеряв несколько драгоценных минут. В воздухе появилась возможность проанализировать ситуацию. Хедрока тревожило то, что пришлось снять костюм, который он называл рабочим. Но иного выхода не было. Свойства ткани комбинезона основывались на тех же энергетических принципах, что и стройматериал оружейных магазинов. Достаточно большой по объему, комбинезон мог нарушить энергетическую стабильность магазина, как, впрочем, и сам подвергнуться влиянию его энергии. Хотя основная опасность заключалась не в этом, а в воздействии на кожный покров человека. Энергетическое оружие, или тот же перстень, занимая малую площадь, состоянию здоровья повредить не могло. Кроме того, Хедрок вмонтировал в комбинезон собственные приспособления, неизвестные Торговому Дому оружейников, и не хотел, чтобы их обнаружили.

Ничто не настораживало его по мере приближения к Линвудавеню. Автоплан был снабжен чрезвычайно чувствительными приборами, которые засекли бы любой военный корабль, если бы тот завис высоко над городом в глубокой дымке. К тому же, по подсчетам Хедрока, для увеличения или уменьшения скорости космического корабля вблизи поверхности Земли требовалось пять минут.

Хедрок посадил автоплан около магазина и взглянул на часы. С тех пор как он прервал связь с Информационным центром, прошло тридцать три минуты, а с момента побега из зала заседаний Совета — три четверти часа. Сведения о нем наверняка распространились по огромной организации все дальше и дальше. Наступит время, когда они дойдут до служащих линвудского магазина. Это обязывало его действовать быстро. Тем не менее Хедрок вышел из автоплана и помедлил мгновение-другое, внимательно рассматривая фасад здания. На нем горели светящиеся буквы вывески:

ОРУЖИЕ ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА
ПРАВО ПОКУПАТЬ ОРУЖИЕ — ПРАВО БЫТЬ СВОБОДНЫМ

Казалось, стоит лишь двинуться в ее направлении, и она повернется к тебе лицом, как всякая манящая реклама подобного рода. Множество разноцветных вывесок — неотъемлемая принадлежность всех главных улиц, где люди буквально пьянеют от яркого света. В известной мере приятное чувство, словно ног под собой не ощущаешь. Впрочем, кто хочет этого избежать, может принять таблетку — своеобразное противоядие — и тут же прийти в себя.

Все было, как и раньше,— ничто не вызывало подозрения Хедрока. Цветы и зелень на лужайке перед входом дышали покоем. Надпись в витрине, хотя и меньшего размера, чем на фасаде, мало чем отличалась по содержанию:

САМОЕ СОВЕРШЕННОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ
ВО ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Хедрок знал: реклама соответствует действительности. Он смотрел широко раскрытыми глазами на подсвеченную витрину с револьверами и винтовками и, к собственному удивлению, поймал себя на мысли, что в последний раз заходил в оружейный магазин более ста лет назад. Если бы не это обстоятельство, интерес к магазину не был бы столь острым. Он вдруг ясно осознал, какая это замечательная организация — Торговый Дом оружейников с магазинами в десятках тысяч больших и малых городов необъятной империи Айшеров,— независимая, объявленная вне закона, но до сих пор не побежденная, в принципе бескорыстная оппозиция тирании. Было трудно поверить, но каждый оружейный магазин представлял собой неприступную крепость, хотя в прошлом правительство Айшеров неоднократно предпринимало самые серьезные попытки стереть организацию с лица земли.

Хедрок устремился к двери. Потянул за ручку, но дверь не открылась. Он в замешательстве опустил руку и только тут сообразил, в чем дело. Разборчивая дверь не поддалась, так как он не переставал думать об акции, предпринятой против него Советом Торгового Дома. Дверь реагировала на умонастроение очутившегося перед ней человека и никогда еще не впускала ни одного врага организации, ни одного приспешника императрицы.

Хедрок закрыл глаза, заставил себя расслабиться и постарался избавиться от мыслей, мучивших его в последний час. Затем повторил попытку.

Дверь распахнулась мягко, словно цветок, распускающий лепестки, только гораздо быстрее. Рука не почувствовала ни малейшего сопротивления, как будто протянулась к некоей божественно хрупкой, нематериальной конструкции. Едва он переступил порог, дверь в тот же миг совершенно бесшумно закрылась за ним.

Через небольшой сводчатый холл Хедрок прошел в следующее помещение.

5

В нем было тихо — с шумной улицы сюда не доносилось ни звука. Глаза быстро освоились с мягким рассеянным светом, как бы стекающим со стен и потолка. Хедрок настороженно огляделся: по первому впечатлению в помещении никого не было.

Уж не значит ли это, несколько встревожился он, что Нилан не стал ждать.

А может быть, здешних служащих все-таки успели предупредить и ему устроили ловушку. Хедрок глубоко вздохнул, поборов возбуждение. Если это ловушка, шансы на спасение зависят от того количества людей, которыми недруги готовы пожертвовать. Они ведь должны понимать — голыми руками его не возьмешь. С другой стороны, если это ловушка, то чему уж быть, того не миновать...

И он решил не утруждать себя лишними раздумьями, по крайней мере на первых порах.

Лучше удовлетворить собственное любопытство, тем более тут есть на что посмотреть. Возле стен и посредине торгового зала размещалось около дюжины стеллажей и выставочных стендов с внутренней подсветкой. Рядом с входом демонстрировались четыре винтовки. Их вид привел его в трепет. Когда-то Хедрок углубленно занимался этим сложным энергетическим оружием, но поговорка: чем ближе знаешь, тем меньше почитаешь, была не про него.

Многие виды оружия все еще носили прежние названия: пистолет, револьвер, винтовка — на этом их сходство со старыми образцами заканчивалось. При всем многообразии форм и мощности они уже стреляли не пулями, а сгустками энергии. Некоторые из них при надобности могли поражать на расстоянии в тысячу миль и приводились в действие теми же чувствительными элементами, что и дверь магазина. Как дверь не открывалась перед полицейскими, императорскими солдатами или людьми, относящимися недоброжелательно к Торговому Дому, так и это оружие служило лишь в целях самообороны или для отстрела некоторых животных во время узаконенной охоты. Обладало оно и другими специфическими особенностями, в частнос' і удивительным быстродействием.

Обогнув стеллаж, Хедрок увидел за следующим стеллажом колени человека, судя по всему, сидящего на стуле. Он хотел было подойти и представиться, предположив, что это и есть Нилан, но тут отворилась дверь заднего помещения и появился пожилой служащий крепкого телосложения.

— Прошу прощения, мистер Хедрок,— сказал тот с извиняющейся улыбкой на губах.— Я услышал: кто-то вошел снаружи, и подумал, что это вы. Но увлекся техникой и не мог оторваться.

По заискивающему тону можно было определить, что Хедрока все еще считают важной персоной в организации. Ради собственного успокоения Хедрок устремил на служащего проницательный взгляд и понял, что тому пока ничего не сообщили.

— О, мистер Нилан,— громким голосом произнес служащий,— вот джентльмен, о котором я вам говорил.

Незнакомец поднялся на ноги:

— Несколько минут назад,— сказал служащий, обращаясь к Хедроку,— я взял на себя смелость сообщить мистеру Нилану о вашем предстоящем прибытии.— Он сделал паузу и продолжил: — Мистер Нилан, разрешите представить вам Роберта Хедрока, ответственного сотрудника Торгового Дома.

Когда они обменялись рукопожатием, Хедрок ощутил на себе острый взгляд суровых темных глаз. Лицо Нилана покрывал сильный загар, и Хедрок предположил, что тот не так давно покинул какую-нибудь малую планету, плохо защищенную от прямых солнечных лучей.

Он пожалел о том, что в спешке не успел побольше разузнать о Дэне Нилане и его пропавшем брате. Оставалось лишь одно — уединиться с ним в безопасном местечке и поговорить там. Но прежде вмешался служащий:

— Должен доложить, мистер Хедрок,— сказал он,— что к нам пришла почта мистера Нилана, переадресованная с Марса. У вас будет достаточно времени, чтобы пообщаться с ним.

Хедрок не ответил. Ничего не поделаешь, коли так уж распорядилась судьба. Женщины из Информационного центра нашли простое решение вопроса — задержали Нилана в магазине, переслав сюда его почту с Марса через трансмиттер Торгового Дома.

Конечно, можно попытаться выманить Нилана на какое-то время из магазина. Только удастся ли? Губы у того были плотно сжаты, глаза смотрели с прищуром, словно он ждал подвоха и нисколько не сомневался, что так оно и будет. Хедрок знал эту породу упрямцев — на них давить бесполезно. Придется обождать с предложением выйти из магазина, но ведь время, время поджимает!..

Он обратился к служащему:

— Речь идет о проблеме огромной значимости, и мне нужно переговорить с мистером Ниланом немедленно. Надеюсь, вы не сочтете меня бесцеремонным.

Тот улыбнулся.

— Оставляю вас наедине,— сказал он и пошел в заднюю комнату.

В ближнем углу стоял стул. Хедрок подтащил его, жестом показал Нилану на прежнее место и уселся сам.

— Буду с вами предельно откровенен, мистер Нилан,— начал прямо, без обиняков.— У Торгового Дома оружейников есть все основания полагать, что Дерд Кершоу и ваш брат изобрели межзвездный суперлайнер. Имеются доказательства, что императрица Айшер всеми силами старается не дать ход этому изобретению. Соответственно над Кершоу и вашим братом нависла серьезная угроза — их могут ликвидировать или посадить в тюрьму. Жизненно важно узнать, где они строят свой суперлайнер и что с ними сейчас происходит.— Он спокойно добавил: — Надеюсь, вы расскажете мне все, что знаете.

Нилан отрицательно покачал головой. Он иронически, почти зловеще, улыбнулся.

— Моему брату не грозит опасность быть убитым,— сказал он.

— Значит, вы знаете, где он? — спросил Хедрок с облегчением.

Нилан медлил с ответом. Когда же наконец заговорил, у Хедрока мелькнула мысль, что первоначально он собирался выложить нечто существенное, но передумал.

— Что вам от меня нужно? — в свою очередь спросил Нилан.

— Ну, во-первых, кто вы такой? — поинтересовался Хедрок.

Выражение напряженности на лице Нилана несколько ослабло:

— Меня зовут Даниэл Нилан. Мы с Джилбертом Ниланом братья-близнецы. Родились в Лейксайд... Это вы хотите знать?

Хедрок улыбнулся самым дружественным образом:

— А в дальнейшем события развивались не слишком благоприятно, о чем свидетельствуют складки на вашем лице...

— Теперь меня можно считать горняком на астероиде,— пояснил Нилан.— Последние десять лет я не появлялся на Земле. Долгое время пробыл на Марсе. Играл в карты. Два года назад выиграл у пьяницы по имени Кэрью астероид. Я его пожалел — вернул половину, и мы стали компаньонами. В диаметре астероид три мили — хороший кусман, начиненный «тяжелым» бериллием. На бумаге мы стоим миллиарды креди, но нужно еще года два для того, чтобы наладить производство, и тогда мы по-настоящему разбогатеем. Вот. А приблизительно год назад у меня появилось особое основание считать, что с братом что-то случилось.

Нилан замолчал. По его лицу пробежала тень.

— Вы когда-нибудь слышали об экспериментах, проводимых Институтом евгеники? — спросил он после паузы.

— Разумеется,— сказал Хедрок, начиная понимать, куда тот клонит.— Была проведена блестящая работа, особенно с идентичными близнецами.

Нилан кивнул:

— Это несколько упрощает дело.

Немного помолчав, он начал свой рассказ. Ученые забрали их, близнецов, в возрасте пяти лет, уже чутких друг к другу, и усиливали эту чувствительность, пока она не превратилась в некое слияние жизненных сил, образовав мир совместных ощущений. Взаимосвязь стала столь полной, что на коротком расстоянии они могли читать мысли друг друга с ясностью, пожалуй, сравнимой с проявлением электронного луча на экране местного телестата.

Те годы их близости отличались ничем не омрачаемой радостью. На следующем этапе, когда им было по двенадцать лет, ученые предприняли попытку развести их на общественном поприще, не нарушая при этом взаимосвязи нервных систем. Как ребенка кидают в глубокий водоем — утонет или выплывет,

так и его подвергли интенсивному воздействию Айшеровской цивилизации, в то время как Джилберта изолировали от внешнего мира и посвятили занятиям наукой. Постепенно их интеллектуальная близость сошла на нет. Хотя мысли все еще передавались, кое-что можно было утаить. У него, Даниэла Нилана, выработалось удивительно сильное чувство старшего брата по отношению к Джилу, тогда как Джил...

Мрачный человек на мгновение прервал свой рассказ, взглянул на Хедрока, затем продолжил:

— Я заметил, что формирование личности Джила идет по пути, отличному от моего, о чем свидетельствовала его реакция на мои амурные похождения. Это шокировало его, и я начал понимать, что между нами появились разногласия.— Он пожал плечами.— Прежде никогда не возникал вопрос, кто из нас покинет Землю. А в тот день, когда истек срок контракта с Институтом евгеники, я купил билет на Марс. И отправился туда с верой, что тем самым предоставляю Джилу свой шанс в жизни. Только...— закончил Нилан упавшим голосом,— жизнь его оборвалась...

— Он умер? — спросил Хедрок.

— Да.

— Когда?

— Год назад. Поэтому пришлось вернуться на Землю. Я был на астероиде, когда почувствовал, что он погиб.

— Долго же вы сюда добирались,— отметил Хедрок. Фраза прозвучала довольно резко, и он быстро добавил: — Поймите, пожалуйста, я только пытаюсь ясно представить, что все-таки произошло.

— Наши небесные тела, мой астероид и Земля, находились по разные стороны от Солнца, а скорости их оборота по орбитам почти совпадают,— уставшим голосом проговорил Нилан.— Только недавно астероид занял положение, при котором мы смогли рассчитать вполне приемлемую траекторию для нашего обычного грузового фрейтера. Неделю назад Кэрью высадил меня на одном из плохоньких северных космодромов. Он сразу же отправился обратно, но месяцев через шесть обещал забрать меня.

Хедрок кивнул: достаточно правдоподобная история.

— А что вы почувствовали, когда ваш брат умер? — спросил он.

Нилан заерзал на стуле.

— Боль,— выговорил он с трудом.— Джил умер в агонии, внезапно, ни о чем не подозревая. Смертельная мука, крыльями моста перекинувшись через необозримые просторы между Землей и астероидом, привела в трепет всю мою нервную систему, тело содрогнулось в отчаянном сострадании. И в то же мгновение наступил конец необъяснимому напряжению, даже на таком расстоянии связывавшему нас, двух братьев-близнецов. С тех пор меня преследует звон в ушах,— закончил Нилан.

Наступила тишина, и Хедрок вдруг подумал, как катастрофически бежит время. Острота момента притупилась, пока он в течение долгих минут концентрировал свое внимание на жизненных перипетиях Нилана. А теперь, когда барьер недоверия сломлен, надо действовать. Пора уходить. Уходить немедленно! Поставленная цель превыше всего. Его охватила тревога. Он не мог не прислушаться к ней, поскольку знал, как никто другой, на что способен Торговый Дом оружейников. И тем не менее откинулся на стуле и спокойно взглянул на собеседника, трезво оценивая ситуацию. Нилана нужно взять с собой, но сделать это как можно деликатнее.

— Я бы не стал утверждать,— медленно покачал он головой,— будто прошлогодние события имели сколько-нибудь роковые последствия.

Темные глаза Нилана вдруг приобрели тусклый металлический цвет.

— Я понимаю: смерть какого-нибудь одного человека редко имеет роковые последствия в широком плане,— вымолвил он упавшим голосом.— Мне неприятно говорить так о собственном брате, но это правда.

— И все же,— подхватил Хедрок,— произошло нечто серьезное. Ведь Кершоу тоже пропал.

Не дожидаясь ответа, Хедрок встал и подошел к пульту управления, который находился на противоположной стене. Все эти минуты он не забывал, что целая рота охранников Торгового Дома могла ворваться через расположенный там трансмиттер. Нельзя этого допустить, надо быть готовым к отступлению. На пульте мирно мигали огоньки. Хедрок намеренно встал таким образом, чтобы Нилан ничего не видел. Быстро активизировал один из своих перстней и прожег крошечную дырочку в хрупкой схеме трансмиттера. Маленький огонек на панельной обшивке погас. Хедрок отвернулся от пульта. Напряжение несколько спало, но цель, мысль о которой никогда не покидала его, не давала передышки. Он просто прикрыл свой фланг, ничего более. В заднем помещении магазина был другой трансмиттер, и Хедрок подозревал, что в этот самый момент через него проходят люди. А другие, наверное, сажают бронированные машины, чтобы отрезать его от автоплана.

В таком отчаянном положении каждый рискованный шаг следует хорошенько продумать. Он подошел к Нилану.

— У меня есть адрес вашего брата, нужно сейчас же обследовать его квартиру,— очень доверительно сказал Хедрок.— Уверяю вас: время слишком дорого! Можете дорассказать вашу историю в пути, а потом я заброшу вас сюда за почтой.

Нилан встал.

— Вообще-то я все рассказал,— произнес он.— Когда я прибыл в Империал-Сити, то раздобыл старый адрес брата и узнал...

— Минуточку,— прервал его Хедрок. Он подошел к двери, ведущей в заднее помещение, постучал и сказал: — Я забираю мистера Нилана с собой, но он вернется за почтой. Благодарю за содействие.

Не теряя ни секунды, Хедрок повернулся к Нилану:

— Пошли!

Нилан первым устремился к выходу.

— Я обнаружил, что брат только числился по месту своего жительства,— пояснил он.

Входная дверь мягко затворилась за ними.

— То есть вы утверждаете, что брат не жил по своему официальному адресу?

— Он не только не жил там, как объяснила квартирная хозяйка, но и разрешал ей сдавать комнату. Появлялся раз в месяц, обычно по вечерам, как требует закон, так что ее совесть была чиста.

Выбравшись из магазина, они пошли по дорожке прямо к автоплану... Пускай себе Нилан говорит, Хедрок слушал вполуха. Все его внимание было сосредоточено на небе. По нему проносились летательные аппараты, но не длинные и темные, похожие на торпеды. Те мчались бы на огромной скорости — их приводила в действие ядерная энергия...

Хедрок открыл дверцу своей маленькой машины, пропустил Нилана впереди себя и поднялся следом. Через секунду опустился в пилотское кресло, откуда был хороший обзор: к счастью, около магазина все было спокойно.

Автоплан взмыл в воздух, и Хедрок заметил, что Нилан рассматривает приборные доски. Судя по всему, он был опытным специалистом.

— А у вас здесь какие-то новинки. Это что такое? — Нилан показал на детекторную систему.

Приспособление относилось к тайнам Торгового Дома оружейников, однако большой важности не представляло, поэтому Хедрок рискнул использовать его, несмотря на существующую вероятность захвата автоплана противником. Собственно, у Имперского правительства тоже были подобные приспособления, хотя и несколько иной конструкции.

Он не ответил прямо на вопрос Нилана:

— Я вижу, вы знакомы с оборудованием.

— Я прошел курс по усовершенствованной атомной технике,— пояснил Нилан и добавил с легкой улыбкой: — Слава Института евгеники распространяется и на его подопечных.

Что правда, то правда. Еще минуту назад Нилан представлял интерес как обладатель информации, которую Хедрок надеялся получить. Некоторое впечатление на него произвел явно непокладистый характер этого человека, но на своем долгом веку он встречал так много суровых и способных людей, что сами по себе они перестали его занимать. Важен был их уровень. И конеч-

но, высокий уровень существенно менял дело. Человек, знавший атомную энергетику в полном объеме курса знаменитых университетов, мог сам себе назначить цену, когда нанимался в промышленность. И если Хедроку суждено когда-нибудь найти межзвездный суперлайнер, значение Нилана сильно возрастет. Так что Нилан был тем, кого стоило приручить. И Хедрок тут же приступил к обработке. Он вынул из кармана листок бумаги с последним адресом Кершоу и протянул его Нилану:

— Вот куда мы летим.

Тот взял бумагу и прочел вслух:

— Номер 1874, Треллис Майнор Билдинг... О господи!

— В чем дело?

— Я был там три раза,— промолвил Нилан.— Я нашел этот адрес в чемодане моего брата в той самой комнате.

Хедрок почти физически ощутил, что поиски заходят в тупик.

— *Три раза?* — переспросил он с нажимом.

— И каждый раз оказывался перед запертой дверью. Управляющий сказал, что квартира оплачена на десять лет вперед, но он не видел никого с тех пор, как был подписан контракт, то есть три года.

— И вы не вошли в нее?

— Нет, он наотрез отказался впустить, а у меня не было никакого желания оказаться за решеткой. Да мне наверняка не удалось бы — замок на охране.

Хедрок в задумчивости кивнул: уж его-то никакой замок не остановит. Хотя прекрасно понимал, что подобные штучки не по зубам даже самым решительным людям, не обладающим его возможностями. И еще одна мысль мелькнула в голове: хорошо бы заскочить в какую-нибудь из своих квартир и облачиться в комбинезон, дабы обезопасить себя. А с другой стороны, пока Торговый Дом может выследить его, ни в коем случае нельзя сбавлять темп. Вдруг окажется, что потраченное на себя время решит исход дела.

Надо рисковать.

Они приблизились к стоэтажному зданию, на котором горела надпись: «Треллис Мейджор Билдинг». Хедрок не сразу сообразил, что это не то, что ему нужно. До громадного сооружения оставалось несколько сотен ярдов, когда он заметил спиралевидное чудовище поменьше, в пятьдесят этажей, то самое — Треллис Майнор Билдинг. Глядя на эти здания, он вспомнил, что Треллис Майнор и Треллис Мейджор — пара небесных тел, которые вращаются относительно друг друга где-то за Марсом. Большое — в противоположную сторону от Земли, малое — в обычную. Какая-то независимая компания усердно вела там горные разработки, и эти массивные здания олицетворяли ее богатство, нескончаемым потоком текущее из отдаленного района Солнечной системы.

Хедрок посадил автоплан на крыше здания и вместе с Ниланом спустился на лифте до восемнадцатого этажа. Достаточно

было взглянуть на дверь под номером 1874, чтобы понять — она надежно защищена. Дверь и ее коробка были сделаны из прочного алюминиевого сплава, не уступающего стали. На замке с электронной втулкой значилось: «При попытке взлома механизм посылает сигнал тревоги в контору управляющего зданием, в местное отделение полиции и всем патрульным автопланам, находящимся в этом районе».

Торговый Дом усовершенствовал десяток специальных устройств, открывающих доступ к таким электронным замкам. Лучшее из них было наименее сложным. Оно работало абсолютно безотказно, используя удивительные свойства материи и энергии. Разрыв и восстановление сигнальной цепи происходили чрезвычайно быстро — со скоростью, большей скорости света,— и поэтому ток продолжал течь, будто никакого повреждения не было. Феномен нормального функционирования цепи между двумя разомкнутыми точками, пожалуй, можно сравнить с процессом взаимообмена энергии с отдаленными телами в космическом пространстве, словно этого пространства уже нет. Само по себе данное открытие не имело аналога в науке. На нем основывалась сложная система трансмиттеров, благодаря которой, собственно, и существовал Торговый Дом оружейников.

Хедрок жестом попросил Нилана отойти назад, а сам приблизился к двери. На этот раз он воспользовался другим перстнем и направил его луч в нужное место, откуда пошло оранжевое свечение. Устранив препятствие, Хедрок толкнул дверь. Она открылась с легким скрипом, как бывает с дверью, которой давно не пользовались. Хедрок перешагнул через порог и очутился в рабочем помещении каких-то двадцати футов длиной и десяти шириной. В комнате стояли стол, несколько стульев и шкафчик с небольшой картотекой. А в углу около стола — телестат с безжизненным экраном.

Комната была такой неуютной, заброшенной, явно необитаемой, что Хедрок прошел несколько шагов и остановился. Затем обернулся и посмотрел на Нилана. Картежник склонился над замком, внимательно изучая его. Взглянул на Хедрока и в восхищении покачал головой:

— Как вы это сотворили?

Хедрок с трудом сообразил, о чем тот спрашивает. Улыбнулся в ответ, но сказал совершенно серьезно:

— Прошу прощения — это секрет.— И быстро добавил:— Входите скорее. Не следует вызывать подозрение.

Нилан поспешно шагнул в комнату и прикрыл дверь.

— Возьмите на себя стол,— распорядился Хедрок,— а я займусь картотекой. Чем скорее мы это сделаем, тем лучше.

Он закончил осмотр, едва его начав. Ящики картотеки были пусты. Захлопнул последний и подошел к Нилану. Тот выдвигал и задвигал ящики стола — в них тоже ничего не было.

— Вот так,— сказал Нилан и выпрямился.— И что же теперь?

Хедрок промолчал. Руки опускать рано. Вероятно, какие-то нити обнаружатся в условиях договора о найме помещения. И еще? Телестат... Подлежит регистрации в компании, отвечающей за эксплуатацию. Кто и с кем разговаривал из этой комнаты? Если бы позволило время, он мог бы воссоздать некоторые детали и найти путь к разгадке этой истории.

Беда в том, что времени-то у него в обрез. Как все-таки странно, что Торговый Дом до сих пор не напал на его след. И если бы он по-прежнему оставался руководителем координационного отдела, он по первому требованию Высшего Совета в считанные минуты раздобыл бы нужные сведения о Кершоу.

Невозможно себе представить, чтобы блестящему стажеру, его преемнику на посту начальника отдела, не пришло в голову то же самое. И по какой бы причине ни случилась эта задержка, долго она не продлится. Надо скорее уходить.

Он повернулся и направился к двери, но замер на полушаге. А куда, собственно, идти? Вновь оглядел комнату. Не пропустил ли чего?

Нет, он не уйдет, пока все не выяснит.

Однако глазам не на чем было задержаться — письменный стол с пустыми ящиками, стулья, шкафчик, никакой аппаратуры, разве только телестат. Постой-ка!

— Телестат,— произнес он вслух.— Ну конечно!

Шагнул было в ту сторону, но остановился, заметив, что Нилан не спускает с него вопросительного взгляда.

— Быстро,— сказал Хедрок,— отойдите к стене.— И показал на место за телестатом.— Я полагаю, ему не нужно вас видеть.

— Кому? — не понял Нилан, но подчинился и встал за аппаратом.

Хедрок включил телестат. Он был страшно зол на себя за то, что не воспользовался им с самого начала. Ведь многие годы провел в системе Торгового Дома, где все средства связи подключались напрямую к центральной станции без набора нужного абонента, хотя сам, в своей тайной жизни, предпочитал личные телестаты с двусторонней связью. Как же он сразу не оценил возможности *этого* телестата?!.

Прошла минута — экран был мертв. Затем донесся еле слышный шаркающий звук. Или ему показалось? Нет, это чьи-то шаги. Но они смолкли, и наступила тишина.

Хедрок представил себе человека, застывшего в раздумье: ответить ли на вызов? Прошла еще минута. Его охватывало гнетущее чувство поражения — уходит время, которому нет цены.

Наконец прорезался резкий мужской голос:

— Да, что нужно?

По телу Хедрока пробежала дрожь. Он уже мысленно приготовился, но не успел открыть рот, как мужчина заговорил снова, еще более резким тоном:

— Вы по объявлению? Мне обещали дать его лишь завтра. Почему же не позвонили и не предупредили, что сделают это сегодня?

В его голосе проскальзывали яростные нотки.

— Вы инженер-атомщик? — опять спросил он.

— Да,— вымолвил Хедрок.

Слово вырвалось само. Рассерженный мужчина, придя к неправильному заключению, облегчил его положение. Хедрок, конечно, придумал свой вариант — хотел представиться Дэном Ниланом (дескать, нашел адрес этой конторы в личных вещах своего брата) и проявить интерес исключительно к его имуществу. А дальше импровизировать в зависимости от того, как сложится разговор.

На этот раз ждать пришлось недолго.

— Вас, должно быть, удивил такой странный способ найма на работу,— донеслось из телестата.

Хедроку стало немного жаль этого человека: пускай себе думает о странности своих действий — у него, Хедрока, совсем другие мысли. Лучший способ поведения в подобной ситуации — подыгрывать ему.

— Очень удивил,— подхватил Хедрок.— Впрочем, мне как-то все равно.

Человек засмеялся, нельзя признать, чтобы приятно.

— Рад это слышать. У меня есть работа примерно на два месяца. Буду платить восемьсот креди в неделю, остальное вас не касается. Пойдет?

Действительно, весьма странно, подумал Хедрок. Кажется, надо быть осторожным.

— А что я должен делать? — медленно произнес он.

— То самое, о чем говорится в объявлении — ремонтировать атомные двигатели. Ну? — властно спросил человек.— Что вы скажете?

Хедрок задал *свой* вопрос:

— Куда мне явиться?

Последовало молчание.

— Не спешите,— наконец вымолвил голос.— Я не собираюсь вам все выкладывать — еще передумаете да откажетесь. Вы понимаете, что я плачу́ вдвое? Вам это подходит?

— Это как раз то, что я ищу,— зацепился Хедрок.

Возможно, осторожность собеседника вызвана незаконностью его предприятия, но на это наплевать. Тут даже Нилан со своей историей отошел на задний план. Хедрок, свидетель смерти многих поколений на этой планете, никак не мог себе позволить расследовать убийство какого-нибудь одного человека. Его задача неизмеримо шире.

Тем временем работодатель перешел к сути:

— Пять кварталов на север по 131-й стрит. Затем около девяти кварталов на восток до дома 1997 на 232-й авеню. Вы-

сокое узкое здание сероватого цвета. Его нельзя не заметить. Позвоните в звонок и ждите ответа. Понятно?

Хедрок быстро записал бесценный адрес.

— Понял,— подтвердил он.— Когда появиться?

— Сию же секунду! — В голосе звучала угроза.— Учтите, я не хочу, чтобы вы куда-нибудь заезжали. Если вам нужна эта работа, садитесь в общественный автоплан, и я засекаю время на дорогу. Меня не одурачить! Жду через десять минут.

О боже, подумал Хедрок, даже домой заскочить не удастся.

— Сейчас приеду,— сказал он вслух.

Картинка на экране телестата так и не появилась. Очевидно, работодатель даже не пожелал взглянуть на собеседника. Резкий щелчок известил о том, что связь отключили.

Разговор окончен.

Хедрок привел в действие один из перстней, чтобы больше никто не воспользовался этим телестатом, и взглянул на своего спутника. Нилан улыбался, подтянутый мужчина, почти такой же высокий и крупный, как сам Хедрок.

— Здорово сработано,— оценил тот.— Без сучка, без задоринки. Дом 1997 на какой улице?

— Пошли отсюда,— бросил Хедрок.

Пока они ждали лифта, его мозг лихорадочно работал. Что делать с Ниланом? Он полезный человек и мог оказаться прекрасным союзником, хотя Хедрок всегда действовал в одиночку. Довериться ему? Слишком рано. К тому же, чтобы заручиться полной поддержкой, необходимо посвятить его в детали, а время не позволяет.

— Мне кажется, вам следует вернуться в линвудский магазин за почтой,— предложил Хедрок, когда лифт поднимал их на крышу.— А я взгляну на того неприятного типа. Снимите потом номер в отеле «Айшер» — я вас там найду. Таким образом мы оба сэкономим время.

Все было гораздо сложнее. Чем скорее Нилан попадет в оружейный магазин, тем больше вероятность, что опередит поисковую команду Торгового Дома. И в отеле сыщикам труднее разыскать его, чем дома. Нилан не запомнил адреса, поэтому с ним можно спокойно расстаться.

— Высадите меня на первой станции,— сказал Нилан.— А как насчет адреса?

— Я напишу его в автоплане,— пообещал Хедрок.

На крыше он пережил несколько неприятных мгновений: три, нет — четыре автоплана резко устремились вниз и быстро сели. К счастью, вновь прибывшие пассажиры, мужчины и женщины, не обратили на них никакого внимания.

Как только они поднялись в воздух, показался светящийся знак авиастанции. Хедрок повел машину вниз, одновременно подтянул к себе листок бумаги и написал: «97, 131-я стрит». Не прошло и секунды, как они были на мостовой. Он сложил бумагу

и протянул ее Нилану, когда тот выходил из автоплана. Они обменялись рукопожатием.

— Удачи,— сказал Нилан.

— Не возвращайтесь в комнату брата,— напутствовал Хедрок.

Он закрыл дверцу, ловко вывел свою машину из потока движения и полетел над ним. В зеркале задней обзорности он видел, как Нилан садился в общественный автоплан. Догадался ли тот, что адрес неправильный?

Сыщики Торгового Дома вполне могли применить ассоциативные методы, чтобы выжать из Нилана правильный адрес, который наверняка запечатлелся где-нибудь в непроизвольной памяти. Впрочем, потребуется время, чтобы склонить его к сотрудничеству или хотя бы вызвать необходимые ассоциации. Вообще-то Хедрок ничего не имел против того, чтобы Торговый Дом получил эту информацию. Более того, продолжая следить за полетом, он написал еще одну записку — на сей раз с настоящим адресом. Положил в конверт и вывел на нем: *«Питер Кадрон, корпорация «Метеор», отель «Ройал Ганил», Империал-Сити. Доставить дневной почтой 6-го»*, то есть завтра.

Если бы все шло нормально, он был бы с Торговым Домом. Их цели совпадали, но, к несчастью, Совет в полном составе испугался одного человека — его. Да, так уж случилось, а эмоции только мешают делу. Медлительность в выяснении обстоятельств, связанных с Кершоу, скорее всего дорого обойдется Совету. А в своих действиях Хедрок не сомневался. В кризисных ситуациях он надеялся лишь на самого себя. Многие были умелыми и храбрыми, но им недоставало опыта и готовности длительное время подвергаться риску.

Вполне возможно, что он единственный, кто действительно считал, что близится великий кризис во взрывоопасном правлении Иннельды Айшер. А вопрос об успехе или поражении мог решиться в считанные минуты. И никто, кроме него, не пожелал воспользоваться этими минутами.

Автоплан пересек 232-ю авеню и опустился на стоянке. Хедрок быстро прошел к ближайшему углу и бросил письмо в ящик, затем, удовлетворенный, отправился к цели своего путешествия. По его часам прошло одиннадцать минут с тех пор, как он разговаривал со своим будущим хозяином. Не так уж много.

Вот оно — это здание! Хедрок, продолжая идти, рассматривал странную конструкцию непропорциональных размеров. Серая тупая игла в триста — четыреста футов длиной, казалось, уткнулась в низко нависшее небо. Удивительно зловещее сооружение. И ни вывески, ни таблички, хотя бы на что-то намекавшей. Только узкая дорожка к единственной, почти незаметной двери, находящейся на уровне тротуара.

Надавив на кнопку звонка, он пытался явственно представить себе, как Джилберт Нилан в день своей смерти прошел по улице, направляясь к этой двери, чтобы исчезнуть навсегда. Его вообра-

жение все еще работало, когда из динамика, спрятанного над дверью, раздался знакомый резкий голос:

— А вы не опоздали.

— Я прилетел прямо сюда,— твердо сказал Хедрок.

Наступила короткая пауза. Хедрок подумал, что человек прикидывает в уме расстояние от Треллис Майнор Билдинг. Наверное, прикидка его удовлетворила, и он заговорил снова:

— Подождите минутку.

Дверь раскрылась. Перед Хедроком был широкий проем, настолько высокий, что с его места не просматривался потолок. Да и сама дверь из темного в крапинку металла заслуживала внимания, как и дверная коробка из того же материала. Он переступил порог и остановился, вдруг увидев в глубине какое-то сооружение из фуршинговой стали, которая использовалась исключительно для сверхтвердых обшивок космических кораблей.

Это странное здание служило ангаром для космического корабля!.. И сам корабль возвышался перед ним.

Корабль Кершоу! Одно предположение возникало за другим, и он относился к ним как к реальности. Джил Нилан, брат Дэна, умер не на Земле, а в космическом полете. А это означало, что межзвездный суперлайнер опробывали еще год назад. Но почему тогда люди, причастные к полету, вели себя так необычно? Неужели Кершоу, гениальный изобретатель, в испуге отсиживался внутри корабля, потому что кто-то погиб во время эксперимента? Боялся императрицы? Но он ведь мог рассчитывать на помощь Торгового Дома оружейников. Все выдающиеся ученые были тайно уведомлены о том, что Торговый Дом готов предоставить им самые льготные условия. В некоторых случаях доверенные лица даже снабжались секретной информацией.

И тут Хедрок подумал, что Кершоу тоже мертв. Разные мысли проносились в голове, а нужно было принимать единственно верное решение. Остаться в здании, пока есть возможность? Или выйти, надеть необходимый рабочий костюм и вернуться?

Впрочем, выбора не существовало. Уйти — значит, вызвать подозрение. Остаться и захватить корабль — значит, решить все проблемы по поводу суперлайнера.

— В чем дело? — резкий голос вывел его из задумчивости.— Чего вы ждете?

Ну вот, хозяин уже что-то заподозрил. В его тоне проскальзывало беспокойство. Этому человеку, кем бы он ни был, совершенно необходим инженер-атомщик. А это давало шанс держать ситуацию под контролем. Появилась возможность сказать вполне откровенно:

— Я обнаружил космический корабль. В мои планы не входит покидать Землю.

— О! — Молчание. Затем настойчивый голос: — Минутку. Не буду вилять и докажу, что вы заблуждаетесь. Корабль не может летать, пока не налажены двигатели.

Хедрок ждал, не сомневаясь, что в ход вот-вот пустят оружие. Весь вопрос в том, насколько оно грозное. А вовсе не в том, что повлияет на ход событий. Хедрок все равно сделает шаг вперед, даже если сначала все будет против него. Рано или поздно оружие в его перстне поможет ему. Пока он стоял и наблюдал, следующая дверь, внутренняя, и прежде чуть приоткрытая, широко распахнулась. А уже за третьей дверью, тоже открытой, в воздухе парило самонаводящееся энергетическое оружие, действовавшее на антигравитационных анодах. Три ствола смотрели прямо на Хедрока.

Тут грубо рявкнул скрытый где-то динамик:

— Небось, запаслись револьвером из Торгового Дома?! Надеюсь, вы понимаете всю его бесполезность против этой штуковины. Она лупит девяносто тысяч раз без перезарядки. Перебросьте свою пукалку через порог!

Хедрок не носил примитивных револьверов.

— Я не вооружен,— сказал он.

— Распахните пиджак,— не поверил голос.

Хедрок подчинился.

— Ладно, проходите,— после некоторой паузы скомандовал голос.

Ни слова не говоря, Хедрок двинулся вперед, причем последняя дверь с лязгом захлопнулась за ним, как бы поставив жирную точку.

6

По мере того как Хедрок подходил, трехстволка отодвигалась в сторону, и его захлестнуло волной новых впечатлений. Еще бы! Он находился в кабине космического корабля... По всем существующим законам кабина управления размещалась в центральной части корабля. А это означало, что ангар выступал над поверхностью земли на четыреста футов и на такое же расстояние уходил под землю. То есть это был настоящий монстр в восемьсот футов длиной.

— Ну! — торжествующий возглас незнакомца прервал его размышления.— Что скажете?

Хедрок медленно повернулся к своему работодателю и увидел высокого человека с бледным лицом лет тридцати пяти. Тот жестом отправил самонаводящееся оружие к потолку и встал за просвечивающим энергетическим экраном, рассматривая Хедрока большими темными глазами, полными подозрения.

— Насколько понимаю, здесь происходят забавные вещи,— сказал Хедрок.— Но дело в том, что мне срочно нужны деньги, поэтому готов потрудиться. Я ясно выражаюсь?

Он понял, что взял правильный тон. Было заметно, что человек расслабился, даже криво улыбнулся.

— Мне показалось, что вы не хотели входить.— Незнакомец пытался говорить дружелюбно, только у него плохо получалось.— Поэтому и пришлось так поступить.

— Я был поражен, увидев космический корабль здесь, в самом центре города,— сказал Хедрок. Ему представлялось, что именно на это следует делать упор. Как будто видит подобное впервые и никогда не предполагал ничего такого увидеть.— Мне кажется, пока мы понимаем друг друга и все идет хорошо. Восемьсот креди в неделю, да? — переспросил «инженер».

Человек кивнул.

— Здесь нужна полная ясность,— изрек он.— Я не могу рисковать и выпускать вас.

— Что вы имеете в виду? — осведомился Хедрок.

Человек злобно усмехнулся. По-видимому, упивался тем, что происходит. Его голос звучал бесстрастно и очень уверенно.

— Вам придется находиться здесь до окончания работ.

Хедрок не удивился. Но из принципа возразил:

— Послушайте, я вообще-то не против, только мне не нравится ваш повелительный тон. В чем дело? Можно, конечно, без конца повторять, что это меня не касается. Но вы одну за другой преподносите неожиданности... И если уж на то пошло, у меня есть право знать что-то в общих чертах.

— Идите к дьяволу со своим правом,— огрызнулся человек.

Однако Хедрок не сдавался.

— Может быть, представитесь? Не собираюсь вас задевать, но кто вы такой?

Человек нахмурился и сделал паузу. Наконец он пожал плечами.

— Пожалуй, могу и вам назвать свое имя. *Она-то* его знает.— Он улыбнулся со свирепым торжеством.— Меня зовут Рел Гриер.

Имя ни о чем не говорило, хотя стало ясно, что это не Кершоу. А кто такая *она*, Хедрок знал. Но прежде чем он открыл рот, Гриер рявкнул:

— Пошли! Вам надо переодеться.— И тут, должно быть, заметил, что Хедрок колеблется.— Никак, стесняетесь при людях?!

— Отнюдь,— отверг предположение Хедрок.

Он прошел, куда указали, взял рабочую одежду и подумал: *может, рискнуть и оставить при себе перстни?* Или не брать их? А вслух сказал:

— Хотелось бы проверить изоляцию костюма, прежде чем надевать его.

— Валяйте! Сыграете в ящик, если он не в порядке.

— Вот именно,— согласился Хедрок.

Из короткого диалога он извлек важную информацию. И, едва взглянув на костюм, получил подтверждение — его капитально реставрировали. Эти защитные костюмы имели одно свойство — вблизи неисправной атомной техники теряли свой внешний блеск. А этот уж очень блестел. Небрежная реакция Гриера на его же-

лание проверить костюм означала лишь одно: тот слишком мало знал о подобных вещах. А это давало пищу для размышлений и необходимых выводов. Хедрок рассматривал материал, а мозг лихорадочно работал. Гриер утверждал, будто корабль летать не может. Если утверждение соответствует действительности, значит, двигатели разобраны. И, вероятнее всего, из машинного отделения идет мощный поток радиации. Предположения следовало уточнить, а потом на что-то решаться. Он взглянул на Гриера и задал свой вопрос.

Тот кивнул и насторожился.

— Да, я их разбирал, но вскоре убедился, что работа не для меня.

Объяснение прозвучало вполне резонно, однако Хедрок сделал вид, будто не понял.

— Ведь это совсем просто.

Гриер пожал плечами.

— Мне не хотелось возиться.

— Никогда не слышал о каком-либо государственном производственном училище, не говоря о колледже, которое готовило бы специалистов по ремонту атомных двигателей, не умеющих их собирать. Где вы учились?

Гриер выказал нетерпение.

— Влезайте в свой костюм! — резко сказал он.

Хедрок быстро разделся. Попытка выяснить, насколько хороший механик Гриер, не удалась. Но этот разговор позволил наметить первые шаги. Если в машинном отделении значительная радиация, брать с собой перстни нельзя. Защитный костюм эффективен лишь тогда, когда при тебе нет ничего металлического. Правда, не исключена возможность, что придется применить оружие против Гриера прежде, чем возникнет опасность облучения, но риск уж слишком велик. Гораздо безопаснее оставить перстни в кармане своего костюма, будто дорогие украшения. И воспользоваться ими позже.

Он быстро переоделся и первым спустился вниз, в недра корабля. Гриер следовал за ним по пятам.

Они оказались в мире машин. Хедрок застыл в изумлении, озираясь по сторонам, чем доставил несказанное удовольствие Гриеру.

— Корабль совершенно новой конструкции,— сказал тот самодовольно.— Я его продаю. Вот уже несколько недель веду переговоры с самой императрицей.— Он было осекся, но вскоре продолжил: — Я решил сказать вам об этом внизу, где ваше постоянное место. Наши дела вас никак не касаются. Не берите их в голову и не рыскайте тут. *Она* хочет, чтобы все было тихо. И я гроша ломаного не дам за того, кто сунет нос, куда не положено, и хоть как-то затронет ее интересы. Этому идиоту места на Земле не будет, если, конечно, Торговый Дом оружейников не возьмет его под крылышко. Вот так! Все ясно?

Все было гораздо яснее, чем предполагал Гриер. Великий ученый Кершоу нанял Джила Нилана, Гриера и других, чьи имена еще не известны, дабы усовершенствовать свое изобретение. По-видимому, во время этой работы Гриер убил всех на борту и овладел кораблем.

Хедрок поднялся из машинного отделения на следующий уровень, в мастерскую. Рассматривая инструменты, он чувствовал на себе внимательный неотрывный взгляд. В свою очередь как бы случайно поглядывал на Гриера и задавал вопросы, проверяя его осведомленность.

— Я устроился в пустой комнате над этой мастерской,— счел нужным предупредить Гриер.— В течение следующих двух месяцев в основном буду там. Не думаю, что вы можете что-то натворить, а все же там я буду знать, не шатаетесь ли вы по кораблю, вынюхивая секреты.

Хедрок промолчал. Уж лучше молчать, чем сболтнуть лишнее человеку, который окончательно себя разоблачил. Конечно, Гриер не ученый. И через несколько минут, как только он поднимется в свою комнату, захват корабля будет предрешен.

Как ни досадно, Гриер не уходил. А избавиться от него хотелось и по другой причине: удивительно, но до сих пор тот не поинтересовался его именем. В намерения Хедрока не входило выдавать себя за Даниэла Нилана. Лучше заявить прямо: ситуация далеко не ординарная, поэтому он не намерен удостоверять свою личность. Конечно, придется пережить неприятные минуты, вспышку гнева...

— Как это вы, человек с такими знаниями, остались без работы? — нарушил молчание Гриер.

Похоже, начинается дознание.

— А-а, проторчал на одной планете — последний идиот! — тут же ответил Хедрок.

Вероятно, Гриер обдумывал его слова. Прошла минута-другая, прежде чем последовал следующий вопрос:

— А зачем вернулись?

Отвечать надо сразу. Если Гриер поднимется наверх и обшарит его одежду, то найдет в записной книжке имя Даниэла Нилана. Такую вероятность надо учесть.

— Из-за смерти моего брата,— сказал Хедрок.

— О, у вас умер брат?

— Да.— Он заранее продумал эту версию и выдал ее, не называя имен.— Брат регулярно присылал мне деньги на жизнь. А когда поступления прекратились, я навел справки. Вот уже, кажется, год, как он исчез, нигде не числится. Понадобится шесть месяцев, чтобы закрыть дело об имуществе. Наверное, вы знаете, что теперь, когда такое количество убийств, судьи признают отсутствие регистрации как доказательство смерти.

— Знаю,— только и сказал Гриер.

Воцарилась тишина, и Хедрок подумал: пусть переваривает! Даже если найдет запись о Нилане, должен поверить, будто братья не питали друг к другу теплых чувств, и тогда вреда не будет.

— Последний раз видел его лет десять назад,— вел свою линию Хедрок.— И обнаружил полное отсутствие родственных связей. Мне было все равно, жив он или умер. Забавно...

— Не собираетесь обратно в космос? — спросил Гриер.

— Нет,— покачал головой Хедрок.— Отныне и навсегда остаюсь на Земле. Здесь развлечения, удовольствия, приятное времяпрепровождение.

— Я бы не променял свой последний год в космосе на все удовольствия Империал-Сити.

— Каждому свое...— начал Хедрок и осекся. Его желание спровадить Гриера наверх, в комнату, защищенную от радиации, сразу же пропало. Новая информация! Как же он не догадался раньше!.. Ведь это было столь очевидно: «свой последний год в космосе...» Ну конечно, Кершоу, Джил Нилан, Гриер и другие совершили в этом корабле межзвездное путешествие. Они были на одной из ближайших звезд, возможно, на Альфе в созвездии Центавра, на Сириусе или Проционе. Хедрок как мальчишка дрожал от волнения, перебирая в уме известные названия.

Эмоциональный шок, вызванный словами Гриера, постепенно спадал. Он еще не совсем четко представлял себе, что случилось, но одно было совершенно ясно: Гриер выложил это добровольно. Захотел высказаться. Надо ему помочь — вдруг еще что-нибудь сболтнет.

— Шнырять по космосу в поисках астероидов — не для меня. Приходилось заниматься, знаю, что это такое.

— Астероиды! — взорвался Гриер.— Вы что, спятили?! Думаете, императрицу Айшер интересуют астероиды? Предприятие стоит сто миллиардов креди. Слышите? И будьте покойны — она их выложит.

Он ходил взад-вперед в явном возбуждении. Вдруг резко повернулся к Хедроку:

— Знаете, где я был? — выпалил он.— Я...

Гриер так же внезапно замолчал, как и начал. По его лицу пробежала судорога. Наконец справился с собой и хмуро улыбнулся.

— Дудки,— изрек он,— ничего вам не удастся вытянуть! Не потому, что это очень важно, а...— Он стоял, уставившись прямо на Хедрока. Затем резко повернулся на каблуках, взобрался по лесенке и исчез.

Хедрок не спускал глаз с лесенки, понимая, что пора действовать. Просветил обшивку потолка модифицированным проницателем и остался доволен. Толщина четыре дюйма, обычный сплав свинца и «тяжелого» бериллия, подвергнутый ядерной обработке. Проницатель показал также контуры фигуры Гриера,

который сидел и читал. Что читал, рассмотреть было невозможно.

Хедрок максимально сосредоточился, никаких других чувств не испытывая, кроме садистского удовольствия при виде Гриера, самодовольно развалившегося в кресле и воображающего себя хозяином положения.

Подвел тяжелый полишер прямо под то место, где сидел Гриер, и нацелил строго наверх. Затем приступил к расчетам. На вид Гриер весил около ста семидесяти фунтов. Две трети от его веса составляют сто четырнадцать фунтов. Придется уравновесить силу удара, поскольку Гриер физически не слишком силен.

Теперь следует учесть четырехдюймовый пол. Слава богу, его сопротивление вполне подходит под общую формулу. Хедрок сделал необходимую корректировку и нажал на кнопку.

Гриер сполз на пол. Хедрок поднялся наверх, осмотрел при помощи цветного проницателя бесчувственное тело, распростертое возле кресла, и убедился, что все кости целы, сердце бьется по-прежнему. Все в порядке. Мертвый не ответил бы на вопросы. А вопросов уйма.

Потребовалось провести математические расчеты системы силового поля, которое держало бы Гриера в плену хоть целую вечность, не стесняя при этом движения рук и ног, поворотов тела.

7

Следующие полчаса Хедрок посвятил осмотру корабля, до поры до времени оставив без внимания многие запертые двери и заполненные разными разностями кладовые. Он хотел иметь общее представление о внутренней структуре этой необычной конструкции. Однако беглый взгляд не принес существенного облегчения. Проблема заключалась в том, что космический корабль не мог покинуть ангар, а он, Хедрок, не мог покинуть корабль.

За ангаром наверняка следят. Хотя он не заметил солдат Иннельды, это еще ничего не доказывало. А если они в невидимых костюмах? Императрица, без всякого сомнения, не хотела бы привлекать внимание соглядатаев Торгового Дома к правительственным войскам. А Роберт Хедрок прошел по улице, на которой не встретил ни души, и проник в суперсовременный космический корабль, прежде чем начальник охраны сообразил остановить его.

Если это предположение соответствует действительности, ему не дадут отсюда выбраться — засекут, задержат и станут допрашивать. А на подобный риск пойти нельзя. Что же остается? Обуреваемый мыслями, он спустился вниз, в комнату с изоляцией. Гриер пришел в себя и свирепо уставился на Хедрока, в его взгляде были ненависть, и страх.

— Не воображайте, будто это сойдет вам с рук,— сказал он дрожащим голосом.— Когда о вашем поступке станет известно императрице, она...

— Где другие? — оборвал его Хедрок.— Где Кершоу и...— Он было заколебался, но тут же продолжил: — И мой брат Джил?

Зрачки темных глаз, с ненавистью смотревших на него, расширились. Было заметно, как Гриер вздрогнул.

— Пошел ты к черту! — выпалил он. В голосе проскальзывала тревога.

— На вашем месте я бы побеспокоился о том, что случится, если я выдам вас императрице,— рассчитанно припугнул его Хедрок.

Гриер побелел, с трудом сглотнул, затем хрипло произнес:

— Не валяйте дурака. Нам здесь обоим хватит. Мы можем оба поживиться, но нужна осторожность. Она окружила корабль. Я прикинул: вдруг они кого-нибудь пропустят. Поэтому и приготовил скорострельную пушку — как раз на тот случай, если надумают ворваться солдаты.

— А как насчет телестата? — спросил Хедрок.— Можно установить связь?

— Только через телестат в Треллис Майнор Билдинг.

— Ох! — вырвалось у Хедрока.

Он от досады закусил губу: на сей раз просчитался!.. В Треллис Майнор Билдинг логика подсказала вывести из строя телестат, чтобы никто другой не сумел перебежать дорогу и предложить свою кандидатуру на работу. Он и предположить не мог, что выйдет прямо на межзвездный корабль.

— И кого можно вызвать?

— Парня по имени Зейдел,— мрачно сказал Гриер.

Всего несколько секунд потребовалось Хедроку, чтобы вспомнить, где он слышал это имя. Ну конечно, за столом императрицы, несколько месяцев назад. Один из придворных выразил отвращение по поводу идеи взять в услужение подобного субчика. «Бог создал крыс,— сказала тогда Иннельда,— и бог создал Зейдела. Мои ученые нашли применение крысам в своих лабораториях, а я нашла применение Зейделу. Вопрос исчерпан, сэр?» — высокомерно подытожила она.

Человек, заговоривший об этом, слыл острословом. Он парировал: «У вас в лабораториях проводят эксперименты над крысами, а теперь вы нашли крысу, которая будет проводить эксперименты над людьми».

На щеках Иннельды вспыхнули красные пятна, и в результате невоздержанного на язык приближенного отлучили от общего обеденного стола на две недели.

Очевидно, императрица все еще пользуется услугами Зейдела. Хорошего в этом мало. Ну что же — не первая и не последняя неудача. Хедрок опутал Гриера силовыми линиями в новом месте — на антигравитационной платформе — и перевез в одну из

спален в верхней половине корабля. А потом продолжил осмотр. На этот раз весьма тщательный, хотя каждая минута была на счету — близилась развязка.

Он ходил из помещения в помещение, справляясь с неподдающимися замками при помощи энергетической дрели. Дольше всего он задержался в личных комнатах над кабиной управления. Впрочем, там уже побывал Гриер. Надо полагать, тому понадобилось немало времени, чтобы уничтожить все улики, но он постарался на славу. Не было ни писем, ни личных вещей — ничего такого, что могло бы намекнуть на нынешнее местонахождение бывших обитателей этих комнат.

Только в воздушном шлюзе, расположенном в носовой части корабля, ему улыбнулась удача. Полностью экипированная спасательная ракета с двумя такими же двигателями, как на самом корабле, укромно покоилась на пусковых опорах. На первый взгляд маленькая спасательная ракета — маленькая только в сравнении: почти сто футов длиной — была в отличном рабочем состоянии.

Хедрок внимательно осмотрел панели управления и с волнением заметил, что помимо обычного ускорителя там была блестящая белая ручка, на которой значилось: «ПОЛЕТ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ». По-видимому, это свидетельствовало о том, что ракета способна совершать межзвездные рейсы. Теоретически он мог сесть за пульт управления, поднять спасательную ракету в воздух и исчезнуть в космосе с такой скоростью, о какой преследующие корабли не смели и мечтать. Он осмотрел пусковое устройство и обнаружил, что оно работает автоматически. При включении обычной скорости ракета просто соскальзывала с опор и ее поступательное движение приводило в действие шлюз. При включении огромной скорости створки воздушного шлюза раздвигались и ракета устремлялась наружу, а створки тотчас захлопывались за ней.

Сомнений нет. Путь к спасению найден. Хедрок вылез из ракеты и пошел в главную кабину управления, которая находилась почти на уровне земли. Какая-то неуверенность овладела им. Прошло всего несколько часов с момента побега из императорского дворца, а он уже захватил межзвездный корабль. Следовательно, ему повезло там, где вооруженные отряды императрицы и Торгового Дома оружейников потерпели неудачу. Сейчас осторожность превыше всего, а она порождает ряд взаимосвязанных проблем. Как передать огромный корабль Торговому Дому, не подвергая опасности себя и не втягивая в открытое столкновение противоборствующие силы? Самое важное заключалось в том, что Кадрон не получит его письмо до следующего полудня.

При иных обстоятельствах можно было бы спокойно выждать, но не теперь. Надо полагать, Зейдел доложил о его визите в ангар императрице, а ей это показалось подозрительным. Вполне

вероятно, она дала Гриеру время, чтобы тот связался с ее агентами и объяснил, в чем дело. Долго ждать Иннельда не будет. Возможно, ее люди уже несколько раз пытались вызвать Гриера. Хедрок уселся в кресло перед контрольным пультом и стал ждать, когда оживет телестат. В то же время он обдумывал свое положение. Через пять и три четверти минуты послышался щелчок, лампочка вызова начала мигать и появился звук в виде приглушенной музыки. Так продолжалось две минуты, потом прекратилось. Хедрок ждал. Через тринадцать минут вновь раздался щелчок и заиграла музыка. Итак, все происходит по определенной схеме. Должно быть, Зейдел получил указание вызывать Гриера каждые пятнадцать минут. А если тот не ответит? Будут приняты соответствующие меры. Какие?

Хедрок отправился вниз, в машинное отделение, и занялся небольшим двигателем. Весьма сомнительно, что он успеет быстро починить два основных двигателя, которые оживили бы огромный корабль, но попытка не пытка. Сперва он каждый час поднимался в кабину управления узнать, продолжаются ли вызовы. А затем установил другой телестат в машинном отделении и подсоединил его к тому, что в кабине управления. Теперь он мог следить за вызовами, не прекращая работы.

Можно было только догадываться, что предпримет Иннельда, когда ее терпению придет конец. Хедрок вообразил, что она отдала приказ о повышенной готовности воздушного флота. И в том случае, если межзвездный корабль вдруг поднимется в воздух, мощные истребительные силы собьют его, прежде чем он разовьет недосягаемую скорость.

Из-за этого риск побега в спасательной ракете был неоправданно велик. Если ее собьют, прости-прощай надежда человечества достигнуть удаленных звезд. Единственный выход — парализовать действия вооруженных сил императрицы, пока не появится какой-то шанс на успех. И только тогда — ни секундой раньше — предпринять самую невероятную попытку и добиться решительной победы как для себя, так и для Торгового Дома. Но до завтрашнего полудня ни о каких серьезных шагах не может быть и речи.

В шесть вечера, за восемнадцать часов до предельного срока, телестат замолчал. Прошло пятнадцать минут — ни звука. Хедрок быстро прошел в отсек питания, перекусил и отнес Гриеру бутерброды и кофе. Пришлось убрать одну из силовых линий, чтобы тот смог двигать правой рукой и поесть самостоятельно.

В 18.29 Хедрок уселся перед приборной доской управления. Телестат по-прежнему не подавал признаков жизни. Либо Иннельда прекратила вызовы до утра, либо нужно чего-то ожидать. Хедрок не имел права выпускать ситуацию из-под контроля. Он заглянул в абонементный справочник, включил телестат — только микрофон, а не изображение — и набрал номер ближайшего полицейского участка, намереваясь выступить в роли загнанной овечки. Как интересно: они не прервали его и дали набрать

номер до конца. Хотелось создать впечатление, что это самый обычный вызов полиции. Знакомый щелчок удостоверил наличие связи. Прежде чем ответили, Хедрок громко зашептал:

— Полиция? Меня держат силой, кажется, на борту космического корабля. Помогите!

Последовало молчание, затем мужской голос тихо спросил:

— По какому адресу?

Хедрок дал адрес и кратко объяснил, что его наняли ремонтировать атомные двигатели, но сейчас силой держит человек по имени Рел Гриер.

Его прервали:

— Где находится Гриер?

— Лежит в своем кабинете наверху.

— Подождите минутку,— сказал человек.

Пауза, а затем вмешался голос императрицы, который ни с кем невозможно спутать:

— Ваше имя?!

— Даниэл Нилан,— сказал Хедрок и добавил с тревогой в голосе: — Пожалуйста, поторопитесь. Гриер в любой момент может спуститься. Нельзя, чтобы он меня застукал.

— Почему бы вам просто не открыть дверь и не выйти?

А у него на простой вопрос был припасен столь же простой ответ — дескать, открыть дверь можно только из комнаты Гриера.

— Понятно...

Сказала и задумалась. Хедрок представил себе, как ее быстрый ум анализирует ситуацию и возможные последствия. Должно быть, решается на какие-то шаги...

— Мистер Нилан, ваш вызов полиция переключила на отдел секретной службы. Дело в том, что вы невольно оказались замешаны в историю, представляющую интерес для правительства.— Затем сразу добавила: — Не волнуйтесь!

Хедрок решил промолчать.

— Мистер Нилан,— продолжала Иннельда, не могли бы вы включить изображение? Крайне желательно видеть, с кем разговариваешь.

— Могу, только я буду видеть вас, а не вы меня — здесь нет необходимой ручки.

— Нам известно, что мистер Гриер скрывает свою внешность,— ледяным тоном произнесла она. И вдруг резко добавила: — А теперь живо — я хочу, чтобы вы взглянули на меня!

Хедрок включил экран и наблюдал, как постепенно на нем появляется изображение императрицы. Он подождал какое-то время, а затем прошептал:

— Ваше величество!

— Вы меня узнали?

— Да, да, но...

Она его оборвала:

— Мистер Нилан, вы занимаете совершенно особое положе-

ние в мире великих событий. Ваше правительство, ваша императрица требуют от вас преданности и верной службы.

— Ваше величество,— произнес Хедрок,— простите меня, но, пожалуйста, поторопитесь.

— Я буду говорить ясно — постарайтесь понять! Сегодня днем, когда мне сообщили, что неизвестный молодой человек, то есть вы, проник в космический корабль Гриера, я тотчас же приказала казнить некоего капитана Хедрока, шпиона Торгового Дома оружейников, чье присутствие во дворце терпела до поры до времени.

Она немножко путала время, отметил про себя Хедрок, и к правде примешала ложь, но он не имел права поправлять ее. Она пропустила мимо ушей его призыв поторопиться, и это настораживало. Разумеется, императрица рассматривает возникшую ситуацию как непредвиденную, но благоприятную для себя возможность, а что станет с Даниэлом Ниланом, ее ничуть не занимает. По всей вероятности, считает, что всегда может вернуться к переговорам с Гриером, и тут, наверное, права.

— Я говорю вам это, чтобы наглядно проиллюстрировать всю полноту и степень мер предосторожности, которые намерена предпринять, чтобы обеспечить неукоснительное исполнение моей воли,— продолжала она негромким, но твердым голосом. Во взгляде сверкала решимость.— И пусть участь капитана Хедрока послужит напоминанием всем тем, кто посмеет ослушаться меня или не справится со своими обязанностями. Вот что вам надлежит делать, так как отныне вы солдат на службе правительства. Продолжайте для отвода глаз заниматься тем, чем начали, то есть убедите Гриера, будто выполняете взятые на себя обязательства. А как только он отвлечется, разбирайте те узлы, которые находятся в рабочем состоянии. Я уверена, это можно делать столь искусно, что комар носа не подточит.

Она перевела дыхание.

— А теперь слушайте внимательно. Как только вы парализуете двигательные способности корабля, воспользуйтесь первой же возможностью и дайте нам знать. Достаточно одного слова. Включите телестат и шепните: «Уже» или что-нибудь в этом роде, и мы начнем действовать. У нас в боевой готовности возле ангара восемь орудий со стомиллионными зарядами. Таков план. И он будет выполнен. После его успешного завершения вы в течение двадцати четырех часов получите огромное вознаграждение за содействие.

Императрица свое высказала и расслабилась. Взгляд, только что горевший буйным огнем, смягчился. Лицо вдруг озарилось теплой улыбкой.

— Надеюсь, Дэн Нилан, я выразилась достаточно ясно,— произнесла она спокойным тоном.

Вне всяких сомнений! Хедрок сидел как завороженный, позабыв о последнем дне во дворце, обо всех ее подозрениях и

угрозах. Он не ошибся, когда пришел к заключению, что правительница будет играть выдающуюся роль в любой критической ситуации этого суматошного века.

Он начал анализировать скрытый смысл всего сказанного и был близок к состоянию шока, когда голос императрицы прервал его мысли:

— Зейдел, продолжайте!

На экране появилось изображение человека лет сорока пяти. Голубовато-серые глаза, тонкий нос, точно клюв, и длинная щель вместо рта. По вульгарной физиономии Зейдела блуждала мрачная улыбочка.

— Вы слышали приказание нашей блестящей правительницы,— сказал он вялым голосом.— Этот негодяй Гриер противопоставил себя короне. Он обладает изобретением, которое ставит под угрозу само существование государства. Об этом изобретении никто не должен знать. А теперь будьте внимательны: если возникнет необходимость или представится удобный случай, настоящим от имени ее императорского величества вам дано право ликвидировать Гриера как врага государства. Вопросы есть?

Они не сомневались в его согласии сотрудничать, хотя и ждали подтверждения.

— Вопросов нет,— прошептал Хедрок.— Я верный подданный ее величества. Я все понимаю.

— Прекрасно. Если вы не дадите о себе знать к одиннадцати часам завтрашнего дня, мы начнем атаку. Оправдайте доверие императрицы!

Послышался щелчок. Хедрок тоже отсоединил связь и снова пошел в машинное отделение. Ограниченность во времени приводила в уныние, хотя он все-таки надеялся, что атаку удастся отсрочить на час, а может быть, больше.

Он принял тонизирующую таблетку и приступил к делу. Чуть за полночь закончил регулировку одного из основных двигателей, получив тем самым половину мощности, необходимой этому огромному кораблю.

Как быстро бежало время! В 9.10 Хедрок вдруг осознал, как близок назначенный срок. А ведь для приведения в порядок второго двигателя потребуется часа два с лишним, и только поэтому остро нужна отсрочка. Он покормил Гриера, сам быстро позавтракал, а затем возился с двигателем до 10.40.

Работа все еще не была закончена, и он, обливаясь потом, включил телестат. Зейдел появился на экране почти мгновенно, в своем нетерпении он походил на лису. Глаза горели, губы дрожали.

— Да? — выдохнул он.

— Нет,— торопливо проговорил Хедрок.— Гриер только что поднялся в кабину управления. Он был со мной все утро. Я лишь сейчас начинаю выводить двигатели из строя. Это продлится до двенадцати тридцати или до тринадцати. Я...

И тут на экране возникла Иннельда. Ее зеленые глаза смотрели с прищуром, но заговорила она вполне спокойным тоном.

— Мы принимаем отсрочку только до двенадцати. Занимайтесь делом и оставьте телестат включенным, я имею в виду звук. *Вы обязаны справиться с заданием!*

— Попытаюсь, ваше величество,— прошептал Хедрок.

И выиграл еще один час.

Он продолжал тонкую работу по приведению в готовность последнего двигателя. Время от времени он видел на блестящей поверхности металлических деталей собственное отражение с капельками пота на лице. Напряжение не спадало, хотя теперь не было уверенности в том, что его усилия приведут к чему-нибудь путному. В небе над огромным городом господствовали вооруженные силы правительства. Казалось все более невероятным, что Торговый Дом оружейников сможет что-либо предпринять в последнюю минуту. Хедрок представил себе дневную доставку почты в корпорацию «Метеор». Его письмо на имя Питера Кадрона будет передано быстро, но где в этот момент окажется сам Кадрон? На очередной конференции, на другом конце Земли или на обеде? И вскроет ли он почту сразу, словно от этого зависит его жизнь?

Было 11.30, когда измученный Хедрок ясно осознал, что со вторым двигателем никак не успеть. Тем не менее работу продолжал, дабы императрица слышала — он подчиняется приказу. Но пора было принимать решение. Ему обязательно придется подняться наверх, к спасательной ракете. Как бы ни повернулось дело, надежда на спасение в ней. Она представляла не меньшую ценность, чем основной корабль, так как тоже могла совершать межзвездные полеты. Лишь бы улетела. А если нет, если ее собьют, то и думать о будущем ни к чему.

Но как подняться к ракете, когда телестат включен? Если перестать шуметь, Зейдел и императрица насторожатся. А ведь ему понадобится минут пять, чтобы добраться до спасательной ракеты. Немалое время, принимая во внимание сложившуюся обстановку. Нужно что-то придумать и сбить императрицу с толку. Хедрок помедлил, затем подошел к телестату.

— Ваше величество,— сказал он громким шепотом.

— Да?

Ответ прозвучал немедленно, и он представил себе, как она сидит перед рядами телестатов, следя за важнейшими точками этой операции.

— Ваше величество, я не смогу вывести из строя все двигатели к назначенному часу. Здесь их семнадцать той или иной мощности. мне хватило время только на девять. Позвольте внести предложение?

— Говорите,— обронила она без особого интереса.

— Если пойти наверх и попытаться захватить Гриера? Может быть, застану его врасплох.

— Да,— какая-то странная нотка прозвучала в ее голосе.— Да, все может быть.— Она помолчала, затем холодно продолжила: — Должна сказать, Нилан, что ваше поведение становится подозрительным.

— Я не понимаю, ваше величество.

Казалось, она его не слышит.

— Вчера мы безуспешно пытались связаться с Гриером. Раньше он довольно быстро отвечал на вызов, а теперешнее его поведение, мягко выражаясь, весьма необычно. Насколько ему известно, мы согласны удовлетворить его чрезмерные притязания и все его смехотворные условия.

— Я все-таки не понимаю...

— Я скажу так,— ледяным тоном молвила она.— В этот решающий час мы ничем не рискуем. Разрешаю пойти наверх и захватить Гриера. Приказываю действовать смело, по-солдатски, и не дать ему вывести корабль из ангара. Однако, если наши подозрения по поводу вас небезосновательны, я сейчас же, в эту секунду, отдам приказ о штурме. Если у вас есть какие-либо личные планы, лучше от них отказаться и сотрудничать с нами. Ступайте наверх и, пока идет атака, предпринимайте все необходимое против Гриера. Но вам придется поторопиться.

Ее голос обрел силу, напомнив звучание скрипки на низкой ноте, и стало ясно, что она решила перейти к активным действиям:

— Всем вооруженным силам! — провозгласила императрица, как видно, обращаясь к другим телестатам.— Атакуйте!!!

Хедрок уже бросился к выходу, когда услышал эту команду. Какое-то время ушло на то, чтобы справиться с массивной дверью, защищающей от радиации. Взбираясь по лестнице, он еще был уверен, вернее — еще надеялся, несмотря на грозящую опасность, что сумеет выбраться на уровень земли или даже выше, прежде чем что-либо его остановит.

И тут ухнул залп, сотрясший космический корабль. Подобной силы удара он не представлял себе в самых мрачных предположениях и на мгновение застыл в ужасе и изумлении. Разум отказывался верить, что такое возможно. Не успел он сделать следующего шага, охваченный сомнением в благополучном исходе, как грянул второй залп титанической силы, сбросившей его вниз.

Едва Хедрок поднялся на ноги, собрав все силы, грохнул очередной залп. Из носа и из ушей потекли струйки крови. Выстрелы следовали один за другим. Он падал и снова поднимался, плохо соображая, где находится, и почти не сомневаясь, что теперь все кончено.

Он уже не шел, а полз, и не вверх, как вначале, а вниз. И на одной из площадок инстинктивно запер за собой дверь.

Совершенно измученный, он прислонился к стене, когда крики людей достигли его помутившееся сознание. Чьи-то голоса вроде бы раздавались внутри корабля. Все еще плохо соображая, он

потряс головой. Голоса приближались, и тогда он ясно понял, что произошло.

Они проникли в корабль. И для этого понадобилось только семь залпов.

По ту сторону двери, за которой он стоял, громко командовал какой-то человек:

— Ломайте быстрее! Приказываю схватить всех на борту!

8

Хедрок решил отступать, но движения были замедленными — он не мог в полной мере ими управлять. Колени дрожали, ноги не слушались, когда он сходил по ступеням.

Вниз, вниз — было такое чувство, словно опускаешься в собственную могилу. Нет, подумал он, до могилы еще далеко. Он миновал складские помещения. Затем будут изоляционные переборки, затем мастерская, затем машинное отделение, затем камера с двигателями, а уж затем...

А уж затем...

Забрезжила надежда. Был все-таки выход. Корабль, конечно, потерян. А с ним и шанс миллиардов людей, которые могли бы возжечь факел цивилизации на самых отдаленных планетах Вселенной — их шанс, их надежда на бо́льшее счастье. Но его надежда еще не угасла. Он достиг машинного отделения и отбросил все мысли, кроме одной — вырубить автономное электропитание. Понадобилась драгоценная минута, чтобы выяснить, каким выключателем надо щелкнуть, чтобы всех наверху оставить без света и энергии. Во время этой минуты содрогался потолок, под напором рвущихся стражников одна за другой с отдаленным грохотом падали запертые им двери. Людские возгласы становились все ближе.

Сейчас он им преподнесет сюрприз. Отнимет у них несколько минут, замедлив продвижение дальше.

Хедрок вечером заметил, где находится гигантская шестифутовая дрель, которая сейчас ему понадобится. Она парила в воздухе на антигравитационной платформе. Он, вытолкнув ее из мастерской, спустил по двум пролетам лестницы мимо машинного отделения в камеру с главным двигателем — последнее помещение огромного космического корабля. И здесь, забыв о чрезвычайном своем положении, остановился как завороженный.

Вот то сокровище, из-за которого разгорелся весь сыр-бор. Вчера — господи, как давно это было! — ему не хватило времени добраться до последнего отсека. А теперь пришла пора проникнуть еще дальше — в шахту двигателя. Он снял с дрели транспорантное устройство, намереваясь просветить тридцатифутовую толщу стены. Экран транспоранта заволокло мутным туманом, и он понял, что просчитался. Металл слишком плотный, слишком толстый и многослойный.

Чувствуя свое бессилие, он резко повернулся и бросился бежать, толкая перед собой дрель, — несмотря на полную невесомость, она все же несколько замедляла движения. Миновал первую дверь нижнего шлюза, затем вторую, третью и вдруг остановился, пораженный безумной догадкой. Собрал остатки сил, чтобы пробурить шестифутовый наклонный шурф на поверхность земли. Но это оказалось излишним: его глаза разглядели существующий проход. Тусклые лампы на потолке образовали уходящую вверх и далеко вперед линию.

Некогда было обдумывать, как и зачем появился здесь этот проход. Хедрок схватил транспорант, оттолкнул ненужную больше дрель и кинулся в тоннель. Он был очень длинным... Конечно, в те считанные минуты, на какие мог рассчитывать Хедрок, он не смог бы пробурить такой же. Угол подъема составлял приблизительно двадцать градусов. И дальность расстояния была ему на руку. Чем дальше он окажется от корабля, прежде чем выберется на поверхность, тем лучше.

Вот и конец. Перед ним была металлическая дверь. Используя транспорант, он увидел за ней пустой подвал. На двери оказался простой запор, который при первом же прикосновении открылся. Хедрок постоял в подвале, внимательно осматриваясь и обдумывая свое положение. Не Гриер, а Кершоу и другие соорудили все это. Они тоже относились с большой осторожностью к контактам с внешним миром. Возможно, Гриер даже не знал о проходе. Да, Хедроку вдруг стало совершенно ясно: если бы Гриер знал, никогда не оставил бы его одного в машинном отделении так близко от наклонного тоннеля. И еще: по всей вероятности, такие выдающиеся простофили, как Кершоу и Джил Нилан, которые предусмотрели все меры предосторожности против вмешательства извне, не смогли обезопасить себя от собственного рабочего — от простого подручного Гриера, поручив ему контакты с внешним миром через телестат.

Впрочем, все эти догадки по поводу давней трагедии, происшедшей на космическом корабле, хотя и весьма интересны, однако носят чисто умозрительный характер.

В угнетенном состоянии духа Хедрок направился к ведущей наверх лестнице. На полпути она раздваивалась. Налево располагалась резная дверь, за которой, как показал его транспорант, находилось густое помещение. Правая лестница оказалась той, что была ему нужна. Хедрок положил транспорант на ступеньки — больше тот не понадобится. Он выпрямился, открыл последнюю, как выяснилось, дверь и оказался в ярком свете солнца. Он стоял на заднем дворе большого пустого дома. За великолепной лужайкой был садик с вечнозеленой растительностью, гараж для автоплана и высокий забор с калиткой. Калитка легко поддалась, она выходила на глухую улицу с деревьями вдоль тротуаров. Намного дальше впереди тянулся широкий проспект.

Хедрок поспешил туда, стараясь определить свое местонахождение относительно космического корабля, дабы решить, как вести себя дальше.

На углу стоял часовой в форме и в блестящем шлеме со стереоскопом для дальнего видения.

— Как там дела? — спросил он, помахав Хедроку.

— Мы пробились внутрь! — прокричал Хедрок.— Смотри во все глаза.

— Не беспокойтесь. Нас здесь хватает.

Хедрок повернулся и, охваченный тревожными мыслями, быстро пошел обратно — туда, откуда вышел. Ловушка захлопывается. Как видно, перекрыты целые кварталы. Через какие-то минуты штурмовой отряд снесет последнюю из трудно поддающихся дверей в нижних отсеках космического корабля, поймет, что произошло, и начнется охота, которая, конечно, увенчается успехом.

Более того. Может быть, солдаты уже преодолели все преграды и вот-вот вырвутся из тоннеля наружу, обнаружат его и с ходу убьют.

Хедрок перелез через высокий забор в другой задний двор. Перед каким-то домом стояла шеренга людей в шлемах со стереоскопами. Внезапно блеснула озорная мысль: что будет, если не искать путей к отходу, а двинуться прямо к кораблю. И он пошел. Никто не попытался остановить его. После всех страхов и напряжения он улыбнулся, подумав о людской психологии, разрешающей перемещаться к эпицентру событий, но не от него. Смело вышел на перекресток улиц, откуда уже виднелся ангар, напоминающий иглу. И через несколько секунд приблизился к кораблю. Никто не стал препятствовать, когда он осторожно пролез через пробоину с рваными краями и очутился в кабине управления.

Снова дали электричество, которое он недавно вырубил. Это было первое, что бросалось в глаза. Значит, преследователи добрались до машинного отделения. Скорее всего они растекались сейчас по всем направлениям, чтобы обыскать помещения. Не открывает ли это перед ним некие возможности? Хедрок обвел взглядом кабину управления. В нее набилась группа людей, и каждый, как того требовали правила, был в таком же изоляционном костюме, что и он сам. У солдат его появление не вызвало ни тени подозрения. Судя по всему, он был для них одним из сотрудников тайной полиции в одежде, защищающей от радиации.

И тут что-то грохнуло внизу, в глубине корабля. Хедрок содрогнулся от этого звука. *Должно быть, взломали дверь в камеру с двигателями.* Сейчас обнаружат, каким образом он вырвался на свободу. Через несколько секунд сигнал тревоги, набирая скорость, понесется по всем помещениям. Хедрок неторопливо двинулся к лестнице, проталкиваясь между людьми, и начал подниматься вверх. Все было очень просто. Он беспре-

пятственно достиг спасательной ракеты и быстро ее осмотрел. Внутри никого не было. Со вздохом облегчения опустился в многоцелевое кресло перед приборной доской и, сдерживая прерывистое дыхание, нажал на «пуск».

Как шарик катится по наклонной стеклянной плоскости, так и этот маленький корабль соскользнул по направляющим штангам.

Прекрасный старый город с высоты полумили искрился на солнце. Казалось, до него рукой подать, шпили некоторых домов чуть ли не царапали днище. Хедрок постепенно приходил в себя. Сначала удивился, что перехватчики не атакуют его, но потом уверовал в то, что они стерегут восьмисотфутовый космический корабль, а это крошечное суденышко издали походит на общественный автоплан или какую-нибудь из многих типов прогулочных машин. Он прикидывал два варианта. Если удастся, спастись бегством и спрятаться в одном из своих потайных убежищ. Если нет, то, используя форсажный двигатель спасательной ракеты, убраться из земных пределов.

Конец его надеждам положило темное пятно, появившееся на экране телестата задней обзорности. Оно, с нарастающим гулом затмевая голубизну неба, превратилось в корабль — тысячефутовый крейсер. В то же самое время стандартный телестат — теперь, когда Хедрок вырвался на свободу, им можно было пользоваться для обычной связи — ожил.

— Разве вы не слышите всеобщий приказ не взлетать?— сказал строгий голос.— Держите курс прямо вперед, оставайтесь на данной высоте, пока не достигнете сигнальной башни военного аэродрома на востоке. Садитесь там, в противном случае будете уничтожены.

Пальцы, протянувшиеся к белому акселератору, застыли на полпути. Похоже, его не узнали, он не уловил в команде подозрительных ноток. Хедрок еще раз скользнул взглядом по экранам телестатов и не увидел в воздухе никого, кроме этого крейсера. Всякое движение замерло. Нахмурившись, Хедрок снова посмотрел на крейсер, висевший над ним почти вплотную. Очень близко. Он прищурил глаза. Крейсер перекрывал ему путь вверх. Реальное положение вещей круто изменилось, когда еще два крейсера пристроились справа и слева, а впереди и сзади носился рой маленьких истребителей. Тут первый корабль стал наседать на него, закрыв собой весь экран. Какие бы промахи ни допускали наземные части, воздушные силы оказались на высоте, в этом сомнения не было. Во второй раз его рука потянулась к белому акселератору. Он сжал его, но остановился, так как на экране обычного телестата возникло продолговатое аристократическое лицо императрицы.

— Нилан,— сказала она.— Я не понимаю. Неужели вы в самом деле настолько неблагоразумны, что решили противостоять правительству?

Хедрок ничего не ответил. Он чуть-чуть поворачивал свой корабль, не отрывая глаз от образовавшегося просвета между летящими впереди истребителями. Да и каким образом он мог бы ответить — шепотом, как раньше? Либо изменив голос, к чему давно не прибегал. Не хотел он разыгрывать бездарный спектакль и рисковать будущими отношениями с Иннельдой.

— Дэн Нилан! — голос императрицы звучал на низкой драматической ноте.— Подумайте, прежде чем обрекать себя на гибель. Мое предложение все еще в силе. Просто посадите спасательную ракету в указанном месте и...

Она продолжала говорить, но Хедрок помышлял лишь о побеге. Благодаря ее вмешательству он выгадал минуту-другую, чуть подправил курс, и сейчас его маленький корабль был повернут к Южному полушарию в направлении звезды Проксима Центавра. Разумеется, цель он наметил весьма приблизительно, но другого выхода не было — необходимо уйти от военных кораблей и отправиться в те края, о которых было хоть какое-то представление.

— ...Я предлагаю вам миллиард креди...

Пальцы крепко сжимали белый рычаг, на котором значились слова «ПОЛЕТ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ», и теперь, когда наступило время, он не колебался. Резкое движение руки, и рычаг был выжат до упора.

На него обрушился удар такой невероятной силы, будто его огрели кузнечным молотом.

9

Томительно тянулось утро. Императрица — молодая, высокая, красивая — ходила взад-вперед по своему кабинету с зеркалами на стенах.

«Какой изможденный у меня вид,— вдруг подумала она,— будто у задерганной кухарки. Начинаю себя жалеть и сетовать на крест, который взвалила на собственные плечи. Кажется, старею...»

Она физически ощущала бремя своих лет. Наверное, в десятый раз включила один из стоящих в ряд телестатов и долго всматривалась в людей, работавших в отсеке двигателей космического корабля Гриера. Ее обуяло неистовое желание закричать на них, заставить поднажать, поспешить, поторопиться. Неужели они не понимают, что в любой час, в любую минуту Торговый Дом оружейников может обнаружить то место, куда перевезли корабль, и атаковать его всей своей мощью.

«Уничтожить корабль, пока не поздно. Уничтожить как можно скорее!» — в который раз думала она за это долгое утро.

Резким движением пальца включила телестат, который передавал новости, и вслушалась в выкрики, обращенные к ней: *Торговый Дом оружейников обвиняет императрицу в том, что она*

вынашивает тайные планы межзвездных полетов... Торговый Дом требует обнародовать эти секретные данные...

Она выключила телестат и на какое-то время застыла, оглушенная тишиной. Но уже через мгновение почувствовала себя лучше. Они ничего толком не знают — сам собой напрашивался вывод из последних сообщений. Как только корабль будет уничтожен — она опять ощутила прилив беспокойства,— останется один сомнительный момент, один человек — таинственный Дэн Нилан.

Но Нилан либо мертв, либо бесследно исчез. В течение двух секунд, пока маленький корабль был в пределах досягаемости военных радаров, он развил, по сведениям технической службы, такую огромную скорость, что никакое человеческое существо не могло бы ее выдержать, оставаясь в сознании. И еще не известно, как долго продержится такое состояние при подобной скорости. Пускай себе Торговый Дом оружейников неистовствует и витийствует, Айшеры знавали и худшие времена.

Невольный взгляд на телестат, настроенный на корабль Гриера, вернул ее к главной опасности. Долго смотрела она, не отрываясь, на незаконченную работу. Затем, вся дрожа, прервала связь. Какой кошмар это ожидание! Потом послушала очередной выпуск последних известий и почувствовала себя бодрее. Они прибавили ей уверенности. Все, что сообщалось о Торговом Доме оружейников, было против него. С трудом выдавила из себя кривую улыбку: вот ведь до чего дошла — собственной пропаганде поверила!

Как бы там ни было, она совершенно успокоилась и была готова к разговору, который откладывала все утро. Невозмутимая, сидела она в кресле, а перепуганный негодяй Гриер трещал без умолку — был вне себя от страха и молил о пощаде. Императрица слушала без интереса, пока тот не упомянул о Кершоу и Нилане.

Она поморщилась: ох уж этот Нилан!

Какую же цель поставил он перед собой? Воздвиг неприступную стену, которую она не смогла преодолеть. Возможно, то неожиданное сопротивление, которое он ей оказал, следует объяснить родственными чувствами к брату, хотя совсем уж не понятно, как он обнаружил корабль. Пробыв на нем всего несколько часов, досконально разобрался во всех деталях. Приложил поистине геркулесовские усилия, чтобы привести в порядок двигатели,— грандиозная задача, которую он, пожалуй, решил бы в более благоприятных условиях. Это она ему помешала, так как, страшно нервничая, сама приказала начать атаку. По логике вещей следовало принять во внимание его доводы и отложить штурм. О чем тут говорить — она столкнулась с выдающейся личностью!

Императрица справилась со своими мыслями и мягко спросила Гриера:

— А где вы оставили Кершоу и других?

Тот стал что-то бессвязно лепетать о семи пригодных для жизни планетах созвездия Центавр, три из которых прекраснее Земли.

— Клянусь, я оставил их на одной из этих планет. С ними все в порядке. Первый же корабль подберет их. Я только хотел поскорее добраться сюда и продать изобретение. Конечно, это преступление. Но в наше время каждый думает лишь о себе.

Она знала, что Гриер лжет, говоря о судьбе команды, поэтому была холодна и безжалостна. Люди, испытывающие страх, всегда вызывали в ней эти чувства. Она относилась к ним с отвращением, словно к чему-то нечистому. Они не представляли для нее никакой ценности. Но в данном случае почему-то была в нерешительности и не сразу поняла, почему именно. Поразительно, но ей тоже было страшно. Только не за себя, как Гриеру, а за династию Айшеров.

Императрица подняла голову и повелела:

— Отведите его обратно в камеру. Я решу позже, что с ним делать.

Хотя знала наперед, что помилует мерзавца, и жгуче презирала себя за эту слабость. Уж не уподобилась ли она той черни, которая бесновалась на улицах и вопила, требуя сведений о межзвездном суперлайнере?

Один из ее личных телестатов ожил. Она включила его, и глаза ее расширились при виде адмирала Дирна.

— Да,— отозвалась императрица,— я сейчас буду.

Она в нетерпении вскочила с кресла. Космический корабль готов и ждет, чтобы уничтожили его и вместе с ним его тайну. Каждая минута промедления грозит гибелью, когда имеешь дело с таким противником, как Торговый Дом оружейников. И она устремилась к дверям.

Космический корабль Гриера — она с досадой продолжала его так называть, поскольку не подобрала лучшего названия,— издали казался крошечным в огромном военном ангаре. Но по мере того как ее автоплан в сопровождении патрульных машин подлетал все ближе, крошка начала расти. Когда же она прошла пешком последние четыреста футов, корабль навис над ней — длинное, крапчатого цвета сооружение в форме сигары, уложенное горизонтально на опоры. Ее глаза внимательно изучали обшивку: толстые листы металла болтались, но совсем их еще не отодрали. Она вопросительно взглянула на офицера в полевой форме, который стоял на почтительном расстоянии. Он поклонился.

— Как видите, приказ вашего величества выполнен точно. Никто ничего не видел внутри суперлайнера, никто ничего не трогал в нем, а рабочие, которые отрывали листы металла, набраны по списку, поступившему сегодня утром и утвержденному лично вами. Ни один из них не обладает достаточными научными знаниями, чтобы разобраться в обыкновенном космическом корабле, не говоря уже об особом.

— Хорошо.

Императрица повернулась и увидела приближающуюся группу людей. Все приветствовали ее.

Как она убедилась, здесь свое дело знали. Рабочие начали умело снимать листы обшивки. Через два часа с этим было покончено. Да, скоро и с кораблем будет покончено, однако все его секретные узлы и конструкции запечатлелись в ее мозгу. А затем правительница стояла за бронещитом и наблюдала, как энергетическая пушка превращает остов корабля в бесформенную массу расплавленного металла. Она уже проявляла нетерпение. Наконец на земле остался раскаленный добела холм неровной формы, и тогда, сразу успокоившись, она села в свой автоплан. Когда подлетали к дворцу, по небу плыли темные облака. День угасал.

10

Пелена как будто стала спадать. Хедрок долгое время лежал с широко открытыми глазами.

Постепенно осознавал, как тихо вокруг: тяжесть в теле исчезла, никакого движения не ощущалось. Проблески сознания начали соединяться в одно целое. Он выпрямился в кресле перед пультом управления и посмотрел на экраны телестатов. В космосе мерцали звезды. Солнца не было, ничего не было, только острые как иглы лучики света, отличающиеся друг от друга яркостью. Ни давления скорости, ни гравитации. Он такое в своей жизни уже испытывал, хотя здесь все-таки что-то иное. Взглянул на рычаг «Полет в бесконечность». Тот все еще был выжат до упора. Ах вот в чем дело! На спидометре — невероятные цифры, на автоматическом календаре — 19.00, август 28.4791 Айшер. Хедрок кивнул самому себе. Итак, он находился без сознания двадцать два дня. И все это время корабль летел вперед — спидометр показывал около четырехсот миллионов миль в секунду. При такой скорости расстояние между Землей и созвездием Центавр промелькнуло за восемнадцать часов. Теперь каким-то образом надо бы повернуть назад.

Хедрок погрузился в размышления, а затем освободил зажимное устройство автомата и перевел корабль на ручное управление. Что-то зажужжало и очень быстро затикало. Звезды завертелись, но по прошествии трех секунд верчение прекратилось. Корабль сделал плавный поворот, составивший тысячу двести миллионов миль. При прежней скорости Солнечная система покажется еще через двадцать два дня. Нет, минуточку! Не так все просто. Не мог он снова подвергнуть себя действию жуткого давления, которое так надолго лишило его сознания. Кое-что прикинув, он повернул ручку на три четверти, изменив скорость движения. И стал ждать. Интересно, как скоро он придет в себя после того, как снизится давление? Прошло два часа — ничего сверхъ-

естественного не случилось. Только голова клонилась на грудь и глаза закрывались. Но влияние торможения на этом закончилось.

В томительном ожидании Хедрок прилег на одну из кушеток и заснул. Вдруг всего его затрясло, он в испуге очнулся, но быстро успокоился — давление равномерно распределилось по всему телу. Уже пережив первый шок, решил теперь потерпеть. Хотел было вскочить, чтобы взглянуть на спидометр, но его пронзила резкая боль, и он предпочел не шевелиться. Понимал, что во всем теле идет болезненная перестройка — клеточная, атомная, нервная, мускульная. Он не двигался в течение получаса. Затем встал, подошел к приборным доскам и уставился в телестат. Ничего не было видно. Календарь показывал 29 августа, 23.03, а стрелка спидометра опустилась до отметки триста пятьдесят миллионов миль. При таком торможении спасательная ракета должна будет остановиться приблизительно через тридцать два дня.

На третий день скорость сбавилась более чем на одиннадцать миллионов миль в секунду. Он уже с интересом стал наблюдать, как тоскливо и медленно, час за часом, величина торможения увеличивается. Ему стало совершенно ясно, что при увеличении или уменьшении скорости за порогом трехсот пятидесяти миллионов миль в секунду действуют очень мощные законы. По крайней мере в четыре раза превосходящие по силе известные на Земле.

Дни тянулись медленно, и Хедрок наблюдал, как подсветка спидометра меркнет. Наконец свет мигнул и погас. Он почувствовал себя потерянным. Потерянным во тьме ночи, с каждым часом все больше утрачивающим реальность. Спал беспокойно, затем вернулся в кресло за пультом управления.

Едва уселся в него, корабль затрясло. Было такое ощущение, будто вибрирует каждый лист обшивки. Маленькое суденышко завертелось, точно щепка в водовороте. Хедрока спасло многоцелевое кресло. Чутко реагируя на все колебания, оно гасило их и предохраняло человека от излишних нагрузок. Как, впрочем, и пульт управления.

Все близлежащее космическое пространство кишело сигарообразными космическими кораблями невероятных размеров. Экраны телестатов заполонили дюжины этих громадин длиной в милю; и все они выстроились вокруг ракеты по огибающей линии. Вдруг откуда-то из массы рукотворных космических тел до него долетели то ли мысли, то ли слова сообщения. Они ворвались в кабину управления, словно пузырящиеся струи атомарного газа. Они обладали такой силой, что в первое мгновение он не уловил смысла. А когда смысл начал доходить, то озадаченный мозг не сразу сообразил, что эти всепроникающие сигналы адресованы не ему, хотя непосредственно его затрагивают.

— ...Пришелец не имеет значения... Тип разума минус девятьсот. Смотри первую величину напряжения... Уничтожить его?

Хедрок пребывал в полном смятении, но тут его осенила безумная мысль: обмен сведениями каким-то образом касался ожесточенной перепалки на Земле «за» или «против» межзвездных полетов. Какое теперь это имеет значение? Слишком поздно. Время безжалостно, а эволюция человека идет слишком медленно. Высшие по разуму существа давным-давно захватили во Вселенной то, что им было нужно, а оставшиеся крохи будут уступать по своему жесткому усмотрению. Слишком поздно, слишком поздно.

11

Должно быть, прошла минута или чуть больше, а Хедрок все еще сидел в том же положении. Когда вернулась способность осознанно наблюдать за происходящим, он вдруг почувствовал, что может ориентироваться в темноте. В этой ситуации самым сильным, если не единственным желанием было сохранить жизнь. Прищурив глаза, смотрел он на экраны телестатов, как в окна, на окружавшие его космические корабли. Ему было страшно не за себя, а за человечество. Их было много, слишком много. И ничего иного, кроме смерти, они не предвещали.

Но он был жив. Постижение этого факта дало ему как бы второе дыхание. Пальцы уцепились за ручки управления. Взгляд искал просвет между двумя огромными машинами. Затем он надавил на корректор, дождался момента, когда спасательная ракета сможет проскочить между ними, и осторожно до упора выжал белый акселератор.

Он перестал что-либо воспринимать, так как вдруг очутился в кромешной тьме, правда, физической, а не умственной. Спустя мгновение припомнил, что было какое-то движение, смахивающее на легкий рывок. А потом — ничего, ни кораблей, ни звезд. И телестаты не то чтобы выключились, но экраны заполняла густая чернота. Чуть подождав, он нажал информационную кнопку на приборной доске. Тут же засветилось простое слово: металл.

Металл! Весь окружен металлом. Это означало только одно — ракету поглотил огромный незнакомый корабль. Как это произошло — неведомо, но если Торговый Дом оружейников на Земле имел вибрационную систему трансмиттеров, посредством которой материальные объекты могли перемещаться в пространстве, тогда почему же огромная машина не могла поглотить его спасательную ракету?

Ясное осознание положения, в котором он оказался, причиняло душевные муки. Конечно, его взяли в плен, и, когда положено, он узнает, что его ждет. Они оставили ему жизнь, а это означает, что он представляет для них интерес. Хедрок облачился в скафандр. Нервы были напряжены до предела, но он держал себя в руках.

Сделав все необходимые приготовления, открыл воздушный шлюз и на какое-то мгновение остановился, подумав с унынием, как далеко он от Земли. Затем вышел из спасательной ракеты. Гравитации не было, поэтому, когда самозакрывающаяся дверь шлюза подтолкнула в спину, он, плавно паря, стал опускаться вниз. Яркий свет фонарика высвечивал резко очерченные стены, выложенные ровными пластинами металла, и двери в них.

Ничего необычного в этой картине не было, все вполне ординарно. Просто нужно проверить двери и, если какая-нибудь поддастся, выйти. Первая же дверь сразу открылась. Мгновение спустя нервное напряжение стало спадать, показалось даже, что он находится в стране чудес. С высоты около двух миль просматривался город. Он сиял и переливался в лучах невидимого источника света, весь в деревьях и цветущем кустарнике. За ним начинался пригород, яркий от обилия зелени, лужаек и искрящих ручьев. Этот пейзаж, насколько было видно, простирался на три стороны и, мягко изгибаясь, терялся в легкой дымке. Если бы не ограниченный горизонт, можно было подумать, что это Земля.

Здесь Хедрок испытал еще одно сильнейшее потрясение. Город, проносилось в голове, совсем земной город в космическом корабле — такое просто в уме не укладывалось. Корабль, который вначале показался в милю длиной, на самом деле был в пятьдесят миль по меньшей мере и летал в космосе с несколькими сотнями себе подобных — каждый аппарат, управляемый существами высшего разума, размером с маленькую планету.

Хедрок подумал о дальнейших шагах. Нельзя ли вывести сюда свою ракету? Осмотрел стену с дверями и нашел достаточно большой проем. Но какое-то мгновение засомневался: разрешат ли таинственные существа сдвинуть ракету с места. Все зависит от того, что они от него хотят. Его сомнения кончились, когда маленькая машина выскользнула наружу, беспрепятственно преодолев проем, и спустя несколько минут села на окраине города.

Благополучно приземлившись, Хедрок тихо сидел и ждал, когда успокоятся нервы. И к тому же подумал, что именно на такое поведение здесь рассчитывали. Бесспорно, он служил объектом какого-то важного эксперимента; и хотя меры предосторожности с его стороны, казалось, не имеют никакого смысла, игнорировать их тоже не следовало. Он сделал анализ атмосферы. Атмосферное давление было чуть больше обычного, содержание кислорода девятнадцать процентов, азота — семьдесят девять, температура плюс 74 по Фаренгейту, гравитационное взаимодействие в норме. Можно было не продолжать исследований, так как показатели оказались такие же, как на Земле.

Хедрок снял скафандр. Ни о каком противоборстве с его стороны и помышлять нечего. Он был полностью во власти существ, которые, как бы походя, за считанные минуты создали для него привычную среду обитания. Выскользнул из ракеты и ощутил тишину. Пошел вперед по улице, миновал одну, потом

другую — город был пуст. Ни ветерка, ни движения. Деревья словно погрузились в спячку — неподвижные ветви, поникшие листья. Этот пейзаж слишком смахивал на макет за стеклом витрины, на сад в бутылке, да и сам он посреди всего этого — крошечная фигурка, застывшая в напряжении. Единственная разница, пожалуй, в том, что он не собирается стоять здесь вечно.

Хедрок направился к белому блестящему зданию, широкому и длинному, но не очень высокому. Постучал в дверь и, когда звук безответно замер, толкнул ее. Дверь открылась не в вестибюль, а в небольшую комнату, облицованную металлом. Там были приборная доска, многоцелевое кресло и человек в нем. Хедрок остановился как вкопанный, ибо в кресле сидел не кто иной, как он сам, собственной персоной, будто в своей спасательной ракете. Затем осторожно прошел вперед, ожидая, что, стоит ему приблизиться, тело исчезнет. Но этого не произошло. А если дотронуться до собственного двойника, рука погрузится в пустоту? Ничего подобного. Пальцы ощутили реальную фактуру одежды и теплоту живого лица. Лже-Хедрок, не обратив на своего прототипа никакого внимания, продолжал напряженно всматриваться в экран общего телестата.

Хедрок посмотрел в том же направлении и вздрогнул, когда увидел одухотворенное и серьезное лицо императрицы.

Ага, здесь разыгрывается последний приказ Иннельды, беззвучная сцена, так как не слышно ее вибрирующего голоса, приказывающего посадить спасательную ракету. Он с нетерпением ожидал, что же будет дальше, но и через несколько минут ничего не изменилось. В конце концов он пошел к двери. Уже за пределами этого помещения остановился, почувствовав сильное волнение. Эта картина, размышлял он, разыгранный таким вот образом фрагмент его памяти. Но почему именно этот эпизод, а не какой-нибудь другой?

Импульсивно Хедрок снова открыл ту же дверь и заглянул вовнутрь. Комната была пуста. Тогда он пошел дальше, в город, и опять окунулся в тишину, как в омут. Напряжение постепенно ослабевало. Он должен быть готов к любой неожиданности со стороны неведомых хозяев его судьбы. Что-то их заинтересовало, нужно взять инициативу в свои руки и поддерживать интерес к себе до тех пор, пока не удастся раскрыть тайну их власти над собой.

Вдруг Хедрок очутился перед внушительным подъездом тридцатиэтажного мраморного небоскреба. Резная дверь открылась, как и в первом случае, не в холл, а сразу во внутреннее помещение. Оно было больше первого. В напольных и настенных витринах красовались образцы оружия, а в углу сидел человек и распечатывал письмо. Хедрок уже пережил нечто подобное, поэтому увиденное не потрясло его так сильно. Перед ним был линвудский оружейный магазин, а человек в углу — Даниэл Нилан. Очевидно, сейчас проигрывают сцену их встречи и разговора.

Он прошел вперед, чувствуя какое-то несоответствие, какое-то отличие от запечатлевшегося в памяти. И вдруг понял, в чем дело. При их настоящем свидании Нилан еще не читал письмо.

Неужели ему продемонстрируют то, что случилось позже?

Когда Хедрок остановился позади сидящего Нилана и взглянул на письмо в его руках, то оценил подлинность сцены. На конверте была марсианская почтовая марка. Значит, это та самая корреспонденция, которая поступила на имя Нилана в Торговый Дом оружейников и за которой Нилан вернулся после их совместного визита в Треллис Майнор Билдинг.

Но как все это делается? Одно — воспроизвести сцену, которую они извлекли из его памяти, совсем другое — реконструировать то, в чем он не принимал участия и что совершалось на расстоянии бесчисленных миллиардов километров около месяца назад. Должна же быть причина, ради которой они демонстрируют столь сложное искусство. И решил, что «хозяева» хотят, чтобы он прочел письмо, полученное Ниланом.

Он наклонился вперед в намерении разглядеть строчки, но перед глазами все тут же поплыло. Вскоре это прошло, и он обнаружил, что не стоит, а сидит и даже сам держит письмо. Такое перераспределение ролей было настолько неожиданно, что Хедрок невольно повернулся на стуле и посмотрел назад.

Время тянулось бесконечно, а он смотрел и смотрел на собственное тело, застывшее поодаль в напряженной позе, чуть подавшись вперед, и на прищуренные глаза, пытающиеся что-то разглядеть. Затем принял прежнее положение и оглядел одежду Нилана, руки Нилана, тело Нилана. И почувствовал себя совсем по-иному — в него переселились мысли Нилана, возник эмоциональный интерес к письму.

Прежде чем Хедрок смог себе объяснить, каким это образом — совершенно непонятно каким! — *его* душа переместилась в тело Нилана, тот углубился в письмо. Оно было от его брата Джила:

«Дорогой Дэн!

Теперь я могу рассказать тебе о величайшем открытии за всю историю существования человечества.

Через несколько часов мы отбываем. Мне пришлось ждать этой минуты, ибо мы опасались, что письмо перехватят, и не могли рисковать. Мы хотим поставить мир перед фактом. Когда вернемся, будем кричать о нашем свершении на каждом углу, представим бесконечные фильмы и записи, подтверждающие наш рассказ. А сейчас о самой экспедиции.

Нас семеро во главе с известным ученым Дердом Кершоу. Шесть специалистов в различных областях науки. Седьмой — парень по имени Гриер — вроде подручного для ведения книг учета, протоколов, отчетов и так далее. Он отвечает также за работу автоматических кухонных плит. Кершоу обучает его работе

с приборами управления, чтобы освобождать нас, остальных, от будничных дел».

Здесь Хедрок — Нилан прервал чтение, на сердце у него кошки скребли.

— Дети! — пробормотал он севшим голосом.— Великовозрастные дети, черт бы их побрал.

И тут же подумал: *«Итак, Гриер был подручным. Не удивительно — ведь он полный профан в науке».*

Хедрок принялся было читать дальше, как вдруг вычленил собственное «я» из совокупного сознания и в изумлении подумал: «Дэн Нилан ничего не знал о подлеце Гриере. Как же он мог испытывать к тому неприязнь?» Однако здесь его собственное «я» вновь растворилось — сильное желание Нилана продолжить чтение победило волевой импульс Хедрока. *Они* совместно двинулись дальше:

«Меня пригласили заниматься этим делом после того, как Кершоу заметил мою статью в журнале по атомной энергетике, статья была посвящена исследованию вращения небесных тел в сторону, противоположную вращению Земли. Это исследование перекликалось с идеей изобретения Кершоу.

Должен заметить, что возможность дублирования этого открытия другими исследователями практически равна нулю. В своей концепции оно охватывает слишком много отраслей науки. Как ты помнишь, во время учебы нам говорили, что существует почти пятьсот тысяч отраслей науки и что умелая координация усилий будет порождать бесконечное количество новых изобретений. Впрочем, никого нельзя научить устанавливать продуктивное соотношение отдельных элементов на стыках наук, не говоря уж об их выборе.

Я упоминаю об этом, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость полной секретности. Однажды ночью мы долго говорили с Кершоу и мне предложили участвовать в этом предприятии исключительно на конфиденциальной основе.

Послушай, Дэн, это новость огромной важности. Мы изобрели корабль, обладающий такой скоростью, о которой можно только мечтать. Мы победили звезды. И когда я закончу это письмо, мы отправимся в созвездие Центавр. При одной мысли об этом меня бросает в жар и холод. Все проблемы человечества разрешены. Вся Вселенная открывается для людей. Только подумай о тех, кого насильно выбрасывают на Марс, Венеру и всякие луны,— конечно, это была вынужденная мера, ведь кто-то должен находиться там и разрабатывать природные богатства,— а теперь появилась надежда, новый шанс обосноваться в прекрасных цветущих мирах Дальнего Космоса.

Отныне и навек мы обретем неограниченные жизненные пространства, и люди перестанут грызться из-за права владения

земельной собственностью. Теперь у всех ее будет более чем достаточно.

Причина нашей осторожности состоит в том, что империя Айшеров будет потрясена до основания беспрецедентной эмиграцией, которая тут же начнется, и императрица Иннельда поймет это и постарается уничтожить нас. Мы даже не уверены в том, что Торговый Дом оружейников поддержит такие перемены. Он ведь является неотъемлемой частью айшеровской системы, финансировал ее и таким образом приложил руку к созданию самой стабильной государственной машины в истории человечества для подавления нестабильного общества. Так что пока мы бы не хотели, чтобы кто-либо узнал о нашем предприятии.

И еще. Мы с Кершоу обсуждали влияние сверхдальних расстояний на нашу с тобой сенсорную связь. Он полагает, что скорость движения при нашем удалении от Солнечной системы сразу разрушит эту связь, не говоря уже о тяжких перегрузках, которые нам предстоит испытать. Мы...»

Здесь Нилан остановился. Выходит, и он все это испытал, а потом наступила пустота. Джил *не умер.* Вернее, не умер в тот день год назад... Мысли стремительно неслись вперед... И только во время экспедиции Гриер...

Здесь Хедрок усилием воли вырвал собственное сознание из двойственного союза. «Господи,— подумал он, содрогнувшись,— мы — части друг друга. Наши эмоции взаимно переплелись, мои знания и ощущения перешли к нему, а его — ко мне. Все было бы приятно, если бы он был моим братом, с которым у нас давным-давно установилась сенсорная взаимосвязь. Но это не так. Мы совсем чужие люди, встретившиеся однажды по воле случая».

Вполне возможно, его «хозяевам», этим таинственным экспериментаторам, манипулирующим чужими телами и разумом, все равно, с кем иметь дело — с ним самим, с Ниланом или с его идентичным братом. В конце концов нервная система у большинства людей структурно одна и та же. Если двух Ниланов можно «настроить» друг на друга, почему бы не сделать то же самое с любыми другими человеческими существами.

На этот раз, разложив все по полочкам, Хедрок не сопротивлялся слиянию своей индивидуальности с личностью Нилана. Он хотел дочитать письмо Джила. Но перед глазами поплыло.

Хедрок — Нилан заморгал и резко вздрогнул, когда в лицо хлестнуло раскаленным песком. По телу пробежала судорога. Это уже был не оружейный магазин и не призрачный город. Он лежал под огромным выпуклым солнцем посреди плоской пустыни красного цвета. Невысоко слева сквозь плотную пелену пыли проглядывало еще одно солнце. В этом мире мелкого песка оно казалось далеким и небольшим, а цвет его смахивал на кровь. Рядом на песке лежали люди. Один из них из последних сил

повернулся; это был большой красивый человек, губы его беззвучно шевелились. Каким-то неведомым образом то, как человек повернулся, заставило Нилана — Хедрока увидеть коробки, тару, металлические конструкции. Хедрок узнал регенератор жидкости, контейнер с продовольствием, телестат. И снова посмотрел на человека.

— Джил! — закричал он истошно. Скорее, это была реакция Нилана.— Джил! Джил!!

— Дэн! — казалось, донеслось издалека. Возможно, то был не звук, а обрывок мысли в отуманенном мозгу. Усталый вздох. И опять откуда-то издалека чуть слышное, но отчетливое обращение к Нилану:

— Дэн, ах ты, образина, где ты? Дэн, как тебе это удалось? Я не чувствую, что ты рядом... Дэн, мне плохо, я умираю. Мы на странной планете, которая скоро приблизится к одному из солнц Альфа Центавра. Бури крепчают, воздух раскаляется все сильнее. Мы — о боже!..

Внезапно его обожгла резкая боль. Словно кто-то туго натянул, а потом отпустил тетиву. Сквозь неведомые пространства и умопомрачительные расстояния. Хедрок ясно понял, что наяву ни он, ни Дэн не присутствовали при этой сцене. Задействована была сенсорная связь между двумя братьями, а непосредственным участником этого кошмара был Джил Нилан. Те, кто все это творил, достигли потрясающего понимания человеческих существ и власти над ними.

Прошло некоторое время, и Хедрок вновь увидел Дэна Нилана в оружейной лавке с письмом в руках. В глазах стояли слезы, но теперь можно было разобрать заключительные слова:

«В первый раз со дня рождения мы будем разлучены. Я знаю, что мне станет тоскливо и одиноко.

Уверен, Дэн, ты читаешь это письмо и завидуешь. Едва подумаю о том, как давно человек мечтает отправиться к далеким звездам, хотя ему постоянно внушают, будто это невозможно,— и сразу представляю себе, что ты чувствуешь. Ведь ты самый неистовый искатель приключений в нашей семье.

Пожелай мне удачи, Дэн, и держи язык за зубами.

Твоя вторая половина
Д ж и л».

Хедрок не стал раздумывать над последней трансформацией. Сейчас она уже не имела былого значения. Его не оставляла мысль о происшедшем перед тем чуде, позволившем увидеть беднягу Джила Нилана в раскаленных песках. Каким-то образом всемогущие существа, захватившие его в плен, восстановили прерванный контакт между братьями и осуществили связь через колоссальное пространство и время, связь мгновенную и совершенно невероятную.

И случайно или намеренно прихватили его в это фантастическое путешествие.

Странно, почему так темно? Коль скоро он уже не в оружейном магазине, то по логике вещей должен вернуться в безлюдный город или на огромный корабль этих высокоодаренных существ. Хедрок пошевелился и, сделав это усилие, понял, что лежит ничком. Только стал подниматься, как руки и ноги запутались в тугом переплетении каких-то канатов. Пришлось ухватиться за болтающийся конец, чтобы не упасть. В кромешной тьме он встал, пошатываясь и пытаясь удержать равновесие.

Он себя успокаивал, старался изо всех сил ничего не упустить из происходящего вокруг. Внезапно его охватила паника, словно что-то кольнуло. Под ногами ничего твердого, кроме колышащихся канатов,— будто на парусной шхуне, бороздившей моря и океаны в стародавние времена, или в паутине паука кошмарных размеров. Он оцепенел, холодок пробежал по позвоночнику. Точно: *паучья паутина!*

Между тем откуда-то просочился тусклый свет голубоватого отлива и стало ясно, что города нет и в помине. Вместо него возник таинственный темно-синий мир, заполненный паутиной, многими милями паутины. Она тянулась направо, налево и высоко вверх, растворяясь вдалеке. Она была везде и всюду, куда ни кинешь взгляд, и постепенно таяла во мраке, словно в преисподней. И тут, хотя и не сразу, он разглядел тех, кто ее ткал.

У Хедрока, многое повидавшего на своих веках, было время, чтобы морально подготовиться к предстоящему испытанию. Было время понять, что он находится внутри корабля и тот должен быть обитаем. Высоко над ним кто-то едва зашевелился. Пауки! Он их ясно видел теперь — огромные существа с множеством ног. Ему стало невыносимо тошно. Вот как распорядилась природа — властью над Вселенной и самым высшим интеллектом наградила паукообразных. Кажется, Хедрок довольно долго предавался подобным размышлениям. Затем его осветил слабый свет, направленный непонятно откуда. И тут его мозг стал воспринимать сильнейшие импульсы:

«...Показатели отрицательные... Между двумя существами нет физической связи... только энергия...»

«...Но напряжение усиливалось... Связь осуществилась на расстоянии».

«Подтверждаю, что нет физической связи...»

Одна сухая констатация за другой.

«Я просто выражал свое изумление, о могущественный... Несомненно, мы имеем дело с явлением, тесно связанным с поведением этой расы. Давайте спросим у него...»

«ЧЕЛОВЕК!»

Мозг Хедрока, в последние минуты работавший на пределе под грузом чудовищных импульсов, еле выдержал воздействие целенаправленной волны.

— Да? — наконец выдавил из себя Хедрок. Он говорил вслух. Голос его, и без того негромкий, потонул в тиши большого помещения.

«Человек, почему один брат отправился в долгое путешествие, чтобы выяснить, что случилось с другим братом?»

На какое-то мгновение вопрос озадачил Хедрока. По-видимому, он затрагивал тот факт, что Дэн Нилан вернулся с далекого астероида на Землю, чтобы разузнать, почему прервалась его сенсорная связь с братом Джилом. Этот вопрос вроде бы не имел смысла, так как ответ очевиден. Идентичные братья, они вместе воспитывались, у них были особенно близкие отношения. Прежде чем Хедрок смог объяснить наипростейшие вещи в природе человека, его мозг испытал новое мощное воздействие:

«Человек, зачем ты рисковал жизнью, чтобы другие человеческие существа могли отправиться к звездам? И почему ты хочешь передать тайну бессмертия другим?»

Несмотря на полный ералаш в голове, до Хедрока начал доходить истинный смысл происходящего. Эти паукообразные старались понять эмоциональную природу человека, поскольку сами были напрочь лишены всяких чувств. Они будто слепые, которые просят объяснить, что такое цвет, или абсолютно глухие, желающие узнать, что такое звук. Принцип тот же самый.

Теперь стало ясно, чего они добивались. Совершенно бессмысленное, как показалось прежде, воспроизведение сцены между ним и императрицей, когда он рисковал жизнью во имя своей альтруистической цели, было предназначено для наблюдения за его эмоциями. Затем таким же образом была налажена сенсорная связь между Ниланом и им самим. Они хотели измерить и оценить эмоции в действии.

И тут его мозг снова заполнился чужими мыслями:

«Жаль, что один из братьев, нарушив связь...»

«Нет нужды в сдерживающем факторе. Брат на Земле больше не нужен, поскольку мы установили прямую связь между нашим узником и мертвым. Необходимы крупные исследования...»

«...Немедленно приступайте».

«Что делать в первую очередь?»

«Конечно, дать ему свободу».

Долгое молчание. Хедрок весь напрягся и невольно закрыл глаза. Затем — провал. Когда он открыл глаза, то увидел, что находится в одной из своих секретных лабораторий на Земле, в той самой, где его чуть не прихлопнула гигантская крыса.

12

Не веря, что он вновь на Земле, Хедрок осторожно встал на ноги и осмотрелся. На нем все еще был изоляционный костюм,

который дал ему Гриер и в который он облачился, прежде чем покинуть спасательную ракету и отправиться бродить по «городу», сотворенному паукообразными специально для него. Он медленно оглядел помещения, стараясь найти хоть малейшие несоответствия, которые подтвердили бы иллюзорность происходящего, новый обман зрения.

Уверенности ни в чем не было. Но чувствовал он себя совсем не так, как прежде, когда им манипулировали. Тогда он пребывал в полной нереальности, как бы во сне. А сейчас подобного ощущения не испытывал.

Он стал, нахмурившись, вспоминать последние полученные от них импульсы. Один из пауков, вероятно главный, распорядился отпустить его, «дать ему свободу», хотя вовсе не ясно,— совсем отпустить или на время их эксперимента. Они ведь продолжают изучать эмоциональное поведение человека. Но он в своей жизни так часто подвергался опасности, что, вопреки всему, не мог позволить возобладать личному чувству страха и затмить намеченную цель. Однако сейчас необходимо удостовериться в реальности окружающей обстановки.

Он подошел к общему телестату в одном из кабинетов и включил канал новостей. Передавали скучный обзор информации. Комментатор говорил о новых законах, находящихся на обсуждении в императорском парламенте. Ни малейшего упоминания о межзвездном суперлайнере. Если и было какое-то смятение после его побега с корабля Кершоу, а потом за пределы Земли, то, очевидно, оно уже улеглось. А если были попытки заставить императрицу раскрыть секрет, то от них, похоже, давно отказались.

Он выключил телестат и надел «рабочий» костюм. Скрупулезно отобрал четыре перстня с оружием, готовясь к схватке, прошел через трансмиттер и очутился в одной из своих квартир в Империал-Сити. Теперь он чувствовал себя намного лучше. В мыслях уже наметил план эксперимента, который будет проводить *он*, если паукообразные вновь попытаются подчинить его себе. Он не переставал думать о том, что кроется под понятием «свобода», которую они ему подарили. Подошел к окну и взглянул на город, простирающийся на юг. Более минуты Хедрок не сводил глаз со знакомой панорамы огромного метрополиса, а затем медленно повернулся к телестату и вызвал общественную службу новостей.

Эта организация была связана с Торговым Домом оружейников и выдавала независимую информацию. Девушка ответила на все вопросы, не спросив имени абонента. Он узнал, что императрица публично и неоднократно отрицала сведения о межзвездном суперлайнере и что Торговый Дом после массированной двухнедельной кампании против нее вдруг замолчал.

В мрачном состоянии духа Хедрок выключил связь. Итак, Иннельде все сошло с рук. Он догадывался, почему Торговый Дом перестал давить на нее. Эта кампания могла бы стать весь-

ма непопулярной, поскольку у оружейников не было никаких доказательств. Достало здравого смысла гласно не упорствовать в том, что, скорее всего, обернулось бы против них. К тому же девяносто процентов населения за две недели, очевидно, потеряли интерес ко всей этой истории. А из оставшихся десяти процентов многие не знали, что делать, даже если поверили в существование суперлайнера. Как заставить законную правительницу Солнечной системы раскрыть тайну?

Хедрок, у которого были свои планы на этот счет, еще больше помрачнел. Он перешел в библиотеку и стал внимательно просматривать календарь нынешнего столетия. Проблем было несколько. Понадобится немного времени, чтобы привести план в действие, но начинать надо не раньше Дня Вечного Покоя.

Что касается паукообразных, не в его власти предугадать их шаги. Придется вести дело таким образом, будто они вообще не существуют.

— Итак,— бормотал он себе под нос,— сегодня первое октября, а завтра — День Вечного Покоя.

Ой-ей-ей! Выходит, остался только один день, чтобы подготовиться к самому крупному начинанию во всей его деятельности. А подготовка не такая уж простая — есть над чем поразмышлять. Трудно себе представить, как он справится с такими воротилами, как Ненсей, Дили или Трайнер, когда времени в обрез. Но сейчас некогда сетовать на то, что все сложилось так, а не иначе.

Он вернулся в свою подземную лабораторию и придирчиво осмотрел огромный телестат, занимающий весь угол диспетчерской. Экран в несколько рядов окружали светящиеся точки, их было чуть больше полутора тысяч. Вскоре он набрал два десятка личных номеров. Семнадцать точек загорелись ярким зеленым цветом. Остальные три — красным, что означало: этих абонентов нет на месте. Семнадцать из двадцати — не так уж плохо. Закончив вызовы, Хедрок повернулся лицом к телестату, когда экран засветился.

— Хорошенько посмотрите на меня,— сказал он.— По всей вероятности, мы сегодня встретимся.

Он помедлил, обдумывая, как лучше поступить. Абонентам вовсе не обязательно знать, что он разговаривает сразу со всеми. Несомненно, некоторые из них далеко не дураки и, вероятно, подозревают, что вызваны и другие фирмы, но подчеркивать это было бы глупо.

Довольный тем, что подобная мысль пришла в голову, Хедрок продолжал:

— Сотрудники вашей фирмы должны оставаться в конторе до завтрашнего утра. Позаботьтесь о спальных местах, обеспечьте их развлечениями и едой. Пусть работают до обычного часа, если не будет дальнейших распоряжений. За эту неделю сотрудникам надлежит выплатить премию в размере двадцати процентов. Лично вам сообщаю: возникло чрезвычайное положение и, если

не получите дополнительных указаний до семи часов утра, продолжайте завтра трудиться в нормальном ритме. А пока прочитайте седьмую статью конституции. Все.

Он отключил телестат и, взглянув на часы, скорчил гримасу. Должно пройти по крайней мере пятнадцать минут между его приказом и физическим появлением перед теми, кому он адресован. По-другому поступить нельзя. Нельзя заявиться через минуту после разговора по телестату. Приказ сам по себе наверняка вызвал шок, так что не следует усугублять ситуацию.

Кроме того, предстоит быстро приготовить достаточную дозу стимулятора роста и принять ее внутрь. Прищурившись, он стоял и обдумывал вероятные повороты предстоящих бесед. Довольно трудно будет сразу подмять под себя некоторых администраторов. Он давно собирался принять против них решительные меры. Слишком засиделись на тепленьких местечках. Благодаря его либеральной политике прибрали к рукам руководящие посты, передают их по наследству из поколения в поколение, порой уходя из-под контроля и распоряжаясь прибылью по собственному усмотрению. В одиночку Хедрок не успевал за всеми уследить, и его власть постепенно ослабевала.

Выждав полчаса, он включил трансмиттер, посмотрел в образовавшийся тут же длинный светлый коридор. Затем шагнул в него и оказался перед дверью с внушительной табличкой:

КОРПОРАЦИЯ «ЗВЕЗДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»
КАПИТАЛ — ТРИЛЛИОН КРЕДИ

Контора президента
Дж. Т. Трайнера

Посторонним вход воспрещен!

При помощи перстня Хедрок справился с хитрым запором. Вошел в приемную и мимо хорошенькой девушки-секретарши, которая сделала попытку его остановить, направился дальше. Лучем перстня на ходу открыл вторую дверь, переступил порог и очутился в большом, богато обставленном кабинете. Крупный мужчина с бледным лицом и бесцветными глазами поднялся из-за массивного дугообразного стола и уставился на него.

Хедрок не обратил на него никакого внимания. Вдруг неистово зазвенел один из перстней, предусмотрительно надетых на пальцы. Он медленно повел рукой. Звон прекратился, когда камень в оправе смотрел прямо на стену чуть выше стола. Великолепная маскировка, восхитился Хедрок. В нише за красивой панелью был тщательно спрятан огромный бластер. Если бы не перстень, его нипочем не обнаружить бы.

Хедрок помрачнел. Это неприятное открытие только подтверждало исподволь сложившееся мнение о президенте корпорации. Трайнер в заведенном на него досье характеризовался просто эгоистичным и безжалостным человеком — такие черты характера присущи многим администраторам этого века, когда их

ответственность неизмеримо возросла. Мало того что он был просто аморален — сотни тысяч граждан империи Айшеров совершили не меньше убийств, чем Трайнер. Отличие состояло в мотивах поступков, и его можно было сравнить с отличием правого от неправого. Трайнер — разложившийся тип, похотливый, распутный негодяй.

Мужчина шел по кабинету, протянув для рукопожатия руку. Бледное лицо мельком осветилось сердечной улыбкой, и он заговорил вполне дружеским тоном:

— Даже не знаю, как к вам отнестись, но я весь внимание, слушаю вас.

Хедрок направился к нему, вроде бы собираясь пожать протянутую руку. Но в последний момент прошел мимо и через мгновение уселся в огромное кресло за дугообразным столом. Он смотрел в упор на испуганного чиновника, думая со злорадством: «Итак, Трайнер весь внимание. Ну что же, неплохо. Хотя поначалу надо хорошенько встряхнуть его психологически и с откровенной жестокостью показать, что на свете есть люди покруче, чем Дж. Т. Трайнер. Не давать ему спуску, вывести из равновесия!

— Прежде чем вы сядете в это кресло, мистер Трайнер,— резко сказал Хедрок,— и прежде чем мы начнем разговор, я хочу, чтобы ваши подчиненные начали делать то, что будет приказано. Вы слушаете?

Нечего было и спрашивать. Трайнер не только слушал. Он был в шоке, он был зол и смущен. Не сказать, чтобы слишком испуган. Этого Хедрок и не ожидал. Скорее всего весь его вид свидетельствовал о настороженности с известной долей любопытства.

— Что вы хотите? — спросил Трайнер.

Сейчас опасно переусердствовать в жестокости, мысленно остерег себя Хедрок. Затем вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

— Вот названия пятидесяти городов,— сказал он строго.— Нужно составить список принадлежащих мне контор. Неважно, чем они занимаются. Важно лишь одно: в перечень должны попасть те конторы, фирмы или корпорации, которые располагаются по одной стороне улицы в рядом стоящих зданиях. Следует указать название города, название улицы и перечислить дома, например два, четыре, шесть, восемь и так далее. И только в том случае, если их много, по крайней мере дюжина. Ясно?

— Да, но... — Трайнер явно ничего не понимал.

Хедрок оборвал его:

— Распорядитесь! — Он сверлил человека прищуренным взглядом, затем подался вперед.— Надеюсь, Трайнер, вы живете согласно статье седьмой конституции.

— Но, послушайте, эта статья была принята около тысячи лет назад. Не имеете же вы в виду...

— Вы можете представить такой список или нет?

Было видно, как Трайнера прошиб пот.

— Полагаю, что да,— сказал он в конце концов.— Право, не знаю. Я посмотрю.— Вдруг он весь подобрался и процедил сквозь тесно сжатые зубы: — Будьте вы неладны, врываетесь сюда и...

Хедрок знал, где перегнул палку.

— Распорядитесь! — повторил он мягко.— А потом мы побеседуем.

Трайнер колебался. Он был в крайнем раздражении, но очень скоро, по-видимому, сообразил, что всегда можно увильнуть и не подчиниться приказу.

— Мне придется воспользоваться настольным телестатом,— промолвил он.

Хедрок кивнул и стал наблюдать, как его приказ передается нижестоящему руководителю.

— Какая-то секретная информация? — с ухмылкой спросил Трайнер чуть приглушенным голосом.— Что все это значит?

Притворная уступчивость выдавала его с головой. Хедрок сидел и бесстрастно прикидывал. Значит, пульт управления бластером находится в столе, недалеко от того места, к которому Трайнер придвинул свой стул. Хедрок тщательно обдумывал ситуацию. Он сидит спиной к пушке, а Трайнер несколько поодаль слева. Дверь, ведущая в приемную, находится в пятидесяти футах, а за ней — секретарша. Стена и дверь защитят ее. Если кто-то войдет, должен будет держаться левой стороны, сразу за Трайнером или еще дальше. Удовлетворенный своими расчетами, Хедрок кивнул. Он не спускал глаз с Трайнера и наконец заговорил:

— Я скажу вам все, Трайнер.— Хедрок решил еще больше возбудить явное любопытство президента и поумерить его нетерпение.— Но прежде желательно, чтобы вы сделали одну вещь. Здесь у вас есть старший бухгалтер по имени Ройан. Попросите его зайти. После того как я с ним поговорю, вам станет ясно, будет ли он завтра работать в фирме.

Трайнер в недоумении посмотрел на него и, помедлив какое-то время, заговорил в телестат. Кто-то звонким отчетливым голосом обещал немедленно прийти. Трайнер отключил связь и откинулся на стуле.

— Так, значит, вы и есть тот самый человек в загадочном, долго молчавшем телестате,— произнес он спустя какое-то время, показав на аппарат в стене рядом с собой. Затем спросил сдавленным голосом: — Императрица владеет нашей корпорацией? Все принадлежит Дому Айшеров?

— Нет! — отрезал Хедрок.

Трайнер был явно разочарован.

— Я склонен поверить,— сказал он,— и знаете почему? Дому Айшеров все время отчаянно нужны деньги, и он не допустил бы, чтобы такое сокровище — наша компания — прозябала подобным

образом. Эти идиоты дошли до того, что постоянно делятся прибылью со служащими. Нет, кто бы то ни был, это не Айшер.

— Нет, не Айшер! — обронил Хедрок и взглянул на Трайнера. У того был вид человека, совершенно сбитого с толку. Как и многие до него, Трайнер не осмеливался полностью игнорировать тайного владельца корпорации, пока существовала вероятность, что им является императорская семья. Впрочем, Хедрок и раньше замечал: отрицание этого факта только увеличивало сомнения честолюбцев.

В дверь постучали. Вошел мужчина лет тридцати пяти, энергичный, крупного телосложения. Когда он увидел, как присутствующие расположились за столом, глаза его расширились.

— Вы ведь Ройан? — спросил Хедрок.

— Да.— Молодой мужчина вопросительно взглянул на Трайнера, но тот сидел, не поднимая глаз.

— Вас информировали о том, что это за телестат? — Хедрок показал на аппарат в нише.

— Я знакомился с документами корпорации,— начал Ройан и остановился. Судя по глазам, он соображал, куда клонил Хедрок.— Вы не...

— Давайте не будем разыгрывать спектакль. Я хочу задать вам один вопрос, Ройан.

— Да?

— Сколько денег фирмы,— Хедрок четко выговаривал слова,— присвоил Трайнер в прошлом году?

Трайнер со свистом втянул в себя воздух, затем наступила тишина. Наконец Ройан засмеялся как мальчишка и сказал:

— Пять миллиардов креди, сэр.

— Многовато для жалованья, не так ли? — произнес Хедрок ровным голосом.

Ройан кивнул.

— Мне кажется, мистер Трайнер считал себя не столько служащим, сколько владельцем корпорации.

Хедрок заметил, что Трайнер, не отрываясь, смотрит прямо перед собой на столешницу, а правой рукой исподволь тянется к маленькой драгоценной статуэтке.

— Пройдите вон туда, Ройан,— сказал Хедрок и повел рукой влево. Подождал, пока тот не сдвинулся вбок, а затем нажал рычажок на перстне, который привел в действие проглоченный им стимулятор роста. Хедрок тут же увеличился в размере, хотя ненамного, всего на дюйм, по всей поверхности тела. Пожалуй, мог бы достичь почти такого же эффекта, если бы расправил плечи и выпятил грудь. Этот дополнительный дюйм изменил структуру организма и усилил защитные функции «рабочего» костюма. Он стал абсолютно неуязвимым, совсем как оружейный магазин.

Кстати, почти все, что случилось после исчезновения с судилища в Торговом Доме оружейников, так или иначе связано

с отсутствием «рабочего» костюма, который он не смог надеть, отправляясь в линвудский магазин.

Хедрок почувствовал, как тело задубело, глотку свело и темп речи ощутимо замедлился.

— Я бы сказал,— неторопливо выговорил он,— жалованье чересчур завышено. Проследите, чтобы оно составляло пять миллионов.

Трайнер скрипнул стулом, пододвигаясь к столу, но Хедрок, как ни в чем не бывало обращаясь к Ройану, продолжал говорить с металлическими нотками в голосе:

— И еще, несмотря на акционерную основу, фирма приобрела незавидную репутацию из-за алчности президента. И в частной жизни он ведет себя недостойно — подбирает на улице хорошеньких женщин и проводит с ними время на многочисленных конспиративных квартирах...

Тут Трайнер сделал последний рывок и конвульсивно схватил статуэтку. Хедрок поднялся на ноги, когда Ройан издал крик, предупреждающий об опасности.

Саданул бластер — заряд вдребезги разнес кресло, на котором только что сидел Хедрок, оплавил металлическую поверхность стола, причем пламя выметнулось до потолка. Залп был невероятной силы, по крайней мере девяносто тысяч энергетических циклов. Тем не менее Хедрок заметил огонь, вырвавшийся из револьвера Ройана.

Спустя мгновение цель событий вполне прояснилась. Трайнер привел в действие пушку, направив заряд прямо на Хедрока, затем быстро повернулся и вытащил свой казенный револьвер, намереваясь убить Ройана. Но тот успел первым — у него оказалось оружие производства Торгового Дома, предназначенное для самозащиты.

В том месте, где стоял Трайнер, появилось свечение, мигнуло и тут же растаяло: мощные всасывающие насосы, автоматически приведенные в действие пушкой, прогоняли через помещение огромные порции свежего воздуха. Вообще-то обычный процесс, только многократно ускоренный — за секунду весь объем воздуха заменялся пять раз.

В кабинете наступила тишина.

— Не понимаю,— наконец произнес Ройан,— как вы остались живы?..

Хедрок приостановил действие стимулятора роста и просто сказал:

— Вы — новый президент корпорации, Ройан. Ваше жалованье — пять миллионов в год. Какой курс обучения проходит ваш сын?

Ройан оправился от неожиданности быстрее, чем ожидал Хедрок.

— Общепринятый,— последовал ответ.

— Поменяйте. Торговый Дом оружейников недавно опубликовал подробное описание нового курса, который еще не получил широкого признания. Он включает усиленное развитие нравственных начал. А теперь... Когда будут готовы списки, которые Трайнер приказал составить для меня? Или вы ничего о них не знаете?

Стремительность разговора, казалось, вновь ошеломила Ройана, но он быстро сориентировался.

— Не раньше шести часов. Я...

Хедрок прервал его:

— Завтра вы подвергнетесь страшному испытанию, Ройан, но держитесь стойко. Не теряйте головы. Мы навлекли на себя гнев мощной тайной организации. Нам придется расплачиваться. Наша собственность потерпит сокрушительный удар, но ни при каких обстоятельствах никому не говорите, что это *наша* собственность, и не начинайте восстанавливать ее в течение месяца или до соответствующих распоряжений.

Он перевел дух и мрачно закончил:

— Мы должны безропотно перенести потери. К счастью, завтра День Вечного Покоя. Люди будут отдыхать. Но помните: эти — списки — должны быть — готовы — к шести часам!

Хедрок резко повернулся и стремительно вышел. Упомянув о тайной организации, придуманной в ходе разговора, он заглядывал вперед: когда великан начнет действовать, его промашки можно будет отнести на ее счет.

А теперь, не откладывая, необходимо нанести ряд визитов попроще, поесть, встретиться с высокомерным Ненсеном и только после этого приняться за самое важное дело.

Через час он убил Ненсена как бы рикошетом — просто отразив сгусток направленной в него энергии. Когда-то неукротимый монстр Дили оказался безобидным старикашкой, который тут же сложил свои полномочия, едва поняв, что Хедрока нимало не трогает его намерение исправиться. С другими пришлось повозиться, ибо потребовались усилия для преодоления их любопытства и твердолобости.

Было 6.45 следующего утра, когда Хедрок принял энергетическую пилюлю, сделал себе несколько витаминных инъекций и на полчаса прилег, чтобы препараты благотворно подействовали на усталое тело.

Он плотно позавтракал и около восьми включил увеличитель «рабочего» костюма на полную мощность. Наступил день великана.

13

За несколько минут до того как пришли первые утренние донесения, Иннельда напустилась на членов имперского кабинета.

— Вечно вам нужны деньги! Куда они уходят? Наш годовой

бюджет исчисляется астрономическими числами, а я вижу только неутешительные отчеты — столько-то ушло на одно ведомство, столько-то на другое. Надоело! Солнечная система беспредельно богата: ежедневный оборот на бирже исчисляется сотнями миллиардов креди, а у правительства постоянно нет денег. Или вы недобираете налоги с оборота?

Установилось тягостное молчание. Министр финансов беспомощно смотрел на сидящих за длинным столом коллег. Наконец его умоляющий взгляд остановился на принце дель Куртине. Принц помедлил, а затем изрек:

— Заседания кабинета стали походить одно на другое. Вы изводите нас придирками, а мы отмалчиваемся. В последнее время вы говорите одним и тем же скрипучим тоном жены, которая, истратив все деньги, пилит мужа за то, что у него больше ничего нет.

Императрица не сразу разобралась, в какой обстановке это было сказано. В личных беседах они с кузеном позволяли себе немало такого, о чем умалчивали на людях. А разобравшись, несколько опешила. Тем более что члены кабинета после шпильки принца дель Куртина вздохнули с облегчением. Она задумалась, тщательно подбирая слова, чтобы ее правильно поняли.

— Я устала выслушивать,— продолжала она сердитым тоном,— будто у нас нет денег для оплаты текущих расходов правительства. Затраты на содержание императорского двора остаются без изменений на протяжении целых поколений. Моя личная собственность приносит доход, она не в убыток казне. Мне часто говорят, что мы душим налогами как деловых людей, так и простых граждан. Бизнесмены действительно высказывают по этому поводу серьезные претензии. Но если бы эти хитрые бестии проверили свои гроссбухи, то мигом обнаружили бы, кто их грабит. Я имею в виду поборы этой алчной незаконной организации — Торгового Дома оружейников, который устанавливает монопольные цены и подтачивает ресурсы страны. Он действует гораздо жестче законного правительства. Он нагло лжет, преступно надувая потребителей, когда заявляет, будто продает только оружие. Он изворотливо вербует из безликой массы хватких типов и пользуется их услугами. Все уже знают: достаточно в чем-то обвинить любую фирму, как Торговый Дом оружейников вступается за нее и начинает вас преследовать. Суть вопроса в том, что считать законным обогащением, а что надувательством — это чисто философская проблема, о которой можно спорить бесконечно. Подручные Торгового Дома с легкостью определяют сумму штрафов по возмещению ущерба в тройном размере и одну половину отдают истцу, а другую забирают себе. Мое мнение, джентльмены, следующее: мы должны развернуть кампанию и убедить бизнесменов, что не правительство выкачивает из них деньги, а Торговый Дом оружейников. Хотя, конечно, если бы бизнесмены поступали честно, тогда и говорить не о чем. В этом случае ханжи из Торгового Дома были бы разоблачены и предстали перед людским судом как воры, каковыми они

и являются. Где бы они тогда изыскали средства на поддержку своей организации?!

Императрица остановилась, чтобы перевести дыхание, и восстановила в памяти реплику принца дель Куртина. Нахмурившись, она обратилась к нему:

— Стало быть, я разговариваю как сварливая жена, не так ли, кузен? Истратив все деньги любящего супруга, я...

Она вдруг замолчала. И в раздражении припомнила, с каким облегчением члены кабинета восприняли комментарий принца. Это что же получается? Неужели она проглотила неприятно поразившие ее слова, не придав значения тому, что в присутствии всего кабинета лично ей как бы предъявлено обвинение. Было такое впечатление, словно ее ударили.

— Будь я проклята,— взорвалась императрица.— Значит, виновата я. Я трачу государственные деньги, как безответственная жена, разоряющая мужа...

Она буквально задохнулась. Собралась было продолжить, но ожил телестат около ее кресла:

— Ваше величество, важное сообщение со Среднего Запада. Человек, точнее великан ста пятидесяти футов роста, громит деловой квартал города Динар.

— *Что такое?*

— Если пожелаете, мы продемонстрируем картину разрушения. Великан медленно отступает под натиском моторизованных частей.

— Не нужно...— Ее голос звучал холодно и язвительно.— Вероятно, какой-нибудь робот, сделанный сумасшедшим. Пусть им займутся воздушные силы, они справятся, мне сейчас не до этого. Доложите позже.— Последние слова императрица произнесла отрывисто и грубо.

— Слушаюсь!

В наступившей тишине она застыла как изваяние, и только на побледневшем лице горели глаза.

— Неужели Торговый Дом оружейников придумал что-то новенькое? — наконец прошептала императрица.

Через некоторое время ей удалось справиться с собой. Усилием воли она вернула мысли в прежнее русло. И сразу же заговорила о предъявленном ей обвинении.

— Принц, должна ли я понимать, что вы публично обвиняете меня в тех финансовых затруднениях, которые испытывает правительство?

Тон принца был холоден:

— Ваше величество неправильно истолковывает мои слова. Я сказал, что заседания кабинета превратились в свары. Все министры несут ответственность перед парламентом, а деструктивная критика ни к чему хорошему привести не может.

Она взглянула на принца в упор и с досадой поняла, что тот не намерен идти дальше сказанного.

— Вы, следовательно, считаете мое предложение оповестить деловых людей о грабительской тактике Торгового Дома оружейников... вы считаете его не заслуживающим внимания?

Принц молчал так долго, что она не сдержалась и рявкнула:

— Да или нет?

Он погладил подбородок, затем испытующе посмотрел на нее.

— Нет! — отрезал принц.

Императрица не сводила с него широко открытых глаз, обида перехватила дыхание. Получить такой щелчок в присутствии всех министров!

— Почему же нет? — наконец произнесла она самым ровным тоном, на какой была способна.— По крайней мере это смягчило бы критику в наш адрес по поводу высоких налогов.

— Разве что этот шаг доставит вам удовольствие,— вроде бы уступил принц дель Куртин.— Возможно, пропагандистская кампания много бед не наделает. Но и дефицита не покроет.

— Причем тут мое удовольствие? — произнесла Иннельда ледяным тоном.— Я думаю только о государстве.

Принц дель Куртин хранил молчание. Она уставилась на него, явно не желая сдавать позиций.

— Кузен,— сказала императрица проникновенно,— мы с вами близкие родственники. В личной жизни мы добрые друзья, несмотря на серьезные расхождения по разным вопросам. Однако сейчас вы даете понять, что я ставлю личные интересы выше моего долга перед государством. Я всегда искренне верила, что в одном человеке не может быть двух лиц и что каждый поступок в какой-то степени отражает его личные склонности. Однако надо различать неосновательные предположения, влияющие на человеческие взгляды, и фактическую линию поведения, намечаемую для достижения собственных целей. Так что же и каким образом намечаю я? Что вдруг заставило вас вложить в свою реплику такой подтекст? Ну, я жду.

— «Вдруг» едва ли верное слово,— сухо сказал принц дель Куртин.— Больше месяца я сижу здесь, слушаю ваши недовольные тирады и все пуще удивляюсь. Поэтому задал себе один вопрос. Хотите знать какой?

Императрица медлила с ответом. Слова принца привели ее в смятение. Но она решилась:

— Продолжайте!

— Вопрос, который я не раз задавал себе,— сказал принц дель Куртин,— следующий: «Что выводит ее из равновесия? Какое решение она пытается принять?» Но ответ пришел не сразу. Мы все знаем о вашей навязчивой идее относительно Торгового Дома оружейников. Дважды вы рискнули потратить огромные суммы из бюджета на контрмеры против Торгового Дома. Первый раз это было несколько лет назад и стоило так много, что только в прошлом году удалось возместить ущерб. Затем, несколько месяцев назад, вы стали туманно намекать на новые расходы. Тогда я не понял,

на какие цели. В конце концов вы попросили кабинет проголосовать за выделение колоссальной суммы неизвестно на что — это до сих пор покрыто тайной. Внезапно воздушный флот был приведен в боевую готовность. Торговый Дом тут же выступил с обвинением, что вы скрыли существование межзвездного суперлайнера и хотите его уничтожить. Мы ассигновали деньги на контрпропаганду, но кампания провалилась, а по бюджету был нанесен чувствительный удар. Мне до сих пор интересно знать, зачем вам понадобилось тратить один миллиард восемьсот миллионов креди на восемь энергетических пушек со стомиллионным циклом. Пожалуйста, поймите меня правильно. Я не прошу у вас объяснений. Я заключил по вашим намекам, что инцидент был успешно исчерпан. Но остается вопрос: чем вы недовольны? Что не так? И я предположил, что здесь дело личное, а не политическое, и оно касается ваших внутренних, а не внешних проблем.

Ее охватило странное ощущение опустошенности. Она еще не понимала, куда клонит принц, не знала, как реагировать, и была в смятении.

— Иннельда, вам тридцать два года и вы не замужем,— продолжал он.— Ходят слухи — извините, что упоминаю об этом,— будто у вас сотня любовников, но я-то знаю наверняка — это ложь. И поэтому говорю прямо: вам давно пора выйти замуж.

— И вы полагаете,— молвила она чуть изменившимся голосом,— что мне надлежит собрать со всей страны молодых людей, дабы они совершали поступки отчаянной храбрости, и выйти замуж за того, кто сумеет приготовить самый вкусный сливовый пудинг?

— Совсем не обязательно,— спокойно заметил принц.— Вы уже влюблены.

Сидящие за столом министры зашевелились, расцвели в дружелюбных улыбках.

— Ваше величество,— начал один,— это самая приятная из всех новостей... — И внезапно замолчал — должно быть, увидел выражение ее лица.

Она вела себя так, как будто не замечала реакции окружающих.

— Принц, я поражена. И кто же этот счастливчик?

— Вероятно, один из самых грозных мужчин, каких я встречал, пленяющий своей энергией и вполне достойный вашей руки. Он появился во дворце около восьми месяцев назад и сразу же покорил вас, но, к сожалению, из-за его прошлого, если принимать во внимание политику, в вашем сознании возник конфликт между вполне естественными желаниями и навязчивыми идеями.

Теперь она поняла, о ком толкует принц, и попыталась сбить его с толку.

— Уж не говорите ли вы о том молодом человеке, которого два месяца назад я приказала повесить, а потом помиловала?

— Признаюсь,— улыбнулся принц дель Куртин,— меня очень удивило тогда ваше бурно выраженное предубеждение против него,

но ведь оно не более чем проявление столь же бурного конфликта, происходившего в вашем сознании.

Иннельда холодно ответила:

— Насколько я помню, вы, кажется, не слишком возражали против смертного приговора.

— Просто был в замешательстве. Я генетически предан вашей персоне, и ваши уверенные суждения о нем смутили меня. Только потом сообразил, как удивительно все совпадает.

— Вы считаете, что я покривила душой, когда отдавала приказ?

— В этом мире люди постоянно изничтожают своих любимых. Они даже кончают жизнь самоубийством, то есть сводят счеты с самими собой, кого любят больше жизни.

— Ну и какое это имеет отношение к конфликту в моем сознании, который превращает меня в строптивую женщину?

— Еще тогда вы мне рассказали, что обещали капитану Хедроку...— Она вся подобралась, когда это имя было наконец произнесено.— Ну да, обещали призвать его во дворец через два месяца. Время прошло, а вы никак не можете решиться.

— Не хотите ли сказать, что моя любовь поугасла?

— Нет.— Он был терпелив.— Вы вдруг поняли, что, если пригласите его, ваш зов теперь, по прошествии этих месяцев, скажет гораздо больше, чем в момент обещания. Вы полагаете, что это будет равнозначно признанию.

Иннельда встала.

— Джентльмены,— сказала она с легкой снисходительной улыбкой,— выводы кузена — для меня откровение. Я уверена, что он хочет добра, и по всей вероятности было бы неплохо выйти замуж. Но, признаюсь как на духу, никогда не помышляла о капитане Хедроке, которому до конца его дней пришлось бы выслушивать мое ворчание. К несчастью, есть еще причина, по какой я не решаюсь выйти замуж, и поэтому к конфликту, упомянутому принцем, нужно добавить еще один. Я...

Тут возле ее кресла ожил телестат.

— Ваше величество, только что Высший Совет Торгового Дома оружейников сделал заявление в связи с великаном.

Императрица опустилась в кресло. Ей стало не по себе: как она могла упустить из виду это непонятное чудище, крушащее все на своем пути без видимого смысла?! Она вцепилась в край длинного стола.

— Я ознакомлюсь с заявлением позже. О чем там речь?

После некоторой паузы заговорил другой, более густой голос:

— Совет Торгового Дома только что выступил с заявлением, в котором осуждает действия стопятидесятифутового великана, стершего с лица земли деловые кварталы городов Динар и Лентон. В заявлении, как абсолютно безосновательные, опровергаются слухи, будто великан — изобретение Торгового Дома, и дается заверение приложить все силы для его поимки. Как сообщалось раньше, великан побежал...

Резким щелчком императрица выключила телестат.

— Джентльмены,— сказала она,— я полагаю, всем вам необходимо вернуться на свои рабочие места и быть наготове. Государство в опасности! И на этот раз,— она пристально посмотрела на кузена,— на этот раз, кажется, помимо моей недоброй воли. Всего хорошего, джентльмены,— резко закончила она.

По этикету члены кабинета оставались на местах, пока императрица не вышла из зала заседания.

Вернувшись в свои покои, она выждала несколько минут, затем вызвала по телестату принца дель Куртина. Почти сразу же его лицо появилось на экране. Во взгляде был вопрос.

— Сумасшедший? — спросил он.

— Конечно нет. Ты же знаешь. Есть ли сведения, чего он добивается?

— Требует показать межзвездный суперлайнер.

— О! Тогда это Торговый Дом!

Принц покачал головой.

— Не думаю, Иннельда,— сказал он серьезно.— Несколько минут назад Торговый Дом выступил со вторым заявлением, по-видимому, понимая, что его пропагандистская кампания шестинедельной давности перекликается с требованием великана. Авторы заявления хотят, чтобы ты продемонстрировала суперлайнер, но отрицают какую-либо связь с великаном и опять предлагают помощь в его поимке.

— На первый взгляд их отмежевание смехотворно.

Принц дель Куртин более трезво оценивал обстановку:

— Иннельда, если этот великан и дальше будет все крушить, тебе придется что-то делать, а не только пререкаться с Торговым Домом.

— Ты придешь завтракать? — спросила она.

— Нет, я лечу в Динар.

Она с тревогой смотрела на него.

— Береги себя, кузен.

— Ну, полно, я не горю желанием погибнуть.

Она вдруг рассмеялась:

— Нисколько в этом не сомневаюсь! Расскажешь мне позже, зачем ты летишь.

— А здесь никакого секрета нет. Меня пригласил воздушный флот. Полагаю, нужен высокопоставленный свидетель, чтобы потом их не обвиняли в упущениях. Дескать, мы сделали все, что могли. Пока! — закончил он разговор.

— До свидания,— сказала Иннельда и отключила связь.

Она устала и прилегла на час. Должно быть, задремала, так как очнулась от звука личного телестата, стоящего у кровати. Это был принц дель Куртин.

— Иннельда, ты следишь за продвижением великана? — с большой тревогой поинтересовался он.

Ей вдруг стало все безразлично. Никак не могла поверить, что

этим утром ни с того ни с сего возникла опасность и вот уже угрожает самому существованию Айшеров.

— Что-нибудь экстраординарное? — спросила она, наконец справившись с собой.— Я была занята.

— Тридцать четыре города, Иннельда. Убит один человек, и тот по чистой случайности. Но имей в виду, это очень серьезно, тут не до шуток. Континент начинает волноваться, скоро будет походить на разворошенный муравейник. Великан сокрушил только малые компании, большие не тронул. Поползли слухи, и я считаю, никакая пропаганда не поможет, пока эта бестия на свободе.— Затем вдруг спросил: — Ты что, действительно прячешь межзвездный суперлайнер? В этом есть хоть капля правды?

Иннельда ответила не сразу.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что, если это правда,— сказал он озабоченно,— если это объясняет появление великана, то мой тебе совет — обдумай досконально, как бы поизящнее придать гласности свою тайну. Еще один день подобной активности, и тебе конец.

— Ну, мой дорогой,— промолвила она с холодной решимостью,— если будет нужно, я и сто дней выдержу. А если межзвездный суперлайнер все-таки существует, то при данных обстоятельствах Дом Айшеров сделает все возможное, чтобы его уничтожить.

— Почему?

— Потому что,— ее голос зазвенел,— население Земли с ужасающей быстротой разлетится в разные стороны. Через двести лет на сотнях планет появятся тысячи самозваных королевских семей с суверенными правительствами, которые того и жди кинутся воевать, как это делали короли и диктаторы в старые времена. Они будут с ненавистью относиться к нашим потомкам, представителям древнего Дома Айшеров, чье физическое существование уже само по себе станет для них укором, постоянным напоминанием о смехотворности их притязаний на власть. Жизнь на Земле превратится в ад, пойдут нескончаемые войны против других звездных систем.— С волнением в голосе она продолжала: — Не безрассудно ли предсказывать ход событий на два века вперед? Нет! Такая семья, как наша, правящая более четырехсот семидесяти лет, научилась оперировать категориями столетий.

Помолчав немного, Иннельда закончила свою мысль:

— Едва только будет найден способ, как управлять, как держать под контролем звездную эмиграцию, мы в тот же день одобрим подобное изобретение. А пока...

Принц дель Куртин закивал головой, на его продолговатом мужественном лице отразилась работа мысли.

— Ты, конечно, права. Мне это не пришло на ум. Такой хаос допустить нельзя. Но наше положение усугубляется с каждым часом. Иннельда, позволь мне кое-что предложить.

— Да.

— Ты будешь шокирована.

Она слегка нахмурила лоб:

— Говори!

— Хорошо. Слушай: пропаганда Торгового Дома только выигрывает от бесчинств великана, хотя в то же время оружейники не перестают осуждать его действия. Давай консолидируемся с ними на этой почве.

— Что ты имеешь в виду?

— Разреши мне связаться с ними. Нам нужно выяснить, что за люди стоят за великаном.

— Уж не собираешься ли ты вступить с ними в союз?! — неожиданно для себя взорвалась она.— После столь долгого противостояния императрица Айшер умоляет Торговый Дом о помощи? Никогда!

— Иннельда, в этот момент великан разрушает город Лейксайд.

— Ох!..

Она долго молчала. Впервые не находила слов. Знаменитый Лейксайд, второй город после Империал-Сити по великолепию и богатству. Попыталась представить себе великана в блестящей одежде. Вот он идет по волшебному городу озер и крушит все на своем пути. Хоть и неуверенно, кивнула наконец в знак согласия. Сомнений больше не было. И дня не прошло, а великан приобрел самое важное значение в этом суматошном мире. Правда, не только он один.

После секундного колебания императрица решилась.

— Кузен!

— Да.

— Капитан Хедрок оставил мне адрес. Не свяжешься ли ты с ним и не попросишь ли прийти во дворец сегодня вечером, если он сможет?

Принц дель Куртин внимательно взглянул на нее, затем спросил просто:

— Какой адрес?

Она продиктовала, потом откинулась на подушки и уговорила себя расслабиться. Поняв, что приняла чрезвычайно важное решение, почувствовала облегчение.

Было около 17.00, когда Хедрок получил записанное на пленку и автоматически переданное послание императрицы. Едва узнав, куда его приглашают, вздрогнул. Не может того быть, чтобы Иннельда ударилась в панику, испугавшись за будущее династии.

Он перестал крушить-сметать и вернулся в свою тайную лабораторию. Настроился на законспирированную волну Высшего Совета Торгового Дома, хотя там полагали, будто о ней ни одна посторонняя душа не знает, и, изменив голос, сказал:

— Джентльмены, члены Высшего Совета, я уверен: то, что творят великаны, служит вашему делу.

Хедрок намеренно подчеркивал, что великанов много, ибо в Торговом Доме прекрасно знали: обыкновенный человек под действием стимулятора роста за каждые полчаса старится на пять лет. С настойчивостью в голосе он продолжал:

— Великанам нужна немедленная помощь. Вы должны подключиться и послать добровольцев, которые сыграют роль великанов в течение пятнадцати или тридцати минут на человека. Разрушать ничего не придется, одно лишь их появление создаст эффект продолжительности акции. Кроме того, очень важно с новой силой возобновить пропаганду, дабы заставить императрицу выдать тайну межзвездного суперлайнера. Весьма существенно, чтобы первый великан появился сегодня же вечером. Ради прогрессивных сил человечества, не подведите!

Прошло всего пятнадцать минут, и появился первый великан — быстро они отреагировали на его призыв! Даже слишком быстро. Это свидетельствовало об их личной заинтересованности и еще о том, что самая мощная сила в Солнечной системе действовала как хорошо отлаженный механизм. Хедрок нисколько не сомневался, что члены Высшего Совета, помимо прочего, горят желанием выяснить, кто же проведал их секреты. Он даже готов был поверить, что они догадываются, кто это такой.

Вот и пришло время воспользоваться одним из собственных секретных изобретений. Но сначала его необходимо опробовать здесь, в своем укрытии. А потом, когда наступит критическая минута, прибегнуть к запасному экземпляру — тому самому, что он спрятал в склепах под дворцом. Все решится в последующие двенадцать часов, если, разумеется, ему не воспрепятствуют паукообразные.

Впрочем, до сих пор они не давали о себе знать.

14

Теплая ночь. Над головой низкое небо, затянутое облаками, и море огней на земле. Эдвард Гониш шел по Лак-авеню, длинной улице, пользующейся дурной славой, на которой вспыхивала, искрилась, неистовствовала реклама. Ее блеск, просматривавшийся на мили по обе стороны, переходил вдали в разноцветное мерцание. Ноумена слепили яркие вывески, кричавшие во всем великолепии света и цвета:

ВАС ЖДЕТ ЦЕЛОЕ СОСТОЯНИЕ!

ВХОДИТЕ С ДЕСЯТЬЮ КРЕДИ,

ВЫХОДИТЕ С МИЛЛИОНОМ!!!

БРИЛЛИАНТОВЫЙ ДВОРЕЦ

10 000 000 БРИЛЛИАНТОВ УКРАШАЮТ ИНТЕРЬЕР

ПОПЫТАЙТЕ СЧАСТЬЯ В ОКРУЖЕНИИ БРИЛЛИАНТОВ!!!

Гониш шел и диву давался. Рубиновый дворец, золотой дворец, изумрудный дворец — однообразные безвкусные вывески соперни-

чали с не менее претенциозными архитектурными строениями. Наконец он добрался до места назначения.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР УДАЧИ
САМЫЕ НИЗКИЕ СТАВКИ
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ

Ноумен остановился, и губы его сложились в мрачную улыбку. Недурственное местечко выбрала для встречи императрица — одно из собственных заведений для развлечения широкой публики. Именно здесь предстоит выяснить, знает ли она, где Хедрок,— вытянуть из нее эту информацию и как-нибудь самому остаться в живых. Гониш присматривался к людям, в основном молодым, толпами снующими туда и сюда. Их смех — молодые смеялись громче всех — еще больше оживлял эту залитую светом ночь. Ничего необычного в этом не было. Но он стоял и наметанным глазом терпеливо вглядывался в фланирующих бездельников, определяя по выражению лиц, что они из себя представляют, и вскоре разобрался в реальной ситуации. Все подходы кишели агентами императорского правительства.

Гониш пребывал в гнетущем состоянии. Высший Совет Торгового Дома настоял на своем — встречу назначили в общественном месте. Государственная тайная полиция, вполне естественно, приняла меры предосторожности, а также гарантировала ее величеству полную конспирацию — никто не должен знать о ее переговорах, вызванных появлением великанов. Определили приемлемое для сторон время — 2.30 пополуночи. А сейчас — Гониш взглянул на часы — было без пяти два.

Он стоял на месте и с грустью думал о том, что попытка заманить в ловушку Хедрока — его долг. Ведь послание, полученное по засекреченной волне и как громом поразившее Совет, со всей очевидностью убеждало, что акцию с великаном придумал Хедрок, и, на взгляд Гониша, полностью оправдывало тревогу Торгового Дома. Опасность заключалась в непредсказуемых действиях Хедрока, даже не попытавшегося объяснить, что им движет, хотя такая возможность у него была. Поэтому его нужно судить и признать виновным.

Совершенно ясно — человек, завладевший основными секретами Торгового Дома оружейников, не должен оставаться на свободе. Гониш еще и еще раз обдумывал, как использовать в своих интересах предстоящую встречу с императрицей. Ее друга Хедрока необходимо разыскать и казнить.

Между тем назначенный час приближался. Гониш решил войти в заведение и оглядеться.

Внутри помещение оказалось значительно больше, чем казалось снаружи. Между зелеными островками — садиками с фонтанами — стояли игорные автоматы. Возле них теснились посетители обоего пола. Причем многие женщины были в масках. Гониш с пониманием кивнул, значит, императрица тоже явится в маске.

Он остановился перед столом, залитым ярким светом. По его черной бархатной поверхности крутились искрящиеся цифры. Гониш внимательно проследил за ходом нескольких партий, стараясь постигнуть структуру и возможную логику игры. В мозгу — самой тренированной части его организма — рождались нужные комбинации. Затем поставил по десять креди на каждый из трех предугаданных номеров.

Огненное колесо стремительно завертелось, и числа, на которые пал выигрыш, одно за другим появились в ослепительной колонке. Крупье нараспев произнес:

— Семьдесят четыре, двадцать девять, восемьдесят шесть. Коэффициент один к семнадцати.

Когда Гониш собрал свои пятьсот десять креди, крупье уставился на него.

— Послушайте,— сказал он изумленно,— это второй случай в моей практике, когда угаданы все три выигрышных номера!

Гониш снисходительно улыбнулся.

— Чего только не случается,— сказал он мягко и, исчерпав тут свое любопытство, побрел прочь. Он почти физически ощущал, как взгляд крупье буравит спину. Очень хотелось обнаружить игру, секретами которой не удалось бы овладеть, несмотря на свои исключительные качества. К тому же время еще позволяло.

Он подошел к огромной машине с шариками и расположенными одно под другим колесами. Пронумерованные шарики — общим числом шестьдесят — катились вниз по крутящимся колесам, постепенно увеличивая скорость спуска. Стоимость выигрыша зависела от того, насколько глубоко они могли опуститься. Первая половина этого сложного, хотя и скоростного спуска вообще не учитывалась, а до более низкой отметки добирались совсем немногие шарики. Самое большое удовольствие, насколько мог судить Гониш, получаешь, когда следишь, как твой шарик катится все ниже и ниже, а ты до последней секунды не теряешь надежды. Все оказалось очень просто. Его шарик выиграл четыре раза подряд. Гониш рассовал по карманам свой выигрыш и переместился к следующей игре, построенной на принципе соединения белого и черного луча. Оба они переплетались в один вращающийся пучок, который в итоге превращался либо только в черный, либо только в белый свет. Нужно было угадать, какой из них выпадает.

Он задумался. В конце концов, руководствуясь принципом картежника, решил, что белый цвет символизирует непорочность, и поставил на него. Белый проиграл. Проводив взглядом свои уплывшие денежки, он пришел к выводу, что на непорочности далеко не уедешь. Но черный тоже проиграл. Тут у него за спиной раздался громкий женский смех.

— Надеюсь, мистер Гониш, с великанами вы справляетесь несколько лучше,— сказал знакомый красивый голос.— Пожалуйста, следуйте за нами во внутреннее помещение.

Гониш обернулся. Возле него стояли женщина и трое мужчин, в одном из которых он узнал принца дель Куртина. Лицо женщины в маске было удлиненным, а рот, несомненно, айшеровским. Через прорези маски зеленым цветом отливали глаза, нанося последний штрих на знакомый портрет.

Ноумен низко поклонился и молвил:

— Вы, несомненно, правы.

Они молча проследовали в роскошно обставленную гостиную и сели. Гониш не торопился. Вопросы, которые он собирался задать, были продуманы заранее. К его удивлению, ненавязчивые упоминания о Хедроке остались без ответа. Через какое-то время его удивление переросло в откровенное недоумение. Гониш откинулся назад, внимательно рассматривая явно озабоченные лица своих собеседников. Наконец очень осторожно заметил:

— У меня такое чувство, будто вы что-то утаиваете.

Не похоже, чтобы они делали это сознательно, подумал он затем. Оснований сомневаться в их искренности не было. Скорее всего им в голову не приходит, что ему нужен только Хедрок. И все-таки казалось, будто между ними существует молчаливая договоренность — не упоминать о Хедроке.

Принц дель Куртин первым попытался разуверить его.

— Право же, мистер Гониш, вы глубоко заблуждаетесь. Мы, четверо, в курсе всей информации, поступившей о великане. Разве лишь не все сразу приходит на ум. Возможно, какие-то детали из прошлого могут пролить свет на его происхождение, и память хранит их в своих тайниках. Попробуйте задавать соответствующие вопросы, а мы будем отвечать.

Н-да, звучит убедительно. Выполнить намеченное будет гораздо сложнее, чем Гониш предполагал вначале. Скорее всего придется пойти на риск и действовать открыто. .

— Вы допускаете ошибку, предполагая, будто являетесь единственными обладателями полной информации,— он решил зайти с другой стороны.— Есть человек, по-видимому, самый выдающийся из ныне живущих, чьи необыкновенные способности Торговый Дом оружейников недооценивал и только-только начал осознавать. Я имею в виду Роберта Хедрока, капитана армии вашего величества.

К изумлению Гониша, императрица подалась вперед. Глаза ее сияли, губы приоткрылись.

— Вы считаете... Торговый Дом считает Роберта... капитана Хедрока — одним из выдающихся людей современности? — прошептала она и, не дожидаясь ответа, повернулась к принцу дель Куртину: — Слышишь! *Ты слышишь!*

Принц улыбнулся.

— Ваше величество,— сказал он спокойно,— я всегда был высокого мнения о капитане Хедроке.

Женщина перевела взгляд на Гониша, который сидел за столом напротив нее, и произнесла странно официальным тоном:

— Я прослежу, чтобы капитану Хедроку сообщили о вашей настоятельной просьбе поговорить с ним.

Итак, *она знала.* Это он выяснил. Что касается остального... Гониш, обуреваемый печальными предчувствиями, поерзал в кресле. Похоже, императрица сама сообщит Хедроку. Нетрудно представить себе, с каким презрением тот отнесется к подобной вести. Гониш медленно выпрямился. Положение становилось отчаянным. Деятельность всей организации оружейников зависела от результатов этой встречи. А он еще ничего не добился.

Сомнений нет, эти люди всей душой желают избавиться от великана, равно как Торговой Дом захватить Хедрока. А ведь, хоть и горько это сознавать, смерть Хедрока одновременно разрешила бы обе проблемы. Гониш сделал над собой усилие, как можно приятнее улыбнулся и сказал:

— Кажется, вы и капитан Хедрок окружены какой-то общей маленькой тайной. Дозвольте полюбопытствовать, в чем тут дело?

К удивлению Гониша, принц дель Куртин с недоумением уставился на него.

— Мне казалось, при ваших-то способностях вы давным-давно могли бы сообразить что к чему. Неужели вы единственный во всей Солнечной системе не знаете, что произошло сегодня вечером... Где вы находились в 19.45 и после?

Гониш недоумевал. Не желая перегружать мозг ничем лишним перед ответственной встречей, он рано собрался в город. В 19.30 зашел в тихий маленький ресторанчик. Через полтора часа отправился в театр. Спектакль закончился в 23.53. Потом бродил по улицам и не слышал последние известия. Он ничего не знал. Невероятно, но полмира могло погибнуть, а он пребывал бы в блаженном неведении.

— Правда, в подобном случае не сообщается имя мужчины,— продолжал принц дель Куртин,— но...

— Кузен! — оборвала его императрица севшим от волнения голосом. Мужчины вздрогнули и воззрились на нее.— Ни слова более! Здесь что-то не то. Все эти вопросы о капитане Хедроке задавались неспроста. Великан их интересует постольку поскольку.

Она, должно быть, поняла, что запоздала с предупреждением. Гониш поймал ее горестный взгляд и проникся жалостью. До этого момента он никогда не думал об императрице как о простой женщине. Но жалости здесь не место. Резким движением он поднес руку ко рту и четким голосом выпалил в крошечное передающее устройство, спрятанное в рукаве:

— Хедрок в личных покоях императрицы...

Они действовали быстро, эти трое мужчин. Одновременно бросились на него, сбили с ног и навалились сверху. Гониш не стал сопротивляться, спокойно дал себя арестовать. А спустя мгновение почувствовал облегчение при мысли, что он, из неумолимого долга предавший друга, тоже скоро умрет.

15

Они стояли возле огромного пролома в стене дворца. Под ногами валялись битые камни, а дальше, вдоль главного коридора, зияли рваные отверстия — следы залпов мощных энергетических орудий.

Принц дель Куртин, ни на шаг не отходивший от императрицы, сказал с тревогой в голосе:

— Вам бы прилечь и постараться заснуть, ваше величество. Пятый час. Торговой Дом не ответил на наши многочисленные обращения, а сейчас, ночью, уже ничего нельзя сделать для вашего мужа... капитана Хедрока.

Иннельда устало отмахнулась. Одна и та же мысль не давала покоя, сверлила мозг, время от времени причиняя невыносимую физическую боль — казалось, в череп забивают гвоздь. Она должна его вернуть, неважно как, она должна вернуть Хедрока. Удивительно, подумала она, вот и я, еще недавно такая холодная, непреклонная, расчетливая, почти нечеловечески жестокая — вот и я веду себя как все любящие женщины. Словно первое же потрясение от близости с мужчиной буквально перевернуло все ее существо.

Когда накануне, в шесть часов вечера, доложили о приходе Хедрока, она уже приняла решение, полагая, что оно, это решение, продиктовано здравым смыслом, необходимостью продолжения рода Айшеров. А никого другого в роли отца наследника она даже представить себе не могла. Во время их первой встречи, восемь месяцев назад, он хладнокровно возвестил, что появился во дворце с единственной целью — жениться на ней. Сначало это ее рассмешило, потом разозлило, наконец, привело в ярость, но он занял в жизни женщины особое место, как единственный человек, который когда-либо просил ее руки. Психологически все было достаточно просто: порой она остро ощущала несправедливость случившегося, ибо другие мужчины, вероятнее всего, тоже хотели бы сделать ей предложение. Однако дворцовый этикет строго запрещал упоминать об этом. По традиции инициатива принадлежала императрице. Только она ни разу не воспользовалась своим правом.

В конце концов ее помыслами завладел человек, презревший условности. Он явился во дворец по ее спешному зову и сразу согласился вступить в брак. Церемония отличалась простотой, хотя проходила принародно, точнее сказать, перед экраном телестата, и транслировалась по всей империи. Правда, Хедрока не показали и имя его не упомянули, ограничившись скудными сведениями, дескать, «известный офицер, снискавший уважение ее величества». Он был лишь принцем-консортом, то есть мужем царствующей императрицы, не являющимся монархом, и в качестве такового долженствовал оставаться в тени.

Власть принадлежала исключительно Айшерам. Мужчины и женщины, вступавшие с ними в брачный союз, оставались частными лицами. Так гласил закон, который она никогда прежде не под-

вергала сомнению. А теперь что-то изменилось, так как в течение десяти часов ее замужества и особенно после потери супруга образ ее мышления и душевное состояние существенно изменились. Возникли не свойственные ей прежде мысли. Удивительно, но голова была занята тем, как вести себя, чтобы выносить детей ее избранника, как изменить духовную жизнь во дворце, чтобы хорошо воспитать их. Около полуночи она рассказала супругу о назначенной встрече с Гонишем. И когда уходила, запомнила странное выражение его глаз. И вот теперь этот пролом в стене и жгучее осознание утраты — ее исконные враги выкрали Роберта из самого сердца империи, и никто им не помешал. Как сквозь сон слушала она чей-то доклад, кажется, канцлера двора, о принятых мерах предосторожности и сохранении в тайне ночного налета. Он что-то бубнил о запрете официального сообщения для средств массовой информации, о свидетелях, поклявшихся молчать под страхом строгого наказания, о восстановительных работах, которые будут закончены к рассвету, так что никто ничего не заметит.

Императрица понимала, что ее гвардейцы оплошали, и опасалась урона, который может быть нанесен престижу Дома Айшеров, если событие этой ночи станет достоянием гласности.

Постепенно она преодолела состояние подавленности, стала даже замечать суету вокруг. Рабочие уже глушили рокотавшую ремонтную технику и перебирались от наружной стены в глубь коридора. Терзавшие ее мысли отходили на второй план — предстояло заняться неотложными делами. Придирчиво осмотрела она оставшиеся следы налета. Зеленые глаза зажглись недобрым светом. В голосе появились язвительные нотки, совсем как в былые времена.

— Судя по разрушениям и лучевым ожогам, они прорывались к моим апартаментам... Эта сторона пострадала больше всего.

Один из офицеров хмуро кивнул.

— Им нужен был лишь капитан Хедрок. Они использовали специальный паралитический луч, от которого наши солдаты валились как кегли. Люди все еще приходят в себя, правда, видимых следов на теле нет, как и в том случае с генералом Грэллом, что произошел во время обеда два месяц назад.

— Кто все это видел? — резко спросила императрица.— Приведите его ко мне! Капитан Хедрок спал, когда началась атака?

— Нет...— офицер осекся, подбирая слова.— Нет, ваше величество, он был внизу, в склепах.

— *Где?*

Офицер был в растерянности.

— Ваше величество, когда вы вышли из дворца, капитан... ваш супруг...

Она сказала, теряя терпение:

— Называйте его принцем Хедроком, пожалуйста.

— Благодарю вас, ваше величество. Принц Хедрок спустился вниз, в склепы, и вынул часть стены...

— Что-что? Продолжайте!

— Слушаюсь, ваше величество. Благодаря его новому положению солдаты караула оказывали ему всяческое содействие.

— Естественно.

— Помогли вынуть металлическую секцию стены, дотащить до лифта и поднять наверх, в этот коридор. Солдаты докладывали мне, что секция была невесомой, но как бы природой своей сопротивлялась передвижению. Она примерно двух футов ширины и шести с половиной футов длины. Кап... принц Хедрок прошел сквозь нее и исчез, а потом вернулся...

— Сквозь стену? Полковник, о чем вы говорите?

Офицер поклонился:

— Извините меня за бессвязность, мадам. Я не все видел — пришел чуть позже. Но считаю важным то, что произошло на моих собственных глазах. А именно — он вошел в эту защитную стену, исчез и через минуту вернулся.

Императрица ничего не могла понять, хотя не сомневалась, что в конце концов доберется до сути.

— Принц Хедрок спустился в склепы глубоко под дворцом, вынул секцию стены, и что же потом? — с издевкой спросила она.

— А потом, ваше величество, он принес ее наверх, прямо во дворец, и стоял в ожидании.

— Это было перед атакой?

Офицер покачал головой:

— В самый разгар. Когда концентрированный огонь пробил брешь в стене, он был все еще в склепах. Как начальник дворцовой гвардии, я лично предупредил его об атаке. Он тут же поспешил сюда, где его и схватили.

Императрица снова теряла уверенность в себе. Действия Роберта описали достаточно подробно, но их смысл так и не прояснился. Скорее всего Роберт что-то предвидел, поэтому спустился в склепы вскоре после ее ухода на встречу с Гонишем. По-видимому, у Роберта был свой план. А последующие его шаги представляются нелогичными. Зачем на глазах нападающих и защитников дворца он манипулировал с секцией стены? Использовал возможность трансмиттера, изобретенного Торговым Домом? Затем исчез — это вполне понятно. А для чего вернулся? Сделал безрассудный шаг, позволил захватить себя в плен?..

Хоть что-то после него осталось?

— Где же эта стена или секция? — спросила императрица.

— Она сгорела сразу после того, как принц Хедрок предупредил члена Совета Торгового Дома, который руководил операцией.

— Предупредил... О чем? — Она повернулась к дель Куртину: — Кузен, может быть, вы сможете разобраться. Я отказываюсь что-либо понимать.

Принц дель Куртин сохранял спокойствие.

— Мы все устали, ваше величество. Полковник Найсон был на ногах всю ночь.— Он обратился к покрасневшему офицеру: —

Полковник, насколько я понимаю, пушки Торгового Дома пробили брешь в конце коридора. Затем самоходная установка приблизилась к пробоине и высадила людей, которые оказались неуязвимы для огня наших подразделений. Так?

— Абсолютно правильно, сэр.

— Ими руководил Питер Кадрон из Высшего Совета Торгового Дома и, когда они добрались до определенного места в коридоре, там стоял принц Хедрок и ждал. Еще раньше из тайника в склепах он принес какую-то электронную плиту или щит размером шесть на два фута. Он стоял рядом с этой штукой и ждал, чтобы все могли увидеть, что он делает, затем шагнул в *плиту* и исчез. Плита продолжала стоять, по-видимому, что-то поддерживало ее с противоположной стороны; этим можно было бы объяснить то сопротивление, которое она оказывала, когда солдаты тащили ее из склепов. Через минуту после исчезновения принц Хедрок вышел из плиты прямо на людей Торгового Дома и предостерег Питера Кадрона.

— Верно, сэр.

— Повторите его слова!

— Он спросил члена Совета Кадрона, помнит ли тот законы Торгового Дома оружейников, запрещающие любое вторжение в помещение, где находится имперское правительство, и предупредил его, что члены Совета пожалеют об этом своевольном действии, да будет поздно. Нельзя попирать один из двух основных законов айшеровской цивилизации.

— Он сказал *это*! — Голос императрицы дрожал от возбуждения, глаза сверкали. Она резко повернулась к своему родственнику: — Кузен, вы слышали?

Принц дель Куртин отвесил поклон, затем обратился к полковнику Найсону.

— Мой последний вопрос: как вы считаете, была ли у принца Хедрока хоть какая-нибудь возможность осуществить свою угрозу?

— Нет, сэр. Физически он был полностью в их власти, я абсолютно в этом уверен. Даже я, стоя поодаль, мог бы застрелить его, а они тем более.

— Благодарю вас,— сказал принц дель Куртин.— Это все.

Ну нет, далеко не все! Осталось основное — спасти капитана Хедрока. Она мерила шагами комнату взад-вперед, взад-вперед.

Рассвело. Серый утренний свет просачивался сквозь огромные окна ее кабинета и постепенно добирался до темных углов, не проникая только туда, где горело искусственное освещение. Она взглянула на принца дель Куртина, с тревогой наблюдавшего за ней, и замедлила шаг.

— Не могу поверить. В голове не укладывается, чтобы капитан Хедрок сболтнул что-либо ради красного словца. Возможно, существует организация, о которой мы ничего не знаем. Ведь он же,— она помедлила,— сказал мне, что не является, не был и никогда не будет приспешником Торгового Дома оружейников.

Дель Куртин сдвинул брови.

— Иннельда, ну что ты попусту изводишь себя? Ничто не случается вдруг. Человеческие существа, являясь тем, кто они есть, рано или поздно проявляют ту энергию, которой наделены. Это столь же непреложный закон, как эйнштейновская теория тяготения. Если бы такая организация существовала, мы бы о ней знали.

— Мы упустили самое важное. Разве ты не понимаешь? — Ее терзали тревожные мысли, голос дрожал.— Он появился, чтобы жениться на мне. И добился своего. Это доказывает значительность организации. А как насчет той секции, которую он вытащил из кладовой? Каким образом она туда попала? Объясни.

— Конечно,— ответил принц с преувеличенным достоинством,— любую тайную организацию Айшеры готовы встретить в штыки.

— Айшеры,— ледяным тоном произнесла императрица,— сознают, что они не только правители, но и простые смертные, а мир настолько велик, что ни один ум, ни несколько умников не в состоянии постичь его во всей полноте.

Они сверлили друг друга глазами — два человека, чьи нервы были на пределе. Императрица первая сделала над собой усилие.

— Даже не верится,— устало сказала она,— что ты и я, всегда относившиеся друг к другу как брат и сестра, сейчас на грани разрыва. Прости меня.

Она подошла и обхватила ладонью его руку. Он склонился перед ней и поцеловал запястье. А когда выпрямился, в его глазах блестели слезы.

— Ваше величество,— хрипло произнес принц,— прошу меня простить! Мне следовало помнить о том напряжении, в каком вы находитесь. Вам нужно только приказать. У нас есть силы. Миллиарды людей возьмутся за оружие по вашему приказу. Мы можем припугнуть Торговый Дом длительной, изнурительной войной. Мы можем уничтожить любого, кто сотрудничает с ним. Мы можем...

Она безнадежно покачала головой:

— Мой дорогой, ты не отдаешь себе отчета в том, что говоришь. Мы живем в век, чреватый всяческими потрясениями. Умы тревожит неизбежность беспорядков. Пороки налицо: эгоистическая администрация, коррумпированные суды, алчные промышленники. Словно каждый класс стремится быть отмеченным клеймом аморальности и безнравственности, с которыми отдельный человек бороться не может. У кормила — сама жизнь, мы же только пассажиры. До сих пор наша блестящая наука, высокоразвитая промышленность и...— Она запнулась, потом неохотно продолжила: — Существование Торгового Дома оружейников, оказывающего стабилизирующее влияние, предотвращало открытый взрыв. И мы не должны раскачивать лодку. Я очень рассчитываю на новую методику умственного развития, недавно предложенную Торговым Домом, где делается особый упор на развитие нравственных начал.

В ней также учтены положительные моменты других методик. Как только мы ликвидируем угрозу, созданную великанами...

Она замолчала, так как лицо принца вытянулось в испуге. Зрачки Иннельды расширились.

— Это невозможно,— прошептала она.— Не может быть, чтобы он... был... великаном. Подожди... ничего не предпринимай. Через минуту у нас будут доказательства...

Быстро пересекла комнату, подошла к личному телестату и сказала усталым голосом:

— Приведите ко мне в кабинет Эдварда Гониша.

Императрица стояла почти неподвижно, пока не ввели арестованного. Конвойные по ее знаку удалились. Было видно, как она подобралась, когда стала задавать вопросы.

Ноумен отвечал вполне охотно и уверенно:

— Я понятия не имею об электронном щите, через который, как вы говорите, он исчезал. Да, ваше величество, он один из...— Гониш заколебался, затем медленно произнес,— или точнее, это только что пришло мне в голову, он — великан.

Она отметила про себя, что Гониш не сразу сделал свой вывод:

— Но зачем понадобилось жениться на женщине, чью империю он пытается сокрушить?

— Мадам,— спокойно сказал Гониш,— только два месяца назад мы обнаружили, что капитан Хедрок обманывает Торговый Дом оружейников. Совершенно случайно мы узнали о его непревзойденном интеллекте и поняли — для этого человека возможности рода Айшеров, а также Торгового Дома не что иное, как средство для достижения собственной цели — я в этом все более и более убеждаюсь. Если нужны подробности, задавайте вопросы. Надеюсь, я сумею рассказать за несколько минут, кто такой капитан Хедрок или, скорее, кем он был! Я должен сказать «был». Как ни прискорбно, но в намерения Торгового Дома входит допросить его в специально оборудованной камере и затем сразу же казнить.

В кабинете повисла тишина. Теперь чем-то удивить императрицу было нелегко. Она молча стояла и ждала — холодная, оцепеневшая.

— Разумеется, я знаком со всей информацией о капитане Хедроке, имеющейся в Высшем Совете Торгового Дома. Исследования привели меня в малоизученные области. Если в династических анналах Айшеров есть подобные материалы, а я уверен, что есть, то секция стены, которую Хедрок вынул из склепов,— последний ключ к разгадке. Но позвольте спросить: существуют ли какие-нибудь фотографии, видеопленки или описания наружности императрицы Ганил?

— Думаю... нет! — У нее перехватило дыхание, все поплыло перед глазами и закружилась голова.

— Мистер Гониш,— заплетающимся языком проговорила правительница,— он сказал, что, если бы не темные волосы, я была бы вылитая Ганил.

Ноумен мрачно кивнул.

— Ваше величество, я вижу, вы вникаете в суть. Попробуйте мысленно вернуться в прошлое вашего рода и вспомнить, изображения каких принцев-консортов или императоров отсутствуют в архивах.

— В основном супругов императриц,— сказала она медленно, но твердо.— Так начиналась традиция, консортам следовало оставаться в тени. Насколько мне известно, нет изображения только одного императора. Но это понятно. Как родоначальник рода он...— Она замолчала и уставилась на Гониша.— Вы в своем уме? — воскликнула затем.— *Вы в своем уме?!*

Ноумен покачал головой.

— Сейчас мой мозг загружен переработкой всех доступных сведений. Я беру факт отсюда, факт оттуда, и, как только набирается десять процентов необходимой информации, ответ готов автоматически. Хотя подобный процесс называют чутьем, догадкой или интуицей, это просто способность мозга моментально сопоставлять различные скудные факты и логически домысливать недостающие. В нашем случае один из фактов таков — в архивах Торгового Дома отсутствует не менее двадцати семи важных видеопленок. Я обратил особое внимание на письменные труды тех мужчин, чьих изображений не нашел. Все их труды весьма схожи по умственному кругозору и глубине интеллекта.— Он подытожил: — Может быть, вы знаете, что первый и самый выдающийся из Айшеров известен только по имени, он же и основатель Торгового Дома,— Уолтер С. де Лейни — имя без лица.

— Но кто он? — озабоченно спросил дель Куртин.— По-видимому, среди его потомков родился бессмертный.

— Нет. Должно быть, появился искусственно. Если бы это произошло естественным путем, за многие века с тех пор мы имели бы повторения. Должно быть, это получилось случайно и больше не повторялось, ибо все, что этот человек когда-либо сказал или свершил, говорит о его огромном и страстном желании осчастливить жителей планеты.

— Но,— спросил принц,— что же он пытается сделать? Зачем он женился на Иннельде?

Какое-то мгновение Гониш молчал, пристально глядя на женщину. Ее щеки полыхали румянцем. Наконец она кивнула, и Гониш продолжал:

— Он попытался сделать род Айшеров чистокровными *Айшерами*. Он считает, что только его кровь способна на это, и он прав, о чем свидетельствует история. Например, вы оба не чистокровные Айшеры. В вас другая кровь, тут вряд ли встанет вопрос о родстве с капитаном Хедроком. Как-то в разговоре со мной он заметил, что императоры Айшеры имели обыкновение жениться на женщинах ярких, но с неустойчивым характером, и это наносило ущерб роду. А императрицы, сказал он, всегда спасали династию,

выходя замуж за твердохарактерных, здравомыслящих и талантливых мужчин.

— А если...— Она не собиралась прерывать Гониша, да не устояла перед неожиданно пришедшей мыслью.— А если бы мы обменяли вас на него?

Гониш пожал плечами:

— Скорее всего за меня могут выдать лишь его труп.

Ее бросало то в жар, то в холод, и от этого лихорадочного состояния мысли путались. Она давным-давно воспринимала смерть без сердечного содрогания, поэтому хладнокровно могла представить мертвым как *его,* так и себя.

— А если бы я предложила межзвездный суперлайнер?

Ее настойчивость, казалось, привела Гониша в изумление. Он откинулся назад, не сводя с нее глаз.

— Мадам,— наконец выговорил ноумен,— здесь моя интуиция не помощник — не могу логически обнадежить вас. Должен признаться — электронный щит для меня загадка. Не понимаю, как он действует и зачем нужен. Полагаю лишь — что бы Хедрок ни делал внутри щита, это не поможет ему преодолеть непробиваемую броню самоходки Торгового Дома или убежать из металлического бункера и спастись. Против него поставлены все научные достижения оружейников и империи Айшеров. Наука движется вперед рывками и сейчас находится на крутом подъеме. Через сто лет, когда наступит спад, бессмертный человек сможет определять положение, но не раньше.

— А если он скажет им правду? — слова принадлежали принцу дель Куртину.

— Не будет этого! — воскликнула императрица.— Вымаливать пощаду? Ни одному Айшеру не придет подобное в голову.

— Ее величество правы,— подтвердил Гониш,— хотя есть и другие аспекты. Я не буду вдаваться в подробности. Возможность признания вины исключается.

Императрица почти не слышала его. Она стояла с высоко поднятой головой.

— Попытайтесь снова связаться с Высшим Советом Торгового Дома,— волнуясь, чуть дрожащим голосом сказала она, повернувшись к кузену.— Предложите им Гониша, межзвездный суперлайнер, полное признание, включая соглашение, по которому их суды и наши объединятся,— все что угодно в обмен на капитана Хедрока. Они сумасшедшие, если не согласятся.

Несколько сникнув, она умолкла и заметила, что ноумен не сводит с нее мрачного взгляда.

— Мадам,— сказал он с печалью,— наверное, вы не обратили внимания на мои слова. Они намеревались покончить с ним максимум в течение часа. Он уже один раз сбежал от членов Высшего Совета, теперь их не проведешь. Они поставят точку на жизненном пути величайшего человека. И мадам...— Гониш как-то весь подоб-

рался,— для вас это даже лучше. Вы знаете так же хорошо, как и я, что не можете иметь детей.

— Что такое? — спросил принц дель Куртин с величайшим изумлением.— Иннельда...

— Молчать! — прохрипела она в страшной ярости.— Принц, отправьте этого человека обратно в камеру. Он стал поистине невыносимым. И не смейте обсуждать с ним вашу правительницу!

Принц поклонился.

— Как угодно, ваше величество,— буркнул он и отвернулся: — Прошу вас, мистер Гониш.

Иннельда не предполагала, что может испытывать такую боль. Мало того, что она осталась одна в своих покоях, распался ее внутренний мир. Время тянулось бесконечно, хоть бы сон принес облегчение...

16

Комната, в которую ввели Хедрока, напоминала металлический бункер. Он помедлил в дверях, с усмешкой глядя на вошедшего следом Питера Кадрона. Пусть тому будет не по себе! Однажды они арестовали его, застигнув врасплох. На этот раз все по-иному. На этот раз он их ждал. Он без страха рассматривал двадцать девять человек, восседавших за V-образным столом, за которым члены Высшего Совета Торгового Дома всегда располагались на своих расширенных заседаниях. Подождал, пока Питер Кадрон, тридцатый на этом высоком собрании, прошел вперед и занял свое место. Начальник конвоя доложил, что у арестованного изъяли все кольца, поменяли одежду и просветили тело,— все в порядке, спрятанного оружия не обнаружено.

Отчитавшись, начальник и конвойные ушли, а Хедрок все еще стоял у двери. Он улыбался, когда Питер Кадрон объяснял, зачем нужны такие меры предосторожности. Потом медленно, без признаков малейшего волнения приблизился к столу. Все взгляды были устремлены на него. Одни смотрели с любопытством, другие в ожидании, а кое-кто с явной враждебностью. Казалось, все с нетерпением ждали, когда же он заговорит.

— Джентльмены,— начал Хедрок звенящим голосом,— хочу задать один вопрос: кто-нибудь из присутствующих представляет себе, где я был, когда прошел через тот щит? Если нет, то предлагаю немедленно отпустить меня, в противном случае могущественному Совету оружейников придется пережить, мягко выражаясь, весьма неприятные минуты.

Члены Совета долго молчали, поглядывая друг на друга.

— Я считаю,— наконец изрек молодой Ансил Неер,— чем скорее его казнят, тем лучше. Сейчас можно перерезать ему горло или задушить его, пуля может пробить ему голову, а энергетическое оружие и следа от него не оставит. Пока он беззащитен, мы можем хоть забить его до смерти. И это можно сделать *сейчас*. Но мы

не знаем, судя по его заявлению, сможем ли это сделать через десять минут.— Подчиняясь искреннему порыву, молодой администратор встал.— Джентльмены, нужно действовать немедленно!

Хедрок громко захлопал в ладоши.

— Браво,— сказал он,— браво! Столь мудрый совет заслуживает столь же стремительного осуществления. Приступайте и, прошу вас, попытайтесь убить меня любым способом. Вытаскивайте револьверы и стреляйте, хватайте стулья и глушите, прикажите принести кинжалы и пригвоздите меня к стене. Что бы вы ни сделали, джентльмены, вас ждет расплата. К тому же вполне заслуженная.

Тут было хотел вставить свое слово член Совета Дим Лили, однако не успел.

— Прошу прощения,— опередил его Хедрок,— говорить буду я! Здесь судят вас, а не меня. Вы еще можете получить снисхождение за свои преступные действия — нападение на императорский дворец,— если искренне признаете, что нарушили собственные законы.

— Воистину это переходит всякие границы! — воскликнул один из членов Совета.

— Пусть говорит,— уступил Питер Кадрон.— Хотя бы узнаем о его мотивах.

Хедрок угрюмо поклонился.

— Конечно, узнаете, мистер Кадрон. Я возмущен решением Совета атаковать дворец.

— Могу понять вашу досаду,— с иронией заметил Кадрон,— поскольку Высший Совет не посчитался с законом трехсотлетней давности, в то время как вы, по-видимому, очень рассчитывали на него или на наши колебания и чувствовали себя в безопасности, добиваясь собственных целей, каковы бы те ни были.

— Я не рассчитывал ни на закон, ни на ваши колебания. Мои соратники и я,— Хедрок решил лишний раз подчеркнуть, что он не один,— давно наблюдаем за прогрессирующим высокомерием вашего Совета, за крепнущей уверенностью в неподотчетности своих действий и как следствие за безнаказанным попранием собственной же конституции.

— Наша конституция,— с достоинством сказал Бейд Робертс, старший член Совета,— требует, чтобы мы предпринимали любые действия ради поддержания нашего положения. Поправка, запрещающая нападение на главу правящего рода Айшеров, его резиденцию, его наследников или преемников, утрачивает смысл в экстремальной ситуации, особенно такой, как сейчас. К тому же мы учли, что во время штурма дворца там не было ее величества.

— Я должен вмешаться! — веско вставил председатель Совета.— Невероятное дело, но мы пошли на поводу ловкого арестанта. Я допускаю, что все ощущают некоторую неловкость из-за штурма дворца, но не отчитываться же в наших действиях перед этим

человеком! — И отдал приказ в свой телестат: — Командир, наденьте на голову арестованного мешок!

Хедрок добродушно улыбался, когда вошли десять конвойных.

— Итак, настало время испытания,— молвил он, стоя совершенно спокойно.

Мешок завис над его головой и тут...

Тут произошло нечто из ряда вон выходящее...

Когда Хедрок полчаса назад прошел во дворец через секцию стены, которую принес из склепов, то оказался в сумеречном мире. Он стоял, давая телу адаптироваться, и надеялся, что никто больше не последует за ним через электронно-силовое поле. Он беспокоился не о себе. Вибрационный щит был настроен на его тело, только на его тело, и в течение всех лет, пока щит находился в подземных склепах, Хедрок очень опасался — вдруг кто-нибудь обопрется о него и получит серьезные повреждения. Да мало ли что может случиться с таким незадачливым простофилей!.. Как-то раз Хедрок пропустил через экспериментальную модель несколько животных, снабдив ярлыками с адресом владельца, и — о ужас! — их разбросало в разные стороны на десятки тысяч миль. Некоторые так и не были возвращены, хотя сумма вознаграждения, объявленная на ярлыках, была весьма солидной.

В сумеречном мире торопиться было некуда. Реальное время и земные законы здесь не работали. Здесь — то есть везде и нигде. Правда, здесь можно быстро сойти с ума, так как ты оказывался вне времени. Опыты показали, что шестичасовое пребывание в этом мире уже серьезно воздействует на психику.

Кстати, прежде чем отправиться во дворец по зову императрицы, Хедрок в своей тайной квартире прошел через первую модель щита и оставался за ним в течение двух часов реального времени. Тогда же ему стало ясно, что императрица хочет выйти за него замуж. Женитьба на какой-то период гарантировала его безопасность и, более того, обеспечивала свободный доступ к щиту во дворце. Осознав это, он сразу же вернулся обратно, в свою квартиру, и таким образом сэкономил четыре часа из шести, которые являлись пределом человеческих возможностей.

На этот раз, во дворце, пребывание за щитом не должно длиться более четырех часов, но лучше — трех, а еще лучше — двух. Причем в ближайшем будущем, вернее в течение нескольких месяцев, ему даже близко к этому щиту подходить не следует.

Идею изобретения подали, еще когда Хедрок занимал пост председателя Высшего Совета Торгового Дома. Руководящее положение позволило ему создать целую лабораторию физиков в помощь молодому талантливому человеку, в чьем мозгу родился проект. Ученый исходил из следующей предпосылки: существующий вибрационный трансмиттер Торгового Дома словно мостом соединял пространственную пропасть между двумя точками в меж-

звездных далях, механистически допуская, что космос нематериальная субстанция. Тогда почему бы, рассуждал изобретатель, не пойти от противного и не организовать материализованную иллюзию космоса там, где его вообще нет?

Исследования закончились успешно. Изобретатель в деталях доложил об этом Хедроку, а тот, тщательно все обдумав, сообщил ученому и его коллегам, будто Совет решил засекретить открытие. Между тем самому Совету Хедрок представил отрицательный отзыв. Готовая тема была признана неперспективной и как таковая занесена в картотеку Информационного центра для ориентации, что исключало в будущем подобные исследования в лабораториях Торгового Дома.

Не в первый раз Хедрок скрыл от окружающих великое открытие. Много веков утаивал и собственное изобретение — вибрационное приумножение, прежде чем применил его при создании Торгового Дома оружейников. Было в резерве и кое-что еще. Основное правило, которым руководствовался Хедрок, определяя дальнейшую судьбу новинки,— послужит она совершенствованию людей или поможет сильным мира сего ужесточить и без того жестокую тиранию. При каждом крупном всплеске творческой мысли, случавшемся раз в несколько столетий, было бездумно реализовано достаточно много опасных изобретений, ибо сами ученые редко задавались мыслью, как практически будут применяться их открытия и к каким последствиям приведут.

Почему, черт возьми, миллиарды людей должны умирать из-за какого-нибудь талантливого изобретателя, ничего не смыслящего в их природных наклонностях?

Конечно, попадались одиночки, пользовавшиеся изобретениями в качестве средства достижения благосостояния для себя лично или для небольшой группы лиц. Либо пытались скрыть от народа что-нибудь весьма ценное и нужное — так, кстати, поступила императрица с межзвездным суперлайнером. В этом последнем случае необходимо было оказывать давление, а то и прибегать к жестким мерам, но кто обладал такими возможностями? Разве лишь он, Хедрок, единственный квалифицированный арбитр в этих вопросах.

Однако хватит размышлять, пора действовать, поскольку тело уже адаптировалось. И Хедрок двинулся, хотя все впереди было как в тумане. В коридорах дворца стояли какие-то люди, словно застывшие каменные изваяния. Он не обращал на них внимания, а то и проходил сквозь них, будто сквозь клубы дыма. Довольно легко преодолевал стены, хотя тут приходилось соблюдать осторожность. Даже мог погрузиться в пол и дальше в землю. Впрочем, как показал давний случай с изобретателем, это чуть не привело к нежелательным последствиям. И тогда же были введены некоторые ограничения для нового космоса, а также создан специальный перстень, позволявший увеличивать или уменьшать пропорции. К нему прибегали, когда требовалось проникнуть через твердые

материалы. Например, приближаясь к очень толстой стене, Хедрок слегка подпрыгнул и, зависнув в воздухе, дотрагивался до активатора в перстне. Опускаясь же, испытывал такое ощущение, точно погружался ногами в вязкую грязь. При его натренированных мускулах это было несложно.

Он дошел до тайника с аппаратурой, которую давным-давно спрятал во дворце ради такой надобности. Здесь был небольшой космический корабль, точнее, самодвижущаяся капсула для малого иллюзорного космоса (про себя Хедрок называл его иллюзокосмосом), со всем необходимым для ее запуска, магниты разных размеров и мощности, десятки манипуляторов, ручной инструмент и, конечно, оружие. Здесь все, начиная с иллюзокосмической капсулы и кончая механической рукой, имело свои дублирующие системы и годилось для успешного выполнения любых операций. Причем всеми приспособлениями можно было управлять как непосредственно, так и с приборной доски капсулы.

На пальце Хедрока был второй перстень, обеспечивающий передвижение во времени вперед и назад на короткие отрезки. Теоретически допускалось удаление на годы, но в действительности путешествие в прошлое или будущее лимитировалось несколькими часами из-за разрушительного воздействия на человеческий мозг.

Этот способ передвижения во времени разительно отличался от возвратно-поступательной системы, случайно выведенный физиками императрицы семь лет назад, но отрицательно влиявшей на организм человека. Перемещаясь в прошлое или в будущее по системе императорских физиков, путешественник очень быстро старел и неизбежно погибал, тогда как Хедрок, путешествуя во времени, чуточку молодел.

Хедрок аккуратно установил маленькую капсулу и другие необходимые приспособления около пролома в дворцовой стене напротив грозного бронированного автоплана, или, по официальной терминологии, крейсера военно-воздушных сил Торгового Дома, доставившего десант. Он протолкнул капсулу сквозь металлическую обшивку крейсера и на полную мощность включил основной регулятор времени, благодаря чему в три раза опередил ход реального времени. Затем стал наблюдать за сенсорами — автоматическими реле, приспособленными для работы в этих условиях. Долго ждать не пришлось. Вспыхнули индикаторы, послышался легкий щелчок, и ручка основного регулятора опустилась на одну треть, вернув капсулу к ходу реального времени. Одновременно Хедрок почувствовал движение. Огромный крейсер Торгового Дома набирал высоту.

Поскольку все было выполнено правильно, все сработало, то, надо полагать, теперь в крейсере было два Хедрока. Один — в капсуле, в царстве сумеречного света, а другой — тот, что вернулся во дворец у всех на глазах, дал себя арестовать и был взят под стражу. Правильность этого предположения требовала проверки. Хедрок в капсуле вгляделся в свои телестаты и увидел Хедрока

в крейсере, окруженного конвойными. Итак, Хедрок в крейсере уже вернулся из своего путешествия во времени и знал, что произошло. Знал больше, чем Хедрок в капсуле. Ну что же, ждать осталось недолго, скоро все встанет на свои места.

Крейсер на огромной скорости несся к крепости — пункту назначения. Узник и стражники вышли из него и проследовали в здание, где был приготовлен бункер с толстыми металлическими стенами. Второй Хедрок направил свою капсулу через массивные стены и занялся делом. Прежде всего подключился к бункеру и, пока слушал, о чем там говорят, настроил кое-какие механизмы.

Когда конвойные стали надевать на голову приговоренного к смерти узника плотный мешок, завел сверху механическую руку и рывком перенес мешок в свой космос. Потом взялся за регулятор времени в ожидании дальнейших событий.

В бункере установилась гнетущая тишина.

Язвительная улыбка чуть кривила губы узника. Он стоял спокойно и не делал попыток вырваться из цепких рук конвоиров, решив, что пощады никому не будет.

— Я не намерен тратить время на пустые споры,— с презрительными нотками в голосе начал узник.— Твердое решение Высшего Совета казнить меня, хотя Рр-аппарат доказал мой альтруизм и добрую волю, говорит о воинствующем консерватизме, который всегда и всюду стремится стереть в порошок все непонятное, возникающее на его пути. Привести в чувство такой консерватизм могут только всемогущие силы, и они существуют в лице организации, способной покончить даже с Торговым Домом оружейников.

Как видно, Питер Кадрон ничего еще не понял.

— Торговый Дом оружейников не признает никакой тайной организации,— самоуверенно изрек он и скомандовал стражникам: — Уничтожьте его!

— Глупец! — воскликнул узник.— Вот уж не ожидал столь явной опрометчивости — отдать подобный приказ после всего мною сказанного!

Узник говорил, не обращая внимания на стражу. Ему уже было это не нужно, он *знал,* что происходит.

Хедрок в капсуле просто нажал на рычаг, включив обратный отсчет времени, после чего люди в бункере не только успокоились, но как бы оцепенели. Бывший узник получил полную свободу действий — сперва обезоружил стражу, потом каждого члена Совета, сняв с пальцев кольца и отобрав все радиопередатчики. Затем при помощи наручников присоединил их к одной цепи, а стражников вытолкнул за дверь.

— Верни время! — распорядился первый Хедрок — тот, что продолжал оставаться в бункере.

Второй Хедрок на приборной доске своей капсулы перевел рычаг с «нуля» на «норму».

Члены Высшего Совета пришли в себя, хотя передать их состояние, тревожные и изумленные возгласы довольно трудно. Надо

полагать, они испугались не только за собственное незавидное положение, но и за судьбу Торгового Дома оружейников.

Хедрок подождал, когда они справятся с первым потрясением, и заговорил:

— Джентльмены, успокойтесь. Вашему громадному предприятию ничто не угрожает. Подобное никогда бы не произошло, если бы вы не поставили меня перед выбором. К вашему сведению, основатель Торгового Дома Уолтер С. де Лейни понимал, какую большую опасность он таит для государства. Поэтому де Лейни подобрал группу соратников, дабы те наблюдали за деятельностью Дома. Это все, что я хочу сказать. Могу лишь подчеркнуть наше дружелюбие, добрую волю и твердое намерение не вмешиваться в вашу деятельность до тех пор, пока Торговый Дом оружейников живет согласно собственной конституции. Той самой конституции, основная статья которой только что была нарушена.

Он замолчал, мысленно оценивая свои слова. Неплохо сочинил — раз, не стал вдаваться в подробности — два. Пусть не думают, что их единственный судья — бессмертный человек.

Тут кое-кто попытался было заговорить, но он не дал такой возможности.

— Вот что теперь необходимо сделать. Первое: оставить при себе все то, о чем сегодня услышали. Мы, наблюдатели, не желаем, чтобы знали о нашем существовании. Второе: вы все без исключения должны подать в отставку. Впрочем, можете участвовать в выборах, но не в ближайших, а в последующих. Пусть массовая отставка послужит напоминанием всем чиновникам Торгового Дома, что существует конституция и ее нужно уважать. Третье и последнее: не предпринимайте никаких попыток преследовать меня. Завтра около полудня уведомите императрицу о моем освобождении. Взамен попросите отдать межзвездный суперлайнер. Я думаю, к этому времени она и так его уступит, но не лишайте ее возможности проявить великодушие.

Члены Совета сидели как завороженные, во все глаза смотрели на Хедрока. Когда он закончил, послышался негодующий ропот, вдруг сменившийся тишиной, опять сердитые выкрики, и опять тишина. От его внимания не ускользнуло, что три или четыре человека, в том числе Питер Кадрон, не приняли участия во взрыве эмоций. Именно к нему Хедрок и обратился:

— Не сомневаюсь, мистер Кадрон, вы сумели бы выступить от лица всех присутствующих. Я всегда считал вас одним из самых авторитетных членов Совета.

Кадрон, мужчина крепкого телосложения, лет сорока пяти, выступил вперед:

— Да,— сказал он.— Я уверен, что могу выразить общее мнение. Надеюсь, большинство меня поддержат — мы принимаем ваши условия.

Никто ему не возразил.

Хедрок поклонился и громко сказал:

— Хорошо. Второй, заберите меня!

Должно быть, он исчез в ту же секунду.

Они, Хедрок и его двойник, больше не проводили экспериментов в своем сумеречном мире. Человеческий мозг подвергается огромной опасности, если даже ненадолго входит в противоречие со временем. Многочисленные тесты давным-давно подтвердили этот факт. Двойник, сидя за пультом управления маленькой капсулы, повел ее обратно во времени прямо ко дворцу.

Хедрок стоял рядом, мрачно глядя вниз. Он сделал все, что мог. Поскольку он точно знал, в каком психологическом ключе будут развиваться события, конечный результат был ему теперь ясен. Возможно, Иннельда придержит межзвездный суперлайнер, чтобы поторговаться. Но это уже не имеет значения. Все равно он победил. Хотя...

Пауки отпустили его на свободу, дабы посмотреть, что будет дальше. Здесь уже ничего от него не зависело. Где-то в космосе находилась армада кораблей, управляемых высшими существами, представители которых следили за человеком и его поведением. Захватив в плен, они препроводили его обратно, на родную планету, и манипулировали им на огромном расстоянии, как будто были в двух шагах. Наблюдали, как он выполнял намеченное, и теперь, поняв, что человек закончил свою миссию и большого интереса не представляет, несомненно, вновь проявят свою власть над ним.

Теоретически они могут не только потерять всякий интерес к человеческим существам, но и разрушить Солнечную систему со всеми ее эмоциональными обитателями. Это будет одним из незначительных событий в их подчиненной холодному рассудку жизни.

Раздумывая над таким поворотом событий, Хедрок сперва увидел дворец — тускло светящийся прямоугольник, а потом различил неясные очертания щита. Оба путешественника строго следовали инструкции. Второй Хедрок прошел через щит и растворился в полутьме дворцовых помещений. Настоящий же Хедрок распылил по поверхности легковоспламеняющегося щита клейкий горючий порошок и поджег его. Подождал, пока тот не сгорит, а затем на огромной скорости полетел над темным городом в одну из своих тайных квартир.

Он быстро включил сенсоры и приспособил капсулу к естественным условиям, чтобы использовать ее и в дальнейшем. Затем сфокусировал подъемник на себя и почувствовал, как тот опускается в квартиру.

Когда ноги коснулись пола, он направился к удобному креслу. Уселся и выпалил свирепым тоном:

— Ну вот, мои друзья пауки, если у вас есть дальнейшие планы, попытайтесь-ка их реализовать сейчас!

Самое главное сражение было впереди.

13

А вот и первый признак присутствия чужаков — мысль, адресованная не ему, но направленная с таким расчетом, чтобы он ее понял. Мысль, как и раньше, толчком проникшая в мозг:

«...Интересный пример активности энергии, как будто без внешнего возбудителя».

Тотчас последовало бесстрастное возражение:

«Нет! Человек знал о нашем присутствии. Цель, которой он подчинил всего себя, осуществлена. Наше присутствие ему не помешало».

«Но тогда он действовал нелогично».

«Возможно. Давайте вернем его... сюда...»

Хедрок отчетливо понял: наступил критический момент. Многие часы он провел в раздумьях — что же делать, когда это случится? И вот теперь, едва уселся в кресло, подумал о том же.

Глаза были закрыты, тело расслаблено, мозг работал медленно. Это было то идеальное состояние, которое древние индусские философы называли нирваной — состояние полной релаксации. Тысячелетия назад известные институты по изучению мозга и сенсорной деятельности использовали ее для разного рода тренировок умственного развития. Поперволачалу Хедрок ощутил, как в мозг проникают импульсы внушительной силы. Но это состояние, а также биение сердца и сопровождавшая его пульсация кроветока вскоре прошли. Осталось чувство полного покоя и тишины.

Сначала показалось, будто он сидит в том же кресле, но не в своей квартире. Через несколько секунд стало совершенно ясно, что кресло находится в кабине управления спасательной ракеты, которая в свою очередь была внутри одного из огромных космических кораблей, принадлежащих чужакам.

Хедрок вздохнул и открыл глаза, невольно погружаясь в знакомую обстановку. Итак, его сопротивление ничего не дало. Плохо, конечно, но он и не рассчитывал на быстрый успех. Он продолжал неподвижно сидеть в многоцелевом кресле, так как релаксация была единственным возможным способом противодействия — отныне и впредь он так и будет поступать.

Он ждал и, стараясь ни о чем не думать, смотрел на светящиеся экраны. Три наружных телестата показывали космическое пространство — все в звездах, а на экране задней обзорности было изображение корабля. Странно, подумал он. Должно быть, спасательная ракета уже не внутри корабля. И корабль-то всего один! А где же сотни других? Он подавил растущее волнение, когда понял, в чем дело. Срабатывала релаксация — вот ее результат. Паукообразным удалось вернуть его ракету, но их влияние на мозг заметно ослабело, и какая-то часть внушаемых ими иллюзий развеялась.

Первая иллюзия состояла в том, что кораблей много. Вторая — будто спасательная ракета внутри корабля. Но это совсем не так. Что еще? Наверное, теперь их власть над ним весьма незначитель-

на. Он закрыл глаза, мысленно приказывая себе снова очутиться в своей квартире, когда его прервали.

«ЧЕЛОВЕК! НЕ ВЫНУЖДАЙ НАС ТЕБЯ УНИЧТОЖИТЬ!»

Он инстинктивно съежился, хотя и ждал чего-то подобного, полагая, что вмешательство может быть убойной силы. Но страхи оказались преувеличенными. Чужая мысль, казалось, шла издалека и потеряла былой напор. Хедрок в изумлении широко раскрыл глаза, еще не до конца веря, что *такое* возможно. Должно быть, в первый раз они мгновенно и полностью парализовали его волю. А во второй им приходится труднее. Ситуация становится все более обнадеживающей. Паучье племя, по разуму представлявшееся недосягаемым, сдает позиции. Сотни кораблей превратились в один. Теперь непостижимую власть над человеческими умственными способностями можно преодолеть. Нет сомнения, что уничтожить его они способны только физически. Скорее всего, энергетическими лучами.

Хотя их влияние на нервную систему стало незначительным, еще рано сбрасывать со счетов его опасные последствия. Он должен вести себя крайне осторожно и ждать своего часа.

Очень скоро пришел следующий импульс:

«ПОДТВЕРЖДАЕМ, ЧТО ТЫ УСПЕШНО ОСВОБОДИЛСЯ ИЗ НАШЕГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПЛЕНА И ПОНЯЛ, ЧТО КОРАБЛЬ У НАС ТОЛЬКО ОДИН. ОДНАКО ТЫ НАМ ЕЩЕ НУЖЕН. ПОЭТОМУ МЫ ВЫНУЖДЕНЫ ПРОСИТЬ ТЕБЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ БУДЕШЬ НЕМЕДЛЕННО УНИЧТОЖЕН».

— Я не против,— сказал Хедрок, давным-давно поднаторевший в дипломатии,— я сделаю все, что нужно, при одном условии — уничтожение не будет означать расчленение.

«МЫ БЫ ХОТЕЛИ ПРОДОЛЖИТЬ ИЗУЧЕНИЕ СЕНСОРНОСТИ БЛИЗНЕЦОВ НИЛАНОВ. ТАК КАК ПОД НАШИМ КОНТРОЛЕМ ВЫ С ДЭНОМ БЫЛИ ОДНИМ СУЩЕСТВОМ, МЫ МОЖЕМ ОБОЙТИСЬ БЕЗ НЕГО — ТОГО БЛИЗНЕЦА, КОТОРЫЙ НА ЗЕМЛЕ,— И РАБОТАТЬ ТОЛЬКО С ТОБОЙ. ТЫ НЕ БУДЕШЬ ИСПЫТЫВАТЬ НИКАКОЙ БОЛИ ПРИ УСЛОВИИ ПОЛНОГО ПОДЧИНЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ».

Хедрок возразил:

— Еще до того, как вы отправили меня на Землю, я слышал от одного из вас, что Джил Нилан мертв. Как же работать с покойником?

«ПОЖАЛУЙСТА, ПРЕДОСТАВЬ ПРОБЛЕМУ ОТМИРАНИЯ И РОСТА КЛЕТОК НАШИМ ЗАБОТАМ. ТАК ТЫ СОГЛАСЕН?»

От ответа повеяло холодом, и Хедрок помолчал.

— А вы даруете мне жизнь потом?

«РАЗУМЕЕТСЯ, НЕТ».

Он и не ожидал услышать ничего иного, тем не менее ему стало не по себе.

— Не понимаю, как вы можете рассчитывать на мое сотрудничество при таких условиях?..

«МЫ СООБЩИМ О ПРИБЛИЖАЮЩЕЙСЯ КОНЧИНЕ. ЭТО ДАСТ ТЕБЕ ДОЛГОЖДАННОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ, ЧТО НАМ И НУЖНО».

Хедрок на какое-то мгновение оцепенел, будто его заворожили. Эти монстры полагают, что удовлетворят психологические потребности человека, сообщив о моменте его смерти. Очень странные выводы сделали они после исследования эмоциональной природы двуногих. Надо же до такой степени заблуждаться! Должно быть, интеллектуальный подход этих существ к жизни и смерти в полной мере стоический. Вместо того чтобы укусить за руку, которую занесли для последнего удара, вероятно, каждый паук обдумывает способ спасения, а не найдя его, безропотно принимает смерть.

Наконец Хедрок с яростью в голосе сказал:

— Как у вас все складно получается, у вас и вам подобных. Устроились себе в корабле величиной с маленькую луну, и горя вам мало. Конечно, вы представляете более развитую цивилизацию, и мне хотелось бы взглянуть на вашу планету, на ваш образ жизни и технические достижения. Наверное, это очень интересно. И в логике вы, несомненно, преуспели. Матушка-природа может похлопать себя по ляжкам и возрадоваться по поводу успешно завершенного эксперимента — достижения столь могучего интеллекта. Одна лишь незадача: вы ничего не смыслите в природе человека, если считаете, будто я горю желанием узнать, когда же меня прикончат.

«А ЧТО БЫ ТЕБЕ ХОТЕЛОСЬ ЗНАТЬ ЕЩЕ?»

Хедрок устало произнес:

— Ладно, ваша взяла. Мне хотелось бы знать, когда дадут что-нибудь поесть.

«...ПИЩА! ВЫ СЛЫШАЛИ?!.»

Как видно, пауки обменивались мыслями между собой, но импульсы доходили до сознания Хедрока.

«ПОРАЗИТЕЛЬНО! В КРИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ ПОТРЕБНОСТЬ В ПИЩЕ ПРЕВАЛИРУЕТ. ЭТО КАЖЕТСЯ СУЩЕСТВЕННЫМ. УСПОКОЙТЕ ЕГО И ПРОДОЛЖАЙТЕ ЭКСПЕРИМЕНТ».

— Не нужно меня успокаивать,— сказал Хедрок.— Что вы от меня хотите?

«УСТУПИ».

— Как?

«НЕ СОПРОТИВЛЯЙСЯ. ДУМАЙ О МЕРТВОМ».

Напряжение спало, перед глазами всплыло видение в пустыне, приобретая четкость и яркость. Бедняга Джил, подумал он, во что превратил его клетки ужасный зной, все увеличивавшийся по мере приближения планеты к одному из двух своих основных солнц.

Как ни странно, но, представив себе эту картину, Хедрок испытал глубочайшее сострадание и сразу же возблагодарил всевышнего за то, что Джил умер. Страшной пытке пришел конец. Джил больше не испытывает мучений от раскаленного песка, жажды и голода, от страха и тщетных надежд. Смерть забрала Джилберта Нилана, как забирает всех живущих. Господи, отпусти грехи и упокой его душу.

Усилием воли Хедрок подавил нахлынувшие эмоции.

— Надо же,— прошептал он вслух,— переживаю так, как будто я его брат.

«ЭТО ОДНА ИЗ ПОРАЗИТЕЛЬНЫХ ЧЕРТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУЩЕСТВ. КАК ЛЕГКО НЕРВНАЯ СИСТЕМА ОДНОГО РЕАГИРУЕТ НА ИМПУЛЬСЫ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ ДРУГОГО. ЗАДЕЙСТВОВАННЫЕ СЕНСОРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ НЕ ИМЕЮТ АНАЛОГОВ В МИРЕ ИНТЕЛЛЕКТА. А ТЕПЕРЬ СЯДЬ ПРЯМО И ПОСМОТРИ ВОКРУГ СЕБЯ!»

Хедрок взглянул на телестаты. Изображение большого корабля, пленником которого он был, переместилось наверх, а в переднем экране теперь плавали два солнца — белые, с желтым оттенком. Сначала они были крошечные, чуть больше ярких звезд. Но постепенно стали увеличиваться в размере. Затем слева появилось еще одно солнце — поменьше. Два больших солнца через какое-то время заметно выросли в диаметре. Расстояние между ними менялось — они удалялись друг от друга. Вернее, одно удалялось, а другое приближалось. Одно уходило все дальше влево; приборы зафиксировали, что оно находится на расстоянии трех миллиардов миль.

Дальнейшие исследования показали, что диаметр обоих близлежащих солнц больше нашего Солнца, а одно из них ярче. Третье солнце выглядело как расплывшееся вдали световое пятно. Много времени потребовалось бы его несовершенным приборам, чтобы вычислить характеристики этого солнца. Но сам факт его наличия заставил Хедрока призадуматься. Он вгляделся пристальнее и обнаружил вдали красную точку — четвертое солнце этой системы.

Хедрока охватило волнение, когда чужой разум опять напомнил о себе.

«ДА, ЧЕЛОВЕК, ТЫ ПРАВ. ЭТО СИСТЕМА, КОТОРУЮ ВЫ НАЗЫВАЕТЕ АЛЬФА ЦЕНТАВРА. ДВА БЛИЖАЙЩИХ СОЛНЦА — АЛЬФА А И АЛЬФА В. ТРЕТЬЕ, БЕЛОЕ СОЛНЦЕ — АЛЬФА С, А КРАСНАЯ ТОЧКА — НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ПРОКСИМА ЦЕНТАВРА, ИЗВЕСТНАЯ В ВЕКАХ КАК БЛИЖАЙШАЯ ЗВЕЗДА К ВАШЕЙ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЕ. ПОСЛЕДНИЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ДЛЯ НАС ИНТЕРЕСА, ВАЖНО ЛИШЬ ТО, ЧТО УМЕРШИЙ БЛИЗНЕЦ НАХОДИТСЯ НА НЕОБЫЧНОЙ ПЛАНЕТЕ ЭТОЙ СИСТЕМЫ. НЕОБЫЧНОСТЬ ЕЕ В ТОМ, ЧТО ОНА ВРАЩАЕТСЯ ПООЧЕРЕДНО ВОКРУГ СОЛНЦ ЦЕНТАВРА АЛЬФА А И АЛЬФА В, ВЫПИСЫВАЯ ВОСЬМЕРКУ. И ПРОИСХОДИТ ЭТО С НЕОБЫЧНОЙ СКОРОСТЬЮ — ТРИ ТЫСЯЧ МИЛЬ В СЕКУНДУ. ДВИГАЯСЬ ПО ТАКОЙ ЭКСЦЕНТРИЧНОЙ ОРБИТЕ, ОНА, ПОДОБНО КОМЕТЕ, ПОДХОДИТ ОЧЕНЬ БЛИЗКО К КАЖДОЙ ЗВЕЗДЕ, НО В ОТЛИЧИЕ ОТ КОМЕТЫ НЕ МОЖЕТ СОЙТИ СО СВОЕЙ ОРБИТЫ И УЛЕТЕТЬ В МЕЖЗВЕЗДНОЕ ПРОСТРАНСТВО. ГРАВИТАЦИОННЫЕ ПОЛЯ ТО АЛЬФЫ А, ТО АЛЬФЫ В НЕ ВЫПУСКАЮТ ЕЕ. СЕЙЧАС ОНА ПОДХОДИТ ОЧЕНЬ БЛИЗКО К АЛЬФЕ А, И МЫ ДОЛЖНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ БЫСТРО, ЕСЛИ ХОТИМ ОЖИВИТЬ МЕРТВОГО».

— То есть как это? — спросил Хедрок.

Ответа не последовало, да и был ли он нужен?

Чувствуя слабость, Хедрок откинулся в кресле и подумал: «Ну конечно, это ведь было ясно с самого начала. Я полагал, что они попытаются восстановить сенсорную связь между живым и мертвым, только не очень верил в успех, ибо твердо знал — труп разлагается в течение двух дней».

Ему стало по-настоящему страшно. Тысячи лет он старался продлить жизнь, чтобы люди достигли бессмертия на научной основе, в отличие от него, ставшего бессмертным по воле случая. А вот паукообразные не только решили эту проблему, но, похоже, могут еще воскрешать мертвых.

И вместе с тем, как ни странно, не слабевала его собственная надежда хоть каким-то образом выжить, несмотря на явную решимость этих существ покончить с ним. Как их перехитрить? Он склонялся к тому, что придется руководствоваться их же строго логическим подходом к жизни. Пока ничего другого он не видел — весьма сомнительный шанс, над которым еще стоит подумать. Хотя их научные достижения могут все свести к нулю.

«А ТЕПЕРЬ ПРИГОТОВЬСЯ К СЛЕДУЮЩЕЙ ФАЗЕ!»

Вроде бы он лежал под источником яркого света и не мог сообразить, происходит это в действительности или ему только кажется по их воле. Тело удобно располагалось в чем-то, напоминающем гроб, сколоченный по фигуре. От такой мысли его передернуло, но он взял себя в руки. Лежал спокойно, полный твердой решимости довести задуманное до конца. Источник света висел над ним среди кромешной тьмы или, подумалось вдруг с удивлением, может быть, наоборот — он сам висит над источником? А какая, собственно, разница? Был только свет, ярко сияющее пятно, окруженное чернотой. Он долго смотрел на него, стараясь разобрать — белый это цвет или не совсем белый — и решил: цвет неопределенный, во всяком случае не теплый.

И вдруг вздрогнул от боли. Ему показалось, что боль от нестерпимого жара, но сознание подсказало — от холода. Свет был ледяной.

То, что с ним происходило, смахивало на сигнал, на подсказку.

«ЭМОЦИЯ СУТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭНЕРГИИ! ОНА ДЕЙСТВУЕТ МГНОВЕННО, РАССТОЯНИЕ ДЛЯ НЕЕ НЕ ПРЕГРАДА. ПРИЧИНА, ПО КОТОРОЙ СВЯЗЬ МЕЖДУ БЛИЗНЕЦАМИ УТРАТИЛА ИНТЕНСИВНОСТЬ, ЗАКЛЮЧАЛАСЬ В НИХ САМИХ — ОБА БЫЛИ УВЕРЕНЫ, ЧТО ОНА ОБЯЗАТЕЛЬНО УГАСНЕТ. ЭТА УВЕРЕННОСТЬ ШЛА НЕ ОТ УМА. ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИЕ НЕРВНЫЕ СИСТЕМЫ ЕСТЕСТВЕННО РЕАГИРОВАЛИ НА УВЕЛИЧИВАЮЩЕЕСЯ МЕЖДУ НИМИ РАССТОЯНИЕ, КОГДА ОДИН ИЗ НИХ ОТПРАВИЛСЯ К АЛЬФЕ ЦЕНТАВРА. И ОНИ ИНСТИНКТИВНО РАЗОРВАЛИ ЭТУ СВЯЗЬ, ХОТЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ДРУГ ДРУГА ОСТАЛОСЬ ПРЕЖНИМ. ТАК КАК СЕЙЧАС ДУША ДЭНА НИЛАНА СЛИЛАСЬ С ТВОЕЙ, ТЫ И ДОЛЖЕН ВОССТАНОВИТЬ ЭТУ СВЯЗЬ».

Все произошло как будто мгновенно. Хедрок очнулся и увидел, что лежит в зеленой траве на берегу ручья. Быстро текущая вода бурлила и пенилась, ударяясь о камни. Легкий ветерок обдувал лицо, и над горизонтом, вдали за деревьями, вставало солнце. Вокруг на земле были разбросаны какие-то приборы, коробки и прочая тара, а неподалеку спали четверо мужчин. Ближайший к нему был Джил Нилан. Не теряя самообладания, Хедрок мучительно думал: «Спокойно, дурья башка, тебе это только кажется. Это их штучки. Джил находится в песках, на странной планете, летящей в преисподнюю. А это мир мечты, Эдем, Земля в чудесную летнюю пору».

Прошло несколько минут. Джил Нилан продолжал спать, лицо его горело, дыхание было шумным и прерывистым, как будто он не мог набрать в легкие достаточно воздуха, как будто жизнь воз-

вращалась рывками и с большим трудом. В мозгу Хедрока слабо прозвучало: «Пить, о боже, пить!» Это была не его мысль. Хедрок бросился к ручью. Сложенные пригоршнями ладони так дрожали, что он дважды расплескал на траву драгоценную воду. Наконец самообладание взяло верх, и он, поискав среди коробок, нашел какую-то посудину. Долго тоненькой струйкой вливал в рот Джила Нилана воду и смачивал ему лицо.

Истощенное тело содрогалось в приступах жуткого кашля. Это было на пользу — затекшие мускулы судорожно разжимались и постепенно отходили. Хедрок с блеском в глазах настойчиво боролся за эту жизнь. Он чувствовал, как медленно бьется сердце Джила, как возвращающиеся издалека мысленные образы с трудом проникают в мозг. Восстанавливалась та сенсорная связь, которая до сих пор принадлежала только братьям-близнецам. Джил пришел в себя и зашевелился.

«Эй, Дэн, старый чертяка,— Хедрок уловил мысль Джила,— откуда ты взялся?»

— С Земли,— вслух произнес Хедрок, и ветерок, дувший в лицо, куда-то унес слова. Еще успеет объяснить, что он не Дэн.

Ответ, казалось, успокоил Джила. Он вздохнул, еле заметно улыбнулся и погрузился в глубокий сон.

Хедрок начал перебирать коробки в поисках декстрозы. Когда нашел пузырек с таблетками быстро усвояемой пищи, положил одну в рот Джила. Пускай постепенно рассасывается. Ну вот, сделал все, что мог, пора заняться другими. Он всех немножко напоил, всем дал по таблетке декстрозы. И тут до него дошел новый импульс, как видно, пауки обменивались своими мыслями.

«...ЛЮБОПЫТНО — ОН ДРУГИМ ПОМОГ ТОЖЕ. ЗДЕСЬ НЕ ТОЛЬКО ИСКУССТВЕННО ВЫЗВАННАЯ РЕАКЦИЯ СОСТРАДАНИЯ ДРУГ К ДРУГУ У ОДНОЯЙЦЕВЫХ БЛИЗНЕЦОВ, А ПРОЯВЛЕНИЕ НЕВЕРОЯТНЫХ ЭМОЦИЙ».

Этот идиотский комментарий выбил Хедрока из колеи. Едва он занялся нужным делом, позабыв о пауках, как те не преминули напомнить о себе. Он поднял голову к голубому небу, к великолепному желто-белому солнцу — в этот момент он ненавидел их лютой ненавистью. И, кажется, готов был, совсем как дикарь, потрясать кулаками и выкрикивать проклятия в адрес злых духов, притаившихся на небесах.

Успокоившись, вновь покормил своих подопечных, на сей раз концентратом быстро усвояемого фруктового сока, разведенного водой. Один из них — худой красивый человек — настолько пришел в себя, что, недоуменно глядя на него, улыбнулся, но ничего не спросил, и Хедрок в свою очередь промолчал. Когда пациенты опять погрузились в сон, он выбрал самое высокое дерево, залез на него и оглядел окрестности. Взору открылись наплывающие друг на друга холмы и далеко-далеко, еле видимый в дымке, отблеск

водного пространства. Его внимание привлекли желтые пятна на дереве в четверти мили от залива. Он спустился на землю и отправился вниз по течению ручья. Идти пришлось дальше, чем представлялось вначале, и когда он вернулся с полной коробкой плодов, солнце уже миновало зенит. Прогулка пошла на пользу — он размялся и почувствовал себя лучше. В голове мелькнула трезвая мысль: Джил и Кершоу — если один из них Кершоу,— наверное, были на этой планете раньше. Значит, пробовали здешние желтые плоды и скажут, когда будут в состоянии, съедобны ли они. А может быть, где-нибудь в коробках есть карманный анализатор?..

Может, и есть, только найти не удалось. Зато попалось много всякого оборудования, включая информатор для записи на диски сведений о новых планетах и землях. Они, вероятно, оставили немало таких дисков там, где побывали. Солнце шло к закату — прямо за запад, по нашим понятиям, невесело подумал Хедрок. Далеко за полдень на востоке взошло второе светило, меньшего размеры и не столь яркое. На какое-то время потеплело, а когда большое солнце исчезло за горизонтом, стало прохладнее и наступила «ночь», если позволено воспользоваться этим словом. Она была похожа на сумрачный день, когда у нас свет пробивается сквозь плотные облака, только здесь небо было безоблачным и отсутствовала влажность. Дули легкие ветры. Появилось третье солнце, но оно ничего не изменило. Тусклым светом заблестели звезды. Мрачная картина действовала Хедроку на нервы. Он ходил по берегу ручья и думал: «Сколько еще будет длиться это... сенсорное исследование? И зачем они хотят меня прикончить?»

Эти вопросы не предназначались паукообразным, но, к его удивлению, ответ последовал незамедлительно, может быть, опустился с тусклого безоблачного неба, точный и абсолютно бесстрастный:

«МЫ НЕ СОВСЕМ ТО, ЧТО ТЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ. НАША РАСА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ ДОСТИЖЕНИЙ ПРИРОДЫ. В ЭТОМ КОРАБЛЕ ВСЁ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ НАШЕГО НАРОДА. МЫ ВСЕ ЗДЕСЬ БЕССМЕРТНЫЕ, ПОБЕДИВШИЕ В БОРЬБЕ ЗА ПРЕВОСХОДСТВО НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ. КАЖДЫЙ ИЗ НАС, УНИЧТОЖИВ ВСЕХ СОПЕРНИКОВ В СВОЕЙ СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСТАЛСЯ В НЕЙ ПОСЛЕДНИМ. НАМ НУЖНО ВЫЖИТЬ, ПОЭТОМУ О НАШЕМ СУЩЕСТВОВАНИИ НЕ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ НИКТО ВО ВСЕЛЕННОЙ. ПО ВОЛЕ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ ТЫ ОКАЗАЛСЯ СРЕДИ НАС, ПОЭТОМУ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ. ПОНЯТНО?»

Хедрок не знал, что возразить, коль скоро логика пауков столь убедительна и даже убийственна — умри, раз слишком много знаешь!..

«В НАШИ НАМЕРЕНИЯ ВХОДИТ ЗАКОНЧИТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЗМА СЕНСОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ТЕХ ДАННЫХ, КОТОРЫЕ МЫ ПОЛУЧИЛИ ЧЕРЕЗ ТЕБЯ, А ЗАТЕМ ПОКИНУТЬ ЭТУ ЧАСТЬ КОСМОСА НАВСЕГДА. ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАЙМУТ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ. ПОТЕРПИ, ПОЖАЛУЙСТА, ДО КОНЦА. НА ТВОИ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ ОТВЕЧАТЬ НЕ БУДЕМ. ВЕДИ СЕБЯ СООТВЕТСТВУЮЩИМ ОБРАЗОМ».

Здесь тоже все ясно. Хедрок медленно побрел к лагерю. Худой усталый человек, который недавно улыбнулся ему, сидел на траве.

— Здравствуйте,— сказал он приветливо.— Меня зовут Кершоу, Дерд Кершоу. Спасибо! Вы нас спасли.

— Рано благодарить меня,— угрюмо отозвался Хедрок.

Но звук человеческого голоса взволновал его и дал толчок новой идее. Вновь пробудилась надежда, и он приступил к работе, хотя и в состоянии сильной тревоги. Ведь в любой момент его могут ликвидировать.

Работа была довольно простая. При помощи энергетического револьвера Джила он резал ствол дерева на круглые диски по шесть дюймов толщиной. Диски закладывал в землепроходческий информатор, где на каждый наносилась информация о положении, в котором оказался он и его случайные товарищи, о паучьем племени и нависшей угрозе. Для некоторых дисков он задавал различное антигравитационное давление и наблюдал, как диски взмывали вверх на тот уровень, который им был задан. Они парили в прозрачных течениях воздуха. Некоторые зависали над ним, и он покрывался испариной от злости из-за их медлительности. Другие исчезали из поля зрения с вполне удовлетворительной скоростью. Хедрок знал, что одни окажутся на холмах, другие на деревьях, третьи будут странствовать годы, если не века, и с каждым часом их все труднее будет найти. Паучьему племени придется потратить уйму времени, чтобы как-то помешать распространению сведений об их существовании.

Шли драгоценные дни. Диски разлетались в разные стороны в зависимости от дующих ветров.

Пациенты восстанавливали силы медленно. Было очевидно, что их организмы не в состоянии правильно усваивать пищу, которую он давал. Нужна была медицинская помощь, а где ее взять? Кершоу первым пошел на поправку и пожелал узнать обо всем случившемся. Хедрок воспроизвел информацию на одном из дисков, которые он порой еще запускал по прошествии трех недель.

— Так вот что нас ждет,— медленно произнес Кершоу.— Почему вы думаете, что диски помогут?

— Пауки — мерзавцы с железной логикой. Они воспримут это как свершившийся факт. Лишь бы распространение дисков дос-

тигло такой фазы, когда их уже невозможно найти. Время от времени мне кажется, что я сделал достаточно, но потом начинаю сомневаться — поймут ли они, что проиграли? Они не тронули нас до сих пор, потому что изучают эмоциональную структуру человека. По крайней мере, таково было их намерение. К тому же они предупредили, что не будут общаться со мной какое-то время. Я подозреваю, что они слишком далеко улетели, поэтому их телепатия не срабатывает.

— Но что им нужно? — спросил Кершоу.

Трудно было объяснить, чему научил опыт общения с пауками, но Хедрок попытался, конечно, не углубляясь в свою деятельность на Земле. И закончил следующими словами:

— Я в любой момент могу заблокировать их влияние на мой мозг, поэтому угроза в отношении меня носит физический характер.

— Как вы можете объяснить,— попросил Кершоу,— что они вернули вас в спасательную ракету, несмотря на ваше противодействие?

— Я могу только предполагать, что нервная система медленно вырабатывает защитные реакции. Я уже был в ракете, когда начал действовать мой метод противостояния. А когда это случилось, они сразу поняли, в чем дело, и стали угрожать уничтожением, если я откажусь с ними сотрудничать.

— Как вы думаете, они сумеют разобраться в эмоциональной природе человека?

Хедрок покачал головой:

— Тысячи лет люди пытаются управлять эмоциями. Дело не в том, чтобы исключить эмоции из жизни, их надо направлять в правильное русло, дабы служили здоровью, любви, доброй воле, сексу, энтузиазму, утверждению личности и так далее. Наверняка есть аспекты жизни, о которых пауки не имеют ни малейшего представления. Не думаю, что они когда-либо поймут суть, поскольку не в силах провести грань между двумя людьми, один из которых добровольно рискует жизнью во имя какой-то отвлеченной идеи, а другой — ради собственной выгоды. Тут их слабое место, и они никогда не получат правильного представления о природе человека.

Кершоу напряженно думал. Наконец спросил:

— Каковы наши реальные шансы на спасение?

— Пауки со всей определенностью заявили, что покинут эту часть космоса. И надо думать, сделают это, поскольку предполагают, что вскоре огромные корабли будут курсировать по пассажирским линиям между Землей и планетами Центавра. Я уверен, императрица рассекретит межзвездный суперлайнер, а при нынешнем развитии машиностроения через несколько недель появятся сотни таких космических кораблей. При необходимости сюда можно добраться менее чем за два дня.

— Давайте-ка займемся делом,— сказал Кершоу.— Вы уже

запустили много дисков, но еще несколько тысяч нам не повредят. Вы валите деревья и нарезайте диски, а я буду закладывать их в аппарат.

Вдруг Кершоу замолчал и, откинувшись назад, широко открытыми глазами уставился поверх головы Хедрока в небо. Хедрок резко повернулся и взглянул в том же направлении. И увидел корабль. На какое-то мгновение ему показалось, что к ним пожаловали пауки. Солнце осветило крапчатую структуру обшивки, на ней засияли огромные буквы:

ВС — ЦЕНТАВР-719.

Корабль снизился. Он пронесся над ними на высоте полумили и в ответ на позывные их телестата медленно повернул и сел неподалеку.

Через сорок один час полета путешественники были доставлены на Землю. Хедрок принял все меры предосторожности, не стал раскрывать настоящее имя и благополучно добрался до одной из своих квартир в Империал-Сити.

Несколько минут спустя он уже соединял местный телестат с одной из собственных релейных систем. Таким окольным путем, скрывая свое местонахождение, вызвал Торговый Дом оружейников.

18

На экране появилось изображение Питера Кадрона. В этот момент он смотрел в сторону и оживленно разговаривал, но с кем, Хедрок не видел и не слышал — звука не было. Беседа продолжалась некоторое время, и у Хедрока была возможность представить себе реакцию бывшего члена Высшего Совета, когда тот его увидит.

Прошел почти месяц с той достопамятной ночи, когда Хедрок, защищая себя, вынужден был выступить против Торгового Дома оружейников.

Кадрон взглянул на экран и замер, затем быстро включил звук.

— Хедрок! — воскликнул он.— Это вы!

Радостная улыбка осветила его лицо, глаза заблестели.

— Хедрок, где вы были? Мы всеми способами пытались связаться с вами.

— Какой мой статус в Торговом Доме оружейников?

Кадрон выпрямился.

— Уходящий в отставку Совет уполномочил меня извиниться перед вами за наше истерическое поведение. Должны признать, что нами овладело настроение «толпы», виной чему чрезмерное напряжение. Я лично сожалею, что так получилось.

— Благодарю вас. Означает ли это, что о заговоре против меня и речи быть не может?

— Клянемся честью! — Он помолчал и вновь заговорил: — Хедрок, слушайте, мы сидели как на иголках и ждали, когда вы

объявитесь. Как вы знаете, императрица без всяких усилий на следующее утро после штурма сняла запрет с суперлайнера.

Хедрок узнал об этом на борту корабля, когда возвращался на Землю, и сейчас только сказал:

— Продолжайте.

Кадрон был взволнован.

— Мы получили от нее потрясающее предложение — официальное признание Торгового Дома оружейников и участие в правительстве. Это самая настоящая капитуляция.

— Вы, конечно, не пошли на это,— промолвил Хедрок.

— То есть как?..— Кадрон застыл с широко открытыми глазами.

— Надеюсь, Совет не принял это предложение,— твердо продолжал Хедрок.— Вы должны ясно представлять себе, что не может быть оснований для переговоров между двумя диаметрально противоположными сторонами.

— Но,— возразил Кадрон,— вы ведь сами говорили об этом, как о причине вашего появления во дворце.

— Это был лишь предлог. При настоящем кризисе цивилизации нам необходимо присутствие своего человека одновременно в Торговом Доме и во дворце.— Голос его звенел, и он продолжал говорить, не давая Кадрону вставить слово.— Торговый Дом оружейников представляет постоянную оппозицию. Беда оппозиционных сил прошлого состояла в том, что они всеми путями старались захватить власть — слишком часто их критика была нечестной, а намерения порочными. Высший Совет должен сделать все, чтобы не допустить проявления подобных качеств у своих последователей — отныне и впредь. Пусть императрица сама разбирается с порожденным ею хаосом. Я не говорю, что она виновата в коррупции, охватившей империю, но ей пришло время взяться за наведение порядка в собственном доме. Торговый Дом оружейников останется во всех отношениях сторонним, хотя и заинтересованным наблюдателем. Он будет соответствовать наивысшему эталону и помогать тем, кому придется защищаться от деспотии во всей галактике. Производители оружия будут продолжать торговать им и оставаться вне активной политики.

— Вы хотите, чтобы мы...— начал было Кадрон.

— ...Продолжали заниматься своим обычным делом — и не более того. А теперь,— Хедрок улыбнулся,— я очень благодарен судьбе, что она свела меня с вами, Кадрон. Пожелайте счастья бывшим членам Совета. Через час я появлюсь во дворце; никто из вас больше не получит от меня никаких вестей. Прощайте! И удачи вам.

Он выключил телестат и ощутил, как старая знакомая боль наполняет душу. Ну вот, опять ему приходится уходить. Да ладно, печалиться не стоит, подумал Хедрок, преодолевая чувство одиночества, и точно в намеченный час направил свой автоплан в сторону дворца.

Он уже переговорил с Иннельдой, и его сразу пропустили в покои императрицы.

Встреча получилась не слишком-то радостная. Она ждала его в саду на тридцать четвертом этаже, где обычно принимала посетителей. Супруги сели под пальмой. Дул легкий ветерок, откуда-то струился мягкий рассеянный свет. Иннельда не ответила на его поцелуи, разве что покорно, как рабыня, приняла их. И он устремил на нее пристальный взгляд: она сидела прямо, подобравшись и как бы застыв — статная женщина с овальным, несколько удлиненным лицом, непроницаемым, словно каменным.

Это неспроста, подумал Хедрок, что-то за этим кроется. Нужно выяснить.

— Иннельда, что случилось? — спросил он, несколько отодвигаясь.

Она промолчала, и Хедрок настойчиво продолжал:

— Первое, что я обнаружил, когда вернулся,— принц дель Куртин, почти в буквальном смысле слова твоя правая рука, удален из дворца. Почему?

От этого вопроса она, казалось, пробудилась и заговорила с оттенком былого жара в голосе.

— Кузен имел неосторожность выступить с критикой моего проекта и отвергнуть его. Я не потерплю издевательства, даже со стороны тех, кого люблю.

— Принц дель Куртин издевался над тобой? — изумился Хедрок.— Совсем на него не похоже.

Иннельда снова промолчала. Хедрок искоса посмотрел на нее и с тем же напором сказал:

— Ты ради меня отказалась от межзвездного суперлайнера, и теперь, когда мы вместе, я не вижу смысла в этом поступке.

Она не произнесла ни слова, и Хедрок вдруг понял, что могла значить ее отчужденность. Неужели она узнала о нем правду? Он не успел ничего сказать, когда зазвучал ее низкий голос:

— Пожалуй, единственное, что мне нужно сообщить, так это то, что у Айшеров будет наследник. У *Айшеров* будет наследник,— повторила она с нажимом.

Откровение, касающееся ребенка, оставило его почти равнодушным. Одно несомненно — она знала.

— Все понятно,— вздохнул Хедрок.— Ты ведь арестовала Гониша, не так ли?

— Да, я арестовала Гониша, и ему не потребовалось информации больше той, что у него уже была. Несколько слов — и интуиция сработала.

Вот оно — косвенное подтверждение.

— Ну и что же ты собираешься делать?

Императрица ответила отрешенным тоном:

— Женщина не может любить бессмертного мужчину. Такая связь опустошит ее душу и разум.— Она продолжала, будто говорила сама с собой: — Я понимаю теперь, что никогда тебя не

любила. Ты притягивал меня и отталкивал одновременно. Вместе с тем испытываю чувство гордости, ибо, пребывая в неведении, выбрала именно тебя. Это доказывает необыкновенную инстинктивную жизнеспособность нашего рода. Роберт!

— Да?

— А те, другие императрицы — какие у тебя были с ними отношения?

Хедрок покачал головой:

— Я ничего не скажу тебе. Мне нужно, чтобы ты приняла решение, не думая о них.

Она засмеялась вымученным смехом:

— Ты думаешь, я ревную. Я не... я совсем не такая.— И добавила, спотыкаясь на каждом слове: — Я теперь семейная женщина, которая сделает все, чтобы ее ребенок уважал и любил ее. Императрица рода Айшеров не может поступить иначе. Я не буду принуждать тебя к откровенности.— Ее зеленые глаза потемнели, и она вдруг горестно произнесла: — Мне нужно подумать. А теперь, пожалуйста, уходи.

Иннельда протянула руку. Его губы почувствовали, насколько она безжизненна... В смятенном состоянии духа Хедрок вышел и направился к себе.

Оказавшись в одиночестве, он вспомнил о Гонише. Через коммутатор Торгового Дома оружейников связался с ним и попросил прийти во дворец. Через час они уже сидели друг против друга.

— Надо полагать,— начал Гониш,— никаких объяснений не последует...

— Об этом позже,— сказал Хедрок и поинтересовался: — Что вы собираетесь делать? Вернее, что уже предприняли?

— Ничего.

— Вы имеете в виду...

— Видите ли, я прекрасно понимаю, как известие о вашем бессмертии может подействовать на среднего человека, а то и на высокообразованного. Я никогда не скажу о нем членам Совета или кому-либо еще.

Хедрок почувствовал облегчение. Он не сомневался в исключительной честности Гониша. Тот дал свое обещание без давления со стороны Хедрока, по своей воле, проявив доброжелательность и полное понимание ситуации.

— С моими знаниями,— заметил Гониш, пристально взглянув на собеседника,— я бы не решился ставить опыты на других, добиваясь бессмертия. А вы это делали, да? Где это было? Когда?

Хедрок с трудом сглотнул. Воспоминания жгли его как огнем.

— На Венере,— сказал он упавшим голосом,— еще в период первых межпланетных путешествий. Я основал изолированную колонию ученых, рассказал им всю правду и поставил задачу — раскрыть тайну моего бессмертия. Это было ужасно...— В его голосе проскользнули нотки отчаяния.— Не могу передать словами их

состояние — они видели меня неизменно молодым, а сами превращались в стариков. Никогда с тех пор этим не занимался.

— А что с вашей женой?

Хедрок ответил не сразу.

— В прошлом императрицы Айшер всегда гордились, связывая свою жизнь с бессмертным. Ради продолжения рода прощали мне все.— Несколько помрачнев, он добавил: — Вероятно, нужно было чаще жениться. Тогда родился бы еще один бессмертный. Эта моя женитьба всего лишь тринадцатая. Почему-то...— он осекся, заметив, как Гониш помрачнел, и поспешно спросил: — Что такое?

— Я думаю, императрица Иннельда любит вас,— сказал тот.— Хотя ничего хорошего из этого не выйдет. Видите ли, она не может иметь детей.

Хедрок вскочил на ноги и сделал шаг вперед, как будто собирался ударить Гониша:

— Вы серьезно? Она же сказала мне...

Гониш продолжал сидеть с угрюмым выражением на лице.

— Мы в Торговом Доме оружейников следим за императрицей с детства. К ее досье, естественно, имеют доступ только три ноумена и члены Высшего Совета. Здесь ошибки быть не может. Я знаю, это рушит ваши планы, но не принимайте так близко к сердцу. Принц дель Куртин по праву наследует трон и, полагаю, отлично справится с продолжением рода. Через несколько поколений появится еще одна императрица, и вы снова женитесь.

Хедрок, меривший шагами комнату, остановился.

— Нельзя быть таким бессердечным, черт вас побери,— выпалил он.— Я думаю не о себе. Дело в женщинах рода Айшеров. Особенности их характера не очень ярко выражены в Иннельде, но что-то главное сохраняется. Она не откажется от этого ребенка, вот что меня волнует.— Он резко метнулся к собеседнику.— Вы абсолютно уверены? Не играйте со мной в игры, Гониш!

— Да я не играю, Хедрок. Императрица Айшер умрет при родах и...— Он замолчал, взгляд его был устремлен куда-то в сторону.

Хедрок медленно повернулся в том же направлении и увидел ее на пороге. Женщина произнесла ледяным тоном:

— Капитан Хедрок, вы и ваш друг, мистер Гониш, в течение этого часа покинете дворец и не будете возвращаться, пока...— Она замолчала и какое-то мгновение стояла, замерев на месте. Потом быстро, но с трудом выговорила: — Никогда, никогда не возвращайтесь! У меня больше нет сил. Прощайте...

— Подожди! — пронзительно закричал Хедрок.— Иннельда, ты не должна рожать ребенка!

Его вопль разбился о закрытую дверь.

19

В тот последний день Хедрока провел во дворец дель Куртин.

— Нужно,— прошептал принц,— чтобы кто-нибудь около нее

был. Нельзя же поступать против здравого смысла. Мои друзья сообщат ее новому доктору Тилинджеру, что вы здесь. Побудьте у себя, пока вас не позовут.

Томительно тянулось время. Хедрок шагал взад-вперед по толстому ковру и думал о месяцах, прошедших с тех пор, как его прогнали из дворца. Тяжелее всего было несколько последних дней. Хотя никаких официальных сообщений в средствах массовой информации так и не появилось, сведения просачивались отовсюду. Совершенно непонятно, каким образом, но все знали о скором рождении наследника. До Хедрока долетали обрывки разговоров во время прогулок по тихим улочкам или в ресторанах, куда он порой заглядывал. Казалось, слухи переносились легкими дуновениями. По сути своей они были доброжелательными. Просто говорили, что со дня на день следует ожидать появления на свет наследника Айшеров, и взволнованная публика ожидала официального заявления, хотя никто не знал точной даты.

Это случилось в десять вечера. Тилинджер прислал за Хедроком, и он поднялся из своего кабинета в покои императрицы.

Его смущенно приветствовал доктор — средних лет мужчина со впалыми щеками. Тилинджера не в чем было обвинять, разве лишь в слабохарактерности. Его вынудили стать личным врачом императрицы вместо доктора Сноу, которого в одночасье уволили после тридцати лет службы при дворе. Хедрок все еще помнил тот день, когда за обедом Иннельда в ярости напала на доктора Сноу, назвав его старомодным лекарем, «который все еще ставит себе в заслугу то, что помог мне появиться на свет».

Несомненно, старый доктор сказал Иннельде правду, а ей это не понравилось. Также не было сомнений и в том, что нового врача лишили возможности тщательно осмотреть императрицу. Хедрок понял это, слушая Тилинджера. Она сделала правильный выбор, ибо этот человек никогда не осмелился бы преодолеть сопротивление своей венценосной пациентки.

— Я только-только разобрался, в чем дело,— бормотал он.— Она под наркозом, но может общаться. Принц Хедрок, вы должны убедить ее — или ребенок, или она. Ее уверенность в том, что она будет жить, абсолютно беспочвенна. Она угрожала мне смертью, если ребенок не выживет,— закончил он, весь побелев.

— Разрешите мне поговорить с ней,— сказал Хедрок.

Иннельда неподвижно лежала в постели. На лице не было ни кровинки, дыхание почти не ощущалось, казалось, она уже мертва. Но Хедрок заметил, что она чуть пошевелилась, когда доктор мягко наложил маску коммуникатора. Бедняжка, подумал он, неудачливый тиран, несчастная женщина, оказавшаяся в плену собственных убеждений, таких твердокаменных, что ни самой отказаться, ни тем более повлиять на них никак невозможно.

— Иннельда,— нежно проговорил он в коммуникатор.

— Это... ты... Роберт,— отчетливо, хотя и с паузами выговорила она.— Я... приказала... не пускать... тебя.

— Твои друзья тебя любят. Они хотят, чтобы ты жила.

— Они... ненавидят... меня. Думают... я... дура. Но я им докажу... Я буду жить... и ребенок должен выжить...

— Принц дель Куртин женился на очаровательной, замечательной женщине. У них будут прелестные дети, достойные стать продолжателями рода.

— Никакой другой ребенок... только мой... и твой... будет править под именем Айшер... Неужели ты не понимаешь, все дело в прямой линии... Никогда она не была прервана... Так останется впредь... Неужели ты не понимаешь?..

Он стоял, полный печали, ибо как никто другой понимал ее. В старые времена, каждый раз выступая под вымышленным именем, он убеждал императоров Айшер жениться на девушках, жизненно необходимых для рода, вовсе не подозревая, что культивируемая им стойкость характера приобретет такую силу. И вот трагическое тому доказательство. Несчастная Иннельда, наверное, не догадывалась, что ее забота о продолжении рода всего лишь результат его рационализма. Она хотела только своего ребенка. Все так просто и так ужасно.

— Роберт... не уходи... дай руку... пожалуйста...

Он стоял и смотрел, как жизненные силы покидают ее. И когда хрипло вскрикнул ребенок, ощутил лишь жгучую боль утраты, ибо смерть распростерла свои черные крылья над холодеющим телом Иннельды.

На расстоянии в половину светового года шел своим курсом космический корабль длиной в сто миль. Внутри него один разум обменивался с другим:

«...Второе общее исследование так же, как и первое, не дало конкретных результатов. Мы узнали некоторые важные особенности, но почему правительница, которая владела Солнечной системой, отдала жизнь ради своего ребенка, когда сама так боялась смерти? Аргумент, будто только ей надлежит родить наследника, не поддается логическому осмыслению, поскольку та или иная комбинация атомов не составляет проблемы. Любая женщина могла бы с успехом выполнить ее функцию».

«...Следовательно, необходимо вернуть правительнице жизнь и зафиксировать эмоциональную реакцию близких на ее воскрешение».

«...Исследовал появление нашего бывшего пленника Хедрока во дворце. Как оказалось, он искусно опроверг наши логические построения, требующие его уничтожения».

«...Пришел к выводу... мы можем спокойно покинуть эту часть Вселенной...»

«...Вот и все, что нам удалось выяснить. Именно эта раса будет править галактикой...»

Урсула ле Гуин

КОЛДУН АРХИПЕЛАГА

Перевод с англ. *Елены Солодуховой, 1990*

Редактор *Любовь Антипова.*

1. БИТВА В ТУМАНЕ

Остров Гонт — огромная гора, вершина которой поднимается на милю над бурным Северо-Восточным морем. Это место знаменито волшебниками. Многие гонтийцы покидали родные места: селения, лежащие на высокогорных равнинах, портовые города, спрятанные в темных и узких бухтах, и становились колдунами и волшебниками. Они поступали на службу к лордам в городах или путешествовали по всем островам Архипелага, зарабатывая на жизнь колдовством. Говорят, самым великим из них, и уж во всяком случае самым знаменитым, был человек по имени Ястреб-перепелятник. Со временем он станет повелителем демонов и Верховным Магом. О его жизни будет рассказано в песне «Подвиг Геда» и во многих других песнях. Но эта книга о том времени, когда слава к нему еще не пришла, а песни пока не были сложены.

Он родился в заброшенной деревеньке под названием Десять Ольх, расположенной высоко в горах в начале Северной Долины. За деревней луга и пахотные земли уступами спускаются к морю, на излучинах реки Ар лежат другие поселения, а выше лишь лес поднимается ступенями к голым скалам и снежному пику.

В детстве его звали Дьюни. Это имя ему дала мать. Больше она ничего не успела, только жизнь и имя, потому что умерла, когда ему не было и года. Его отец, деревенский медник, отличался мрачным и молчаливым нравом. У Дьюни было шесть братьев, много его старше. Один за другим они покидали родной дом и становились фермерами, моряками или кузнецами в других селениях Северной Долины. Поэтому ребенка некому было воспитывать и пестовать.

Он рос как сорная трава, высокий подвижный мальчик, шумный забияка. Жизнь била в нем ключом. Вместе с другими деревенскими мальчишками, а их было совсем немного, он пас коз на крутых, покрытых травой склонах над горными ручьями. А когда стал достаточно сильным, чтобы раздувать длинные кузнечные мехи, отец заставил Дьюни работать подмастерьем, щедро награждая оплеухами. Однако работал он мало: убегал при первой же возможности, бродил в лесной чаще, плавал в заводях реки Ар, быстрой и холодной, как и все реки Гонта, или высоко забирался по крутым склонам, туда, где уже не было леса. Оттуда мальчику

было видно море, бескрайний Северный океан, где за Перригалом расстилалась пустынная и необъятная водная гладь.

В деревне жила сестра его покойной матери. Когда Дьюни был совсем маленьким, она делала для него самое необходимое, но у нее были свои заботы, и, как только он смог сам себя обслуживать, она перестала обращать на мальчика внимание. Его никто ничему не учил, и он не знал, что могут и умеют другие люди. Но однажды, когда Дьюни было семь лет, он услышал, как тетка что-то кричит козлу, забравшемуся на соломенную крышу хижины и не желавшему слезать. Однако стоило ей крикнуть ему какие-то странные слова, как козел тут же соскочил. На следующий день Дьюни пас длинношерстных коз на лугах Верхнего склона и крикнул им те самые слова, которые слышал от тетки накануне. Он не отдавал себе отчета, что это за слова, и не знал их смысла и значения:

Нот Хирт мок мэн
Хиолк хэн мерт хэн!

Мальчик громко выкрикнул незнакомые слова, и козы подошли к нему. Они подошли очень быстро, все сразу и совершенно бесшумно. Они стояли и неподвижно смотрели на него темными зрачками желтых глаз.

Дьюни засмеялся и снова крикнул эти слова, дававшие ему власть над козами. Они подошли еще ближе и тесно стали вокруг него, толкая друг друга. Неожиданно мальчика охватил страх перед их толстыми остроконечными рогами, загадочными глазами и странным молчанием. Он попятился от них, попытался убежать. Козы бежали за ним, сбившись в тесную кучу, и в таком виде они наконец ворвались в деревню. Козы прижимались друг к другу так тесно, будто их стянули веревкой, а мальчик, окруженный со всех сторон, заливался слезами и орал не своим голосом. Жители деревни выбежали из домов, они ругали коз и смеялись над мальчиком. Среди них была его тетка — только она не смеялась. Тетка что-то сказала козам, и они, освободившись от чар, заблеяли и разбрелись в разные стороны, как ни в чем не бывало пощипывая траву.

— Пойдем,— позвала она Дьюни.

Она привела его к себе в хижину, где жила одна. Обычно детям не разрешалось сюда входить, и они боялись этого места. Хижина была низкая и темная, без окон. На поперечной балке под потолком сушились травы, свисая целыми снопами: мята, дикий чеснок и тимьян, тысячелистник, ситник и хвощ, гвоздика, пижма и лавр. Тетка села у очага, положив ногу на ногу, и, искоса глядя на мальчика сквозь пряди черных волос, спросила, что он говорил козам, и знает ли он, что это за слова. Она выяснила, что он ничего не знает, но сумел заколдовать коз, подозвать их и заставить следовать за собой по пятам. Тогда она поняла, что, по-видимому, мальчик обладает задатками волшебника.

Дьюни был лишь сыном ее сестры, и она не испытывала к нему особой привязанности, но этот случай заставил ее посмотреть на него другими глазами. Она похвалила Дьюни и пообещала научить заклинаниям. Например, заклинанию, с помощью которого можно заставить улитку выглянуть из раковины. И еще сказать слово, услышав которое сокол прилетает с небес.

— Да, да, скажи мне это слово! — попросил он. Мальчик уже пришел в себя после приключения с козами, а когда тетка похвалила его за сообразительность, он просто надулся от гордости.

Колдунья сказала ему:

— Если я научу тебя этому слову, ты не должен говорить его другим детям.

— Обещаю.

Она улыбнулась его простодушному нетерпению.

— Но я должна закрепить твое обещание. Я заговорю твой язык, и тебе придется помолчать, пока не расколдую его. Но даже тогда тебе не удастся произнести это слово, если рядом будет чужой. Мы должны хранить секреты нашего ремесла.

— Хорошо,— сказал мальчик. Он вовсе не собирался выдавать тайну своим товарищам. Ведь им всегда хотелось знать то, чего они не знают, и делать как раз то, что запрещается.

Он сидел неподвижно, а тем временем тетка заколола на затылке растрепанные волосы, завязала пояс на платье и снова села напротив очага, положив ногу на ногу. Время от времени она бросала в огонь горстья листьев, и постепенно темная хижина наполнилась дымом. Затем начала петь. Ее голос то опускался низко, то поднимался высоко. Поэтому казалось, что колдунья поет сразу двумя голосами. Она пела долго-долго, и мальчику почудилось, что он уже спит, а может быть, и нет. Старая черная собака, которая никогда не лаяла, все время сидела около него с покрасневшими от дыма глазами. Потом колдунья обратилась к Дьюни на непонятном языке и заставила его повторить вместе с ней какие-то заклинания и слова, и когда колдовство подействовало, его охватило оцепенение.

— Говори! — потребовала она, чтобы проверить силу чар.

Говорить мальчик не мог, он только засмеялся.

Его способности немного напугали тетку: ведь это было самое сильное заклинание, какое она знала. Она хотела не только подчинить себе его речь, но и приобщить к искусству колдовства, чтобы племянник ей помогал. Но оказалось, что он может смеяться, даже находясь под воздействием заклинания. Она ничего не сказала, плеснула воды в огонь, и дым рассеялся, а потом дала мальчику попить. Когда воздух очистился и ребенок снова смог говорить, научила его слову, на которое откликается сокол.

Это был первый шаг на пути, по которому Дьюни шел всю жизнь, на пути магии, которая заставила его бороться с тенью и преследовать ее на суше и море и, наконец, у сумрачных берегов

царства смерти. Но сейчас этот путь только начинался и, казалось, будет широким и светлым.

Он убедился, что по его зову дикие соколы спускаются с ветреных высот и, трепеща крыльями, садятся на его запястье, как охотничьи соколы принца. Ему не терпелось узнать, на какое слово откликаются другие птицы, и он приставал к тетке, умоляя сказать ему имя ястреба-перепелятника, скопы и орла. Чтобы узнать слова, дающие ему власть над другими существами, мальчик выполнял все теткины поручения и учился у нее всему, что она знала сама, хотя не все из этого было приятно делать или даже знать. На Гонте есть поговорка: слабовато, как колдовство женщины, но есть и другая: злобновато, как колдовство женщины. Надо сказать, колдунья в Десяти Ольхах не занималась ни черной магией, ни высокими искусствами, но, будучи невежественной среди невежественных, она часто использовала свое мастерство для достижения глупых или сомнительных целей. Она и не подозревала о Равновесии и Правиле, которое знает и использует настоящий волшебник — они разрешают ему применять свою силу только в случае необходимости. У нее же было заклинание на любой случай, она все время плела нити колдовства. Многое из того, что знала, было откровенным вздором. К тому же она не умела отличать настоящие заклинания от суеверных глупостей.

Тетка знала множество проклятий, и ей, пожалуй, было легче напустить болезнь, чем вылечить больного. Как любая деревенская колдунья, она могла сварить любовное зелье, но в угоду людской ревности или ненависти иной раз варила и кое-что похуже. Это она, однако, скрывала от своего юного ученика и по мере сил учила его честному ремеслу.

Сначала Дьюни получал от учения чисто детское удовольствие. Его радовала та власть, которую он благодаря колдовству имел над птицами и животными, нравилось изучать их повадки. Он сумел сохранить эту радость на всю жизнь. Другие дети часто видели его на горных пастбищах в сопровождении хищных птиц и прозвали его Ястреб-перепелятник.

Тетка не переставала повторять, что колдун может добиться славы, богатства и огромной власти над людьми, но его интересовали другие, более полезные дела: он занялся изучением колдовских наук. Они давались ему легко. Колдунья его хвалила, деревенские дети стали бояться, а сам он был уверен, что скоро станет великим. Так, слово за словом, заклинание за заклинанием, колдунья научила Дьюни почти всему, что знала сама. К этому времени ему исполнилось двенадцать лет. Правда, знала она немного, но вполне достаточно для деревенской колдуньи, и более чем достаточно для двенадцатилетнего мальчика. Тетка рассказывала ему о травах, учила знахарству, а также всему, что ей было известно об умении находить клады и пропавшие вещи, заговаривать болезни, снимать сглаз и раскрывать тайны. Она спела ему все баллады, какие знала, и песни о Великих Подвигах, обучила всем заклина-

ниям на Правильной Речи, которым ее саму когда-то давно научил другой колдун. А у предсказателей погоды и фокусников, путешествующих по городам Северной Долины и Восточного Леса, мальчик научился различным фокусам и шуткам, заклинаниям, вызывающим миражи. Как раз при помощи таких заклинаний он впервые применил свои замечательные способности.

Это было время могущества империи Каргад. Она находилась на северо-востоке и состояла из четырех огромных островов: Карего-ат, Атуан, Хур-ат-Хур и Атнини. Карги говорят на языке, непохожем ни на один из языков Архипелага и других провинций. Это дикари с белой кожей и светлыми волосами. Они свирепы, им нравится видеть, как льется кровь, и они любят вдыхать запах горящих городов. В прошлом году карги напали на Ториклес и могущественный остров Торхевен. Целые полчища грабителей прибыли на кораблях с красными парусами. Это известие пришло на Гонт с севера, но правители Гонта были слишком увлечены собственными пиратскими набегами, чтобы обращать внимание на беды соседей. Затем карги взяли остров Спеви, разграбили и опустошили его. Жителей они угнали в рабство, поэтому до сих пор остров лежит в развалинах, новые дома построить некому.

Охваченные жаждой завоевания, карги поплыли к Гонту, и вскоре их тридцать боевых кораблей вошли в Восточный Порт. Они ворвались в город, захватили и сожгли его, оставив свои корабли с охраной в устье реки Ар. Затем двинулись вверх по долине, разрушая и грабя дома, убивая людей и скот. По пути карги распадались на более мелкие группы и мародерствовали. Те, кому удалось спастись бегством, принесли тревожные вести в высокогорные деревни. Скоро жители Десяти Ольх увидели, как небо на востоке потемнело от дыма. А ночью несколько человек пробрались на Высокий обрыв и ужаснулись: в Долине сквозь дым пробивались языки пламени, пожирающие еще не собранный урожай на полях. Они увидели горящие фруктовые сады, а в них плоды, шипящие на пылающих ветвях деревьев, разрушенные амбары и фермы.

Некоторые жители поднялись вверх по ущелью и спрятались в лесу, другие приготовились к смертельной схватке, третьи вообще ничего не делали, а только ходили да причитали. Колдунья была в числе бежавших. Она укрылась в пещере на откосе Капперлинс и запечатала вход заклинаниями. Отец Дьюни, медник, остался с односельчанами. Он ни за что не хотел бросать тигель и кузницу, где проработал целых пятьдесят лет. Он трудился всю ночь и перековал металл, какой только смог найти, на наконечники для копий. Односельчане ему помогали: они привязывали эти наконечники к рукояткам от мотыг и грабель, поскольку закреплять их по-настоящему уже не было времени. В деревне не нашлось никакого оружия, кроме охотничьих луков и коротких ножей — ведь горцы на Гонте совсем не воинственны, среди них нет прославленных

полководцев, а из знаменитостей разве лишь воры, морские пираты и колдуны.

С рассветом на деревню опустился густой туман, какие случаются осенним утром на гористом острове. Жители, вооруженные охотничьими луками и только что изготовленными копьями, замерли в ожидании среди неуклюжих хижин и беспорядочно расположенных домов. Они не знали, далеко ли карги или уже близко. Все молчали и лишь напряженно вглядывались в туман, скрывавший от глаз очертания предметов, искажавшие расстояния.

С ними был и Дьюни. Всю ночь он работал с кузнечными мехами, сжимая и растягивая два длинных рукава из козлиной шкуры, подававшие к огню поток воздуха. Теперь его руки так болели и дрожали от тяжелой работы, что не могли держать копье. Мальчик не представлял, как будет драться и чем сможет помочь односельчанам и самому себе.

Мрачные мысли терзали сердце: Дьюни казалось, что он умрет ребенком, пронзенный копьем карга, или его увезут в чужую страну, где никто не будет знать его имени, его настоящего человеческого имени. Мальчик взглянул на тонкие руки, мокрые от холодной росы, и его охватила ярость от собственной слабости: ведь он знал, какая сила ему дана. Если бы он только умел ею воспользоваться! Дьюни стал перебирать в памяти различные заклинания в поисках средства, которое могло бы дать ему и его односельчанам преимущество или хотя бы шанс выжить. Но хотеть мало, надо уметь. Чтобы высвободить эту силу, нужны знания.

Под теплыми лучами солнца, сиявшего в ясном небе над вершиной горы, туман стал постепенно рассеиваться, пришел в движение и разорвался на огромные медленно плывущие клочья.

Жители деревни увидели, что на гору поднимается группа воинов. Их защищали бронзовые шлемы, украшенные перьями, наколенники и нагрудники из толстой кожи, деревянные и бронзовые щиты. Карги были вооружены мечами и длинными копьями. Пробираясь по крутому берегу Ара, они двигались ломаной линией, позвякивая оружием. Они уже подошли так близко, что можно было различить их белые лица и услышать слова на незнакомом языке, когда они перекликались. Отряд мародеров был невелик: человек сто, но и в деревне оставалось всего восемнадцать мужчин и мальчиков.

И все же в минуту опасности память выручила Дьюни. Глядя, как над тропинкой, по которой шли карги, плывет и рассеивается туман, он вспомнил, какое заклинание может ему помочь. Когда-то старый заклинатель погоды из Долины, стремясь заполучить Дьюни в ученики, научил его нескольким фокусам. Один из них назывался «плетение тумана». Туман «плетут» при помощи заклинания, которое на некоторое время собирает разрозненные клочья в одном месте. Произнеся такое заклинание, человек, умеющий вызывать миражи, может сплести из тумана легкие фантомы. Они живут недолго и через некоторое время тают. Этого мальчик делать

не умел, но у него была другая цель, и он знал, как использовать заклинание для ее достижения. Дьюни быстро произнес вслух месторасположение деревни, затем сказал заклинание для «плетения тумана». При этом он вставил в него слова из другого заклинания, делающего предмет невидимым, а под конец выкрикнул слово, которое привело волшебство в действие.

Не успел он этого сделать, как отец подошел к нему сзади и больно треснул по голове. Мальчик упал.

— Замолчи, дурак! Закрой свой болтливый рот! Спрячься, если не можешь драться!

Дьюни поднялся на ноги. Теперь он слышал голоса каргов на краю деревни, где-то возле огромного тиса во дворе дубильщика. Голоса, позвякивание оружия и скрип ремней слышались очень отчетливо, но самих воинов не было видно. На деревню спустился густой туман, он заслонил свет солнца. Очертания предметов стали расплывчатыми, и человек едва мог различить кончики пальцев на вытянутой руке.

— Я всех нас спрятал,— угрюмо сказал Дьюни. Голова у него побаливала от отцовской оплеухи, а усилия, затраченные на двойное заклинание, полностью обессилили его.— Я постараюсь удержать этот туман как можно дольше. Собери всех и отведи их на Высокий обрыв.

Медник удивленно посмотрел на сына, который в этом призрачном и влажном тумане и сам походил на привидение. Смысл слов Дьюни не сразу дошел до него, но, когда он их понял, то сразу же бросился искать односельчан. Он хорошо знал каждый забор и каждый поворот в деревне и двигался быстро и бесшумно. Сквозь серый туман пробивались отблески красного: это карги подожгли соломенную крышу одного из домов. Но они не спешили войти в деревню, а ждали внизу, когда туман поднимется и откроет им путь к легкой добыче.

Дубильщик, хозяин подожженного дома, дал задание двум мальчишкам, и они с душераздирающими воплями прошмыгнули под самым носом у каргов и растворились в дыму. А тем временем взрослые ползком и перебежками, перебираясь от дома к дому, приблизились с другой стороны и обстреляли воинов, сбившихся в кучу, стрелами и копьями. Одно копье, только что выкованное медником, насквозь проткнуло каргского воина, и он упал, корчась от боли. Многие воины были ранены стрелами, и это привело их в ярость. Они бросились вперед, чтобы изрубить на куски своих ничтожных противников, но вокруг был только туман, наполненный голосами. Они пытались идти на голос, пронзая туман огромными окровавленными копьями с перьями на древке. С криками карги неслись вдоль улицы, не понимая, что уже выбежали из деревни. И дома возникали то тут, то там и снова исчезали в клубящемся сером тумане. Жители бросились врассыпную, большинство из них оказались далеко впереди, потому что они хорошо знали местность, но некоторые мальчики и старики замешкались. Карги наткнулись

на них, некоторых закололи копьями, других зарубили мечами. При этом они выкрикивали свой боевой клич: имена Белых Крестников Атуана:

— Улуа! Атуа!

Часть воинов остановилась, чувствуя под ногами каменистую почву, но остальные рвались вперед в поисках деревни-призрака. Они гонялись за неясными тенями, которые проскальзывали между пальцами. Казалось, весь туман ожил и наполнился этими быстрыми и неуловимыми тенями, мелькающими и снова исчезающими то с одной, то с другой стороны. Несколько каргов в погоне за призраками незаметно для себя приблизились к Высокому обрыву, огромному утесу над рекой Ар. Но призраки поднялись в воздух и исчезли в редеющем тумане, а преследователи с криками провалились сквозь туман и внезапный солнечный свет в пропасть глубиной сто футов, на дне которой были скалы и мелкие озера. Те, кто прибежали позже, не упали в пропасть, они остановились на краю, прислушиваясь.

Теперь каргов охватила паника. В этом страшном тумане они искали уже не жителей деревни, а друг друга. Они стояли на склоне горы, тесно прижавшись друг к другу, но призраки и тени умудрялись проскользнуть между ними, а другие призраки появлялись сзади, наносили им удары копьем или ножом и снова исчезали. И тогда карги толпой побежали вниз. Они бежали молча, иногда спотыкались. Неожиданно серый слепящий туман кончился, и они увидели реку, безмятежно сверкающую под лучами утреннего солнца. Тогда карги остановились, снова собрались в кучу и посмотрели назад. Серая шевелящаяся и бурлящая стена преграждала тропинку, скрывая от глаз все, что было за ней. Вдруг от нее отделились двое или трое отставших. Они шли, спотыкаясь и тяжело ступая, их длинные копья беспомощно болтались за плечами. Больше никто из каргов назад не оборачивался. Все ринулись вниз, подальше от заколдованного места.

Воины спускались по Северной Долине, но тут их ожидало возмездие. Города Восточного Леса, от Оварка до побережья, собрали мужчин и послали их дать отпор захватчикам. Отряд за отрядом они спускались с гор. Два дня они теснили каргов к пологим берегам вокруг Восточного Порта. Там карги обнаружили, что их корабли сожжены. Они дрались, отступая к морю, пока не погиб последний воин. Пески Армаута потемнели от крови, и только прилив смыл ее.

В это утро в деревне Десять Ольх и выше на Высоком обрыве еще некоторое время лежал влажный серый туман, потом он сразу пришел в движение, поплыл и растаял. В ярком свете ветреного утра один за другим появлялись люди. Они оглядывались, осматривая место сражения. Вот лежит мертвый карг, его длинные белокурые волосы разметались и слиплись от крови, а вот — деревенский дубильщик, он сражался как рыцарь и погиб.

На краю деревни догорал подожженный дом. Все бросились

тушить огонь — ведь бой они выиграли. На улице около большого тиса жители деревни увидели одинокую фигуру Дьюни, сына медника. Он не пострадал в схватке, но был нем и неподвижен, как будто его контузило. Все хорошо понимали, что он для них сделал. Мальчика перенесли в дом отца и побежали за колдуньей, чтобы она вышла из пещеры и помогла пареньку, который спас их жизнь и имущество. Только четверых убили карги, и еще сгорел один дом.

На теле Дьюни не было ран, но он не мог ни говорить, ни есть, ни спать. Казалось, мальчик не слышит, когда к нему обращались, и не видит тех, кто пришел. В их краях не было такого волшебника, который смог бы вылечить его недуг. Тетка мальчика сказала:

— Он потратил слишком много сил.

Но она не знала, как помочь.

Так он и лежал, печальный и безмолвный, а известие о пареньке, который «сплел туман» и отпугнул каргов, передавалось из уст в уста по Северной Долине и Восточному Лесу, высоко в горах и даже в Восточном Порту Гонта. И вот на пятый день после кровавой битвы в деревню Десять Ольх пришел незнакомец. Он был не молод и не стар, в плаще, с непокрытой головой. Без всякого усилия держал в руках огромный дубовый посох высотой в человеческий рост. Он пришел в деревню не снизу по реке Ар, как это делают обычно, а спустился из лесов с верхних гор. Деревенские кумушки сразу поняли, что это волшебник, а когда он сообщил им, что лечит все болезни, они немедленно привели его в дом медника. Попросив всех уйти, кроме отца и тетки мальчика, незнакомец наклонился над тюфяком, где лежал Дьюни, устремив неподвижный взгляд в темноту, и просто положил ему руку на лоб, затем коснулся его губ.

Дьюни медленно приподнялся и посмотрел вокруг себя. Через некоторое время он заговорил, к нему начали возвращаться силы, и он почувствовал голод. Мальчику дали немного поесть и попить, он снова прилег, не отрывая от незнакомца своих удивленных темных глаз.

Медник сказал незнакомцу:

— Ты необычный человек.

— И этот мальчик тоже не будет обычным человеком, когда вырастет,— ответил тот.— История про туман достигла Ре Альби — город, где я живу. И я пришел сюда, чтобы дать ему имя, если его еще не произвели в мужчины.

Колдунья зашептала меднику:

— Брат, это, наверное, маг Ре Альби, Оджион Молчаливый, тот, что остановил землетрясение.

— Господин,— произнес медник. Казалось, этот громкий титул ничуть не смутил его,— в следующем месяце моему сыну исполнится тринадцать лет, но мы думали произвести его в мужчины зимой, в праздник Возвращения Солнца.

— Пусть он получит имя как можно скорее,— сказал маг.— Оно ему нужно. Теперь я должен идти, у меня много дел. Но я вер-

нусь сюда в тот день, который вы назначите. Если согласитесь, я заберу его с собой. И, если он окажется способным, я его оставлю у себя учеником или же позабочусь о том, чтобы мальчик получил образование, соответствующее его способностям. Нельзя оставлять в потемках разум человека, рожденного, чтобы стать магом. Это опасно. Его способности надо развивать и направлять, иначе он может принести страшный вред себе и людям.

Оджион говорил очень мягко, но уверенно, и даже упрямый медник вынужден был согласиться с его словами.

В тот день, когда мальчику исполнилось тринадцать лет, Оджион вернулся в деревню после странствия по горе Гонт, и состоялась церемония Посвящения. Это был чудесный день ранней осени, когда ветви деревьев еще покрыты яркими листьями. Колдунья забрала у мальчика имя Дьюни, данное ему в младенчестве матерью. Безымянный и обнаженный, он вошел в холодные воды реки Ар в том месте, где она течет среди скал под высокими утесами. Когда мальчик входил в воду, солнечный диск закрыл облака, и их огромные скользящие тени упали на воду вокруг него. Он пошел вброд на другой берег, дрожа от холода, но ступая сквозь эту ледяную и быструю воду медленно и с достоинством, как подобает мужчине. Оджион ждал мальчика на берегу и, когда тот вышел из воды, протянул руку, крепко сжал предплечье и прошептал новое имя: Гед.

Праздник был в полном разгаре, и все селяне веселились. У них было вдоволь еды и пива, а певец из нижней деревни пел балладу «Подвиг Повелителей Демонов». Среди всего этого веселья маг тихо сказал:

— Пойдем, Гед. Попрощайся со своими и пусть веселятся дальше.

Гед принес поклажу: отличный бронзовый нож, выкованный для него отцом, кожаную куртку, которую переделала по его росту вдова дубильщика, и ольховую палку, заговоренную теткой специально для него. Это все, что у него было, кроме рубахи да штанов. Он распрощался со всеми, кого знал, и еще раз взглянул на деревню, на домики, беспорядочно теснившиеся у подножия скал, нависающих над рекой. Затем отправился в путь с новым учителем по крутым склонам острова-горы, через золотой осенний лес, пронизанный лучами и тенями.

2. ТЕНЬ

Сначала Гед считал, что, став учеником великого мага, он немедленно будет посвящен в таинство магии и овладеет этим искусством. Он научится понимать язык животных и листьев лесных деревьев, сможет управлять ветром и принимать любой вид по своему желанию. Может быть, они с учителем превратятся в оленей и умчатся вместе или, став орлами, полетят через горную вершину в Ре Альби.

В действительности все обстояло не так. Сначала они пошли вниз по долине, а затем постепенно повернули на юго-запад, обошли вокруг горы. Устраивались на ночлег в маленьких деревеньках или спали просто под открытым небом, как бродячие колдуны, ремесленники и нищие. В их жизни не было ничего таинственного и вообще никаких событий не происходило. Дубовый посох мага, сначала вызывавший у Геда благоговейный ужас, оказался просто толстой палкой для ходьбы. Прошло три дня, потом четыре, а Оджион не произнес ни единого заклинания и не научил Геда никаким названиям, рунам или чарам.

Он был очень молчалив, но в то же время это был такой мягкий и спокойный человек, что Гед скоро перестал его бояться, а еще через пару дней настолько осмелел, что спросил:

— Учитель, когда же вы начнете меня учить?

— Я уже начал,— сказал Оджион.

Наступила пауза, как будто Гед хотел сказать что-то еще, но никак не мог решиться.

— Но ведь я еще ничему не научился!

— Это оттого, что ты еще не понял, чему я тебя учу,— ответил маг, уверенно шагая по дороге на длинных ногах. Оджион был темноволосым, как большинство гонтийцев, но в его волосах уже пробивалась седина. Худой и сильный, как гончая собака, он никогда не знал усталости. Оджион редко говорил, мало ел и почти не спал. Маг обладал острым зрением и слухом. Казалось, он все время к чему-то прислушивается.

Гед промолчал. Не очень-то легко разговаривать с магом.

— Ты хочешь научиться заклинаниям,— сказал Оджион, продолжая идти.— Но ты и так уже взял слишком много воды из этого колодца. Не торопись. Мужчина должен быть терпелив. А маг — в десять раз терпеливее. Посмотри, что растет около тропинки?

— Бессмертник.

— А это?

— Не знаю.

— Это четырехлистник.— Оджион остановился и указал на маленькое растение медным наконечником посоха. Гед внимательно посмотрел на цветок и сорвал высохшую семенную коробочку. Оджион по-прежнему молчал, тогда Гед спросил:

— А какая от него польза, учитель?

— Понятия не имею.

Они пошли дальше. Гед помял в руках коробочку, потом выбросил.

— Когда ты изучишь корень, листья и цветы растения, сможешь узнавать его во все времена года по виду, запаху и семенам, когда ты поймешь его суть, только тогда тебе откроется его настоящее имя, а суть гораздо важнее, чем польза. В самом деле, какая польза от тебя? Или от меня? Полезна ли гора Гонт или Открытое море?

Они прошли еще с полмили, и наконец Оджион сказал:

— Чтобы услышать, надо молчать.

Мальчик нахмурился. Ему не нравилось чувствовать себя дураком. Он подавил в себе обиду и нетерпение. Он постарается быть послушным, может быть, тогда Оджион согласится научить его чему-нибудь. Он рвался к знаниям, ибо только так мог стать сильным. Он подумал, что приобрел бы больше знаний, путешествуя с любым собирателем трав или деревенским колдуном.

Они обошли гору с запада и оказались в дремучих лесах за Уиссом. Гед все сильнее сомневался в величии и колдовских способностях этого знаменитого мага. Когда лил дождь, Оджион даже ни разу не произнес заклинания, чтобы отвести непогоду, хотя оно хорошо известно любому заклинателю погоды. В краях, где столько колдунов, например на Гонте или Энладе, иногда можно увидеть, как дождевая туча шатается из стороны в сторону, зависая то над одной деревней, то над другой: это заклинания местных колдунов отталкивают ее к соседней деревне. И так продолжается до тех пор, пока она не оказывается над морем и может без всяких помех пролить дождь. Но Оджион не мешал дождю идти всегда и везде.

Сейчас тоже лил дождь. Темнело. Маг нашел густую ель и улегся под ней. Гед скрючился под кустом. С листьев на него капала вода, он промок и совсем упал духом. Непонятно, какой смысл быть волшебником, если ты слишком мудр, чтобы воспользоваться своей властью. Он снова пожалел, что не пошел в ученики к тому старому колдуну из Долины, по крайней мере уж спал бы в сухой постели. Гед не высказал этих мыслей вслух, промолчал. Его учитель улыбнулся и заснул, а дождь все лил и лил.

Ближе к Дню Возвращения Солнца, когда на склонах Гонта выпали первые обильные снега, они пришли в Ре Альби, родной город Оджиона. Он стоит на краю высоких скал Оверфелл, и его название означает «Гнездо сокола». Отсюда далеко внизу можно увидеть глубокую гавань и башни порта Гонт, корабли, входящие и выходящие из гавани между Укрепленными скалами. На западе, в море, едва различимы голубые горы Оранеа, самого восточного из Внутренних островов.

Дом мага, большой и прочный, во всем походил на деревенские дома, только вместо очага в нем красовался камин с трубой. Как и в деревенских домах, здесь была одна комната, а сбоку пристроен сарай для коз. У западной стены дома находилось что-то вроде алькова, где спал Гед. Окно над его койкой выходило на море, но большую часть года ставни приходилось держать закрытыми, потому что зимой постоянно дул суровый северо-западный ветер. В этом теплом и темном доме Гед провел всю зиму. Он слышал шум дождя, свист ветра и тишину снегопада, учился писать и читать Шестьсот Рун на хардийском языке. Учение приносило ему радость. Тем более, он понимал, что если просто запоминать заклинания и магические формулы, не зная рун, то настоящим магом никогда не станешь. В хардийском языке Архипелага не больше волшебной силы, чем в любом другом человеческом языке, но он

происходит от Старого Языка, в котором вещи называются настоящими именами. А понять этот язык можно только с помощью рун, написанных в те времена, когда острова поднялись из моря.

Однако ни чудес, ни волшебства не было. Всю зиму он только и видел, что тяжелые страницы Книги Рун да дождь со снегом за окном и еще Оджиона, когда тот возвращался с долгих прогулок по замерзшему лесу или из сарая, где кормил коз. Оджион стряхивал снег с башмаков и молча садился у огня. Его долгое и чуткое молчание наполняло комнату и занимало мысли Геда. Иногда казалось, что он разучился говорить, и, когда Оджион наконец произносил что-нибудь, было такое впечатление, будто он только что изобрел речь. Однако в его словах не было ничего важного. Они касались простых вещей: хлеба, воды, погоды, сна.

Пришла весна, дружная и солнечная. Оджион часто посылал Геда собирать травы на горных лугах над Ре Альби. Он не торопил мальчика и разрешал ему целыми днями гулять вдоль ручьев, разбухших от ливней, по лесам и по влажным полям, зеленеющим на солнце. Каждая прогулка доставляла Геду огромную радость. Он гулял до позднего вечера, но не забывал и о травах.

Однажды между двумя ручьями он увидел луг, весь усеянный цветами, которые называются белый хэллоу. Эти цветы встречаются редко, и знахари особенно ценят их бутоны. На следующий день он снова пришел сюда. Оказалось, что на лугу он не один — там была девочка. Он знал ее лицо: это была дочь старого правителя Ре Альби. Сам бы он с ней не заговорил, но она подошла к нему и приветливо сказала:

— Я тебя знаю. Ты Ястреб-перепелятник, ученик нашего мага. Мне очень хочется, чтобы ты рассказал мне о колдовстве!

Гед посмотрел на белые цветы, касавшиеся края ее белой юбки. Сначала он смутился, нахмурился, пробормотал в ответ что-то непонятное. Но она продолжала болтать непринужденно, беззаботно и добродушно, и постепенно его смущение прошло. Это была высокая девочка примерно его возраста, очень бледная. В деревне говорили, что ее мать родом из Осскила или еще какого-то заморского края. Длинные прямые волосы падали девочке на плечи черным водопадом. Геду она показалась уродливой, но почему-то ему захотелось сделать ей приятное, вызвать ее восхищение. Она заставила его рассказать, как он «сплел» туман, который помог победить каргских воинов, и слушала рассказ удивленно и восторженно, но не похвалила его, а тут же заговорила о другом:

— Ты можешь позвать к себе зверей и птиц? — спросила она.

— Могу,— ответил Гед.

Он знал, что в скалах над лугом есть гнездо сокола, и позвал птицу волшебным словом. Она прилетела, но не захотела садиться на запястье, явно смущенная присутствием девочки. Она кричала и била по воздуху крыльями, а потом поднялась и улетела, подхваченная порывом ветра.

— А как называется заклинание, которым ты позвал сокола?

— Заклинание Зова.

— А ты можешь вызывать души умерших?

Гед подумал, что она смеется над ним из-за того, что сокол не полностью выполнил его приказание. Нет, он не позволит над собой насмехаться!

— Могу, если захочу,— ответил мальчик спокойно.

— Но ведь это трудно и опасно.

— Да, трудно. Но что здесь опасного? — Он лишь пожал плечами.

На этот раз Гед был почти уверен, что увидел восхищение в ее глазах.

— А ты можешь сделать приворотное зелье?

— Запросто.

— Правда,— сказала она,— это может любая деревенская колдунья. А знаешь ли ты заклинание Превращения? Можешь изменить свою внешность? Говорят, волшебники это умеют.

Опять ему почудилась насмешка в ее вопросе, поэтому он снова ответил:

— Могу, если захочу.

Девочка стала упрашивать его превратиться во что-нибудь: в ястреба, быка, костер, дерево. Он попытался отделаться от нее короткими тайными словами, которым научился у учителя, но она продолжала уговаривать, а грубо оборвать ее Гед не мог. Кроме того, он и сам точно не знал, чего больше в его словах: правды или вымысла. Он ушел, сказал ей, что учитель, маг, ждет его дома, и на следующий день не пошел на луг. Он вернулся туда через день, говоря себе, что надо собрать побольше цветов, пока они еще цветут. Девочка была там, и они вместе ходили босиком по мягкой траве, срывая тяжелые белые цветы. Ярко светило весеннее солнце, и она болтала с ним так, как будто была обыкновенной веселой пастушкой из его родной деревни. Она снова расспрашивала его про колдовство и слушала, широко раскрыв глаза. Ему снова захотелось похвастаться. Потом она попросила произнести заклинание Превращения. Гед отказался. Тогда она посмотрела на него, откинув назад черные волосы, и сказала:

— Ты что, боишься?

— Нет, не боюсь.

Она улыбнулась чуть презрительно и сказала:

— Наверное, ты еще маленький.

Этого он не потерпит! Гед ничего не сказал, но решил про себя, что еще покажет ей, на что способен. Гед велел ей прийти на луг завтра, если хочет, и ушел. Он вернулся домой, когда учителя еще не было, и направился прямо к полке. Там он взял две книги по магии, которые Оджион еще ни разу при нем не открывал.

Гед стал искать заклинание Превращения, но никак не мог найти нужное место, потому что руны читал медленно и мало что понимал в прочитанном. Это были очень старые книги. Оджион

получил их от своего учителя, Хелета Дальновидного, а Хелет в свою очередь от своего учителя, мага Перригала.

История книг терялась в легендах. Буквы были маленькие и необычные. Текст пестрел вставками, заметками между строк. Надписи были сделаны разным почерком, а руки, когда-то написавшие эти слова, давно уже превратились в прах. И все же Геду иногда удавалось кое-что разобрать. Ни на минуту он не мог забыть вопросы девочки и ее насмешки. Он остановился на странице, где было написано заклинание для вызывания душ умерших.

Гед стал читать эту страницу, пытаясь разобрать руны и символы, и вдруг его охватил ужас. Он не мог оторвать глаз от книги, и до тех пор, пока не прочитал заклинание до конца, его глаза были прикованы к странице.

Наконец ему удалось поднять голову, и тогда он увидел, что в доме совсем темно. Оказывается, он читал вообще без света, в полной темноте. Гед снова посмотрел в книгу, но не смог разглядеть руны. Ужас все сильнее сжимал его сердце, ему казалось, что он прирос к стулу. Мальчик похолодел. Обернувшись, он увидел: на полу у закрытой двери что-то шевелится. Это была бесформенная тень, темнее, чем сама темнота. Ему показалось, что она ползет к нему, что-то шепчет и зовет его, но он не мог разобрать слов.

И тут дверь распахнулась. Вошел человек, окруженный белым сиянием, огромная светящаяся фигура. Он произнес какие-то слова, голос был громким, яростным и резким. Шепот прекратился, тьма рассеялась.

Страх отступил, но теперь Геда пугало другое: там, в дверях, охваченный ярким сиянием, со светящимся белым посохом в руке стоял Оджион.

Не говоря ни слова, маг прошел мимо Геда, зажег лампу и убрал книги на полку. Потом он повернулся к мальчику и сказал:

— Ты можешь сказать это заклинание только в том случае, если твоей жизни или волшебной силе будет угрожать опасность. Это его ты искал в книгах?

— Нет, учитель,— еле слышно сказал мальчик и, сгорая со стыда, рассказал Оджиону, что он искал и зачем.

— Ты разве забыл, что я тебе говорил? Ведь мать этой девочки, жена правителя,— колдунья.

Действительно, Оджион когда-то об этом говорил, но Гед не обратил внимания на его слова. Теперь он понял, что Оджион никогда и ничего не говорит зря.

— Девочка и сама уже наполовину ведьма. Может быть, это мать послала ее к тебе. Возможно, именно она открыла книгу на нужной странице. Она и я служим разным силам. Я не знаю, чего она хочет. Знаю только, она не желает мне добра. Гед, послушай меня. Ты никогда не думал, что силу всегда окружает опасность, так же, как тень окружает свет? Колдовство — это не игра, в которую мы играем ради собственного удовольствия или ради

похвалы. Подумай: в нашем искусстве каждое слово говорится и каждое дело делается или в пользу добра, или в пользу зла. Прежде чем что-либо сказать или сделать, ты должен подумать о цене, которую придется заплатить.

Геду было стыдно. Пытаясь оправдаться, он вскричал:

— Откуда мне знать эти вещи, когда вы меня ничему не учите? Сколько я уже живу у вас, а еще ничего не сделал, ничего не видел...

— Но теперь-то ты кое-что увидел,— сказал маг,— около двери, в темноте, когда я вошел.

Гед молчал.

Оджион опустился на колени у камина, сложил поленья и разжег огонь: в доме было холодно. Все еще стоя на коленях, он произнес спокойным голосом:

— Гед, молодой мой ястреб, ты не обязан находиться при мне и постигать мою науку. Не ты ко мне пришел, а я к тебе. Ты слишком молод, чтобы сделать выбор, но я не могу сделать его за тебя. Если хочешь, я отправлю тебя на остров Роук, где учат всем высоким искусствам. Там ты научишься любому виду колдовства, какому захочешь,— сила твоя велика. Надеюсь, она даже больше, чем твоя гордость. Правда, я бы хотел оставить тебя здесь, у себя, потому что могу научить тому, чего тебе не хватает, но я не хочу удерживать тебя против твоей воли. А теперь выбирай: останешься в Ре Альби или поедешь на остров Роук.

Гед пришел в замешательство и не знал, что сказать. Он успел привязаться к этому человеку, который вылечил его одним прикосновением, человеку, наделенному бесконечной добротой. Он полюбил Оджиона, хотя сам до сих пор об этом не догадывался. Мальчик посмотрел на дубовый посох, прислоненный к камину, вспомнил, как он недавно светился, как этот свет прогнал злобную тень. Ему захотелось остаться у Оджиона и подолгу бродить с ним по далеким лесам, научиться его умению молчать. Но обуревали и другие чувства: жажда славы, желание действовать. Дорога к вершинам мастерства, которую предлагал Оджион, казалась долгим и медленным обходным путем, а ведь можно было немедленно сесть на корабль и помчаться, обгоняя ветер, в Дальнее море, к острову Мудрецов, где воздух звенит от заклинаний, а среди удивительных чудес прохаживается сам Верховный Маг.

— Учитель,— сказал он,— я поеду на Роук.

...Несколько дней спустя солнечным весенним утром Оджион провожал Геда. От дома Оджиона до Великого Порта было миль пятнадцать. Дорога круто спускалась вниз. При входе в город стояли резные деревянные ворота в виде драконов.

Стражи города Гонта, увидев мага, приветствовали его, став на колени и обнажив меч. Они знали его и оказывали эту почесть по приказу принца, а также по собственному желанию, так как десять лет тому назад Оджион спас город от землетрясения, которое разрушило бы до основания башни замков. Их обломки завалили бы пролив между Укрепленными скалами. Он обратился

тогда к горе Гонт, успокаивая ее, как успокаивают напуганное животное, и остановил дрожание скал Оверфелла.

Гед уже когда-то слышал об этом, а теперь снова вспомнил, увидев, как вооруженные стражники встают на колени перед его немногословным учителем. С удивлением и даже страхом он поднял глаза на человека, сумевшего остановить землетрясение, но лицо Оджиона было по-прежнему спокойным.

Они спустились к причалам и увидели начальника порта, который уже спешил им навстречу, радостно приветствуя Оджиона. Начальник порта спросил, чем может им помочь. Через несколько минут было показано судно, отбывающее в Дальнее море.

Капитан согласился взять пассажира.

— Или его могут взять на борт, чтобы он звал попутный ветер,— сказал он,— если мальчик, конечно, умеет. У них нет заклинателя погоды.

— Он кое-что понимает в тумане, но в морском ветре ничего не смыслит,— сказал маг и легко дотронулся до плеча Геда.

— Ястреб, не пытайся фокусничать с морем или с ветром, ты пока что сухопутный человек. Как называется судно, капитан?

— «Тень» из порта Андрадес, направляется в город Хорт, везет меха и слоновую кость. Хорошее судно, господин Оджион.

Услышав название судна, Оджион помрачнел:

— Пусть будет так. Ястреб, возьми письмо директору школы на Роуке. Попутного тебе ветра. Прощай.

С этими словами маг повернулся и быстро зашагал прочь от причалов. Гед стоял, смотрел вслед учителю, и было ему очень одиноко.

— Пошли, парень,— сказал начальник порта и повел его к причалу, где готовилась к отплытию «Тень».

Кому-то покажется странным, что человек может родиться в горной деревне на острове шириной всего пятьдесят миль и прожить там всю жизнь, но так и не ступить на борт корабля и даже не намочить палец в соленой воде, хотя он каждый день видит море. Фермер, козопас, пастух, охотник или ремесленник — человек любой сухопутной профессии смотрит на океан как на бурную соленую стихию, которая, однако, не имеет к нему никакого отношения. Даже другая деревня, расположенная в двух днях ходьбы,— это уже чужая страна, а об острове, до которого плыть всего один день, известно только по слухам.

Так и Гед никогда не спускался с горных высот. Поэтому Гонт был для него таинственным и незнакомым местом. Он увидел огромные дома и башни из шлифованного камня, порт с пирсами, доками, бухтами и якорями, где с полсотни кораблей и галер покачивались у причала, или лежали вверх дном на берегу в ожидании ремонта, или стояли на рейде с опущенными парусами и убранными веслами. Моряки что-то кричали на незнакомом языке, а грузчики с тяжелыми тюками ловко передвигались между бочек, ящиков, канатных бухт и штабелей весел. Бородатые купцы в подбитых

мехом плащах чинно беседовали, осторожно ступая по скользким камням причала. Рыбаки выгружали свой улов, бондари колотили по бочкам. Рабочие стучали молотками, торговцы устрицами пели, капитаны покрикивали на матросов, а впереди за всей этой суетой лежал спокойный, залитый солнцем залив. Увиденное ослепило, оглушило и потрясло Геда. Начальник порта привел его в огромный док, где была отшвартована «Тень». Они подошли к капитану.

Начальник порта сказал ему несколько слов, и капитан согласился взять пассажира до острова Роук, поскольку об этом просил сам маг. После этого начальник порта ушел, оставив мальчика с капитаном. Капитан «Тени» был крупным полным мужчиной в красном плаще, подбитом мехом, какие носят купцы Андрадеса. Не глядя на Геда, он спросил его зычным голосом:

— Ты можешь делать погоду, мальчик?

— Могу.

— А ветер вызвать можешь?

Геду пришлось признаться, что этого он не умеет, и тогда капитан велел ему найти себе укромное местечко на корабле и не путаться под ногами.

На борт уже поднимались гребцы, поскольку до наступления темноты корабль должен был стать на рейд, а на рассвете — отправиться в плавание. Укромного места Геду найти не удалось, поэтому он забрался на укрытые шкурами тюки, сложенные на корме судна, улегся и стал наблюдать за тем, что происходит вокруг. На борт запрыгивали гребцы: коренастные мужчины с мощными руками. Грузчики с грохотом выкатывали из дока бочки с пресной водой и устанавливали их под скамейками гребцов. Крепкий корабль осел под тяжелым грузом, слегка покачиваясь в набегающих прибрежных волнах, готовый поднять якорь. Затем рулевой занял свое место справа от ахтерштевня, внимательно глядя на капитана, стоящего на толстой доске на носу. Нос корабля украшала резная фигура Старого Змея Андрада. Капитан громко отдавал приказания. «Тень» отдала швартовы, и две рабочие гребные лодки вывели ее из доков. Тогда капитан крикнул:

— Спустить весла!

С грохотом выскочили весла, по пятнадцать с каждой стороны. Гребцы согнули свои могучие спины, а юнга, стоявший рядом с капитаном, принялся отбивать ритм на барабане.

Плавно, как парящая чайка, корабль вышел из порта, оставив позади шум и суматоху города. Они вошли в спокойные воды залива. Наверху возвышалась белая вершина горы. Казалось, она нависла над морем. Судно бросило якорь с подветренной стороны южной Укрепленной скалы. Здесь им предстояло провести ночь.

Команда судна состояла из семидесяти человек. Некоторые были ровесниками Геда и тоже успели пройти обряд посвящения в мужчины. Ребята пригласили его к столу, поделились ужином. При всей своей грубоватости они были настроены дружелюбно.

За столом царило веселье, не смолкали шутки. Геда они прозвали Козопасом. Это и понятно: ведь он был гонтийцем, но больше они себе ничего не позволяли. Гед был высоким и сильным, как пятнадцатилетний, и живо реагировал и на доброе слово, и на колкое замечание. Он быстро освоился среди них и в первый же вечер влился в их компанию, а на следующий день уже работал наравне со всеми. Это вполне устраивало капитана: на судне не было места для праздных путешественников.

На галере была ужасная теснота. Палуба и трюмы завалены грузами и снастями, поэтому команда ютилась где попало. Об удобствах и говорить не приходилось. Но что такое удобства? В эту ночь Гед лежал между тюками шкур с Северных островов и смотрел на звездное весеннее небо над заливом и на желтые огоньки города за кормой. Он заснул и снова проснулся, радость переполняла его. Незадолго до рассвета начался отлив. Подняли якорь, гребцы принялись за работу, и корабль медленно прошел между Укрепленными скалами. Гора Гонт осталась позади. Когда солнце окрасило ее вершины в красный цвет, подняли верхний парус и судно взяло курс на юго-запад через Гонтийское море.

От Барниска до Торхевена дул легкий попутный ветер, а на второй день плавания они увидели Хавнор, Великий остров, сердце и центр Архипелага. В течение трех дней, пока они шли вдоль восточного побережья Хавнора, им были видны зеленые холмы острова, но к берегу они не приставали. Лишь через много лет Гед ступит на эту землю и увидит белые башни великого порта Хавнора.

Одну ночь они стояли на якоре в Кембермауте, северном порту Дальнего острова, следующую — в порту маленького города при входе в залив Фелкуэй, а затем обогнули северный мыс О и вошли в пролив Эбавнор. Там они спустили паруса и стали грести. По обе стороны была видна земля. Рядом с ними в пределах слышимости все время проходили другие корабли, большие и маленькие, торговые и транспортные. Некоторые из них пришли из Внешних провинций, они уже находились в плавании больше года и везли много разных грузов. Другие как воробьи сновали между островами Дальнего моря. Выйдя из оживленного пролива, они повернули к югу, оставив Хавнор позади, прошли между двумя прекрасными островами Арном и Илиеном с множеством красивых городов и, наконец, взяли курс через Дальнее море на остров Роук.

Ночью ветер усилился, поэтому пришлось спустить паруса, а затем и убрать мачту. Весь следующий день они шли на веслах. Длинный корабль уверенно и смело плыл по волнам, но рулевому на корме приходилось нелегко: он пристально вглядывался вдаль, однако ничего не видел, кроме дождя, хлеставшего по волнам. Они шли на юго-запад по компасу, но не знали, в каких именно водах теперь находятся. Гед слышал, как матросы говорили что-то об отмелях севернее Роука и о скалах Борилес на востоке. Другие считали, что они давно уже сбились с курса и теперь находятся

в пустынных водах к югу от Камери. А ветер все усиливался, он взбивал гребни огромных волн в пену и рвал ее в клочья. Ограничители на веслах укоротили, чтобы хоть немного облегчить работу. Молодых гребцов сажали по двое на весло. Гед и его товарищи сменяли друг друга через полчаса. Волны сильно заливали корабль, поэтому те, кто не греб, вычерпывали воду. Матросы работали изо всех сил, а гигантские волны и ветер норовили сбить их с ног, холодный дождь больно хлестал по спинам. Сквозь рев бури доносился глухой стук барабана, он был похож на биение сердца.

К Геду подошел матрос, чтобы сменить его на веслах, и сказал, что его зовет капитан. Капитан был на носу и, хотя его плащ промок насквозь, стоял уверенно. Посмотрев на Геда сверху вниз, сквозь грохот волн прокричал:

— Парень, ты можешь ослабить этот ветер?

— Нет, господин капитан.

— А с металлом умеешь обращаться?

Он хотел спросить, не может ли Гед заставить стрелку компаса указать путь на Роук, то есть сделать так, чтобы она показывала не на север, а не цель их путешествия. Морские волшебники умеют это делать, но они тщательно оберегают свой секрет. И опять Геду пришлось признаться, что он не сможет помочь.

— Тогда тебе придется искать в Хорте другой корабль, чтобы он отвез тебя на Роук. По-видимому, Роук остался на западе, а по такому морю без колдовства туда не доберешься. Придется плыть на юг.

Гед встревожился: ему не раз приходилось слышать от матросов, что в городе Хорте царят зло и беззаконие, а людей часто хватают на улице и продают в рабство в Южную провинцию. Он вернулся на свое место на скамье гребцов, где работал в паре с крепким андрадским парнем. Он слушал, как отбивает ритм барабан, смотрел, как под порывами ветра подпрыгивает и мерцает лампа на корме, крошечное пятнышко света среди дождя и мрака. Время от времени Гед поглядывал на запад, насколько ему позволял ритм работы. И вдруг, когда корабль поднялся на гребень высокой волны, над темным бушующим морем, между облаками, мелькнул огонек. Сначала он подумал, что это последний луч заката, но огонек был не красный, а белый.

Напарник Геда не увидел огонька, но крикнул рулевому, чтобы тот проверил. Каждый раз, когда корабль поднимался на волнах, рулевой следил, не появится ли он, и тоже заметил его, но решил, что это просто закат. Тогда Гед позвал одного из мальчиков, вычерпывающих воду, и попросил его поработать минуту за него, а сам побежал на нос по узкому проходу между скамьями. Он схватился за канат, чтобы его не смыло волной за борт, и крикнул капитану:

— Господин капитан, вон тот огонек на западе — остров Роук!

— Ничего не вижу,— проревел капитан, но Гед указал рукой на запад, и все ясно увидели над бушующим морем огонек.

Капитан тут же приказал рулевому поворачивать и плыть на огонек. Конечно, он сделал это не ради пассажира, а чтобы вывести корабль из опасного шторма. Геду сказал:

— Парень, ты говоришь, как морской волшебник, но, если ты нас куда-нибудь заведешь, да еще в такую погоду, клянусь, я вышвырну тебя за борт и будешь добираться до Роука вплавь!

До сих пор ветер дул им в спину, теперь же приходилось грести против ветра. Это было нелегко: волны били с траверза, а корабль все время отклонялся к югу. Бортовая качка усилилась; вода заливала палубу, воду приходилось вычерпывать беспрерывно. От гребцов требовалось предельное внимание, так как при сильном крене весла в момент гребка оказывались над водой, и гребцы падали со скамеек. Грозовые тучи сгустились, почти совсем стемнело, но время от времени на западе мелькал огонек. Этого было достаточно, чтобы не сбиться с курса, и они продолжали грести. Наконец ветер немного утих, и они как бы вышли из плотной стены дождя: один удар весла — и шторм остался позади. Они увидели спокойный свет заката, озарявший небо и море. Совсем недалеко за пенящимся гребнем волны виднелся высокий зеленый холм с округлой вершиной, а у его подножия — городок. На берегу небольшого залива стояли на якоре корабли. Вся картина дышала спокойствием.

Рулевой, опираясь на весло, повернулся к капитану и крикнул:

— Господин капитан! Это настоящая земля или волшебный мираж?

— Держи прежний курс, безмозглый чурбан! А вы гребите, жалкие потомки рабов! Это же залив Туил и холм Роук, дураку понятно! Гребите!

Так, под стук барабана, они, собрав последние силы, вошли в залив. Там было затишье, до них доносились голоса людей на берегу, звон колокола, и только вдали слышался рев и свист бури. Черные тучи окружили остров со всех сторон на расстоянии мили. Но над самим Роуком небо было ясным и чистым, и там одна за другой появлялись звезды.

3. ШКОЛА ВОЛШЕБНИКОВ

Ночь Гед провел на борту «Тени», а рано утром попрощался с товарищами по плаванию. Они весело пожелали удачи и еще долго кричали ему вслед.

Туил — небольшой городок, он состоит лишь из нескольких узких улочек, круто поднимающихся в гору. Высокие дома тесно прижимаются друг к другу. Однако Геду он сначала показался большим городом. Мальчик не знал дороги и обратился к первому встречному с вопросом, где можно найти директора школы Роука. Прохожий, прищурившись, посмотрел на него и сказал:

— Умному нет нужды спрашивать, а дурак все равно не поймет,— и зашагал дальше по улице.

Гед пошел в гору и оказался на площади, с трех сторон окруженной домами с островерхими черепичными крышами. С четвертой стороны на площадь выходила глухая стена огромного здания. Только в верхней части стены, над трубами домов, было несколько маленьких окошек. Здание походило на крепость или замок, сложенный из мощных серых глыб. На площади стояли рыночные палатки, между которыми взад-вперед сновали люди. Гед обратился с тем же вопросом к старухе, торговавшей устрицами, и она ответила:

— Директора не всегда можно найти там, где он есть, но иногда он бывает там, где его нет,— и снова стала предлагать покупателям свои устрицы.

У края огромной стены была еле заметная деревянная дверь. Гед подошел к ней и громко постучал. Дверь открыл старик.

— У меня письмо от мага Оджиона к директору школы на вашем острове. Мне надо увидеть директора, и хватит с меня шуток и загадок.

— Это школа,— мягко сказал старик,— а я Привратник. Заходи, если можешь.

Гед шагнул вперед. Ему казалось, что он вошел в дверь, однако на самом деле по-прежнему стоял на мостовой.

Он снова шагнул вперед — и снова остался стоять снаружи. Привратник смотрел на него мягким взглядом.

Гед не столько растерялся, сколько рассердился: он подумал, что это очередная насмешка. Он произнес заклинание Открывания, помогая себе жестами. Этому заклинанию он давно научился у тетки, и оно было лучшим из всего, что знал, и уже неплохо им пользовался. Но заклинания деревенской колдуньи было явно недостаточно, чтобы открыть эту дверь, и сила, запирающая ее, не отступила.

Волшебство не подействовало. Гед ждал довольно долго, затем посмотрел на старика, стоявшего за дверью:

— Я не смогу войти, если вы мне не поможете.

Привратник ответил:

— Скажи свое имя.

Гед снова задумался. Человек может произнести вслух свое настоящее имя только в самом крайнем случае.

— Меня зовут Гед,— громко сказал он, сделал шаг вперед и вошел.

В этот момент ему показалось, хотя солнце светило ему в спину, что за ним по пятам следует тень.

Когда он обернулся и еще раз осмотрел дверь, то обнаружил, что косяк сделан не из простого дерева, как он подумал сначала, а из слоновой кости, без швов и стыков. Позднее он узнал, что косяк вырезан из зуба Великого Дракона. Дверь, которую старик закрыл за ним, была изготовлена из полированного рога и частично пропускала дневной свет. На ее внутренней поверхности вырезано Дерево с Тысячей Листьев.

— Добро пожаловать в наш дом, молодой человек,— сказал Привратник и, не говоря больше ни слова, повел его по залам и коридорам в открытый внутренний двор. Двор был выложен камнем, а в середине зеленел газон. Под молодыми деревьями, в лучах солнца, играл фонтан. Здесь Привратник покинул его. Гед стоял неподвижно, сердце трепетало в его груди. Ему все время казалось, что он находится под воздействием невидимых сил. Ведь для постройки этого здания использовался не только камень, но и колдовство, намного превосходившее по прочности строительный материал. Гед стоял в самом центре Дома Мудрецов, под открытым небом. Вдруг он увидел человека в белом, который наблюдал за ним сквозь падающую воду фонтана.

Их взгляды встретились, и в это мгновение на ветке дерева громко запела птица. Вдруг Геду открылся смысл птичьей песни и шума воды, падающей в бассейн, он постиг значение формы облаков, понял, почему начался ветер и почему он стих. Ему показалось, что сам он — слово, сказанное лучом солнца.

Через минуту это ощущение прошло, и окружающий мир стал таким же, как раньше, или почти таким же. Он пошел навстречу Верховному Магу, опустился перед ним на колени и протянул письмо Оджиона.

Верховный Маг Неммерль, директор школы Роука, был очень стар. Говорили, что он старше любого из живущих. Маг тепло приветствовал Геда. Голос его дрожал, как птичья трель. Волосы, борода и одежда были белыми, как будто с медленным течением лет все темное и тяжелое ушло из него, и он стал белым и хрупким, как кусок дерева, уже сотню лет плывущий по морским волнам.

— Мои глаза слишком стары, я не могу прочесть, что пишет твой учитель,— сказал директор дрожащим голосом.— Прочитай мне письмо, паренек.

Гед стал разбирать и читать вслух письмо, написанное хардийскими рунами. Вот что там было: «Господин Неммерль. Я посылаю вам того, кто станет величайшим волшебником Гонта, при условии попутного ветра».

Письмо было подписано не настоящим именем Оджиона, которое Геду до сих пор не было известно, а рукой Оджиона «Закрытый Рот».

— Тебя прислал тот, кто держит в повиновении землетрясения, поэтому мы вдвойне рады твоему приезду. Молодой Оджион тоже приехал с Гонта и учился здесь. Я был привязан к нему. А теперь, Гед, расскажи мне о своем путешествии.

— Путешествие прошло удачно, господин Верховный Маг, если не считать вчерашнего шторма.

— Какой корабль привез тебя сюда?

— «Тень», торговое судно из Андрадеса.

— По чьей воле ты здесь?

— По собственной.

Верховный Маг посмотрел на Геда, затем отвел глаза и начал говорить на незнакомом языке. Гед не понимал ни слова. Казалось, разум старика блуждал во времени и пространстве. Однако в его бессвязной речи можно было услышать слова из птичьей песни и говор водопада. Это не было заклинанием, и все же в голосе старика была сила, которая потрясла и ошеломила Геда. На секунду ему показалось, что он стоит на огромной незнакомой равнине, один среди теней. При этом он не покидал залитый солнцем двор и не переставал слышать шум фонтана.

Огромная черная птица, осскильский ворон, пришла с каменной террасы, прошагала по траве и остановилась, касаясь края мантии Верховного Мага. Ворон был совершенно черный, с мощным клювом. Его похожие на гальку глазки искоса смотрели на Геда. Он три раза клюнул посох, на который опирался Неммерль. Непонятная речь прекратилась, и старый волшебник улыбнулся.

— Беги играть, мальчик,— Маг говорил так, будто обращался к маленькому ребенку.

Гед снова опустился на одно колено, а когда поднялся, Верховного Мага не было. Только ворон стоял и смотрел на него. Клюв у птицы был вытянут, будто он собирался клюнуть исчезнувший посох.

Ворон заговорил скрипучим голосом и, как решил Гед, на осскильском языке.

— Терренон ассбук! Терренон ассбук оррек! — произнес он и важно зашагал прочь.

Гед тоже направился к выходу, соображая, куда же ему пойти. Под аркой он встретился с высоким юношей, который учтиво его приветствовал, наклонив голову.

— Меня зовут Джаспер. Я сын Энуита, правителя Эолг на острове Хавнор. Сегодня я к вашим услугам. Покажу вам Большой Дом и постараюсь ответить на все вопросы. Как мне вас называть, господин?

Геду почудилась насмешка в словах юноши. Его обращение «господин», «к вашим услугам», а особенно поклон были явно подозрительны. Ведь Гед родился и жил все годы в горной деревеньке, и ему не приходилось встречаться с сыновьями богатых купцов или знатных людей. Поэтому он коротко ответил:

— Меня зовут Ястреб.

Его собеседник помедлил немного, как бы ожидая более вежливого ответа. Не дождавшись, Джаспер выпрямился и слегка повернулся в другую сторону. Он был на два или три года старше Геда, очень высокий, в его движениях чувствовалось сдержанное изящество. Он все время принимал позы, как будто танцевал (по крайней мере так казалось Геду). На Джаспере был серый плащ с откинутым капюшоном. Сначала он привел Геда в раздевалку, чтобы тот мог выбрать по своему размеру такой же плащ и другую одежду, необходимую ученику. Гед выбрал темно-серый плащ, и Джаспер сказал:

— Теперь ты один из нас.

У Джаспера была привычка слегка улыбаться во время разговора, и это заставило Геда искать в его учтивых словах скрытую насмешку.

— А что, разве о волшебнике судят по одежде? — угрюмо спросил Гед.

— Нет,— ответил его собеседник,— но я слышал, что о человеке судят по его манерам. Куда теперь пойдем?

— Куда хочешь. Я здесь никогда не был.

Джаспер повел его по коридорам Большого Дома. Он показал Геду внутренние дворики и залы, комнату книжных полок, где хранились учебники и другие рунические фолианты, большой каминный зал, где в дни праздников собиралась вся школа. Они поднялись на верхний этаж. Там в башнях и маленьких кельях под крышей спали учащиеся и учителя. Келья Геда находилась в Южной башне, из окна были видны островерхие крыши Туила, а за ними — море. В этой келье, как и в других, не было никакой мебели, только в углу лежал соломенный матрас.

— Мы здесь живем очень просто,— сказал Джаспер,— но, я надеюсь, ты не будешь в обиде.

— Я к этому привык,— сказал Гед и тут же добавил, пытаясь разговаривать на равных с этим вежливым и надменным юношей:

— А тебе-то небось такая жизнь была в новинку, когда ты сюда приехал.

Джаспер посмотрел на него, и взгляд его говорил: «Что ты вообще можешь знать о том, к чему привык или не привык я, сын правителя Эолга с острова Хавнор?»

Но вслух он сказал только:

— Пойдем сюда.

Они услышали звук гонга и спустились в трапезную, где за длинным столом обедали сто или больше мальчиков и юношей. Каждый обслуживал себя сам. Мальчики перебрасывались шутками с поварятами. Из огромных дымящихся чанов, стоявших на подоконниках, они наливали пищу в тарелки и усаживались на свободные места.

— Говорят,— сказал Джаспер Геду,— что за этим столом всем всегда хватает места, независимо от того, сколько человек здесь сидит.

Действительно, места хватало всем: многочисленным стайкам мальчиков, уплетающих пищу за шумными разговорами, и их старшим товарищам, одетым в серые плащи с серебряными застежками на шее, которые сидели молча в одиночестве или парами. Лица их были сосредоточены и задумчивы. Казалось, им необходимо о многом поразмыслить. Джаспер усадил Геда рядом с приземистым парнем по имени Ветч, который мало говорил, зато проворно работал ложкой. В его речи чувствовался акцент, характерный для Восточной провинции. У него была очень темная кожа, но не бронзовая, как у Геда, Джаспера и большинства жителей Архипелага,

а скорее шоколадная. Он был некрасив, и его манеры не отличались изысканностью. Закончив обед, он проворчал что-то насчет съеденной пищи, а потом сказал, повернувшись к Геду:

— По крайней мере еда настоящая, а не воображаемая, как многое другое в этом доме. Уж здесь можно набить себе брюхо.

Гед не понял, что он хочет сказать, но почувствовал симпатию к этому мальчику и был рад, когда после обеда тот остался с ними.

Они пошли в город, чтобы показать его Геду. Улиц в Туиле насчитывалось мало и все короткие, но они так причудливо извивались среди домов с островерхими крышами, что немудрено и заблудиться. Это был странный город, и жители его тоже были странные. То есть, как на любом другом острове, здесь жили рыбаки, рабочие и ремесленники, но они настолько привыкли к колдовству, что и сами казались наполовину колдунами. Как скоро узнал Гед, они говорили загадками. Ни один из них и глазом не моргнул бы, увидев, что мальчик превращается в рыбу или дом поднимается в воздух. Они понимали: это проделка какого-нибудь ученика, и спокойно продолжали заниматься своим делом — чинить обувь или резать баранину.

Минуя черный ход и свернув через сады Большого Дома к реке, мальчики перешли по деревянному мостику чистый и прозрачный Туилберн и направились к северу через леса и пастбища. Тропинка, извиваясь, шла вверх, мимо дубовых рощ, хранивших густую тень, несмотря на яркое солнце. Слева была одна роща, которую Гед никак не мог толком разглядеть. Все время казалось, что тропинка ведет к роще, но на самом деле близко она не подходила. Он даже не мог разобрать, какие деревья там растут. Ветч заметил его внимательный взгляд:

— Это Вечная Роща. Нам нельзя туда ходить, пока...

На пастбищах под жарким солнцем цвели желтые цветы.

— Жарки,— сказал Джаспер.— Они растут в тех местах, где ветер обронил пепел горящего Илиена, когда Эррет-Акбе защищал Внутренние острова от огнедышащего дракона.

Он дунул на высохшую коробочку, и взлетевшие семена сверкнули на солнце огненными искрами.

Тропинка привела их к огромному круглому холму, поросшему травой. Этот холм Гед заметил с корабля, когда они вошли в заговоренные воды острова Роук. Джаспер остановился:

— Дома на Хавноре я много слышал о гонтийских волшебниках, поэтому мне давно хотелось увидеть их искусство. Среди нас есть гонтиец, а стоим мы на склоне холма Роук, основание которого соединяется с центром земли. Все заклинания особенно сильны здесь. Покажи нам какой-нибудь фокус, Ястреб. Покажи, на что ты способен.

Слова Джаспера застигли Геда врасплох. Он смутился и ничего не ответил.

— Потом, Джаспер,— просто сказал Ветч.— Дай ему немного освоиться.

— Одно из двух: или у него великолепные способности, или он уже прошел хорошую школу, иначе Привратник не впустил бы его. Не все ли равно, когда он покажет мастерство, сейчас или потом? Правда, Ястреб?

— У меня есть и подготовка, и способности,— ответил Гед.— А что бы ты хотел увидеть?

— Миражи, конечно, фокусы, оптические обманы. Ну хотя бы вот такой!

Джаспер указал пальцем на склон холма и произнес несколько непонятных слов. И вдруг в этом месте зажурчала тонкая струйка воды. Она стала расти, и вот уже среди травы забил ключ и побежал вниз ручей. Гед опустил в ручей руку, и рука его стала мокрой, глотнул воды и почувствовал ее прохладу. Однако вода не утоляла жажды, это был просто фокус. Джаспер произнес еще одно слово, и ручей исчез, а трава быстро высохла на солнце.

— Теперь ты, Ветч,— сказал он с холодной улыбкой.

Ветч почесал затылок и нахмурился, но все-таки поднял комок земли и, держа его в руке, начал монотонно напевать. Одновременно он мял его темными пальцами, сжимал, лепил и поглаживал. И вдруг комочек превратился в живое существо наподобие шмеля или мохнатой мухи и с жужжанием улетел за холм Роук.

Гед стоял, широко раскрыв глаза. Он был потрясен. Что он знал, кроме самого обычного деревенского колдовства? Коз собирать, бородавки лечить, передвигать тяжести да чинить горшки — вот и все.

— Я таких фокусов не знаю,— сказал он.

Ветч кивнул и предложил идти дальше, но Джаспер спросил:

— Почему?

— Колдовство — не игра. Мы, гонтийцы, не занимаемся колдовством ради забавы или похвальбы,— гордо сказал Гед.

— А для чего тогда? Может быть, ради денег?

— Нет!..— Он не мог придумать слов, чтобы скрыть свое невежество и при этом не уронить достоинства. Джаспер засмеялся, но беззлобно, и пошел вперед. Гед и Ветч последовали за ним. Гед обиделся и надулся. Он знал, что вел себя как дурак, но винил в этом Джаспера.

Наступила ночь. Он лежал на матрасе, завернувшись в плащ, в своей холодной и темной каменной келье. В Большом Доме Роука царила тишина. Этот чужой дом казался Геду зловещим, особенно когда он начинал думать о колдовских чарах и заклинаниях, витающих в нем. Вокруг было так темно, что его сердце сжалось от страха. Он готов был убежать отсюда куда угодно. Но тут в дверях появился Ветч. Дорогу ему освещал маленький голубой шарик, горевший у него над головой. Ветч попросил разрешения войти. Они долго рассказывали друг другу о себе. Ветч расспросил Геда о Гонте, а затем рассказал ему об островах в Восточной провинции. Ветч с любовью говорил о том, как по вечерам дым деревенских очагов тянется от одного острова к другому, а названия у этих мел-

ких островов очень смешные: Корп, Копп и Холп, Венуэй и Вемиш, Иффиш, Коппиш и Снег. Он пальцем нарисовал на каменном полу очертания островов, чтобы Гед понял их расположение. Рисунок Ветча некоторое время светился серебристым светом, а потом погас. Ветч учился в школе уже три года, и его скоро должны были произвести в волшебники. В вопросах колдовства он чувствовал себя как рыба в воде. Природа наделила его и более ценным даром — добротой. В эту ночь он предложил Геду свою дружбу.

Однако Ветч был дружен и с Джаспером, который выставил Геда дураком на холме Роук. Гед не забыл этого, похоже, помнил и Джаспер. Он всегда разговаривал с Гедом вежливо, но в его улыбке явно сквозила насмешка. Гордость Геда не допускала пренебрежительного или снисходительного отношения. Он поклялся, что когда-нибудь докажет Джасперу и его товарищам, на что способен. Ведь, несмотря на ловкие фокусы, ни одному из них не доводилось спасать деревню при помощи волшебства. И ни о ком из них не писал Оджион, что он станет самым великим волшебником Гонта.

Итак, поборов в себе гордость, Гед с головой ушел в учебу: старательно учил уроки, овладевал колдовскими науками, изучал историю колдовства. Учителями его были магистры Роука. Они всегда одевались в серые плащи и их называли Девяткой.

Часть дня он занимался с Магистром Поэзии, изучая Подвиги героев и Баллады мудрости, начиная с самой старой, «Создание Эа». Затем с дюжиной других ребят овладевал искусством управления ветром и погодой под руководством Магистра Ветра. В ясную погоду весной и в начале лета они проводили целые дни на учебных кораблях в заливе Роук. Учились управлять лодкой, усмирять волны и вызывать ветер при помощи заклинаний. Все это требует большого труда. Нередко Гед получал удар гиком по голове при внезапной смене направления ветра, или его лодка сталкивалась с другой, хотя было вполне достаточно места, чтобы благополучно разойтись. А иногда экипаж вдруг смывало за борт огромной волной. Были у них и более спокойные занятия, например прогулки по берегу с Магистром-Травником, обучавшим их свойствам и особенностям растений. А Магистр-Фокусник учил ребят различным фокусам, а также искусству малых Превращений.

Гед преуспел во всех этих науках и через месяц уже обогнал ребят, занимавшихся целый год. Особенно легко ему давались оптические фокусы. Казалось, он знает их с рождения, и надо ему их только напомнить. Магистр-Фокусник, добрый и веселый старик, обожал свои умные и красивые фокусы. Гед перестал его бояться и стал расспрашивать про разные заклинания. Магистр всегда охотно показывал Геду то, что он просил. Но однажды, сгорая от желания наконец утереть нос Джасперу, Гед обратился к Магистру-Фокуснику в зале иллюзий:

— Господин Магистр, все эти заклинания похожи одно на другое, достаточно выучить одно, и ты уже знаешь все. Как только

заканчивается заклинание, мираж исчезает. Например, я превращаю простой камешек в алмаз,— он взял камешек, сказал волшебное слово и взмахнул рукой.— Что мне делать, чтобы алмаз остался алмазом? Как продлить действие заклинания?

Магистр-Фокусник посмотрел на алмаз, ярко сверкавший на ладони Геда, как трофей из сокровищ дракона. Старый магистр тихо произнес одно слово:

— Толк,— и опять появился камешек, шершавый серый осколок, а алмаз исчез. Магистр взял его и положил на ладонь.— На Истинном языке «камень» будет «Толк»,— сказал он, глядя на Геда добрыми глазами.— Кусочек каменной плиты, составляющей Роук, мельчайшая частичка суши, на которой живут люди. Камень есть камень. Это частичка Вселенной. При помощи заклинания Превращения ты можешь заставить его изменить свой вид. Он превратится в алмаз или цветок, муху, глаз или огонек...

Камешек изменял вид по мере того, как Магистр давал ему различные названия, и, наконец, снова стал самим собой.

— Но все это кажущиеся изменения. Оптические фокусы обманывают наши органы чувств. Они заставляют нас видеть, слышать и чувствовать изменившийся предмет, но не меняют самого предмета. Чтобы превратить камень в алмаз, ты должен изменить его настоящее название. Но, сын мой, чтобы это произошло даже с такой маленькой частицей Вселенной, необходимо изменить весь мир. Да, ты сможешь многого добиться. Этому искусству тебя научит Магистр Превращений, когда будешь вполне подготовлен.

Но ты не должен изменять ни одного предмета, ни одного камешка, ни одной песчинки, пока не узнаешь наверняка всех последствий своих действий, хороших и плохих. Вселенная находится в равновесии. Волшебник, обладающий способностью Превращения и Создания, может нарушить раановесие Вселенной. Эта сила опасна, очень опасна. Ее применение требует больших знаний. Ею можно пользоваться только в случае крайней необходимости. Ведь зажженная свеча отбрасывает тень...

Он снова посмотрел на камешек.

— Между прочим, камешек тоже неплохая вещь,— теперь он говорил менее серьезно.— Если бы острова нашего Архипелага были сделаны из алмазов, нелегко бы нам пришлось. Занимайся фокусами, Гед, и пусть камни остаются камнями.

Он улыбнулся, но Гед был разочарован. Только попробуй выведать у мага его тайны, как он заведет разговор о равновесии, опасности и тьме. Ведь настоящий волшебник, который умеет показывать не только фокусы, а в совершенстве владеет искусством Создания и Превращения, достаточно силен, чтобы сделать то, что захочет: уравновешивать Вселенную по своему усмотрению, прогонять тьму светом.

В коридоре он повстречал Джаспера. С тех пор, как Геда стали хвалить в школе за его успехи, Джаспер изменил тактику. Каза-

лось, он говорит с Гедом более приветливо, но в действительности его слова стали еще язвительнее. На этот раз он сказал:

— Ты печален, Ястреб. Что, фокусы не выходят?

Гед всегда стремился разговаривать с Джаспером на равных. Поэтому он сделал вид, что не заметил его иронического тона.

— Надоели мне фокусы,— сказал он.— Они годятся только для того, чтобы развлекать правителей в их замках. Единственное стоящее дело, которому меня научили на Роуке,— зажигание волшебного света и изменение погоды. Все остальное — ерунда.

— Даже глупость опасна в руках дурака,— ответил Джаспер.

При этих словах Гед резко повернулся, словно его ударили по лицу, и шагнул к Джасперу. Но тот улыбнулся, как будто у него и в мыслях не было кого-либо обижать, вежливо и грациозно наклонил голову и пошел себе дальше.

Гед остался на месте вне себя от злости. Глядя вслед Джасперу, он поклялся себе превзойти соперника, и не в каких-нибудь там фокусах, а помериться силой по-настоящему. Он обязательно проучит Джаспера как следует. Он не позволит этому элегантному, надменному, ненавистному нахалу смотреть на себя сверху вниз.

Гед никогда не задумывался, почему Джаспер ненавидит его. Он только знал, почему сам ненавидит Джаспера. Остальные ученики скоро поняли, что не могут тягаться с Гедом ни в шутку, ни всерьез. Некоторые хвалили его, другие завидовали, но все говорили о нем:

— Он прирожденный волшебник, его невозможно победить.

Только Джаспер не хвалил его, но и не избегал, а лишь смотрел на него иронично. Поэтому Гед считал Джаспера единственным соперником и мечтал поставить его на место.

Он не видел или не хотел видеть, что это соперничество, порожденное его гордыней, таит в себе опасность и связано с теми темными силами, о которых тактично предостерегал Магистр-Фокусник.

Гед понимал, если его только не ослепляла ярость, что пока не может состязаться ни с Джаспером, ни с другими старшими ребятами. Поэтому он продолжал настойчиво заниматься.

К концу лета занятия стали менее напряженными, у учащихся появилось больше времени для спорта. Проводились состязания заговоренных лодок в бухте, турниры фокусников в залах Большого Дома, а долгими вечерами ребята играли в роще в прятки. В этих увлекательных играх не было видно ни водящих, ни прячущихся, только крики и смех слышались среди деревьев,да мелькали быстрые, легкие и верткие волшебные огоньки. А когда пришла осень, ученики снова засели за книги, осваивая новые колдовские науки.

Поэтому первые месяцы пребывания Геда на Роуке были наполнены чудесами и приключениями и промчались как миг.

Зимой все было иначе. Гед и семеро его товарищей получили задание отправиться на другой конец острова Роук, на Северный мыс, где стоит Одинокая башня. Там в полном одиночестве жил

Магистр Географии. Имя Магистра ничего не означало ни на одном из известных языков: звали его Курремкармеррук. На целые мили вокруг башни не было ни единой фермы. Она мрачно возвышалась над северными утесами. Над морем плыли низкие зимние облака, а списки, группы и классы географических названий, которые предстояло выучить восьми ученикам Магистра-Географа, были бесконечными. Курремкармеррук сидел среди своих учеников на стуле с высокой спинкой в большом зале башни и писал список названий, которые они должны были выучить до полуночи, так как к этому времени чернила испарялись, и пергамент снова становился чистым. В полутемном зале всегда было холодно и тихо. Слышались только скрип пера Магистра и вздохи учеников, которые до наступления полуночи должны были выучить названия каждого мыса, вершины, залива, бухты, фьорда, гавани, отмели, рифа и скалы на берегах Лоссоу, маленького острова в Пелнийском море. Если ученик жаловался, Магистр иногда ничего не говорил, а только удлинял список, а иногда высказывался следующим образом:

— Тот, кто хочет быть морским волшебником, должен знать настоящее название каждой капли воды в море.

Гед порой тяжело вздыхал, но не жаловался. Он понимал, что настоящее название любого места, предмета или живого существа, усвоенное в результате бесконечного и утомительного повторения, подобно жемчужине, лежащей на дне колодца. Ведь колдовство как раз и заключается в том, чтобы назвать предмет его настоящим именем. Об этом говорил Курремкармеррук в первый вечер; больше он ни разу не возвращался к сказанному.

— Многие великие маги,— сказал учитель,— потратили целую жизнь на то, чтобы выяснить название одного-единственного предмета — одно-единственное утраченное или скрытое имя. И все же списки не окончены. Вновь найденные названия будут добавляться, пока есть жизнь на Архипелаге. Послушайте, и вы поймете, почему. И в царстве жизни, и в царстве смерти есть вещи, не имеющие ничего общего с человеком и с человеческой речью, и есть силы, превосходящие наши. Но настоящим волшебником может быть только тот, кто говорит на хардийском языке Архипелага или на Древнем Языке, из которого происходит хардийский.

На этом языке говорят драконы, говорил Сегой, тот, кто создал Архипелаг, это язык наших баллад и песен, заклинаний, заговоров и чар. Его слова в измененном виде скрываются среди наших хардийских слов. Мы называем пену морских волн словом «сукиен». Оно состоит из двух слов Старого Языка: «сук»— перо и «иниен»— море. Морские перья — это и есть пена. Но нельзя заколдовать пену, назвав ее словом «сукиен», для этого необходимо использовать ее настоящее название в Древнем Языке, которое звучит как «есса». Любая колдунья знает несколько таких слов на Древнем Языке, а магу известно их множество. Но в действительности слов гораздо больше: одни были утрачены на протяжении веков, другие скрыты от нас, третьи известны только драконам

и Старым Властителям Земли, а есть слова, которые не знает никто. Ни один человек не может выучить все слова, так как язык бесконечен.

Вот в чем суть. Название моря — «иниен». Очень хорошо. Но то, что мы называем Дальним морем, также имеет свое название в Древнем Языке. И поскольку ни один предмет не может иметь два настоящих имени, «иниен» может означать только «все моря, кроме Дальнего моря». Но даже это не совсем точно, так как существует множество морей, заливов и проливов, имеющих собственные названия. Поэтому если бы какому-нибудь морскому волшебнику взбрело в голову вызвать шторм или штиль во всем мировом океане, он должен был бы произнести в своем заклинании не только слово «иниен», но и название любой, даже самой маленькой части моря вокруг всего Архипелага, всех Внешних провинций и тех мест, где уже нет названий. К счастью, тот, кто дает нам силу колдовать, одновременно ограничивает эту силу. Маг может управлять только теми вещами, которые находятся рядом, и он может назвать их точно и полно. И это хорошо. В противном случае злоба великих мира сего или причуды мудрецов давно бы уже изменили то, чего менять нельзя, и Равновесие было бы нарушено. Взбунтовавшееся море затопило бы наши хрупкие острова, и все голоса и названия утонули бы в вечном молчании.

Гед долго думал о словах Магистра. Они глубоко взволновали его. Он понимал, что перед ним стоит великая задача, но от этого работа не становилась менее трудной и скучной. Время тянулось медленно. В конце года Курремкармеррук сказал ему:

— Ты положил хорошее начало своему делу.

И больше ничего. Волшебники всегда говорят правду. И действительно, вся эта сложная работа с географическими названиями в течение целого года была не более чем началом. Имена и названия предстояло искать самому всю жизнь. Геда отпустили из Одинокой башни раньше, чем его товарищей, потому что он учился быстрее их. Это было его единственной наградой за успехи в учебе.

В начале зимы Гед отправился в обратный путь. Пустынная дорога вела на юг. К вечеру пошел дождь. Мальчик не стал говорить заклинания, чтобы отвести тучи, так как погодой на Роуке заведовал Магистр Ветра, и больше никому не разрешалось соваться в это дело. Он укрылся под большим деревом, лег, завернувшись в плащ, и невольно вспомнил учителя Оджиона, который, возможно, еще не вернулся из осеннего путешествия по гонтийским высотам. Наверное, Оджион тоже спал в лесу, голые ветви деревьев служили ему крышей, а падающий дождь заменял стены дома. Эта мысль заставила Геда улыбнуться — воспоминания об Оджионе всегда согревали его.

Он заснул в холодном и темном лесу, под шепот дождя, но на сердце было легко. Проснувшись на рассвете, Гед поднял голову: дождь прекратился. И тут он заметил в складках своего плаща

маленького зверька, который спрятался там от холода и теперь спал, свернувшись клубочком. Он очень удивился — ведь отаки очень необычные и редкие животные.

Они встречаются только на четырех южных островах Архипелага: Роуке, Энсмере, Поуди и Уотхорте. Зверьки маленькие, с темной или полосатой блестящей шерстью и огромными лучистыми глазами. У них свирепый характер и острые зубки — поэтому дома их не держат. Они не умеют ни кричать, ни пищать — у них вообще нет голоса. Гед погладил зверька, тот проснулся и зевнул, показав маленький коричневый язычок и белые зубки, но не испугался мальчика.

— Отак,— позвал Гед,— но потом вспомнил, как зубрил в башне названия животных, и назвал зверька его настоящим именем на Древнем Языке:

— Хоег! Хочешь пойти со мной?

Отак уселся к нему на ладонь и начал вылизывать шерстку.

Гед посадил зверька на плечо в складки капюшона, так он и путешествовал. Несколько раз в течение дня отак спрыгивал и бросался в лес, но каждый раз возвращался. Однажды он принес в зубах лесную мышь. Гед засмеялся и велел съесть самому, объяснив, что он постится по случаю праздника Возвращения Солнца и не может принять подарок.

До школы добрались лишь к вечеру. Проходя мимо холма Роук, Гед увидел, как над крышей Большого Дома в струях дождя играют яркие волшебные огни. Он вошел в зал, где жарко пылали камины. Учителя и однокашники радостно приветствовали его.

Гед чувствовал себя так, как будто вернулся домой, хотя у него вообще не было дома, куда бы мог вернуться. Он был счастлив увидеть всех, но больше всего обрадовался Ветчу. На темном лице Ветча сияла широкая улыбка. Только теперь Гед понял, как ему не хватало друга. Ветч уже не был учеником: прошлой осенью его произвели в колдуны *, но это никак не повлияло на их дружбу. Они стали взахлеб рассказывать друг другу новости. Геду казалось, что за час беседы с Ветчем он сказал больше, чем в Одинокой башне за целый год.

Сели обедать за длинные столы, по-праздничному накрытые в каминном зале по случаю Дня Возвращения Солнца. Все это время отак по-прежнему сидел у Геда на плече, спрятавшись в складке капюшона. Ветч не переставал удивляться маленькому существу. Он положил на него руку и хотел погладить, но отак оскалил острые зубки. Ветч засмеялся:

— Ястреб, как говорят, с человеком, которого любят дикие звери, разговаривают человеческим голосом даже Древние Духи камня и воды.

---

* **Ученики** школы волшебников на Роуке после 2—3 лет учебы производились в **колдуны**. А по окончании школы те, кто выдержал испытание, становились **волшебниками** и получали в подтверждение этого посох.

— Я слышал, гонтийские волшебники часто держат домашних животных,— сказал Джаспер, сидевший по другую сторону от Ветча.— У нашего господина Неммерля есть ворон, а Красный Маг Арка, если верить песням, водил дикого вепря на золотой цепи. Но чтобы волшебник держал крысу в капюшоне — такого, по-моему, еще не было!

Все засмеялись, и Гед тоже. Это был настоящий праздник, и он с радостью участвовал в общем веселье. Но шутка Джаспера заставила Геда стиснуть зубы.

В этот вечер в школе был гость, правитель О, самый известный колдун. Когда-то он был учеником Верховного Мага и иногда приезжал на Роук во время Зимнего Праздника или Летних Хороводов. С ним была его молодая жена, стройная, улыбающаяся и сияющая. Ее черные волосы были украшены опалами. Женщины редко появлялись в залах Большого Дома, и некоторые из старых учителей неодобрительно косились на нее. Но молодые люди глядели с восхищением.

— Ради такой женщины,— сказал Ветч Геду,— я бы не поленился произнести любые заклинания.

Тот вздохнул и рассмеялся:

— Она всего лишь женщина.

— Принцесса Эльфарран тоже была лишь женщиной,— возразил Ветч, но из-за нее разрушен весь Энланд и погиб Маг-Рыцарь Хавнора, а остров Солеа погрузился в море.

— Старые сказки,— промолвил Гед,— но потом сам невольно залюбовался леди О и сравнивал ее с теми роковыми красавицами, о которых рассказывали старые легенды.

Магистр Пения спел балладу «Подвиг молодого короля», затем все вместе запели Зимний Гимн. Перед тем, как пирующие поднялись из-за столов, возникла небольшая пауза. Джаспер встал и подошел к столу около камина, за которым сидел Верховный Маг, гости и учителя, и обратился к леди О. Джаспер был уже не мальчик, а молодой человек, высокий и красивый. Его плащ застегивался на шее серебряной пряжкой, которая указывала на то, что он произведен в колдуны. Дама улыбнулась его словам, и опалы блеснули в ее черных волосах. Затем, получив согласие магистров, Джаспер произнес заклинание и вызвал мираж в ее честь.

На каменном полу выросло белое дерево. Его ветви касались потолочных балок зала, на каждой веточке сияло золотое яблоко, напоминающее солнце. Это было Дерево-Календарь. Вдруг с ветки вспорхнула птичка, она была вся беленькая, а ее хвостик напоминал хоровод снежинок. Золотые яблоки потускнели и превратились в семена в виде хрустальных капель. Они стали падать с дерева, позванивая, как дождевые капли, а в воздухе сразу повеяло приятной свежестью. Дерево закачалось, на нем выросли листья, светящиеся розовым огнем, и белые цветы, похожие на звезды. Видение растаяло. Леди О вскрикнула от восторга и склонила сияющую

головку к плечу юного мага в знак признательности за чудесное представление.

— Поехали с нами, поживете у нас в О-токне. Нельзя ли ему поехать с нами, мой господин? — по-детски упрашивала она сурового мужа.

Но Джаспер скромно сказал:

— Моя госпожа, когда я приобрету знания, удовлетворяющие моих учителей и достойные вашей похвалы, с радостью приеду и для меня будет счастьем служить вам.

Так Джаспер угодил всем, кроме Геда. Гед присоединился к похвалам, но в глубине души затаил обиду.

— Я бы мог и получше,— говорил он про себя, сгорая от зависти. Весь праздничный вечер был для него испорчен.

4. ТЕНЬ ВЫРЫВАЕТСЯ НА СВОБОДУ

Этой весной Гед редко виделся с Ветчем и Джаспером. Они уже были произведены в колдуны и поэтому занимались с Магистром Правил в тиши Вечной Рощи, куда ученикам ходить не разрешалось. Гед жил и учился в Большом Доме, овладевая всеми колдовскими науками. Как и его товарищи, он мог вызвать ветер, изменить погоду, найти спрятанную вещь и заговорить ее. Он постигал искусство заклинателей и чародеев, предсказателей судьбы, бардов, знахарей и травников. Ночью в тишине кельи и при свете свечи или волшебного огонька, заменявшего ему лампу, он изучал усложненный курс Рун и Руны Эа, которые используются в Великих Заклинаниях.

Все эти науки давались ему легко, и среди учеников ходили слухи, будто тот или иной учитель назвал гонтийского паренька самым способным из всех учеников, когда-либо учившихся на Роуке. Кроме того, ходили легенды и про отака. Рассказывали, что в нем будто бы скрывается дух, который нашептывает на ухо Геду мудрые мысли. Поговаривали даже, что, когда Гед приехал на Роук, ворон Верховного Мага приветствовал его как «будущего Верховного Мага».

Неизвестно, все ли верили этим историям и всем ли был по душе Гед, но большинство его товарищей им восхищалось. Ребята с радостью бежали за ним, когда в свободную минуту долгим весенним вечером он затевал какую-нибудь игру. Правда, такое случалось нечасто. По большей части Гед был занят работой, а из-за крутого и гордого нрава держался обособленно. Ветч целыми днями пропадал в Роще, а других друзей у Геда не было. Он нуждался в друге, хотя сам этого не понимал.

Геду исполнилось пятнадцать лет. Он был еще слишком молод, чтобы учиться Высшему Искусству волшебника или мага, имеющего право носить посох. Но он так быстро овладевал искусством оптических фокусов, что Магистр Превращений, сам еще молодой

человек, вскоре начал заниматься с ним дополнительно и обучать его настоящим заклинаниям Превращения. Он объяснял, как можно превратить один предмет в другой, и что надо на время действия заклинания дать предмету другое название. Он рассказывал Геду, как это влияет на названия и свойства вещей, окружающих заколдованную вещь. Магистр предупреждал Геда об опасностях, связанных с превращениями, особенно когда волшебник изменяет внешность и может попасть в сети собственных заклинаний. Постепенно, обрадованный сообразительностью мальчика, молодой учитель потихоньку перешел от простых рассказов об этих таинствах к обучению Великим Заклинаниям, а также дал Геду читать Книгу Превращений. Магистр совершил неосмотрительный поступок без ведома Верховного Мага. Он и предположить не мог, какие последствия это может за собой повлечь.

Гед также учился у Магистра по Вызыванию Духов, пожилого и строгого. Преподаваемая им дисциплина явно ожесточила его характер. Он занимался не миражами, а настоящим колдовством. Магистр вызывал такие силы, как свет, тепло, магнетизм. Эти силы воспринимаются человеком как вес, форма, цвет, звук. Волшебники черпали силы из бесконечных запасов энергии Вселенной, их не могли израсходовать или нарушить никакие заклинания и действия человека. Его ученики умели заговаривать ветер и воду, как это делают заклинатели погоды и морские волшебники. Но он также объяснял им, что настоящие волшебники пользуются такими заклинаниями только в случае необходимости. Напрасное использование сил Земли, частью которой они являются, непременно изменит саму Землю.

— Дождь на Роуке может вызвать засуху на Осскиле,— говорил учитель,— а штиль в Восточном море может быть получен ценой шторма и разрушений на западе, если вы плохо разбираетесь в том, зачем это нужно делать.

Что касается появления реально существующих вещей и живых людей, а также вызывания духов умерших и обращения к Невидимому, то они являются вершиной искусства заклинателя, но об этом учитель почти не говорил. Как-то раз Гед пытался подвести его к разговору об этих тайнах, но Магистр хранил молчание, глядя на Геда долгим и серьезным взглядом. Тогда Гед смутился и замолчал.

В самом деле, ему порой бывало не по себе, когда он произносил даже малые заклинания, которым научил Магистр. Некоторые руны на отдельных страницах учебника казались ему знакомыми, хотя он не помнил, где видел их раньше. В заклинаниях по Вызыванию Духов было несколько выражений, которые вызывали у него неприятные воспоминания. Вдруг в памяти всплыла темная комната, закрытая дверь и тень, ползущая из угла. Он поспешил отогнать эти мысли и продолжал читать. Он говорил себе, что необъяснимый страх вызван лишь его собственной темнотой и невежеством. Чем больше он будет учиться, тем меньше будет бояться,

а когда станет настоящим волшебником, вообще забудет чувство страха.

В середине лета все учащиеся снова собрались в Большом Доме на праздник Лунной Ночи, который в этом году совпал с Длинным Хороводом. Такое случалось только один раз в пятьдесят два года. Праздник продолжался две ночи. В первую, самую короткую ночь полнолуния в году в полях заиграли флейты, на узких улочках Туила загорелись факелы и загудели барабаны. Над залитым лунным светом заливом Роук полилась песня. На рассвете барды Роука запели длинную балладу «Подвиг Эррета-Акбе».

В ней говорилось о том, как были построены белые башни Хавнора, как Эррет-Акбе отправился в путешествие со Старого острова Эа по Архипелагу и провинциям, как, наконец, в Западной провинции на краю Открытого моря он повстречал дракона Орма. Баллада рассказывала, что кости Эррета-Акбе и его разбитые доспехи лежат рядом с костями дракона на пустынном берегу Селидора, но его меч, прикрепленный к шпилю самой высокой башни Хавнора, на рассвете по-прежнему вспыхивает красным светом и виден с Дальнего моря.

После баллады начался Длинный Хоровод. Горожане, магистры, ученики и фермеры, мужчины и женщины — все танцевали в теплых сумерках на пыльных дорогах Роука и на морском берегу под бой барабанов и звуки флейт и дудок. Люди плясали в ярком свете полной луны, и музыка сливалась с шумом прибоя. Когда небо на востоке осветилось, все отправились по домам, барабаны смолкли, только слышался мягкий звук флейт. Праздник проходил на всех островах Архипелага, танец и музыка объединяли людей, разделенных морем.

После Длинного Хоровода жители целый день отсыпались, а вечером снова собрались вместе, чтобы продолжить веселье за праздничным столом. В одном из внутренних двориков Большого Дома расположилась группа юношей, среди которых были колдуны и ученики. Они устроили ужин на свежем воздухе. Там были Ветч, Джаспер, Гед, еще шесть-семь их товарищей и несколько ребят, ненадолго отпущенных на праздник из Одинокой башни. Они привели с собой даже Курремкармеррука.

Все ели, смеялись и развлекались фокусами, которые вполне могли быть достойны королевского дворца. Один мальчик осветил дворик сотней волшебных звезд, сверкавших как алмазы, и эта гирлянда медленно раскачивалась между ними и настоящими звездами. Двое других ребят играли в кегли мячами из зеленого пламени, а сами кегли при приближении мячей подскакивали в воздух и отпрыгивали в сторону.

Ветч ел жареных цыплят, сидя по-турецки в воздухе. Один из младших ребят попытался стащить его на землю, но Ветч поднялся чуть выше, где до него нельзя было дотянуться, и продолжал сидеть в воздухе с довольной улыбкой на лице. Время от времени он бросал

в сторону куриные кости, которые превращались в сов, и, ухая, летали между волшебными звездами.

Гед превращал хлебные крошки в стрелы и подбивал ими сов. Когда совы касались земли, они снова становились костями, а стрелы — крошками и фокус заканчивался. Гед попытался сесть на воздух, как Ветч, но он не знал нужного волшебного слова и, чтобы удержаться в воздухе, ему приходилось все время махать руками. Все потешались над его полетами и падениями. Смеха ради Гед продолжал дурачиться и смеялся над своей неловкостью вместе с остальными. В эти ночи, наполненные танцами при лунном свете, музыкой и колдовством, у него было шальное настроение.

Наконец он легко опустился на ноги и оказался рядом с Джаспером. Джаспер никогда не смеялся вслух. Он отстранился от Геда и сказал:

— Ястреб, не умеющий летать...

— О, звезда среди волшебников! О, жемчужина Хавнора, освети нас своими лучами! — поддразнил его Гед.

Мальчик, развесивший звезды, запустил одну звезду в сторону Джаспера, и она, сверкая, заплясала вокруг его головы. Джаспер раздраженно смахнул звездочку одним движением руки.

— Надоели мне эти мальчишки. Только шум и глупости от них,— сказал он.

— Стареешь, парень,— заметил Ветч сверху.

— Если нужны тишина и одиночество, то в башне всегда найдется для тебя место,— вставил один из младших учеников.

А Гед спросил:

— Что же тебе нужно, Джаспер?

— Мне нужно общество равных,— ответил Джаспер.— Пошли, Ветч. Пусть ученики забавляются.

Гед резко повернулся к Джасперу:

— Чем же ученики хуже колдунов?

Голос его был спокоен, но все сразу замерли, потому что в этом разговоре вражда между Гедом и Джаспером обнажилась, как клинок, вынутый из ножен.

— Слабаки вы,— сказал Джаспер.

— Я готов помериться с тобой силой.

— Это вызов?

— Да, вызов.

Ветч спрыгнул на землю и встал между ними. Лицо его помрачнело:

— Состязания в колдовстве запрещены, и вам это прекрасно известно. Прекратите сейчас же!

Гед и Джаспер замолчали. Им действительно был известен закон Роука. Кроме того, они понимали, что Ветч действует из добрых побуждений, а в них самих говорит ненависть. Но гнев их не остыл, ссора продолжалась. Тут Джаспер слегка повернулся, как бы обращаясь только к Ветчу, и сказал с холодной улыбкой:

— Я думаю, тебе сейчас самое время напомнить своему дружку-козопасу, что его защищает закон. А то он уже надулся. Неужели он на самом деле подумал, что я приму его вызов? Вонючий козопас, ученик, не знающий даже Первого Превращения?

— Джаспер, смотри!

Никто не услышал слов заклинания, но Гед исчез, а на его месте завис в воздухе огромный ястреб. Он открыл свой загнутый клюв и закричал. Видение длилось минуту, а потом опять появился Гед. Он стоял в колеблющемся свете факела, мрачно глядя на Джаспера.

Джаспер в удивлении сделал шаг назад, но тут же пришел в себя, пожал плечами и сказал только одно слово:

— Фокус.

Остальное что-то забормотал себе под нос.

Ветч сказал:

— Это не фокус. Было настоящее превращение. Но теперь достаточно, хватит. Послушай, Джаспер...

— Достаточно, чтобы доказать, что он подсмотрел это заклинание в Книге Превращений за спиной у учителя. Ну и что? Давай, козопас. Мне нравится, как ты сам себе роешь яму. Чем больше ты стараешься казаться равным мне, тем лучше видно, чего ты сто́ишь на самом деле.

Услышав эти слова, Ветч отвернулся от Джаспера и очень тихо прошептал:

— Ястреб, будь мужчиной, перестань, пошли отсюда...

Гед посмотрел на друга и улыбнулся, но не пошел за ним, а сказал:

— Будь добр, подержи хоега.

Он положил в ладони Ветча маленького отака, сидевшего у него на плече. Зверек никому не разрешал себя трогать, кроме Геда, но сейчас пошел в руки к Ветчу и, забравшись по рукаву, свернулся у него на плече, не сводя с хозяина блестящих глаз.

— Ну и что же ты собираешься делать, чтобы доказать свое превосходство надо мной, Джаспер? — спросил Гед таким же ровным голосом.

— Я ничего не собираюсь делать, козопас, кроме одной вещи, я дам тебе шанс. Зависть съедает тебя, как червяк яблоко. Давайте выпустим этого червяка на свет божий. Когда-то на холме Роук ты похвалялся, что гонтийские волшебники не играют в игры. Пойдем сейчас на холм Роук, и ты нам покажешь, что же они делают. А потом, может быть, я покажу тебе кое-что из настоящего колдовства.

— Да, очень хотелось бы посмотреть,— ответил Гед.

Младшие ребята, привыкшие с тому, что Гед взрывается при малейшем намеке на оскорбление или обиду, удивились его спокойствию. Но в глазах Ветча было не удивление, а все возрастающее беспокойство. Он снова попытался вмешаться, но Джаспер отстранил его:

— Подожди, не лезь, Ветч. Ну, так как ты воспользуешься шансом, который я тебе дал, козопас? Покажешь нам фокус? Запустишь огненный шар? Или скажешь какое-нибудь заклинание от козлиной чесотки?

— А чего бы ты хотел, Джаспер?

Молодой человек пожал плечами:

— Ну, что ж, вызови дух умершего!

— Хорошо.

—Не сможешь.— Джаспер посмотрел ему прямо в глаза.

Сквозь его обычную презрительную надменность неожиданно прорвалась ярость:

— Не сможешь. Не сумеешь. Только хвалишься и хвалишься...

— Клянусь, я это сделаю!

Минуту они стояли неподвижно.

Отстранившись от Ветча, который пытался его удержать, Гед, не оглядываясь, вышел. Танцующие волшебные огни опустились и погасли. После минутного колебания Джаспер последовал за Гедом. Остальные молча пошли сзади, охваченные любопытством и страхом.

Луна еще не взошла, и склон холма Роук сливался с ночным небом. Холм, на котором было сотворено столько чудес, подавлял величием. Они знали, что он стоит на платформе, уходящей корнями глубоко под землю — гораздо ниже морского дна. Эти корни достигали таинственных и неведомых огней земного ядра. Они остановились на восточном склоне. Трава под ногами казалась черной. Ярко светили звезды. Не было ни ветерка.

Гед сделал несколько шагов вверх по склону, обернулся и звонко сказал:

— Джаспер! Чей дух вызывать?

— Вызывай кого хочешь. Все равно никто не придет.— Голос Джаспера слегка дрожал, наверное от гнева.

Гед усмехнулся и тихо спросил:

— Испугался?

Он не стал дожидаться ответа Джаспера. Джаспер его больше не интересовал. Здесь, на холме Роук, вместо гнева и ненависти Гед чувствовал только твердую уверенность в своих силах. Ему нет нужды кому-то завидовать. В эту ночь, стоя на черной заколдованной земле, он знал, что сила его больше, чем когда-либо. Она переполняла его, так что Гед дрожал от напряжения, едва удерживая ее. Теперь он знал наверняка, что Джаспер гораздо слабее его. Возможно, Джаспер был послан только для того, чтобы привести его сюда сегодня ночью. Конечно, он не соперник, а лишь орудие судьбы. Под ногами Гед чувствовал свет далеких звезд. Все, что находилось между горой и звездами, было в его власти. Он стоял в центре Вселенной.

— Не бойся,— сказал Гед, улыбаясь.— Я вызову дух женщины. Ты же не станешь бояться женщину. Я вызову Эльфарран, прекрасную даму из «Подвига Энлада».

— Она умерла тысячу лет назад, и ее кости лежат глубоко на дне Эйского моря. А может быть, ее и вовсе на свете не было.

— Что значат годы и расстояния для мертвецов? Или предания лгут? — немного насмешливо спросил Гед и добавил: — Смотрите на воздух между моими руками.

Он отвернулся и замер. Затем медленным и широким движением раскинул руки, предваряя заклинание, и начал говорить.

Два с лишним года назад он прочитал это заклинание Призывания Духов в книге Оджиона и с тех пор ни разу не видел. Тогда он читал его в темноте. Сейчас, во мраке ночи, ему казалось, как будто снова видит его на странице открытой книги. Только теперь мальчик хорошо понимал, что читает, и четко выговаривал руну за руной. Он различал знак, показывающий, как правильно произносить заклинание при помощи голоса, а также движений тела и рук.

Его товарищи замерли в ужасе. Великое заклинание начинало действовать. Гед по-прежнему говорил тихо, но голос его стал более глубоким. Слова были незнакомы остальным. Он замолчал. Вдруг поднялся ветер и зашуршал травой. Гед опустился на колени и громко позвал. Потом он упал лицом вниз, как бы пытаясь обнять землю. Он поднялся с трудом, держа в руках что-то тяжелое. Руки дрожали от напряжения. Горячий ветер завывал в колышущейся траве. Звезд не было видно.

Слова заклинания со свистом срывались с усталых губ Геда. Потом он громко и отчетливо крикнул:

— Эльфарран! — А потом еще раз: — Эльфарран!

Бесформенная темная масса, которую он поднял, раскололась, разбилась. Между руками возник столб бледного света. Это был слабо светящийся овал. Он начинался у земли и доходил до его поднятых рук. На мгновение в овале показалась фигура высокой женщины. Она повернула голову. Ее прекрасное лицо выражало печаль и ужас.

Видение продолжалось всего несколько секунд. Потом бледный овал между руками Геда стал ярче. Он увеличился в размере, превратившись в яркую полосу на фоне темной земли и неба. Из этой зияющей пустоты в материи Вселенной бил нестерпимо яркий свет. Вдруг в страшном пламени появилось что-то черное. Отвратительная черная тень молниеносным движением бросилась в лицо Геду.

Пошатнувшись от удара, Гед хрипло вскрикнул. Маленький отак вдруг пронзительно завизжал и кинулся вперед.

Гед упал. Он пытался отползти от пылающей бездны. Тело сотрясали судороги. Пламя увеличивалось. Мальчики бросились бежать, Джаспер нагнулся, заслонив глаза от страшного света. Ветч рванулся к другу — поэтому только он увидел тень, которая вцепилась в Геда и, как зверь, рвала его плоть. Тень напоминала черное животное, размером с ребенка, хотя о размере судить было трудно, так как она то увеличивалась, то уменьшалась. Головы у нее не было, только четыре лапы с когтями, хватающие и рвущие. Ветч закричал от ужаса, однако заставил себя протянуть к ней руки,

чтобы оттащить от Геда. Но не успел он к ней прикоснуться, как его охватило полное оцепенение, Ветч не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Нестерпимый свет постепенно затухал, и разорванные края мироздания сомкнулись. Послышался голос, тихий, как шелестенье листьев или плеск фонтана.

Вновь засияли звезды, а трава на склоне холма засеребрилась в свете восходящей луны. Тень-зверь пропала. Ночь стала по-прежнему прекрасной. Свет и тень пришли в обычное равновесие. Гед лежал, распластавшись на спине. Он раскинул руки, как бы все еще призывая духа. Лицо его казалось черным от крови, и на рубашке тоже были огромные темные пятна. Маленький отак, дрожа, сидел у его плеча. А над ним стоял старик: это был Верховный Маг Неммерль.

Серебряный конец посоха Неммерля скользнул по груди Геда. Один раз он осторожно коснулся сердца и губ Геда. Неммерль что-то шептал. Гед пошевелился, разжал губы и вздохнул. Тогда старый маг поднял посох, опустил его на землю и тяжело оперся на него, склонив голову. Казалось, у него нет сил стоять.

Ветч снова обрел свободу движения. Оглядевшись, он увидел и других учителей: Магистра по Вызыванию Духов и Магистра Превращений. Для таких людей серьезное колдовство не останется незамеченным, и они знают способ, как мгновенно оказаться на месте происшествия в случае необходимости. Но первым все-таки подоспел Верховный Маг. Они послали за помощью, и часть вновь прибывших пошла провожать Верховного Мага, а остальные, среди которых был Ветч, понесли Геда к Магистру-Травнику.

Всю ночь Магистр по Вызыванию Духов дежурил на холме Роук. Но в том месте, где разверзлись недра земли, все было тихо. Тень не приползла, не стала искать под лунным светом то отверстие, через которое могла бы вернуться назад в свои владения. Она скрылась от Неммерля и сбежала из мощных волшебных стен, окружающих и защищающих остров Роук. Теперь она пряталась неизвестно где. Если бы Гед погиб этой ночью, может, она попыталась бы разыскать то отверстие, которое он открыл, и последовать за ним в царство смерти или вернуться туда, откуда пришла. Именно для этого Магистр и остался на холме Роук. Но Гед выжил.

Мальчика уложили в постель в одной из комнат Магистра-Травника, и тот лечил раны на его лице, шее и плече. Это были тяжелые раны: рваные и глубокие. Кровь в них никак не сворачивалась, кровотечение продолжалось, несмотря на заговоры и прикладывания целебных листьев перриота, обмотанных паутиной. Гед лежал в беспамятстве, он весь горел, как тлеющее дерево, и не было заклинания, способного затушить сжигавший его огонь.

Совсем недалеко, во внутреннем дворике рядом с играющим фонтаном, тоже неподвижный, лежал Верховный Маг. Но в отличие от Геда, он был совсем холодный. Только в глазах его сохранялась еще жизнь, и эти глаза следили за падающей водой и листь-

ями, шелестящими в лунном свете. Те, кто был с ним, не произносили никаких заклинаний и не пытались его исцелить. Время от времени они тихо переговаривались, а потом снова поворачивались к своему наставнику. Он лежал неподвижно, его орлиный нос, высокий лоб и белые волосы в лунном свете приобрели цвет кости. Для того, чтобы остановить действие необдуманного заклинания и отогнать от Геда тень, Неммерль потратил все силы, какие у него были: и душевные, и физические. Теперь он умирал. Но смерть Великого Мага не похожа на смерть обычного человека. В своей жизни ему уже много раз приходилось ходить по голым и крутым склонам королевства смерти. И теперь, умирая, он шел не наугад, а уверенно: он хорошо знал дорогу. Неммерль посмотрел вверх сквозь листья дерева, и никто из присутствующих не понял, куда именно он смотрит: то ли на летние звезды, бледнеющие с наступлением рассвета, то ли на вечные звезды царства смерти, что никогда не уходят за горы и не гаснут с приближением дня.

Осскильский ворон, сопровождавший его в течение тридцати лет, исчез. Никто не видел, куда он делся.

— Он летит впереди него,— сказал Магистр Правил собравшимся около умирающего.

Наступил день, теплый и ясный. И в Большом Доме, и на улицах Туила царила полная тишина. Не было слышно голосов. А ближе к полудню эту тишину внезапно разорвал громкий звон погребальных колоколов на Башне менестреля.

На следующий день Девять Магистров Роука уединились в прохладной тени Вечной Рощи. Даже в этом безлюдном месте они воздвигли вокруг себя девять стен молчания, так чтобы ни человек и никакое другое существо не могли потревожить их или услышать их слова. Они встретились для того, чтобы назвать из магов Архипелага нового Верховного Мага. Был выбран Геншер с острова Уэй. И за ним немедленно отправили корабль через Дальнее море. Магистр Ветра стоял на корме и вызывал волшебный ветер, который по его приказу надувал паруса. Корабль быстро отчалил и исчез из виду.

Гед ничего не знал об этих событиях. В то жаркое лето он четыре недели лежал пластом, ничего не видя и не слыша вокруг себя. Правда, время от времени он стонал и вскрикивал, как раненый зверь. Наконец терпеливые усилия Магистра-Травника сделали свое дело: раны начали закрываться, и жар прекратился. Казалось, к мальчику постепенно возвращается слух, но он по-прежнему молчал. Однажды в ясный осенний день Магистр-Травник открыл ставни комнаты, где лежал Гед. С той темной ночи на холме Роук и до сих пор его окружала только темнота. А теперь он увидел дневной свет и сияющее солнце. Тогда Гед закрыл руками свое изуродованное шрамами лицо и заплакал.

Только зимой к нему вернулась речь, и то говорил он с трудом, заикаясь. Магистр-Травник не выпускал его из комнаты и изо всех

сил старался восстановить физические и умственные способности мальчика. Только ранней весной Магистр разрешил Геду выходить, но сначала велел ему присягнуть на верность Верховному Магу Геншеру. Ведь Гед не мог сделать этого вместе с другими учащимися, когда Геншер прибыл на Роук.

За время болезни никому из товарищей Геда не разрешалось навещать его, и теперь при встрече с ним некоторые спрашивали друг друга:

— Кто это?

Раньше он был гибким, подвижным и сильным. Сейчас прихрамывал, ступал неуверенно и не поднимал лица, потому что с левой стороны оно было обезображено белыми шрамами. Стараясь избегать знакомых и незнакомых, Гед направился прямо во двор с фонтаном. Здесь он когда-то встретился с Неммерлем, а теперь его ожидал Геншер.

Новый Верховный Маг, как и старый, был одет в белый плащ. Только сам Геншер был чернокожим, как большинство жителей острова Уэй и Восточной провинции. Глаза под густыми бровями тоже были черными.

Гед опустился на колени и присягнул ему на верность и повиновение. Некоторое время Геншер молчал.

— Я знаю, что ты сделал,— наконец вымолвил он.— Но мне неизвестно, что ты собой представляешь. Я не могу принять твою присягу.

Гед встал и положил руку на молодое дерево около фонтана, чтобы не упасть. Ему еще было трудно подбирать слова:

— Я должен уехать, господин Верховный Маг?

— Ты хочешь покинуть Роук?

— Нет.

— А чего ты хочешь?

— Остаться. Учиться. Исправить... зло...

— Сам Неммерль не смог сделать этого. Нет, я бы не отпустил тебя с Роука. У тебя нет другой защиты, кроме силы магистров и волшебных стен острова, которые не пропускают сюда силы зла. Если ты сейчас уедешь, то создание, выпущенное тобой из-под земли, немедленно найдет и вселится в тебя, и ты станешь одержимым. Ты перестанешь быть человеком, будешь геббетом, марионеткой в руках злобной тени, которую выпустил на свет. Ты должен остаться здесь, пока не накопишь достаточно силы и мудрости, чтобы самому защититься от нее, если такое время когда-нибудь наступит. Даже сейчас она ждет тебя. Будь уверен, она тебя ждет. Ты видел ее после той ночи?

— Только во сне, господин Верховный Маг.— Немного спустя он заговорил снова, и голос его дрожал от боли и стыда: — Господин Геншер, я не знаю, что это было, что появилось после заклинания и бросилось на меня...

— И я не знаю. У него нет имени. Тебе от рождения дана огромная сила, а ты использовал ее неправильно. Ты произнес за-

клинание, с последствиями которого не мог справиться. Ты не знал, что это заклинание нарушит равновесие света и тьмы, жизни и смерти, добра и зла. На это тебя толкнули гордость и ненависть. И разве удивительно, что результат был таким ужасным? Ты вызвал дух из царства мертвых, но вместе с ним в мир вырвалась одна из сил небытия. Она пришла незваной из тех мест, где вообще нет никаких названий. Зло желает творить зло твоими руками. Усилия, которые ты затратил, чтобы вызвать ее, дают силам зла власть над тобой — вы связаны друг с другом. Это тень твоей заносчивости, тень твоего невежества, тень, которую ты отбрасываешь. Имеет ли тень название?

Гед чувствовал себя больным и измученным. Наконец он сказал:

— Лучше бы я умер.

— Кто ты такой, чтобы судить об этом? За тебя отдал жизнь сам Неммерль. Здесь ты в безопасности. Оставайся на Роуке и продолжай учебу. Говорят, ты хорошо учился. Работай, старайся. Это все, что ты можешь сделать.

Геншер закончил речь и внезапно исчез, как это обычно делают маги. Фонтан играл на солнце, некоторое время Гед смотрел на него и прислушивался к его голосу, думая о Неммерле. Однажды именно здесь он почувствовал себя словом, сказанным солнечным светом. А потом заговорила тьма, и свершилось непоправимое.

Гед повернулся и пошел в свою старую комнату в Южной башне. За все это время там никого другого не поселили. Он попрежнему был в ней один. Когда пробил гонг к ужину, Гед спустился в трапезную, но с соседями за длинным столом почти не разговаривал и не поворачивался к ним, даже если они приветливо здоровались. Через пару дней все оставили Геда в покое. Он стремился к одиночеству, так как боялся нечаянно сказать или сделать что-либо дурное.

Ни Ветча, ни Джаспера за обедом не было, и он не спросил, где они. Мальчишки, которыми он раньше командовал и которые смотрели на него с восхищением, ушли далеко вперед за те месяцы, что пропустил. Поэтому весной и летом его товарищами по учебе были ребята моложе его по возрасту. Но даже среди них он не блистал. Слова любого заклинания, даже для простейшего оптического фокуса, с трудом сходили с его языка, и руки не слушались.

Осенью Геду снова предстояло отправиться в Одинокую башню, чтобы пройти курс у Магистра Географии. Мысль о науке, которую он раньше ненавидел, теперь радовала его. Он искал тишины. Гед с удовольствием думал о том, что сможет подолгу копаться в книгах, что ему не надо будет произносить заклинаний, и та сила, которую он по-прежнему в себе чувствовал, никогда никому не понадобится.

В ночь перед походом в Одинокую башню к нему пришел гость. На нем был коричневый дорожный плащ, а в руке он держал дубо-

вый посох, подкованный железом. При виде посоха волшебника Гед почтительно встал.

— Ястреб...

Услышав голос, Гед поднял глаза: перед ним стоял Ветч, такой же крепкий и приземистый, как и раньше. Его темное лицо выглядело старше, но улыбка осталась прежней. На плече Ветча свернулся маленький зверек с полосатой шкуркой и блестящими глазками.

— Он жил у меня, пока ты болел, и очень жаль с ним расставаться. Но хуже другое: мне придется расстаться с тобой, Ястреб. Я уезжаю домой. Ну, хоег! Иди к хозяину!

Ветч погладил отака и посадил его на пол. Отак сел на тюфяк Геда и стал умываться сухим коричневым язычком, похожим на маленький листочек. Ветч засмеялся, но Гед не смог даже улыбнуться. Он нагнулся, чтобы спрятать лицо, и стал гладить отака:

— Я думал, ты не придешь, Ветч.

Гед не собирался упрекать его, но Ветч ответил:

— Я не мог прийти раньше. Магистр-Травник никого не пускал. А с зимы занимался в Роще с Магистром и не мог уйти, пока не заработаю посох. Послушай, когда ты тоже закончишь школу, приезжай в Восточную провинцию. Я буду тебя ждать. В наших маленьких городках всегда весело, а волшебников хорошо принимают.

— Когда закончу...— пробормотал Гед, слегка пожав плечами, и попытался улыбнуться.

Ветч взглянул на него, и тогда Гед заметил, как изменился его взгляд. Глаза Ветча по-прежнему светились теплом, но теперь в них появилась мудрость волшебника. Он тихо сказал:

— Не век же тебе сидеть привязанным на Роуке.

— Знаешь... Я подумал, пожалуй, я буду работать с Магистром в башне, буду искать в книгах и атласах утерянные названия, и даже если от меня не будет большой пользы, я... по крайней мере... не наделаю вреда...

— Может быть,— сказал Ветч,— я не ясновидец, но вижу тебя не в комнате за книгами и атласами в поисках утраченных названий, а в дальних морях, в битвах с огненными драконами, в башнях замков — в тех краях, которые видит ястреб с высоты своего полета.

— А за мной? Что ты видишь за мной? — спросил Гед, вставая.

Наверху горел волшебный фонарь, и фигура Геда отбрасывала на стену и пол длинную тень. Гед отвернулся и сказал, запинаясь:

— Куда ты едешь? Что собираешься делать?

— Поеду домой повидать братьев и сестру. Я тебе о них рассказывал. Когда я уезжал, она была маленьким ребенком, а теперь уже готовится к принятию имени. Трудно представить, что она выросла. Устроюсь волшебником на каком-нибудь маленьком острове. Мне бы так хотелось остаться и поговорить с тобой, но не могу: мой корабль отплывает сегодня ночью, и отлив уже начинается. Ястреб, если ты когда-нибудь окажешься на востоке, приез-

жай ко мне. А если я тебе понадоблюсь, позови меня моим именем: Эстарриол.

Гед поднял изуродованное шрамами лицо и посмотрел в глаза другу:

— Эстарриол,— сказал он,— мое имя Гед.

Потом они тихо попрощались. Ветч повернулся и по каменному коридору направился к выходу. Этой ночью он покинул Роук.

Некоторое время Гед стоял неподвижно. Поступок друга потряс его. Требовалось время, чтобы собраться с мыслями. Ветч сделал ему большой подарок, сообщив настоящее имя.

Настоящее имя человека знают только самые близкие: брат, жена, друг. Но даже те, кто знает это имя, никогда не произносят его при посторонних. Как правило, человека называют его обычным именем или прозвищем, например: Ястреб, Ветч или Оджион, что означает еловая шишка. Если люди скрывают свое настоящее имя ото всех, кроме тех немногих, кого они любят и кому полностью доверяют, то волшебники тем более должны его скрывать, поскольку они, с одной стороны, сильнее обычных людей, а с другой — сами больше подвержены опасности. Тот, кто знает имя человека, тот владеет и его жизнью. Таким образом, Ветч сделал Геду, потерявшему веру в себя, подарок, который может сделать только настоящий друг,— доказательство полного доверия.

Гед сел на тюфяк и затушил волшебный шар, в воздухе легко повеяло болотным газом. Он погладил отака, зверек сладко потянулся и заснул у него на колене, как будто всегда здесь и спал. В Волшебном Доме царила тишина. Вдруг Геду пришло в голову, что сегодня канун его собственного Посвящения.

Четыре года прошло с тех пор, как Оджион дал ему имя. Он вспомнил прохладу горной реки, в которую вошел без одежды и без имени, прозрачные заводи реки Ар, где любил плавать, деревню Десять Ольх, затерявшуюся в дремучих лесах на склоне горы, утренние тени, лежащие на пыльной деревенской дороге. Гед вспомнил огонь, жарко пылающий в кузнице зимним днем, темную, пропахшую травами избу колдуньи, где воздух был тяжелым от дыма и заклинаний. Давно он не думал об этих вещах, а теперь, в ночь его семнадцатилетия, прошлое нахлынуло на него. Все увиденное им в течение его короткой изломанной жизни вспомнилось последовательно и отчетливо. И наконец, после долгого тяжкого забытья Гед снова понял, кто он такой и где находится.

Но он не знал, куда ему идти дальше, и боялся думать об этом.

Наутро юноша отправился в путешествие на другой конец острова. Отак, как всегда, сидел у него на плече. На этот раз ему потребовалось не два, а три дня, чтобы добраться до Одинокой башни. И когда над бушующим и ревущим морем северного мыса, наконец, показалась башня, он почувствовал смертельную усталость. В башне было по-прежнему темно и холодно. Курремкармеррук сидел на высоком стуле и писал списки названий. Он взглянул

на Геда и сказал, не поздоровавшись, как будто Гед никуда не уезжал:

— Ложись спать. Усталая голова плохо соображает. Завтра можешь открыть Книгу Деяний Творцов и выучить оттуда названия.

В конце зимы Гед вернулся в Большой Дом. Его произвели в колдуны, и на этот раз Верховный Маг Геншер принял у него присягу. Гед приступил к изучению высоких искусств и заклинаний. От оптических фокусов он перешел к настоящему колдовству, теперь приобрел знания, необходимые для получения посоха. Затруднения, которые юноша долго испытывал, произнося заклинания, постепенно исчезли, руки снова обрели ловкость. Однако он больше не мог так быстро схватывать знания, как раньше: полученный урок страха заставлял действовать с оглядкой. И все же страхи казались напрасными: даже когда Гед произносил Великие Заклинания Создания и Превращения, самые опасные заклинания, у него не было дурных предчувствий или предзнаменований. Иногда он даже надеялся, что выпущенная им тень рассеялась или исчезла с лица земли. К тому же она перестала ему сниться по ночам. В глубине души он, конечно, понимал, что надеяться на это глупо.

От учителей и из старинных учебников Гед узнал, хотя и совсем немного, о существах, подобных тени. Об этих созданиях ничего прямо не говорилось, тем более не было описаний. В лучшем случае в старых книгах были отдельные намеки на существа, сходные с тенью-зверем. Она не была ни привидением, ни созданием Древних Сил Земли, но, по-видимому, между ними существовала какая-то связь. В книге о драконах, которую Гед прочитал очень внимательно, была легенда о древнем Повелителе Драконов, оказавшемся во власти одной из Древних Сил, говорящего камня, который лежал в далекой северной стране. **«По приказу Камня,**— говорилось в книге,— **он вызвал духа из царства мертвых, но воля Камня исказила его заклинание, и вместе с духом явилось существо, которое он не вызывал. Это существо пожрало его изнутри и ходило по свету в его обличье, уничтожая людей».** Но в книге не говорилось, что это было за существо. Кроме того, было непонятно, чем кончается легенда. Учителя тоже не знали, откуда могла появиться такая тень: Верховный Маг говорил — из небытия, Магистр Превращений — с темной стороны Вселенной, а Магистр по Вызыванию Духов признавался, что не знает. Он часто приходил к Геду во время его болезни и всегда был мрачен и угрюм. Но Гед постоянно ощущал его сочувствие и был благодарен учителю. Магистр сказал так:

— Об этой тени я знаю одно: такую тень могла вызвать только огромная сила, возможно, лишь одна сила, лишь один голос — твой. Но что это за тень, я не знаю. Тебе предстоит это выяснить. Ты должен выяснить, иначе тебе смерть или еще хуже,..— он говорил тихо, и в глазах его застыла тревога.— Как все мальчишки, ты думал, что маг всемогущ. Я тоже когда-то так думал, все мы так

думали. На самом деле, по мере того, как человек становится сильнее, а знания его расширяются, возможности его выбора сужаются: в конце концов у него вообще не остается выбора. Он делает только то, что должен делать...

Когда Геду исполнилось восемнадцать лет, Верховный Маг направил его к Магистру Правил. О том, что изучают в Вечной Роще, известно немного. Рассказывают, что там не произносят заклинаний, но место это само по себе заколдовано. Иногда деревья в Роще видны, иногда нет, и не всегда они находятся в одном и том же месте. Говорят, эти деревья обладают собственной мудростью. Ходят слухи, что Магистр Правил черпает огромные колдовские силы из Рощи, и если эти деревья когда-нибудь погибнут, то вместе с ними погибнет вся его мудрость, и тогда вода в океане поднимется и затопит все острова Архипелага, которые Сегой поднял из воды в доисторические времена, и земли, населенные людьми и драконами, уйдут под воду.

Но все это не более чем слухи: сами волшебники предпочитали помалкивать.

Прошло несколько месяцев, и в один прекрасный весенний день Гед вернулся в Большой Дом. Он понятия не имел, куда его пошлют в следующий раз. У двери, выходящей на тропинку, которая ведет через поля на холм Роук, Геда встретил старик. Сначала Гед не узнал его, но потом сосредоточился и припомнил, что именно этот человек впустил его в Школу Волшебников в день его приезда пять лет назад.

Старик улыбнулся, окликнул Геда по имени и спросил:

— Ты знаешь, кто я?

Гед и раньше задумывался о том, почему говорят «Девять Магистров Роука», когда он знал только восемь: Магистр Ветра, Магистр Превращений, Магистр Пения, Магистр по Вызыванию Духов, Магистр-Травник, Магистр Правил, Магистр-Фокусник, Магистр Географии. Кажется, девятым считался Верховный Маг, но, чтобы избрать Верховного Мага, собиралось девять Магистров.

— Я думаю, вы Магистр-Привратник.

— Да, это так. Гед, ты смог войти в Школу, только сказав мне свое настоящее имя. Теперь ты можешь покинуть ее, если узнаешь мое имя,— сказал старик, улыбаясь.

Он ждал ответа. Гед молчал.

Он знал тысячу способов и хитростей, чтобы выведать настоящие названия вещей и имена людей: это было частью школьной программы, без этого от колдовства было бы мало толку. Но узнать имя мага или магистра куда сложнее. Имя мага спрятано лучше, чем рыба на дне океана, а охраняется надежнее, чем логово дракона. Заклинание, произнесенное с целью выведать это имя, будет встречено более сильным заклинанием. Коварный замысел потерпит неудачу, хитрые вопросы будут еще более хитро отклонены, а сила обернется против того, кто ее применил.

— Вы слишком мало открыли дверь, Магистр,— наконец ответил Гед,— я должен посидеть здесь на лужайке и поголодать, пока не похудею настолько, что смогу в нее протиснуться.

— Сиди, сколько хочешь,— сказал, смеясь, Привратник.

Гед немного отошел и сел под ольхой, на берегу Туилберна. Он отпустил отака к воде и поохотился на рачков на топком берегу. Солнце опускалось и пылало красным пламенем; весна была в полном разгаре. Огни фонарей и отблески заходящего солнца отражались в окнах Большого Дома. Вскоре улицы Туила погрузились в полную темноту. Совы ухали над крышами, а летучие мыши летали над рекой в сумеречном воздухе. Гед все еще думал, какой силой, хитростью или заклинанием он может выведать настоящее имя Магистра-Привратника. Чем больше Гед думал об этом, тем яснее понимал, что все колдовские приемы, которым его обучали в течение пяти лет на Роуке, вряд ли помогут раскрыть секрет такого искусного мага.

Он спал в поле под звездами, а отак свернулся у него в кармане. Когда взошло солнце, он, так ничего и не съев, подошел к двери Дома и постучал. На стук вышел Привратник.

— Учитель,— сказал он,— я не могу узнать тайну вашего имени: у меня недостаточно сил. И не могу выманить у вас имя хитростью: мне не хватит мудрости. Поэтому мне придется остаться здесь, учиться или работать, как вам будет угодно, если только вы не согласитесь ответить на один вопрос.

— Спрашивай.

— Как вас зовут?

Привратник улыбнулся и назвал свое имя. Гед повторил его и в последний раз вошел в Дом.

Когда он выходил из Дома в следующий раз, на нем был темно-синий плащ, подарок от города Нижний Торнинг, куда он был направлен. Там нужен был волшебник. У него тоже был тисовый посох с медным наконечником высотой в человеческий рост. Привратник попрощался с ним и открыл заднюю дверь Большого Дома, дверь из рога и слоновой кости. Гед зашагал по улицам Туила к порту, где на прозрачных утренних волнах его уже ждал корабль.

5. ПЕНДОРСКИЙ ДРАКОН

К западу от Роука между двумя огромными островами Хоском и Энсамером расположены Девяносто островов. Остров Серд ближайший к Роуку, а Сеппиш — самый дальний. Он находится на границе с Пелнийским морем. До сих пор не установлено, сколько же островов на самом деле. Если считать только острова с источниками пресной воды, то вы насчитаете семьдесят, а если считать каждую скалу, то у вас получится сто и даже больше, особенно во время отлива.

Проливы между островами очень узкие, поэтому плавные приливы Дальнего моря, встречая множество препятствий, здесь рез-

ко меняют свой характер. Уровни воды во времена прилива и отлива настолько различаются, что в одном и том же месте во время отлива может быть три острова, а во время прилива — один. Но, несмотря на опасный прилив, каждый ребенок учится ходить и грести одновременно. У каждого есть своя весельная лодочка. Домохозяйки переправляются на них через пролив, чтобы выпить чашечку чая с соседкой. Торговцы предлагают товар под взмах весла. Все дороги проходят по соленой воде. Их преграждают только сети, натянутые между домами, которые расположены по разные стороны пролива, для ловли мелкой рыбешки терби. Из этой рыбы добывают масло, составляющее основное богатство Девяноста островов. Мостов мало, больших городов нет, но на каждом острове множество ферм и рыбацких хижин. Десять—двадцать островов объединяются в общины. Одной из таких общин был Нижний Торнинг — самая западная точка, находящаяся не на берегу Дальнего моря, а на берегу океана. В этом удаленном уголке Архипелага, кроме Нижнего Торнинга, есть только остров Пендор, где живет дракон, а за ним — лишь пустынные воды Западной провинции.

Для нового волшебника уже был готов дом. Он стоял на пригорке среди зеленеющих полей ячменя. От западных ветров его прикрывала роща деревьев, на которых сейчас распустились красные цветы. Из двери можно было увидеть соломенные крыши соседних домов, рощи и сады, а вдали — другие острова и на них — крыши, поля и холмы. Между островами сверкали извилистые морские проливы. Это был бедный дом, без окон, с земляным полом, однако он был лучше, чем хижина, в которой родился Гед. Жители Нижнего Торнинга с благоговением смотрели на волшебника с Роука. Им было неловко, что его жилище будет таким убогим. Один из них сказал:

— У нас нет строительного камня.

— Мы не богаты, хотя и не голодаем,— добавил второй. А третий успокоил Геда:

— По крайней мере у вас всегда будет сухо, господин волшебник. Я сам крыл крышу соломой.

Геда дом вполне устраивал. Он искренне поблагодарил горожан, и они разъехались по домам, каждый в собственной лодке. Дома они рассказывали женам и соседям, что новый волшебник — странный угрюмый молодой человек, говорит мало, но по делу, и не задирает нос.

Возможно, у Геда и правда было мало оснований зазнаваться. Обычно волшебников, закончивших школу на Роуке, направляли в города или замки для служения высоким правителям, которые окружали их всяческими почестями. Вообще-то жители Нижнего Торнинга могли рассчитывать лишь на колдунью или простого колдуна, который бы заговаривал рыбачьи сети и новые лодки и лечил людей и животных.

Но несколько лет назад старый Пендорский дракон произвел

на свет потомство. Говорили, что в разрушенных башнях правителей Пендора живут девять драконов и будто бы они таскают пузатые животы вверх и вниз по мраморным лестницам, выглядывая сквозь разрушенные дверные проемы. На мертвом острове пищи им явно не хватало, поэтому, когда они подрастут и проголодаются, то полетят в поисках пищи на ближайшие острова. Уже видели, как четыре молодых дракона летали над юго-западным побережьем Хоска. Пока они не приземлялись, а лишь высматривали, где расположены загоны для овец, амбары и деревни. Голод у дракона пробуждался медленно, но утолить его трудно. Поэтому жители Нижнего Торнинга обратились на Роук с просьбой прислать им волшебника, чтобы он защитил их от угрозы с запада. Верховный Маг счел их опасения вполне обоснованными.

В тот день, когда Верховный Маг произвел Геда в волшебники, он сказал:

— В этом месте ты не найдешь ни славы, ни богатства. Опасностей, возможно, тоже не встретишь. Поедешь туда?

— Поеду,— ответил Гед. Но он согласился не только в знак уважения к Верховному Магу. С той ночи на холме Роук его отвращение к славе и известности стало таким же сильным, каким раньше было его честолюбие. Теперь он всегда сомневался в своих силах и боялся испытаний. Однако разговор о драконе возбудил в нем огромное любопытство. На Гонте уже несколько столетий не было драконов, а к Роуку они даже близко не подлетали. Поэтому Гед слышал о них только в песнях и легендах, а сам никогда их не видел. В школе он изучил все, что было написано о драконах, но одно дело — читать и совсем другое — видеть. И вот перед молодым волшебником открылась такая замечательная возможность. Поэтому он искренне ответил: «Я поеду».

Верховный Маг Геншер кивнул головой, но в глазах его была тревога.

— Скажи мне,— произнес он наконец,— ты боишься уезжать с Роука? Или хочешь уехать?

— И то, и другое, господин Верховный Маг.

Геншер снова кивнул.

— Не знаю, правильно ли я поступаю, отпуская тебя с Роука,— ведь здесь ты в безопасности,— сказал он очень тихо.— Твой путь мне не виден. Он теряется в темноте. Есть какая-то сила на севере, она для тебя опасна. Но что это, где именно, в прошлом или в будущем, не могу сказать: все закрывает тень. Когда ко мне обратились жители Нижнего Торнинга, я сразу подумал о тебе. Это место показалось мне тихим и безопасным. Там у тебя будет время собраться с силами. Но я не знаю, существует ли вообще место, безопасное для тебя. Так же мне неизвестно, куда ведет твоя дорога. Я не хочу посылать тебя в неизвестность.

Поначалу этот дом под цветущими деревьями внушал Геду радостные мысли. Там он жил, следил за западной частью неба и чутким слухом волшебника старался уловить шорох чешуйчатых

крыльев. Но драконы не прилетали. Гед ловил рыбу с пирса и ухаживал за садиком. Он целыми днями сидел под деревьями, раздумывая над какой-нибудь страницей или строчкой из учебников, которые привез с Роука. Отак спал рядом или охотился среди густой травы и ромашек. Гед всегда помогал жителям Нижнего Торнинга как знахарь или как заклинатель погоды. Ему и в голову не приходило, что волшебнику может быть стыдно заниматься такой ерундой — ведь он вырос среди еще более бедных людей, а тетка его была деревенской колдуньей. Правда, жители не слишком обременяли Геда просьбами и относились к нему почтительно отчасти из-за того, что он приехал с Острова Мудрецов, отчасти из-за его немногословности и шрамов на лице. Несмотря на молодость, было в нем что-то такое, отчего даже взрослым становилось не по себе.

Но друг у него все-таки появился: лодочник Печварри с соседнего острова. Они познакомились на пристани. Гед остановился и стал наблюдать, как он устанавливает мачту на маленькой лодке. Лодочник посмотрел на волшебника и сказал:

— Вот, почти закончил лодку, целый месяц работал. Вы бы при помощи колдовства сделали такую лодку за минуту, правда, господин волшебник?

— Да, мог бы, но скорее всего в следующую минуту она затонет или же мне придется все время поддерживать ее на плаву заклинаниями. Но, если вы хотите...— он остановился.

— Что, господин волшебник?

— Вообще-то это прекрасная лодка. Ей больше ничего не нужно. Но, если вы хотите, я мог бы сказать заклинание, чтобы придать ей прочность или чтобы она легко находила дорогу к своему причалу после плавания.

Он говорил неуверенно, из боязни обидеть лодочника, но лицо Печварри засияло от радости:

— Эта маленькая лодочка для моего сына, господин волшебник. И, если вы произнесете над ней заклинание, то окажете мне большую услугу.

Он вскарабкался на пристань и стал горячо благодарить Геда, схватив его за руку.

После этого случая они часто работали вместе. Гед присоединял свои заклинания к работе Печварри, когда тот строил или чинил лодки. В знак благодарности Печварри научил Геда строить лодки и управлять ими без помощи колдовства. На Роуке учеников почти не обучали обычному вождению лодки. Часто Гед, Печварри и его маленький сын Айоэт плавали по каналам и лагунам. Они ходили под парусом или на веслах. Гед стал отличным моряком и приобрел в лице Печварри надежного друга.

Поздней осенью сын лодочника заболел. Его мать послала за колдуньей на остров Тсек. Та слыла хорошей знахаркой, и первые два дня все шло хорошо. И вдруг ночью во время грозы Печварри постучался в дом Геда, умоляя прийти и спасти его сына. Вместе с Гедом они бросились к лодке и всю дорогу гребли изо всех сил

сквозь дождь и мглу. Когда они вошли в дом, ребенок лежал на тюфяке, а мать сидела возле него на корточках. Колдунья жгла лечебный корень, напевая нагийскую песню. По-другому лечить она не умела. Геду она шепнула:

— Господин волшебник, мне кажется, у ребенка красная лихорадка. Он умрет сегодня ночью.

Гед опустился на колени и положил ладони на тело ребенка. Мысленно он согласился с колдуньей и слегка отшатнулся. В последние месяцы его собственной долгой болезни Магистр-Травник обучил Геда многим секретам врачевания. Он усвоил самый главный закон для знахаря, который гласит: «Лечи рану и болезнь, но отпусти душу умирающего».

Мать заметила это движение и поняла, что оно значит. Она закричала в отчаянии. Но Печварри наклонился к ней и прошептал:

— Господин Ястреб спасет нашего сына, жена. Не надо кричать! Он здесь. Он поможет нам.

Видя отчаяние матери и надежду отца, Гед не решился сказать им правду. Он подумал, что, возможно, ошибся и ребенка еще можно спасти, если удастся сбить температуру. Он сказал:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Он стал купать мальчика в холодной дождевой воде, которую приносили снаружи, и произнес заклинание от температуры. Заклинание не подействовало, и Геду вдруг показалось, что ребенок умирает у него на руках.

Собрав силы и совершенно забыв о себе, он послал свою душу вслед за душой ребенка, чтобы вернуть ее. Он позвал мальчика по имени: «Айоэт!» Ему показалось, что ребенок слабо отозвался, тогда Гед позвал его еще раз. Потом он увидел, что мальчик бежит далеко впереди, спускаясь по темному склону огромной горы. Не было слышно ни звука. Над головой светили звезды, но он их никогда раньше не видел. Только названия созвездий были ему известны: Сноп, Дверь, Тот, Кто Поворачивается, Дерево. Эти звезды никогда не садятся и не гаснут с приближением дня. Догоняя душу умирающего ребенка, он зашел очень далеко.

Гед понял это, когда оказался один на темном склоне. Повернуть назад было трудно, очень трудно.

И все же он медленно повернулся. Медленно сделал шаг вперед, взбираясь на гору, потом другой. Он заставлял себя продолжать подъем. Но идти было все труднее и труднее.

Звезды не двигались. Над сухим крутым склоном не было ни ветерка. В обширном царстве тьмы только он один двигался, медленно карабкаясь наверх. Гед достиг вершины горы и увидел там низкую каменную стену. А прямо за стеной перед ним стояла тень.

Бесформенная и почти невидимая, тень не была похожа ни на человека, ни на зверя. Она что-то шептала ему, хотя в этом шепоте нельзя было разобрать слов. Она ползла к нему. На границе между жизнью и смертью она стояла на стороне жизни, а он — на стороне небытия.

Он должен был или спуститься вниз в пустынные земли и темные города царства мертвых, или перелезть через стену и вернуться к живым, где его ожидала отвратительная злобная тень.

В руке у Геда был волшебный посох, и он высоко поднял его. Вместе с этим движением к нему вернулись силы. Гед уже собрался перепрыгнуть через низкую каменную стену прямо на тень, как вдруг его посох вспыхнул белым светом. Ослепительное пламя ярко осветило это мрачное место. Он прыгнул, почувствовал, что падает, и потерял сознание.

А вот что увидели Печварри, его жена и колдунья: молодой волшебник остановился на середине заклинания и некоторое время, не двигаясь, держал ребенка на руках. Потом осторожно положил маленького Айоэта на тюфяк и молча встал, держа в руке посох. Неожиданно он высоко поднял посох, который вспыхнул белым пламенем, как будто у Геда в руках была молния. Пламя внезапно осветило всю хозяйственную утварь. Когда их глаза снова смогли различать предметы, они увидели, что молодой человек лежит, согнувшись, на земляном полу около тюфяка с мертвым ребенком.

Печварри показалось, что волшебник тоже умер. Его жена плакала, а Печварри находился в полной растерянности. Колдунья знала понаслышке о поведении настоящих магов и волшебников. Поэтому она позаботилась о том, чтобы Геда, холодного и безжизненного, не похоронили, как покойника, а обращались с ним как с больным или с человеком, находящимся в трансе. Его отнесли домой и рядом с ним оставили старуху, наказав ей проследить, проснется ли он или будет спать вечно.

Маленький отак прятался где-то между бревнами, он всегда убегал, когда приходил кто-нибудь чужой. Дождь барабанил по стенам, очаг угасал. Ночь подходила к концу, и старуха задремала, сидя у очага. Отак вылез из щели и подошел к Геду. Он терпеливо и тщательно стал вылизывать руки хозяина своим сухим коричневым язычком. Присев около головы Геда, зверек лизал его висок и покрытую шрамами щеку, осторожно касался язычком его смеженных век. От этих нежных прикосновений Гед медленно приподнялся. Он проснулся, не понимая, где находится, как он здесь оказался и что это за тусклый свет вокруг него: начиналось утро. Тогда отак по привычке свернулся у него на плече и заснул.

Позже, когда Гед вспоминал эту ночь, он понимал, что если бы никто не притронулся к нему, когда он лежал бездыханный, и не попытался бы вернуть его к жизни, то его душа могла бы навсегда затеряться в царстве мертвых. Отаком руководила лишь слепая инстинктивная мудрость зверя, который лижет своего раненого товарища, чтобы облегчить его страдания. Но в этой мудрости Гед увидел что-то сродни своей волшебной силе, что-то похожее на колдовство. С тех пор он убедился, что мудрый человек никогда не отделяет себя от других живых существ, независимо от того, говорящие они или нет. В последующие годы он старался научить-

ся читать в молчаливо говорящих глазах животных, разгадывать полет птиц, понимать широкие и плавные движения деревьев.

В этот раз ему удалось невредимым проникнуть в царство мертвых и вернуться оттуда. Только волшебник может сознательно проделать этот путь. Но даже для самого искусного мага он связан с огромным риском. Гед вернулся, однако среди живых его ждали горе и страх. Горе за своего друга Печварри, а страх за самого себя. Теперь он понял, почему Верховный Маг так боялся отпускать его, и почему даже Верховный Маг не мог предсказать его будущее. Сама тьма подстерегала его на жизненном пути, то, что не имело названия, существо, принадлежащее потустороннему миру, тень, которую он выпустил или создал. Долгие годы она поджидала его на границе между жизнью и смертью и, наконец, нашла его. Теперь она пойдет по его следу, будет подкрадываться к нему, высасывать жизненные силы и стремиться проникнуть в его плоть.

Вскоре ему приснился медведь без морды и головы. Он крался вдоль стен домов в поисках двери. Такие сны ему снились с тех пор, как зажили раны, нанесенные тенью. Проснувшись, он почувствовал слабость и озноб. Шрамы на лице и плече стянуло. Боль пронзила все тело.

Наступили тяжелые времена. Стоило ему увидеть тень во сне или хотя бы подумать о ней, как его тут же охватывал леденящий ужас. Силы и разум покидали его, он становился тупым и безразличным. Его бесило собственное малодушие, но что толку? Ему хотелось как-то защититься, но как, если твой противник не человек, не зверь, не дух? Бесплотная и безымянная, тень обладала силой, которую он сам ей дал,— страшной силой, не подчиняющейся законам людей. Он почти ничего не знал о ней, ему было лишь известно, что она его преследует, стремится навязать ему свою волю, хотя сама является его созданием. Но в каком обличье она появится? Ведь у нее пока не было определенного внешнего вида. Каким образом она придет и как это случится, он не знал.

При помощи волшебных сил он, как мог, оградил свой дом и остров, на котором жил. Заклинания необходимо все время обновлять, и скоро Гед понял, что если будет тратить силы на укрепления, то не сможет принести никакой пользы жителям острова. А если еще прилетит дракон с Пендора, то с двумя врагами ему не справиться.

Снова ему приснился сон: тень пробралась к нему в дом, она прячется у двери и тянется к нему из темного угла, шепча непонятные слова. Гед проснулся в ужасе и послал в другой конец комнаты яркий волшебный огонек. Он осветил все уголки в маленьком доме, но тени нигде не было. Тогда он подбросил в очаг дров, сел у огня и стал слушать, как осенний ветер шуршит соломой на крыше и свистит в голых ветвях деревьев. Долго он так сидел в раздумье. В его душе проснулся гнев. Он не желал примириться с этим беспомощным ожиданием, не будет он безропотно сидеть в ловушке, бормоча никому не нужные заклинания охраны и защиты. Однако

Гед не мог просто взять и убежать. Если бы он так сделал, то обманул бы доверие островитян и оставил бы их беззащитными в случае нападения дракона. У него был только один путь.

На следующее утро Гед пришел на главный причал Нижнего Торнинга. Там, среди рыбаков, отыскал старосту и сказал ему:

— Я должен отсюда уехать. Мне угрожает опасность, и я не хочу подвергать опасности вас. Я обязан уехать. Поэтому прошу вас разрешить мне сначала разделаться с драконами на Пендоре, чтобы я мог выполнить свой долг перед вами и уехать со спокойной душой. А если мне не удастся с ними справиться, то я все равно не смогу вам помочь, даже если драконы прилетели бы сюда сами. Лучше узнать об этом сейчас, чем потом.

Староста уставился на него с открытым ртом.

— Господин Ястреб,— сказал он,— да там девять драконов!

— Говорят, восемь из них еще маленькие.

— А старый...

— Говорю вам, я должен уехать. Прошу вас разрешить мне избавить вас от драконов, если это возможно.

— Как хотите, господин волшебник,— мрачно сказал староста.

Все подумали, что это безрассудство или какой-то непонятный каприз со стороны молодого волшебника. С угрюмыми лицами островитяне смотрели ему вслед, не ожидая увидеть снова. Некоторые намекали, что он просто хочет уплыть через Хоск в Дальнее море и, таким образом, бросить их в беде. Другие, в том числе и Печварри, утверждали, что волшебник сошел с ума и нарочно ищет смерти.

На протяжении жизни четырех поколений все корабли обходили остров Пендор стороной. Ни один маг не приезжал туда, чтобы сразиться с драконом, поскольку никакие морские пути через Пендор не проходили. К тому же его бывшие правители были пиратами и работорговцами — поэтому жители юго-восточной части Архипелага их ненавидели. Так что никто не пытался отомстить. Дракон прилетел с запада и напал на правителя и его приближенных во время пира в замке. Он выпустил из пасти пламя и уничтожил их, а горожане с криками бросились в море. Неотмщенный, Пендор достался дракону: тела погибших, замки и драгоценности, украденные у покойных принцев Пална и Хоска.

Геду хорошо было известно и это, и кое-что еще. Последнее время он постоянно перебирал в памяти все, что знал о драконах. Он направил свою маленькую лодочку на запад. Гед не греб и не пытался воспользоваться советами Печварри: его лодка шла при помощи волшебных сил. Ветер надувал парус, а киль был заговорен, чтобы лодка не сбилась с курса. Он всматривался вдаль, стараясь разглядеть на горизонте мертвый остров.

Было жутковато. Но то, что осталось позади, пугало его гораздо больше, чем то, что ждало впереди. День кончился, и его нетерпение сменилось веселой яростью. По крайней мере, он шел навстречу опасности по своей воле. Чем ближе лодка приближалась к Пен-

дору, тем спокойнее он становился. Ведь смертельная опасность, пусть ненадолго, но освобождала его от тени. Тень не осмелится последовать за ним в пасть дракона. Волны с белыми гребнями пены бежали по серому морю. Северный ветер гнал по небу рваные тучи. Гед плыл на запад. Волшебный ветер туго натягивал парус лодки и, наконец, он увидел впереди скалы Пендора — мертвого города с пустынными улицами и выгоревшими полуразрушенными замками.

При входе в гавань, мелкий серповидный залив, Гед ослабил силу ветра, и маленькая лодка остановилась, покачиваясь на волнах. Тогда он стал вызывать дракона:

— Захватчик Пендора, иди, защищай свои сокровища!

Его голос утонул в шуме волн, бьющихся об осыпанный пеплом берег, но у дракона чуткий слух. И вот из какого-то полуобвалившегося дома без крыши показался дракон. Он напоминал огромную летучую мышь с тонкими крыльями и колючей спиной. Поймав поток северного ветра, дракон направился к Геду. При виде этого мифического существа Гед расхохотался и крикнул:

— Ты, летающий червяк, пойди приведи старого дракона!

Это был один из молодых драконов, вылупившийся на острове несколько лет назад. Дракониха из Западной провинции отложила огромные яйца в комнате полуразрушенного замка с солнечной стороны. Говорят, у драконов это излюбленное место для кладки яиц. А сама она улетела, оставив старого дракона Пендоры присматривать за детенышами, когда они выползут из скорлупы как гигантские ящерицы.

Молодой дракон ничего не ответил. Он был некрупный — длиной с сорокавесельный корабль, худой, похожий на червяка, с черными перепончатыми крыльями. Он еще не сформировался, и пока не имел ни настоящего голоса, ни присущих драконам хитрости и коварства. Он летел прямо на Геда, стоявшего в маленькой неустойчивой лодочке. Дракон несся стрелой, открыв свои длинные зубастые челюсти. Геду достаточно было произнести одно-единственное короткое заклинание, чтобы парализовать его крылья и лапы. Тогда дракон, кувыркаясь в воздухе, полетел вниз и камнем упал в море. Серые волны сомкнулись над ним.

Около самой высокой башни сидели еще два дракона, похожие на первого. Они поднялись в воздух и, как их брат, сразу же устремились к Геду. И хотя их было двое, волшебник остановил их таким же образом: сбросил вниз и утопил. Причем до сих пор ему еще не пришлось воспользоваться посохом.

Через некоторое время с острова прилетели три дракона. Один из них был гораздо старше остальных, и из его пасти вырывались языки пламени. Два молодых дракона направились прямо к Геду, с треском хлопая крыльями, а большой быстро приближался кругами сзади, чтобы спалить Геда вместе с лодкой огненным дыханием. Ни одно связывающее заклинание не может остановить трех драконов сразу, потому что два дракона приближались с севе-

ра, а один с юга. Как только Гед это увидел, он тут же произнес заклинание Превращения и мгновенно взлетел вверх, приняв вид дракона.

Широко раскрыв крылья и выпустив когти, он бросился на двух молодых драконов и сжег их своих огнем. Потом он повернулся к третьему, который был покрупнее его и тоже дышал огнем. Они сцепились в водовороте вихрей над серыми волнами. Они кусались, налетали друг на друга, сталкивались. Вдруг все заволокло дымом, а пламя, вырывавшееся из их огнедышащих пастей, окрашивало дым в красный цвет. Гед неожиданно рванулся вверх, его противник последовал за ним. Но на полпути дракон-Гед поднял крылья, остановился и вдруг ринулся вниз, как это делает ястреб. Он наносил когтями удары по шее и боку дракона, стараясь сбросить его в море. Черные крылья трещали и хлопали, а черная драконья кровь крупными каплями капала в воду.

Дракон вырвался и тяжело полетел к острову, почти касаясь крыльями воды. Там он спрятался в каком-то колодце или дыре среди развалин.

Гед немедленно принял прежний вид и вернулся в лодку, поскольку оставаться в обличье дракона дольше, чем это необходимо, очень опасно. Руки у него почернели от ядовитой драконьей крови, а голова была опалена огнем. Он остановился на секунду, чтобы перевести дыхание, и крикнул:

— Я видел шестерых, пятерых убил, а слышал о девяти: выходите, червяки!

Но на острове все замерло. Долгое время не было слышно ни звука, только волны с шумом бились о берег. Потом Гед заметил, что самая высокая башня неожиданно стала менять форму: с одной стороны что-то высунулось, как будто у башни выросла рука. Он испугался, что дракон будет колдовать, ведь драконы — искус - ные и изобретательные колдуны. Их колдовство чем-то похоже на колдовство людей и одновременно отличается от него. Но минуту спустя он понял, что это не чудовище сыграло с ним шутку, а его собственное зрение. То, что он принял за часть башни, на самом деле было телом дракона Пендора, который распрямил свое туловище и медленно поднялся.

Когда он полностью выпрямился, его голова, покрытая чешуей с шипами, с высунутым тройным языком, поднялась высоко над башней, а передние лапы с длинными когтями опирались на обломки зданий. Черно-серая чешуя переливалась на солнце, словно битый камень. Он был худой, как гончая собака, и огромный, будто гора. Гед смотрел на него, замерев от изумления. В жизни дракон куда страшнее, чем в песнях и легендах. Гед едва удержался от того, чтобы не посмотреть в глаза дракону: это был бы конец — в глаза дракону смотреть нельзя. Он вовремя отвел взгляд от маслянистых зеленых глаз, наблюдавших за ним, и поставил перед собой посох, правда, теперь, рядом с драконом, посох больше был похож на щепку или веточку.

— У меня было восемь сыновей, маленький волшебник,— сказал дракон своим оглушительным трескучим голосом,— пятеро уже погибли, хватит. Ты не получишь мои сокровища, если будешь их убивать.

— Мне не нужны сокровища.

Из ноздрей дракона с шипением пошел желтый дым: так он смеялся:

— А ты не хочешь сойти на берег и посмотреть на них, маленький волшебник? Не пожалеешь.

— Нет, дракон.

Драконы — родственники ветру и огню и неохотно сражаются над морем. До сих пор это давало Геду преимущество, и он стремился его сохранить. Но теперь узкая полоска воды между ним и огромными серыми когтями больше не казалась значительным преимуществом.

Трудно было удержаться и не посмотреть в зеленые глаза чудовища.

— Ты очень молодой,— сказал дракон.— Я не знал, что волшебниками становятся в таком юном возрасте.

Как и Гед, дракон говорил на Древнем Языке: драконы до сих пор сохранили этот язык. Хотя Древний Язык обязывает человека говорить правду, с драконами дело обстоит совсем иначе. Это их собственный язык, и они могут лгать на нем, используя древние слова в нечестных целях так, что неискушенный собеседник запутается в лабиринте ложных понятий, которые являются лишь зеркальным отражением истины, и попадет в ловушку. Геда много раз предупреждали об этом, и он слушал дракона недоверчиво, заранее зная: чудовище попытается его обмануть. Однако слова дракона казались простыми и ясными:

— Ты пришел сюда просить моей помощи, маленький волшебник?

— Нет, дракон.

— А я мог бы помочь. Скоро тебе понадобится помощь, чтобы победить того, кто охотится за тобой в темноте.

Гед застыл от удивления.

— Кто тебя преследует? Назови мне его имя...

— Если бы я мог назвать его имя...— Гед осекся.

Из ноздрей дракона, двух круглых огненных пятен, пошел желтый дым и заструился над его головой.

— Если бы ты смог назвать его имя, то, может быть, и удалось бы победить его, маленький волшебник. Возможно, я смогу сказать тебе его имя, когда увижу его поблизости. А он обязательно придет сюда на остров, если ты подождешь. Он будет преследовать тебя везде, куда бы ты ни шел. А если ты не хочешь, чтобы он тебя настиг, то должен все время бежать, бежать и бежать от него. Но он все равно будет за тобой гнаться. Хочешь узнать его имя?

Гед снова ничего не ответил. Откуда дракону было известно о тени, которую он выпустил? И как он может узнать имя тени?

Верховный Маг говорил, что у тени нет имени. Однако у драконов своя мудрость. Их род на земле древнее, чем род человека. Мало кто из людей может угадать, что знает дракон и откуда он это знает. Такое под силу лишь Повелителям Драконов. Но для Геда было ясно одно: возможно, дракон и говорил правду, возможно, ему действительно удастся сказать Геду имя тени и таким образом дать ему власть над ней. Но даже если это так, он делает это в собственных целях.

— Нечасто драконы предлагают людям свою помощь,— сказал наконец молодой человек.

— Но ведь кошки очень часто играют с мышами прежде, чем убить их.

— Да, однако я пришел сюда не играть, и не для того, чтобы со мной играли. Я пришел сюда заключить с тобой сделку.

Как острый меч, но только в пять раз длиннее, кончик хвоста дракона по-скорпионьи изогнулся над его чешуйчатой спиной и поднялся над башней. Сухим трескучим голосом он проскрипел:

— Я не заключаю сделок. Просто беру то, что мне нужно. Что ты можешь предложить, чего я сам не могу у тебя взять?

— Жизнь. Твою жизнь. Поклянись, что никогда не будешь летать к востоку от Пендора, а я клянусь, что не трону тебя.

В горле чудовища послышался скребущий звук. Он был похож на отдаленный грохот обвала в горах. На его трехконечном языке плясал огонь. Дракон приподнялся еще выше и навис над развалинами:

— Ты мне предлагаешь жизнь! Ты мне угрожаешь! Но чем?

— Твоим именем, Йевод.

Голос Геда дрожал, когда он произнес это имя, но все-таки он назвал его четко и громко. Дракон застыл. Прошла минута, затем другая, и тогда Гед, стоявший в легкой лодочке, улыбнулся. Рискуя исходом дела и даже жизнью, он назвал имя дракона наугад. Вспомнив старые предания, что это тот дракон, наводивший ужас на западные районы Осскила еще во времена Эльфарран и Морреда. Его выгнал с Осскила волшебник Эльт, хорошо разбиравшийся в именах. Гед угадал правильно.

— Наши шансы равны, Йевод. На твоей стороне сила, а мне известно имя твое. Ну как, будем заключать сделку?

Дракон опять не ответил.

Много лет он, развалившись, пролежал на острове, где среди пыли, камней и костей были разбросаны золотые доспехи и изумруды. Он наблюдал, как его выводок, черные ящерки, играют между разрушенными домами и учатся летать, прыгая со скал. Он подолгу спал на солнышке, и не беспокоил его ни голос человека, ни парус корабля. Он состарился. Ему было трудно заставить себя двигаться, не говоря уже о том, чтобы драться с этим хилым мальчишкой-магом. Увидев посох Геда, старый дракон вздрогнул.

— Можешь выбрать девять камней из моих сокровищ,— наконец сказал он.

Его голос с шипением и воем вырывался из длинной пасти:

— Бери самые лучшие. Выбирай сам. А потом уходи!

— Мне не нужны твои камни, Йевод.

— Куда же подевалась людская жадность? В добрые старые времена на севере людям нравились яркие камушки... Я знаю, что тебе нужно, волшебник. Я тоже могу предложить тебе выгодную сделку, потому что знаю, что может спасти тебя. Тебя преследует ужас. Я скажу тебе его имя.

Сердце Геда учащенно забилось. Он вцепился в посох и замер, как перед тем замер дракон. Какое-то мгновение он боролся с внезапной и неожиданной надеждой.

Но сделка касалась не только его жизни. Дракона можно одолеть одним и только одним способом: отказавшись от своих личных надежд.

Тогда Гед сделал то, что обязан был сделать:

— Я не за этим пришел, Йевод.

Когда он произнес имя дракона, у него было такое чувство, будто затягивает на шее чудовища тонкую петлю. Весь облик дракона говорил о злобе и коварстве. Гед видел стальные когти длиною с человеческий локоть, твердую, как камень, шкуру, жаркое пламя, вырывающееся из пасти дракона, и все же петля затягивалась туже и туже.

Он снова обратился к дракону:

— Йевод! Поклянись своим именем, что ни ты, ни твои сыновья никогда не прилетите на Архипелаг.

Из пасти дракона вырвалось ревущее ослепительное пламя, и он сказал:

— Клянусь своим именем!

Потом на острове наступила тишина. Йевод печально склонил огромную голову.

Когда он снова ее поднял, волшебника уже не было, а парус его лодки казался белой точкой на востоке. Он плыл к плодородным и богатым драгоценными камнями островам внутренних морей. В ярости старый дракон Пендора поднялся в воздух, сломав при этом башню. Его крылья закрывали собою весь город. Но он был связан клятвой, и больше никогда не прилетал на Архипелаг.

6. ПОГОНЯ

Когда Пендор исчез за горизонтом, Гед посмотрел на восток. Страх перед тенью снова вернулся в сердце. Встреча с драконом заставила на время забыть о ней. Драконы представляли реальную угрозу для жизни. И он победил их, а как справиться с тенью, не знал. Гед остановил волшебный ветер, и теперь его лодку гнал обычный ветер: ему не хотелось спешить. У него не было определенного плана действий. Да, надо бежать, как советовал дракон. Но куда? Пожалуй, на Роук. Там, по крайней мере, он будет в безопасности и сможет попросить совета у мудрецов.

Однако необходимо вернуться в Нижний Торнинг и сказать жителям, что драконы не страшны больше островитянам.

Люди ждали возвращения Геда. Услышав радостную весть, жители спешили навстречу герою. Многолетний страх покинул их, и они стали радоваться свершившемуся чуду.

Жители острова окружили молодого волшебника тесным кольцом и попросили рассказать историю еще раз. Подошли новые слушатели и заставили Геда рассказывать все сначала. К вечеру они делали это сами, и притом гораздо лучше. Деревенские певцы положили рассказ на какую-то старинную мелодию и запели «Песню о Ястребе». Костры горели не только на островах Нижнего Торнинга, но и на других островах на юге и на востоке. Рыбаки передавали новость от лодки к лодке, от острова к острову: зло побеждено, драконы никогда не прилетят с Пендора!

Эта ветреная осенняя ночь была для Геда единственной радостной ночью. Никакая тень не могла бы омрачить его победы. Она не могла появиться среди ярких костров, горевших в честь победителя дракона. Тень не сумела бы проскочить сквозь хороводы смеющихся и танцующих вокруг Геда людей, которые воспевали его подвиг и размахивали факелами. Густые снопы искр вспыхивали и тут же гасли на ветру.

На следующий день он встретился с Печварри. Тот сказал ему:

— Я не знал, что вы такой сильный, господин волшебник.

В его словах слышался страх, потому что он осмеливался считать Геда своим другом, но был в них и скрытый упрек. Гед убил драконов, но не смог спасти его маленького сына. Глядя на Печварри, Гед с новой силой ощутил ту тревогу и беспокойство, которые гнали его на Пендор, а теперь заставляли бежать из Нижнего Торнинга. На следующий день он покинул дом на холме, хотя жители очень просили остаться. Вещей у Геда почти не было: только книги, посох и отак, сидевший на плече.

Он уехал на гребной лодке с двумя молодыми рыбаками, которые отвоевали для себя честь везти Геда. Они проплывали мимо кораблей и лодок в восточных проливах Девяноста островов, под окнами и балконами домов, нависающих над водой, мимо пристаней Нэша, влажных пастбищ Дромгана, масляных складов Гита. Все насвистывали «Песню о Ястребе». Увидев Геда, жители островов наперебой приглашали его переночевать у них и просили рассказать о драконе. Наконец Гед прибыл в Серд и обратился к капитану корабля с просьбой отвезти его на Роук.

— Это большая честь, господин волшебник, и для меня, и для моего корабля!

Итак, Гед покинул Девяносто островов. Как только корабль вышел из внутреннего порта Серда и поднял паруса, подул сильный встречный ветер с востока. Это было странно. Утром ничто не предвещало ненастья. Погода стояла холодная, но ясная и безветренная.

От Серда до Роука всего тридцать миль. Поэтому, когда ветер усилился, они не повернули назад, а продолжили свой путь. Маленький корабль был оснащен косым парусом, при помощи которого корабль может двигаться при встречном ветре. Капитан корабля, настоящий морской волк, по праву гордился своим искусством. Так, поворачивая с одного галса на другой, они пробивались на восток. Непонятно откуда собрались тучи, и полил дождь. Порывы ветра достигали такой силы, что корабль все время сносило.

— Господин Ястреб, вы не могли бы сказать словечко этому ветру? — обратился к молодому человеку капитан корабля. Он поместил гостя на почетном месте на корме, рядом с собой, хотя какие могут быть удобства в непогоду? Ливень был такой сильный, что их плащи набухли от воды.

— Сколько еще до Роука?

— Мы прошли больше половины, но уже час стоим на месте. Ветер не пускает нас, господин волшебник.

Гед обратился к ветру. Он немного стих, и некоторое время корабль шел довольно быстро. Внезапно со свистом налетел шквал, и их снова снесло на запад. Капитан яростно воскликнул:

— Этот чертов ветер дует со всех сторон сразу! Только волшебный ветер поможет нам прорваться сквозь бурю, господин волшебник!

Геда не особенно обрадовало предложение, но корабль и команда были в опасности из-за него, поэтому он наполнил паруса волшебным ветром. Корабль сразу же взял курс на восток, и капитан снова повеселел. Но постепенно волшебный ветер ослабел, хотя Гед не уставал повторять заклинание. Корабль на мгновение замер на волнах, паруса его беспомощно свисали, а вокруг свирепствовали дождь и ветер. Вдруг раздался сильный раскат грома, мачты качнулись, и корабль отскочил в сторону, как испуганная кошка, снова повернув на запад.

Гед ухватился за мачту, потому что корабль уже почти лежал на боку, и закричал:

— Капитан, поворачивайте назад, в Серд!

Капитан выругался и отказался:

— У меня волшебник на борту, а я самый опытный моряк в Западной провинции. К тому же это лучший корабль, на котором я когда-либо плавал. И чтобы повернуть назад?

Корабль снова накренился. Казалось, будто его киль попал в водоворот. Тогда капитан тоже схватился за мачту, чтобы его не смыло за борт. Гед сказал ему:

— Оставьте меня в Серде и плывите, куда хотите. Этот ветер дует не из-за вашего корабля, а из-за меня.

— Он против вас, волшебника с Роука?

— А разве вы никогда не слышали о ветрах Роука, капитан?

— Да, слышал. Они не пускают на остров Мудрецов силы зла. Но какое отношение это имеет к вам, укротителю драконов?

— Это касается меня и моей тени,— коротко ответил Гед, как обычно делают волшебники.

Они повернули и с хорошим попутным ветром пошли назад в Серд. Небо тут же прояснилось. По пути Гед не проронил ни слова. Он сошел с корабля в Серде. На сердце у него была тяжесть, а душу терзал страх.

Приближалась зима. Быстро смеркалось. С наступлением темноты беспокойство Геда всегда возрастало, и теперь за каждым поворотом ему чудилась опасность. Приходилось себя останавливать, чтобы все время не озираться. Он пошел в сердский Дом Моряков. Путешественники и купцы, благодаря щедрости городских властей, могли получить там ужин и ночлег. Люди спали в длинном зале, потолок которого подпирали мощные балки. Таково гостеприимство процветающих городов Дальнего моря.

Гед оставил немного мяса от ужина, сел у очага и выманил отака из складки своего капюшона, где тот пролежал весь день, свернувшись клубочком. Гед попытался его покормить, поглаживая и нашептывая:

— Хоег, хоег, мой маленький, мой молчун...

Но зверек отказался от пищи и спрятался у него в кармане. Это происшествие, а также его собственное подавленное и угнетенное состояние, зловещая темнота в углах огромной комнаты натолкнули Геда на мысль, что тень где-то рядом.

В этом доме никто не знал его: все постояльцы были путешественниками. Они приехали с других островов и никогда не слышали «Песню о Ястребе». Никто не пытался вовлечь Геда в беседу. Он выбрал себе тюфяк и прилег, но всю ночь не мог сомкнуть глаз и лежал, подняв глаза к потолку, под сонное дыхание незнакомых ему людей.

Всю ночь Гед пытался придумать какой-то план, решить, куда ему ехать и что делать. Но чем больше он думал об этом, тем сильнее охватывало чувство обреченности. Любой путь, по которому он мог бы пойти, перечеркивала тень. Единственным местом, куда она не могла проникнуть, был Роук, но туда поехать Гед не мог. Его не пускали волшебные стены, древние заклинания, охранявшие остров. Ветры Роука поднялись против него, и это еще раз доказывало, что тень поблизости.

Тень была бестелесна. Явившись оттуда, где нет ни света, ни пространства, ни времени, она не различала ни дня, ни ночи. Она кралась за ним через время и пространство солнечного мира, а ее самое можно увидеть только во сне или в темноте. У нее нет материальной оболочки, которая была бы видна при свете солнца. В балладе «Подвиг Хоуда» свет и тень описываются так: «Рассвет обозначает землю и море, форма образуется из тени, и сон уходит в царство тьмы». Но если эта тень когда-нибудь настигнет Геда, она высосет из него все силы, заберет тепло жизни и парализует волю.

Такой страшный исход Гед видел в конце любой из дорог, лежащих перед ним. Он понимал, что тень может обманом заманить его в свои сети, даже в эту самую минуту тень достаточно сильна, чтобы использовать для себя силы зла или злых людей. Тень может указать ему ложный путь или обратиться к нему голосом незнакомца. Вполне возможно, что сейчас она прячется в каком-нибудь человеке, спящем в одном из углов огромного зала. Может быть, она нашла прибежище в чьей-нибудь темной душе и теперь ждет, наблюдает за Гедом и питается его слабостью, неуверенностью и страхом.

Это было невыносимо. Он должен положиться на судьбу и бежать, куда она ему укажет. Едва за окном забрезжил рассвет, Гед встал и быстро пошел под угасающими звездами в порт Серда, решив сесть на первый попавшийся корабль, куда его возьмут.

На одно гребное судно загружали масло терби. Судно отплывало с восходом солнца и направлялось в Великий порт Хавнора. Гед попросил капитана взять его пассажиром. Как правило, посох волшебника являлся пропуском на любой корабль и одновременно платой за проезд. Капитан охотно взял его на борт. Не прошло и часа, как корабль отчалил. Гребцы взмахнули веслами, и настроение Геда тут же поднялось. Ритмичный бой барабана наполнял его сердце храбростью.

Правда, Гед не знал, что будет делать в Хавноре и куда ему бежать оттуда. Север ничуть не хуже любого другого направления. Он и сам северянин. Может быть, в Хавноре он найдет корабль, который отвезет его на Гонт, где Оджион даст Геду совет. Или же он сядет на судно, отправляющееся куда-нибудь в отдаленную провинцию, так далеко, что тень потеряет его из виду и прекратит погоню. Кроме этих неопределенных мыслей никакого другого плана у Геда не было. Он не видел перед собой дороги, которую мог бы выбрать. Он знал только одно: надо постоянно быть в движении.

К вечеру следующего дня сорок быстрых весел перенесли корабль по холодному зимнему морю на сто пятьдесят миль к северу. Они бросили якорь в порту Оррими на восточном побережье большого острова Хоск. Торговые гребные суда Дальнего моря всегда стараются держаться ближе к берегу и ночью, как правило, стоят на якоре в порту. Было еще светло, и Гед сошел на берег. Он бесцельно бродил по крутым улочкам портового города и предавался грустным размышлениям.

Оррими — старинный город с прочными каменными и кирпичными домами, с мощными стенами, надежно защищающими город от вождей воинственных племен, живущих во внутренних областях острова Хоск. Доковые склады больше похожи на форты, а дома торговцев укреплены и украшены башнями. Однако Гед воображал, что за стенами этих внушительных зданий лежит черная пустота, а люди, спешащие по делам, казались ему немыми тенями. После захода солнца он снова вернулся в порт, но даже море и суша,

несмотря на ярко-красный свет заката и сильный ветер, выглядели призрачными и пустынными.

— Куда вы направляетесь, господин волшебник? — обратился к нему кто-то сзади. Обернувшись, Гед увидел человека в сером. В руках у него тяжелый посох, но это был не посох волшебника. Лицо незнакомца скрывал капюшон. Однако Гед чувствовал на себе пристальный взгляд невидимых глаз. Гед сделал шаг назад и поставил свой тисовый посох между собой и незнакомцем.

Человек мягко спросил:

— Чего вы боитесь?

— Того, что идет у меня за спиной.

— Да, но ведь я не ваша тень.

Гед ничего не ответил. Он знал, что этот человек, кем бы он ни был, не представляет для него опасности. Он не тень и не привидение. В той глухой тишине и сумраке, которые завладели миром, у этого человека сохранился голос и довольно убедительная речь. Незнакомец откинул свой капюшон. Его странная лысая голова была покрыта шрамами, а лицо избороздили глубокие морщины.

— Я вас не знаю,— сказал человек в сером,— но могу предположить, что наша встреча не случайна. Однажды я слышал историю о молодом человеке со шрамами, который прорвался сквозь тьму, добился огромной власти и даже получил королевский сан. Не знаю, может быть, это ваша судьба. Вот что я скажу: если вам нужен меч, чтобы сражаться с тенью, поезжайте в замок Терренон. Тисовый посох не поможет.

Гед слушал, и в нем боролись надежда и недоверие. Волшебник знает, что его встречи с другими людьми редко бывают случайными.

— А где находится замок Терренон?

— В Осскиле.

Услышав это название, Гед почему-то вспомнил черного ворона на зеленой траве, косящего на него черным глазом, похожим на отполированный камешек. Ворон что-то сказал, но слова Гед забыл.

— У этого места довольно зловещее название,— сказал Гед, глядя на человека в сером и пытаясь угадать, кто это такой. По манере держаться он чем-то напоминал колдуна, а может быть, даже волшебника. Но в то же время, хотя он держался вполне уверенно, было в нем что-то странное, как бы униженное. Так иногда выглядят больные, пленники или рабы.

— Вы с Роука,— ответил незнакомец.— А волшебники Роука все считают зловещим, кроме собственного искусства.

— Кто вы?

— Путешественник, торговой агент из Осскила. Я здесь по делу,— сказал человек в сером. И поскольку Гед больше ничего не спрашивал, он тихо пожелал молодому человеку спокойной ночи и зашагал прочь по узкой улочке, ведущей в гору.

Гед повернулся к морю. Он сомневался: последовать ли ему совету незнакомца или нет? Он посмотрел на север. Последние

лучи заката быстро угасали над горами и над бурным морем. Сгущались сумерки, а за ними по пятам шла ночь.

Внезапно Гед принял решение. Он поспешно направился вдоль пристани к рыбаку, который укладывал сети в лодку, и крикнул ему:

— Вы не знаете, какой-нибудь корабль в этом порту направляется на север: в Семел или Энлад?

— Вот это судно из Осскила. Может быть, оно заходит в Энлад.

Не теряя ни минуты, Гед направился к большому кораблю. Это был шестидесятивесельный корабль, длинный, как змея. Он выглядел очень быстроходным. Резной нос украшали раковины, дверцы весельных отверстий были выкрашены в красный цвет, и на каждой дверце нарисована черной краской руна Сифл. Жутковатое зрелище, ничего не скажешь! Вся команда уже собралась на борту, и корабль был полностью готов к отплытию. Гед разыскал капитана и попросился пассажиром до Осскила.

— А тебе есть чем платить?

— Я немного умею управлять ветром.

— Это я и сам умею. Тебе нечем платить? Денег нет?

В Нижнем Торнинге жители по возможности платили Геду кусочками слоновой кости, ими пользуются торговцы на Архипелаге. Гед брал только по десять кусочков, хотя они предлагали ему больше. Он показал их осскильцу, но тот отрицательно покачал головой:

— У нас нет в обращении слоновой кости. Если тебе нечем платить, я не возьму тебя на борт.

— А гребцы вам не нужны? Я греб на галере.

— Да, нам не хватает двух гребцов. Найди свободное место на скамье,— сказал капитан и повернулся к Геду спиной.

Итак, положив свой посох и сумку с книгами под скамью, Гед в течение десяти хмурых зимних дней работал гребцом.

Они вышли из Оррими на рассвете. Днем Геду стало казаться, что не дотянет до вечера — так он устал. Левая рука плохо слушалась из-за старых ран на плече. Ему часто приходилось грести в проливах Нижнего Торнинга, но теперь это казалось детской забавой по сравнению с изнурительной работой, когда надо было без конца тянуть, тянуть и тянуть длинное весло галеры по два-три часа, потом за весла садились другие. За короткие часы отдыха одеревеневшие мускулы Геда не успевали отдохнуть, а надо было снова садиться за весла. На второй день ему стало еще хуже, но потом он привык к работе и вполне с ней справлялся.

На этом корабле у него не было таких товарищей, как на борту «Тени», во время его первого морского путешествия, когда он плыл на Роук. Моряки андрадских и гонтийских кораблей — партнеры в морской торговле. Они вместе работают и получают общую прибыль. А торговцы Осскила используют рабов в качестве гребцов или же нанимают гребцов и расплачиваются золотыми моне-

тами. Золоту придают в Осскиле огромное значение, хотя оно не дает людям чувства товарищества.

Половина команды состояла из рабов. Капитан и его помощники были рабовладельцами, и весьма жестокими. Но они никогда не касались кнутом спины наемного гребца, работавшего за деньги или отрабатывавшего проезд. В команде, где одних секут, а других — нет, не может быть дружеских отношений.

Гребцы мало разговаривали друг с другом, а с Гедом и того меньше. В основном это были жители Осскила. Они говорили между собой не на хардийском языке Архипелага, а на своем диалекте. То были суровые люди с бледной кожей, длинными черными усами и гладкими волосами. Они называли Геда «келуб», что означает «рыжий». Они знали, что Гед волшебник, но не проявляли к нему никакого уважения. Скорее в их отношении чувствовалась скрытая неприязнь. Да и у него тоже не было настроения заводить друзей.

Корабль несся по пустынному серому морю. Гед ритмично работал веслом вместе с шестьюдесятью другими гребцами. Но даже во время работы он чувствовал себя слабым и беззащитным. Когда заходили на ночь в незнакомые порты, он заворачивался в плащ и засыпал, но, несмотря на усталость, его мучали страшные сны. Гед просыпался, снова засыпал, и тогда кошмар начинался снова. Проснувшись, не мог вспомнить эти сны, хотя ему снились те, кто был с ним на корабле, поэтому он не доверял никому.

Все свободные осскильцы носили на бедре длинный нож. Однажды, когда смена Геда обедала, один из гребцов спросил его:

— Келуб, ты раб или клятвопреступник?

— Ни то, ни другое.

— Тогда почему же у тебя нет ножа? Драться боишься? — усмехнувшись, сказал гребец по имени Скиор.

— Нет, не боюсь.

— Или твоя собачка дерется за тебя?

— Отак,— сказал другой гребец, слышавший этот разговор,— не собачка, а отак.

Он добавил что-то по-осскильски, отчего Скиор нахмурился и отвернулся. В этот момент Гед заметил, что в лице Скиора что-то изменилось. Черты его лица исказились, как будто какая-то сила преобразила внешность гребца, и теперь смотрела на Геда глазами Скиора. Когда Гед взглянул на него снова, Скиор выглядел, как обычно. Тогда Гед сказал себе, что ему померещилось со страху. Наверное, это был его собственный ужас, отразившийся в глазах другого человека. Но прошлой ночью, когда они стояли на якоре в порту Эсен, Геду снился сон, в котором участвовал Скиор. Тогда Гед стал избегать его. Казалось, что Скиор тоже сторонится Геда. Больше они не разговаривали.

Покрытые снегом вершины Хавнора остались далеко на юге, растворившись в тумане рано наступившей зимы. Они миновали пролив, ведущий в море Эа, где много лет назад утонула Эльфарран,

и прошли мимо Энлада. Два дня стояли в порту Берила, в городе Слоновой Кости. Этот белый город, расположенный на западе легендарного Энлада, высоко поднимался над заливом. Во время всех стоянок команде было приказано оставаться на борту корабля, сходить на берег запрещалось. И вот однажды на рассвете, когда над морем вставало красное солнце, они вошли в Осскильское море, где с безбрежных морских просторов Северной провинции дуют северо-восточные ветры. Корабль благополучно перевез груз через это коварное море и на второй день после отплытия из Берилы вошел в порт Нешум — торговый город Восточного Осскила.

Гед увидел пологий берег, по которому гулял ветер и хлестал дождь. Серый город приютился за длинными каменными волноломами, образующими гавань. За городом виднелись холмы, а над ними нависли снеговые тучи.

На борт поднялись грузчики морской гильдии Нешума, чтобы выгрузить товар — золото, серебро, драгоценности, тонкие шелка и южные гобелены — предметы роскоши, которые копят правители Осскила. Наемные гребцы покинули корабль.

Гед остановил одного из них, чтобы узнать дорогу. До сих пор он никому не говорил, куда едет, потому что не доверял им, но теперь, оставшись в одиночестве и без средств передвижения, был вынужден расспрашивать о дороге. Человек нетерпеливо отмахнулся, проворчав, что не знает. А Скиор, слышавший его вопрос, неожиданно сказал:

— Замок Терренон? На Кексемтских болотах. Я иду туда.

Нельзя сказать, чтобы общество Скиора было Геду приятно, но он не знал ни языка, ни дороги и у него не было выбора. Да это и неважно, решил Гед. Ведь он вообще здесь не по своей воле. Его привели сюда обстоятельства, и сейчас он снова вынужден им подчиниться. Гед натянул на голову капюшон, взял посох и сумку и пошел следом за осскильцем по городским улицам, а потом вверх по заснеженным холмам. Маленький отак не захотел сидеть у него на плече, а спрятался в кармане его овечьей куртки под плащом, где всегда сидел в холодную погоду. Постепенно холмы перешли в унылые вересковые поля, простиравшиеся до самого горизонта. Они шли молча, и на земле тоже лежало молчание зимы.

— Далеко еще? — спросил Гед после того, как они прошли несколько миль.

Вокруг не было видно ни деревень, ни ферм. И вдруг Гед вспомнил, что у них нет с собой пищи. Скиор быстро повернул голову, натянув капюшон, и ответил:

— Недалеко.

Лицо попутчика было безобразно: бледное, грубое и жестокое. Но Гед не боялся людей, хотя предполагал, что от такого человека можно ждать чего угодно. Он кивнул, и они пошли дальше.

Дорога тонкой нитью тянулась по равнине, покрытой первым снегом, между голыми кустиками вереска. Время от времени ее пересекали другие дороги, а иногда она разветвлялась. Теперь

дымящиеся трубы Немуша скрылись за горами. Начинало смеркаться. Под снегом дорогу почти не было видно. Только ветер все время дул с востока. Вдруг, после нескольких часов ходьбы, Геду показалось, что он видит впереди на фоне неба крошечное белое пятнышко, похожее на зуб. Но короткий день уже подходил к концу, темнело, и на следующем подъеме дороги ему так и не удалось разглядеть, что это было: дерево, башня или что-нибудь еще.

— Мы туда идем? — спросил он, указывая в ту сторону.

Скиор не ответил, но упорно шагал по дороге, закутанный в свой грубый плащ с остроконечным осскильским капюшоном, подбитый мехом. Гед брел рядом. Они уже прошли немалое расстояние, и от монотонного ритма их ходьбы, усталости, накопившейся за время морского путешествия, Геда стало клонить в сон. Ему начало казаться, что он всегда шел и будет вечно идти по сумеречной равнине рядом с этим молчаливым созданием. Осторожность и бдительность притупились. Он шел как бы в летаргическом сне, шел в никуда.

Отак пошевелился у него в кармане, и в сознании Геда тоже шевельнулся какой-то неясный страх. Он заставил себя говорить:

— Темнеет, и снег скоро пойдет. Далеко еще, Скиор?

Его спутник немного помолчал и, не оборачиваясь, ответил:

— Недалеко.

Но этот голос не был похож на человеческий, он больше походил на хриплый голос зверя, неловко пытающегося говорить.

Гед остановился. Вокруг были лишь пустынные холмы, едва видимые в последнем свете угасающего дня. Кружась, падали редкие снежинки.

— Скиор! — позвал он.

Его спутник остановился и повернулся. Лица под остроконечным капюшоном не было.

И прежде чем Гед успел произнести заклинание или прибегнуть к помощи волшебных сил, геббет сказал хриплым голосом:

— Гед!

Теперь молодой человек не мог совершить превращения: он стал беззащитен перед геббетом. В этой чужой стране помощи ждать было не от кого. Он здесь никого не знал, и никто бы не откликнулся на его зов. Гед стоял лицом к лицу с тенью, и между ним и его врагом не было ничего, кроме тисового посоха, который он держал в правой руке.

Тень, поглотившая разум Скиора, сделала шаг в сторону Геда и протянула к нему руки. Ужас и ярость охватили Геда, он размахнулся и изо всех сил нанес удар. Посох со свистом опустился на капюшон, скрывавший лицо тени. От этого мощного удара капюшон и плащ свалились на землю, сбившись в бесформенную кучу, как будто внутри ничего не было, кроме воздуха. Но потом, извиваясь и хлопая на ветру, одежда снова встала. Тень высосала из Скиора его душу, и его тело стало чем-то вроде раковины или оболочки, имеющей форму человека. Это не настоящий человек —

на самом деле им управляет тень. Она дергалась и колыхалась на ветру, протягивая руки.

Она шла на Геда, пытаясь схватить его, как когда-то на холме Роук. Если бы ей это удалось, то она бы отбросила оболочку Скиора и вселилась в Геда, пожрала бы его изнутри и завладела его разумом — такова была ее цель. Тяжелым дымящимся посохом Гед ударил ее еще раз и отбросил от себя, тень напала снова, и он снова ее ударил, а потом бросил посох, потому что дерево горело, дымилось и жгло руку. Он сделал шаг назад, затем резко повернулся и побежал.

Он бежал, а за ним по пятам гналась тень. Она никак не могла догнать его, но и не отставала. Гед не оглядывался. Он бежал и бежал по бескрайней полутемной равнине, где и спрятаться было негде. Один раз тень снова позвала его по имени своим хриплым свистящим голосом, тем самым отняв у него силу волшебника. Но она не имела власти над физической силой и не могла его остановить. Он бежал дальше.

На преследователя и убегающего опустилась ночь. На тропинку падал мелкий снег, и глаза Геда совершенно перестали ее различать. В висках у него стучало, горячее дыхание обжигало горло. В сущности, он уже не бежал, а брел, спотыкаясь и шатаясь, но неутомимый преследователь никак не мог его догнать. Тень начала что-то шептать и бормотать, звать его. Гед знал, что этот шепот всегда присутствовал в его жизни, но находился ниже порога слышимости, а теперь он слышал его. Тень шептала: он должен покориться, должен сдаться, должен остановиться. И все же Гед продолжал бежать из последних сил вверх по длинному темному склону. Ему показалось, что где-то впереди мелькнул огонек и послышался голос, зовущий его: «Сюда, сюда!»

Он хотел ответить, но не смог. Слабый огонек стал ярче: он светил за воротами, к которым бежал Гед. Он не видел стен дома, перед его глазами были только ворота. Гед остановился, и геббет тут же схватил его сзади за плащ, пытаясь вцепиться в спину. Теряя последние силы, Гед ввалился в дверь, за которой горел неяркий свет. Он попытался затворить ее за собой, чтобы не вошел геббет, но ноги уже не держали его. Гед зашатался, ему захотелось обо что-нибудь опереться. Огни поплыли у него перед глазами, и он почувствовал, что падает, но чьи-то руки подхватили его. Больше Гед ничего не помнил: силы покинули его, и он потерял сознание.

7. ПОЛЕТ ЯСТРЕБА

Гед проснулся и долго лежал, думая только о том, как приятно просыпаться и видеть вокруг себя свет, целое море яркого дневного света. Ведь он уже не надеялся проснуться снова. Ему казалось, будто он парит в этом свете или лежит в лодке, плывущей по очень спокойной воде.

Наконец, он понял, что лежит в кровати, но в такой кровати ему еще не приходилось спать. Кровать стояла на четырех высоких резных ножках. А огромные шелковые матрасы, набитые пухом, были такие мягкие, что Геду казалось, будто он плывет. Над кроватью висел малиновый балдахин, защищавший от сквозняков. С одной стороны балдахин был раздвинут, и Гед увидел комнату с каменными стенами и каменным полом. Три высоких окна выходили на вересковые поля, коричневую пустынную равнину, местами покрытую снегом. В комнату проникали слабые лучи зимнего солнца.

Гед сел в постели. Атласное пуховое одеяло соскользнуло, и он увидел, что на нем надета шелковая туника, расшитая серебром, как у знатного господина. На стуле рядом с кроватью лежали приготовленные для него лайковые сапоги и плащ, подбитый мехом пеллави. Он сидел, спокойный и безразличный ко всему, будто во власти чар. Потом Гед встал и протянул руку за посохом. Однако посоха не было.

Ладонь и пальцы на правой руке болели, но рука была смазана мазью и завязана. Теперь он чувствовал боль в руке и во всем теле.

Некоторое время он стоял без движения. Потом на всякий случай тихо прошептал: «Хоег, хоег...», но отважного и верного друга тоже не было. Это маленькое молчаливое создание когда-то вывело Геда из царства смерти. Был ли зверек с ним вчера ночью, когда он бежал? И когда все произошло? Вчера ночью или много дней назад? Этого он не знал. Все смешалось в его памяти: он помнил геббета, горящий посох, бег, свистящий шепот, ворота. Но ясности в мыслях не было. Да и сейчас Гед далеко не все понимал. Он еще раз тихонько позвал своего питомца, уже не надеясь, что тот прибежит. Глаза наполнились слезами.

Где-то зазвенел маленький колокольчик, затем к нему присоединился второй рядом с комнатой Геда. Дверь открылась, и вошла женщина.

— Добро пожаловать, Ястреб,— улыбаясь, сказала она.

Женщина была молодая и высокая, в белом платье, расшитом серебром. Прическу ее украшала серебряная сетка, а из-под нее черным водопадом спадали длинные прямые волосы.

Гед неловко поклонился.

— Наверное, вы меня не помните?

— Не помню.

Он никогда не видел такой красивой женщины, и к тому же прекрасно одетой, за исключением госпожи О, которая приезжала с правителем О на Роук по случаю праздника Возвращения Солнца. Та была похожа на легкое яркое пламя свечи, а эта напоминала молодую серебряную луну.

— Я так и думала, что вы меня не помните,— сказала она, улыбаясь,— но, несмотря на вашу забывчивость, вы здесь желанный гость — ведь мы старые друзья.

— Как называется это место? — спросил Гед. Он никак не мог окончательно прийти в себя и еле ворочал языком. Нелегко было с ней разговаривать, и в то же время он не мог отвести глаз. Роскошная одежда, в которую он одет, была непривычна. Пол выложен каким-то неизвестным ему камнем. Воздух, которым дышал, чужой, да и сам он явно не был самим собой.

— Это замок Терренон. Мой супруг, господин Бендереск,— владелец этих земель, от края Кексемтских болот на север до гор Ос, и хранитель драгоценного камня, который называется Терренон. Меня здесь, в Осскиле, называют Серрет, на их языке это означает «серебро». А тебя зовут Ястреб, и я знаю, что тебя произвели в волшебники на острове Мудрецов.

Гед посмотрел на обожженную руку и, немного подумав, сказал:

— Теперь я не знаю, как мне себя называть. Раньше я был волшебником, но по-моему утратил этот дар.

— Нет! Ты его не утратил, разве что для того, чтобы стать в десять раз сильнее. Здесь ты в безопасности, мой друг. Здесь тебя не настигнет тот, кто за тобой гнался. У этой башни мощные стены, и они сделаны не из одних только камней. Здесь отдохнешь и соберешься с силами. Здесь ты можешь обрести новые силы и получить новый посох. Он уже не сгорит дотла у тебя в руке. В конце концов нет худа без добра. А теперь пойдем со мной, я покажу тебе наши владения.

Ее нежный голос так заворожил Геда, что он почти не вникал в смысл слов, а только слушал чарующие звуки. Он пошел за ней.

Его комната находилась в верхней части башни, которая возвышалась над вершиной горы, как острый зуб. Он шел за Серрет вниз по винтовой мраморной лестнице, через роскошные комнаты и залы, мимо высоких окон, которые с севера, запада, юга и востока выходили на низкие коричневые холмы. Эта однообразная холмистая равнина без единого домика или дерева простиралась до самого горизонта и сливалась с ясным зимним небом. Только далеко на севере на фоне голубого неба виднелись маленькие белые пики, а на юге чувствовалась близость моря.

Слуги открывали двери и почтительно становились в сторону, пропуская Геда и даму. Все они были бледными и суровыми осскильцами. У нее тоже была белая кожа, но в отличие от слуг Серрет хорошо говорила по-хардийски, даже, как показалось Геду, с гонтийским акцентом. Позднее она представила его своему мужу, лорду Бендереску, владельцу Терренона. Он был втрое старше, тщедушный седой старик с бесцветными глазами.

Лорд Бендереск приветствовал Геда с холодной вежливостью и мрачно пригласил его погостить в Терреноне, сколько Гед пожелает. Больше он почти ничего не сказал и не расспрашивал Геда ни о путешествиях, ни о вчерашней погоне. Леди Серрет тоже не касалась этих вопросов.

И сам замок, и его порядки казались Геду странными. К тому же в силу каких-то необъяснимых причин мысли Геда по-прежнему

путались, он не мог мыслить четко. Он попал в замок-хранилище случайно, но эта случайность была хорошо спланирована? Или же наоборот, он попал сюда в результате какого-то замысла и случайность помогла этому замыслу осуществиться? Ведь он ехал на север, потому что незнакомец в Оррими посоветовал ему искать помощи именно в замке Терренон, осскильский корабль уже ждал его, а сюда его привел Скиор. Что в этой истории было делом рук тени? Или тень вообще тут ни при чем? Может быть, его самого и его преследователя привела сюда какая-нибудь другая сила? Может быть, он попался на приманку, а тень отправилась за ним следом и в нужный момент использовала Скиора в качестве орудия? Да, видимо, так оно и было, потому что тень, как справедливо заметила Серрет, не могла войти в замок Терренон.

С того самого утра, как он проснулся в замке, он чувствовал, что ее нет поблизости, что она не крадется за ним по пятам. Но что же тогда заставило его прийти сюда? В такое место случайно не забредешь. Несмотря на путаницу в мыслях Гед начинал понимать. Никто из чужих к воротам не подходил. Замок стоял в отдаленном и уединенном месте. Его ворота и окна выходили на пустынную равнину, на сторону, противоположную Нешуму — ближайшему к замку городу.

День за днем Гед смотрел в окно, сидя в своей комнате в высокой башне. На душе было тоскливо и тяжело, и еще он все время мерз. В башне всегда было холодно, несмотря на ковры, гобелены, подбитую мехом одежду и мраморные камины. Этот холод пронизывал Геда насквозь, и он никак не мог согреться.

Кроме того, Гед не мог избавиться от стыда, поселившегося в его сердце: он все время вспоминал схватку с тенью, поражение и побег. Иногда представлял себе, как собрались бы вместе все учителя Роука. Среди них стоял, нахмурившись, Верховный Маг Геншер, а еще там были Неммерль, Оджион и даже колдунья, научившая его первому заклинанию. Все они пристально смотрели на него, и он понимал, что не оправдал их надежд.

— Если бы я не убежал, тень завладела бы мной. Она уже сожрала Скиора и отняла много сил у меня. Я не мог сражаться с ней, потому что она знала мое имя. Я вынужден был убежать. Волшебник-геббет был бы страшной силой разрушения и зла. У меня не было другого выхода.

Но воображаемые слушатели не отвечали. Он смотрел, как на голые холмы бесконечно падает мелкий снег. Холод леденил его душу, и скоро он больше ничего не чувствовал, кроме усталости.

Геда охватила тоска, и он много дней провел в одиночестве, а в тех редких случаях, когда выходил из комнаты, замыкался и ни с кем не разговаривал. Красота хозяйки замка смущала его. В этом богатом, красивом, ухоженном, но странном замке Гед чувствовал себя козопасом по рождению и воспитанию.

Они оставляли его в одиночестве, когда он хотел побыть один. А когда уставал от собственных мыслей и от падающего снега,

Серрет принимала его в одном из нижних залов, и они разговаривали у камина. В хозяйке замка не было веселья, она никогда не смеялась, хотя часто улыбалась. И одна ее улыбка могла успокоить Геда. С ней он чувствовал себя более свободно и непринужденно. Скоро они стали встречаться каждый день и разговаривали о том, о сем у камина или у окна в одной из высоких комнат башни.

Старый хозяин бóльшую часть времени проводил в своих апартаментах и выходил только по утрам. Он прогуливался взад-вперед по заснеженным внутренним дворикам замка, как старый колдун, всю ночь варивший зелье. Он ужинал вместе с Гедом и Серрет, все время молчал и временами бросал на молодую жену тяжелый алчный взгляд. Тогда Геду становилось жаль ее. Она была похожа на белую лань в клетке, на белую птицу с подрезанными крыльями, на серебряное кольцо на пальце у старика. Она была одним из сокровищ Бендереска. Когда хозяин хранилища покидал их, Гед оставался с ней и старался скрасить ее одиночество в благодарность за ее доброту.

— А что это за камень, именем которого назван ваш замок? — спросил он ее как-то после ужина при свечах.

На столе стояли еще не убранные золотые тарелки и кубки.

— Ты не слышал о нем? Это знаменитый камень.

— Нет, я только знаю, что правители Осскила знамениты своими сокровищами.

— О, этот камень сверкает ярче других. Пойдем. Хочешь посмотреть на него?

Она улыбнулась насмешливо и в то же время нервно, как будто сама немного побаивалась, и повела молодого человека по узким коридорам нижнего этажа замка, а потом по лестнице, ведущей в подземелье. Они подошли к запертой двери, которую он раньше не видел. Серрет открыла ее серебряным ключом и посмотрела на Геда с той же самой улыбкой, как бы приглашая его принять участие в этом приключении. За дверью были короткий коридор и еще одна дверь, которую она открыла золотым ключом, а за ней — третья. Ее она открыла заклинанием Отпирания. Когда открылась последняя дверь, свеча осветила маленькую комнату, похожую на темницу: стены, пол и потолок были сделаны из грубого камня. Никакой мебели в ней не было, комната была совершенно пуста.

— Видишь его? — спросила Серрет.

Гед оглядел комнату взглядом волшебника и обратил внимание на одну из каменных плит в полу. Она была такая же грубая и сырая, как остальные: тяжелый необработанный камень, но Гед чувствовал силу этого камня так, как будто камень говорил с ним. У него перехватило дыхание и закружилась голова. Это был главный камень замка, его центр, и здесь царил холод, ледяной холод. Ничто не могло согреть маленькую комнату. Это был очень древний камень, и в нем заперт древний и страшный дух. Он не ответил ни

да, ни нет, а молча стоял и смотрел. Тогда она удивленно взглянула на него и показала на камень:

— Это Терренон. Тебе кажется странным, что мы заперли наш драгоценный камень в самом глубоком хранилище?

Гед по-прежнему ничего не отвечал, он насторожился. Может, она придумала Геду такое испытание? Но ему казалось, что она понятия не имеет, что это за камень, иначе бы не говорила о нем с такой легкостью. Серрет слишком мало знала о нем, чтобы опасаться.

— Расскажи мне о его силе,— попросил он наконец.

— Он был сделан еще до того, как Сегой поднял острова из Открытого моря. Он был сделан тогда, когда создавалась Земля, и будет существовать до конца света. Для него нет времени. Если ты положишь на него руку и задашь ему вопрос, он ответит, если ты сможешь понять ответ. У него есть голос, только надо уметь его слушать. Он говорит о вещах, которые были, есть и будут. Он сообщил о твоем прибытии задолго до того, как ты приехал в эту страну. Ты спросишь что-нибудь у камня?

— Нет.

— Но он ответит на твой вопрос.

— У меня нет вопроса, который я хотел бы задать.

— Он может сказать тебе, как победить твоего врага,— тихо сказала Серрет.

Гед молчал.

— Ты боишься камня? — спросила она недоверчиво.

— Да.

В комнате, окруженной стенами из камня и заклинаний, было холодно и тихо, как в склепе. Серрет снова взглянула на него, и в ее глазах отразилось пламя свечи, которую она держала в руках.

— Нет, Ястреб,— сказала она,— ты не боишься.

— Все равно я не буду разговаривать с этим духом,— ответил Гед и, посмотрев ей прямо в глаза, добавил с мрачной решимостью: — Леди Серрет, этот дух заперт в камне, а камень запечатан заклинанием. И это заклинание, заговоренный замок и тройные стены охраняют его не потому, что он драгоценный, а потому, что он может причинить много горя. Я не знаю, что вам рассказывали об этом камне, когда вы приехали сюда. Вы молоды и добры, вам нельзя касаться его и даже смотреть на него. Это не принесет вам добра.

— Я прикасалась к нему. Разговаривала с ним и слышала его голос. И он ничего мне плохого не сделал.

Она повернулась, и они пошли назад через двери и коридоры. Лестницы в башне освещали факелы, поэтому свеча уже была не нужна, и она ее задула. Они сухо попрощались и разошлись по своим комнатам.

Ночью Гед никак не мог уснуть. Теперь камень, на котором был построен замок, вытеснил тень из его мыслей. Перед глазами вставало прекрасное лицо Серрет, на котором играли тени и блики

от пламени свечи. Снова и снова он чувствовал на себе взгляд устремленных на него глаз и пытался понять, что же он увидел в этих глазах, когда отказался коснуться камня: презрение или обиду? Шелковые простыни холодили тело, как лед, и он часто просыпался: мысли о камне и глаза Серрет не давали спать.

На следующий день он встретился с ней в зале, отделанным серым мрамором, в окна которого падали лучи заходящего солнца. Она часто проводила здесь вечера за играми или вышиванием в обществе своих служанок. Он сказал ей:

— Леди Серрет, я обидел вас. Простите меня.

— Нет,— сказала она задумчиво,— нет...

Она отослала служанок и, когда они остались одни, обратилась к Геду:

— Мой друг, мой гость,— сказала она,— вы очень прозорливы, но, может быть, даже вам не дано увидеть все. На Гонте и Роуке учат волшебству. Но существуют и другие колдовские силы. Здесь Осскил, страна воронов. Это не хардийская страна, здесь нет магов, да и маги с Архипелага мало что знают об Осскиле. Тут происходят события, неведомые магам с юга, существуют вещи, которых нет в списках географов. А человек боится неизвестного. Но в замке Терренон вам нечего бояться. Может быть, для слабого человека этот камень и опасен, но не для вас. Вам от рождения дана сила повелевать камнем, который находится в закрытой комнате. Я знаю это. Именно поэтому вы здесь находитесь.

— Я не понимаю.

— Дело в том, что лорд Бендереск не был до конца откровенен с вами. Сейчас я вам все расскажу.

Он сел около нее на широкий, покрытый подушками подоконник. Лучи заходящего солнца светили прямо в окно и наполняли комнату светом, но не согревали. На вересковых полях внизу тонким белым покрывалом лежал нерастаявший вчерашний снег.

Теперь она говорила очень тихо:

— Лорд Бендереск — хозяин и наследник Терренона, но он не может пользоваться камнем, не может полностью подчинить его своей воле. И я тоже не могу, ни одна, ни вместе с ним. Ни у него, ни у меня нет для этого ни силы, ни мастерства. У вас есть и то, и другое.

— Откуда вам это известно?

— От самого камня! Я же говорила вам, что он предупреждал о вашем приходе. Он знает своего хозяина. Он ждал вас. Он ждал вас еще до того, как вы появились на свет. Он ждал своего повелителя. И тот, кто может заставить Терренон ответить на свои вопросы и выполнить свои желания, сам распоряжается судьбой. У него есть сила, чтобы сразить любого врага на том и на этом свете. Он может предугадать любое событие. Камень даст ему знания, богатства, земли и волшебную силу, которая посрамит самого Верховного Мага. Вы можете просить все, чего пожелаете и сколько пожелаете.

Она снова подняла на него свои странные сияющие глаза. Ее взгляд пронзил его, и он вздрогнул как от холода. И в то же время на ее лице застыло выражение страха, как будто она искала его помощи, но была слишком горда, чтобы просить ее. Гед смутился. Когда она говорила, ее кисть легко касалась его руки. По сравнению с его сильной смуглой рукой ее белая рука казалась совсем маленькой. Он попытался отговорить ее:

— Серрет! Я не обладаю такой силой, как вы думаете, а то, что имел, я потерял. Я не могу помочь, от меня вам не будет никакой пользы. Но я знаю наверняка: люди не должны пытаться подчинить себе Древние Силы Земли. Они никогда не были нам подвластны, и в наших руках принесут только вред. Зло рождает зло. Я пришел сюда не по своей воле, а по принуждению, и сила, которая вынудила меня прийти сюда, хочет меня уничтожить. Я не могу вам помочь.

— Тот, кто теряет силу, иногда приобретает еще больше,— сказала она, улыбаясь, как будто считала его страхи и сомнения наивными.— Возможно, я лучше, чем вы, знаю, что привело вас сюда. Разве с вами не разговаривал человек на улице в ОрРими?

Это был посланец, слуга Терренона. Когда-то он сам был волшебником, но выбросил посох и стал служить более могучим силам. А вы приехали в Осскил и на болотах пытались сражаться с тенью своим деревянным посохом. Нам еле удалось спасти вас: тень, которая вас преследует, более коварна, чем мы предполагали, и к тому же она уже отняла у вас немало сил... Только тень может сразиться с тенью, только тьма может победить тьму. Послушай, Ястреб! Что тебе нужно, чтобы одолеть тень, которая поджидает тебя за этими стенами?

— Мне нужно то, чего я не знаю: ее имя.

— Терренон знает всех, кто родился и умер, все души до и после смерти, всех неродившихся и неумирающих из мира света и мира тьмы. Он скажет тебе это имя.

— А какая будет цена?

— Никакой. Говорю же, он будет повиноваться тебе и служить как раб.

Его терзали сомнения, и он не знал, что ей ответить. Теперь она обеими руками держала его за руку, заглядывала ему в лицо. Солнце давно исчезло за тучами, застилавшими горизонт. Темнело, но ее лицо осветилось радостью: глядя, как он колеблется, она поняла, что ее слова достигли цели. Она тихо прошептала:

— Ты будешь сильнее всех людей, ты будешь королем. Ты будешь править, и я буду править вместе с тобой...

Вдруг Гед вскочил и сделал шаг вперед: за дверью стоял хозяин Терренона и подслушивал, слегка улыбаясь.

Глаза Геда оживились: в голове созрело решение. Он посмотрел на Серрет.

— Нет, только свет может победить тьму,— сказал он, запинаясь.— Только свет.

Вдруг Гед понял, как будто собственные слова подсказали ему, как его сюда завлекли, заманили, как они использовали его страх, чтобы управлять им, и для чего он им нужен. Они действительно спасли его от тени, они не хотели, чтобы им завладела тень прежде, чем он станет рабом камня. Но как только его воля подчинилась бы воле камня, они тут же пустили бы в замок тень, так как геббетом управлять легче, чем человеком. Если бы он хоть раз дотронулся до камня или поговорил бы с ним, он бы попал в их ловушку. Но пока что ни тени, ни камню не удалось одолеть его. Гед был готов сдаться, но не сдался. А злу нелегко одолеть того, кто не вступает с ним в сделку.

Он стоял между двумя людьми, уже вступившими в сговор с силами зла, согласившимися им служить, и смотрел то на Серрет, то на Бендереска. Бендереск сделал шаг вперед:

— Я предупреждал тебя, он выскользнет из твоих рук, Серрет. Эти гонтийские колдуны не такие уж простаки. А вот ты, гонтийская женщина,— дура. Думала провести и его, и меня, ослепить нас красотой и пользоваться Терреноном в своих целях. Но я хозяин камня, и вот что я сделаю с неверной женой: экаврое ат оелвантар...

Это было заклинание Превращения.

Бендереск поднял руки, чтобы превратить сжавшуюся от ужаса женщину в какое-нибудь уродливое существо — свинью, собаку или старую каргу.

Гед быстро шагнул вперед и ударил Бендереска по рукам, сказав при этом одно короткое слово. И, хотя у него не было посоха, чужие стены давили на него, а вокруг царили силы зла, его воля победила. Бендереск замер и с ненавистью взглянул на Серрет, потом взор его затуманился.

— Пойдем, Ястреб,— сказала женщина дрожащим голосом,— пойдем скорее, пока он не вызвал слуг камня...

В этот миг как будто в подтверждение ее слов сквозь стены башни и каменные плиты пола пробежал глухой рокот, раздался грохот, словно заговорила сама земля.

Схватив Геда за руку, Серрет тащила его за собой по коридорам и залам, потом вниз по длинной винтовой лестнице. Они выбежали во внутренний двор, покрытый грязным затоптанным снегом. Сгущающиеся сумерки окрасили предметы в серебряный цвет. Трое слуг преградили им дорогу. Вид у них был угрюмый и вопрошающий, как будто они подозревали Геда и Серрет в заговоре против их хозяина.

— Уже темнеет, госпожа,— сказал один из слуг, а другой добавил:

— Сейчас нельзя ехать верхом.

— Прочь с дороги, мерзавцы! — крикнула Серрет на свистящем осскильском наречии.

Слуги отпрянули, а потом согнулись, корчась от боли. Один из них громко вскрикнул.

— Мы должны выйти через ворота, другого выхода нет. Видишь ворота, ты можешь их найти, Ястреб?

Она тянула его за руку, но он был в нерешительности.

— Что вы с ними сделали?

— Я залила горячий свинец в их костный мозг, они теперь умрут. Скорее, скорее, а то он выпустит слуг камня. Я не могу найти ворота. Они очень надежно заговорены. Скорее!

Гед не сразу понял, чего она хочет. Он прекрасно видел заколдованные ворота, не хуже, чем арку, за которой они виднелись. Он провел Серрет под аркой, по свежему снегу быстро перебежали передний двор. Здесь он произнес заклинание, и они прошли через заколдованные ворота.

Как только она вышла за ворота и серебряный сумрак замка Терренон остался позади, ее лицо изменилось. В мрачном окружении болот она не стала менее красивой, но то была злобная красота колдуньи. Наконец Гед ее узнал: это была дочь правителя Ре Альби и осскильской колдуньи, та девочка, которая когда-то дразнила его на зеленом лугу за домом Оджиона. Это она заставила его произнести заклинание, чтобы выпустить тень. Но ему некогда было предаваться воспоминаниям. Гед настороженно оглядывался, ища тень, своего врага, который поджидал его за волшебными стенами. Может быть, она все еще скрывается в теле Скиора, а может быть, прячется в сгущающейся тьме, ждет удобного момента, чтобы накинуться на Геда и поселить свою бесформенную массу в его живой плоти. Он чувствовал, что она близко, но не видел ее. Вдруг он заметил на снегу какой-то маленький темный предмет. Гед остановился и осторожно поднял его. Это был отак. Его красивый короткий мех весь слипся от спекшейся крови, а легкое крошечное тельце уже окоченело.

— Превращайся! Превращайся, они летят! — пронзительно закричала Серрет. Она схватила его за руку и указала на башню, торчавшую подобно длинному белому зубу на фоне темного неба. Из узких окон в нижней части башни выползали темные твари. Размахивая длинными крыльями, они покружились над стенами замка и ринулись к Геду и Серрет, беспомощно стоявшим на холме. Глухой рокот, который они слышали в замке, усилился, земля под ногами беглецов сотрясалась и стонала.

В сердце Геда вспыхнула ярость, жгучая ненависть к этим злобным и безжалостным силам, которые обманывали, ловили и преследовали его.

— Превращайся! — крикнула Серрет. Она торопливо произнесла какое-то заклинание, превратилась в серую чайку и полетела прочь. Гед не тронулся с места. Он нагнулся и сорвал сухую травинку, торчавшую из снега в том месте, где лежал мертвый отак. Он выпрямился и громко обратился к травинке на Истинном Языке. Травинка становилась длиннее и толще, а когда заклинание кончилось, у него в руках был посох, посох волшебника. Этот посох не вспыхнул красным пламенем, когда четыре крылатые твари замка

Терренон кружили над ним, а он бил их посохом по крыльям. Посох светился белым волшебным огнем, который не жжет, а прогоняет тьму.

Твари снова напали на Геда. Эти пупырчатые животные жили на земле за много веков до появления птиц, драконов и людей. Они давным-давно вымерли, а теперь их вызвала к жизни древняя и злобная сила камня. Они бросались на Геда со всех сторон. Их серповидные когти задевали его, он чувствовал их отвратительный запах. Гед отважно сопротивлялся, нанося удары посохом, сделанным из стебелька травы и его ярости. Вдруг они разом поднялись, как стая напуганных ворон, и молча полетели в ту сторону, где скрылась чайка-Серрет. Казалось, их широкие крылья движутся медленно, но на самом деле они передвигались очень быстро, каждый взмах крыльев переносил их на большое расстояние.

В мгновение ока, как когда-то на Роуке, Гед превратился в ястреба: но не в перепелятника, именем которого его прозвали, а в крупного ястреба-пилигрима, который летит, как стрела, как мысль. Могучие остроконечные крылья несли его вперед, в погоню. Уже совсем стемнело, звезды между облаками разгорались все ярче и ярче. Он увидел, как черная стая впереди ринулась к одной точке в воздухе. Внизу расстилалось море, в котором отражались последние лучи уходящего дня. Гед-ястреб молнией ринулся на слуг камня. Заметив его, они бросились врассыпную, как брызги от удара камня о воду. Но они уже успели разделаться со своей жертвой. У одной твари клюв был в крови, у другой к когтям прилипли белые перья. А чайка больше не летала над серебристым морем.

Они быстро повернулись к Геду, вытянув шеи и разинув клювы. Он сделал над ними еще один круг, издал яростный боевой клич ястреба и помчался прочь над пологими берегами Осскила и холодными волнами моря.

Слуги камня немного покружили над морем и один за другим с хриплыми криками полетели в глубь острова. Древние Силы не летают за море. Они привязаны к одному месту: к острову, пещере, камню или роднику. Исчадья замка-хранилища вернулись назад. Неизвестно, что делал тем временем хозяин Терренона в опустевшем замке, плакал или смеялся. Гед, быстрокрылый ястреб, стремительно летел стрелой, пробиваясь сквозь зимнюю непогоду, сквозь ночь через Осскильское море на восток.

В этом году Оджион Молчаливый, как обычно, отправился в путешествие по склонам Гонта и вернулся домой в Ре Альби глубокой осенью. С годами он стал еще молчаливее и более настойчиво стремился к одиночеству. Новому правителю Гонта не удалось добиться от него ни слова, хотя он лично поднялся вверх по горе из города в Гнездо Сокола, чтобы заручиться поддержкой мага в одной пиратской вылазке на Андрады. Оджион, который разговаривал

с пауками в паутине и иногда вежливо приветствовал деревья, не сказал правителю ни слова, и тот ушел недовольный. Возможно, в глубине души Оджион тоже был недоволен или неспокоен — ведь он все лето и осень провел в одиночестве на горе, и только теперь, ближе к Дню Возвращения Солнца, вернулся к родному очагу.

На следующий день после возвращения он проснулся поздно и спустился за водой к роднику, бившему недалеко от его дома, чтобы набрать воды для чая. Вода у краев замерзла, а увядший мох между камнями украшали узоры инея. День был в полном разгаре, но за этот могучий уступ горы солнечные лучи проникнут только через час. Зимой в утренние часы на всем западном Гонте от побережья до вершины горы царили тень и тишина. Маг стоял у родника и смотрел вниз на залив и свинцовую гладь моря.

Вдруг у него над головой раздался шум крыльев. Он посмотрел вверх и слегка поднял руку. Огромный ястреб, громко хлопая крыльями, опустился на его запястье. Он сидел уверенно, как обученная охотничья птица, но на нем не было ни обрывка привязи, ни кольца, ни колокольчика. Когти крепко держались за руку Оджиона, полосатые крылья вздрагивали, круглые золотые глаза смотрели дико, не мигая.

— Ты посланец или послание? — тихо сказал Оджион ястребу.— Пойдем со мной.

В эту минуту ястреб посмотрел на него. Оджион помолчал.

— Мне кажется, я когда-то давал тебе имя,— сказал он и пошел к дому с птицей на запястье.

Он посадил ястреба на камин, поближе к теплу, предложил ему воды, но тот отказался. Тогда Оджион очень тихо стал говорить заклинание. Он плел паутину волшебства больше словами, нежели жестами. Сказав заклинание, он тихо позвал:

— Гед...— не глядя на ястреба, сидевшего на камине. Потом подождал немного, повернулся и подошел к молодому человеку, который бессмысленным взглядом смотрел на огонь и дрожал.

На Геде была богатая заморская одежда из меха и шелка, отделанная серебром. Но она была разорвана и затвердела от морской соли, а Гед выглядел измученным. Он сидел ссутулившись, свалявшиеся волосы уныло свисали вниз, лицо было покрыто шрамами.

Оджион снял с его плеч роскошный запачканный плащ и повел его к алькову, где Гед когда-то спал. Оджион уложил Геда на кровать, усыпил его заклинанием и отошел. Он не сказал Геду ни слова, потому что знал, что тот пока не может говорить.

В детстве Оджион, как и все мальчишки, думал, что волшебные превращения — очень приятная игра. Как замечательно было бы превратиться в кого-нибудь: в зверя, дерево или облако и потом играть с товарищами. Но, став волшебником, он узнал цену таким играм: обманывая истину, можно потерять самого себя. Чем дольше человек остается в чужом обличье, тем опаснее. Каждый ученик знает историю волшебника Борджера с острова Уэй, который любил превращаться в медведя и делал это слишком часто. В конце

концов медведь победил в нем человека, и человек умер. Став медведем, он загрыз в лесу своего маленького сына. Тогда охотники устроили на него засаду и убили. Никто не знает, сколько дельфинов, резвящихся на просторах Дальнего моря, когда-то были людьми, мудрыми людьми, растерявшими разум и имя, весело играя в волнах.

В тот момент, когда Гед превращался в ястреба, в душе у него были уныние и ярость и, когда он улетел из Осскила, его гнала одна мысль: уйти от камня и от тени, убежать из холодной враждебной страны, добраться до дому. Природная злоба и недоверчивость ястреба были близки его собственному состоянию. И его желание летать совпало с желанием ястреба.

Так он пролетел над Энладом, спустившись только один раз, чтобы попить из тихого лесного озера, но тут же взлетел, гонимый страхом перед тенью, которая шла за ним по пятам. Потом пролетел над великим морским путем через Энладский пролив и дальше на восток. Холмы Оранеа остались далеко справа, а слева еще дальше — холмы Андрада. Перед ним расстилалось только море, и вдруг впереди среди волн поднялась одна волна, стоявшая без движения. Она становилась все выше и выше: это была снежная вершина Гонта. Все дни и ночи этого долгого полета его несли крылья ястреба, он смотрел на мир глазами ястреба. Забыв свои заботы, он знал лишь то, что знает ястреб: голод, ветер, верное направление.

И он выбрал правильный путь. На свете было всего несколько человек, которые могли бы превратить его обратно в человека. Но все они жили на Роуке и только один — на Гонте.

Наутро Гед был все еще замкнут, молчалив. Оджион не разговаривал с ним, он давал ему мясо и воду и разрешал сидеть у огня согнувшись, как большой, усталый и угрюмый ястреб. Ночью он спал. На третье утро Гед подошел к камину, перед которым сидел Оджион, посмотрел на огонь и сказал:

— Учитель...

— Добро пожаловать, Гед,— сказал Оджион.

— Я пришел к вам таким же дураком, каким ушел,— сказал молодой человек низким хриплым голосом. Губы мага тронула легкая улыбка. Жестом он пригласил Геда сесть, а сам заварил чай.

Шел снег, первый снег новой зимы на склонах Гонта. Окна в доме Оджиона были крепко закрыты ставнями, но им было слышно, как мокрый снег мягко ложится на крышу и толстым ковром укрывает землю. Они долго сидели у огня. Гед рассказывал своему учителю о том, что произошло с той ночи, много лет назад, когда он уехал с Гонта на корабле под названием «Тень». Оджион не задавал никаких вопросов и, когда Гед закончил свой рассказ, долго молчал, обдумывая услышанное. Потом он поднялся, поставил на стол хлеб, сыр и вино. Они поели и убрали со стола. Тогда Оджион сказал:

— Какие страшные на тебе шрамы, Гед.

— Я бессилен против тени,— ответил Гед.

Оджион покачал головой и ничего не сказал. Наконец он произнес:

— Странно, у тебя хватило сил, чтобы справиться с чарами колдуна на его собственной земле, там, на Осскиле. Ты смог избежать соблазна и отразить нападение слуг Древних Сил Земли. А на Пендоре тебе хватило сил противостоять дракону.

— На Осскиле мне просто повезло, сила здесь ни при чем,— сказал Гед и снова вздрогнул, вспомнив, как ночной кошмар, могильный холод замка Терренон.

— А что касается дракона, то я просто знал его имя. Но у этой злобной тени, что меня преследует, нет имени.

— У всего на свете есть имя,— сказал Оджион, и в словах его звучала такая уверенность, что Гед не посмел повторить слова Верховного Мага Геншера о том, что у сил зла, подобных тени, которую он выпустил, нет имени. Правда, дракон Пендора предлагал сообщить ему имя тени, но Гед не особенно верил этому предложению. Не доверял он и обещанию Серрет о том, что камень скажет ему все, что нужно.

— Даже если у тени и есть имя,— сказал он наконец,— я не думаю, что она захочет мне его сообщить...

— Нет,— сказал Оджион.— Но ведь и ты не захотел сообщить ей свое имя, и все же она узнала его. На болотах Осскила она позвала тебя по имени, а это имя дал тебе я. Странно, странно...

Он снова задумался. Наконец Гед сказал:

— Я пришел сюда за советом, а не для того, чтобы спрятаться, учитель. Я не привел к вам тень, а между прочим, она скоро придет сюда, если я останусь. Когда-то вы ее выгнали из этой самой комнаты.

— Нет, то была не тень, а лишь предупреждение, то была тень тени. Только ты сам можешь ее прогнать.

— Но я бессилен перед ней. Нет ли какого-нибудь места...— он осекся.

— Спрятаться тебе негде,— тихо сказал Оджион,— и больше не превращайся, Гед. Тень стремится уничтожить твою душу. Ей это почти удалось. Ведь она вынудила тебя превратиться в ястреба. Нет, я не знаю, куда тебе идти. Хотя у меня есть одна мысль по поводу того, что тебе надо делать. Но мне нелегко об этом говорить.

Гед молчал, ожидая продолжения, наконец Оджион сказал:

— Ты должен повернуть назад.

— Повернуть назад?

— Если будешь и дальше бежать вперед, то куда бы ты ни бежал, ты встретишь только опасности и зло, потому что она гонит тебя, она указывает тебе дорогу. Выбирай сам. Ты должен искать то, что ищет тебя. Ты должен охотиться за охотником.

Гед ничего не ответил.

— Я дал тебе имя в водах реки Ар,— сказал маг,— которая стекает с горы в море. Человек хочет знать, какой цели он сможет

добиться, но он не узнает ее, если не обернется и не возвратится к началу. Если он не хочет быть щепкой, кружащейся или тонущей в бурном потоке, он сам должен быть потоком, он начала до конца, от истока до устья. Ты вернулся на Гонт, ты вернулся ко мне, Гед. Теперь повернись и ищи источник и то, что лежит перед ним. Там у тебя есть надежда найти силу.

— Там, учитель? — спросил Гед с ужасом в голосе.— Но где?

Оджион не ответил.

— Если я вернусь,— сказал Гед через некоторое время,— если, как вы советуете, буду охотиться за охотником, то, думаю, охота не будет особенно долгой. Тень как раз и хочет встретиться со мной лицом к лицу. Дважды ей это удавалось. И дважды она побеждала.

— Может быть, на третий раз повезет тебе.

Гед ходил взад-вперед по комнате.

— И если тень победит меня окончательно,— сказал он, возражая Оджиону, а может быть, самому себе,— она возьмет себе мои знания и силу. Пока же угрожает только мне. Но если она вселится и завладеет мной, то совершит много зла моими руками.

— Да, это так. Но только в том случае, если она победит тебя.

— Но если я побегу, она наверняка опять найдет меня... К тому же я потерял все силы, уходя от погони.

Гед снова стал шагать по комнате, потом внезапно обернулся и стал на колени перед магом.

— Я видел великих волшебников и жил на острове Мудрецов, но настоящий мой учитель — это вы, Оджион.

В его голосе звучали любовь и возвышенная радость.

— Хорошо,— улыбнулся Оджион,— наконец-то ты это понял. Лучше теперь, чем никогда. Но в конце концов ты будешь моим учителем.

Он встал и подбросил дров в камин. Огонь ярко вспыхнул, и Оджион поставил греться котелок. Потом, набросив на плечи овечий полушубок, сказал:

— Мне надо пойти проведать моих коз. Присмотри за котелком, Гед.

Он вернулся весь в снегу и долго отряхивался у порога. Старый волшебник принес с собой длинный неотесанный посох из тиса. Весь вечер и даже после ужина он сидел у лампы и трудился над посохом при помощи ножа, шлифовального камня и заклинаний. Много раз Оджион проводил вдоль посоха руками, ища неровности. За работой он часто напевал. Гед, который еще окончательно не пришел в себя, слушал.

Он представил себя ребенком в доме колдуньи в деревне Десять Ольх. Так же шел снег, воздух был наполнен запахами трав и дыма, а он в полудреме слушал длинные тихие заклинания и песни о подвигах героев, боровшихся с силами зла и победивших или побежденных на далеких островах много лет тому назад.

— Ну вот,— сказал Оджион и протянул ему отшлифованный посох,— Верховный Маг дал тебе посох из тиса. Это хорошее

дерево, и я тоже остановился на нем. Хотел сделать длинный лук, но так будет лучше. Спокойной ночи, сынок.

Не находя слов благодарности, Гед отвернулся. В глазах стояли слезы. Оджион проводил его взглядом и сказал так тихо, что Гед не слышал:

— О, молодой мой Ястреб, счастливого тебе полета!

Когда Оджиона разбудил холодный рассвет, Геда уже не было. Он оставил заколдованную руническую надпись на камине. Пока Оджион читал, серебряные руны бледнели и исчезали. Там было написано:

— Учитель, я пошел охотиться.

8. ОХОТА

Гед вышел из Ре Альби задолго до рассвета и к полудню уже спустился в порт Гонт. Оджион дал ему вполне приличные гонтийские штаны, рубашку, кожаную куртку, белье вместо его роскошных осскильских одеяний. Из старой одежды Гед оставил для зимнего путешествия только великолепный плащ, подбитый мехом пеллави. Так, в плаще, без багажа, с одним лишь посохом в руке, он подошел в воротам города. Стражники с первого взгляда узнали в нем волшебника. Они раздвинули свои копья и без всяких вопросов пропустили его и долго еще глядели ему вслед.

На пристани он справился о кораблях, направляющихся на север или на запад: на Энлад, Андрад или Оранеа. Все в один голос отвечали, что сейчас, накануне праздника Возвращения Солнца, ни один корабль не выйдет из порта. А в Доме морской гильдии ему сказали, что в такую ненадежную погоду даже рыбачьи шлюпки не пройдут между Укрепленными скалами.

В харчевне морской гильдии ему предложили обед. Волшебнику, как правило, не приходится просить, чтобы его накормили. Он немного посидел с грузчиками, корабельными плотниками и заклинателями погоды. С удовольствием слушая резкую гонтийскую речь, Гед принимал участие в их неспешной беседе. У него было большое желание остаться здесь, на Гонте, отказаться от полной приключений жизни волшебника, забыть о волшебной силе, о постоянном страхе и жить спокойно, как живут обычные люди на знакомой и любимой родной земле. Но сейчас Гед не мог уступить этому желанию. Выяснив, что корабли не выходят из порта, он не стал задерживаться ни в морской гильдии, ни в городе. Он пошел вдоль берега залива и добрался до одной маленькой деревушки. Расспросив рыбаков, Гед узнал, кто продает лодку.

Хозяин оказался старым угрюмым рыбаком. Его лодка, длиной двенадцать футов, была обшита внакрой. Она выглядела очень старой, вся перекошенная и потрескавшаяся. Однако хозяин запросил высокую цену. Он хотел, чтобы Гед заговорил его собственную лодку, его и сына от опасностей на море. Гонтийские

рыбаки не страшатся ничего на свете, даже волшебников — они боятся только моря.

Заговор от морских опасностей, которому на Северном Архипелаге придают большое значение, не может унять ни шторм, ни ветер. Но если рыбака или лодку заговаривает волшебник, знающий здешние моря, и, кроме того, сам хороший моряк, то вокруг рыбака образуется сила, оберегающая его. Гед честно и добросовестно заговорил лодку и рыбаков. Он трудился ночь и весь следующий день, уверенно и терпеливо, ничего не пропуская, хотя его ни на минуту не покидал страх. В голове крутились мрачные мысли о том, в каком обличье тень появится перед ним в следующий раз, когда и где это произойдет. Люди и лодка были заговорены, а Гед почувствовал страшную усталость. Этой ночью он спал в хижине рыбака, в гамаке из китовых кишок, и наутро от него пахло, как от сушеной селедки. На рассвете Гед спустился в маленькую бухточку под утесом Катнорт.

Он вывел лодку на спокойную воду у причала, и вода тут же хлынула во все щели. Легко, как кошка, Гед прыгнул в лодку. Он выпрямил перекошенные доски и заменил прогнившие деревянные гвозди. Гед работал при помощи инструментов и заклинаний как когда-то с Печварри в Нижнем Торнинге. Деревенские жители стояли чуть поодаль, молча наблюдали за работой его проворных рук и слушали тихое пение. Гед все делал тщательно и терпеливо. Через несколько часов лодка была починена и заговорена.

Тогда он установил посох, который ему сделал Оджион, вместо мачты, укрепил его заклинаниями и прибил поперек него прочную перекладину в ярд длиной. К этой перекладине Гед приладил квадратный парус, белый, как снежная вершина Гонта, и произнес заклинание, чтобы придать ему дополнительную прочность. При виде такого белоснежного полотна женщины ахнули от зависти.

Затем, встав у мачты, Гед поднял легкий волшебный ветер. Лодка выровнялась и устремилась через огромное зеркало залива к Укрепленным скалам. Сначала рыбаки молча наблюдали за его работой. Но когда они увидели, что протекавшая гребная лодка плавно и быстро идет под парусом, как чайка, они выразили восхищение приветственными возгласами и топотом ног. На секунду Гед обернулся и увидел радостно кричащую толпу людей, над ними — черную громаду утеса Катнорт, а еще выше поднимались к облакам снежные склоны Горы.

Он миновал залив и вышел в Гонтийское море, оставив позади Укрепленные скалы. Взяв курс на северо-запад, Гед решил обойти Оранеа с севера и следовать по тому пути, которым добирался до Гонта. У него не было никакого определенного плана или решения, он просто повторял пройденный ранее путь.

Если тень пойдет за ним по тому пути, который он пролетел ястребом, возможно, она и заблудится, а может быть, найдет его сразу. Это угадать невозможно. Если она не вернулась окончательно в царство снов, то он, пересекая пустынное море, обязатель-

но встретится с ней. И, если уж встреча неминуема, Гед предпочел бы, чтобы это произошло на море.

Сам не зная почему, но он больше боялся тень на суше. Из моря могут вынырнуть чудища, может подняться шторм, но в море нет сил зла — все зло на земле. И на той темной земле, где Гед однажды побывал, нет ни моря, ни реки, ни ручья. Царство смерти — безводное место. Само море было опасно в зимнюю непогоду, но ему казалось, что опасности и переменчивости моря защищают его и дают ему шанс победить.

Когда он в конце концов встретит тень, может быть, ему удастся вцепиться в нее так же, как она вцепилась в него, и всем весом своего тела и ценой жизни утянуть ее в темную пучину моря, откуда она не сможет вырваться снова. Тогда хотя бы его смерть положит конец тому злу, которое он выпустил на свет при жизни.

Гед плыл по покрытому барашками морю. Над его головой огромными траурными покрывалами плыли тучи. Он не стал поднимать волшебный ветер, а воспользовался естественным, дувшим с северо-запада. Время от времени он укреплял заговоренный парус заклинанием, тогда парус сам поворачивался и вставал против ветра. Он бы не справился со своей расшатанной лодочкой и с парусом при таком сильном волнении, если бы не заговорил их. Гед плыл все дальше и дальше, внимательно поглядывая по сторонам. Жена рыбака дала ему две булки и кувшин воды. Через несколько часов, когда на горизонте показался остров Камебер, единственный между Гонтом и Оранеа, он поел и выпил воды, с благодарностью вспоминая молчаливую гонтийскую женщину, давшую ему пищу. Гед прошел мимо этого едва видимого кусочка суши и круто повернул к западу.

Шел мелкий дождь, а на землю он падал легким снегом. Было совсем тихо. Только слегка поскрипывала лодка, и волны чуть слышно ударяли в нос. Ни одна лодка не проплывала мимо, не пролетала ни одна птица. Гед видел только волны, плескавшиеся за бортом, да облака над головой. Он смутно припоминал, что такие же облака плыли по небу, когда он летел по этому пути ястребом. Только тогда он двигался не на запад, а на восток и смотрел сверху вниз на серое море, а теперь снизу вверх — на серое небо.

Гед напряженно всматривался вдаль, но впереди ничего не было видно. Он замерз, глаза устали вглядываться в туман. Он встал и тихо сказал:

— Ну давай, тень, чего же ты ждешь?

Ответа не последовало. Ни в тумане, ни в волнах он не заметил ничего темного. Однако росла уверенность, что тень где-то поблизости, что она тоже высматривала его. Тогда он громко закричал:

— Я здесь! Я, Гед-Ястреб, вызываю мою тень!

Лодка заскрипела, волны зашумели, ветер со свистом натянул белый парус. Время шло. Гед ждал, положив одну руку на тисовую мачту лодки. Он старался что-нибудь разглядеть сквозь ледяную

изморось, медленно надвигавшуюся с севера. Вдруг, сквозь стену дождя, он увидел тень, она висела над водой. Тень была довольно далеко, но двигалась в его сторону.

Она покинула тело осскильского гребца Скиора и изменила облик. Теперь она не была похожа ни на геббета, ни на зверя, как на холме Роук или в кошмарных снах. Она имела форму даже при дневном свете. В погоне за Гедом и во время схватки на болотах тень высосала из него силы, а может быть, его громкий зов среди бела дня заставил ее принять какую-то определенную форму. Несомненно, теперь тень стала похожа на человека. Она шла по морю через Энладский пролив к Гонту: странное несуразное существо, неуклюже ступающее по волнам. Тень озиралась по сторонам. Ветер и дождь беспрепятственно проходили сквозь нее. Дневной свет слепил тень, поэтому Гед увидел ее первым, тем более, что он уже ждал ее появления. Он узнал ее, как и она узнавала его всегда и везде.

Гед стоял среди страшного безмолвия зимнего моря и смотрел на существо, которого боялся больше всего на свете. Под тенью пробегали волны, и это было дикое зрелище. Он не мог с уверенностью сказать, движется она или нет. Сначала ему казалось, что ветер относит ее прочь от лодки, а через минуту тень как будто снова приблизилась. Вот и она его увидела. И хотя в эту минуту он не чувствовал ничего, кроме страха и тупой гнетущей боли, он все же не отступил. Потом Гед неожиданно призвал волшебный ветер, белый парус резко натянулся, и лодка рванулась вперед по свинцовым волнам прямо к темному силуэту, колыхавшемуся на ветру.

Наступила полная тишина. С минуту тень стояла в нерешительности, потом повернулась и побежала прочь.

Она двигалась на север, против ветра. Лодка Геда шла за ней. Скорость тени спорила с силой волшебства. А с дождем и яростным ветром приходилось бороться им обоим. Молодой человек покрикивал на лодку, парус, на ветер и волны, как охотник покрикивает на гончих псов, когда преследует волка. Волшебный ветер с такой силой надувал парус, что обычная ткань давно бы уже порвалась. Лодка летела стрелой в облаке белой пены, и расстояние между Гедом и тенью сокращалось.

И тут тень сделала полукруг и развернулась. Теперь она стала более прозрачной и расплывчатой и уже не была так похожа на человека, а скорее на облачко дыма, плывущее по ветру. Она помчалась назад по свои следам, по направлению к Гонту. Теперь ветер подгонял ее.

Руками и заклинаниями Гед резко развернул лодку. Она подпрыгнула над водой, как дельфин, и сильно накренилась. Он плыл еще быстрее, чем раньше, но теперь разглядеть тень становилось все труднее. Дождь и снег больно хлестали Геда по спине и по левой щеке. Видимость была плохая. В ста ярдах уже ничего нельзя было различить. Вскоре шторм усилился, и он потерял тень из виду. Но он чувствовал ее след так, как будто преследовал по

снегу зверя, а не призрак, бегущий по волнам. Несмотря на попутный ветер, Гед продолжал наполнять парус волшебным ветром. Парус гудел от натуги. Клочья пены с шумом летели из-под тупого носа лодки.

Долгое время охотник и его цель продолжали свою невероятную и стремительную гонку. Быстро темнело. Гед догадывался, что при той огромной скорости, с которой двигался эти несколько часов, он, должно быть, находится где-нибудь южнее Гонта и, видимо, движется по направлению к Спеви или к Торхевену. А может, он уже миновал их и теперь несется в открытый океан. Да, впрочем, какая разница? Он охотился, он преследовал тень, и страх бежал впереди него.

Вдруг на какое-то мгновение Гед увидел тень совсем близко. Ветер стих. Дождь со снегом сменился холодным рваным туманом. Сквозь липкую пелену он снова разглядел тень: она сворачивала куда-то вправо. Гед заговорил ветер и парус, повернул румпель и бросился в погоню. Но это опять была погоня вслепую: туман быстро сгущался, вскипая и разрываясь в клочья в тех местах, где встречался с волшебным ветром. Бесформенная масса, застилавшая свет и скрывающая все от глаз, окружила лодку со всех сторон. Гед уже собирался произнести заклинание, прогоняющее туман, но тут снова увидел тень. Она по-прежнему была справа от него, очень близко, но двигалась медленно. Сквозь ее полупрозрачную голову без лица проплывали куски тумана. Тень имела очертания человека, только они были искажены и постоянно менялись, как это бывает с человеческой тенью.

Гед снова повернул лодку, думая, что застиг противника врасплох, но в эту минуту тень исчезла, а его самого поджидала неожиданность: лодка села на мель, натолкнувшись на подводные скалы, которые он не увидел из-за тумана. Его чуть не выбросило из лодки, но прежде, чем ударила следующая волна, Гед успел ухватиться за мачту-посох. Это была волна гигантских размеров, она подбросила лодку и швырнула ее вниз на скалы, как человек может поднять и бросить на землю панцирь улитки.

Волшебный посох, выструганный Оджионом, оказался очень прочным. Он выдержал удар, не сломался и отлично держался на воде, как сухое бревно. Откатывающиеся волны потащили Геда назад, на глубину. Это его и спасло, иначе следующая волна расплющила бы его о скалы. Он крепко сжимал в руках посох. Соленая вода слепила глаза, он задыхался, но из последних сил держал голову над водой и боролся с волнами, увлекавшими его в пучину. Немного в стороне от отмели виднелся песчаный берег. Пару раз Гед видел его, когда пытался отплыть в сторону. Изо всех сил, работая посохом и руками, он поплыл к берегу, но усилия были напрасны: он не двигался с места.

Громадные волны набегали и откатывались, бросая его взад и вперед, как тряпку. В ледяной воде Гед окоченел и ослабел настолько, что не мог шевелить руками. Он уже не видел ни скал, ни

берега и совершенно потерял направление. Только волны бурлили со всех сторон: они были и снизу и сверху, они слепили и душили его, стремясь утопить.

Но вот из-под клочьев тумана выкатилась огромная волна, подхватила его, закружила, как щепку, и выбросила на песок.

Гед неподвижно лежал на берегу, сжав обеими руками тисовый посох. К нему подкатывались слабые волны. Они пытались стянуть его с берега и унести с собой. Туман то редел, то сгущался над его головой. По одежде шуршал мокрый снег.

Прошло немало времени, прежде чем Гед смог пошевелиться. Он встал на четвереньки и медленно отполз подальше от воды. Стояла темная ночь, но он шепнул посоху волшебное слово, и тот осветился волшебным светом. Этот свет освещал Геду дорогу, и он потихоньку пополз по мокрому песку к дюнам под грохот волн, доносившийся откуда-то из темноты. Для него, израненного, замерзшего, обессилевшего, это движение вперед давалось с огромным трудом. Иногда ему казалось, что рев моря и ветра стих, мокрый песок под его ногами превратился в пыль, а над головой светят незнакомые звезды царства теней. Но он продолжал ползти, не поднимая головы, и через некоторое время услышал свое прерывистое дыхание и почувствовал, как дождь и ветер хлещут его по лицу.

От движения Гед немного разогрелся. Наконец добрался до дюн, где порывы ветра стали немного слабее. С огромным усилием удалось подняться на ноги. Он снова сказал волшебное слово и заставил посох гореть ярче, потому что вокруг было темно, как в могиле. Так, опираясь на посох, спотыкаясь и останавливаясь, он прошел около полумили в глубь острова. Затем, взобравшись на гребень дюны, снова услышал шум моря. Но шум был громче и почему-то доносился не сзади, а спереди. Тогда Гед понял: это не настоящий остров, а риф, крошечный клочок скалы посреди океана.

Он слишком устал, чтобы прийти в отчаяние, но из груди вырвался звук, похожий на рыдание, и он долго стоял в растерянности. Потом упрямо повернул налево. Теперь, по крайней мере, ветер дул ему в спину. Он взобрался на высокую дюну, ища глазами хоть какое-нибудь углубление среди обледенелой, пригнувшейся к земле травы, где можно было бы укрыться от непогоды. Он поднял посох, чтобы осветить путь. Вдруг волшебный свет выхватил из темноты мокрую от дождя деревянную стену.

Это была хижина или сарай, маленький и шаткий, как будто строил его ребенок. Гед постучал посохом в низенькую дверь. Но никто не ответил. Гед толкнул дверь, и она открылась. Чтобы войти, ему пришлось согнуться в три погибели. И в самой хижине потолок был такой низкий, что он не мог стоять в полный рост. В очаге краснели тлеющие угли. В полутьме Гед разглядел человека с длинными белыми волосами, который в ужасе прижимался к самой дальней стене. На полу, в куче тряпья или шкурок,

прятался еще кто-то. Только Гед не понял, мужчина это или женщина.

— Я вас не трону,— прошептал Гед.

Они ничего не ответили. Он посмотрел сначала на одного, потом на другого. Их глаза были полны ужаса. Он положил посох, и тот, кто сидел в тряпках, зарылся в них с головой и захныкал. Гед снял плащ, тяжелый от воды и налипшего льда, содрал с себя промокшую насквозь одежду и сел на корточки у очага.

— Дайте мне во что-нибудь завернуться.

Гед едва говорил: голос сел, зубы стучали, а сам он содрогался от холода. Ему никто не ответил. Непонятно, слышали они его или нет. Гед протянул руку и что-то достал из кучи тряпья. Много лет назад это, возможно, была козлиная шкура, но теперь она превратилась в лохмотья, покрытые черным жиром. Тот, кто лежал в куче тряпья, служившей ему постелью, застонал от страха, но Гед не обратил на него внимания. Он вытерся досуха и прохрипел:

— У вас есть дрова? Растопи очаг, старик. Я пришел к вам не по своей воле и ничего плохого вам не сделаю.

Старик не сдвинулся с места, а только смотрел на Геда, оцепенев от страха.

— Ты не понимаешь меня? Не говоришь по-хардийски? — Гед немного помолчал, потом спросил: — Вы карги?

Старик тут же кивнул, как старая печальная марионетка, которую дернули за нить. Но это было единственное слово, которое Гед знал по-каргски, и их разговор закончился. Он нашел хворост, сложенный у стены, и сам разжег очаг. Потом жестами попросил воды: Гед наглотался соленой морской воды, и теперь его тошнило. В горле пересохло от жажды. Съежившись от страха, старик указал на огромную раковину, наполненную водой, и пододвинул к очагу другую раковину с кусочками копченой рыбы. Так, сидя у очага, Гед немного поел и попил.

Постепенно к нему стали возвращаться силы и способность размышлять. Он попытался сообразить, где находится. Даже с помощью волшебного ветра он бы не смог доплыть до самих Каргадских островов. По-видимому, этот островок находился где-то на краю провинции, восточнее Гонта, но западнее Карего-Ат. Странно, что на таком маленьком и заброшенном островке жили люди. Скорее это был даже не островок, а песчаная отмель. Может быть, хозяева хижины изгнанники? Но он слишком устал, чтобы ломать себе голову.

Он все время поворачивал плащ к огню разными сторонами. Серебристый мех пеллави высыхал быстро. Скоро мех прогрелся, хотя и не высох окончательно. Тогда Гед завернулся в плащ и вытянулся около очага.

— Спите, бедолаги,— сказал он своим молчаливым хозяевам, положил голову на песчаный пол и заснул.

Гед провел на безымянном острове три дня. На первое утро, когда он проснулся, все тело болело, и у него был жар. Этот день и всю ночь он пролежал пластом у очага. На следующее утро одеревеневшие мышцы все еще болели, но он выздоравливал. Гед надел свою задубевшую от морской соли одежду. Он вышел наружу посмотреть место, куда его заманила тень.

Утро было пасмурным и ветреным. Песчаный скалистый островок в милю шириной и чуть больше в длину со всех сторон был окружен отмелями и скалами. На нем не росло ни деревьев, ни кустов, ни каких-либо других растений, кроме прибитой к земле травы. Старик и старуха жили совершенно одни посреди пустынного моря. Хижина стояла в углублении между дюнами и была построена или сложена из досок и веток, прибитых к берегу. Воду они брали из маленького колодца рядом с хижиной. Она была немного солоноватая на вкус. Пищей служили рыба и крабы, которых они ели свежими или сушили, а также водоросли. Рваные шкурки и сухожилия для лесок были не козлиными, как сначала подумал Гед, а тюленьими, костяные иглы и рыболовные крючки тоже были сделаны из тюленьей кости. Действительно, в такие места летом приплывают пятнистые тюлени и выращивают своих детенышей. Но больше здесь никого не бывает.

Старики испугались Геда не потому, что приняли его за привидение, и не потому, что он был волшебником, а только потому, что он был человеком. Они забыли, что кроме них на земле живут другие люди.

Хозяин так и не перестал бояться Геда. Когда ему казалось, что Гед подошел слишком близко и может до него дотронуться, ковылял прочь, сердито озираясь. Это был угрюмый старик с копной грязно-белых волос.

Старуха при виде Геда сначала хныкала и пряталась в куче тряпья. Но когда он лежал больной в жару, в темной хижине, то заметил, что она сидит перед ним на корточках и смотрит странным тоскующим взглядом. Через некоторое время она принесла ему воды. Гед сел и хотел взять раковину, но старуха испугалась и выронила ее. Вся вода вылилась. Тогда она заплакала и стала вытирать глаза длинными космами.

Теперь она наблюдала за ним, когда Гед работал на берегу. Волны прибили к берегу доски от старой лодки. Вооружившись грубым каменным стругом старика и заклинанием Соединения, Гед собирал из них новую лодку. Но досок не хватало, и он не мог ни починить старую, ни построить новую.

Пришлось призвать на помощь волшебные силы. Старуха следила не столько за его удивительной работой, сколько за ним самим. Она смотрела на Геда тем же тоскующим взглядом. Спустя некоторое время она ушла, но вскоре вернулась с гостинцем: принесла ему горсть мидий, которые собрала на скалах. Он взял сырые и мокрые раковины, поблагодарил и съел моллюсков.

Это придало ей храбрости. Старуха пошла в хижину и вернулась, держа в руках какой-то сверток, завернутый в лохмотья. Робкими движениями, все время заглядывая Геду в лицо, она развернула сверток. Там оказалось прелестное детское платье из шелкового кружева, расшитое мелким жемчугом, с пятнами соли и пожелтевшее от времени. На маленьком корсаже жемчужинки составляли знакомый Геду рисунок: двойная стрела крестных братьев империи Каргад, а над ней королевская корона.

Сморщенная грязная старуха, одетая в грубый мешок из тюленьей кожи, показала на маленькое шелковое платье, а потом на себя и улыбнулась бессмысленной детской улыбкой. Из потайного кармана, пришитого к подолу платья, она вытащила какой-то крошечный предмет и протянула его Геду. Это оказался кусочек темного металла, часть сломанного украшения, может быть, половинка кольца. Гед посмотрел на него, но старуха жестами показала, чтобы он взял вещицу себе, и не успокоилась, пока не убедилась, что подарок принят. Тогда она кивнула и снова улыбнулась. А платьице тщательно завернула в грязные лохмотья и, шаркая, пошла к хижине, чтобы убрать подальше сокровище.

Гед заботливо спрятал подарок в карман куртки. Его сердце было полно жалости. Он догадался, что эти двое стариков, должно быть, дети какого-то низложенного короля империи Каргад, погибшего во время дворцового переворота. Новый тиран или узурпатор побоялся пролить кровь королевских детей. Он отправил их сюда, на крошечный островок, которого не было даже на картах, подальше от Карего-Ат, чтобы они здесь прожили всю жизнь или умерли детьми. Один из них был мальчик, лет восьми или, может быть, десяти, а второй ребенок — пухлая крошка-принцесса, одетая в шелковое платье, расшитое жемчугом. Так они, принц и принцесса Одиночества, прожили на безымянном островке в океане сорок или пятьдесят лет.

Но правильность догадки подтвердилась лишь много лет спустя, когда поиски кольца Эрреаха-Акбе привели его на землю Каргада и к могилам Атуана.

Третье утро Геда на острове началось спокойным бледным рассветом. Это был День Возвращения Солнца, самый короткий в году. Его маленькая лодочка, сделанная из дерева и волшебных слов, обломков и заклинаний, была готова. Он попытался сказать старикам, что может отвезти их в любую часть Архипелага: на Гонт, Спеви или Торикл. Он бы даже рискнул довезти их до какого-нибудь пустынного берега Карего-Ат, хотя жителю Архипелага появляться в каргских водах небезопасно. Но они не хотели покидать одинокий остров. Старуха, похоже, не понимала его жестов и тихих уговоров, но старик понял и отказался. О других странах и людях у него сохранилось только одно воспоминание: кровь и страшные крики великанов. Гед прочел это на его лице. Старик упрямо покачал головой.

Итак, наутро Гед наполнил колодезной водой мешок из тюленьей кожи. Он долго думал, как ему отблагодарить стариков за нехитрое угощение и очаг. Особенно горевал, что нет никакого подарка для старухи. Но ему хотелось сделать для них что-нибудь приятное, и тогда он заговорил слабый солоноватый источник. Вода с силой забила из песка. Она была сладкой и чистой, как в горном ручье на Гонте. Со временем ключ не иссяк. Благодаря этому источнику крошечный островок, состоящий из дюн и скал, теперь нанесен на карту. Моряки зовут его островом Источника. Правда, хижины больше нет, и зимние штормы не оставили никакого следа от тех, кто прожил здесь всю жизнь и умер в одиночестве.

Когда Гед отчаливал, они спрятались в хижине, как будто боялись смотреть. Дул ровный северный ветер. Он наполнил волшебный парус, и лодка быстро помчалась на юг.

Странная была эта охота: охотник толком не знал, за чем охотится и в какой части Архипелага находится его добыча. Ему приходилось идти наугад, точно так же, как раньше его преследовала тень. Каждому из них был неведом мир другого. Геда сбивали с толку неосязаемые тени, его враг терялся среди твердых предметов и при дневном свете. Только в одном Гед был уверен: он охотник, а не добыча.

Ведь когда тень заманила его на скалы, она вполне могла воспользоваться беспомощным состоянием Геда, когда он лежал полумертвый на берегу или полз по дюнам сквозь тьму и дождь. Но она этого не сделала. Тень заманила его в ловушку и тут же убежала. Она не посмела встретиться с ним лицом к лицу. Он понял, что Оджион был прав: тень не могла питаться его силами, когда он повернулся против нее. Поэтому Гед должен продолжать охоту, должен гнать ее, хотя путь лежал через огромное холодное море и у него не было никакой путеводной нити, кроме ветра, дующего в южном направлении, и смутного подозрения или догадки, что надо двигаться на юг или на восток.

Было еще светло, когда Гед увидел вдали слева длинную и едва заметную линию берега. Это, по-видимому, Карего-Ат, огромный остров. Гед находился в таком месте, где часто проходили корабли этих белокожих варваров. Он внимательно смотрел, нет ли поблизости каргского парусника или галеры. Наступил вечер, и заходящее солнце окрасило все вокруг в красный цвет.

Гед вспомнил утро в деревне Десять Ольх, когда был еще мальчиком: воинов, украшенных перьями, пожар, туман. Воспоминания вдруг натолкнули его на горькую мысль о том, что тень побила его его же оружием. Она окружила его туманом в море, как будто вытащив этот туман из его собственного прошлого. В тумане он не увидел подстерегавшей его опасности и сделал шаг, который чуть было не привел к гибели.

Гед держал курс на юго-восток. Наступила самая длинная ночь в году. Впадины между волнами уже заполнились ночной

мглой, а гребни еще освещались багровыми закатными лучами. Гед запел Зимний Гимн и те песни из «Подвига молодого короля», которые помнил наизусть, потому что эти песни поют на празднике Возвращения Солнца. Он пел чистым и звонким голосом, но его голос тонул в бесконечном молчании моря. Быстро темнело, и на небе появились звезды.

Он наблюдал, как звезды поднимались слева, проплывали у него над головой, а потом тонули в черной воде справа. Ветер не затихал ни на миг и нес лодку к югу по невидимому морю. Он засыпал лишь на минуту-другую и тут же просыпался. Дело в том, что лодку, на которой он плыл, с трудом можно было назвать лодкой. Более чем наполовину она состояла из заклинаний и колдовства. А все остальное — доски и рейки, выловленные им у берега, без постоянных заклинаний быстро распались бы и превратились в обломки, плывущие по волнам. И парус, сотканный из волшебных слов и воздуха, недолго бы набирал в себя ветер, если бы Гед заснул. Он сам превратился бы в легкое дыхание ветерка. Гед добросовестно произнес все заклинания, но если предмет, который заговаривают, невелик, то заклинания приходится все время возобновлять. Поэтому он не мог заснуть в ту ночь. Если бы он превратился в ястреба или дельфина, то смог бы передвигаться гораздо быстрее, но Оджион советовал не делать этого, а он знал цену советам Оджиона. Так Гед плыл на юг, а звезды — на запад. Длинная зимняя ночь тянулась медленно. И вот, наконец, первый день нового года озарил море своим светом.

Вскоре после восхода солнца Гед увидел землю. Она приближалась очень медленно, потому что на рассвете ветер стих. Гед наполнил парус волшебным ветром и направил лодку к берегу. В эту минуту его снова охватил страх, леденящий душу ужас, который заставлял поворачивать назад и бежать. И Гед пошел по следам этого страха, как охотник идет по следам зверя, по широким, тупым следам медведя с отпечатками когтей, по следам хищника, который в любой момент может напасть на него из-за кустов. Теперь цель была близка: он чувствовал это.

Он подплывал все ближе и ближе. Впереди уже можно было различить очертания незнакомой земли. Странная это была земля. То, что издали казалось одной горой, на самом деле представляло собой несколько длинных и крутых хребтов. Может быть, это даже отдельные острова, разделявшиеся узкими морскими проливами. В башне Магистра Географии на Роуке Гед изучил много карт и схем, но в основном то были карты Архипелага и внутренних морей. А сейчас он был в Восточной провинции и не знал, что перед ним остров. Да Гед особенно и не задумывался над этим. Впереди его ждал страх, который прятался где-то на лесистых склонах незнакомого острова. Прямо туда он и направлялся.

Теперь темные, покрытые лесом утесы громоздились и нависали над его лодкой. Волны разбивались о скалистый берег, и брызги попадали на парус. Волшебный ветер пригнал лодку в узкий залив между двумя огромными мысами. Залив уходил далеко вглубь острова, а его ширина равнялась примерно длине двух галер. Море, зажатое между двумя берегами, подернулось рябью. Пристать было негде: крутые утесы спускались прямо в воду, темную от их отражения. Было безветренно и очень тихо.

Тень уже заманивала его в болота Осскила и на скалы, скрытые в тумане, куда же она заманит его теперь? Интересно, он загнал тень сюда, или она опять устроила для него ловушку? Этого он не знал. Ему были известны только муки страха и уверенность, что он должен идти вперед и делать то, что решил: уничтожить зло, выяснить причину своего страха и побороть его.

Гед действовал рулем очень осторожно, внимательно поглядывая по сторонам. Солнечный свет зарождающегося дня остался далеко позади, в открытом море, здесь же было почти темно. Он обернулся: вход в залив показался ему далекими и светлыми воротами. По мере приближения к подножию горы утесы становились все выше и выше, а залив сужался. Он посмотрел вперед в темную расщелину. Слева и справа от него возвышались огромные склоны, испещренные впадинами. То там, то здесь нависали готовые сорваться валуны. Деревья, изгибаясь, прижимались к скалам, а их корни наполовину висели в воздухе. Все застыло в неподвижности. Теперь Гед приближался к концу залива — высокой, голой, покрытой трещинами скале. Залив сузился до ширины обыкновенного ручья. Лодка с трудом протискивалась между обвалившимися глыбами, гнилыми стволами и корнями искривленных деревьев. Это ловушка, темная ловушка у подножия безмолвной горы, и он попал в нее. Вокруг не было ни малейшего движения, все замерло. Дальше плыть было некуда.

Гед осторожно развернул лодку при помощи весла и волшебного слова так, чтобы она не ударилась о подводные камни и не запуталась в торчащих корнях и ветвях. Наконец, лодка повернулась носом к входу в залив. Он собрался было поднять волшебный ветер, чтобы вывести лодку тем же путем, но вдруг слова заклинания замерли на губах, а внутри похолодело. Гед повернул голову: за ним в лодке стояла тень.

Промедли хотя бы секунду, ему бы конец. Но Гед был готов к этой встрече. Тень находилась от него на расстоянии вытянутой руки. Он рванулся вперед, чтобы схватить дрожащую прозрачную фигуру. Никакое волшебство не могло теперь помочь Геду, только собственные физические силы. Его жизни предстояла схватка с миром теней. Гед молча бросился на врага. От резкого движения лодка зачерпнула носом и качнулась. Его руки и грудь пронзила внезапная боль, дыхание перехватило, на лбу выступил холодный пот, в глазах потемнело. Но в его руках, пытавшихся

схватить тень, ничего не было. Пальцы свободно проходили сквозь воздух и мрак ущелья.

Гед заставил себя сделать шаг вперед и ухватился за мачту, чтобы не упасть. В это мгновение его глаза вновь увидели свет. Он успел заметить, как тень отскочила от него, съежилась, потом на миг растянулась над парусом и облаком черного дыма понеслась к ярко освещенному входу между утесами.

Гед опустился на колени. Его маленькая лодка, скрепленная заклинаниями, снова качнулась, потом обрела равновесие и поплыла против волн. Он сидел, согнувшись и тяжело дыша. Все тело онемело, мысли путались. Наконец, холодная вода, струящаяся сквозь дно и бока лодки, вернула его к действительности. Сила заклинаний, скреплявшая доски, иссякла. Он встал, держась за мачту-посох, и снова произнес заклинание, стараясь изо всех сил сделать лодку как можно крепче. Гед замерз и устал, пальцы и руки болели. Силы покинули его. Ему хотелось лечь и заснуть, покачиваясь на беспокойных волнах, в этом темном уголке, где гора встречается с морем.

Он не мог сказать, откуда на него свалилась такая усталость. Может быть, это тень наколдовала, прежде чем скрыться? Или так подействовало на него ее холодное прикосновение? А может, просто сказались голод, усталость и бессонная ночь. Но он постарался стряхнуть оцепенение, заставил себя встать и, наполнив парус легким волшебным ветром, поплыл туда, где скрылась тень.

Гед не чувствовал страха, но и радости тоже не было. Погоня прекратилась. Он больше не был ни охотником, ни добычей. В третий раз они встретились и коснулись друг друга. Гед повернулся лицом к тени по своей воле, хотел поймать ее руками. Но это ему не удалось, зато между ними установилась связь, которую невозможно было разорвать. Незачем теперь охотиться за тенью, выслеживать ее, да к тому же она опять исчезла. Ни один из них не мог убежать от другого. Они встретятся только тогда, когда наступит час их последнего свидания.

Но до того времени Геду нигде не будет покоя: ни днем, ни ночью, ни на суше, ни на море. Теперь он сознавал, хотя это было нелегко, что его задача заключается совсем не в том, чтобы исправить зло, а в том, чтобы закончить начатое дело.

Гед вышел в море между темными утесами. Там давно царило ясное солнечное утро.

Он допил воду, которая осталась в тюленьем мешке, обогнул западный мыс и вышел в широкий пролив, отделяющий мыс от соседнего острова, расположенного западнее. Теперь Гед узнал это место: он видел его на морских картах Восточной провинции. Это были Руки: пара одиноких островов, которые протягивали свои пальцы-горы к землям каргов. Он поплыл между островами и причалил с южной стороны западного острова.

К полудню небо потемнело от туч. Недалеко от берега около бурной речки, стремительно несущейся в море, он заметил малень-

кую деревеньку. Ему было все равно, как его там встретят, лишь бы напиться воды, обогреться и выспаться.

Жители деревни оказались грубоватыми и застенчивыми людьми. Они встретили незнакомца с недоверием, но посох волшебника вызвал у них благоговение. Кроме того, они не могли отказать в гостеприимстве человеку, который в одиночку приплыл по морю перед самым штормом. Его накормили мясом и напоили. Он обогрелся у очага и с радостью прислушивался к голосам, говорившим на его родном хардийском языке. Но самое главное — ему дали горячей воды и постель. Тогда Гед смыл с себя морскую соль и заснул крепким сном.

9. ИФФИШ

Гед провел в деревне на острове Западная Рука три дня. Он отдохнул и подготовил к путешествию свою новую лодку. Это была хорошо сколоченная и просмоленная лодка, с крепкой мачтой и настоящим парусом. Она легка в управлении, и, кроме того, в ней можно спать. Лодку изготовили опытные мастера. Гед укрепил дерево заклинаниями, поскольку предполагал, что ему предстоит неблизкий путь. Ее бывший владелец говорил, что он с братьями не раз попадал на ней в шторм, и она с честью выдержала все испытания.

В отличие от хитрого рыбака с Гонта этот старик был готов отдать Геду лодку даром из уважения к его искусству. Но Гед отплатил ему по-своему, как волшебник: старик почти потерял зрение из-за катаракты, и Гед вылечил его. На радостях старик сказал ему:

— Мы называли эту лодку «Сандерлинг», но я советую дать ей другое имя. Назови ее «Гляди в оба» и нарисуй на носу глаза. Тогда моя благодарность будет смотреть на мир этими глазами и сбережет тебя от рифов и скал. Ведь я уже забыл, как ярко светит солнышко, пока ты не вернул мне зрение.

За те три дня, что Гед прожил в деревеньке на крутом лесистом склоне, он не только делал свои дела, но и помогал крестьянам. Жители деревни были похожи на его односельчан в Северной Долине Гонта. Правда, они жили еще беднее. Именно с такими людьми, а не при дворе богачей он чувствовал себя свободно. Гед знал их горькие нужды и без лишних вопросов старался помочь. Он заговорил от беды и болезни хромых и больных детей, произнес заклинание об увеличении и улучшении поголовья коз и овец. Написал руну Симн на веретенах и ткацких станках, на лодочных веслах, на каменных и бронзовых инструментах, чтобы эти предметы исправно служили своим владельцам.

На крышах хижин написал руну Пирр, которая защитит дома и их обитателей от пожара, ветра и безумия.

Лодка уже была совсем готова к плаванию, на борту находился достаточный запас продовольствия и воды. Но Гед решил задер-

жаться в деревне еще на один день, для того чтобы научить молодого певца балладе «Подвиг Морреда» и «Хавнорской балладе». Корабли с Архипелага очень редко заходили на Роук, поэтому песни, написанные даже сто лет назад, были неизвестны жителям деревни, а им так хотелось узнать о подвигах героев.

Если бы не предстоящее испытание, Гед с радостью остался бы здесь на неделю или даже на месяц и спел бы все баллады, какие знал, и научил бы жителей острова великим песням. Но он не мог себе этого позволить.

И на следующее утро взял курс прямо на юг через бескрайние морские просторы. Тень тоже ушла на юг. Ему вовсе не надо колдовать, чтобы выяснить это. Он и так знал, как будто был связан с ней тонкой веревочкой, и неважно, какие моря и расстояния лежат между ними. И вот, не спеша, уверенно, хотя и без особых надежд на успех, он шел своим путем. Холодный зимний ветер гнал его к югу.

Гед провел в пути день и ночь, никого не встретив в море, а на второй день причалил к островку под названием Вемиш.

Люди в маленьком порту подозрительно косились в его сторону, а вскоре прибежал колдун. Он внимательно посмотрел на Геда, поклонился и сказал напыщенным и одновременно льстивым голосом:

— Господин волшебник! Простите мою дерзость и окажите нам честь: примите у нас все, что вам нужно для путешествия — еду, питье, парусную ткань, канат. Моя дочь уже несет вам пару только что зажаренных кур. Я думаю, будет лучше, если вы как можно скорее покинете наш остров. Люди немного встревожены. Дело в том, что совсем недавно, позавчера, мы видели, как какой-то человек пешком пересек наш скромный остров с севера на юг, но никто не видел лодки, на которой он приехал, и никто не видел, как он покинул остров. Кроме того, говорят, он не отбрасывал тени. Те, кто видел этого человека, рассказывают, будто он похож на вас.

Выслушав объяснение, Гед поклонился, пошел назад в порт Вемиша и отчалил, даже не обернувшись. Не хотелось пугать жителей острова или ссориться с их колдуном. Лучше он снова переночует в море и обдумает новости, потому что они его порядком озадачили.

День кончился. Всю ночь вокруг лодки шуршал холодный дождь. Наступил серый рассвет, дождь, казалось, стал еще сильнее. Легкий северный ветер по-прежнему нес вперед лодку Геда. После полудня ненастье прекратилось и туман рассеялся. Вскоре Гед разглядел прямо по курсу низкие сероватые холмы большого острова, освещенные слабым зимним солнцем. Между этими холмами виднелись маленькие, будто игрушечные, домики. Над черепичными крышами вился голубой дымок. Эта картина приятно нарушала унылое однообразие моря.

Вслед за рыбацкими лодками Гед вошел в порт, освещенный золотыми лучами зимнего солнца. Он пошел в город и на одной из улиц обнаружил гостиницу под названием «Харрекки». Жаркий огонь камина, пиво и баранина на ребрах быстро согрели его тело и душу.

За столами в основном сидели местные жители. Правда, было двое путешественников: торговцы из Восточной провинции. Горожане приходили сюда выпить хорошего пива, обменяться новостями, побеседовать. Они не были похожи на темных и запуганных рыбаков с островов Руки. И выглядели иначе: степенные и практичные. Разумеется, они поняли, что Гед — волшебник, хотя никак не показали этого. Только разговорчивый хозяин похвастался, что их городу и другим городам острова несказанно повезло. У них есть бесценное сокровище в лице волшебника, который проходил обучение в школе на Роуке, а посох ему вручал сам Верховный Маг. Волшебник жил в собственном доме в Исмэе, но сейчас он в отъезде. Поэтому другие волшебники городу не нужны.

— Как говорится, двум посохам не ужиться в одном городе, не правда ли, господин волшебник? — спросил хозяин гостиницы, весело улыбаясь.

Так Геду дали понять, чтобы он не рассчитывал здесь заработать. Итак, он получил резкий отказ в Вемише и вежливый — в Исмэе. Все это как-то не очень вязалось с рассказами о доброте и сердечности жителей Восточной провинции. Ведь это был остров Иффиш, родина его друга Ветча. Геду остров не показался таким гостеприимным, как рассказывал Ветч.

Он понимал, что в сущности это добрые люди. Только они совершенно правильно почувствовали, что между ними пропасть, что на нем лежит печать обреченности, и цели его были им непонятны. Гед был как холодный сквозняк, дующий в согретой камином комнате, как черная птица, перенесенная ураганом из заморских стран. И чем скорее он уйдет и унесет с собой свои несчастья, тем лучше.

— Я разыскиваю кое-кого,— сказал он хозяину гостиницы,— и проведу у вас только одну или две ночи.

Голос его звучал довольно уныло. На этот раз хозяин ничего не сказал, а только взглянул на крепкий тисовый посох в углу. Он налил Геду коричневого пива, так что пена плеснула через край.

Гед понял, что может провести в Исмэе только одну ночь. Нигде не был он желанным гостем, и здесь тоже. Он должен идти своей дорогой, но так хотелось отдохнуть от пустого холодного моря, от молчания, услышать человеческие голоса. Он решил, что проведет в Исмэе один день, а наутро уедет.

Встал поздно. За окном падал легкий снежок. Гед бродил по улицам и переулкам города и наблюдал, чем занимаются люди. Он смотрел, как дети, закутанные в меховые капюшоны, строят

снежные замки и лепят снеговиков. Слушал, как соседки сплетничают через улицу, стоя в открытых дверях. Наблюдал, как кузнец и его юный подмастерье, потные и разгоряченные, работают с поддувальными мехами.

Темнело рано. Гед заглянул в окно, слабо освещенное золотистым светом, и увидел женщину за прялкой в теплой комнате. Женщина с улыбкой повернулась к ребенку или мужу. Все это Гед видел с улицы. Он чувствовал себя чужим и одиноким. На сердце тоже было тяжело, но даже самому себе он не хотел признаться, что ему грустно. Наступил вечер, а Гед все бродил и бродил по улицам. В гостиницу идти не хотелось. Вдруг он услышал голоса мужчины и девушки. Они шли по улице по направлению к площади и обогнали его. Гед резко обернулся: голос мужчины был ему знаком.

Он пошел следом и догнал их. Гед подошел сбоку, лицо его освещал только слабый свет фонарей. Девушка попятилась, а мужчина внимательно посмотрел на Геда и поднял вверх посох, как щит. Так поступают волшебники, чтобы отвести угрозу или нападение. Этого Гед уже не мог вынести.

— Я думаю, ты узнаешь меня, Ветч,— сказал он, и голос его задрожал от обиды,

Ветч застыл в нерешительности.

— Да, я тебя узнал.

Он опустил посох, пожал Геду руку и обнял его за плечи:

— Я тебя узнал! Добро пожаловать, друг, добро пожаловать! Как я нехорошо с тобой поздоровался. Мне показалось, будто ты подкрался сзади, как привидение... А ведь я ждал тебя и искал...

— Так ты и есть тот волшебник, которым хвастаются жители Исмэя? А я думал...

— О да, я здешний волшебник. Но послушай, дай сначала объясню тебе, почему сразу тебя не узнал. Может быть, я слишком настойчиво искал тебя. Три дня назад... ты был здесь, на Иффише, три дня назад?

— Нет, я приехал только вчера.

— Я видел тебя три дня назад на улице в Кворе. Это деревня наверху в горах. То есть, видел того, кто притворяется тобой или, может быть, это просто был человек, похожий на тебя. Он шел впереди меня. Я заметил его на повороте дороги, позвал, но он не обернулся. Я пошел за ним, но там никого не было. Даже следов он не оставил, хотя на дороге лежал снег. Странная история. И теперь, когда я увидел, как ты выходишь из темноты, то подумал, что это опять какие-то фокусы. Прости меня, Гед,— он произнес настоящее имя Геда очень тихо, чтобы девушка, стоящая чуть поодаль, не услышала его.

Гед тоже назвал друга его настоящим именем, и тоже тихо:

— Ничего, Эстарриол. Это действительно я, и я очень рад видеть тебя...

Вероятно, Ветч услышал в его голосе нечто большее, чем просто радость. Коснувшись плеча Геда, он сказал на Истинном Языке:

— Ты в беде, и не от радости ко мне пришел, но я рад твоему приезду.

Потом он продолжал по-хардийски с восточным акцентом:

— Пойдем, пойдем к нам, мы идем домой. Пора выбираться из темноты! Это моя сестра, самая младшая. Как видишь, она красивее меня, хотя и не такая умная. Ее зовут Ярроу. Ярроу, это Ястреб, лучший ученик в школе и мой друг.

— Добро пожаловать, господин волшебник,— приветствовала его девушка. Она грациозно покачала головой и прикрыла глаза ладонью — так женщины в Восточной провинции показывают уважение к собеседнику. Когда девушка убрала руку, Гед увидел, что у нее ясные глаза, а взгляд любопытный и застенчивый. На вид ей было лет четырнадцать. Она была темноволосой, как и ее брат, но в отличие от него легкой и стройной. На рукаве у нее сидел маленький дракон, размером не больше ладони, с крыльями и когтями.

Они пошли вместе по темной улице. Гед заметил:

— Говорят, гонтийские женщины смелы, но я никогда не видел, чтобы они носили драконов вместо браслета.

Ярроу рассмеялась и ответила:

— Это просто харрекки. Разве у вас на Гонте они не водятся?

Тут она засмущалась и опустила глаза.

— Нет, у нас нет ни харрекки, ни драконов. Это ведь тоже дракон?

— Да, дракон, только очень маленький. Он живет на дубе и питается осами, червяками и воробьиными яйцами. Он больше не вырастет. Господин волшебник, мой брат мне много рассказывал про вашего питомца, дикого зверька, отака. Он все еще у вас?

— Нет. Его больше нет.

Ветч повернулся к нему, собираясь задать вопрос, но вовремя остановился и ничего не спросил. Они вернулись к этому разговору позднее, когда сидели одни у камина в доме Ветча.

Ветч был главным волшебником всего острова Иффиш. Здесь он и родился. Его отец был довольно зажиточным морским торговцем. Их просторный и прочный дом дышал благополучием. Красивая глиняная посуда, яркие тканые изделия, бронзовые и медные сосуды, резные полки и сундуки создавали уют и говорили о достатке. В одном углу гостиной стояла большая таонийская арфа, в другом — ткацкий станок Ярроу. Его высокая рама была инкрустирована перламутром. Здесь Ветч при всей простоте своих привычек был не только могущественным волшебником, но и хозяином дома.

Кроме Ветча, в этом богатом доме безбедно жили двое старых слуг, брат Ветча, веселый паренек, и сестра Ярроу, быстрая и молчаливая, как маленькая рыбка. Она приготовила друзьям ужин,

поела вместе с ними, с интересом прислушивалась к их беседе, а потом тихонько ушла к себе в комнату. Вся обстановка говорила о достатке, спокойствии и надежности. Оглядев освещенную камином комнату, Гед произнес:

— Вот так должен жить человек,— и вздохнул.

— Можно жить так, а можно и по-другому,— сказал Ветч.— А теперь расскажи мне, если можешь, что произошло со времени нашего последнего разговора два года назад. И еще, куда ты едешь? Если я не ошибаюсь, ты не собираешься долго гостить у нас?

Гед рассказал ему о своих несчастьях. Когда он закончил свой рассказ, Ветч немного подумал и сказал:

— Я поеду с тобой, Гед.

— Нет.

— Я думаю, так будет лучше.

— Нет. Это моя печаль и мой крест. Я затеял это дело, мне его и заканчивать. Не хочу, чтобы кто-нибудь другой пострадал от зла, которое я совершил. Меньше всего мне бы хотелось причинить вред тебе. Ведь ты с самого начала пытался удержать меня от этой безрассудной глупости, Эстарриол...

— Тобой всегда руководила гордость,— сказал друг, улыбаясь, как будто они говорили о пустяках.— Но ты подумай сам: конечно, это твоя ноша, но если ты будешь побежден, не кажется ли тебе, что кто-то должен предупредить о случившемся жителей Архипелага? Ведь тогда тень получит страшную силу. А если ты победишь ее, разве не должен быть рядом другой человек, который расскажет о твоей победе на Архипелаге? Люди должны узнать о твоем подвиге, о нем будут сложены песни. Я знаю, что больше ничем не могу тебе помочь. Я должен пойти с тобой.

Геду пришлось признать справедливость слов друга, но из упрямства он сказал:

— Не надо было мне оставаться здесь еще на один день. Я так и знал, но остался.

— Встречи волшебников не бывают случайными, друг. И, кроме того, ты ведь сам сказал, что я присутствовал в начале этой истории. Было бы справедливо, чтобы я же увидел ее конец.

Он подбросил дров в камин, и некоторое время они молча смотрели в огонь.

— С той ночи на холме Роук я ничего не слышал об одном человеке и не осмелился спросить о нем в школе. Я имею в виду Джаспера.

— Он так и не получил посох волшебника. Он уехал с Роука тем же летом и отправился на остров О. Сейчас он колдун при дворе правителя О в О-токне. Больше мне ничего о нем неизвестно.

Они снова помолчали, наблюдая за длинными языками пламени. Ночь была холодной, но друзья сидели на широкой ска-

мейке у самого камина, и их лица и ноги ощущали приятное тепло.

Наконец Гед тихо сказал:

— Одного я боюсь, Эстарриол. А если ты поедешь со мной, я буду бояться этого еще больше. Там, в конце залива на островах Руки, я обернулся и увидел тень. Она была от меня на расстоянии вытянутой руки, и я схватил ее... попытался схватить ее. Но мои руки прошли сквозь пустоту. Я не смог одолеть ее. Она побежала, я — за ней.

Это может повториться снова и снова. Я бессилен перед тенью. Возможно, погоня не приведет ни к смерти, ни к победе. Может быть, она просто бесконечна. И петь будет не о чем. Может, мне придется потратить на охоту за тенью всю жизнь, и я буду без конца гоняться за ней по морям и островам, но так и не поймаю.

— Чур!

Ветч сделал левой рукой жест, который отводит беду. Несмотря на мрачные мысли, шутка немного развеселила Геда, потому что это скорее детское суеверие, а не волшебное слово. Ветч сохранил забавную непосредственность деревенского мальчишки, но при этом оставался тонким и проницательным собеседником, умевшим сразу понять суть дела.

Он продолжал, уже серьезно:

— Это было бы очень грустно, но я надеюсь, ты неправ. Думаю, раз видел начало, то, скорее всего, увижу и конец. Ты как-нибудь узнаешь, что она собой представляет, настигнешь ее и справишься с ней. Хотя, конечно, задача нелегкая... Я не могу понять одного, и это меня беспокоит. Теперь тень разгуливает в твоем обличье или, по крайней мере, очень похожа на тебя. Такой ее видели на Вемише, такой я ее видел здесь, на Иффише. Зачем ей это нужно? И почему она не делает этого на Архипелаге?

— Как говорят, «в провинциях другие правила».

— Да, это верно, я и сам замечал. На Роуке я научился нескольким хорошим заклинаниям, но здесь они не действуют или действуют неправильно. И наоборот, есть заклинания, которые действуют только здесь, но не на Роуке. На каждом острове свои волшебные силы, и чем дальше от Внутренних островов, тем меньше нам известно о них и труднее ими управлять. Но я не думаю, что тень изменилась только из-за того, что попала в Восточную провинцию.

— Я тоже. Когда я перестал от нее убегать и повернулся к ней лицом, вероятно, мое волевое усилие придало тени форму и в то же время лишило ее возможности сосать из меня силы. Все мои действия отражаются на ней, она — мое создание.

— На Осскиле она назвала тебя по имени и, таким образом, не дала тебе использовать против нее волшебство. Почему же она не сделала этого снова на Руках?

— Я не знаю. Думаю, что получает способность говорить только из-за моей слабости. Она как бы говорит моим же языком. Но как она узнала мое имя? Я ломаю над этим голову с тех пор, как уехал с Гонта, но не могу найти ответа. Может быть, сама по себе, в своем бесформенном виде, она вообще не может говорить, а говорит только языком другого человека. Не знаю.

— Тогда тебе надо остерегаться, чтобы не встретиться с ней, если она примет облик другого человека.

— Буду надеяться,— ответил Гед, вздрогнув от холода и протянув руки к огню,— что этого не произойдет. Теперь она так же привязана ко мне, как я к ней. Она не может уйти от меня достаточно далеко, чтобы напасть на другого человека и завладеть его волей и разумом, как она поступила со Скиором. Если я снова поддамся ей, попытаюсь убежать от нее, разорвать связывающую нас нить, тогда она завладеет мною. Но даже когда я держал ее изо всех сил, она просто испарилась и все равно убежала... И она убежит снова. Правда, она не может совсем скрыться. Я всегда найду ее. Я привязан к этому гнусному жестокому созданию и никогда не смогу от нее отделаться, если не узнаю слово, которому она повинуется: ее имени.

Его друг задумался и спросил:

— А в царстве тьмы есть имена?

— Верховный Маг Геншер сказал, что нет. А мой учитель Оджион думает иначе.

— «Доводы магов бесконечны»,— процитировал Ветч с невеселой усмешкой.

— Та, что служила Древним Силам на Осскиле, поклялась, что камень скажет мне имя тени, но я не особенно этому верю. Хотя дракон тоже предлагал сообщить мне ненавистное имя, чтобы отделаться от меня. И я подумал, что там, где мнения магов разделились, прав может быть мудрый дракон.

— Он мудрый, но злой. Кстати, что это за дракон? Ты не рассказывал мне о своем разговоре с драконом.

Они проговорили до поздней ночи. И хотя их беседа все время возвращалась к невеселой задаче, которую предстояло решать Геду, радость встречи заслонила все неприятности. Их крепкая дружба не зависела ни от времени, ни от обстоятельств.

Утром, проснувшись в доме друга, Гед, еще сонный, ощутил на душе такой покой, как будто здесь он был недосягаем для опасностей и зла. Весь день чувство покоя согревало его мысли, но он счел его не добрым предзнаменованием, а подарком судьбы. Может быть, дом друга окажется его последним приютом, и пока этот счастливый сон продолжался, Гед радовался ему.

Ветч еще многое хотел успеть до отъезда. Ему надо было наведаться в несколько деревень. Ветча сопровождал паренек, его ученик. Гед оставался дома с Ярроу и Мурром, который был старше сестры, но моложе Ветча. Его жизнь текла легко и спокойно, поэтому он выглядел гораздо моложе своих лет. Мурр не

обладал задатками мага и нигде не бывал, кроме Иффиша, Тока и Холпа. Гед наблюдал за ним с удивлением и некоторой завистью, впрочем, как и Мурр за Гедом.

Каждому из них казалось странным, что другой настолько отличается от него, ведь они были одного возраста. Гед недоумевал, как человек, проживший на свете девятнадцать лет, может быть таким беззаботным. Глядя на миловидное и веселое лицо Мурра, он сам себе казался слишком взрослым и суровым и не подозревал, что Мурр завидует ему, завидует даже шрамам, изуродовавшим его лицо. Мурр думал, что эти шрамы — следы когтей дракона, а их владелец — герой.

Поэтому два молодых человека немного смущались в присутствии друг друга. Что касается Ярроу, то она скоро перестала стесняться Геда. В конце концов Ярроу дома и чувствовала себя хозяйкой. Гед обращался с ней очень почтительно, и девушка засыпала его вопросами, жалуясь, что Ветч ей никогда ничего не рассказывает. Эти два дня Ярроу была очень занята. Она пекла для путешественников сухие пшеничные лепешки и складывала в корзинки сухую рыбу, мясо и другие припасы до тех пор, пока Гед не остановил ее. Он сказал, что ему все равно придется зайти в Селидор.

— А где находится Селидор?

— Очень далеко отсюда, в Западной провинции. Драконы там встречаются так же часто, как мыши.

— Тогда лучше оставайтесь в нашей Восточной провинции, наши драконы маленькие, как мыши. Вот ваше мясо, ты уверен, что этого хватит? Послушай, как же так получается? Ты и мой брат — оба могущественные волшебники. Вы можете махнуть рукой, пробормотать волшебное слово, и дело сделано. Зачем вам тогда еда? Допустим, вы в море. Наступило время ужина. Вы говорите: «Мясной пирог». Появляется мясной пирог, и вы его съедаете. Вы так можете?

— Да, можем, но нам не очень хочется, как говорят, «есть свои слова». «Мясной пирог» — это всего лишь слова... Мы можем сделать его ароматным, аппетитным и даже сытным, но слово останется словом. Так можно обмануть желудок, но все равно будешь голодным, и сил такой пирог не прибавит.

— Выходит, волшебники не повара,— сказал Мурр.

Он сидел около очага напротив Геда и вырезал крышку шкатулки. Резьба по дереву была его ремеслом, хотя Мурр не слишком любил трудиться.

— К сожалению, повара тоже не волшебники,— сказала Ярроу.

Она стала на колени, чтобы убедиться, что последняя партия лепешек на горячих кирпичах уже подрумянилась.

— И все-таки я кое-что не понимаю, Ястреб. Я видела, как мой брат и даже его ученик освещают темное место при помощи одного-единственного слова, и такой огонь светит. Это не просто слово, это настоящий свет, он освещает дорогу.

— Да,— ответил Гед,— свет это сила, огромная сила, дающая нам жизнь. Но, помимо наших нужд, свет существует и сам по себе. Солнечный свет и свет звезд — это время, а время — это свет. Волшебник может зажечь свет в темноте, назвав его. Но, как правило, когда волшебник заставляет появиться какой-нибудь предмет, это совсем другое. Он не вызывает никакой силы, более мощной, чем его собственная. Вызванный предмет — результат обычного оптического обмана. Но чтобы вызвать вещь, которой вообще здесь нет, назвав ее настоящим именем, требуется большое мастерство, и им не пользуются по пустякам. Например, ради утоления голода. Ярроу, твой дракончик украл лепешку.

Ярроу так внимательно слушала Геда и смотрела на него во все глаза, что не заметила, как харрекки стрелой слетел со своего удобного насеста над очагом и схватил лепешку, которая была больше его самого. Она посадила маленькое чешуйчатое существо на колени, разломила лепешку на кусочки и покормила дракончика, обдумывая слова Геда.

— Значит, ты не хочешь вызывать настоящий мясной пирог, чтобы не нарушить то, о чем всегда говорит мой брат... я забыла, как это называется...— она говорила озабоченно и серьезно.

— Равновесие,— в тон ей ответил Гед.

— Да, равновесие. Но когда твоя лодка разбилась, ты построил себе лодку в основном из заклинаний, и она не пропускала воду. Это был тоже оптический обман?

— Да, отчасти. Довольно неприятно смотреть, как морская вода хлещет в здоровенные дыры в твоей лодке. Поэтому я закрыл их зрительно. Но прочность лодки — совсем другое дело. Здесь я не пользовался оптическими приемами и новую лодку тоже не строил. Я сделал старую лодку прочной при помощи связывающего заклинания. Я связал заклинанием все доски в одно целое. Ведь лодка — это не что иное, как корыто, не пропускающее воду.

— А некоторые лодки текут, мне приходилось вычерпывать воду,— сказал Мурр.

— Моя тоже текла, поэтому я все время говорил заклинания.— Он нагнулся, взял с кирпичей лепешку и стал перебрасывать ее с руки на руку: она жгла ему пальцы.— Я тоже украл лепешку.

— Значит, ты обжег себе пальцы. Когда будешь голодать в пустынном море, а вокруг не будет ни одного острова, ты еще вспомнишь эту лепешку и скажешь: «Если бы я не украл тогда лепешку, я бы мог ее съесть сейчас, но, увы!» Ну, ничего, я съем лепешку моего брата, чтобы он голодал вместе с тобой...

— Так мы поддерживаем равновесие,— заметил Гед, а Ярроу взяла горячую недожаренную лепешку и стала жевать. Это ее рассмешило, и она даже закашлялась. Но тут же лицо девушки снова стало серьезным и она сказала:

— Жаль, что я не могу до конца понять то, что ты мне рассказываешь.

— Сестричка, это я не умею объяснить. Если бы у нас было больше времени...

— У нас еще будет время. Когда мой брат вернется домой, ты ведь приедешь с ним, правда? Ну хотя бы ненадолго?

— Если смогу,— ответил Гед тихо.

Все немного помолчали. Потом Ярроу спросила, наблюдая, как харрекки забирается назад на насест:

— Скажи мне, если это не секрет: какие есть еще великие силы, кроме света?

— Это не секрет. Думаю, все силы имеют одно начало и один конец. Годы и расстояния, звезды и свечи, вода, ветер, волшебство, искусство человеческих рук, мудрость корня дерева — это проявления нашей жизни. Мое имя, твое имя, настоящее название солнца или ручья, или имя еще не родившегося ребенка — все слоги одного великого слова, которое тихо и медленно шепчет свет звезд. Это и есть главная сила, других нет.

Прервав свою работу, Мурр спросил:

— А как же смерть?

Девушка слушала, наклонив темноволосую головку.

— Для того, чтобы сказать слово,— медленно ответил Гед,— должна быть тишина. До и после него.

Потом он резко встал.

— Я не имею права говорить о таких вещах. Свое слово я сказал неправильно. Мне лучше помолчать. Больше я ничего не скажу. Может быть, и правда, нет настоящей силы, кроме силы тьмы.

Он вышел из кухни, взял плащ и пошел на улицу, под моросящий холодный зимний дождь.

— Над ним тяготеет проклятье,— сказал Мурр, взволнованно глядя вслед Геду.

— Я думаю, в путешествии, которое он затеял, ему угрожает смертельная опасность,— тихо промолвила девушка.— И он этого боится, но все-таки едет.

Ярроу подняла голову и посмотрела в огонь, как будто пыталась разглядеть там одинокую лодку, причалившую к их острову и снова скрывшуюся в пустынном зимнем море. На мгновение ее глаза затуманились слезами, но она ничего не сказала.

Ветч вернулся на следующий день и объявил отцам города об отъезде. Тем ужасно не хотелось отпускать его. Путешествие по морю в середине зимы таит смертельные опасности. Тем более, дело касалось друга. Но они могли упрекать Ветча сколько угодно, остановить же было не в их власти. Устав от ворчливых стариков, он сказал:

— Я ваш по происхождению, обычаю и в силу обязательств по отношению к вам, которые на себя взял. Я ваш волшебник. Хотя и служу людям, я не ваша собственность. Пора бы вам вспомнить об этом. Вернусь, когда смогу. Прощайте.

На рассвете, когда небо на востоке осветилось серым светом,

два молодых человека вышли на лодке «Гляди в оба» из порта Исмэй, подняв крепкий коричневый парус. Им в спину дул северный ветер. На пристани стояла Ярроу и смотрела, как все жены и сестры на всех берегах Архипелага смотрят вслед мужчинам, уходящим в море. Они не машут руками и не кричат. Они тихо стоят на берегу в своих серых или коричневых плащах с капюшонами. Их фигурки становятся все меньше и меньше, а расстояние между ними и кораблем увеличивается.

10. ОТКРЫТОЕ МОРЕ

Берег исчез из виду. Морские волны омывали глаза, нарисованные на борту лодки. Взору путешественников открывались все более необъятные моря и пустынные горизонты. За два дня друзья преодолели расстояние от Иффиша до острова Содерс — сто миль непогоды и встречного ветра. Они зашли в порт только для того, чтобы пополнить запас воды и купить просмоленную парусину. Надо было прикрыть вещи, лежащие в лодке. Они не позаботились об этом заранее. Волшебники обычно решают такие пустяковые проблемы при помощи простейших заклинаний. Ведь волшебнику гораздо проще опреснить морскую воду, чем таскать с собой запас пресной воды. Но Гед не хотел прибегать к помощи волшебных сил, он боялся тратить их по мелочам и не разрешал Ветчу делать этого. Он только сказал:

— Лучше не надо.

И его друг больше не задавал вопросов и не спорил.

С той минуты, как они подняли парус, у обоих возникло тяжелое предчувствие, их пробирал озноб. Тепло домашнего очага, тихая гавань, покой, безопасность остались позади. Теперь все, что встречалось на их пути, таило в себе опасность, и любой шаг имел непредсказуемые последствия. На этом пути даже самое легкое заклинание может изменить равновесие между силами добра и зла, а они сейчас направлялись к самому центру равновесия, туда, где встречаются свет и тьма. Тот, кто идет по этому пути, не говорит зря ни одного слова.

Итак, они снова подняли якорь и обогнули остров Содерс. Поля и холмы, покрытые снегом, растаяли в тумане. Гед опять взял курс на юг. Теперь они вошли в воды, куда никогда не заходят торговые суда с Архипелага. Это были границы провинции.

Ветч не спрашивал, куда они плывут. Он знал, что Гед не сам выбирает курс, а идет, повинуясь внутреннему голосу. Остров Содерс остался позади. Волны с шипением разбивались о нос лодки. Теперь бескрайняя серая равнина океана окружала их со всех сторон, сливаясь на горизонте с небом. Гед спросил:

— Какие острова лежат по курсу?

— Прямо к югу от Содерса вообще нет никаких островов. Если плыть на юго-восток очень долго, там будет несколько

островов: Пелимер, Корнэй, Госк и Астоуэлл, который еще называют Последняя Земля. За ним — Открытое море.

— А что на юго-западе?

— Роламени, один из островов нашей Восточной провинции, да еще несколько мелких островов, дальше — ничего, до Южной провинции, а там — Руд, Тум и остров Уха, куда люди не ездят.

— А нам, возможно, придется,— задумчиво сказал Гед.

— Лучше не надо. Говорят, это неприятное место. Там полно костей и всяких дурных предзнаменований. Моряки рассказывают, что со дна моря у островов Уха и Фа Сорр светят невиданные звезды, у которых нет названий.

— Да, я слышал об этом от одного матроса на корабле, когда ехал на Роук. Еще он рассказывал, что на окраине Южной провинции есть люди, которые живут на плотах. Они высаживаются на сушу только раз в год, чтобы срубить огромные бревна для своих плотов. Потом целый год плывут по океаническим течениям, даже близко не подходя к суше. Мне бы хотелось увидеть эти деревни-плоты.

— Лично мне больше по душе земля и люди земли. У моря свое место, у меня свое...

— Я бы хотел увидеть все города Архипелага,— сказал Гед, держась за мачту и глядя на пустынную серую равнину, расстилавшуюся впереди.— Хавнор, главный город в центре Архипелага, и Эа, где зарождались мифы, и фонтаны Уэя — все города и земли, маленькие острова и таинственные окраины. Я хочу отправиться прямо в царство драконов на западе или уплыть на север, к плавучим льдинам, на землю Хоген. Рассказывают, что эта земля больше, чем весь Архипелаг, а другие говорят, что там только рифы да скалы, а между ними лед. Точно никто не знает. Мне бы хотелось увидеть китов в северных морях... Но я не могу. Я должен идти своей дорогой и отвернуться от манящих далеких берегов. Когда-то я излишне поторопился, а теперь у меня нет времени. Я променял свет солнца, чудесные города на призрачную власть, на тень, на тьму.

И Гед, как подобает волшебнику, излил свой страх и печаль в песне. Это была короткая элегия, и посвящалась она не только ему самому. Его друг ответил ему словами героя из баллады «Подвиг Эррета-Акбе»:

— О, увижу ли я снова солнце родного края, белые башни Хавнора...

Их путь лежал через необитаемую часть океана. За весь день они увидели лишь стайку серебряных рыбок, плывущих на юг. Ни один дельфин не выпрыгнул из воды около лодки, не пролетела ни одна чайка, ни одна крачка. Когда небо на востоке потемнело, а западный небосклон окрасился красным светом, Ветч достал припасы и разделил их поровну. При этом он сказал:

— Вот все, что осталось от пива. Я пью за ту, что положила

в лодку бочонок, чтобы мужчины могли утолить жажду в холодную погоду: за мою сестру Ярроу.

Услышав этот тост, Гед отвлекся от своих мрачных мыслей и перестал вглядываться вдаль. Он выпил за здоровье Ярроу с не меньшей готовностью. Воспоминание вызвало в памяти ее образ, ее детское очарование и взрослую мудрость. Она не была похожа на других людей, которых он знал. (А знал ли он вообще молодых девушек? Он никогда об этом не задумывался).

— Она похожа на маленькую рыбку, на гольяна, что плавает в чистом ручье,— тихо промолвил Гед.— Такая же маленькая и беззащитная, а не поймаешь.

Ветч посмотрел на него в упор, улыбнулся и сказал:

— Ну, ты действительно настоящий маг. Ее настоящее имя Кест. На древнем языке «кест» означает гольян.

Геду это было хорошо известно, и догадка порадовала его до глубины души. Но немного погодя он произнес:

— Может быть, ты зря сказал мне ее имя.

Однако Ветч сделал это отнюдь не по легкомыслию.

— Я уверен, ты сумеешь сохранить и ее имя, и мое. А, кроме того, ты и так его знал,— ответил он Геду.

Небо на западе стало из красного пепельно-серым, а потом черным. Все вокруг затянула непроглядная тьма. Гед устроился на дне лодки, завернувшись в шерстяной плащ, подбитый мехом. Надо было хоть немного поспать. Ветч тихо пел «Подвиг Энлада» — ту часть баллады, где говорится, как маг Моред Белый покинул Хавнор на безвесельном паруснике, приплыл на остров Солез и в цветущих весенних садах встретил Эльфарран. Гед уже спал, а Ветч все пел о грустном конце их любви, о смерти Морреда, о гибели Энлада, о гигантских волнах, обрушившихся на сады Солеа. Около полуночи Гед проснулся и встал на вахту. Ветч лег отдыхать. Их маленькая лодка бесстрашно рассекала волны, упрямо боролась с ветром и шла наугад сквозь ночь. Но перед рассветом тучи рассеялись, между коричневыми краями облаков показался тонкий серп луны и осветил море слабыми лучами.

— Луна ущербная,— пробормотал Ветч, проснувшись на рассвете.

Ледяной ветер стих. Гед взглянул на бледный полумесяц на светлеющем восточном небосклоне, но ничего не ответил. Период новолуния после Дня Возвращения Солнца считается неудачным. Это как бы противоположность Дням Луны и Большому Хороводу летом. Это время неблагоприятно для путешественников и для больных. В эти дни детям не дают их настоящие имена, не поют баллады, не точат мечи и ножи, не дают клятв. Это темное время года. Все, что делается в это время, выходит нескладно.

Через три дня после выхода из Содерса, ориентируясь по полету птиц и направлению морских течений, несущих обломки,

они приплыли на Пелимер, маленький остров, одиноко лежащий посреди серого моря. Его жители говорили по-хардийски, но со своим акцентом, и даже Ветчу их речь казалась странной. Молодые люди сошли на берег, чтобы пополнить запас пресной воды и немного отдохнуть от моря.

Сначала их приняли очень хорошо, хотя появление волшебников удивило и взволновало жителей. В главном городе острова жил колдун, но он сошел с ума. Он все время толковал об огромном змее, подгрызающем основание Пелимера. Предсказывал, что остров скоро уплывет, как лодка, оторвавшаяся от причала, и свалится за край света. Сначала он поприветствовал молодых магов, но, рассказывая о змее, стал бросать косые взгляды в сторону Геда, а потом прямо на улице накинулся на них с бранью, назвав шпионами и слугами морского змея. После этого происшествия пелимерцы тоже помрачнели: пусть сумасшедший, но все же это был их колдун. Так что Гед и Ветч не стали задерживаться, а вышли в море засветло, по-прежнему держа курс на юго-восток.

За все время Гед ни разу не заговорил ни о тени, ни о самой погоне. Только один раз, увидев, что они все дальше уходят от обитаемых земель, Ветч осторожно спросил:

— А ты уверен?

На это Гед только промолвил:

— Знает ли железо, где скрыт магнит?

Ветч кивнул, и без лишних слов они поплыли дальше.

Однако время от времени разговор касался способов и средств, при помощи которых маги древности узнавали настоящие имена злых сил и существ. Они вспоминали, как Нереджер из Пална узнал имя Черного Мага, подслушав разговор драконов, как Морред увидел имя своего врага, написанное дождевыми каплями на пыльных полях сражения. Они говорили о заклинаниях, с помощью которых можно найти вещи, о великих вопросах, которые может задавать только Магистр Правил на Роуке. Очень часто Гед повторял слова, сказанные ему однажды осенью на склоне горы Гонт Оджионом:

— Чтобы услышать, надо сначала замолчать...

И он замолкал и часами думал о чем-то, все время вглядываясь вдаль. Иногда Ветчу казалось, что его друг видит сквозь серые дни и долгие мили волн цель и трагический конец путешествия.

Когда они проходили между островами Корнэй и Госк, разыгралась непогода. Из-за тумана и дождя друзья не заметили их.

То, что острова уже позади, они поняли лишь на следующий день. Неожиданно впереди показался остров с остроконечными скалами, над которыми кружили огромные стаи чаек. Крики птиц разносились далеко над морем. Ветч сказал:

— Похоже, что это Астоуэлл. Последняя Земля. На картах к востоку и к югу от него ничего нет.

— Но, может быть, местные жители знают еще какие-нибудь острова, дальше к югу,— предположил Гед с тревогой в голосе.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Ветч, и опять ответ Геда был странным и неуверенным.

— Не здесь,— сказал Гед, глядя куда-то за Астоуэлл.— Не здесь. Не в море. Не в море, а на суше. Но где? Перед течением открытого моря, за истоками, за воротами дневного света.

Потом он замолчал, а когда заговорил снова, его голос звучал вполне обычно, как будто он освободился от каких-то чар или от видений и не помнил точно, что с ним было.

Порт Астоуэлл располагался в устье небольшой речки между двумя скалистыми вершинами на северном берегу острова. Все дома были обращены фасадом на север и на запад, как будто остров все время стоял лицом к Архипелагу, к людям, хотя и находился от них далеко.

Жители отнеслись к чужеземцам недоверчиво. Они не на шутку разволновались. Ведь зимой ни один человек не решался плавать в их морях, тем более в лодке. Женщины спрятались в плетеных хижинах. Они боязливо выглядывали из-за дверей и прятали детей в юбках. Мужчины, высокие худые люди, едва одетые, несмотря на холод, окружили Ветча и Геда кольцом. Они были настроены воинственно, и у каждого в руках был каменный топор или нож из морской раковины. Но, когда их страх прошел, они оказались очень гостеприимными хозяевами и засыпали гостей вопросами. К ним редко заходили корабли, даже с Сондерса и Ролamени, потому что им нечем было торговать, нечем платить за бронзу и мех, даже древесины у них не было. Они плели свои лодки из тростника. Только очень смелый моряк мог отважиться доплыть до Госка или Корнэя.

Так они жили, на самом краю всех географических карт. У них не было ни колдуна, ни колдуньи. По-видимому, они не понимали, что означают посохи в руках у молодых людей, а восхищались драгоценным деревом, из которого посохи были изготовлены. Их вождь был очень стар. Только ему одному из всех жителей довелось когда-то видеть жителя Архипелага.

Жители открыто восхищались Гедом. Люди приводили маленьких сыновей, чтобы те посмотрели на жителя Архипелага и запомнили его на всю жизнь. Они никогда не слышали о Гонте, а только знали, что есть Хавнор и Эа. Поэтому все решили, что Гед — правитель Хавнора. Он старался, как мог, ответить на вопросы о белом городе, в котором сам никогда не бывал. Но к вечеру его охватило беспокойство. Они с Ветчем и несколько жителей сидели вокруг очага в доме, куда их пригласили переночевать. Дымный очаг топили кизяком и хворостом, другого топлива не было.

— Что находится к востоку от вашего острова?

Вождь ответил:

— Море.

— А какие там острова?

— Это Последняя Земля. За ней нет никаких островов. Ничего, кроме воды, до самого края света.

— Это мудрые люди, отец,— сказал человек помоложе,— путешественники, мореплаватели. Может, им известна земля, о которой мы не знаем.

— К востоку нет земли,— сказал старик тоном, не терпящим возражений, и выразительно посмотрел на Геда.

В эту ночь друзья спали в задымленной, но теплой хижине. Было еще совсем темно, когда Гед разбудил своего друга и прошептал:

— Эстарриол, проснись. У нас больше нет времени. Пора ехать.

— Но почему так рано? — сонно спросил Ветч.

— Не рано, скорее поздно. Я шел за ней слишком медленно. Если она нашла способ скрыться от меня, тогда мне конец. Она не должна убежать, поэтому я вынужден следовать за ней, куда бы она ни пошла. Если я ее потеряю, я пропал.

— Куда же мы теперь?

— Поплывем на восток. Пошли. Я уже наполнил мешки водой.

Они вышли из дома задолго до того, как проснулась деревня. Только из какой-то темной хижины доносился плач ребенка. Потом все стихло. При слабом свете звезд друзья отыскали дорогу к тому месту в устье реки, где у пирамиды камней была привязана «Гляди в оба». Они отвязали лодку и вытолкнули ее с мелководья. От Астоуэлла путешественники взяли курс на восток через Открытое море. Еще не рассвело, и вода казалась черной.

В этот день небо было ясным. С северо-востока дул порывистый ветер, но Гед присоединил к нему волшебный ветер. Он впервые воспользовался волшебными силами с тех пор, как покинул Руки. Судно стремительно мчалось на восток. Солнечные лучи нагревали воду, и над морем поднимался пар. Лодка содрогалась от ударов огромных дымящихся волн. Она отважно боролась с волнами, как и обещал ее хозяин, и повиновалась волшебному ветру, как самый лучший заговоренный корабль с Роука.

За утро Гед не проронил ни слова, если не считать заклинания ветра и заклинания паруса для поддержания его прочности. Ветч, ворочаясь, спал на корме лодки. В полдень они поели. Обед получился совсем скудный: над путешественниками нависла мрачная перспектива голода. Но оба сжевали по куску соленой рыбы и по пшеничной лепешке, не проронив ни слова.

Весь день они пробивались к востоку, никуда не сворачивая и не сбавляя хода. Только один раз Гед нарушил молчание и сказал:

— Как ты думаешь, за окраинами провинции пустое море без островов, или у света есть другая сторона с архипелагами и огромными неизвестными землями?

— В настоящее время,— сказал Ветч,— я думаю, что у света

только одна сторона, и тот, кто заплывет слишком далеко, свалится через край.

Гед не улыбнулся шутке друга, ему было не до смеха:

— Кто знает, что там? Уж во всяком случае не мы. Вечно боимся удалиться от своих берегов.

— Некоторые пытались это узнать, но не вернулись назад. Да и к нам ни разу не приходил ни один корабль из неведомых земель.

Гед не ответил.

Весь день и всю ночь их лодку гнал мощный волшебный ветер. Они упорно шли на восток по гигантским волнам океана. Гед стоял на вахте от заката до рассвета, потому что в эти часы сила, которая его влекла вперед, возрастала. Он безотрывно смотрел вдаль, хотя в такую безлунную ночь его глаза могли увидеть не больше, чем невидящие нарисованные глаза на носу «Гляди в оба». К утру его смуглое лицо стало серым от усталости. Он так закоченел на носу, что едва разогнулся. Гед растянулся на корме и только прошептал:

— Поддерживай волшебный ветер с запада, Эстарриол,— и тут же заснул.

Солнце в это утро так и не появилось. С северо-востока пришли тучи, и забарабанил дождь. Но шторма не было. Просто настало время долгих и холодных зимних ветров и дождей. Скоро все вещи промокли насквозь. Гед во сне дрожал от холода. Из жалости к другу, а может быть, и к самому себе, Ветч попытался немного отвести в сторону резкий непрекращающийся ветер, который принес дождь. И хотя ему удавалось следовать указаниям Геда и поддерживать волшебный ветер, погода отказывалась подчиняться. Они находились слишком далеко от земли, и ветер Открытого моря не слушался его голоса.

Это немного взволновало Ветча, и он стал сомневаться, смогут ли они с Гедом вообще воспользоваться волшебными силами так далеко от тех мест, где живут люди.

Ночью Гед снова занял свой пост на носу и всю ночь вел лодку на восток. Наступил новый день. Ветер немного утих. Временами сквозь тучи пробивались лучи солнца, но водяные валы были такой высоты, что лодка задирала нос и взбиралась на них, как на настоящие горы, потом зависала на гребне и резко падала вниз. Затем она взбиралась на новый гребень, и еще, еще, и так без конца.

Вечером после долгого молчания Ветч все-таки решился поделиться с Гедом своей тревогой.

— Мой друг,— сказал он,— ты был уверен, что в конце концов мы доплывем до земли. Я не стану подвергать сомнению твою теорию, но должен предупредить, что, может быть, это уловка, обман. Враг внушил тебе эту безумную мысль, чтобы заманить на середину океана, туда, куда людям нельзя заплывать. В чужих морях наше волшебство может исказиться и ослабеть. А тень не знает ни усталости, ни голода и не тонет.

Они сидели рядом, но теперь Гед смотрел на него как бы издали, через широкую пропасть. В его глазах была тревога, и он ответил не сразу:

— Эстарриол, мы приближаемся.

Услышав эти слова, его друг понял, что Гед говорит правду. Он испугался, но не подал виду, а просто положил руку Геду на плечо и сказал:

— Ну что же, хорошо.

Ночью Гед снова не спал. Да он и не смог бы заснуть. Утром третьего дня он тоже безотрывно смотрел вдаль. Они по-прежнему шли по морю без остановок и с такой невероятной и ужасающей скоростью, что Ветч не переставал восхищаться удивительными способностями Геда, который часами поддерживал мощный волшебный ветер, в то время как его, Ветча, волшебные способности ослабли, а мысли перепутались. Они плыли и плыли вперед. Ветч, наконец, поверил, что слова Геда сбудутся и они придут к истокам моря и за ворота древнего света.

Гед оставался на носу и по-прежнему смотрел вперед. Но он теперь не следил за океаном, или, по крайней мере, за тем океаном, который видел Ветч — бескрайним простором бушующей стихии, простирающимся до самого горизонта. В глазах Геда было темное видение, заслонявшее море и серое небо. Тьма сгущалась, и завеса темнела. Ветч ничего этого не замечал. Только когда посмотрел в лицо другу, на мгновение увидел отражение этой тьмы. Они плыли все дальше и дальше. Один и тот же ветер гнал их лодку. Они были рядом, но Ветч плыл на восток, а Гед туда, где не было ни востока, ни запада, ни закатов, ни восходов, ни звезд.

Вдруг Гед встал и заговорил. Волшебный ветер прекратился. «Гляди в оба» потеряла направление. Ее бросало в огромных волнах как щепку. Хотя с севера дул такой же сильный ветер, коричневый парус повис без движения. Лодка плыла по волнам, раскачиваясь в такт их медленному широкому ходу, и в то же время она стояла на месте.

Гед сказал:

— Спусти парус.

Ветч быстро выполнил его просьбу, а Гед тем временем достал весла, вставил их в уключины и начал грести.

Ветч огляделся, но ничего не увидел, кроме бесконечных рядов волн. Он не мог понять, почему теперь надо идти на веслах. Но через некоторое время он почувствовал, что ветер почти стих, а волны уменьшились. Лодку уже не бросало вверх-вниз. Движение ее становилось все более плавным. Теперь она продвигалась вперед под сильными гребками Геда по совершенно спокойной воде, какая бывает только в закрытой гавани. В перерывах между гребками Гед оборачивался через плечо и смотрел вперед по ходу лодки. Он видел то, чего не замечал его друг. Ветч не видел темных склонов под неподвижными звездами, но

его взору волшебника открылась тьма, сгущавшаяся на воде вокруг лодки. Он заметил, что волны стали совсем маленькими. Они катились все медленнее и медленнее, разбиваясь о песок.

Если это был мираж, то искусство его создателя казалось просто невероятным: превратить Открытое море в сушу! Взяв себя в руки, Ветч произнес заклинание Откровения. После каждого слова этого медленного заклинания он ждал, что картина изменится или распадется, а этот мелеющий и высыхающий океан снова станет бездонным. Но мираж не исчезал. Это заклинание должно было повлиять только на его зрение, а не на сами заколдованные предметы. Возможно, здесь заклинание не действовало. А может быть, это вовсе не мираж, и они на самом деле приплыли на край света.

Теперь Гед стал грести медленнее. Он то и дело оборачивался, выбирая дорогу между мелями по проливам, видимым только ему одному. Когда киль царапал дно, лодка вздрагивала. У них под килем было бездонное море, и все же они сели на мель. Гед вытащил из воды весла, и они загремели в уключинах. В наступившей тишине этот шум показался оглушительным. Все другие звуки — шум воды, ветра, скрип мачты, шуршанье паруса — исчезли, их поглотила мертвая тишина. Лодка застыла на месте. Не было ни ветерка. Море превратилось в песок, темный и неподвижный. Нигде, ни в темном небе, ни на сухом фантастическом песке, не было ни малейшего движения. Тьма окружила лодку со всех сторон.

Гед встал, взял посох и легко переступил через борт лодки. Ветч ждал, что он сейчас упадет, провалится в воду. Ведь под этой сухой, тусклой пеленой, скрывшей воду, небо и свет, наверняка была вода. Нет, море исчезло. Гед удалялся от лодки, оставляя на песке следы. Песок скрипел под его ногами.

Посох Геда начал светиться. Это ровное белое свечение скоро стало таким ярким, что пальцы Геда в том месте, где они прикасались к сияющему дереву, окрасились в красный цвет.

Он уходил все дальше и дальше от лодки. Но куда? Здесь не было направлений, ни севера, ни юга, ни востока, ни запада, было лишь удаление и приближение.

Ветчу свет посоха казался огромной звездой, медленно плывущей в темноте. А тьма вокруг сгущалась и подступала к Геду. Гед тоже это видел, но продолжал упорно двигаться вперед. Вскоре он увидел на самом краю освещенного круга тень, которая шла по песку ему навстречу.

Сначала она была бесформенной, но, приблизившись, приобрела очертания человеческой фигуры. Она стала похожа на старика, седого и мрачного. Старик шел к Геду. Но не успел Гед признать в этой фигуре своего отца, медника, как оказалось, что это не старик, а молодой человек. Это был Джаспер, его красивое и дерзкое молодое лицо, серый плащ с серебряной застежкой, гордая походка. Сквозь разделявшую их тьму он бросил на Геда

взгляд, полный ненависти. Гед не остановился, но замедлил шаг и немного приподнял посох. Он вспыхнул еще ярче, и, когда Гед подошел ближе, фигура была уже похожа не на Джаспера, а на Печварри. Но лицо Печварри раздулось, как у утопленника, стало мертвенно-бледным, и он неестественно протягивал руку, как будто молил о помощи.

Гед продолжал идти вперед, хотя между ними оставалось всего лишь несколько ярдов. Тогда существо, стоящее перед ним, полностью изменило свой облик: оно раскинуло в стороны два широких тонких крыла, потом стало корчиться, как от боли, резко увеличилось в размере и вдруг съежилось. На мгновение Гед увидал бледное лицо Скиора, затем пустые затуманенные глаза, и вдруг — незнакомое отвратительное лицо. Непонятно, кто это был: человек или чудовище. Губы у него извивались, а вместо глаз зияли пустые черные глазницы.

Гед поднял посох еще выше, и он засиял нестерпимым светом. Сила белого свечения была такова, что победила и разогнала вечную тьму. В этих ослепительных лучах тень, все еще надвигавшаяся на Геда, окончательно утратила всякое сходство с человеком. Она сжалась и почернела, но по-прежнему ползла вперед на четырех коротких лапах с когтями, повернув к Геду тупую морду безо рта, ушей и глаз. Они подошли вплотную друг к другу. Теперь тень казалась совершенно черной на фоне волшебного белого сияния. Она встала на задние лапы. Человек и тень подошли друг к другу и остановились.

Голос Геда прозвучал громко и ясно, нарушив вечное безмолвие. Гед произнес имя тени. Одновременно из чрева тени вырвалось то же самое слово: «Гед!». И оба голоса слились в один.

Гед протянул руки, бросил посох и взял в руки тень: темную сторону самого себя, которая тоже тянулась к нему. Свет и тьма встретились и соединились.

А Ветч с ужасом вглядывался вдаль сквозь сумрачную мглу. Ему вдруг показалось, что тень одолела Геда, потому что яркое свечение потускнело. Гнев и отчаяние охватили его. Он выпрыгнул из лодки и бросился к маленькому угасающему огоньку, мерцавшему на темном сухом песке, чтобы помочь другу или умереть вместе с ним. Но через несколько шагов он почувствовал, что песок уходит у него из-под ног и засасывает его как болото. Неожиданно мощный поток воды сбил его с ног. Вдруг в его сознание с ревом и шумом яростно ворвался дневной свет, обжигающий зимний холод, соленый вкус морской воды. Окружающий мир вернулся в свое обычное состояние, а сам он барахтался среди воды в настоящем море.

Недалеко от него на серых волнах покачивалась пустая лодка. Больше Ветч ничего не увидел. Волны хлестали его по лицу и слепили глаза. Плавал он неважно, и у него едва хватило сил доплыть до лодки и перевалиться через борт. Откашлявшись,

и кое-как стряхнув воду с волос, Ветч отчаянно пытался что-нибудь увидеть в волнах. Но он даже не знал, в какой стороне искать. Наконец, он заметил вдалеке среди волн что-то темное. Это был Гед. Там, где только что был песок, теперь бушевало море. Тогда Ветч бросился к веслам и изо всех сил стал грести. Он схватил Геда за руки и помог ему перелезть через борт.

У Геда был отсутствующий и пустой взгляд, хотя он не был ранен. В правой руке он сжимал свой черный тисовый посох. Посох больше не светился, но Гед не выпускал его из рук. Он не сказал ни слова. Обессиленный, промокший и дрожащий, он сел, привалившись к мачте, и даже не взглянул на Ветча. А Ветч поднял парус, подставил его северо-восточному ветру и развернул лодку. Гед оставался безучастным к происходящему до тех пор, пока впереди на темно-синем небе между двумя длинными облаками не появился молодой месяц — тонкий полукруг цвета слоновой кости. Он отражал солнечный свет, пришедший сквозь океан тьмы.

Гед поднял голову и, не отрываясь, смотрел на далекий яркий полумесяц на западном небосклоне.

Он смотрел на него долго и внимательно, а потом встал, держа посох обеими руками, как воин держит длинный меч. Он пристально поглядел на небо, на море, на коричневый парус, раздувающийся у него над головой, на друга.

— Эстарриол, посмотри, все кончено.— Он засмеялся.— Рана заросла. Я жив, я свободен.

Потом Гед наклонился, закрыл лицо руками и заплакал, как ребенок.

До этой минуты Ветч наблюдал за ним недоверчиво и осторожно. Он не знал, что произошло на темном песке: может быть, злобная тварь победила Геда и приняла его облик. Поэтому уже несколько часов рука его лежала на якоре. Он был готов проломить дно и затопить лодку, только бы не привезти чудовище на Архипелаг.

Но теперь Ветч посмотрел на своего друга, услышал, как он говорит, и сомнения развеялись. И он понял, что произошло: тень не победила Геда, и он не победил ее. Он назвал тень своей смерти собственным именем. Гед стал настоящим человеком, человеком, который познал сам себя. Теперь им не может владеть и повелевать никакая сила, кроме собственной воли. Такой человек живет ради самой жизни, он никогда не направит свои силы на разрушение, не причинит боли другим, не будет служить силам тьмы. В старинной песне «Создание Эа» говорится:

«Только в молчании слово, только во тьме — свет, только в смерти — жизнь: мы видим полет ястреба в чистом небе».

Ветч громко запел эту песню, держа курс на запад. Им в спину дул холодный ветер зимней ночи, прилетевший с просторов Открытого моря.

Они плыли восемь дней, потом еще восемь и, наконец, увидели землю. Много раз им приходилось наполнять мешки морской водой, опресненной с помощью заклинаний. Еще они ловили рыбу, но даже с помощью волшебных слов рыбака их улов был невелик. Ведь рыбы в Открытом море не знают своих настоящих названий и не обращают внимания на волшебные слова. Когда совсем не осталось еды, кроме нескольких кусочков копченого мяса, Гед вспомнил слова Ярроу. Тогда он стащил из очага лепешку, и девушка сказала, что он пожалеет об этом, когда будет голодать в море. Но, несмотря на голод, воспоминание было приятным, потому что Ярроу еще приглашала Геда погостить у них.

Когда они плыли на восток, им потребовалось всего три дня, чтобы добраться до Открытого моря при помощи волшебного ветра. А обратный путь на запад занял шестнадцать дней. Ни один человек не заплывал в Открытое море так далеко, как два молодых волшебника Эстарриол и Гед в открытой рыбачьей лодке зимой, после Дня Возвращения Солнца. Сильные штормы обошли их стороной, с курса они не сбились, все время шли по компасу и ориентировались по звезде Толберген. Но на этот раз они плыли немного севернее и поэтому не зашли в Астоуэлл, а миновав Фар Толи и Снег, бросили якорь у южного мыса Коппиша. Они увидели над волнами скалы, похожие на огромную крепость. Над морем с криками носились чайки. По ветру плыл голубоватый дымок деревенских очагов.

Отсюда было уже рукой подать до Иффиша. Гед и Ветч вошли в гавань Исмэя тихим поздним вечером, как раз перед тем, как выпал снег. Они привязали лодку «Гляди в оба», которая носила их к берегам царства смерти и обратно, и пошли по узким улочкам к дому волшебника. На сердце было легко и радостно. Они вошли в теплый дом, где ярко горел очаг. Навстречу, плача от радости, выбежала Ярроу.

Если Эстарриол с Иффиша действительно сдержал свое обещание и сложил песню о первом великом подвиге Геда, она, по-видимому, потерялась. В Восточной провинции есть легенда о том, как одна лодка села на мель в бездонном океане на расстоянии многих дней пути от суши. На Иффише говорят, что этой лодкой правил Эстарриол, на Токе рассказывают, что в ней были два рыбака, которых штормом занесло в Открытое море, а на Холпе легенда гласит, что холпский рыбак сел на мель среди невидимых песков и не смог сдвинуть свою лодку, поэтому он бродит там до сих пор. Таким образом, от песни о тени остались отрывки легенды, передававшейся с острова на остров в течение долгих лет. Но в «Подвиге Геда» ничего не говорится ни об этом путешествии, ни о встрече Геда с тенью. Зато баллада рассказывает о том, как он отправился в убежище драконов и вернулся цел и невредим, как он привез кольцо Эррета-Акбе с могил Атуана назад в Хавнор, как он, наконец, опять приехал на Роук и стал Верховным Магом всех островов Архипелага.

Майкл Муркок

ФЕНИКС В ОБСИДИАНЕ

Перевод *Натальи Бабасян*, 1990.

Редактор *Лорина Дымова.*

ПРОЛОГ

Широкая степь без горизонта. Степь цвета кровоточащей раны. Небо — поблекший пурпур. Посреди степи — двое: мужчина и женщина. Мужчина — в сферическом скафандре, высокий, с усталым лицом. Женщина — красивая, черноволосая, изящная, в платье из голубого шелка. Он — ИСАРДА ИЗ ТАНЕЛОРНА. Как зовут женщину — неизвестно.

Женщина:

Что такое Время и Пространство, как не глина в Руке, которая поддерживает Космическое Равновесие? Один век застывает, отлитый в форму, а другой уже прорывается сквозь бытие. Все течет. Повелители Закона и Хаоса ведут нескончаемую битву, которую нельзя ни выиграть, ни проиграть. Равновесие нарушается то в одну, то в другую сторону. Время от времени Рука уничтожает все, что было ею создано, и начинает все сначала. Земля тоже постоянно изменяется. Вечная Война — единственная константа в истории Земли, но у нее различные имена и формы.

Исарда из Танелорна:

А люди, втянутые в эту борьбу? Узнают ли они когда-нибудь ее истинную причину?

Женщина:

Никогда.

Исарда:

А сможет ли мир когда-нибудь отдохнуть?

Женщина:

Этого мы никогда не узнаем. Как никогда не окажемся лицом к лицу с Тем, кто направляет Руку.

Исарда:

И все же некоторые вещи неизменны...

Женщина:

Даже извилистая река Времени может быть повернута вспять по желанию Космической Руки. Мы не знаем, какие очертания примет наше будущее и насколько история в наших книгах соответствует действительности. Возможно, мы существуем лишь ради единственного мгновения? А может быть, мы бессмертны и будем жить вечно? Ничего не известно, Исарда. Знание — это иллюзия. Цель — всего лишь слово, лишенное смысла, пустой звук, убаюкивающая мелодия в какофонии лязгающих аккордов. Все течет. Происходящее похоже на эти драгоценности (она бросает пригоршню мерцающих жемчужин на золотой поднос; они рассыпаются, и женщина задумчиво смотрит на них). Некоторые жемчужины случайно образовали незатейливый узор. Но только некоторые. Так же случайно оказались рядом и мы: вы и я — и вот стоим здесь и беседуем. Но в любой момент частицы, составляющие нашу жизнь, могут быть рассыпаны вновь.

Исарда:

Не могут, если мы тверды. Существуют легенды о людях, которые усилием воли заставляли Хаос обретать форму. Рука Аубека сотворила вашу землю, а значит, и вас.

Женщина:

(Задумчиво.) Возможно, и есть такие люди. Но они идут против воли Того, кто их сотворил.

Исарда:

(После паузы.) Что же меняется от того, что есть такие люди?

Женщина:

Не знаю. Но я не завидую им.

Исарда:

(Смотрит вдаль, на золотую степь. Говорит, понизив голос.) Я тоже.

Женщина:

Говорят, что город Танелорн — вечный. Так говорят потому, что Герою необходимо, чтобы такой город существовал, несмотря на все видоизменения Земли. Говорят, что даже самые обездоленные народы там обретают покой.

Исарда:

А еще говорят, что люди сами должны пожелать мира и покоя — лишь тогда они найдут Танелорн.

Женщина:

(Склоняя голову.) И некоторые это сделали.

Хроника Черной Войны.
(Том 1008, Док. 14. Расплата Исарды)

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Но прошлой ночью я молился,
Бежав от сновидений вещих.
Я мучился, терзался, бился
Средь мыслей темных и зловещих:
Жестокий мир, толпа слепая
И те, кого я презираю,—
Они одни сильны, я знаю!
Отмстить мешает чья-то воля —
Душа сжимается от боли!
Любви, сплетенной с отвращеньем,
На этом свете нет прощенья.
Припадки злобы! Всплеск раздора!
И власть насилья и позора!
Ну что ж, дела я отодвину —
Бессмысленно с судьбою спорить.
Не знаю, выстою иль сгину,
Но наша боль, вина и горе —
В стыде великом, в жгучем страхе —
Они нам служат вместо плахи.

С. Т. Колридж «Болезни сна».

Глава первая

О ВОЗРОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

Я знаю горе и знаю любовь. Думаю, что знаю даже смерть, хотя всем известно, что я бессмертен. Мне сказано, что у меня есть высшее предназначение, но в чем оно? Неужели в том, чтобы скитаться в вечности, занимаясь какими-то незначительными делами?

Меня звали Джоном Дакером, и возможно, у меня было еще множество имен. Потом звали Ерекозе, Вечный Победитель, и я уничтожил весь человеческий род, потому что он предал мои идеалы и еще потому что я любил женщину другой, более благородной расы — расы элдренов. Женщину звали Эрмижад. Она так и не смогла родить мне ребенка.

Уничтожив собственную расу, я был счастлив. Вместе с Эрмижад и ее братом Эрджевхом я правил элдренами, этими граци-

озными существами, которые жили на Земле задолго до того, как на ней поселились люди, нарушившие ее гармонию.

Когда я только пришел в этот мир, меня мучили сны, но потом это случалось все реже, и, просыпаясь, с трудом их вспоминал. Но однажды так во сне испугался, что даже стал думать, не безумен ли я. Я пережил миллион перевоплощений, но в каждом из них был воином. При этом я никогда не знал, какой же из образов соответствует моему истинному «я». Я метался, стремясь сохранить верность каждому, и порою становился невменяемым.

Это продолжалось недолго. Очнувшись, решил восстановить на Земле красоту, разрушенную мной.

Там, где сражались армии, мы посадили цветы. Где были города, зашумели леса. И Земля стала благородной, спокойной и прекрасной.

Моя любовь к Эрмижад не исчезла.

Наоборот, она становилась все сильнее, и я любил каждую новую черточку, которую в ней открывал.

На Земле воцарилась гармония. И венцом ее был союз Вечного Победителя Ерекозе и Верховной принцессы элдренов Эрмижад.

Страшное оружие, которым мы уничтожили человечество, было надежно спрятано, и мы поклялись никогда больше к нему не прикасаться.

Города элдренов, разрушенные Маршалами Человечества под моим предводительством, были восстановлены, и на их улицах весело смеялись дети элдренов, чудесные цветы украшали балконы и террасы. Зеленый дерн покрыл скалы, его стригли мечами, оставшимися от людей. И элдрены забыли тех, кто пытался их уничтожить.

Один лишь я помнил, как человечество потребовало, чтобы я повел его в бой против элдренов. Вместо этого я уничтожил человечество. В смерти каждого мужчины, женщины, ребенка был виноват только я. Река Друна стала красной от крови, и сейчас еще ее вода имеет сладковатый привкус. Но вода не в силах смыть мою вину, и кара за нее все равно когда-нибудь настигнет.

Но я был счастлив. Казалось, никогда еще у меня не было такого душевного покоя, такой ясной головы.

Мы бродили с Эрмижад по террасам Лус Птокай, столицы элдренов, и никогда не уставали друг от друга. Порой вели философские разговоры, а иногда сидели молча, вдыхая тонкие ароматы сада.

Бывали дни, когда садились на удивительный корабль и отправлялись в плавание — нам хотелось еще раз увидеть чудеса этого мира: равнины Тающих Льдов, горы Скорби, могучие леса и благородные холмы, бесконечные степи двух континентов — Некралала и Завара — некогда населенных людьми. Правда, иногда мной овладевала печаль, и тогда нам приходилось плыть обратно, к третьему континенту, южному, носящему название Мернадин, принадлежащему с незапамятных времен элдренам.

Когда это случалось, Эрмижад становилась еще заботливее, стараясь убаюкать мою память и совесть.

— Знаешь, я уверена, что все было предопределено,— говорила она. Ее прохладные нежные руки прикасались к моему лбу.— Люди хотели уничтожить нашу расу. Их погубило собственное высокомерие. А ты был всего лишь орудием в руках провидения.

— Это значит, что у меня нет свободы воли? Но имел ли я право устраивать эту бойню? Я надеялся, что люди и элдрены смогут жить в мире...

— И ты пытался их предостеречь. Но они не вняли твоим словам. Они даже пытались убить тебя, так же как пытались уничтожить элдренов, что им почти удалось. Не забывай об этом, Ерекозе. Они были близки к успеху.

— Иногда мне хочется,— признавался я,— опять очутиться в мире, где меня звали Джоном Дакером. Когда-то мне казалось, что это слишком сложный и жестокий мир. Теперь же я понимаю: в любом мире есть то, что я ненавижу, но оно принимает различные формы. Временные циклы меняются, но человечество остается все тем же. Я хотел его изменить. Мне это не удалось. Возможно, такова моя судьба — пытаться изменить человеческую природу и каждый раз понимать, что это невозможно.

Но Эрмижад не принадлежала к племени людей. Она пыталась, но не могла понять того, о чем я говорил. Это было единственным, чего постичь она не могла.

— У твоего рода масса достоинств,— говорила она и умолкала, не зная, что еще сказать.

— Да, но наши добродетели превратились в пороки. Юноша ненавидит грязь и нищету, но, чтобы восстановить равновесие, он уничтожает прекрасное. Глядя на униженных, гибнущих людей, он идет убивать. Глядя на голодающих, он сжигает урожаи. Ненавидя деспотию, он душой и телом отдается Великой Войне тиранов. Чтобы победить беспорядок, он будет разрабатывать проекты, которые принесут еще больший хаос. Пылая любовью к миру, будет преследовать образование, объявлять вне закона искусство, сеять вражду. История человечества была лишь затяжной трагедией, Эрмижад.

В ответ Эрмижад прикасалась губами к моей щеке:

— А теперь эта трагедия окончилась.

— Нет, так только кажется. Просто элдрены жизнестойки и знают секрет спокойствия. А я чувствую, что трагедия продолжается — она повторяется тысячекратно и все в новых и новых вариантах. Но трагедии нужны актеры на главные роли. Мне кажется, я — один из них. Возможно, меня снова призовут сыграть роль. А наша встреча с тобой — лишь небольшой антракт.

Что она могла на это ответить? И ускользая от спора, она нежно обнимала меня, надеясь, что я забудусь в ее объятиях.

Птицы с ярким оперением и грациозные звери бродили там, где когда-то стояли города и где разыгрывались кровавые драмы; но в глубине этих молодых лесов, среди новорожденных холмов жили духи. Дух Иолинды, любившей меня; дух ее отца — слабохарактерного короля Ригеноса, нуждавшегося в моей помощи; дух графа Ролдеро — Великого Маршала Человечества с добрым сердцем — и всех остальных, кто умер по моей вине.

Это не был мой выбор — явиться в этот мир под именем Ерекозе, Вечный Победитель, надеть доспехи и возглавить огромную армию, назвавшись первым воином человечества; а потом узнать, что элдрены вовсе не нечестивые собаки, как утверждал король Ригенос, а, наоборот, жертвы бессмысленной человеческой злобы...

Это не был мой выбор...

Но с годами печаль стала являться ко мне реже и реже. А мы с Эрмижад были все так же молоды и чувствовали такое же влечение друг к другу, как в наше первое свидание.

Это были годы радости, чудесных бесед, красоты, нежной страсти. Один год плавно переходил в другой — и так минуло сто или более лет.

Но Призрачные Миры — эти неизученные планеты, двигающиеся, как известно, сквозь время и пространство под углом к остальной Вселенной,— вновь пошли на сближение с Землей.

Глава вторая

О НАСТИГАЮЩЕМ РОКЕ

Эрджевх, брат Эрмижад, был очень привязан ко мне. Я отвечал ему тем же. Он отличался какой-то особенной, утонченной красотой элдренов, с точеным золотым лицом и раскосыми глазами, подернутыми дымкой и отливающими голубизной. Его разум и рассудительность не раз выручали меня, и к тому же мне нравилась его улыбка, которая никогда не сходила с его лица.

Поэтому я был удивлен, когда однажды, зайдя к нему в лабораторию, застал его озабоченным. Он оторвался от бумаг с цифрами и попытался улыбнуться, но я успел заметить, что он чем-то удручен.

— Что случилось, Эрджевх? Ты смотришь на меня как на астрономическую карту. Может быть, к Лус Птокай приближается комета и нам пора эвакуировать город?

Он улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Все достаточно серьезно, хотя и не стоит драматизировать события. Скорее всего, реальной опасности нет, но нужно быть готовыми ко всему. Похоже, Призрачные Миры, приблизившись, могут снова начать с нами взаимодействовать.

— Но ведь известно, что Призрачные Миры для элдренов не опасны. Когда-то среди них у вас даже были союзники?

— Это правда. Кстати, когда Призрачные Миры в последний раз сблизились с Землей, ты уже был здесь. Возможно, это совпадение. Но может быть, ты еще раньше жил на одном из Призрачных Миров, и именно поэтому король Ригенос и позвал тебя?

Я нахмурился:

— Понимаю. Ты беспокоишься за меня.

Эрджевх кивнул и ничего не ответил.

— Говорят, человечество пришло с Призрачных Миров, не так ли? — Я посмотрел ему в глаза.

— Да.

— У тебя есть какие-то особые причины для беспокойства?

Он вздохнул:

— Нет. Но хотя элдрены и изобрели способ общения между Землей и Призрачными Мирами, их изучением мы, к сожалению, никогда не занимались. Наши посещения были краткими, и в контакты мы вступали лишь с теми обитателями Призрачных Миров, которые были похожи на элдренов.

— Ты боишься, что меня могут вновь призвать в мир, который я покинул? — забеспокоился теперь уже и я.

Мысль, что могу потерять Эрмижад, привела меня в ужас.

— Я не знаю, Ерекозе.

— Неужели мне суждено снова стать Джоном Дакером?

Хотя я весьма смутно помнил свою жизнь в эпоху, которую почему-то называл двадцатым столетием, чувство неудовлетворенности той жизнью, ощущение, что жилось там неспокойно, не покидало меня. Природная вспыльчивость и некоторый романтизм (хотя я и не считаю их достоинствами) были подавлены во мне моим окружением, обществом и работой, которую я выполнял лишь для того, чтобы существовать. Я чувствовал себя там гораздо более чужим, чем здесь, среди чужого народа. Поэтому был готов убить себя, лишь бы не возвращаться в мир Джона Дакера.

Хотя вполне может быть, что Призрачные Миры не представляют для меня никакой опасности. Возможно, они принадлежат Вселенной, где никогда не жили люди, однако исследования элдренов свидетельствуют об обратном.

— Нет ли каких-нибудь дополнительных сведений? — спросил я принца Эрджевха.

— Я продолжаю наблюдение. Это все, что могу сделать.

В мрачном настроении я вышел из лаборатории и вернулся в комнату, где меня ждала Эрмижад. Мы собирались поехать в принадлежащие ей луга в окрестностях Лус Птокай, но я сказал, что ехать раздумал.

Заметив мое настроение, она спросила:

— Ты опять вспомнил о том, что с тобой было сто лет назад, Ерекозе?

Я покачал головой и рассказал о разговоре с Эрджевхом.

Она задумалась.

— Может быть, это совпадение? — В ее тоне я уловил легкое сомнение. И когда она взглянула на меня, увидел в ее глазах тень страха.

Я привлек ее к себе.

— Мне кажется, Ерекозе, я умру, если тебя оторвут от меня,— сказала она.

У меня пересохло горло.

— Если меня оторвут от тебя, я найду тебя снова, пусть на это уйдет вечность. Я найду тебя, Эрмижад.

— Ты так сильно любишь меня? — тихо спросила она.

— Люблю, Эрмижад.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла — предчувствия переполняли ее душу.

— Ну что же,— прошептала она,— значит, нам нечего бояться.

Но на следующую ночь, хотя мы были вместе, в пещеры моего мозга начали снова прокрадываться сны, в которых я был Джоном Дакером, сны, мучившие весь первый год моей жизни у элдренов.

Сначала в них не было образов. Только имена. Длинный список имен. Их произносил нараспев гулкий голос, и в нем звучала насмешка. Корум Изхаелен Эрсей. Конрад Эрфлайн. Асквил из Помпеи. Урлик Скарсол. Обек из Канелуна. Шалин. Артос. Элерик. Ерекозе...

Я попытался остановить голос. Закричать. Сказать, что всегда был Ерекозе — только Ерекозе. Но говорить не мог.

Список продолжался.

Райан. Хоукмун. Паувис. Корнель. Брайн. Умпата. Соджен. Клэн. Кловис Марка. Паурначас. Ошбек-Увай. Улисс. Айлант.

Вдруг услышал собственный голос:

— Нет! Я только Ерекозе!

— Вечный Победитель. Солдат Судьбы.

— Нет!

— Элрик. Айлант. Меджинк-Ла-Кос. Корнелис.

— Нет! Нет! Я устал. Я не могу больше воевать!

— Меч. Доспехи. Боевые знамена. Огонь. Смерть. Разрушение.

— Нет!

— Ерекозе!

— Да! Да!

Я кричал. Я был весь в поту. В ужасе сел в постели.

Теперь меня звал голос Эрмижад.

Тяжело дыша, я рухнул на подушки в ее объятия.

— Вернулись видения? — спросила она.

— Вернулись.

Я лежал, уткнувшись в ее плечо, и плакал.

— Это еще ничего не значит,— сказала она.— Это просто ночной кошмар. Ты боишься, что тебя призовут снова, и сознание порождает эти видения. Вот и все.

— Ты так думаешь, Эрмижад?

Она провела рукой по моим волосам.

Я поднял глаза и в темноте увидел ее застывшее лицо. В ее душе жили те же самые предчувствия.

В ту ночь мы больше не спали.

Глава третья

ОБ ИСПЫТАНИЯХ

Утром я сразу же отправился в лабораторию принца Эрджевха и рассказал ему о голосе, звучавшем в моих снах.

Он явно расстроился.

— Если голос — порождение ночного кошмара, а я считаю это возможным,— сказал он,— то дам тебе лекарство, и ты будешь спать как убитый.

— А если нет?

— Ничем другим помочь не могу.

— Возможно, меня зовет голос из глубины Призрачных Миров?

— В этом я тоже не уверен. Вполне может быть, что та информация, которую ты получил от меня вчера, нарушила равновесие в твоем мозгу, и он разрешил этому «голосу» опять общаться с тобой. Ты жил здесь в полном покое, и, похоже, это делало тебя неуязвимым. Сейчас твой мозг измучен, и именно поэтому попытки заговорить с тобой оказались успешными.

— Твои предположения меня не успокаивают,— с горечью сказал я.

— Я знаю, Ерекозе. Для тебя было бы лучше не знать о Призрачных Мирах и их приближении. Я не должен был об этом говорить.

— Какая разница, Эрджевх!

— Кто знает!

Я протянул ему руку.

— Дай мне лекарство. В конце концов у нас будет возможность проверить наши предположения. Действительно ли этот голос — порождение моего сознания?

Он подошел к сундуку из ярко светящегося кристалла, открыл его и достал небольшой кожаный мешочек.

— Здесь порошок. Вечером высыпешь его в бокал с вином и выпьешь залпом.

— Спасибо,— сказал я.

Он немного помолчал и заговорил снова.

— Ерекозе, если тебя заберут от нас, мы сделаем все, чтобы вернуть тебя. Элдрены любят тебя и все равно найдут твой след в необъятных сферах Времени и Пространства.

Я слегка успокоился, хотя его речь уж слишком была похожа на прощание. Судя по всему, Эрджевх смирился с тем, что я должен исчезнуть.

Остаток дня мы с Эрмижад провели в дворцовом саду, гуляя среди цветущих деревьев. Мы почти не разговаривали, а только обнимали друг друга, не смея встречаться глазами, чтобы не увидеть в них отражение приближающейся беды.

На балконах, увитых зеленью, музыканты по приказу принца Эрджевха исполняли музыку лучших композиторов. Музыка была прекрасна, гармонична и в какой-то степени заглушала страх, поселившийся в моем сознании.

Золотое солнце, громадное и горячее, застыло в бледно-голубом небе. Лучи его падали на нежные цветы самых разных оттенков, на виноградные лозы и деревья, на белые стены, ограждающие сад.

Мы поднялись на стену и смотрели оттуда на пологие холмы и равнины южного континента. Вдали паслось стадо ланей. Птицы лениво парили в небе.

Нет, я не мог отказаться от этой красоты и вернуться в шум и грязь мира, который когда-то покинул, вернуться к безрадостному существованию Джона Дакера.

Наступил вечер. Воздух наполнился пением птиц и усилившимся ароматом цветов. Мы медленно возвращались во дворец, крепко держась за руки.

Как приговоренный к смерти, я поднимался по ступеням, ведущим в наши покои. Раздеваясь, не знал, надену ли еще когда-нибудь эту одежду. Лежа в постели, пока Эрмижад готовила лекарство, молился о том, чтобы не проснуться утром в городе, где жил Джон Дакер.

Я окинул взглядом комнату, еще раз посмотрел на шелковые гобелены, висящие на стенах, на вазы с цветами, прекрасную мебель — мне хотелось запечатлеть это в памяти, так же как я навсегда запомнил лицо Эрмижад.

Она принесла лекарство. Я взглянул в ее глаза, полные слез, и осушил бокал.

Это было прощание. Прощание, в котором мы не признавались друг другу.

Почти сразу я погрузился в тяжелый сон, и мне показалось, что, может быть, Эрмижад и Эрджевх были правы, и тот голос, действительно, был просто порождением тревоги.

Не знаю, который был час, когда что-то потревожило мой

глубокий сон. Я с трудом осознал это. Казалось, мозг запеленут в мягкий темный бархат, и откуда-то издалека вновь услышал голос.

Я не мог разобрать ни одного слова и, улыбаясь самому себе, ощущал, что лекарство приносит облегчение и ограждает от того, кто пытается вырвать меня отсюда. Голос звучал все настойчивее, но я не обращал на него внимания. Придвинувшись к Эрмижад, я обнял ее.

Голос позвал снова. И снова я на него не отозвался. Я чувствовал, что, если сумею продержаться эту ночь, голос оставит меня в покое. Не так просто оторвать меня от мира, где обрел любовь и спокойствие,— в этом я был уверен.

Голос умолк, и, не выпуская Эрмижад из объятий, я заснул с надеждой в сердце.

Через некоторое время голос вернулся, но теперь я уже совсем не обращал на него внимания.

Наконец, он окончательно затих, и я снова погрузился в тяжелый сон.

Оставался час или два до рассвета, когда в комнате раздались какие-то звуки. Я открыл глаза, подумав, что это встала Эрмижад. Но Эрмижад лежала рядом. Опять услышал шум. Такой звук издает меч, скользящий по ноге, одетой в доспехи. Я привстал. Глаза слипались, голова гудела от лекарства. Сонно оглядел комнату.

И вдруг увидел стоящую фигуру.

— Кто вы? — спросил я, с трудом соображая. Может быть, это кто-то из слуг? В Лус Птокай не было ни воров, ни наемных убийц.

Фигура не отвечала. Мне показалось, что она внимательно рассматривает меня.

Постепенно я начал различать детали, и теперь уже был уверен, что это не элдрен.

У человека была внешность варвара, несмотря на богатую, прекрасно сшитую одежду. Огромный шлем обрамлял грубое бородатое лицо. Широкая грудь была защищена металлическим панцирем, на котором разглядел причудливый орнамент — такой же, как и на шлеме. Поверх всего был накинут тонкий плащ без рукавов, сшитый, по-видимому, из бараньей кожи. Еще на человеке были узкие брюки из черной лакированной кожи, вышитые золотом и серебром, а на них — металлические наколенники. Ноги были обуты в меховые сапоги, сшитые из той же кожи, что и плащ. На боку висел меч.

Человек не двигался, но продолжал наблюдать за мной из-под козырька нелепого шлема. Теперь мне были видны его глаза. Они горели. Они требовали.

Это не был человек, воевавший за короля Ригеноса, случайно избежавший гибели, на которую я его обрек. Слабое воспоминание появилось откуда-то и исчезло. Но одежда человека не соответ-

ствовала, насколько я помнил, и периоду истории, в который жил Джон Дакер.

Может быть, он посланец Призрачных Миров?

Если это так, то внешне он сильно отличался от тех обитателей Призрачных Миров, которые спасли Эрмижад, когда она попала в плен к королю Ригеносу.

Я повторил свой вопрос.

— Кто вы?

Человек попытался ответить, но не смог.

Он поднял руки, снял шлем. Откинул назад длинные черные волосы. Подошел поближе к окну.

Лицо показалось мне знакомым.

Это было... мое лицо.

Никогда еще я не испытывал такого ужаса.

— Что вам надо? — закричал я.— Что вам надо?

Напрягая измученный мозг, я пытался понять, почему не просыпается Эрмижад, почему она продолжает спокойно спать рядом.

Человек шевелил губами, наверное, он что-то говорил, но я не мог разобрать ни слова.

Может быть, это еще один ночной кошмар, теперь уже вызванный лекарством? Если это так, подумал я, голос был все-таки лучше.

— Вон отсюда! Убирайся вон!

Посетитель сделал несколько непонятных жестов. Его губы вновь задвигались, но я опять не услышал ни слова.

С воплем я выпрыгнул из кровати и бросился на гостя, так невероятно похожего на меня. Он сделал шаг назад...

После войны во дворце элдренов не было мечей, иначе давно бы уже пустил его в ход. И видимо, я хотел завладеть мечом моего визитера.

Я упал навзничь на мощенный плитами пол, содрогаясь от ужаса, выкрикивая какие-то слова привидению, смотревшему на меня сверху вниз. Потом попытался подняться и снова стал падать, падать, падать...

И тут опять услышал голос. В нем звучало торжество.

— Урлик,— кричал он.— Урлик Скарсол! Урлик! Урлик! Герой льдов, иди к нам!

— Не хочу!

Но я уже не отрицал, что это мое имя. Я лишь не хотел идти. И вдруг понесло, закружило, я покатился по коридорам Вечности, хотя и пытался повернуть назад, обратно — к Эрмижад, в мир элдренов.

— Урлик Скарсол! Граф Белых Пустынь! Лорд Башни Мороза! Принц Южного Льда! Хозяин Холодного Меча! Он придет в мехах и металле, в колеснице, запряженной медведями. Придет, чтобы мечом помочь своему народу!

— Я не принесу вам избавления! Мне не нужен меч! Разрешите мне лечь спать! Умоляю вас — разрешите лечь спать!

— Просыпайся, Урлик Скарсол! Этого требует пророчество!

И вот уже зрение частично вернулось ко мне. Я увидел обсидиановые города, угрюмо стоящие на берегах медлительных темных морей; я увидел мертвенно-бледные небеса и море, похожее на серый мрамор с черными прожилками, по которому плывут огромные льдины.

Увиденное наполнило сердце печалью — слишком хорошо мне было все это знакомо.

Теперь я уже не сомневался, что, уставший от войны, призван вступить еще в один бой...

КНИГА ВТОРАЯ

ПУТЬ ПОБЕДИТЕЛЯ

Воины все в серебре,
Горожане в нарядных одеждах.
В бронзовой колеснице — Победитель,
Герой, погружённый в печаль.

Хроника Черного Меча.

Глава первая

ЛЕДОВЫЕ ПУСТЫНИ

Я медленно продвигался вперед, хотя и оставался на месте. Я двигался словно затянутый в воронку водоворота.

Сознание прояснилось. Панорама, открывшаяся моему взгляду, была достаточно определенной, но мало утешительной. Пытался успокоить себя, что все происходит во сне, но знал, что это не так. Как когда-то Джон Дакер был против своей воли призван в мир элдренов, так и Ерекозе призвали в этот мир.

Я знал свое имя — его произносили достаточно часто. Я знал его так твердо, будто оно всегда было моим. Меня звали Урлик Скарсол — Повелитель Южного Льда.

Все, что видел вокруг, подтверждало это — меня окружал мир льда. Но я понял, что ледяные пустыни, которые видел в другом воплощении, были иными. Сейчас передо мной тускло мерцали льды умирающей планеты. В небе застыло маленькое умирающее солнце. Без сомнения, это была Земля, но Земля в конце своего развития. Джон Дакер воспринял бы увиденное как свое далекое будущее, но для меня давно уже не было разницы между прошлым и будущим. Время стало моим врагом, причем врагом, не имеющим очертаний, врагом, которого не мог увидеть и против которого не мог сражаться.

Я ехал в колеснице, отлитой из бронзы и серебра. Узоры, украшавшие ее, напоминали орнаменты на доспехах ночного посетителя. Четыре громадные, обитые железом колеса стояли на лыжах, сделанных из полированного черного дерева. В колесницу были впряжены четыре странных существа, и они тащили ее по льду. Эти звери представляли собой разновидность тех белых медведей, которые существовали в мире Джона Дакера — но эти были крупнее, а ноги их были длиннее. Они бежали вприпрыжку, но невероятно быстро.

Выпрямившись, я стоял в колеснице с поводьями в руках.

Прямо передо мной находился сундук, изготовленный специально для этой колесницы. Сделанный из какого-то тяжелого дерева, он был окован серебром, а углы укреплены железными полосками. Массивный замок висел на нем, в центре крышки располагалась ручка, а поверхность украшали черные, синие и коричневые изображения драконов, воинов, деревьев и цветов, сделанные из эмали. Вокруг замка были выбиты незнакомые буквы, и я был очень удивлен, когда без труда смог прочитать их: «Это сундук графа Урлика Скарсола, лорда Башни Мороза».

Справа от сундука к одному из боков колесницы были припаяны три тяжелых кольца, в которых лежало копье, сделанное из сплава меди и серебра, футов семи длиной, с огромным наконечником из мерцающего железа, покрытым острыми шипами. На другой стороне колесницы тоже лежало какое-то оружие — с длинной рукоятью и громадным, как у секиры, лезвием. Оружие украшал тот же орнамент, который был и на сундуке.

Я ощупал свой пояс. На нем висели пустые ножны, без меча, а на правом бедре — ключ. Отцепив ключ от пояса, некоторое время с любопытством рассматривал его, а затем, нагнувшись и с трудом удерживая равновесие, поскольку колесница катила по неровному льду, вставил ключ в замок и открыл сундук, ожидая увидеть меч.

Но меча там не оказалось. В сундуке были продукты, запасная одежда и другие вещи, которые обычно люди берут с собой в дальнюю дорогу.

Грустно улыбнулся, поняв, что это я отправился в дальнюю дорогу. Захлопнув сундук, закрыл его на замок и повесил ключ обратно на пояс.

Лишь теперь обратил внимание на то, как я одет. На мне был тяжелый, весь в узорах металлический панцирь, широченный плащ из грубой шерсти, кожаный камзол, брюки из лакированной кожи, наколенники с такими же узорами, как на панцире, и сапоги, очевидно, из того же материала, что и плащ. На голове несуразный металлический шлем, пальцами нащупал украшавшие его змеевидные узоры.

С нарастающим ужасом потрогал лицо. Оно было прежним, но над верхней губой обнаружил густые усы, а на подбородке — небольшую колючую бороду.

Рассматривая содержимое сундука, заметил в нем небольшое зеркало. Снова отперев замок, перерыл весь сундук, пока, наконец, не нашел это зеркало, которое оказалось сделанным не из стекла, а из тщательно отполированного серебра. Слегка поколебавшись, взглянул в него. На меня смотрело лицо призрака, приходившего ночью.

Этим призраком был теперь я.

Охваченный недобрым предчувствием, бросил зеркало обратно в сундук и с грохотом захлопнул крышку. Рука сама потянулась к копью, мне неудержимо захотелось сломать его.

Я оказался здесь, среди тусклых льдов под темнеющим небом, один, оторванный от любимой женщины, от мира, в котором был свободен и спокоен. Я казался себе безумным, который, будучи в полной уверенности, что излечился, вдруг обнаруживает себя вновь буйно помешанным.

Я закричал, но крик утонул во льдах. Погрозил кулаком тусклому, красному, далекому шару — солнцу этого мира.

А белые медведи вприпрыжку бежали по белой пустыне, унося в неведомый край, назначенный мне судьбой.

— Эрмижад! — кричал я.— Эрмижад!

Как я хотел, чтобы она услышала меня, чтобы позвала, как позвал тот голос...

Но угрюмо молчало темное небо, молчали мрачные льды, и солнце смотрело на меня взглядом очень старого дряхлого человека, не понимающего, что происходит.

Дальше и дальше бежали неутомимые медведи; дальше и дальше, сквозь вечные льды, сквозь вечные сумерки. Дальше и дальше... А я плакал, стонал, вопил и, наконец, утих, окаменел, словно тоже был изваян из льда.

На какое-то время придется покориться судьбе, чтобы выяснить, куда же везут меня медведи, а потом любой ценой вернуться в мир элдренов и обрести вновь мою Эрмижад.

Хоть надежда на это была слабой, я всей душой ухватился за нее. Ничего другого не оставалось. Но где искать Эрмижад во Вселенной — в великом множестве альтернативных миров, если теория элдренов была верной, я не имел представления. Где находится мир, в который попал? Он может быть и одним из Призрачных Миров, и любой другой планетой, отделенной от мира элдренов Вечностью.

Но теперь я опять был Вечным Победителем, готовым без колебаний вступить в бой за угнетенный и обманутый народ, как когда-то сражался за народ короля Ригеноса.

Почему выбор пал именно на меня? Почему мне не суждено познать покой?

И снова пришла мысль, что, может быть, в каком-то из воплощений я совершил какое-то космическое преступление, столь ужасное, что теперь обречен на бесконечные скитания по Вечности. Но что это было за преступление, за которое назначена такая страшная кара, не знал.

Стало еще холоднее. Я вытащил из сундука рукавицы, надел их, закутался поплотнее в плащ и, усевшись на сундук, с поводьями в руках задремал, надеясь, что сон хоть немного поможет моему раненому сознанию.

Я ехал по бесконечным льдам. Тысячи миль льда. Неужели этот мир настолько стар, что в нем нет ничего, кроме льда?

Но я надеялся, что скоро хоть что-нибудь узнаю.

Глава вторая

ГОРОД ИЗ ОБСИДИАНА

Через бескрайние льды под тусклым солнцем я мчался в колеснице из бронзы и серебра. Иногда длинноногие белые медведи бежали медленнее, но не останавливались, словно их, как и меня, влекла вперед какая-то неведомая сила, противостоять которой они не могли. Изредка на небе появлялись ржавые облака — медленно плывущие корабли в бледно-голубом море, но не было ни единого ориентира, по которому можно было бы определить время: солнце словно остановилось, а созвездия, поблескивающие позади него, были мне неизвестны. Казалось, планета прекратила вращение, а если и двигается, то настолько медленно, что этого нельзя заметить невооруженным глазом. Ландшафт вполне соответствовал моему настроению.

Но вскоре я заметил нечто вносящее разнообразие в монотонность унылого пейзажа. Сначала мне показалось, что это неподвижные низкие облака, но, подъехав поближе, увидел темные очертания гор, выросших посреди ледяной равнины. Неужели горы тоже изо льда? А может быть, это скалы, а значит, все-таки не вся планета покрыта льдом?

Никогда я не видел таких изрезанных скал и, разочарованный, подумал, что все же это ледяные горы, над которыми потрудились время и ветер.

Но постепенно открывалась картина, которая однажды уже возникала в моем сознании — в то мгновение, когда меня отрывали от Эрмижад. Я увидел огромные вулканические утесы со сверкающими стеклянными образованиями, похожими на люстры. Появились и цвета — темно-зеленый, коричневый, черный.

Я натянул поводья и прикрикнул на медведей. С удивлением обнаружил, что знаю их имена.

— Эй, Снарлер! Но, Рендер! Но, Гроулер! Быстрее, Лонгклоу!

Они понеслись во всю мочь, и колесница только подпрыгивала на ледяных ухабах.

— Быстрее!

Теперь я уже видел гладкую, как стекло, дорогу, ведущую к скалам. Лед становился все тоньше, и вскоре колесница уже ехала по булыжникам у самого подножия гор, острые пики которых прокалывали низкие ржавые облака.

Мрачные вершины угнетали. Но и дарили надежду: высоко, между двумя скалами, я увидел перевал.

Горная порода состояла в основном из базальта и обсидиана, а повсюду лежали огромные валуны, вокруг которых петляла теперь уже мощенная дорога. По ней и бежали мои измученные медведи. Облака непривычного цвета будто прилипли к склонам гор и казались осевшей на них копотью.

Я внимательно вглядывался в нависшие скалы, пытаясь рассмотреть детали. Они, действительно, были вулканического происхождения — об этом говорили выветрившиеся остроконечные пики, а также нижние части склонов, где черный, зеленый или пурпурный обсидиан вместе с гладким переливающимся базальтом образовывали фигуры, похожие на искусно вырезанные готические колонны. Их вполне могли построить разумные существа огромных размеров. Кое-где базальт был красного и темно-синего цвета, весь в ячейках, словно коралл. В других местах эта же скала была обычного угольно-черного и темно-серого цвета. А в слоях, расположенных совсем высоко, встречались вкрапления радужных камней, которые, освещаясь время от времени каким-то непонятным светом, расцветали всеми цветами радуги.

По моим предположениям, этот район, благодаря вулканической активности, не поддался нашествию льдов, но, видимо, он был единственным на всей планете.

Наконец, я въехал в ущелье. Оно было таким узким, что скалы, казалось, вот-вот обрушатся на меня. Я проезжал мимо пещер, которые напоминали недобрые, рассматривающие меня глаза, и крепко сжимал копье, поскольку не только в воображении, но и наяву вполне мог встретить диких зверей, живущих здесь.

Дорога становилась все менее ровной, и медведи тащили колесницу с большим трудом. Необходимо было снять полозья, пришлось остановиться. Почему-то я был уверен, что все необходимые инструменты наверняка найду в сундуке. И действительно, обнаружил их в коробке, формой и отделкой напоминавшей сам сундук.

Отвинтив полозья, сунул их в специальные зажимы, прикрепленные к борту колесницы. Как когда-то, став Ерекозе, я вдруг обнаружил, что умею обращаться с оружием и скакать на лошади, досконально знаю каждую деталь своего снаряжения, будто никогда и не снимал его, так и сейчас почувствовал, что работа с колесницей для меня совершенно привычна.

Теперь колесница ехала гораздо быстрей, но сохранять равновесие стало труднее.

Прошло довольно много времени, когда, миновав все изгибы ущелья, я увидел, что оказался на другом конце горной цепи.

Гладкие скалы плавно переходили в кристаллический берег, на который вяло набегали волны вязкого моря.

Кое-где горы уходили в море, и я видел остроконечные вершины, торчащие из воды, которая, наверное, гораздо солонее, чем даже Мертвое море в мире Джона Дакера. Низкие коричневые облака, затянувшие полнеба, казались порождением этого моря. Темные кристаллы на берегу были абсолютно безжизненны, и слабый свет маленького красного солнца с трудом пробивался сквозь мрак.

Это и есть, наверное, край мира и конец света.

Не верилось, что здесь может быть что-то живое — люди, звери или растения.

А тем временем медведи уже добежали до берега, и кристаллы захрустели под колесами. Однако медведи не остановились, а резко повернули на восток и понесли колесницу вдоль берега темного отвратительного океана.

Хотя здесь было теплее, чем во льдах, меня бил озноб. Воображение услужливо рисовало образы чудовищ, которые могут обитать в водах этого ужасного моря, и людей, способных тут жить.

И тут из мрака до меня донеслись голоса. Голоса людей. И вскоре я их увидел.

Они ехали верхом на гигантских животных, передвигавшихся с помощью сильных мускулистых плавников. Спины животных резко переходили в широкие хвосты, благодаря которым они удерживали равновесие. Сначала я удивился, но потом понял, что в ранние периоды эволюции эти животные назывались морскими львами. У них все еще были усатые, как у собак, морды, огромные внимательные глаза. Седла на их спинах укреплены таким образом, что наездник сидел почти прямо. Каждый из всадников держал в руке светящийся прут, который служил в темноте факелом.

Но были ли всадники людьми? Их тела под богатыми доспехами напоминали луковицы, а руки и ноги, словно в насмешку, были тонкие, как палки. Головы же в шлемах казались неправдоподобно маленькими. На бедрах у них висели мечи, а копья и топоры приторочены к седлам. Из-под забрал раздавались голоса, но я не мог разобрать ни слова.

Они искусно гарцевали на своих тюленях, пока, наконец, не оказались в нескольких ядрах от меня. Лишь тогда они остановились.

Я тоже остановил колесницу.

Наступило молчание. Рука моя сжала древко длинного копья. Медведи настороженно замерли в упряжке.

Я внимательно рассматривал всадников. Если доспехи соответствовали форме их тел, то они были похожи на лягушек. Их снаряжение было украшено таким количеством узоров, что различить отдельные рисунки было невозможно.

Прошло несколько минут, и, поскольку всадники по-прежнему молчали, решил заговорить первым.

— Вы те, кто звал меня? — спросил я.

Всадники подняли забрала, обменялись какими-то жестами, но ничего не ответили.

— Как называется ваш народ? — снова спросил я.— Вы узнаете меня?

Всадники опять что-то сказали друг другу и, не слезая с животных, плотно окружили меня. Я еще крепче сжал древко копья.

— Я — Урлик Скарсол. Разве не вы звали меня?

Наконец, один из них заговорил, но голос его заглушал шлем:

— Мы не звали тебя, Урлик Скарсол. Но нам известно твое имя, и мы приглашаем тебя к нам в Ровернарк.— Он указал

факелом в сторону, откуда они появились.— Мы — люди епископа Белфига. Он будет рад.

— Принимаю ваше приглашение,— ответил я.

В голосе всадника звучало уважение, но я удивился, что меня здесь не ждали. Почему же тогда медведи привезли именно сюда? Куда мне предстоит отправиться дальше? Может быть, на другой берег этого моря? Казалось, что именно там, на той стороне, и находится преддверие ада. Я отчетливо представлял, как на краю света эти медленные воды падают во мрак космической пустоты.

Мы двинулись в путь. Всадники ехали вдоль берега на почтительном расстоянии от меня. Вскоре дорога кончилась, и я обнаружил, что мы попали в тупик. Перед нами возвышалась крутая высокая скала, подняться на которую можно было лишь по нескольким тропинкам, проложенным явно людьми. Они вели к арке, украшенной такими же причудливыми узорами, как и доспехи всадников. Значительно выше стояли еще арки, но они тонули в густых коричневых облаках, окутывавших скалу. Искусность украшений говорила о том, что это большой город, высеченный в мерцающем обсидиане.

— Это Ровернарк,— проговорил один из всадников.— Ровернарк — Обсидиановый город.

Глава третья

ДУХОВНЫЙ ЛОРД

Тропинки, ведущие к воротам, были достаточно широки, чтобы моя колесница могла проехать. С явной неохотой медведи стали подниматься вверх по дороге.

Всадники, похожие на лягушек, показывали путь, поднимаясь по обсидиановым мостовым все выше и выше. Позади осталось несколько арок в стиле барокко, украшенных скульптурами, которые, хоть и были сделаны весьма искусно, все же производили мрачное и тревожное впечатление. Я обвел взглядом зловещее ущелье, низкие облака, тяжелое, неестественное море, и мне показалось, что имя этой пещере и этому миру — ад.

Мы достигли массивной арки, на которой было, пожалуй, чересчур много украшений, слишком много фигур, высеченных из разноцветного обсидиана. Но тут странные морские животные остановились и, развернувшись, ударили плавниками по земле, отчеканивая сложный ритм.

В тени арки находилась тяжелая дверь, украшенная разнообразными фигурами диковинных животных и человекоподобных существ, высеченных из камня. Являлись ли они порождением больного сознания, или художник просто скопировал то, что видел вокруг, я не знал, но некоторые из них были настолько отвратительны, что я старался на них не смотреть.

Словно в ответ на сигнал, поданный тюленями, дверь заскрипела и стала отодвигаться. Огромный блок, переместившись, освободил дорогу. Колесо моего экипажа зацепилось за выступ, и я потратил немало времени, чтобы сдвинуть его и въехать в арку.

Здесь было темно. Все те же жезлы тусклым светом освещали пространство. Они напоминали карманные фонарики, в которых сели батарейки, но я был уверен, что эти фонарики подзарядить невозможно и что если эти искусственные головешки погаснут, то мир погрузится в полную тьму.

Всадники спешились и передали животных грумам, которые выглядели обыкновенными людьми, только, пожалуй, слишком бледными и худыми. На них была рабочая одежда с вышитыми знаками отличия, причем настолько сложными, что я не мог разобрать, что они обозначают. Внезапно мне стала понятна жизнь этих людей. Они жили в скалистых городах на умирающей планете, окруженные мертвыми льдами и мрачными морями. Они коротали дни, занимаясь различными ремеслами, нагромождая одни украшения на другие, и это превращалось в работу ради работы и теряло всякий смысл. И именно это искусство гибнущей расы по иронии судьбы останется на Земле на долгие столетия.

Все во мне сопротивлялось, когда подошли слуги, чтобы забрать у меня колесницу вместе с оружием, но сделать ничего не мог. Колесница с грохотом исчезла в темноте, а вооруженные всадники снова стали меня разглядывать.

Один из них снял шлем, и я увидел бледное человеческое лицо с бесцветными, холодными и усталыми глазами. Он снял снаряжение, потом доспехи — и оказалось, что тело его было совершенно нормальных пропорций. Остальные всадники тоже сняли доспехи и передали их слугам. Как бы в ответ снял шлем и я, но он остался у меня в руках.

Люди, которых впервые увидел без доспехов, были бледны и задумчивы. Казалось, они погружены в собственные мысли. Одеты были в широкие короткие плащи, украшенные темной вышивкой, в мешковатые брюки из такого же материала, заправленные в сапоги из цветной кожи.

— Вот мы и в Хередейке,— произнес человек, первым снявший доспехи. Он сделал знак слуге.— Разыщи хозяина. Скажи ему: здесь Моржег с патрулем. Мы привезли гостя — Урлика Скарсола из Башни Мороза. Спроси, не примет ли он нас.

Я вопросительно посмотрел на Моржега:

— Так вы знаете об Урлике Скарсоле? И что я из Башни Мороза?

На лице Моржега появилась загадочная улыбка:

— Об Урлике Скарсоле знают все. Но я не слышал, чтобы кому-нибудь довелось хоть раз встретить его.

— Когда мы подъезжали к городу, вы назвали его Ровернарком, а теперь называете Хередейком.

— Ровернарк — это город. А Херадейк — та его часть, которая принадлежит епископу Белфигу.

— Кто же он, этот епископ?

— Один из двух наших правителей. Духовный лорд Ровернарка.

Моржег говорил тихим и печальным голосом, который, по-видимому, вполне соответствовал его характеру. Казалось, его ничего не волновало. И не интересовало. Он был почти так же мертв, как окружавший его угрюмый сумеречный мир.

Слуга, посланный Моржегом, вскоре вернулся.

— Епископ Белфиг ждет вас,— доложил он.

Моржег повел меня по слабо освещенному коридору, каждый дюйм которого и даже пол был украшен мозаикой из кристаллов, а с низкого потолка недобро смотрели гарпии и химеры. Пройдя коридор, мы оказались в прихожей. Почти сразу распахнулась массивная дверь, и мы вошли в огромный зал с высоким арочным потолком.

На другом конце зала находилось задрапированное возвышение, напоминающее помост. По обе стороны от него стояли раскаленные дымящие жаровни. Дым поднимался к потолку, где, по-видимому, было отверстие, через которое он выходил, потому что воздух в зале оставался чистым. На потолке и стенах притаились каменные монстры — они злобно смотрели по сторонам, отвратительно скалили зубы в ответ на непристойные шутки, угрожающе рычали и судорожно дергались, словно в агонии. Я уловил их необыкновенное сходство с геральдическими чудовищами мира Джона Дакера. Кого тут только не было! Полурыбы-полупетухи, кентавры, циклопы, наяды, сатиры, человеко-львы, жирафы, драконы, грифоны, козероги, саламандры. Всевозможные комбинации человека, животного, рыбы и птицы. Чудовища огромного размера раздирали друг друга на части, заползали на спины одно к другому, совокуплялись, переплетаясь хвостами, испражнялись, рождались, умирали...

Без сомнения, этот зал был воплощением ада.

Я взглянул на возвышение. За драпировками на кресле-троне развалившись сидел человек. Я приблизился к нему в полной уверенности, что обнаружу у него хвост с шипами и рога.

В нескольких шагах от возвышения Моржег остановился и согнулся в поклоне. Пришлось сделать то же самое. Слуги раздвинули занавеси, и я увидел человека, не похожего ни на созданный мною образ, ни на бледного, с печальными глазами Моржега. Он с любопытством посмотрел на меня и с чувством произнес:

— Приветствую вас, граф Урлик! Для нас большая честь, что вы решили посетить это крысиное гнездо под названием Ровернарк, вы — человек свободной ледяной страны.

Епископ Белфиг, одетый в богатую мантию, был тучен. Диадема, украшавшая его длинные волосы, не давала спадать им на

глаза. Губы его были чересчур красны, а брови преувеличенно черны, и я с изумлением понял, что он пользуется косметикой. Без нее он был бы так же бледен, как Моржег и остальные жители Ровернарка. Я не был уверен, что и волосы у него крашеные, но что щеки нарумяненные, ресницы накладные, губы напомаженные — было несомненно.

— Приветствую вас, епископ Белфиг,— ответил я.— Благодарю Духовного лорда Ровернарка за гостеприимство и хотел бы несколько минут поговорить с вами наедине.

— Ага! У вас ко мне какое-то дело, дорогой граф,— оживился он.— Конечно! Моржег и все остальные, оставьте нас. Но будьте неподалеку — вы можете мне понадобиться.

Я улыбнулся. Епископ не хотел рисковать — вдруг окажусь наемным убийцей.

Все вышли, и Белфиг поманил меня пухлой рукой.

— Ну, дорогой граф, что у вас за дело ко мне?

— У меня нет конкретного дела. Но мне хотелось бы задать вам вопрос. Может быть, даже не один.

— Так спрашивайте, сэр! Спрашивайте!

— Во-первых, меня интересует, почему тут всем знакомо мое имя. Во-вторых, если вы, судя по вашему положению, действительно обладаете мистическим знанием, то ответьте, кто призвал меня сюда? От ваших ответов зависят мои остальные вопросы.

— Ну, дорогой граф! Ваше имя известно всем! Вы — герой мифов и легенд. Вам ли этого не знать!

— Предположим, я только что очнулся от тяжелого глубокого сна и ничего не помню. Расскажите мне эту легенду.

Епископ Белфиг, нахмурившись, потрогал толстыми, в массивных перстнях пальцами свои карминовые губы и заговорил — глухо и неторопливо:

— Что же, пусть будет так. Рассказывают, что когда-то было на свете четыре Повелителя Льда — Северного, Южного, Восточного и Западного,— но все они погибли, кроме Повелителя Южного Льда, который, заколдованный, должен был замерзнуть в своей крепости. Но он был вызван оттуда, когда над его народом нависла опасность. Все это случилось в глубокой древности, спустя всего лишь одно или два столетия после того, как самые знаменитые города мира — Барбарт, Ланжис Лихо, Species Кородун и другие — были стерты льдами с лица земли.

Эти названия показались мне знакомыми, и все-таки они мне ни о чем не говорили.

— Это всё? — спросил я.

— Это главное. Но если нужно, я могу найти книги, где все излагается гораздо подробнее.

— Значит, это не вы призвали меня?

— Зачем же мне было призывать вас? По правде говоря, граф Урлик, я не очень-то и верил преданию.

— А сейчас вы верите? Или думаете, что я самозванец?

— Ну почему же? Хотя даже если это и так, отчего бы мне не подыграть, коли вам нравится называться графом Урликом? — Он улыбнулся.— В Ровернарке всё хорошо, что ново. Мы рады любому развлечению.

Я улыбнулся в ответ:

— Всегда приятно, епископ Белфиг, беседовать с мудрым софистом. И все-таки немного озадачен. Представьте, я обнаружил себя едущим в колеснице по льду. Мое имя и снаряжение были мне знакомы, но всё остальное видел впервые. Я — человек, у которого нет собственной воли. Я — герой, и меня призывают туда, где я необходим. Не хочу утомлять вас, мой повелитель, рассказами о своей трагедии, но уверен, что ни при каких условиях не оказался бы здесь, если бы не должен был участвовать в какой-то борьбе. Если не вы призвали меня, то, может быть, вы хотя бы знаете, кто это сделал?

Белфиг нахмурил нарисованные брови, но тут же лицо его прояснилось, и он насмешливо посмотрел на меня.

— Боюсь, граф Урлик, что не смогу быть вам полезным — у меня нет никаких предположений. Нам воевать не с кем. Единственное, что угрожает нашему Ровернарку, это лед, который спустя одно или два столетия перевалит через горные цепи и уничтожит нас. Предчувствуя катастрофу, мы проводим время настолько весело, насколько это возможно. И будем рады, если вы присоединитесь к нам. Но, разумеется, при условии, что Светский лорд не будет возражать. Вы расскажете нам свою историю, какой бы невероятной она ни была, а мы взамен можем предложить вам все наши развлечения. С непривычки они действуют возбуждающе.

— Так что, у Ровернарка нет врагов?

— Нет таких, кто мог бы представлять серьезную угрозу. Несколько разбойничьих банд, несколько пиратских. Обычное отребье, которое есть вокруг любого города. Но кроме них — никого.

Я недоверчиво покачал головой:

— А какие-нибудь группы в самом городе, жаждущие свергнуть вас и Светского лорда?

Епископ Белфиг рассмеялся:

— Я понимаю, дорогой граф, вам всюду мерещится борьба! Уверяю вас, здесь этого нет. Наш единственный враг — скука. Но поскольку вы здесь, нам этот враг не страшен.

— В таком случае мне остается поблагодарить вас за гостеприимство. Я воспользуюсь им. Не сомневаюсь, что у вас в Ровернарке есть и библиотеки, и ученые.

— В Ровернарке мы все — ученые. И библиотек у нас тоже достаточно. Можете пользоваться ими.

В конце концов попытаюсь, подумал я, найти за это время путь к Эрмижад, путь в мир элдренов, который так любил. Мне все еще не верилось, что я призван сюда просто так. Хотя не

исключено, что меня сослали затем, чтобы когда-нибудь я стал свидетелем гибели Земли.

— Однако,— продолжал епископ Белфиг,— я не имею права один принять такое решение. Мне нужно посоветоваться с моим другом Светским лордом. Но я не сомневаюсь, что и он будет рад, если вы останетесь у нас погостить. Однако нужно будет найти для вас соответствующие покои, и рабов, и все остальное. Эти заботы тоже помогут нам одолеть скуку, царящую в Ровернарке.

— Я не люблю рабов.

Епископ Белфиг улыбнулся:

— Не делайте поспешных заявлений, вы их еще не видели.— Он помолчал, насмешливо глядя из-под искусственных ресниц.— Хотя, может быть, вы явились из того исторического периода, когда владение рабами не поощрялось, не так ли? Я читал, что в истории бывали и такие времена. Но в Ровернарке никого не превращают в рабов насильно. Рабами у нас становятся по собственному желанию. Каждый может выбрать для себя, что он хочет. Это Ровернарк, граф Урлик, здесь все — и мужчины, и женщины — свободны и вольны поступать так, как диктуют им их наклонности.

— А звание Духовного лорда тоже соответствует вашим наклонностям?

Епископ снова улыбнулся.

— В известном смысле, да. Вообще-то этот титул передается по наследству. Но, представьте, многие, имеющие на него право, предпочли другие занятия. Мой брат, например, простой моряк.

— Неужели по этим сверхсоленым морям можно плавать? — Я был изумлен.

— Опять же — в известном смысле. Если бы вы познакомились с некоторыми обычаями Ровернарка, они бы вам показались весьма любопытными.

— Не сомневаюсь, хотя был уверен, что не могут они мне понравиться. Я уже понял, что наблюдаю человеческий род на последней ступени его развития — извращенный, вялый, живущий без всякой цели. И винить в этом людей не мог: ведь у них не было будущего.

И все-таки не мог принять цинизма епископа Белфига.

Епископ громко крикнул:

— Рабы! Моржег! Можете войти!

Они строем вошли в мрачные покои.

— Моржег,— сказал епископ,— может быть, ты пошлешь гонца к Светскому лорду? Спроси его, не примет ли он графа Урлика Скарсола. Скажи, что я пригласил графа погостить у нас, но, разумеется, если у лорда не будет возражений.

Моржег поклонился и покинул зал.

— Придется подождать. А пока вы должны пообедать со мной, милорд,— обратился ко мне епископ Белфиг.— В пещерных садах

мы выращиваем и фрукты, и овощи, а море снабжает нас мясом. У меня лучший повар во всем Ровернарке. Не возражаете?

— С удовольствием,— ответил я, сразу почувствовав голод.

Глава четвертая

СВЕТСКИЙ ЛОРД

Пища, несмотря на обилие пряностей, была отменна. Как раз к концу трапезы вернулся Моржег и сказал, что доложил Светскому лорду о нашей просьбе.

— Мы не сразу нашли его,— сообщил он, выразительно глядя на Белфига.— Но теперь всё в порядке, и он готов принять нашего гостя в любое время. Можно даже сейчас.— Он посмотрел на меня бесцветными холодными глазами.

— Понравилось ли вам угощение, граф Урлик? — спросил епископ.— Не хотите ли чего-нибудь еще?

Он вытер губы парчовой салфеткой.

— Благодарю вас за вашу щедрость,— сказал я и поднялся из-за стола.

Я выпил немного лишнего, и это смягчало тоску об Эрмижад. Но я знал, что это временное облегчение и что тоска не пройдет, пока не найду ее.

Вслед за Моржегом я вышел из покоев, населенных каменными уродами. У самой двери обернулся, чтобы еще раз поблагодарить хозяина. Обернулся и застыл в изумлении! Епископ, обмазав соусом тело молодого раба, с наслаждением облизывал его.

Я мгновенно отвернулся и ускорил шаги, догоняя Моржега, который вел меня знакомой дорогой.

— Часть Ровернарка, принадлежащая Светскому лорду, называется Дхётгард,— объяснял Моржег,— и расположена гораздо выше, чем наша. Поэтому придется вернуться на внешнюю дорогу.

— Разве у вас нет переходов, соединяющих разные уровни?

Моржег пожал плечами.

— Конечно, есть. Но, по-моему, проще пройти здесь, чем искать двери, а потом пытаться их открыть.

— Значит, переходами вы не пользуетесь?

Моржег кивнул:

— Они ни к чему. Теперь нас значительно меньше, чем было даже пятьдесят лет назад. В Ровернарке почти нет детей.

Он произнес это таким безразличным тоном, что меня вновь охватило чувство, будто говорю с мертвецом.

Через огромные ворота главной арки Херёдейка мы вышли на тропинку и не спеша стали подниматься по склону ущелья. Внизу плескалось море, и медленные волны выбрасывали белую соль на черные кристаллы побережья. А здесь мрачные зубчатые

утесы угрожающе смотрели на нас, прокалывая вершинами тяжелые тучи.

Наконец мы дошли до арки, которая ничем не отличалась от той, которую оставили внизу.

Моржег сложил рупором руки и прокричал:

— Лорд Урлик Скарсол идет на прием к Светскому лорду!

Горное эхо глухо повторило его крик.

Раздался лязг, и дверь отодвинулась ровно настолько, чтобы мы могли протиснуться через нее. Мы оказались в прихожей с гладкими стенами, почти в полной темноте. Нас поджидал слуга в белом коротком плаще. Он позвонил в серебряный колокольчик, и дверь со скрежетом вернулась на место. Она приводилась в движение, вероятно, каким-то очень искусным механизмом — ни блоков, ни цепочек не было видно.

Проход, по которому мы шли теперь, был как близнец похож на переход во владениях епископа Белфига, но вместо барельефов его украшала живопись. Однако она была так стара, что рассмотреть ее при таком слабом освещении я не мог. Мы свернули в другой коридор, еще в один и, наконец, добрались до новой арки. Вход в нее был закрыт лишь кожаным пологом, а двери не было, и такая простота удивила. Мало того, отодвинув полог, мы оказались в покоях с совершенно голыми, покрытыми белой краской стенами. В зале было очень светло — горели огромные лампы, и, судя по запаху, работали они на масле. В центре стояли письменный стол и две скамейки.

Моржег явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Я оставлю вас, граф Урлик. Светский лорд вот-вот должен появиться,— сказал он и ушел.

Слуга жестом пригласил меня присесть на одну из скамеек. Я сел, положив шлем за спину. Стол, как и весь зал, был пуст — лишь два свитка лежали на нем. Шло время, я рассматривал белые стены, стол и слугу, стоящего у двери — ничего другого мне не оставалось.

Должно быть, прошло не меньше часа. Наконец, полог отодвинулся, и на пороге выросла высокая фигура. Я встал, но вошедший жестом велел мне сесть.

С отсутствующим взглядом он подошел к столу и сел по другую сторону.

— Шаносфейн,— представился он.

У него была гладкая темная кожа, а сухие черты лица выдавали в нем аскета. С иронией я подумал, что кто-то, видимо, перепутал роли: судя по внешности Белфиг должен был бы именоваться Светским лордом, а Шаносфейн — Духовным.

На Шаносфейне была широкая белая мантия с вышитой на левом плече костью, которая, очевидно, служила эмблемой, и по ней можно было определить его положение. Скрестив на столе руки с длинными пальцами, он сдержанно наблюдал за мной.

— Урлик,— представился и я, решив, что без церемоний общаться будет проще и легче.

Он кивнул и, упершись взглядом в стол, начал пальцами рисовать на нем треугольники.

— Белфиг сказал, что вы бы хотели у нас остановиться?

Голос его звучал глухо и отрешенно.

— Он говорил, что у вас есть книги и я смогу с ними поработать.

— Да, у нас много книг, но в основном это развлекательная литература. Народ Ровернарка не слишком интересуется наукой. Наверное, епископ Белфиг сказал вам об этом?

— Он просто сказал, что здесь много книг. И еще что в Ровернарке все — ученые.

В темных глазах Шаносфейна промелькнула ирония.

— Ученые? Конечно. Ученые, никем не превзойденные в науке извращения.

— Вы, кажется, осуждаете собственный народ, милорд?

— Как я могу осуждать дьявола, граф Урлик? А все мы — и они, и я — дьявольское порождение. Это несчастье — родиться в конце Времен...

— Если вы имеете в виду грядущую смерть, это не несчастье,— с жаром возразил я.

Он с любопытством посмотрел на меня:

— Вы не боитесь смерти?

Я пожал плечами:

— Нет. Я бессмертен.

— Значит, вы действительно из Башни Мороза?

— Я не знаю своего происхождения. Я принимал облик самых разных героев. И видел Землю во многие ее периоды.

— В самом деле? — Его интерес возрос, хотя оставался, на мой взгляд, чисто познавательным. В нем не было ни сочувствия, ни эмоций — только мысль.— Значит, вы — путешественник во Времени?

— В каком-то смысле, да. Но боюсь, не в том, какой вы имеете в виду.

— Я слышал, что много веков назад на Земле жили люди, которые умели перемещаться во Времени. Они знали, что этот мир умирает, и покинули его. Но если это всего лишь легенда, то легендой должны быть и вы? Однако вы существуете.

— Значит, вы верите, что я не самозванец?

— Пожалуй, да. В каком же смысле вы путешествуете во Времени?

— Я появляюсь там, куда меня вызывают, и для меня не имеет значения, прошлое это, настоящее или будущее. Цикличность Времени тоже не играет никакой роли, поскольку я уверен, что существует бесконечное множество миров и предопределений. История этой планеты, возможно, никогда не нуждалась ни в одном из моих воплощений, хотя использовала их все.

— Странно,— задумчиво проговорил Шанoсфейн, пощипывая бровь изящными пальцами.— Наш мир так ограничен, так четко очерчен, в то время как ваш — обширен и хаотичен. Значит, если вы, прошу прощения, не душевнобольной, то некоторые мои теории подтверждаются. Интересно...

— Но моя задача,— продолжал я,— возвратиться в один из моих прошлых миров, если он еще существует, и сделать все возможное, чтобы остаться в нем навсегда.

— Неужели вам надоели перемещения из одного мира в другой?

— Это не может продолжаться вечно, лорд Шанoсфейн. Особенно если в одном из миров живет человек, которого я люблю вечной любовью, и он разделяет мои чувства.

Я говорил и не мог остановиться. Я рассказывал ему свою историю — все, что произошло со мной с тех пор, как Джон Дакер был призван королем Ригеносом повести человечество на борьбу против элдренов, как стал Урликом Скарсолом и как меня встретил на берегу патруль из Ровернарка. Шанoсфейн слушал с большим вниманием и ни разу не прервал, пока я не закончил.

Он немного помолчал, потом сделал знак слуге, чтобы тот принес воды и риса, и вновь погрузился в размышления, а я решил, что теперь-то он уже не сомневается, что перед ним сумасшедший.

— Итак, вы утверждаете, что вас сюда позвали,— произнес он наконец.— Однако мы вас не звали. Даже в минуты страшной опасности мы вряд ли бы поверили в легенду о человеке, идущем через историю.

— Может быть, есть кто-то еще, кто мог позвать меня?

— Есть.

— Но епископ Белфиг утверждает, что этого не может быть.

— Белфиг всегда говорит то, что соответствует его настроению, а не действительности. Кроме Ровернарка существует еще и общины, а по ту сторону мóря и города. Во всяком случае существовали до того, как явились Серебряные Воины.

— Серебряные Воины? О них он даже не упоминал.

— Вероятно, забыл. С тех пор прошло слишком много времени.

— Кто они?

— Разрушители. Но мотивы их неясны.

— Откуда они взялись?

— Скорее всего, с Луны.

— С неба?

— Говорят, с другой стороны мира. В литературе я встречал упоминания о них. Однажды они уже приходили, но это продолжалось недолго.

— Эти Серебряные Воины — люди?

— Если полученные мною доклады верны, то нет.

— И они угрожают вам, лорд Шаносфейн? Они хотят захватить Ровернарк?

— Похоже, они хотят захватить всю планету.

Я взглянул на него — его равнодушный тон был мне неприятен.

— Вы не боитесь, что они уничтожат вас?

— Пускай планета принадлежит им. Какая от нее польза? Нас все равно скоро поглотят льды. Солнце меркнет, и с каждым годом льды подползают все ближе. На мой взгляд, Серебряные Воины более приспособлены к жизни в этом мире.

Его доводы были убедительны, и все же я поражался его равнодушию и восхищался тем, как он держится. Ведь, в противоположность ему, моим предназначением было — бороться (правда, в данном случае я еще не понимал, за что), и хоть я и не желал участвовать в боях Вечности, бессознательно всегда ощущал себя воином.

Ответить ему не успел. Черный Светский лорд поднялся и произнес:

— Мы еще поговорим. Вы можете жить в Ровернарке сколько вам угодно.

С этими словами он вышел из зала. Появился слуга с рисом и водой на подносе и, поставив пищу на стол, последовал за своим господином.

Теперь, после беседы с обоими повелителями Ровернарка — Духовным и Светским, я был в еще большем недоумении. Почему Белфиг ничего не сказал о Серебряных Воинах? С кем мне предназначено сразиться — с ними или, может быть, с народом Ровернарка?

Глава пятая

ЧЕРНЫЙ МЕЧ

Итак я жил теперь в обсидиановом городе Ровернарке — одинокий, тоскующий по Эрмижад. Долгие часы проводил над старинными книгами, с трудом разбирая рукописные тексты, пытаясь найти выход из своего трагического положения и чувствуя, как растет с каждым днем во мне отчаяние.

Если быть точным, в обсидиановом городе не было ни дней, ни ночей. Люди спали, вставали, ели, когда им этого хотелось. И чем бы они ни занимались, все делали со скукой и неохотой.

Мне предоставили отдельные покои, которые находились на уровне ниже Хередейка, принадлежащего епископу Белфигу. Они были украшены не столь причудливо, как палаты епископа, но я бы предпочел еще большую простоту — такую, в которой жил Шаносфейн. Я узнал, кстати, что Шаносфейн, заняв свой пост после смерти отца, сам приказал вынести из Дхетгарда почти все украшения. Мои апартаменты были чрезвычайно удобны —

любой сибарит нашел бы их роскошными. Но в первые же недели меня одолели посетители.

Каждую ночь в мою спальню являлись одна за другой молодые женщины, и мне, живущему лишь мыслями об Эрмижад, предлагали наслаждения куда более экзотичные, чем те, которые испытал сам Фауст. К их удивлению, я отказывал им, стараясь делать это как можно вежливее. С подобными предложениями приходили и мужчины — в Ровернарке это не считалось постыдным. Их я тоже выпроваживал без лишних слов.

Наконец, явился сам епископ Белфиг с подарками: юными рабами, нарумяненными и накрашенными, как их хозяин; обильной пищей, не вызывающей у меня аппетита; эротическими трактатами, которыми я не интересовался; предложениями совместных актов, которые были мне отвратительны. Но поскольку был обязан Белфигу и крышей над головой, и возможностью работать в библиотеке, я сдержался и расценил всё это как проявление гостеприимства, хотя его вкусы и внешность были омерзительны.

Я работал в библиотеках, расположенных на различных уровнях обсидианового города, и нередко по дороге туда становился свидетелем зрелищ, которые, как мне казалось, могли существовать лишь на страницах Дантова «Ада». Куда бы я ни направлялся, всюду натыкался на немыслимые оргии, а однажды застал нечто подобное даже в библиотеке. Причем это были не просто вакханалии или массовый блуд — это коллективная пытка, происходящая у всех на глазах. Поскольку жертвы сами жаждали истязаний и смерти, убийца мог не страшиться кары.

Эти бледные люди без надежды, без будущего, не ожидающие ничего, кроме смерти, влачили свои дни, нарушая их однообразие мучениями и удовольствиями.

Ровернарк был городом, сходящим с ума. Люди страдали неврозами, и мне было жаль их, талантливых и артистичных, но обреченных провести последние годы жизни в такой удушливой, жуткой атмосфере.

В нелепых галереях, залах и коридорах раздавались пронзительные крики, визг, вопли ужаса.

Каждый день я натыкался во мраке на распростертые тела людей, оглушенных наркотиками, высвобождался из объятий обнаженных девушек, а вернее — девочек.

Даже книги несли душе гибель и разрушение. Видимо, это и имел в виду лорд Шаносфейн. То и дело мне попадались образчики упаднической прозы, столь причудливо написанной, что смысл ее терялся среди словесных украшений. Таким же языком были написаны и научные трактаты. Чтобы в них разобраться, мой мозг работал с удесятеренной силой — и терпел поражение.

Иногда, проходя через галерею, я встречал лорда Шаносфейна. Его лицо аскета выглядело окаменевшим, а мысли явно витали в высоких сферах. Толпа вокруг громко потешалась над ним, но он, казалось, не замечал ни издевательских гримас, ни непри-

стойных жестов. Лишь изредка поднимал глаза на беснующихся людей, хмурился и торопливо покидал галерею.

Впервые встретив его, я помахал ему рукой, но он не заметил меня, как не замечал никого. Какие мысли занимали этого странного человека? У меня было чувство, что если удастся получить у него еще одну аудиенцию, то узнаю гораздо больше, чем из всех прочитанных хитроумных трактатов. Однако с тех пор, как я был у него, он ни разу больше не пожелал встретиться со мной.

Жизнь в Ровернарке так была похожа на сон, что, наверное, поэтому первые пятьдесят ночей я спал без сновидений. Но на пятьдесят первую, по моим подсчетам, ночь знакомые видения вернулись ко мне.

Когда-то, когда я проводил ночи в объятиях Эрмижад, они пугали меня. Теперь же почти обрадовался им...

...Я стоял на холме и разговаривал с рыцарем, который был весь в черном и желтом. Я не видел его лица. Между нами было воткнуто копье, на котором развевался бледный флаг без каких-либо знаков.

Внизу, в долине, пылали города. Над полями сражений плыл черный дым.

Казалось, в этом сражении участвует весь человеческий род. Каждый, кто жил и дышал, был сейчас там. Все, кроме меня. Я видел огромные марширующие по долине армии. Видел воронов и грифов, ожидающих добычи. Слышал барабанный бой, призывы труб и далекие выстрелы.

— Вы — граф Урлик Скарсол из Башни Мороза,— сказал рыцарь.

— Я — Ерекозе, избранный элдренами принц.

Рыцарь рассмеялся:

— Не продолжай, воин. Не надо.

— Почему я должен страдать, сэр рыцарь в черном и желтом?

— Ты не должен страдать — ведь ты выполняешь предназначение судьбы и потому бессмертен. И хоть порою тебя считают погибшим, твои перевоплощения бесконечны.

— В этом и заключено мое страдание! Ведь если я не могу вспомнить свои предыдущие образы, мне приходится верить, что каждая моя жизнь — единственная.

— Но ты знаешь об этом! Некоторые люди за это знание отдали бы многое.

— Но это знание не полно. Я знаю свое предназначение, но не знаю, выполню ли его. Я не понимаю устройства Вселенной, через которую лечу. И лечу, судя по всему, случайно.

— Это Вселенная Хаоса. У нее нет постоянной структуры.

— Наконец, мне сообщили хотя бы это.

— Я отвечу на любой твой вопрос. Зачем мне лгать?

— Это и есть мой первый вопрос: зачем вам лгать?

— Ты чересчур хитер, сэр Победитель. Я должен лгать, чтобы убедить тебя.

— Вы лжете?

— Ответ есть, но...

Рыцарь в черном и желтом поник. Армии маршировали вдоль и поперек холмов, поднимались по ним вверх и спускались вниз. Они пели песни, много песен, но лишь одна долетела до меня.

Государства умирают,
И столетия сгорают,
Королей свергают с тронов,
Наземь падают знамена,
Боевой смолкает горн.
Вечен только Танелорн,
Вечен, вечен Танелорн.

Простая солдатская песня, но она что-то будила во мне — и кажется, что-то очень важное. Может быть, Танелорн имел ко мне какое-то отношение?

Я не мог понять, кто именно поет эту песню.

А песня постепенно затихала.

Всё пройдет, умрет, исчезнет,
Сгинет в вечной черной бездне.
Протрубит последний горн.
Но не сгинет Танелорн.
Вечен, вечен Танелорн.
Танелорн.

Тоска по Эрмижад, чувство утраты вновь охватили меня, и мне показалось, что это каким-то неведомым образом связано с Танелорном, что именно в нем надо искать разгадку моей судьбы. И только найдя Танелорн, я избавлюсь от страдания, к которому приговорен.

Внизу, в долине, по-прежнему маршировали армии, горели города. А на месте черно-желтого рыцаря стояла уже другая фигура.

— Эрмижад?

Эрмижад горько улыбнулась.

— Я не Эрмижад! Так же как у тебя одна душа и много обликов, у Эрмижад один облик, но много душ.

— Есть только одна Эрмижад!

— Конечно. Но много тех, кто похож на нее.

— Кто ты?

— Я — это я.

Я отвернулся. Она говорила правду. Это была не Эрмижад, но смотреть на нее у меня уже не было сил. Я устал от загадок. И все-таки спросил у нее:

— Тебе известно что-нибудь про Танелорн?

— Многие знают о Танелорне. Многие пытались его найти. Это старый город. Он существует в Вечности.

— Как мне попасть в Танелорн?

— Только ты сам можешь ответить на этот вопрос, Победитель.

— Где он находится? В мире Урлика?

— Танелорн существует во многих царствах, на многих планетах, во многих мирах, потому что Танелорн вечен. Иногда он скрыт, иногда доступен всем, хотя почти никто не понимает, какова его природа. Танелорн дает приют героям.

— Найду ли я Эрмижад в Танелорне?

— Ты найдешь в нем то, что хочешь найти. Но сначала должен снова взять в руки Черный Меч.

— Снова? Я уже когда-то его носил?

— Много раз.

— А где я найду этот меч?

— Скоро узнаешь. Ты всегда будешь это знать, потому что носить Черный Меч — твоя судьба и твоя трагедия.

И она исчезла.

Над моей головой по-прежнему развевалось знамя без знаков отличия.

Вскоре на месте, где стояла фигура, появилось нечто странное — облако дыма, принимающее различные очертания.

И я увидел, как дым превращается в Черный Меч — огромный и страшный, на рукояти которого вырезаны старинные буквы.

Я попятился.

— Нет! Я никогда больше не возьму в руки Черный Меч!

Насмешливый голос, исходивший, как мне показалось, из самого меча, произнес:

— Без этого ты никогда не обретешь покоя!

— Нет! Убирайся!

— Я твой. Только твой. Ты — единственный смертный, кто может носить меня!

— Я отказываюсь от тебя!

— Тогда продолжай страдать!

Я проснулся от собственного крика, весь в поту. Горло и губы пересохли.

Черный Меч. Теперь я знал его имя. И что с ним связана моя судьба.

Но остальное? Был ли это просто ночной кошмар или мне в такой форме сообщалась информация? Я не мог понять, что это значило.

Я раскинул руки и коснулся теплого тела.

Это была Эрмижад.

Я прижал обнаженное тело к себе. Ее губы, влажные и горячие, потянулись к моим. Тело скорчилось в судороге. Женщина стала нашептывать мне какие-то слова, бесстыдные и непристойные.

Я с проклятием оттолкнул ее. Это была не Эрмижад.

На меня волной накатило отчаяние. Я зарыдал. Женщина же засмеялась.

И тогда меня охватило бешенство.

Я грубо набросился на женщину.

Утром, измученный, я лежал среди скомканных простыней и смотрел, как женщина, пошатываясь, со странным выражением лица, уходила из моих покоев. Вряд ли эта ночь доставила ей хоть какую-то радость. Ведь и я ничего, кроме отвращения к себе, увы, не испытывал.

Все время меня мучил один-единственный образ, и то, что я так жестоко обошелся с женщиной, кажется, освободило от него. Возможно, именно этот образ и побудил меня совершить насилие? И я знал, что сделаю подобное вновь, если образ Черного Меча из-за этого хоть ненадолго исчезнет из моего сознания.

В следующую ночь я спал без снов, но ко мне вернулся прежний страх. И когда в комнату, улыбаясь, вошла женщина, над которой я издевался прошлой ночью, чуть не выгнал ее. Однако она пришла с поручением от епископа Белфига, чьей рабой, очевидно, была.

— Мой хозяин считает, что вам было бы полезно сменить обстановку. Завтра он устраивает большую морскую охоту и приглашает вас к нему присоединиться.

Я отбросил книгу, которую пытался читать:

— Отлично. Я приду. Это будет приятнее, чем читать эти чертовы книги.

— Вы возьмете меня с собой, лорд Урлик?

Вожделение, написанное у нее на лице, вызвало у меня отвращение. Но несмотря на это, я пожал плечами:

— Почему бы и нет?

Она радостно хихикнула.

— Может, мне захватить и подружку?

Я махнул рукой:

— Делай, что хочешь.

Но когда она ушла, я упал на колени и, обхватив голову руками, зарыдал:

— Эрмижад! О, Эрмижад!

Глава шестая

ВЕЛИКОЕ СОЛЕНОЕ МОРЕ

Наутро, выехав на внешнюю дорогу, я присоединился к епископу Белфигу. Несмотря на тусклый свет вечных сумерек, я все-таки рассмотрел его лицо, хотя он и пытался скрыть изъяны косметикой. Обвислые щеки, мешки под глазами, опущенные вниз уголки рта, свидетельствующие о снисходительности к себе,— все было замазано гримом, хотя вряд ли это могло облагородить такую отвратительную внешность.

Духовного лорда сопровождала свита — размалеванные юноши и девушки, которые, глупо хихикая, несли багаж, ежась от сырого прохладного воздуха.

Епископ взял меня под руку и повел вниз, к заливу, где нас ждал корабль.

Я не противился, но все же оглянулся: несут ли вслед за мной мое оружие. В руках рабов увидел свое длинное с серебряным наконечником копье и боевую секиру. Не знаю, почему я взял с собой оружие. Епископ не возражал, хотя вряд ли испытывал от этого радость.

При всей беспросветности жизни в Ровернарке я не считал, что мне угрожает какая-то опасность. Жители его смирились с тем, что я не принимаю участия в их увеселениях, и оставили меня в покое. Они не вмешивались в мои дела. Лорд Шаносфейн тоже сохранял нейтралитет. Один лишь епископ Белфиг не производил на меня впечатления безобидного человека. Наоборот, от него исходило что-то зловещее, и у меня создалось впечатление, что он, может быть, единственный из всего этого своеобразного общества имеет относительно меня какие-то намерения.

В то же время при всей своей карикатурной внешности он был достаточно образованным человеком, и чувство опасности, видимо, возникло из-за моих собственных пуританских взглядов. И все-таки я не забывал, что он, единственный в Ровернарке, не был со мной откровенен.

— Ну, мой дорогой лорд Урлик, как вам нравится наш флот? — Белфиг указал пухлым пальцем в сторону корабля.

На епископе были доспехи, которые и его превращали в человека-луковицу, за плечами развевался парчовый плащ, но шлем его нес раб.

— Никогда не видел такого корабля,— признался я.

Мы подошли ближе, и я с интересом стал рассматривать судно. Оно было примерно сорока футов в длину и десяти в высоту, Как и все в Ровернарке, его броня затейливо украшена рельефами из серебра, бронзы и золота. На пирамидальной надстройке террасами располагались длинные узкие палубы. На самом верху находилась квадратная палуба, над которой развевалось несколько флагов. Корпус поддерживался подпорками, которые были соединены с лежащим в воде широким, чуть выгнутым листом, сделанным из материала, похожего на стекловолокно. Мачт не было, но с обеих сторон корабля имелись широколопастные колеса. У весел тоже были лопасти, но они в отличие от лопастей колес не были помещены в кожух, а наоборот, торчали. Но и они, на мой взгляд, не могли заставить корабль сдвинуться с места.

— Должно быть, на корабле сильные машины? — предположил я.

— Машины? — Белфиг усмехнулся.— На корабле нет никаких машин.

— Тогда...

— Подождите, пока мы не поднимемся на борт.

Несколько человек на берегу держали два паланкина и явно ждали нас. Мы шли по берегу, и под ногами у нас хрустели кристаллы. Епископ сел в паланкин. Я неохотно сделал то же самое. Иначе пришлось бы идти по темной, вязкой воде, один вид которой вызывал отвращение. Возле берега плавала серая пена, и я уловил запах разложения и нечистот. Очевидно, сюда сливались городские отходы.

Рабы подняли паланкины и пошли по воде, обходя черные маслянистые водоросли.

С корабля нам бросили трап, и Белфиг, жалобно кряхтя, стал карабкаться по нему вверх. Я последовал за ним. Мы поднялись на борт и оказались у подножия пирамиды, а затем стали подниматься снова, пока не добрались, наконец, до верхней палубы. Здесь мы остановились, поджидая свиту и членов экипажа. На носу корабля была еще одна палуба, огражденная перилами, выточенными в стиле рококо. С нее в воду спускались длинные тросы, прикрепленные к столбам, и я решил, что это якорные канаты.

У меня было чувство, будто мы находимся не на борту морского судна, а на огромной телеге. Скорее всего, это объясняется тем, что гребные колеса располагались на оси попарно и не было видно механизма, приводившего их в движение.

Раб принес копье и секиру. Я поблагодарил его и прикрепил оружие к крючкам на поручне.

Белфиг посмотрел на небо взглядом опытного моряка. На небе были все те же плотные коричневые облака, почти не пропускающие тусклого солнечного света. Укутавшись в плащ, я с нетерпением ждал, когда епископ Белфиг даст команду отчаливать.

Честно говоря, я уже раскаивался, что отправился в это путешествие. Я не имел понятия, на кого предстоит охотиться. Чувство внутреннего дискомфорта нарастало во мне, и одновременно внутренний голос говорил, что епископ пригласил на охоту вовсе не для того, чтобы развеять мою скуку, а с какой-то другой, более серьезной целью.

Моржег, оказавшийся капитаном этого корабля, вскарабкался на верхнюю палубу и предстал перед хозяином.

— Мы готовы к отплытию, господин епископ.

— Отлично.

Белфиг доверительно положил свою бледную ладонь мне на плечо.

— Сейчас вы увидите наши «двигатели», граф Урлик,— сказал он, загадочно улыбнувшись Моржегу.— Командуйте, сэр Моржег!

Моржег перегнулся через перила и посмотрел на вооруженных людей в носовой части корабля. Они были привязаны к сиденьям, а в руках, обвитых веревками, держали кнуты. Рядом с каждым лежал длинный гарпун.

— Приготовиться! — прокричал Моржег, сложив рупором руки.

Люди подтянулись и подняли кнуты.

— Начали!

Кнуты одновременно со свистом ударили по воде. Это повторилось трижды, и вдруг вода перед носом корабля пришла в движение. К моему великому удивлению, со дна начало подниматься что-то огромное и непонятное. Четыре громадные рычащие головы с длинными прямыми клыками вынырнули из глубины и с ненавистью посмотрели на людей с кнутами. Из надсаженных глоток раздались странные лающие звуки. Чудовищные извивающиеся тела метались в воде. С помощью уздцов и поводьев, надетых на животных, их заставили повернуться в сторону моря.

Снова ударили кнуты, и звери поплыли вперед. Судно тяжело тронулось с места, и меня удивило, что весла-колеса не погружаются в воду, а держат корабль на поверхности, как карету.

Собственно говоря, корабль и был огромной каретой, предназначенной для прогулок по поверхности воды, а запряжены в эту карету были уродливые чудовища — помесь сказочных морских змеев с морскими львами из мира Джона Дакера, для пущей свирепости дополненная чертами саблезубого тигра.

Кошмарные чудовища плыли в кошмарный океан, увлекая за собой наше невообразимое судно. Кнуты свистели все громче, погонщики погоняли зверей, и те плыли все быстрее. Закрутились колеса, и вскоре жуткий берег Ровернарка скрылся во мраке. Мы остались одни среди адского моря.

Епископ Белфиг оживился. Он надел шлем и поднял забрало. В стальном обрамлении его лицо выглядело еще более отталкивающим.

— Ну как вам, граф Урлик, наши двигатели?

— Я никогда не мог вообразить ничего подобного. Как вам удалось выдрессировать этих зверей?

— О, они специально были выведены для такой работы. Это домашние животные. Когда-то в Ровернарке жило много ученых. Они построили дома, которые отапливались огнем, еще горевшим в недрах нашей планеты. Они придумали и построили необыкновенные корабли. Они вывели породы животных-тяжеловозов. Но это было тысячу лет назад. Теперь мы уже не нуждаемся ни в каких ученых...

Мне показалось, что он просто хочет произвести впечатление, и я ничего не возразил в ответ. Вместо этого спросил:

— А на кого мы будем охотиться, господин епископ?

Белфиг вздохнул:

— Ни больше, ни меньше, чем на самого́ морского оленя. Это очень опасно, и мы можем погибнуть.

— Погибнуть в этом жутком океане — не самая заманчивая перспектива,— сказал я.

Он усмехнулся:

— Скверная смерть. Может быть, даже самая худшая из всех возможных. Но ведь это возбуждает, не правда ли?

— Возможно. Но не меня.

— Послушайте, граф Урлик. Мне казалось, что вам уже начала нравиться наша жизнь.

— Я благодарен вам за гостеприимство! Если бы не вы, я наверное бы погиб. Но в отношении вашей жизни слово «нравится» я бы не употреблял.

Он облизал губы, и глаза его насмешливо сверкнули.

— А рабыня, которую вам прислал?

Я глотнул холодный соленый воздух:

— Мне снились кошмары, и она показалась мне частью этих кошмаров.

Белфиг захохотал и похлопал меня по спине:

— А ты, оказывается, здоровый кобель, девчонка мне все рассказала. В Ровернарке нет нужды прикидываться застенчивым!

Я отвернулся и стал рассматривать темную воду.

Морские животные с лаем бросились вперед, колеса шлепали по воде, епископ Белфиг усмехался, то и дело переглядываясь с мертвенно-бледным Моржегом. Иногда в коричневых облаках образовывался просвет, сквозь который был виден резко очерченный круг красноватого тусклого солнца. Оно было похоже на подвешенный к своду пещеры драгоценный камень. Иногда облака сгущались настолько, что мы плыли в кромешной тьме, и лишь искусственный свет факелов освещал наш путь. Подул легкий ветерок, но на вязкой поверхности воды не появилось даже ряби.

Отчаяние вновь охватило меня. Я прошептал имя Эрмижад и тут же пожалел об этом. Даже беззвучно произносить это имя здесь значило пачкать его.

Корабль продвигался вперед. Команда слонялась без дела по палубам, сидела на ступеньках и поручнях.

Время от времени раздавался непристойный смех епископа Белфига, и его жирные щеки колыхались.

Мне уже стало казаться, что погибнуть в волнах этого соленого моря не так уж и страшно.

Глава седьмая

ЧАША И КОЛОКОЛ

Через некоторое время Белфиг в сопровождении рабов отправился к себе в каюту, а девушка, приходившая ночью, поднялась на палубу и положила мне на руку теплую ладонь.

— Хозяин, ты хочешь меня?

— Предложи себя Моржегу или кому-нибудь другому,— ответил я,— и забудь все, что было ночью.

— Но, хозяин, ты же разрешил мне привести с собой подругу? Я думала, что наши развлечения пришлись тебе по вкусу.

— Ты ошибаешся. Уйди...

Я остался на палубе один. В глазах рябило, на веках и на ресницах выступила соль. Я спустился в каюту и запер дверь. Ложиться на кровать, всю в мехах и шелках, не захотелось, и я улегся на подвесную койку-гамак, предназначенную, видимо, для прислуги. Меня укачало, и я быстро уснул.

Сны мои были туманны. Какие-то видения... Какие-то слова... И вдруг оцепенев от ужаса, я услышал:

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ — МЕЧ ПОБЕДИТЕЛЯ.
СЛОВО МЕЧА — ЗАКОН ПОБЕДИТЕЛЯ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
НА ОСТРИЕ МЕЧА — КРОВЬ СОЛНЦА.
РУКОЯТКА СЛИЛАСЬ С РУКОЮ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
РУНЫ НА МЕЧЕ — КЛАДЕЗЬ МУДРОСТИ.
ИМЯ ЕМУ — КОСА.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ...

Я проснулся, но слова продолжали звучать в моем мозгу. Я тряхнул головой и чуть не выпал из гамака. За дверью послышались шаги, потом они удалились и зазвучали уже наверху. Я ополоснул под умывальником лицо, вышел из каюты и по украшенной затейливой резьбой лестнице поднялся на верхнюю палубу.

Там стоял Моржег с кем-то, видимо, из команды. Перегнувшись через поручни, они внимательно вслушивались в шум моря. Внизу, на носу корабля, погонщики продолжали хлестать морских животных. Увидев меня, Моржег отпрянул от поручней. Он был взволнован.

— Что случилось? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Какие-то непонятные звуки.

Я тоже прислушался, но не услышал ничего, кроме свиста кнутов и шлепанья колес по воде.

И вдруг где-то впереди возник слабый гул. Я с напряжением вглядывался в густой бурый туман. Гул нарастал.

— Это же колокол! — воскликнул я.

Моржег нахмурился.

— Колокол! Может быть, впереди скалы,— предположил я,— и колокол предупреждает нас об опасности?

Моржег кивнул в сторону морских зверей:

— Слевы почувствовали бы и свернули в сторону.

Колокольный звон становился все громче. Наверное, это был огромный колокол — звук его был настолько мощным, что корабль дрожал.

Даже морские чудовища встревожились... Они пытались свернуть в сторону, но кнуты погонщиков заставляли их плыть вперед.

А гул все нарастал, и уже казалось, что мы находимся в самом эпицентре звона.

На палубу выскочил епископ Белфиг. Вместо военных доспехов на нем была ночная рубашка, поверх которой он накинул меховую шкуру. Косметика была размазана по всему лицу. Видимо, его разбудил звук колокола. В глазах застыл страх.

— Что это за колокол? — спросил я его.

— Не знаю, не знаю.

Но он знал. Или догадывался. Он боялся колокола.

— У Бладрака... — заговорил Моржег.

— Тихо! — прошипел Белфиг.— Как это могло случиться?

— Что такое Бладрак? — спросил я.

— Ничего,— пробормотал Моржег, не сводя глаз с епископа.

Я замолчал, но ощущение надвигающейся опасности у меня все возрастало.

Звон был уже таким громким, что заболело в ушах.

— Поворачивай назад! — прокричал Белфиг.— Командуй, Моржег! Быстрее!

Признаюсь, столь явный страх этого самоуверенного и самодовольного человека доставил мне некоторое удовольствие.

— Мы возвращаемся в Ровернарк? — спросил я.

— Да, мы...— Он нахмурился, но, взглянув на меня, попытался улыбнуться.— Нет. Пожалуй, нет!

— Вы передумали?

— Да успокойтесь же, черт вас побери! — заорал он. Но тут же взял себя в руки.— Извините, граф Урлик. Нервы. Этот жуткий гул...— И не договорив, резко повернулся и направился вниз.

Колокол все еще звонил, но погонщики уже разворачивали животных, которые то поднимались высоко над водой, то плюхались обратно, дергая и волоча за собой корабль.

Погонщики опять начали безжалостно их хлестать, и корабль пошел быстрее.

Звон понемногу утихал. Из-под колес, крутившихся с бешеной скоростью, летели тяжелые брызги. Внезапно наша морская карета затряслась и подпрыгнула на полном ходу — меня с силой отбросило к поручням. Я с трудом поднялся на ноги и вдруг услышал, что колокол умолк. Над океаном повисла глухая тишина.

Вновь появился епископ Белфиг, но уже в военном снаряжении и плаще. Косметика была приведена в порядок, но даже грим не мог скрыть необычную бледность епископа. Он поклонился мне, кивнул Моржегу и попытался улыбнуться:

— Извините, граф Урлик. На какое-то мгновение я потерял голову. Плохо соображал со сна и растерялся. Ужасный звон, не правда ли?

— По-моему, он вас напугал? Мне показалось, что он вам знаком.

— Нет, что вы!

— И Моржегу тоже. Не зря же он вспомнил о Бладраке...

— Глупая легенда,— отмахнулся Белфиг.— Гм... Легенда о чудовище Бладраке с голосом, похожим на звон громадного колокола. Вот Моржег и подумал, что это Бладрак... Что он хочет... э-э-э... сожрать нас.

Епископ неестественно хихикнул.

Я не поверил ни слову, однако, поскольку был гостем Белфига, не мог быть слишком назойливым и не стал больше задавать вопросов. Мне пришлось проглотить эту очевидную, специально для меня состряпанную ложь. Белфиг стал обсуждать с Моржегом новый курс корабля, а я вернулся в каюту. Там обнаружил ту же самую девицу. Совершенно голая, она лежала на кровати и радостно улыбалась. Я улыбнулся ей в ответ и улегся на свою висячую койку.

Но не успел закрыть глаза, как наверху раздался крик. Я выпрыгнул из гамака и побежал на верхнюю палубу.

На этот раз колокола слышно не было, но Моржег и Белфиг громко переговаривались с матросом, стоящим на нижней палубе.

— Клянусь, я видел! — кричал матрос.— Огни! Порт!

— Но мы в нескольких милях от берега,— возражал Моржег.

— Тогда, сэр, это был корабль!

— Что, сбывается еще одно предание? — спросил я.

Увидев меня, Белфиг вздрогнул и выпрямился.

— Я и сам ничего не понимаю, граф Урлик. Думаю, матросу что-то померещилось. На море всегда так: за одним необъяснимым событием следуют другие, не так ли?

И тут я увидел яркий свет.

— Смотрите! Наверное, это другой корабль?

— Для корабля свет слишком ярок.

Теперь я уже мог задать ему вопрос, который вертелся у меня на языке:

— А вдруг это Серебряные Воины?

Белфиг пристально посмотрел на меня.

— Вы что-то знаете о Серебряных Воинах?

— Очень мало. Знаю, что их раса отличается от вашей. Что они завоевали почти всё дальнее побережье этого моря. И что они, скорее всего, явились с Луны, расположенной на другом конце Вселенной.

Он с облегчением вздохнул:

— И кто же вам это рассказал?

— Лорд Шаносфейн из Дхетгарда — Светский лорд.

— Ну, он не так уж много знает о том, что происходит в мире,— успокаиваясь, сказал епископ.— Его больше интересуют абстрактные вещи. Я не думал, что Серебряные Воины для нас опасны. Они завоевали один или два города на дальнем побережье и исчезли.

— Но почему вы ничего не сказали о них, когда я вас спрашивал о ваших врагах?

— Что? Враги? — Белфиг засмеялся.— Да разве можно считать врагами воинов с другого конца мира?

— Даже потенциальными врагами?

— Поверьте, это невозможно. И к тому же Ровернарк неприступен.

Снова раздался хриплый крик матроса.

— Слышите? Там!.. Там!

Он был прав. Мне тоже показалось, что из океана доносится голос — слабый и безнадежный.

— Может быть, какой-то корабль терпит крушение? — предположил я.

На лице епископа появилось раздражение.

— Ну как это может быть?

Свет и голос приближались. И я различил слово. Совершенно определенное слово.

— Берегитесь! — кричал голос.— Берегитесь!

— Дешевые пиратские штучки,— пробормотал Белфиг.— Моржег, твои воины должны быть наготове!

Моржег отправился вниз.

Свет уже был почти рядом, когда раздался странный крик. Скорее вой.

Огромная золотая чаша висела в темноте. Из нее и исходил этот нестерпимый свет. И завывание.

Белфиг прикрыл глаза рукой — от такого свечения можно было ослепнуть.

Голос зазвучал вновь.

— Урлик Скарсол, если ты хочешь избавить этот мир от бед и найти то, что ищешь, возьми Черный Меч!

Это был голос, который я слышал во сне.

— Нет,— в ужасе закричал я.— Никогда! Никогда не возьму в руки Черный Меч!

Я не знал, почему говорю эти слова. Ведь я не имел понятия, что такое Черный Меч и почему от него отказываюсь. Эти слова говорил не я, а все жившие во мне воины — воины прошлого и будущего.

— Ты должен!

— Нет!

— Тогда мир погибнет!

— Он и так обречен!

— Неправда!

— Кто ты? — спросил я.

Было трудно поверить, что все это — воплощение сверхъестественных сил, потому что все и всегда в моей жизни имело какое-то разумное объяснение. Но не эта звучащая чаша, не этот голос, доносящийся с небес, как голос Бога. Я всматривался в громадную золотую чашу, пытаясь понять, что ее держит в воздухе. Но так ничего и не увидел.

— Кто ты? — снова крикнул я.

В ярком свете передо мной возникло перекошенное от ужаса лицо Белфига.

— Я — голос Чаши. Ты должен поднять Черный Меч. Ты не пожелал слушать свой внутренний голос, и мне пришлось принять такой образ, чтобы убедить тебя. Подними Черный Меч!

— Нет! Я поклялся, что не сделаю этого!

— Только подняв Меч, ты наполнишь Чашу. У тебя нет другого выхода, Вечный Победитель.

Я заткнул уши и почувствовал, что теряю сознание.

Когда пришел в себя, кричащая чаша исчезла. Осталось только свечение.

Белфиг дрожал от страха, и по его взгляду было видно, что именно я являюсь причиной его ужаса.

— Уверяю вас, что непричастен к этому,— мрачно заметил я.

Белфиг откашлялся и обиженно сказал:

— Я слышал, что некоторые люди умеют вызывать миражи. То, что я видел, меня потрясло, но льщу себя надеждой, что до конца нашего путешествия вы не станете больше демонстрировать свою силу. Да, я не ответил на ваши вопросы, но это еще не значит, что вы можете...

Он не договорил.

— Если это и был мираж, епископ Белфиг, я тут ни при чем,— ответил я.

Белфиг хотел еще что-то сказать, но раздумал и, пошатываясь, пошел вниз.

Глава восьмая

ЛОГОВО МОРСКОГО ОЛЕНЯ

Я еще долго стоял на палубе, вглядываясь в темноту и пытаясь разгадать происхождение странного видения. Если забыть о том, как в палатах элдренов я увидел себя в нынешнем обличье, сны мои стали реальностью впервые.

И, конечно, это не было сном — ведь то же самое видели и епископ Белфиг, и свита, и члены команды. Они перешептывались, стоя на нижней палубе, и с опаской поглядывали на меня.

Но если кричащая Чаша имела отношение ко мне, то невидимый колокол, судя по всему, был каким-то образом связан с епископом Белфигом.

Я не понимал, почему Белфиг решил продолжить охоту вместо того, чтобы вернуться в обсидиановый город. Может быть, у него в этом море назначена встреча? Но с кем? С пиратами? Или с самими Серебряными Воинами?

Но все эти вопросы казались мне не такими уж важными по сравнению с главным: что такое Черный Меч? Почему я отказался от него, хотя не знал, что он из себя представляет? Название его что-то мне напоминало. Но что? Почему же избегал даже мысли о нем? Ведь именно поэтому я и провел с девицей ту ночь. Ах, как мне хотелось забыть о Мече, убежать от него...

Так ничего и не решив, измученный, вернулся в каюту и упал в свой гамак.

Но заснуть не мог. Не мог и не хотел — я боялся, как бы видения не вернулись вновь.

Я вспомнил слова: «Если ты хочешь избавить мир от бед и найти то, что ищешь, то возьми Черный Меч!»

И стих: «Черный Меч. Черный Меч. Черный Меч. Черный Меч — Меч Победителя. Слово Меча — закон Победителя».

В одном из своих воплощений — в прошлом ли, в будущем ли, не имеет значения, поскольку Времени для меня не существовало — я, должно быть, отказался от Черного Меча. И совершил какое-то преступление или по крайней мере обидел кого-то, кто хотел, чтобы я Меч сохранил. За это, вероятно, я и наказан вечным скитанием во Времени и Пространстве. А может быть, суть наказания в другом: в том, чтобы я осознавал все свои воплощения, а значит, и свою трагедию. Если так, то это было изощренное наказание.

Хотя я жаждал покоя и мечтал о встрече с Эрмижад, а Черный Меч мог в этом помочь, что-то мне вновь мешало его поднять.

«На острие Меча — кровь солнца. Рукоятка слилась с рукою».

Загадочная фраза. Что означает ее первая часть? Вторая часть была понятнее. Очевидно, она говорила о том, что моя судьба переплетена с судьбой меча.

«Руны на Мече — кладезь мудрости, имя ему — коса».

Здесь наоборот, более понятна была первая часть. Видимо, речь шла о том, что высеченные на Мече стихи несли какое-то значение. А коса, наверное, не что иное, как символ смерти.

Но и теперь я мало что понимал. Похоже, мне все-таки придется поднять Черный Меч...

В дверь постучали. Решив, что это все та же девица, я громко крикнул:

— Оставьте меня в покое!

— Это Моржег,— сказали из-за двери.— Епископ Белфиг просил вам сообщить, что на горизонте морской олень. Скоро начнется охота.

— Через минуту буду готов,— ответил я и услышал, как удаляются его шаги.

Надев шлем, взяв копье и секиру, направился к двери. Может быть, охота, подумал я, развеет сумбур в моей голове.

К Белфигу вернулась его прежняя уверенность. Он был в военных доспехах, в шлеме с поднятым забралом. Моржег, тоже в доспехах, стоял рядом.

— Итак, граф Урлик, нас ждет неплохое развлечение.

Он постучал о поручень рукой в железной рукавице.

Корабль медленно двигался по густой воде — морские чудовища, тянувшие гигантскую колесницу, сбавили скорость.

— С минуту назад я видел клыки морского оленя,— сказал Моржег.— Он где-то рядом. У него нет жабр, и время от времени он высовывается из воды. Именно в этот момент мы и должны напасть.

На носу корабля вдоль поручней выстроились стрелки. Они держали длинные тяжелые гарпуны, на каждом из которых было не меньше десятка зубьев.

— Зверь может напасть сам? — спросил я.

— Не беспокойтесь,— ответил Белфиг,— здесь мы в безопасности.

— Я рассчитывал на острые ощущения.

Он пожал плечами:

— Пожалуйста. Моржег, проводи графа Урлика на нижнюю палубу.

С копьем и секирой в руках я пошел вслед за Моржегом по лестнице и, пройдя несколько пролетов, обнаружил, что колеса морской кареты неподвижны.

Вдруг Моржег вытянул шею и стал напряженно вглядываться в сумрачную даль.

— Смотрите! — сказал он.

Я увидел рога, очень похожие на рога оленей из мира Джона Дакера, но определить какого они размера, не мог.

Интересно, не жили ли эти животные когда-то на суше, а потом переместились в море, подобно морским котикам, наоборот вернувшимся на землю? Или, может быть, это очередной гибрид, выведенный учеными Ровернарка много веков тому назад?

Оленьи рога приближались, и напряжение на нашей колеснице росло. Я подошел к поручню.

— Пожалуй, вернусь к хозяину,— пробормотал Моржег и ушел.

Гигантский зверь приближался к кораблю, и я услышал невероятно громкий храп. Из мрака появилась громадная голова с красными глазами и раздувающимися ноздрями. Зверь снова захрапел, и волна его дыхания ударила мне в лицо.

Люди молча подняли гарпуны.

Слевы, запряженные в нашу колесницу, скрылись под водой, словно не желая принимать никакого участия в этом диком сумасшествии...

Морской олень замычал и еще больше высунулся из вязкой воды. Густая соленая жидкость ручьями бежала по жирной шершавой шкуре. Мускулистые передние лапы чудовища на самом деле оказались плавниками с утолщениями на концах, которые отдаленно напоминали оленьи копыта. Взмахнув плавниками, зверь погрузился в воду и через минуту появился снова, явно собираясь нанести нам первый удар.

С верхней палубы раздалась команда Моржега:

— Первые гарпуны!

Несколько воинов размахнулись и с силой метнули тяжелые пики в чудовище, нацелившееся на нас своими громадными рогами футов пятнадцати длиной.

Несколько гарпунов пролетело мимо цели. Немного поплавав, они ушли на дно. Другие же вонзились в гигантскую тушу, но ни один не попал в голову оленя. Зверь взвыл от боли и попытался еще раз атаковать корабль.

Раздалась новая команда:

— Вторые гарпуны!

И снова полетели копья. Две пики ударились о рога и с силой отскочили от них. Две другие попали в тело, но зверь резким движением стряхнул их и ударил рогами в морскую колесницу. Раздался треск, корабль закачался и чуть не опрокинулся, но благодаря своему плоскому днищу все-таки устоял. Один рог скользнул вдоль поручня, и несколько гарпунщиков упали за борт. Послышались пронзительные вопли. Спасти их было невозможно — они уже шли ко дну, засасываемые морем как зыбучими песками.

Мне это показалось ужасным, особенно от того, что сам Белфиг, затеявший охоту, находится в верхней части корабля в относительной безопасности.

Но размышлять было не время — над нами угрожающе нависла голова зверя с кровоточащей раной. Увидев зубы размером в половину человеческого роста и красный извивающийся язык, я отшатнулся, почувствовал себя карликом рядом с великаном. Но в тот же момент выпрямился и, что есть силы размахнувшись, метнул копье в разинутую пасть. Острие вонзилось в глотку, и пасть моментально захлопнулась. Зверь отпрянул назад и судорожно заработал челюстями, пытаясь прожевать или выплюнуть чужеродный предмет.

Из носа чудовища хлынула темная кровь, и один из гарпунщиков одобрительно похлопал меня по спине.

Сверху раздался заискивающий голос епископа:

— Отлично, Победитель!

И я пожалел, что мое копье пронзило зверя, во владения которого мы вторглись, а не сердце Белфига.

Я схватил выроненный кем-то гарпун и, прицелившись, еще раз метнул его в голову зверя, но гарпун, ударившись о левый рог, отскочил и упал в воду.

Монстр кашлянул, выплюнул обломки копья на нашу палубу и приготовился к нападению.

На этот раз один из гарпунщиков, вдохновленный моим успехом, метнул в оленя копье, попал чуть ниже правого глаза. Зверь издал страшный вопль и, признав себя побежденным, поплыл прочь.

Я с облегчением вздохнул, но тут же услышал крик епископа:

— Он плывет в свое логово! За ним!

Погонщики заставили зверей всплыть на поверхность и, натянув поводья, повернули в сторону, куда уплыл олень.

— Это безумие! — закричал я.— Оставьте его!

— Что? Вернуться в Ровернарк без трофея? — завопил епископ.— За ним! За ним!

Вновь закрутились колеса, и началось преследование жертвы.

Один из гарпунщиков взглянул на меня и сказал с насмешкой:

— Говорят, наш духовный владыка убивать любит не меньше, чем распутничать.

Он провел рукой по лицу и стер брызги крови.

— Я не уверен, что он видит разницу между этими занятиями,— ответил я.— Но скажите, куда поплыло чудовище?

— Морские олени живут в пещерах. Кажется, недалеко отсюда есть небольшой остров, и скорее всего, зверь поплыл именно туда.

— Олени собираются в стада?

— В определенные периоды. Но сейчас не сезон. Поэтому охотиться на них сейчас сравнительно безопасно. Даже небольшое стадо одних только самок давно бы уже нас прикончило.

Пара колес по правому борту была плохо укреплена, и наша колесница мчалась по морю, сильно накренившись. Слевы, очевидно, обладали даже большей силой, чем морской олень, раз им удавалось не только прорезать эту вязкую воду, но еще и тянуть за собой тяжеленное судно.

Во мраке виднелись рога плывущего оленя, а перед ним — пик обсидиановой скалы, такой же, из которых был высечен Ровернарк.

— Там! — показал рукой гарпунщик и мрачно взялся за зубчатую пику.

Я тоже поднял валявшийся гарпун.

Раздался далекий голос Моржега:

— Приготовиться!

Олень исчез, но вдруг перед нами возник крошечный остров с блестящей скалой. Морская колесница резко повернула в сторону, чтобы не врезаться, и мы увидели черную пасть пещеры.

Это было логово чудовища.

Из глубины его доносились громкие стоны.

И снова раздалась команда:

— Приготовиться к высадке!

Я не поверил своим ушам: Белфиг приказывал людям, вооруженным лишь гарпунами, войти в пещеру!

Глава девятая

БИТВА В ПЕЩЕРЕ

Итак, мы высадились на берег.

Белфиг, его свита и погонщики остались на корабле, а мы направились по мелководью к острову. В одной руке я нес секиру, в другой — зубчатый гарпун. Белфиг смотрел на нас с верхней палубы и махал рукой:

— Удачи, граф Урлик! Если вы убьете оленя, к вашему длинному списку подвигов прибавится еще один.

Хоть и считал, что охота по природе своей — занятие бессмысленное и жестокое, тем не менее я должен был принять в ней участие и либо убить чудовище, либо погибнуть.

С трудом вскарабкавшись на скалу, мы оказались у входа в пещеру. Ужасное зловоние исходило оттуда — будто туша зверя начала разлагаться. Однако уже знакомый мне гарпунщик сказал:

— Это смрад от его помета.

Теперь мне еще меньше захотелось входить в пещеру.

Олень почуял нас и заревел.

Гарпунщики попятились назад, никто не хотел входить в логово первым.

Тогда я протиснулся вперед и, крепко сжимая гарпун, вошел в черную утробу.

Тошнотворный смрад ударил в нос, и я чуть не потерял сознание. В глубине пещеры что-то зашевелилось, и мне показалось, что передо мной мелькнул олений рог. Зверь захрапел и с силой ударил плавниками по земле.

Гарпунщики вошли вслед за мной. Взяв у одного из них факел, я высоко поднял его и разглядел длинное извилистое тело с широким плоским хвостом.

Олень лежал, прижавшись к стене, раны его кровоточили. Он угрожающе наклонил голову, но нападать не спешил, словно давая нам возможность удалиться восвояси без боя.

У меня появилось искушение вывести людей из пещеры, но я не посмел этого сделать: ведь их хозяином был епископ Белфиг, и если бы они не выполнили его волю, наказание могло быть ужасным.

Делать было нечего, и, прицелившись, я метнул гарпун в левый глаз зверя, но именно в это мгновение он повернул морду, и гарпун лишь оцарапал ему морду.

Зверь взвыл и бросился на нас. Люди кинулись в стороны, они кричали, швыряли в чудовище камнями, пытались спрятаться, но напарывались на рога.

Зверь мотал головой, пытаясь сбросить с рогов трех проткнутых насквозь гарпунщиков, но это ему не удавалось. Двое из них были мертвы, третий еще стонал, но я не мог помочь ему.

Олень пригнул голову и снова начал наступать. Я отпрыгнул в сторону и ударил его секирой с длинной рукоятью в верхнюю часть туловища. Кровь хлынула из раны, и зверь, лязгая зубами, повернулся ко мне. Я нанес еще один удар, и он попятился, мотая головой. Одно из разорванных тел упало с его рогов на грязную землю пещеры, и олень неловко отшвырнул его плавником.

Я взглянул на гарпунщиков, столпившихся у выхода из пещеры. Олень находился теперь между ними и мной. Пещеру освещали только два факела, упавшие на камни, и я отступил в тень. Олень увидел людей у выхода и метнулся в их сторону. Гарпунщики в ужасе бросились бежать, и те, кому удавалось спастись от рогов чудовища, с криками и воплями прыгали в вязкую воду.

Теперь я был в пещере один. Морской олень забыл обо мне и все еще пытался стряхнуть с рогов человеческие тела.

Я не сомневался, что это конец. Разве мог я один победить такое чудовище? Его тело перегораживало выход из пещеры — единственный путь к спасению. Рано или поздно он учует меня, и тогда...

Я замер. Из-за жуткого запаха было трудно дышать. У меня не было гарпуна, чтобы обороняться,— только секира, а это не самое подходящее оружие для борьбы с гигантским морским оленем.

Зверь разинул пасть и громко заревел, очевидно, от боли.

У меня вновь появилась надежда. Но тут в пещеру снова полетели гарпуны, и чудовище с ревом стало пятиться назад.

Я с трудом увернулся от удара его хвоста.

Все стихло. Я молил Бога, чтобы гарпунщики вернулись — может быть, мне тогда бы удалось проскользнуть незамеченным мимо зверя в более безопасное место.

Олень захрапел и начал раскачиваться из стороны в сторону. Он тоже ожидал воинов.

Но никто больше не появлялся. Возможно, они думают, что я погиб? Я прислушался, но ничего не услышал.

Вновь раздался рев, и громадная туша пришла в движение.

Я стал вдоль стены пробираться к выходу, стараясь ступать как можно тише. Где-то на полпути наступил на что-то мягкое. Это был труп одного из гарпунщиков. Я перешагнул через него и зацепил ногой валявшееся рядом оружие. Оно гулко загремело на обсидиановом полу.

Зверь захрапел и резко повернул голову.

Я замер.

Выставив вперед рога, он пополз по пещере.

У меня пересохло горло.

Зверь поднял морду и заревел, обнажив огромные зубы. Пасть его была в крови, один глаз слеп. Он угрожающе приподнялся на хвосте, взмахнул странными плавниками, но опять упал на землю, сотрясая стены пещеры.

Рога были опущены. Олень явно готовился к нападению.

Я видел надвигающиеся на меня громадные рога, а о том, что они способны пронзить человека насквозь, уже знал.

Инстинктивно я прижался к стене и тут же отпрыгнул в сторону. Массивный лоб оленя шириной в рост человека находился в футе от моего лица, и тут мне пришла в голову идея.

Это был единственный шанс справиться с чудовищем.

И я прыгнул. Прыгнул ему на лоб и, поскальзываясь на маслянистой коже, буквально взбежал по его морде и уселся на левый рог, крепко обхватив его одной рукой и ногами.

Зверь был в недоумении. По-моему, он даже не понимал, где я.

Я поднял секиру.

Олень искал меня, озираясь по сторонам.

Я с силой опустил секиру. Она глубоко вонзилась в череп. Зверь зарычал и завыл, мотая головой. Но я лишь крепче ухватился за рог и продолжал наносить ему удары.

Это еще больше ожесточило оленя. Он метался по пещере, цепляясь рогами за потолок, изо всех сил стараясь меня сбросить.

Но я повис на нем. И нанес еще один удар.

На этот раз от черепа отломился кусок кости, и кровь потоками хлынула из раны.

Вновь раздался оглушительный рев — крик ужаса и ярости.

Еще удар — и рукоять секиры с треском раскололась. Лезвие глубоко вошло в мозг.

Зверь со стоном рухнул на землю. Потом попытался приподняться, но не смог. Предсмертный хрип вырвался у него из груди, и голова упала на землю.

Я легко спрыгнул на землю.

Морской олень был мертв. Я убил его почти голыми руками.

Вытащить секиру из головы зверя мне не удалось — она сидела слишком глубоко. Пошатываясь, едва не теряя сознание, вышел из пещеры.

— Кончено,— сказал я.— Забирайте вашу добычу.

Мне никто не ответил.

Я посмотрел вокруг. Корабля не было. Морская колесница епископа Белфига укатила в Ровернарк — они были уверены, что я погиб.

— Белфиг! — закричал я в дикой надежде, что они меня услышат.— Моржег! Я жив! Я убил оленя!

Но ответа не было. Я обвел глазами низкие коричневые облака, мрачный океан.

Меня бросили посреди кошмарного моря, где, по словам Белфига, не плавали корабли. Я был один в окружении трупов гарпунщиков.

Меня охватила паника.

— Белфиг! Вернитесь!

Далекое эхо. Больше ничего.

— Я жив!

На этот раз эхо отозвалось громким саркастическим смехом.

Вряд ли мне удастся долго продержаться на этой серебристой, открытой всем ветрам скале. Спотыкаясь, я стал карабкаться вверх по склону, стараясь забраться как можно выше. Но зачем? Ведь в этом сумрачном море не было даже линии горизонта — она утонула в коричневых облаках.

Я уселся на небольшой выступ — единственную плоскую поверхность на всей скале. Меня трясло от страха. Похолодало. Я плотнее закутался в плащ, но меня все равно бил озноб.

Да, я бессмертен. Феникс, возродившийся навеки. Вечный Скиталец во Вселенной.

И если я обречен умереть здесь, это будет длиться вечно.

Если я феникс, то феникс, попавший в обсидиановую ловушку. Как муха, застывшая в янтаре.

Меня охватило отчаяние.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПЕРИПЕТИИ СУДЬБЫ

Победитель Рока,
Игрушка Судьбы.
Орудие Времени,
Рыцарь Борьбы.

Хроника Черного Меча.

Глава первая

СМЕЮЩИЙСЯ КАРЛИК

Я был настолько измучен, что очень скоро уснул, прислонившись спиной к скале и вытянув ноги. Проснувшись, почувствовал, что неприятный запах из пещеры усилился — туша оленя начала разлагаться. Я услышал какой-то неприятный звук то ли скользящих, то ли ползущих по гладкой поверхности тел. Выглянув из-за выступа, увидел, что в пещеру вползают тысячи маленьких змееподобных существ. Это были, очевидно, морские некрофаги. Они ползли туда, где лежала туша мертвого оленя.

Если бы я рассчитывал, что в самом крайнем случае, чтобы не умереть с голоду, использую мясо оленя, теперь это было невозможно. Теперь хотел лишь одного: чтобы отвратительные твари убрались из пещеры. Ведь там остались гарпуны, а они мне могли пригодиться. Вдруг я встречу здесь еще одно чудовище и придется опять защищаться. С гарпуном можно было и охотиться на мелководье, если, конечно, здесь водится хоть какая-нибудь рыба. Честно говоря, в этом я сомневался.

Мне пришло в голову, что Белфиг намеренно оставил меня на необитаемом острове — в отместку за мои вопросы, которые привели его в замешательство. Возможно, и охоту он придумал специально для этого. Тогда выходит, что отправившись вместе с гарпунщиками в логово морского оленя, я сам помог ему осуществить его дьявольскую затею.

Чтобы хоть чем-то заняться, я обошел весь остров. На это понадобилось совсем немного времени. Мои подозрения подтвердились — растительности на острове не было, питьевой воды тоже. В Ровернарке люди добывали воду, растапливая лед, но здесь, на этом обсидиановом уступе, льда не было.

Мерзкие создания все еще ползли в пещеру и там с шипением бросались друг на друга, ссорясь из-за куска мяса.

Я вернулся на свою площадку. Нужно было подождать, пока некрофаги закончат обед.

И стал думать о том, что никогда больше не увижу Эрмижад, потому что вряд ли мне суждено вернуться даже в Ровернарк. А если я умру, то, возможно, мое следущее воплощение окажется еще хуже, чем нынешнее. В нем я, может быть, даже забуду Эрмижад, как сейчас забыл, почему Черный Меч играет столь важную роль в моей судьбе.

Передо мной встало прекрасное лицо Эрмижад. Я вспомнил красоту планеты, где встретил ее.

Незаметно снова задремал, и знакомые видения и лица окружили меня. Чтобы отделаться от них, я просыпался и открывал в темноте глаза. Тогда видения перемещались в море и на облака, и со всех сторон слышал знакомые голоса.

— Оставьте меня! — шептал я.— Дайте мне умереть спокойно!

Шуршание и шипение, доносившееся из пещеры смерти, смешивались с шепотом призрачных голосов.

— Оставьте меня!

И вдруг услышал тихий смех. Я поднял глаза, и опять мне показалось, что сон превратился в реальность. Я совершенно отчетливо увидел маленькую фигуру, спускавшуюся со скалы и направлявшуюся ко мне.

Это был карлик с кривыми ногами и маленькой бородкой. У него было молодое лицо и смеющиеся глаза.

— Привет! — сказал он.

— Здравствуйте,— ответил я.— А теперь, пожалуйста, исчезните.

— И не подумаю. Я пришел, чтобы скоротать с вами время.

— Вы — порождение моего воображения.

— Вот уж нет. Неужели ваше воображение могло создать такое ничтожество, как я? Я — Кривой Джермис. Разве вы не помните?

— Как я могу вас помнить?

— Мы ведь встречались, и не раз. Как и для вас, для меня не существует времени. И однажды я вам помог.

— Замолчи, призрак!

— Сэр Победитель, я не призрак. По крайней мере, не совсем. Я, действительно, живу в теневых мирах, где не хватает материи. Боги пошутили надо мной, сделав из меня вот такого кривоногого человечка.

— Боги?

Джермис подмигнул.

— Те, кто претендует на это звание, хотя и они так же зависят от рока, как и мы. Боги — высшие силы — высшие существа —

у них много названий. А мы, как мне кажется, полубоги — орудия богов.

— У меня нет времени заниматься мистическими разговорами,— перебил я его.

— Мой дорогой Победитель, теперь у вас достаточно времени. Хватит на все. Вы голодны?

— Вы же знаете, что да.

Гном порылся в кармане своей зеленой курточки и извлек оттуда кусок хлеба. Он протянул его мне. Хлеб выглядел совсем настоящим. Я откусил кусочек. Обычный хлеб. Я съел его и почувствовал, что сыт.

— Благодарю вас. Если я схожу с ума, то вполне приятным способом.

Прислонив свое копье к скале, Джермис сел рядом и улыбнулся:

— Вы действительно меня не узнаете?

— Я никогда не видел вас раньше.

— Странно. Тогда, скорее всего, наши временные показатели находятся в разных фазах, и вы еще не видели меня, хотя я вас уже встречал.

— Вполне вероятно,— согласился я.

На поясе у Джермиса висел мех с вином. Он открыл его, сделал глоток и передал мне. Вино было превосходным. Я немного отпил и вернул мех ему.

— Я вижу, вы без меча,— заметил он.

Я испытующе посмотрел на него, но иронии на лице не заметил.

— Я потерял его.

Он от души рассмеялся.

— Потерял! Хо, хо, хо! Потерял черное лезвие! Вы шутите, Победитель!

Я нахмурился.

— Нет, не шучу. Скажите, что вы знаете о Черном Мече?

— То же, что и все. Это меч, у которого, так же, как у вас, много имен. Его, как и вас, видели в разных образах и воплощениях. Говорят, его выковали Силы Тьмы для того, кому суждено стать их победителем. Но я не знаю, правда ли это. Говорят, Черный Меч существует во многих измерениях и у него есть двойник. Когда вас звали Эрликом, меч носил имя Приносящий Бурю. А его двойник назывался Траурной Саблей. Однако некоторые считают, что двойник — это иллюзия и на свете есть лишь один Черный Меч, существовавший до богов, до сотворения мира.

— Это легенда,— сказал я.— Она не объясняет природу вещей. Мне сказали, что мое предназначение — нести меч, но я отказываюсь. У вас есть этому объяснение?

— Это значит, что вы несчастный человек. Победитель и Меч едины. Если человек предает меч или ему изменяет, он совершает преступление.

— Почему?

Джермис пожал плечами:

— Не знаю. Этого не знают даже боги. Так было всегда. Поверьте мне, сэр Победитель, это все равно что спросить, кто создал Вселенную, по которой мы с вами так свободно путешествуем.

— А можно каким-нибудь образом остаться навсегда в одном мире?

Джермис развел руками.

— Я никогда над этим не задумывался. Меня вполне устраивают такие перемещения.— Он усмехнулся.— К тому же я не герой.

— Вы что-нибудь слышали о городе Танелорне?

— А-а... Его можно назвать городом ветеранов.— Он потер свой длинный нос и подмигнул.— Говорят, им владеют Серые лорды, которые не служат ни Закону, ни Хаосу...

Я начал что-то припоминать.

— Что вы имеете в виду, когда говорите о Законе и Хаосе?

— Некоторые это называют Светом и Тьмой. Относительно их названия спорят философы. Во все времена в различных мирах верят в разные вещи. И то, во что верят, по-моему, и есть правда.

— А где находится Танелорн?

— Где? Вы задаете странный вопрос. Танелорн всегда там.

Я даже привстал от нетерпения.

— Вам тоже доставляет удовольствие мучить меня, господин Джермис? Зачем вы говорите загадками?

— Не сердитесь, сэр Победитель. Но вы задаете вопросы, на которые я не могу ответить. Возможно, кто-то, кто мудрее меня, ответит вам на них. А я не философ и не герой, я просто Кривой Джермис.

В его глазах появилась печаль.

— Простите,— вздохнул я.— Но я попал в ловушку, из которой не могу выбраться. Как вы оказались здесь?

— Прорвался сквозь ткань другого мира. Я не знаю, как это происходит, но я перехожу из одного мира в другой, это факт.

— А уйти вы можете?

— Да, когда придет время. Но я не знаю, когда это произойдет.

Я взглянул на мрачное море.

Джермис поморщился.

— Вряд ли есть более неприятные места, чем это. Я понимаю, как вам хочется уйти отсюда. Но может быть, если вы поднимете Черный Меч...

— Нет! — крикнул я.

Он был удивлен.

— Простите, я не думал, что вы так непреклонны.

Я сделал отрицательный жест рукой:

— Что-то во мне протестует против этого, несмотря ни на что.

— Тогда вы...

Джермис исчез.

Я снова был один. И опять не знал, был ли здесь гном на самом деле или это иллюзия, возникшая в безумном мозгу Джона Дакера.

Вдруг воздух вокруг меня задрожал и стал ярким. Словно открылось окно в другой мир. Я сделал шаг к этому окну, но оно осталось от меня на том же расстоянии.

В окне появилась Эрмижад. Она смотрела на меня:

— Ерекозе?

— Эрмижад! Я вернусь к тебе!

— Вернешься, если поднимешь Черный Меч.

Окно закрылось, и опять передо мной было лишь темное море. Я поднял голову и в отчаянии закричал, обращаясь к небесам:

— Кто бы вы ни были, я отмщу вам!

И, упав на колени, я зарыдал.

— Победитель!

Зазвенел колокол. Послышался голос:

— Победитель!

Я посмотрел вокруг, но никого не увидел.

— Победитель!

Раздался шепот: «Черный Меч. Черный Меч. Черный Меч!»

— Нет!

— Ты хочешь уйти от того, для чего создан. Подними вновь Черный Меч, Победитель! Подними его, и ты познаешь славу!

— Я знаю лишь страдание и вину. Я не подниму Меч.

— Поднимешь!

В голосе не было угрозы — только уверенность.

Ползучие некрофаги вернулись в море. Я спустился в пещеру и увидел там кости морского оленя и скелеты моих спутников. Громадный череп с гордыми рогами осуждающе смотрел на меня пустыми глазницами. Я торопливо собрал гарпуны, вытащил из черепа сломанную секиру и вернулся на свою площадку.

Я вспомнил о мече, которым владел Ерекозе. Его странное ядовитое острие обладало невероятной силой. И я без особых сомнений взял его в руки. Вполне возможно, что тот меч и был одним из воплощений Черного Меча, о которых говорил Джермис. При мысли об этом я содрогнулся.

Разложив вокруг себя оружие, стал дожидаться следующего видения. И, действительно, оно вскоре появилось.

Это был большой плот, напоминавший огромные сани, украшенные почти таким же орнаментом, что и морская колесница. Но впря-

жены в него были не морские чудовища, а птицы, похожие на цапель, но покрытые вместо перьев серой блестящей чешуей.

На плоту были люди, одетые в тяжелые меха и военные доспехи, с мечами и копьями в руках.

— Убирайтесь! — закричал я.— Оставьте меня в покое!

Не обращая на меня никакого внимания, они развернули свой фантастический экипаж и направились к скале.

Я схватился за сломанную рукоятку секиры. На этот раз решил сразиться со своими мучителями и готов был даже погибнуть в бою, независимо от того, галлюцинация это или нет.

Но тут меня назвал по имени голос, который показался мне знакомым. Я слышал его в своих снах.

— Граф Урлик! Граф Урлик!

Обращавшийся ко мне человек откинул меховой капюшон, и я увидел копну рыжих волос и молодое красивое лицо.

— Вон отсюда! — завопил я.— Я сыт по горло вашими загадками!

Человек озадаченно смотрел на меня. Чешуйчатые цапли развернулись в воздухе, и резные сани подкатили ближе. Я стоял на площадке, сжимая в руках оружие.

— Убирайтесь отсюда!

Но цапли были уже у меня над головой. Они уселись на вершину скалы, сложив кожаные крылья. Рыжий человек спрыгнул с экипажа, за ним последовали и его спутники. Он шел ко мне, улыбаясь и раскинув руки для объятия.

— Граф Урлик! Наконец-то мы вас нашли! Мы уже давно вас поджидаем в Алом Фьорде.

Я не опускал оружие.

— Кто вы?

— Я Бладрак — Утреннее Копье. Страж Алого Фьорда.

— Почему вы здесь?

Я уже ничему не верил.

Он уперся руками в бока и засмеялся. Меховая накидка соскользнула, обнажив мускулистые руки в грубых браслетах.

— Мы искали вас, милорд. Разве вы не слышали колокол?

— Слышал.

— Это был колокол Урлика. Королева Чаши призывает вас на войну против Серебряных Воинов. Вы должны помочь нам.

Я опустил секиру. Итак, это не галлюцинация, это дейсвительно люди из существующего мира. Но почему их боялся Белфиг? Может быть, наконец, хоть что-то смогу узнать?

— Мы возвращаемся в Алый Фьорд. Готовы ли вы ехать с нами, милорд?

Я спустился с утеса и подошел к ним поближе.

Не знаю, сколько часов или дней провел на этом острове, но вид у меня, наверное, был странный. Настороженные, сумасшедшие глаза, в руках сломанная секира.

Бладрак, похоже, был удивлен, но оставался по-прежнему дружелюбным.

— Какая удача, что мы все же нашли вас, граф Урлик из Башни Мороза. Еще немного и было бы поздно. Серебряные Воины вот-вот высадятся на Южное побережье.

— Они хотят захватить Ровернарк?

— Да, и другие поселения.

— Вы воюете с Ровернарком?

Он улыбнулся.

— Как вам сказать? Мы не союзники. Но нужно спешить. Я вам потом все расскажу. Эти воды небезопасны.

— Я это уже понял,— пробормотал я.

Несколько человек вошли в пещеру. Через некоторое время они выволокли оттуда череп убитого морского оленя.

— Смотрите, Бладрак,— он убит секирой!

Бладрак удивленно поднял брови и посмотрел на меня.

Я утвердительно кивнул.

— У меня не было другого оружия. Но на самом деле он жертва не моя, а Белфига.

Бладрак покачал головой и засмеялся.

— Друзья,— крикнул он,— это лучшее доказательство, что мы нашли своего героя!

Все еще ошеломленный, я поднялся на плот и устроился на скамейке, привинченной ко дну.

Бладрак сел рядом.

— Отплываем,— сказал он.

Закинув череп оленя на корму, мужчины вскарабкались на борт. Один из них тронул поводья, и цапли взлетели в воздух.

Плот резко подался вперед и помчался по темному морю.

Бладрак оглянулся. Череп лежал на длинной узкой коробке, может быть, единственной на плоту вещи, на которой не было никаких орнаментов и украшений.

— Осторожнее с коробкой,— сказал он.

— Это вы звонили в колокол? — спросил я.

— Да, несколько раз. Но вы не пришли. А потом Королева Чаши узнала, что вы где-то на Великом соленом море, и мы отправились вас искать.

— А когда вы впервые позвали меня?

— Дней шестьдесят назад.

— Я тогда как раз приехал в Ровернарк.

— И вас захватил Белфиг.

— Да, именно это он и сделал. Но тогда я этого не понимал. Что вам известно о Белфиге, сэр Бладрак?

— Немного. Он враг свободных моряков.

— Так это вас он называл пиратами?

— Без сомнения. Мы всегда жили набегами на корабли и города побережья. Но сейчас нам не до того. Мы воюем с Серебря-

ными Воинами. Однако разбить их мы можем только с вашей помощью. Но у нас остается мало времени.

— Не возлагайте на меня уж слишком больших надежд, Бладрак — Утреннее Копье. К сожалению, я не обладаю никакой сверхъестественной силой.

Он рассмеялся.

— Такая скромность украшает Героя. Но я знаю, что вы имеете в виду. У вас нет оружия, не так ли? Этот вопрос Королевой Чаши уже решен.

Он указал на коробку на корме.

— Взгляните, милорд, это меч, предназначенный для вас!

Глава вторая

АЛЫЙ ФЬОРД

То, что я услышал, было ужасно.

Меня обманули. Я оказался в безвыходной ситуации, и сделал это ничего не подозревающий Бладрак.

Он ошарашенно смотрел на меня, видя мое отчаяние.

— Что случилось, милорд? Мы сделали что-то не так? Вам угрожает какая-то опасность?

Я заговорил хриплым голосом, не вполне понимая сам, что говорю — ведь до сих пор я не знал, в чем заключена тайна Черного Меча.

— Опасность, скорее всего, угрожает не только мне, Бладрак, а всем нам. И чтобы выполнить то, о чем вы говорили, придется заплатить немыслимую цену.

— Цену?

Я закрыл лицо руками.

— Какую цену, граф Урлик?

Я не мог заставить себя посмотреть на него.

— Не знаю, Бладрак. Но, наверное, со временем мы это узнаем. А пока уберите-ка эту коробку подальше.

— Мы сделаем всё, что вы скажете, граф Урлик! Но ведь вы не откажетесь повести нас против Серебряных Воинов?

Я кивнул.

— Без меча?

— Без меча.

За всю дорогу мы не сказали больше друг другу ни слова. Время от времени я невольно поглядывал на черную коробку и тут же отворачивался.

Наконец вдали показались высокие утесы. Массивные, черные, они выглядели еще более неприветливо, чем обсидиановые скалы Ровернарка.

Вдруг среди них увидел розовое свечение.

— Что это? — спросил я Бладрака.

Он улыбнулся:

— Алый Фьорд. Скоро мы будем там.

Цапли летели прямо на утесы, но Бладрак и не думал менять курс. Оказалось, что между скалами есть глубокая расщелина, заполненная водой. Это и была дорога к фьорду. Один из людей Бладрака поднял огромный изогнутый рог и громко затрубил. Откуда-то сверху прозвучал ответный сигнал. Я посмотрел наверх и увидел бойницы, вырезанные в скалах по обе стороны пролива, а за бойницами — воинов.

В проходе было темно, и я был уверен, что мы неминуемо разобьемся, но цапли уверенно огибали выступы и вдруг... Я ахнул от изумления. Я увидел воду алого цвета. Скалу, красную как рубин. И алый воздух, необыкновенно теплый и ласковый.

Красный свет струился из тысяч пещер, которые, как пчелиные соты, покрывали восточную стену фьорда.

— Что это за огни? — спросил я.

Бладрак покачал головой.

— Этого никто не знает. Они были здесь всегда. Некоторые считают, что они вулканического происхождения, а другие убеждены, что это искусственный огонь, изобретенный древними учеными. Однако они не смогли найти ему применения. И поскольку им не удалось его потушить, они зарыли его в землю. Так возник Алый Фьорд.

Я не мог оторвать глаз от этих чудесных светящихся скал. Мне казалось, что я впервые по-настоящему согрелся с тех пор, как оказался на этой планете.

Бладрак показал на западную и южную стены фьорда.

— Мы живем здесь.

Я увидел длинные причалы, высеченные у основания скалы. Возле них качались на волнах лодки, похожие на наши. Вверх от причалов шли уступы и террасы. В квадратных дверных проемах, вырезанных в скале, толпились люди — мужчины, женщины и дети, одетые в простые однотонные рабочие блузы, плащи, платья.

Увидев, что мы направляемся к южному порту, они закричали, приветствуя нас, а потом запели. Запели одно-единственное слово: «Урлик! Урлик! Урлик!»

Бладрак поднял руку и, дождавшись тишины, заговорил:

— Друзья! Свободный народ Юга! Я привез графа Урлика, и он спасет нас. Смотрите!

Театральным жестом он указал сначала на череп морского оленя, потом на мою сломанную секиру.

— Одной секирой он убил Распарывателя Животов. Точно так же мы уничтожим и Серебряных Воинов, которые поработили наших северных братьев!

Приветственные крики стали еще громче, и мне было неловко. Я должен был сказать Бладраку, что не один убивал оленя.

Лодка причалила к берегу, и мы вышли на пристань. Розовоще-

кие женщины подбегали к нам, обнимали Бладрака, кланялись мне. Они резко отличались от обитателей Ровернарка с их бледной кожей и плохим аппетитом. Возможно, это объяснялось тем, что жители Ровернарка были более цивилизованы и слишком много размышляли о будущем. Обитатели же Алого Фьорда жили только настоящим, и сейчас больше всего их волновала угроза со стороны Серебряных Воинов.

Я был рад, что мне больше не придется иметь дело с епископом Белфигом, и надеялся, что Бладрак расскажет мне все, что о нем знает.

Страж Алого Фьорда провел меня в свои покои. Мебель в них была удобна, а лампы излучали спокойный розовый свет. Узоры, украшавшие стенные панно и мебель, напоминали те, которые были на колеснице и на оружии, когда я очутился посреди ледяной равнины.

Я с удовольствием опустился на удобный янтарный стул и обратил внимание, что почти вся мебель вырезана именно из янтаря. Только стол был сделан из куска твердого кварца.

И мне вспомнилась известная шутка, что если история человечества началась с каменного века, то каменным веком она и закончится.

Пища, которую подали, была простая и вкусная, и Бладрак сказал, что овощи и фрукты, так же как и в Ровернарке, они выращивают в специальных садах в самых глубоких пещерах. После еды Бладрак налил в бокалы вино, и некоторое время мы сидели молча.

Наконец, я решился заговорить.

— Бладрак, должен вам признаться, что у меня плохая память. Поэтому не удивляйтесь моим вопросам. И постарайтесь на них ответить.

— Я понимаю,— отозвался он.— Что вы хотите узнать?

— В первую очередь, как я был вызван?

— Вам известно, что вы спали в Башне Мороза на Южных Льдах?

— Мне известно, что непонятно каким образом я очутился посреди Южных Льдов в колеснице, несущейся к берегу.

— Она должна была привезти вас к Алому Фьорду. Но, двигаясь вдоль побережья, вы отклонились от курса в сторону Ровернарка.

— Тогда многое становится ясно,— сказал я.— Ведь там все утверждали, что меня никто не вызывал. А некоторые, например Белфиг, вообще с трудом меня выносили.

— Но в то же время держали вас при себе. Пока, наконец, не нашли способ расправиться. Для этого они и высадили вас на необитаемый остров. Однако у них ничего не вышло — мы вас нашли.

— Может быть, они все это и затеяли, чтобы вы меня нашли? Хотя непонятно, зачем это Белфигу было нужно.

— У людей из Ровернарка мозги набекрень,— Бладрак покрутил пальцем у виска.

— Но Белфиг, по-моему, что-то знает о колоколе. Когда колокол зазвонил во второй раз, он приказал развернуть корабль. При этом было произнесено ваше имя. Значит, они знали, что это вы зовете меня, но ничего не сказали. А почему звонил колокол? И почему в первый раз я слышал лишь голос, а не колокол?

Бладрак рассматривал на свет вино в своем бокале.

— Говорят, на других планетах колокол разговаривает человеческим голосом,— произнес он.— И только у нас это — звон.

— Но где находится этот колокол?

— Не знаю. Мы молимся, и он звонит. Так нам сказала Королева Чаши.

— Кто такая Королева Чаши? Это она появляется вместе с кричащей золотой Чашей?

— Нет,— Бладрак покосился на меня.— Это только ее имя. Она явилась к нам, когда Серебряные Воины стали уж слишком опасны, и сказала, что спасти нас может только Герой. Сказала, что это Урлик Скарсол, граф Белых Равнин, лорд Башни Морозов, принц Южного Льда, хозяин Холодного Меча...

— Холодного Меча? Не Черного?

— Холодного...

— Продолжайте.

— Королева Чаши сказала, что если мы будем настойчивы, если мы не устанем звать Героя, зазвонит колокол Урлика, и Герой придет нам на помощь. Он поднимет Холодный Меч, и кровь Серебряных Воинов наполнит Чашу и напоит Солнце.

Я вздохнул. Холодный Меч может оказаться Черным Мечом — ведь Джермис говорил, что в разных мирах меч имеет разные названия. И я не мог поднять этот меч.

— Нам придется сражаться с Серебряными Воинами без меча,— твердо сказал я.— А теперь расскажите все, что вы о них знаете.

— Они пришли неизвестно откуда около года тому назад. Считается, что они жители Луны, где наступило обледенение и жить стало невозможно. Говорят, у них жестокая королева, но ее никто не видел. Они неуязвимы для обычного оружия и поэтому непобедимы. Без труда они завоевали один за другим все города Северного побережья. Однако обитатели этих городов, так же как и жители Ровернарка, слишком заняты мелочами, чтобы осмыслить случившееся. Серебряные Воины поработили их. Одну часть населения они уничтожили, а другую превратили в безмозглые существа, не похожие на людей. Мы, свободные моряки, раньше существовали за счет слабых народов, но теперь спасаем всех, кого только можем, и привозим сюда. Но пришло и наше время. Судя по всему, Серебряные Воины собираются высадиться на Южном побережье.

Вряд ли мы сможем победить их в открытом бою, и тогда вся человеческая раса будет порабощена.

— Эти Серебряные Воины — живые существа? — спросил я.

Ведь они могли оказаться и роботами, и человекоподобными автоматами.

— Живые. Высокие, худощавые, надменные. Они мало говорят. У них серебряные руки и лица. Одеты они в серебряные доспехи.

— Вам не удавалось когда-нибудь схватить хоть одного?

— Никогда. При прикосновении их доспехи обжигают руки.

Я задумался. Потом спросил:

— Что вы хотите от меня?

— Поведите нас за собой. Будьте нашим Вождем и Героем.

— Но вы же и сами можете повести за собой своих людей?

— Могу. Только это не обычные враги, здесь что-то не так. И вряд ли тут пригодится наш обычный опыт. Вы — Герой, и вам одному дано высшее свойство — предвосхищать и предугадывать.

— Что же,— сказал я,— будем надеяться, что вы не ошибаетесь, сэр Бладрак из Алого Фьорда.

Глава третья

НАБЕГ НА НАЛАНАРК

На следующий день мы должны были выступить в поход. Бладрак сказал, что корабли давно готовы и что он ожидал только моего прибытия, чтобы высадиться на остров Наланарк, в нескольких милях от северо-западного берега. Главной целью этого похода было освобождение пленников, которых держали на острове. Бладрак не знал точно, на каких работах их используют, но предполагал, что они изготавливают оружие и строят корабли для Серебряных Воинов.

— Почему вы считаете, что Серебряные Воины готовятся на вас напасть?

— Нам рассказал об этом один из освобожденных рабов. Да и как может быть иначе? Поставьте себя на их место. Представьте, вы завоевали множество земель, а на вас постоянно с какой-то территории совершаются набеги. Что бы вы сделали?

— Уничтожил бы наглецов,— улыбнулся я.

Утром большой флотилией отправились в путь. Позади остался Алый Фьорд, женщины, которые долго махали вслед, а мы, лавируя между утесами, вышли в открытое море.

Бладрак запел песню — странную, полную символов, значения которых я не понимал. Он был явно в приподнятом настроении, хотя у него, как я выяснил, не было никакого конкретного плана предстоящей операции. Он знал только, что каким-то образом мы должны высадиться на остров и увезти рабов.

Я придумал план, который он выслушал с большим интересом.

— Отлично. Так и сделаем.

План был достаточно прост, но все же я не был уверен в успехе, поскольку не представлял себе психологии Серебряных Воинов.

Сани, слегка подпрыгивая, мчались по густой поверхности моря. Пробившись сквозь завесу тумана, мы увидели впереди огромный остров.

Бладрак объяснил наш план командирам головных кораблей. Они должны были быстро войти в порт, сделать несколько маневров и начать отступать, а потом, дождавшись, чтобы вражеские суда начали преследование, увести их за собой. Мы же, пользуясь суматохой, должны были успеть за это время перевезти рабов к себе на корабль.

Головная группа кораблей, выслушав приказ Бладрака, направилась вперед, а остальные затаились под покровом коричневых облаков.

Вскоре мы услышали вдалеке шум и крики, а потом увидели, как корабли Алого Фьорда устремляются прочь от острова. Их преследовала большая, вооруженная до зубов флотилия. Казалось, эти корабли впервые были спущены на воду — с таким трудом они перемещались, и я никак не мог разглядеть, что приводило их в движение.

Теперь была наша очередь. Мы двинулись к острову, и сквозь туман я уже мог различить строения, разбросанные по нему. Похоже, что Серебряные Воины не признавали домов из камня. Их строения были приземистые, квадратные, освещенные изнутри. Они размещались на склоне горы, а на ее вершине стояло самое большое строение. Внизу же, у подножия, я увидел отверстия, ведущие в пещеры.

— Рабы там,— сказал Бладрак,— в пещерах. Они работают, пока не умрут, и на смену им немедленно поступает новая партия рабов. Это женщины и мужчины всех возрастов. Их почти не кормят, ведь рабов сколько угодно, и беречь их не имеет смысла. Если Серебряные Воины завоюют всю планету, вряд ли кто-нибудь уцелеет.

Скорее всего, Бладрак говорил правду, но ведь то же самое говорили когда-то вызвавшие меня люди и об элдренах, которые на самом деле оказались жертвами людей. Поэтому я хотел увидеть всё собственными глазами.

Цапли вытащили сани на берег, мы выпрыгнули из них и направились к пещере. Действительно, почти все Серебряные Воины устремились в погоню за нашими кораблями, и я подумал, что использовать такой трюк дважды, пожалуй, не стоит.

Мы вбежали в пещеру, и я впервые увидел Серебряных Воинов. Они были футов семи ростом, чрезвычайно худые, с длинными руками и ногами и узкими лицами. Их белая кожа слегка отливала серебром. Тела были закрыты литыми доспехами, а головы защищены шлемами. Увидев нас, они сразу же бросились в атаку, раз-

махивая оружием, причем делали это так неуклюже, что возникла мысль, не впервые ли они держат его в руках. На Серебряных Воинах были доспехи, которые, по словам Бладрака, обжигали руки и делали их неуязвимыми для копий. Поэтому мы захватили с собой крупноячеистые сети, против которых они были бессильны. Мы дали Воинам подойти поближе, неожиданно накинули на них сети, и Воины, попав в ловушку, уже не могли нам помешать.

Ворвавшись в мастерские и увидев оборванных, изможденных людей, я пришел в ужас.

— Выводите их! Быстрее!

Один из Серебряных Воинов все-таки ускользнул из сети и кинулся на меня с алебардой. Я молниеносно сбил его с ног и, несмотря на предупреждение Бладрака, нанес удар секирой. И в то же мгновение ощутил удар, причем настолько сильный, что с трудом удержался на ногах. Однако и Серебряный Воин, к моему удивлению, вместо того, чтобы подняться, упал головой вниз.

Я был ошеломлен, но очень скоро понял, что получил мощный удар электрического тока.

В это время Бладрак вместе со своей командой выводил из пещеры теряющих сознание рабов.

Я посмотрел вокруг и вдруг в окне главного строения на вершине горы увидел серебряный блеск и знакомую фигуру, одетую в доспехи луковичной формы.

Охваченный любопытством, не думая об опасности, я стал взбираться на гору, прячась среди однообразных строений.

Человек в окне, очевидно, не подозревал, что кто-то может за ним следить. Он смотрел, как люди Бладрака помогают рабам подняться на корабли, и яростно размахивал руками.

Я услышал его голос, и мне он показался знакомым.

Желая удостовериться, что слух не обманул меня, подполз ближе и увидел, наконец, лицо этого человека.

Конечно, это был епископ Белфиг.

— Неужели вы не понимаете,— орал он,— что этот пират не только оставит вас без рабов, но и сделает из них солдат, которые будут воевать против вас!

Я не услышал, что ему сказали в ответ, но группа Серебряных Воинов немедленно двинулась с горы. Они увидели меня и бросились за мной. Что есть мочи я побежал к берегу и успел прыгнуть в лодку Бладрака в тот момент, когда она уже отчаливала.

— Куда вы запропастились, Победитель? — взволнованно спросил Бладрак.— Что вы делали?

— Подслушивал,— спокойно сказал я.

Сотни копий полетели в нашу сторону, но мы были уже далеко.

— Им понадобится слишком много времени, чтобы выкатить тяжелые орудия,— сказал Бладрак и улыбнулся.— Что ж, мы отлично поработали! Ни одного раненого и неплохой груз.— Он показал на лодки со спасенными людьми. Но вспомнив о моих словах, стал серьезным.

— Что вы узнали?

— Что правитель Ровернарка подготавливает гибель собственному городу.

— Белфиг?

— Да. Там, наверху, он разговаривал, видимо, с вождем Серебряных Воинов. Теперь я знаю, зачем он устроил эту «охоту». Он испугался, что я буду воевать на вашей стороне, и решил избавиться от меня. И в то же время он должен был предупредить Серебряных Воинов.

Бладрак покачал головой.

— Я всегда знал, что он негодяй. Они все такие там, в Ровернарке.

— Исключением, возможно, является Светский лорд — Шаносфейн,— сказал я.— Впрочем, не знаю...

— Что вы теперь собираетесь делать, граф Урлик?

— Я должен подумать, сэр Бладрак.

Он посмотрел на меня долгим тяжелым взглядом и тихо спросил:

— Вы уверены, что еще не пришло время поднять меч?

Я пожал плечами, стараясь не встречаться с ним взглядом:

— Разве я говорил, что собираюсь взять его в руки?

— Тогда я не уверен, что мы уцелеем,— ответил он.

Глава четвертая

КОРОЛЕВА ЧАШИ

Мы вернулись в Алый Фьорд. Наши лодки приставали к залитым розовым светом причалам, а освобожденные рабы с удивлением смотрели вокруг.

— Надо выставить дополнительную охрану,— сказал Бладрак одному из своих командующих.

В задумчивости он играл золотым браслетом на правой руке.

— Белфиг знает, где находится Алый Фьорд. Он попытается нанести ответный удар.

Усталые, мы вошли в покои, и молодые женщины принесли мясо и вино.

— В Алом Фьорде хватит мяса на всех. И еды тоже. Так что у людей, которых мы привезли, не будет забот,— спокойно произнес Бладрак, но тут же почему-то помрачнел.

— Вы думаете о Черном Мече? — спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет. Об этом должны думать вы. Я размышлял о том, что Белфиг, вероятно, попытается подкупить кого-нибудь из жителей Алого Фьорда. Люди разные, и всегда можно найти таких, кто предпочел бы жить в Ровернарке. Мы обычно никого не держим, они уезжают и...

— Вы считаете, что Белфиг осведомлен о ваших планах?

— Вы же сами говорили, что его привел в ужас колокол Урлика. Значит, он всё знает и о вас, и о Королеве Чаши, и обо всем остальном. Кроме того, совершенно очевидно, что он пытался сделать вас союзником. Когда же это не удалось...

— Он отвез меня на необитаемый остров. Но теперь он узнал, что я с вами...

— И непременно доложит об этом своим хозяевам. Как вы думаете, что они предпримут?

— Постараются нанести нам удар до того, как мы укрепим свои позиции.

— Несомненно. Но куда они направятся в первую очередь — к Алому Фьорду или в Ровернарк и другие прибрежные города?

— Скорее всего, сначала они постараются захватить прибрежные города,— ответил я,— а потом уже, собрав силы, ударят по Алому Фьорду.

— Я тоже так думаю.

— Но что делать нам: оставаться здесь и готовиться к осаде или идти на помощь Ровернарку и другим городам?

— Это трудный вопрос.

Бладрак встал и пригладил рукой волосы.

— Нужно поговорить с человеком, который может дать мудрый совет.

— У вас есть ученые? Или стратеги?

— У нас есть Королева Чаши.

— Она живет в Алом Фьорде?

Бладрак улыбнулся в ответ и покачал головой:

— Нет, но если нужно, она здесь появится.

— Я тоже хотел бы с ней встретиться. Похоже, моя судьба каким-то образом с ней связана.

— Тогда пойдемте со мной,— сказал Бладрак, и мы направились по длинному, резко уходящему вниз коридору.

Вскоре я почувствовал запах моря, и мы вошли в пещеру. Со свода свисали длинные сталактиты молочно-голубого, желтого и зеленого цвета. Они излучали мягкий свет. На стены пещеры падали наши гигантские тени. В центре на гладкой базальтовой площадке был установлен невысокий, в половину человеческого роста, жезл матово-черного цвета с синими вкраплениями. Больше в пещере ничего не было.

— Что это за жезл? — спросил я.

Бладрак покачал головой.

— Не знаю. Он был здесь всегда. Еще до того, как сюда пришли наши предки.

— Он имеет какое-то отношение к Королеве Чаши?

— По всей вероятности, да. Именно здесь она появляется перед нами.

Он огляделся, как мне показалось, слегка нервничая.

— Королева?

Это единственное, что он произнес. И высокий, идущий издалека, повторяющийся звук расколол воздух. Завибрировали сталактиты, грозя упасть нам на голову. Вставленный в базальт жезл изменил цвет, хотя, вероятно, это произошло из-за свечения вибрирующих сталактитов. Звук становился все громче и громче, пока не стал похожим на уже знакомый мне человеческий крик. На мгновение я зажмурился — мне показалось, что я опять вижу очертания огромной золотой чаши. Я открыл глаза и замер, пораженный.

Я увидел женщину, от которой исходило золотое сияние. Золотое платье. Золотые волосы. Золотые перчатки. Золотая вуаль, спущенная на лицо.

Бладрак опустился на колени.

— Королева, нам нужна твоя помощь.

— Моя помощь? — зазвучал прелестный голос.— Но ведь с вами теперь великий Герой Урлик?

— Я не обладаю даром провидения, моя королева,— ответил я,— но Бладрак уверяет, что этим даром обладаете вы.

— У моей силы есть предел, и я не вправе открыть вам всё, что вижу. Даже теперь. И все же, что вы хотите знать, сэр Победитель?

— Пусть говорит Бладрак.

Бладрак поднялся с колен. Он рассказал обо всем, что произошло. Потом, после паузы, спросил:

— Что мы должны делать? Идти на помощь Ровернарку? Или готовиться к осаде?

Королева Чаши задумалась.

— Чем меньше убитых, тем лучше,— наконец произнесла она.— Чем раньше кончится война, тем больше жизней будет спасено.

— Но разве Ровернарк не сам виноват? — взорвался Бладрак.— К тому же неизвестно, сколько воинов будет сражаться на стороне Белфига. Не исключено, что город сдастся без кровопролития...

— Но кровь может пролиться скорее, чем вы думаете,— возразила Королева Чаши.— Белфиг уничтожит всех, кому не доверяет.

— Боюсь, что так... — Бладрак задумался. Потом взглянул на меня.

— Существует ли оружие против Серебряных Воинов? — спросил я у этой таинственной женщины.

— Их убить невозможно,— ответила она,— во всяком случае тем оружием, которое у вас есть.

Бладрак помрачнел.

— В таком случае мне придется рисковать людьми ради ничтожеств, живущих в Ровернарке. Не такая уж заманчивая цель, чтобы умереть ради нее.

— Ну, не все они таковы,— возразила Королева Чаши.—

Например, лорд Шаносфейн. Ему будет угрожать серьезная опасность, если Белфиг захватит власть.

Я кивнул. И тут она задала мне странный вопрос:

— Считаете ли вы лорда Шаносфейна достойным человеком?

— Да, в высшей степени.

— В таком случае, думаю, очень скоро он вам пригодится.

— Может быть, имеет смысл поторопиться, чтобы попасть в Ровернарк раньше, чем туда вернется Белфиг? — спросил я.— Мы бы успели эвакуировать оттуда население, прежде чем Серебряные Воины нападут на город.

— Белфиг уже заключил в Наланарке союз с Серебряными Воинами и теперь тоже будет спешить,— возразить Бладрак.

— Белфига может сразить только Черный Меч,— проговорила женщина, глядя на меня,— и у вас он есть.

— Я не возьму его в руки!

— Возьмете,— спокойно сказала она.

Воздух задрожал. Королева Чаши исчезла.

Уверенность, которая звучала в ее тоне, была мне знакома. То же самое я слышал и раньше, на необитаемом острове.

— Предпочитаю решать свою судьбу сам,— с досадой сказал я.

Бладрак двинулся к выходу, и я последовал за ним.

Все как будто сговорились и пытались заставить меня делать то, чего не желал.

Мы вернулись в покои Бладрака, где нас поджидал гонец.

— Милорды, флот Серебряных Воинов покинул бухту и плывет прямо на юг.

— Направляясь?..

— Думаю, в Ровернарк.

Бладрак нахмурился.

— Мы упустили время. Теперь они будут в Ровернарке раньше нас. Но может быть, это просто уловка, чтобы отвлечь нас? Возможно, они хотят оттянуть наши силы, а затем атаковать Алый Фьорд? Что мы будем делать, граф Урлик?

— По-моему, Королева Чаши сказала, что нам может помочь Шаносфейн. Мы должны постараться спасти его.

— Рисковать флотом ради одного человека в Ровернарке? — Бладрак рассмеялся.— Никогда, сэр Победитель!

— Тогда я поеду один.

— Вы ничего не добьетесь, а мы потеряем Героя.

— Этот Герой, сэр Бладрак, пока слишком мало сделал для вас.

— Скоро все прояснится.

— Мне и сейчас все ясно. Я искренне расположен к лорду Шаносфейну и не могу допустить, чтобы Белфиг убил его.

— Я понимаю, но вы не имеете права так рисковать, граф Урлик.

— Риск был бы меньше, если бы у меня был помощник.

— Помощник? Я не могу оставить людей...

— Я говорю не о вас, Бладрак. Вы должны быть здесь. Я имел в виду другое. Не человека.

— Он изумленно посмотрел на меня.

— Что же тогда?

Я испытал одновременно печаль и облегчение. Передо мной был только один путь. И я должен был пойти по нему. Я понял, что сдаюсь.

— Черный Меч,— ответил я.

На лице Бладрака тоже выразилось облегчение. И радость. Он улыбнулся и положил руку мне на плечо.

— Да. Было бы стыдно не пустить его в ход.

— Принесите Меч!

Глава пятая

ПРОБУЖДЕНИЕ МЕЧА

В покои внесли эбонитовый ящик и поставили на стол. Противоположные чувства боролись во мне, кружилась голова, я с трудом различал предметы.

Прикоснувшись руками к ящику, почувствовал тепло. Казалось, внутри него что-то бьется, подобно тому как бьется сердце.

Я поднял глаза на Бладрака — он исподлобья следил за моими движениями. Я попытался открыть ящик, но он не поддавался.

— Не открывается! — Я был почти рад этому.— Я не могу справиться с замком.

Вдруг у меня в голове вновь зазвучала песня.

Та же самая песня.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ — МЕЧ ПОБЕДИТЕЛЯ.
СЛОВО МЕЧА — ЗАКОН ПОБЕДИТЕЛЯ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
НА ОСТРИЕ МЕЧА — КРОВЬ СОЛНЦА.
РУКОЯТКА СЛИЛАСЬ С РУКОЮ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
РУНЫ НА МЕЧЕ — КЛАДЕЗЬ МУДРОСТИ.
ИМЯ ЕМУ — КОСА.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
СМЕРТЬ МЕЧА — КОНЕЦ ВСЕЙ ЖИЗНИ.

РАЗБУДИ МЕЧ — И ОН ПОЖНЕТ СВОЮ ЧЕРНУЮ ЖАТВУ.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.

Когда прозвучала последняя фраза, я принял решение. Предчувствие сдавило сердце. Я отшатнулся. Руки дрожали.

Бладрак подбежал ко мне, но я оттолкнул его.

— Вы должны уйти отсюда, Бладрак!

Я задыхался.

— Но почему, лорд Урлик? Я хочу помочь вам!

— Вы погибнете, если останетесь!

— Откуда вы знаете?

— Мне трудно ответить, но я уверен. Говорю правду, Бладрак. Ради Бога, уходите!

С минуту Бладрак колебался, а потом выбежал из комнаты. Я остался наедине с ящиком, в котором лежал Черный Меч. В мозгу у меня снова зазвучала песня.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.

ПОДНИМИ ЧЕРНЫЙ МЕЧ — И ДЕЛО БУДЕТ НАЧАТО.

ПОДВИГ СОВЕРШЕН — ЦЕНА ЗАПЛАЧЕНА.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.

— Согласен! — крикнул я.— Поднимаю вновь Черный Меч!

Пение прекратилось.

В комнате воцарилась страшная тишина.

Я слышил собственное дыхание. Я смотрел на ящик, не в силах отвести взгляд.

Наконец, тихо произнес:

— Иди ко мне, Черный Меч. Мы вновь будем единым целым.

Крышка ящика откинулась. Комната наполнилась диким, торжествующим воем, и тысяча воспоминаний проснулась в моей душе.

Я был Элриком Мелнибоне, и у меня был меч с вырезанными на рукояти стихами, носивший имя Приносящий Бурю. С этим мечом в руках я бросил вызов лордам Хаоса...

Я был Дорианом Хокмуном и воевал против первых лордов Темной Империи, а меч мой назывался Мечом Рассвета...

Я был Роландом с волшебным Мечом Дурандана, умирающим в Ронсевалле, уничтожившим половину Сарасенов...

Я был Феремией Корнелиусом, и тогда у меня был не меч, а ружье, стрелявшее лезвиями, и за мной через весь город гналась обезумевшая толпа...

Я был принцем Корумом в Алом плаще, требующим в Суде Богов возмездия...

Я был Артосом-Кельтом с Горящим Мечом, защищавшим свое королевство от врагов...

Я был всеми ими... И не только ими. В одном случае моим оружием был меч, в другом копье, в третьем — ружье... Но всегда я носил оружие, которое было Черным Мечом или его частью.

Всегда оружие — всегда воин.

Я был Вечным Победителем. В этом была слава и моя судьба...

Удивительное спокойствие пришло ко мне, и я почувствовал гордость за свое предназначение.

Но почему же все-таки я от него отказывался?

Я вспомнил плывущее над землей облако. Вспомнил свою печаль. Вспомнил, как положил меч в ящик и поклялся никогда больше не брать его в руки. Вспомнил голос и пророчество...

— Отказываясь от одной судьбы, ты обретаешь другую — еще прекраснее...

— Нет лучшей судьбы! — закричал я.

Потом я был Джоном Дакером, несчастным, с несбывшимися надеждами, пока голос Вечности не призвал меня — и я стал Ерекозе.

Мое преступление заключалось в том, что отказался от Черного Меча...

Но почему я отказался от него? Почему хотел от него избавиться?

Мне казалось, я не впервые пытался отделить свою судьбу от Черного Меча...

— Почему? — бормотал я.— Почему?

Почему?

Ящик озарился странным черным светом. Я не мог оторвать от него глаз, пока не увидел знакомые очертания. Это был черный тяжелый палаш. Лезвие и рукоять его украшали стихи, прочесть которые не мог. Головка эфеса представляла собой шар из блестящего черного металла. Лезвие было не менее пяти футов длиной, а рукоять выглядела, пожалуй, слишком массивной.

Я неохотно потянулся к нему. Дотронулся до рукояти. И меч, показалось, сам удобно устроился у меня в ладони, мурлыкая, как кот.

Я ужаснулся. И в то же время почувствовал радость. Только теперь понял смысл выражения «дьявольская радость».

Держа в руках этот меч, я перестал быть человеком. Я превратился в демона.

Мой смех потряс стены комнаты. Я размахивал мечом, и он пронзительно пел свою дикую песню. С размаху опустил его на кварцевый стол.

Стол раскололся на две половинки. Куски кварца полетели в разные стороны.

— Мой родной Меч! — кричал я в упоении.— Холодный Меч! Черный Меч! Скоро настанет твой час!

Непонятным образом сознавал, что никогда не держал в руках обычного меча. Любое мое оружие получало силу от Черного Меча и было лишь его проявлением.

Я бросил вызов Судьбе, и Судьба немедленно мне отомстила. То, что произошло через мгновение, было ужасно, и я понял, какой силой обладает Черный Меч.

В комнату вошла одна из служанок Бладрака. Она взглянула на меня, и вдруг лицо ее перекосилось от ужаса.

— Господин прислал меня спросить... — успела сказать она и закричала.

Черный Меч повернулся у меня в руке и стремительно бросился на нее, увлекая меня за собой. Он насквозь пронзил тело девушки. Она сделала несколько шагов, пытаясь вытащить лезвие.

— Холодный... Ах, какой он холодный!..— выдохнула она.

И умерла.

Меч выскочил из тела. От крови его зловещее свечение стало ярче. Вновь раздалось завывание.

— Нет! — закричал я.— Это невозможно! Убивают только врагов!

Мне показалось, что меч рассмеялся.

В комнату вбежал Бладрак. Он взглянул на меня, на меч, на мертвую женщину и завопил от ужаса. Метнувшись к ящику, он выхватил ножны и швырнул их мне.

— В ножны его! В ножны! Скорее!

Я схватил ножны, и меч сам, без моей помощи, скользнул в них.

Бладрак смотрел на несчастную мертвую женщину, на разбитый стол. Боль исказила его черты.

— Теперь я понимаю, почему вы не хотели брать меч,— тихо сказал он.

Я повесил ножны с мечом на пояс.

— Вы заставили меня поднять меч. Теперь мы расплачиваемся за это. Черный Меч должен получать пищу. Он будет пожирать друзей, если не встретит врагов...

Бладрак отвел глаза.

— Лодка готова?

Он утвердительно кивнул.

Я вышел из этой комнаты смерти.

Глава шестая

МОГУЩЕСТВО ЧЕРНОГО МЕЧА

Мне дали лодку с рулевым.

Небольшое судно с высокими бортами было украшено золотом и бронзой. Рулевой привычно управлял низко летевшими в сумеречном воздухе цаплями.

Вскоре Алый Фьорд превратился в мерцающий над скалами огонек, а затем и вовсе исчез из виду.

Бесконечно долго мы мчались по мрачному морю, пока, наконец, в поле нашего зрения не появились зубчатые обсидиановые скалы. Показался знакомый залив — морская граница Ровернарка. Мы увидели корабли Серебряных Воинов, очевидно, уже начавших осаду города.

Белфиг не терял времени. Я прибыл слишком поздно.

Корабли Серебряных Воинов напоминали морскую колесницу Белфига, но, похоже, передвигались каким-то иным способом. Нас никто не заметил, и мы пристали к кристаллическому берегу рядом с местом, где меня когда-то встретили люди Белфига.

Я приказал рулевому ждать меня здесь, а сам начал осторожно пробираться вдоль берега к обсидиановому городу.

Прячась среди камней, я вышел к заливу. Судя по всему, Ровернарк сдался без боя. Пленники толпами шли к кораблям. На всех дорогах стояли Серебряные Воины, неуклюже державшие алебарды.

Самого Белфига нигде не было, но зато я увидел свою колесницу, запряженную медведями. Ее везли к берегу, и несомненно, она была одним из трофеев завоевателей.

Шанософейна среди пленных не было. Если он еще жив, то, скорее всего, Белфиг запер его в Дхетгарде.

Но как мне туда попасть, если повсюду Серебряные Воины?

Даже если я обнажу Черный Меч — солдат слишком много, мне с ними не справиться. И как я потом буду возвращаться?

И тут меня осенила идея. Увидев собственную колесницу, которую вместе с медведями солдаты тащили к морю, я понял, что должен делать.

Выхватив меч, выскочил на дорогу и побежал за колесницей.

Я был уже рядом с ней, когда меня заметили. Серебряный Воин громко закричал и метнул в меня алебарду. Я отбил ее мечом, держать который, несмотря на его вес, стало удивительно легко. Прыгнул в колесницу и, схватив поводья, повернул ее обратно — в обсидиановый город.

— Но, Рендер! Но, Гроулер!

Медведи узнали меня и оживились. Бешено закрутились колеса.

— Вперед, Лонгклоу! Быстрее, Снарлер!

Кристаллы захрустели под колесами, мы неслись по дороге, ведущей наверх.

Я пригнулся, и несколько алебард пролетели над моей головой. Они вообще не годились для метания, а уж тем более в руках неповоротливых Серебряных Воинов. Рабы и солдаты разбежались, и в считанные минуты я оказался на первом уровне города.

Черный Меч начал потихоньку мурлыкать свою опасную насмешливую песню.

Несколько воинов бросились мне наперерез и занесли надо мной алебарды. Тогда я ударил несколько раз по их доспехам. Раздались вопли ужаса.

Я поднимался все выше и выше и чувствовал, как ко мне возвращается старое, знакомое ощущение радости боя. Черный Меч рубил направо и налево, и по его острию текла алая кровь, оставляя пятна на бортах колесницы и шкурах белых медведей.

— Вперед, Рендер! Вперед, Лонгклоу!

Мы были уже недалеко от Дхетгарда. Люди с криками разбегались в разные стороны.

— Эге-гей, Снарлер! Но, Гроулер!

Мои могучие медведи помчались еще быстрей, и, наконец, мы оказались перед воротами Дхетгарда. Их сразу отворили, и я подумал, что какому-то негодяю, одному из подданых Шаносфейна, видимо, неплохо заплатили. Но сейчас мне это было на руку. Колесница без всяких затруднений въехала в город и теперь с головокружительной скоростью катила по его переходам.

Вот и покои Шаносфейна, где когда-то встретился с ним впервые. Я откинул полог и увидел его.

Он слегка похудел, в глазах затаилась тоска. Но когда он посмотрел на меня, оторвавшись от рукописи, выражение лица у него было такое, словно вокруг не было никаких Серебряных Воинов, а просто кто-то вошел к нему в комнату и побеспокоил его по какому-то пустяку.

— Милорд Урлик?

— Я пришел спасти вас, лорд Шаносфейн.

На лице его выразилось удивление.

— Белфиг убьет вас,— сказал я.

— Зачем ему убивать меня?

— Вы мешаете ему, его безграничной власти.

— Мешаю?

— Лорд Шаносфейн, если вы останетесь здесь, вам конец. И вам, и вашим научным занятиям.

— Это не имеет значения. Я просто таким образом провожу время.

— Вы не боитесь смерти?

— Нет.

— Что ж...— У меня не оставалось другого выхода. Я вложил меч в ножны и плашмя ударил его по голове. Он упал на стол.

Перекинув его через плечо, я побежал к выходу. Мои медведи глухо рычали: Серебряные Воины приближались к колеснице. Я осторожно уложил Шаносфейна в колесницу и, обнажив меч, выскочил навстречу солдатам.

Солдаты смело шли прямо на меня. Они были уверены, что неуязвимы. Но Черный Меч с воем и свистом обрушился на них. Он разрубал фантастические доспехи, без которых они оказывались обычными людьми. Кровь их была такая же красная, и раны доставляли им такие же невыносимые страдания.

Прыгнув в колесницу, я с силой дернул поводья и, свернув в галерею, помчался к главному выходу. И тут я увидел Белфига. Заметив летящую колесницу, он взвизгнул и вжался в стену. Я попытался достать его мечом, но он был слишком далеко.

Колесница вырвалась на основную дорогу. Спускаться вниз было легче и быстрее, чем подниматься.

Теперь уже Серебряные Воины не пытались преградить мне дорогу, они научились осторожности. Но издалека они по-прежнему метали алебарды в пролетающую колесницу, и две из них ранили меня в левую руку и щеку.

Я погонял медведей, высоко подняв громадный меч, и он пел страшную песню смерти.

Со всех сторон до меня долетали приветственные крики — это пленники увидели меня. Я закричал:

— Восстаньте, люди Ровернарка! Сражайтесь! Уничтожайте Серебряных Воинов!

Колесница с грохотом катила вниз.

— Убейте их или умрите сами!

Многие пленники стали хватать алебарды, валяющиеся повсюду, и метать их в сторону солдат. Серебряные Воины настолько не ожидали ничего подобного, что не знали, как себя вести.

— Бегите! — кричал я.— Бегите в горы! Вас ждут в Алом Фьорде. Там ваше спасение. Черный Меч защитит вас!

Я почти не соображал, что кричу, но эффект был поразительный. Пока Серебряные Воины пребывали в растерянности, пленники бросились в разные стороны.

— Шаносфейн спасен!— кричал я всем, кто мог меня слышать.— Он здесь, в колеснице! Он без сознания, но жив!

Белфиг с кучкой Серебряных Воинов пытались догнать меня, но тщетно. И тут я увидел Моржега на тюленях. Вместе со своими людьми он представлял для меня гораздо большую опасность, чем неуклюжие Серебряные Воины. Град копий полетел в колесницу, и одно из них ранило медведя. Даже эти сильные животные устали — я гнал их слишком быстро.

И вдруг колесница на полном ходу зацепилась за выступ скалы, и нас с Шаносфейном выбросило на землю. Медведи же продолжали мчаться вперед, и вскоре вместе с колесницей скрылись во мраке.

Я снова взгромоздил Шаносфейна на плечи и побежал к берегу, но тяжелые удары тюленьих плавников раздавались уже совсем близко. Впереди виднелась моя лодка. Я обернулся и понял, что Моржег догоняет меня.

Шаносфейн очнулся и застонал. Я снял его с плеч.

— Лорд Шаносфейн, вон лодка. Она отвезет вас в безопасное место. Торопитесь!

Шаносфейн, пошатываясь, направился к лодке, а я обеими руками взялся за меч.

Я приготовился защищаться.

Моржег с пятью всадниками, подняв секиры, бросились на меня. Я раскрутил Черный Меч, и он нанес сразу двум тюленям страшные раны. Они завыли и, сделав несколько шагов, рухнули на землю, выбросив наездников из седел. Одного из них я убил на месте: Черный Меч, распоров доспехи, вонзился ему прямо в сердце. Снова взмахнув мечом, я поразил всадника, сидевшего в седле. Он покачнулся и упал на землю. Еще один солдат, раскручивая секиру, подкрадывался ко мне, и я ударил мечом по ее рукоятке. Секира, вылетев у него из рук, ударила наездника, оказавшегося рядом, и выбила его из седла. И тут же я вонзил меч в латный воротник обезоруженного воина.

Моржег тщетно пытался справиться со своим словно взбесившимся тюленем. Он с ненавистью посмотрел на меня.

— Похоже, что вы сделаны из железа, граф Урлик,— сказал он.

— Возможно,— ответил я и сделал первый выпад.

Рядом с Моржегом оставался всего лишь один всадник, и, опустив меч, я сказал ему:

— Я убью Моржега. А вы можете убираться. Или вы предпочитаете быть убитым вместе с ним?

Всадник дернулся, и челюсть у него отвисла. Он попытался что-то сказать, но не смог и молча повернул своего зверя обратно — к Ровернарку.

Моржег тихо произнес:

— Я тоже предпочел бы вернуться.

— Вы — нет,— ответил я.— Вы должны заплатить за то, что выбросили меня на необитаемый остров.

— Я думал, вы погибли.

— Вы должны были поверить.

— Мы были уверены, что вас убил морской олень.

— Я сам убил его.

Он облизал губы.

— Тем более я хотел бы вернуться в Ровернарк.

Я опустил Черный Меч.

— Хорошо, я отпущу вас, если ответите на мой вопрос. Кто вас возглавляет?

— Как кто? Конечно, Белфиг!

— Нет, я спрашиваю о предводителе Серебряных Воинов.

Моржег сделал отвлекающее движение рукой и внезапно, взмахнув секирой, бросился на меня.

Я отбил удар мечом. Он повернулся у меня в руке, и секира Моржега упала на землю. Остановить меч уже было невозможно. Он нацелился Моржегу в пах, и конец острия глубоко вошел в тело.

— Холодно...— пробормотал Моржег.— Как холодно...

И рухнул на землю. Тюлень зарычал и побежал к заливу.

И снова я увидел Белфига с группой Серебряных Воинов. Их было так много, что я засомневался, смогу ли справиться с ними даже с помощью Черного Меча.

В это время я услышал плеск крыльев над головой и крик со стороны моря:

— Лорд Урлик! Сюда!

Кричал рулевой. Шаносфейн был уже на борту лодки, и теперь рулевой плыл вдоль берега, разыскивая меня.

Я вложил Черный Меч в ножны и вошел в воду. Меч бил меня по ногам и мешал идти. Белфиг и его люди почти наступали на пятки.

Ухватившись за борт лодки, почти задыхаясь, влез в нее. Рулевой мгновенно развернул птиц, и мы устремились в открытое море. Белфиг и Серебряные Воины остались на берегу и вскоре растворились в тумане.

Мы спешили в Алый Фьорд.

Бладрак — Утреннее Копье сидел в янтарном кресле и мрачно смотрел на меня и Шаносфейна.

Я снял ножны с Черным Мечом и прислонил их к стене.

— Итак,— произнес Бладрак,— похоже, Черный Меч получил запрошенную цену. Наверняка на поле битвы полегло немало Серебряных Воинов и солдат Белфига. Не так ли?

Я кивнул.

— А вы, лорд Шаносфейн, благодаря ему избежали смерти.

Шаносфейн поднял на Бладрака отсутствующий взгляд.

— Я не уверен, существует ли разница между жизнью и смертью.

Бладрак встал и нервно прошелся по комнате.

— Вам известно, кто правит Серебряными Воинами? — обратился он к Шаносфейну.

Тот посмотрел на него с удивлением.

— Ну конечно, Белфиг.

— Вы не так его поняли,— вмешался я.— Кому подчиняется сам Белфиг? Кто верховный правитель Серебряных Воинов?

— Я же ответил. Белфиг. Епископ Белфиг. Он и есть верховный правитель Серебряных Воинов.

— Как это может быть? — вскричал я.— Он же другой расы!

— Он забрал в плен их королеву.

Взгляд Шаносфейна задержался на Черном Мече.

— На самом деле они не воины, эти люди. Они никогда не знали войны. Но Белфиг пригрозил, что убьет их любимую королеву — и они повинуются.

Я был поражен. И Бладрак не меньше.

— Так вот почему они не умеют толком обращаться с алебардами,— догадался я.

— Они умеют многое другое,— сказал Шаносфейн.— Делают корабельные двигатели, хорошо разбираются в механике. Мне рассказывал об этом Белфиг.

— Но зачем он берет в плен наших людей? — с гневом спросил Бладрак.— Какой в этом смысл?

Шаносфейн бесстрастно посмотрел на Бладрака:

— Не знаю. Какой смысл вообще что-то делать? Возможно, план Белфига не хуже любого другого.

— А какова все-таки его конечная цель? — не унимался я.

— Я уже говорил вам. Никакой. Хотя, может быть, это и не так. Я не интересовался.

— Людей убивают, превращают в рабов, а вас это не волнует!— закричал Бладрак.— Ничто не трогает вашу окаменевшую душу!

— Они и были рабами,— резонно ответил Шаносфейн.— И умирали.

Бладрак отвернулся от Светского лорда.

— Лорд Урлик, вы потратили время впустую,— объявил он.

— Если у лорда Шаносфейна другой образ мыслей, это еще не значит, что его не стоило спасать,— возразил я.

— Спасать меня не стоило.— В глазах Шаносфейна появилось странное выражение.— К тому же я не считаю, что меня спасли. И кто, кстати, вам посоветовал это сделать?

— Мы сами решили,— ответил я, но, подумав, сказал:

— Впрочем, нет. Нам посоветовала Королева Чаши.

Шаносфейн снова взглянул на Черный Меч.

— Я бы хотел остаться один,— сказал он.— Мне нужно многое обдумать.

Мы с Бладраком вышли в коридор.

— Возможно, вы правильно сделали, что спасли его,— неохотно согласился он.— Мы получили от него бесценные сведения. Но лично мне он несимпатичен, и я не разделяю ваше восхищение. Он всего лишь...

Бладрак не договорил. Раздался душераздирающий вопль. Мы переглянулись, подумав об одном и том же, и бросились в комнату, где остался Шаносфейн.

Но было поздно. Черный Меч уже сделал свое дело. Шаносфейн лежал распростертый на полу, а из груди у него торчало раскачивающееся лезвие. Меч ли напал на него, или он сам убил себя — этого мы не узнаем никогда.

Губы Шаносфейна шевелились. Наклонившись к нему, я с трудом разобрал его шепот:

— Я не знал, что это будет так... так холодно.

Глаза его закрылись, и он умолк.

Я вытащил Черный Меч из его тела и спрятал в ножны.

Бладрак стоял бледный.

— Для этого Королева Чаша и заставила вас привезти его сюда? — спросил он.

Я не сразу его понял.

— Что вы имеете в виду?

— Может быть, это и есть та цена, которую назначил нам Черный Меч за помощь,— жизнь хорошего человека? Ценой Черного Меча будет душа Черного Короля?

Я вспомнил песню:

«Разбуди Черный Меч — и он пожнет свою черную жатву».

Сжав кулаки, я смотрел на распростертое тело.

— О, Бладрак,— сказал я.— Что ждет нас?

И леденящий холод наполнил комнату.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

КРОВЬ СОЛНЦА

Мир освободят навек
Чаша, кровь и человек.

Хроника Черного Меча.

Глава первая

ОСАДА АЛОГО ФЬОРДА

Мы находились в подавленном состоянии, и даже огни Алого Фьорда, казалось, стали тусклыми.

Тень Черного Меча легла на нашу жизнь, и теперь я понимал, почему мне так хотелось избавиться от него.

Справиться с Черным Мечом было невозможно. Он жаждал жизней, как алчный Молох — свирепый древний бог варваров. И страшнее всего было то, что нередко он выбирал себе жертвы среди друзей своего хозяина.

Ревнивый меч.

Я знал, что Бладрак не винит меня в случившемся. Напротив, он считал, что вина лежит на нем и на Королеве Чаши, ибо именно они заставили меня, вопреки моей воле, разбудить Черный Меч.

— Он уже помог нам,— утверждал я.— Без него я бы погиб в Ровернарке и мы не узнали бы от Шаносфейна, кто такой Белфиг и в чем заключена тайна его власти над Серебряными Воинами.

— Он дорого взял за свою работу...— пробормотал Бладрак.

— Если бы меч знал, где Белфиг прячет пленную королеву,— вслух размышлял я,— мы бы освободили ее. Ведь тогда Серебряные Воины взбунтуются против Белфига, и он станет неопасен.

— Но мы не знаем, где она!

— Если спросить Королеву Чаши...— начал я, но Бладрак перебил меня:

— Я не уверен, что Королева действует лишь в наших интересах. Подозреваю, что у нее есть какие-то собственные планы и она нас просто использует.

— Боюсь, что вы правы,— вздохнул я.

Мы шли вдоль причалов, смотрели на алую воду, а вокруг уже вовсю шла подготовка к войне против Серебряных Воинов. Узнав,

что эти худощавые, неуклюжие чужеземцы воюют с нами лишь по принуждению, мы смягчились. Теперь трудно было их ненавидеть и еще труднее обдумывать способы их уничтожения. Но у нас не было выхода — на карту поставлено существование всего человечества.

Я смотрел на залив, на излучавшую алый свет скалу, похожую на пчелиные соты. Что за энергия спрятана в ней, спрашивал я себя и не находил ответа. Что-то созданное тысячелетия назад продолжало согревать этот кусочек земли, в то время как остальная часть мира поглощалась льдами. Когда-то, думал я, в Алом Фьорде жили вовсе не пираты, сбежавшие из гибнущих городов, а ученые и философы, и может быть, Королева Чаши была теперь единственной наследницей тех благородных людей. Об этом, возможно, мог рассказать нам Шаносфейн. И чтобы мы ничего не узнали, его и убил Черный Меч...

Вдруг Бладрак положил мне руку на плечо и замер. Я тоже прислушался и услышал звук горна.

— Стража,— сказал Бладрак.— Пойдемте, лорд Урлик, надо узнать, по какому поводу тревога.

Он прыгнул в лодку, запряженную парой цапель. Они спали на насесте, построенном у причала. Я прыгнул следом, и Бладрак тронул поводья. Разбуженные птицы с пронзительным криком поднялись в воздух и направились к расщелине.

Лавируя между скалами, мы добрались до моря и поняли причину тревоги. В нашу сторону направлялся флот Белфига.

Гул моторов тысячи кораблей, не менее, наполнял воздух. Огромные волны раскачивали нашу лодку.

— Белфиг бросил против нас все силы! — отрывисто сказал Бладрак.— Нам не справиться с такими громадными кораблями. Никакой надежды...

— Но зато такие громадины могут войти в наш залив только по очереди. И мы сможем уничтожать их в расщелине по одному.

Бладрак посветлел.

— А что... Это может получиться. Возвращаемся!

Когда первое из огромных судов появилось в узком проходе между скалами, мы уже его поджидали. Наверху, на нависающем уступе, лежали на досках гигантские валуны.

Корабль плыл прямо под нами, и, вынув из ножен Черный Меч, я крикнул:

— Давай!

Рычаги пришли в движение, и валуны с грохотом обрушились на палубы. В корабле появилось несколько сквозных пробоин, палубы вместе с солдатами были сметены.

Ликующие крики разнеслись над Алым Фьордом. Корабль перевернулся, и солдаты в серебряных доспехах оказались выброшенными в сумрачный, засасывающий океан.

Они кричали, били руками по воде, и, глядя на них, я подумал, что они такие же жертвы Белфига, как и мы. И у них, и у нас не было другого выхода: они боролись за жизнь своей королевы, мы сражались за свободу. А вот что было нужно Белфигу, мне предстояло выяснить.

Еще один корабль попытался зайти в пролив, но на него тоже обрушилась лавина камней. Корабль раскололся пополам, и оба его конца стали подниматься из воды, подобно медленно закрывающейся пасти морского чудовища, пожирающего всех, кто остался в живых. Через некоторое время в центре корабля раздался взрыв, нам в лица ударили струи пара. Я понял, что мы попали в двигатель. Не исключено, что мы нашли ахиллесову пяту Серебряных Воинов.

После еще двух неудачных попыток корабли окружили вход в пролив несколькими рядами.

Началась осада Алого Фьорда.

Мы с Бладраком опять совещались в его покоях. Первые победы воодушевили его, но теперь он снова помрачнел.

— Вы опасаетесь, что долгой осады нам не выдержать? — спросил я.

Он утвердительно кивнул.

— Мы не сможем прокормить всех наших жителей тем, что растет в садах. Ведь за счет спасенных рабов население Алого Фьорда утроилось. Мы бы могли что-то раздобыть и набегами, но теперь это невозможно — корабли блокируют залив.

— Как долго, по-вашему, мы сможем продержаться?

Он пожал плечами.

— Дней двадцать. Запасов у нас нет. Они ушли на то, чтобы накормить новеньких. Конечно, в садах всё продолжает расти, но не настолько быстро. И Белфиг, вероятно, на это и рассчитывает.

— Конечно, на это он и делает ставку.

— Что же делать, лорд Урлик? Сражаться и умереть?

— Это в самом крайнем случае. Скажите, нет ли еще какого-нибудь выхода из фьорда?

— Есть, но не по морю. Это горная тропа, но она ведет в ледяные пустыни. Там мы погибнем еще быстрее, чем здесь.

— За какое время можно дойти до льдов?

— Пешком? Думаю, дней за пять. Я никогда не ходил.

— Значит, если отправить туда экспедицию за продовольствием, мы ее не дождемся?

— Нет.

Я задумался и решился.

— У нас есть только один выход.

— Какой?

— Мы должны посоветоваться с Королевой Чаши. Каковы бы ни были ее планы, Белфиг, судя по всему, и ее враг. И она поможет нам, если, конечно, это в ее силах.

— Хорошо,— ответил Бладрак,— пойдемте в пещеру с черным жезлом.

— Королева?

Бладрак ждал. Лицо его было слегка освещено мягким таинственным светом сталактитов.

В воздухе пахло морской солью. Я подошел к жезлу и из любопытства дотронулся до него. И тут же отдернул руку. Я обжегся — причем не жаром, а леденящим холодом.

— Королева?

Послышалось негромкое завывание, постепенно переходящее в громкий вой, потом в пронзительный крик, сотрясающий воздух. Перед моими глазами мелькнул силуэт огромной чаши и тут же растаял — вместе с умолкшим криком. И перед нами предстала вся в золотых лучах Королева Чаши с вуалью на лице.

— Белфиг почти победил,— недовольно сказала она.— Надо было раньше вынуть Черный Меч.

— Чтобы убить еще больше друзей? — спросил я.

— Для Вечного Победителя вы чересчур сентиментальны,— возразила она.— Вы сражаетесь ради великих целей!

— Я устал от великих целей, мадам.

— Тогда для чего же Бладрак вызвал меня?

— Нам ничего другого не оставалось. Мы окружены, нас ждет гибель. Единственный выход, по моему мнению,— спасти королеву Серебряных Воинов. Если мы освободим ее, Белфиг потеряет бóльшую часть войска.

— Это верно.

— Но мы не знаем, где искать королеву,— сказал Бладрак.

— Спрашивайте прямо! — приказала Королева Чаши.

— Где королева Серебряных Воинов? — спросил я.— Вы знаете?

— Знаю... Она на Луне. Чтобы добраться до нее, надо пройти тысячу миль по льду. Ее охраняют, к сожалению, не только люди Белфига, но и его заклятие. Войти к ней не может никто, кроме самого Белфига.

— Значит, спасти ее невозможно?

— Ее может спасти лишь один человек. Это вы, Урлик, с помощью Черного Меча.

Я неприязненно взглянул на нее.

— Так вот почему вы помогли Бладраку вызвать меня? Вот почему вынудили меня поднять Черный Меч? Вы сами жаждете освобождения Серебряной Королевы!

— Вы рассуждаете слишком примитивно, граф Урлик. Но ее освобождение желательно для всех нас — с этим я согласна.

— Но как я могу пройти пешком тысячу миль по льду? Даже если бы у меня была колесница с медведями, и то я вряд ли бы успел добраться туда, освободить королеву и вовремя вернуться в Алый Фьорд.

— Есть лишь один путь,— сказала Королева Чаши.— Очень опасный.

— Отправиться не на санях, а на лодке с цаплями? Птицы не выдержат такой трудной и опасной дороги. Да и лодки не так прочны, чтобы...—Я имела в виду другое,— перебила она меня.

— Тогда объясните же, наконец, королева.

— Люди, построившие Алый Фьорд, были инженерами. Они изобретали различные механизмы и иногда добивались больших успехов. Когда ученые нашли способ перемещаться во Времени, они покинули эту планету. Но часть их изобретений осталась здесь. Одно из них спрятано в пещере на дальнем конце горной цепи, недалеко от ледяной пустыни. Это воздушная колесница, летающая за счет собственной энергии. Ее выбросили из-за того, что двигатель испускает лучи, которые ослабляют пилота, ослепляют его и в конце концов убивают.

— И вы хотите, чтобы я полетел на Луну на этой колеснице? — насмешливо проговорил я.— Я умру, не успев достигнуть цели.

— Я не знаю достаточно хорошо свойств этих лучей. Не знаю, сколько у вас будет времени. Возможно, вы доберетесь до Луны прежде, чем погибнете.

— Оказывают ли эти лучи какое-то постоянное воздействие?

— Этого я не знаю.

— Хорошо... Где находится колесница?

— Через горы ко льдам ведет тропинка. По ней вы придете к горе, которая стоит немного в стороне. На ее склоне выдолблены ступеньки. Поднявшись по ним, вы увидите запертую дверь. Эту дверь нужно сломать и войти. Там стоит воздушная колесница.

Я решился. Решился, хоть и не вполне доверял Королеве Чаши. Я не мог забыть, что именно из-за нее разлучился с Эрмижад.

— Я это сделаю, королева,— сказал я,— но вы должны дать мне обещание.

— Какое?

— Вы откроете мне все, что вам известно о моей судьбе и месте во Вселенной.

— Если вы вернетесь с победой, я обещаю рассказать вам все, что знаю об этом.

— Тогда я немедленно отправляюсь на Луну.

Глава вторая

ГОРОД С НАЗВАНИЕМ «ЛУНА»

Я покинул Алый Фьорд и направился по тропинке, бегущей меж черных вулканических скал. С собой я взял лишь карту, фонарь, немного еды и меч. Одежда из меха защищала от холода. Я старался идти как можно быстрее.

Спал я в пути немного, поэтому глаза слипались, и спирали обсидиана, застывшие глыбы базальта и пемзы, обступившие со всех сторон, казались грозными фигурами гигантов и чудовищ. У меня появлялось ощущение, что я окружен призраками, но упорно шел вперед, крепко сжимая рукоять меча. Наконец, вдали показались ледяные пустыни, и сквозь слой облаков стал виден красный круг солнца, а рядом с ним тускло мерцающие звезды.

Я обрадовался, увидев эту картину. Когда впервые попал сюда, ледяное пространство показалось суровым и опасным, но теперь, после долгого пути среди мрачных скал, оно не выглядело таким страшным.

Я увидел гору, о которой говорила Королева Чаши. Она, действительно, стояла отдельно, на самом краю ледовой равнины.

Я долго не спал и последние полмили шел, пошатываясь, уже не в состоянии бороться со сном. Ступив на первую же ступень, выдолбленную на склоне, рухнул на землю и заснул, как убитый.

Проснувшись, почувствовал себя отдохнувшим и начал подниматься по ступеням вверх, пока, наконец, не добрался до места, которое когда-то было входом в пещеру. Теперь же войти в нее было невозможно: входное отверстие забито застывшей массой красного и желтого обсидиана.

Ожидал, что увижу дверь, которую должен буду сломать, но что мог сделать с такой мощной глыбой?

Я растерянно посмотрел по сторонам, но вокруг были лишь мрачные горы и прилипшие к ним коричневые облака. Королева Чаши сыграла со мной недобрую шутку.

— Будь проклята! — завопил я.

— Будь проклят! — ответили горы. — Будь проклят!

Я вырвал из ножен Черный Меч и с яростью вонзил его в обсидиановую глыбу. Куски обсидиана полетели в разные стороны, и я в изумлении еще раз ударил мечом по глыбе. И снова куски блестящего камня упали на землю.

Черный Меч вновь вонзился в обсидиан. На этот раз глыба с грохотом рухнула, открыв вход в темную пещеру. Спрятав Меч в ножны, я перешагнул через осколки камня, зажег фонарь и заглянул внутрь.

Машина, о которой говорила Королева Чаши, была там.

Но королева не предупредила меня о другом — что встречу еще и пилота.

Он сидел в воздушной колеснице и молча смотрел, как бы предупреждая об ожидающей меня судьбе. Длинный и худощавый, одетый в доспехи Серебряных Воинов, он сидел здесь, наверное, века: мне улыбался гладкий череп, вцепившийся костями рук в борта колесницы, словно напоминая об опасности, о смертоносных лучах, таившихся в двигателе машины. Проклиная все на свете, я сшиб череп и выбросил кости из колесницы.

Королева Чаши уверяла, что управлять колесницей легко, и в этом она не ошибалась. В колеснице не было никаких приборов, кроме вертикально установленного в полу хрустального стержня. Им-то и управлялся двигатель. Передвигая стержень вперед, назад, под углом, можно было подниматься над землей, увеличивать и уменьшать скорость, набирать высоту.

Я сел в колесницу, нажал на стержень, и сразу же она озарилась розовым светом. Я почувствовал под ногами легкое дрожание — значит, там и находился двигатель. Я перевел стержень вперед, и воздушная колесница покатилась к выходу из пещеры. Чтобы не удариться о скалу, осторожно поднял ее в воздух и вскоре оказался высоко в небе. Посмотрев на карту, а потом на компас, вставленный в верхушку стержня, увеличил скорость и полетел в сторону города под названием Луна.

Обсидиановые горы исчезли. Подо мной лежала ледяная равнина — бесконечная, беспредельная. Иногда ее оживляли высокие сугробы и остроконечные глыбы льда, но и они не нарушали холодного пустынного покоя.

Я было засомневался, существует ли на самом деле вредное излучение двигателя, о котором предупреждала Королева Чаши, но вскоре почувствовал, что зрение стало слабеть, кости заныли, а сам начал впадать в забытье.

Я старался лететь как можно быстрее. Холодный ветер продувал насквозь, борода покрылась инеем, изо рта шел белый пар. Я чувствовал себя покинутым. Мне казалось, что солнце осталось где-то позади и мир становится все темнее и темнее.

Но вскоре солнце снова появилось у самого горизонта, и звезды ярче засияли на небосклоне.

Я почувствовал тошноту и откинулся на спинку сиденья. Мне казалось, я умираю. Тогда сбавил скорость. Единственное, чего мне хотелось,— это остановиться и вылезть из проклятой колесницы. Но покинуть машину значило погибнуть. И я прибавил скорость.

И вот я увидел впереди огромную белую гору, изрытую ледяными кратерами. Я узнал ее. Это была Луна. Сколько тысяч лет прошло с тех пор, как она врезалась в Землю? Что-то шевельнулось в памяти. Я был уверен, что когда-то уже видел все это. Где-то в глубине забрезжило какое-то имя... отчаянье... Но что это было за имя?

Собрав последние силы, я посадил воздушную колесницу на лед и вылез из нее. По скользкому льду пополз к белой горе, бывшей когда-то спутником Земли. Я удалялся от воздушной колесницы, и силы возвращались ко мне. Добравшись до подножия горы, почти пришел в себя. Наверху мерцал свет. Наверное, там и был вход в город Серебряных Воинов, который они покинули. Взбираться по шероховатому льду было нетрудно, и все-таки я несколько раз останавливался, чтобы перевести дух. На вершине силы вернулись ко мне.

Неожиданно в центре кратера вспыхнул свет, и я отчетливо увидел группу всадников на тюленеобразных животных. Они заметили меня. По всей вероятности, Белфиг готовился к моему приходу.

Я соскользнул вниз к центру кратера, прижался спиной к скале и, обнажив Черный Меч, стал ждать.

Всадники появились почти сразу — на меня обрушился град длинных, с острыми шипами гарпунов. С такими же гарпунами воины ходили на морского оленя, и если бы хоть один попал в цель, он бы распорол меня от горла до живота.

Но Черный Меч знал свое дело. Он отрубал острия гарпунов, и они, со звоном ударяясь о скалу, падали на камни. Ошелемленные всадники растерянно остановили почти рядом со мной зверей, и я резким движением проткнул глотку ближайшего тюленя. Тот рухнул, увлекая за собой седока, и я вонзил в спину всадника грозный меч.

Словно со стороны я услышал свой смех.

Я рубил их и хохотал. Они сбились в кучу и, размахивая мечами и секирами, пытались защищаться. Одна секира зацепила мое плечо, но кольчуга надежно защищала от ударов. Одним махом меча убил напавшего на меня воина, и тут же меч разрубил пополам одного солдата, стоявшего рядом.

Они попытались оттеснить меня к пропасти и сбросить вниз, но Черный Меч не давал им приблизиться, каждый его взмах был для кого-то смертельным. Всадники не успевали сомкнуть ряды — через мгновение в них опять зияло пустое место. Отсеченные руки и головы падали на камни — Черный Меч не знал пощады.

Наконец все было кончено. Не осталось никого, кроме нескольких тюленей, и они уныло поплелись обратно — туда, где горел яркий свет.

Я шел вслед за ними, все еще хохоча, и смех делал меня сильным. Я пытался догнать тюленей и видел, как они поползли по металлическому скату вниз, в недра упавшей планеты.

С большой осторожностью тоже стал спускаться вниз. Дверь, через которую вошел в расщелину, закрылась, и я решил, что это западня.

Сделав несколько шагов вперед, ступил на пол, похожий на

расплавленное серебро, покрытый рябью, но, как оказалось, твердый и неподвижный.

Из дальней двери выбежала еще одна группа воинов, вооруженная до зубов. На них были луковичные доспехи Ровернарка, и с оружием обращались они несравненно ловчее, чем Серебряные Воины. Солдаты рассредоточились и стали крутить над головами алебарды.

Одна из них со свистом полетела в меня. Вскинув меч, я отбил ее, но из другого угла уже летела вторая алебарда, а вслед за ней еще и еще.

Одна из них все же настигла меня, и я упал, выронив из рук Черный Меч. Он со звоном покатился по волнам серебряного пола.

Безоружный, я поднялся на ноги. Солдаты Белфига стояли вокруг с мечами наготове. Они ухмылялись, уверенные, что мне пришел конец.

Я отыскал глазами меч, но он был слишком далеко, и я отступил на шаг. Под ногами что-то зазвенело. Это была чья-то алебарда. Воины тоже увидели ее и бросились ко мне. Но я успел ее схватить и, сбив ударом рукояти одного из солдат, пронзил горло другого, а потом сквозь образовавшуюся брешь прыгнул к мечу. Воины опередили меня и опять сомкнулись передо мной. Отражая алебардой удары, почти потеряв сознание, еще на несколько шагов продвинулся к мечу и из последних сил протянул к нему руку. Он радостно скользнул в мою ладонь и зарычал, как дикая собака, жаждущая крови.

И тут уж я ему не мешал. Он яростно бросался на каждого, кто приближался ко мне, рубил головы, рассекал тела.

Наступила тишина. Все было кончено. Спрятав меч в ножны, пошел к двери, через которую сюда проникли воины.

Я увидел длинный коридор, круглый, как труба, и пошел по нему. Через некоторое время оказался в зале сферической формы. К куполу крыши вели ступени, я поднялся по ним и попал в круглую комнату, потолок которой напоминал обледеневшее стекло. Он же был полом следующей комнаты наверху, но я не знал, нужно ли мне туда подниматься.

Внезапно в потолке появилось круглое отверстие, и через него спустилась прозрачная труба, внутри которой увидел перила.

Осторожно подошел к трубе и, держа в правой руке Черный Меч, стал карабкаться по ней наверх.

Я оказался в почти пустой, огромных размеров комнате, стены которой и пол были сделаны из того же мерцающего серебра. В комнате стояли белая кровать, несколько стульев и еще какие-то совершенно незнакомые мне предметы. Около кровати я увидел женщину неземной красоты, с серебряной кожей, почти белыми волосами и черными глазами. На ней было кроваво-красное платье. Она улыбалась и что-то говорила мне, но я не слышал ни слова.

Я пошел к ней по прозрачному полу, но вдруг ударился обо что-то холодное и твердое. Протянул руку и ощутил гладкую поверхность. Невидимая стена отделяла меня от Серебряной Королевы.

Она пыталась жестами что-то мне объяснить, но я не понимал ее.

Какое же заклятье наложил на нее Белфиг? Видимо, он обладал знанием гораздо большим, чем я предполагал. Но скорее всего он воспользовался знаниями Серебряных Воинов, чьи предки, как я теперь сообразил, и были теми самыми учеными, которые жили когда-то в Алом Фьорде.

Меня охватило отчаяние. Я с силой ударил по невидимой стене.

Страшный, пронзительный звук прорезал воздух. Меня резко отбросило назад, все поплыло перед моими глазами. Я подумал, что возлагал на Черный Меч, пожалуй, слишком большие надежды.

Глава третья

ФЕНИКС И КОРОЛЕВА

И снова у меня в ушах зазвучала песня:

ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
ЧЕРНЫЙ МЕЧ.
НА ОСТРИЕ МЕЧА — КРОВЬ СОЛНЦА.

Открыв глаза, увидел звезды. Я оглянулся и понял, что лечу в воздушной колеснице.

За рулем сидел человек в серебряных доспехах.

Конечно, это был сон, и в этом сне скелет управлял колесницей.

Если же не сплю, значит, в плену у Серебряных Воинов. Я выпрямился и нащупал рукоятку меча. Странно, не связан и оружие при мне.

Пилот в серебряных доспехах обернулся, и я увидел, что это вовсе не мужчина. За рулем сидела женщина — та самая, которую видел за прозрачной стеной. Она с улыбкой смотрела на меня:

— Благодарю вас за спасение.

Я узнал голос.

— Ваш меч снял заклятье. Мы возвращаемся в Алый Фьорд. Мои воины должны узнать, что я свободна и они могут больше не подчиняться Белфигу.

— Вы — Королева Чаши,— сам себе не веря, сказал я.

— Так меня называют Бладрак и его друзья.

— Значит, все, что я сделал, было напрасно. Вы и до этого были свободны!

Она вновь улыбнулась.

— Нет. Вы видели лишь мое воплощение. Я не могла появиться нигде, кроме той пещеры с жезлом. Белфиг не знал, что я общаюсь с его врагами.

— Но я видел Чашу и в море!

— Образ Чаши мог возникнуть и в других местах, но перенести свой образ туда не могла.

Я недоверчиво посмотрел на нее.

— А откуда вы узнали о Черном Мече?

— Люди Луны знают очень многое, сэр Победитель. Когда-то мы были великим народом. И существовало предание, что однажды Победитель проснется в Башне Мороза и придет к нам. Считалось, что это всего лишь легенда, но я верила пророчеству и изучила все, что было с ним связано.

— Вы обещали рассказать все, что знаете.

— Да, конечно.

— Но сначала объясните, чего же все-таки хочет Белфиг?

— Белфиг, несмотря на свою хитрость, глуп. Он слышал о Луне и вместе со своими людьми разыскал ее во льдах. Мы давно забыли о войнах и легко доверились ему. Выведав наши главные секреты, он взял меня в плен. И заставил Серебряных Воинов служить ему.

— Но зачем?

Серебряная Королева откинулась без сил на спинку кресла, и я понял, что вредные лучи действуют не только на меня.

— Ему нужна была рабочая сила. Он хотел построить корабль, способный путешествовать по космосу, и найти новое, еще молодое солнце. Нам известно, как построить такой корабль, но мы пока не знаем, сколько энергии и времени понадобится, чтобы долететь до другого солнца. Белфиг же нам не верил. Он решил, что если я окажусь у него в плену, мои подданные расскажут ему все. Он безумен.

— Да,— согласился я,— и его безумие принесло уже много горя этой и без того угасающей планете.

Вдруг она застонала.

— Глаза... Ничего не вижу...

Я вытащил ее из кресла и сел на ее место, держа руку на хрустальном стержне, чтобы не сбиться с курса.

— Итак, с помощью колдовства вы вызвали Черный Меч,— сказал я.— И Золотую Чашу. И послали ко мне видения... Мучительные видения.

— Видения? Я... Я не посылала никаких видений.

— Возможно. Мне кажется, миледи, вы не отдаете себе отчета в том, что натворили. Вы использовали легенду и использовали меня. Но боюсь, что и вас и меня использовал Черный Меч или та сила, которая им управляет. Вы знаете что-нибудь о Танелорне?

— Кое-что слышала.

— Где он находится?

— В центре того, что мы называем «мультивселенной». Она состоит из бесконечного количества матриц Вселенных, независимых друг от друга. Но считается, что есть центр, «сердце», вокруг которого вращаются эти Вселенные. Этот центр — планета, зеркально отражающаяся в других мирах. Наша Земля — одна из ее разновидностей. Земля, с которой пришли вы,— другая разновидность. Танелорн отражается везде, но в отличие от своих воплощений не изменяется. Он не умирает, как другие миры. Он, как и вы, сэр Герой, вечен.

— Но как мне найти Танелорн?

— Этого знать мне не дано. Попытайтесь узнать о нем где-нибудь еще.

— Я, наверное, не найду его никогда.

Наш разговор утомил ее, да и сам вновь почувствовал действие опасных лучей. Я был разочарован. Конечно, я кое-что узнал, но надеялся на большее.

— А что такое Чаша? — спросил я королеву, но она потеряла сознание.

Пока мы не доберемся до Алого Фьорда, все разговоры будут бессмысленны.

Наконец, впереди показались горы, и я взялся за рычаг, чтобы подняться выше. Хотелось долететь до самого Алого Фьорда, а он находился на другом конце горной цепи.

Мы вошли в коричневое облако, и я почувствовал на лице соленые капли. Зрение становилось все слабее, и я очень боялся, что мы врежемся в какой-нибудь утес и погибнем. Изо всех сил я вглядывался в сумрак — только от меня зависело, останемся ли мы живы.

В том месте, где облако было разорвано, я увидел под собой темное застывшее море. Мы пролетели мимо фьорда.

Я развернул колесницу и стал снижаться. И вдруг я увидел внизу громадный флот епископа.

С трудом справляясь с головокружением и тошнотой, я нагнулся и увидел Белфига, стоящего на верхней палубе самого большого корабля. Он спокойно беседовал с Серебряным Воином и вдруг, взглянув на небо, с изумлением увидел меня.

— Урлик! — закричал он и разразился хохотом.— Вы надеетесь спасти своих друзей с помощью этой летающей посудины? Да там уже почти все сдохли от голода, а те, кто остался, слишком слабы, чтобы сопротивляться. Мы вот-вот войдем в фьорд. Бладрак бессилен. Теперь весь мир мой!

Я обернулся и попытался привести в чувство Серебряную Королеву, но она по-прежнему была без сознания. Мои силы тоже были на исходе, и все-таки я насколько мог приподнял королеву — и Белфиг увидел ее.

В этот миг воздушная колесница резко устремилась вниз. Управлять ею больше не мог.

Я был уверен, что через несколько мгновений густое соленое море поглотит нас.

И вдруг услышал иной шум и другие голоса: в проливе между скалами появились лодки Бладрака.

Не дождавшись меня и не надеясь больше ни на чью помощь, Бладрак решил умереть в бою.

Я закричал, но он не услышал. Колесница на полном ходу ударилась о поверхность воды и перевернулась, как оказалось, рядом с одним из кораблей Белфига. Мы с Серебряной Королевой упали в густую воду.

На корабле поднялась суматоха. Я слышал, как какой-то предмет плюхнулся в море. Силы оставили меня, и я захлебнулся соленой водой. Но тут же почувствовал, что кто-то резко схватил меня и вытащил из воды. Сделал глубокий вдох, открыл глаза и увидел Серебряного Воина, который поддерживал меня и улыбался. Я посмотрел вокруг и увидел недалеко от себя Серебряную Королеву. Я понял, что мы на плоту, который, видимо, спустили на воду в момент нашей катастрофы. Королева приходила в себя, и благодарная улыбка Серебряного Воина означала, что она спасена.

Плот подняли на палубу корабля, и воины помогли мне встать на ноги. Подняв глаза, увидел на верхней палубе Белфига. Криво улыбаясь, он смотрел на меня.

Он понимал, что побежден.

Я вытащил Черный Меч и стал подниматься по лестнице на верхнюю палубу. С обнаженным мечом, нервно хихикая, он поджидал меня наверху.

Он знал, что умрет, но мысль о смерти, о том, что я одержал победу, приводила его в бешенство.

А я был готов пощадить его. Теперь он был не опасен. Я слишком много убивал и больше не мог.

Но Черный Меч по-прежнему жаждал крови. Когда я попытался спрятать его в ножны, он повернулся у меня в руке и застыл в угрожающем взмахе. Белфиг вскрикнул и поднял свой меч, пытаясь защититься от неминуемого удара. Я хотел остановить Черный Меч, но тщетно.

Он легко разрубил меч Белфига и замер.

Епископ зарыдал, не сводя с него безумного взгляда, но Черный Меч, все еще находившийся у меня в руках, размахнулся и глубоко вошел в рыхлое тело.

Белфиг задрожал, его глаза затуманились и по нарумяненным щекам потекли слезы.

Это был конец.

Серебряные Воины передавали пищу на лодки, приплывшие из Алого Фьорда.

Меня окликнули, и я увидел на нижней палубе Серебряную Королеву, а рядом с ней Бладрака. Он хоть и осунулся, но выглядел таким же щеголем, как и при первой нашей встрече.

— Вы спасли нас, сэр Победитель!

Я горько усмехнулся.

— Спас всех, кроме себя.

Я спустился к ним. Серебряная Королева беседовала со своими воинами — они были счастливы, что их королева спасена. Она обернулась ко мне:

— Вы завоевали сердца моих подданных.

Но мне было все равно. Я устал. О, как нужна мне была сейчас моя Эрмижад!

Когда я взял в руки Черный Меч, надеялся, что верну ее. Но, увы, надежда оказалась тщетной.

И еще. До сих пор я не мог понять некоторые предсказания о Черном Мече:

«На острие меча — кровь солнца».

Бладрак похлопал меня по плечу.

— Мы собираемся устроить пир в честь победы, граф Урлик. Серебряные Воины и их прекрасная королева будут гостями Алого Фьорда.

Я посмотрел на Серебряную Королеву в упор.

— Какое отношение к моей судьбе имеет Чаша? — не отвечая Бладраку, твердо спросил я.

— Не уверена... может быть...

— Вы обязаны рассказать мне все, что знаете,— не отступал я,— иначе убью вас Черным Мечом. Вы освободили неведомые силы. Вы разрушили чужие судьбы. Ах, как много горя вы принесли мне, Серебряная Королева! Но вы не в состоянии осознать это. Вы хотели спасти несколько жизней на умирающей планете и вызвали для этого Вечного Победителя. Силы судьбы, которым подвластен, помогли вам выполнить этот план. Но я не испытываю к вам благодарности — особенно за этот адский меч. Я надеялся, что избавился от него навсегда!

Она отшатнулась, улыбка исчезла с ее лица. Помрачнел и Бладрак.

— Вы использовали меня,— продолжал я,— и теперь празднуете победу. А что праздновать мне? Куда идти?

Я замолчал, вдруг разозлившись на самого себя за чрезмерное внимание к собственной персоне. И отвернулся, чтобы никто не заметил моих слез.

Алый Фьорд искрился весельем. На причалах танцевали женщины, мужчины во всю глотку распевали песни. Даже Серебряные Воины, как оказалось, умеют веселиться.

Но я стоял на палубе громадного корабля вместе с Серебряной Королевой и продолжал задавать ей вопросы.

Мы были одни. Бладрак веселился вместе со всеми.

— Что такое Золотая Чаша? — допытывался я.— Неужели ее возможности так ничтожны?

— Я не считаю, что они ничтожны...

— От кого вы узнали, как пользоваться Чашей?

— Мне снились сны,— ответила она,— а во сне — голоса. Почти все, что я делала, было сделано в состоянии транса.

Теперь я смотрел на нее с сочувствием — я знал, о каких снах она говорит.

— И голоса приказали вам вызвать Чашу? А до нее — Черный Меч.

— Да.

— Но что вы знаете о Чаше? Почему она кричит?

— Предание гласит, что Чаша жаждет крови солнца. Наполнившись кровью, Чаша отнесет ее солнцу, и оно возродится к жизни.

— Мистика,— сказал я.

— Возможно,— согласилась королева.

Она сдалась. И я пожалел о свой вспыльчивости.

— И все-таки она действительно кричит!

— Она хочет крови...— пробормотала королева.

— Где же эта кровь?

Мой взгляд упал на меч. Я понял.

«На острие меча — кровь солнца».

Я нахмурился.

— Вы можете вызвать Чашу еще раз?

— Да, но не здесь.

— Где?

— Там,— она показала в сторону гор,— на льду.

— Вы пойдете со мной туда? Сейчас?

— Я обязана,— обреченно прошептала Серебряная Королева.

Глава четвертая

НОЖ И ЧАША

Вечный Победитель и Серебряная Королева исчезли из Алого Фьорда. Они приплыли на лодке в опустевший Ровернарк, разыскали там колесницу, на которой Победитель когда-то приехал в этот город и, накормив медведей, понеслись через горы к равнинам Южного Льда.

И вот они стояли среди льдов, ветер раздувал их плащи, и маленькое красное солнце смотрело на них тусклым взглядом.

— Вы вызвали меня и этим вмешались в мою судьбу.

Она опустила голову.

— Пророчество должно исполниться до конца,— продолжал я.— До конца!

— Принесет ли это вам освобождение, Победитель?

— Я буду ближе к желанной цели — пусть всего лишь на дюйм. Мы имеем дело с космическими силами, Серебряная Королева.

— Неужели мы только пешки, сэр Победитель? Неужели наша судьба совсем не зависит от нас?

— В слишком малой степени, королева.

Она вздохнула и воздела руки к низко нависшему небу.

— Вызываю Кричащую Чашу! — громко произнесла королева.

Я обнажил Черный Меч. Он начал подрагивать у меня в руках, заводя свою зловещую песню.

— Вызываю Кричащую Чашу! — вновь позвала королева Луны.

Черный Меч дрогнул и замер.

Слезы потекли по светлым щекам Серебряной Королевы, и она упала на колени.

Ветер усилился. Странный, неизвестно откуда взявшийся ветер. Она крикнула в третий раз:

— Вызываю Кричащую Чашу!

Я поднял Черный Меч. Вернее, он потянул за собой мои руки и почти нежно вонзился ей в спину.

Тело ее содрогнулось. Она застонала, потом закричала, и крик ее слился с гудением ветра, воем меча, моим стоном отчаяния и, наконец, с пронзительно нарастающим свистом, поглотившим остальные звуки.

На льду появилась сияющая немыслимым светом Кричащая Чаша. Ослепленный сиянием, я отшатнулся, и Черный Меч, выскользнув у меня из рук, повис над Чашей. По его черному лезвию стекала кровь, и, когда Чаша наполнилась, Черный Меч упал на лед.

В этот миг я увидел — или, может быть, мне показалось,— как огромная рука, протянувшаяся с неба, взяла Чашу и стала поднимать ее выше и выше, пока она не исчезла совсем.

И сразу же вокруг Солнца вспыхнуло малиновое сияние. Сначала оно было слабым, мерцающим, но через несколько мгновений небо озарилось ярким солнечным светом, и сумерки превратились в ослепительный полдень. И я знал, что вслед за полднем придет утро.

Не спрашивайте меня, почему время повернуло вспять. Я был героем многих миров, но никогда еще не был свидетелем таких удивительных событий, какие произошли в Южных Льдах.

Пророчество сбылось до конца. Мне было назначено судьбой принести в этот умирающий мир сначала смерть, а потом жизнь.

Я думал о Черном Мече. Да, он совершил много зла, но, возможно, оно было необходимо, чтобы совершить добро.

Я подошел к месту, где меч упал, но он исчез. На льду осталась лишь его тень.

Сняв ножны с пояса, положил их рядом с тенью. Потом вернулся к колеснице и сел в нее.

Я оглянулся. Серебряная Королева лежала на льду. Чтобы спасти своих подданных, она разбудила космические силы, и они погубили ее.

Моя колесница мчалась по ледяной пустыне. Я не собирался задерживаться в Южных Льдах. Я знал, что скоро меня призовут снова. И когда это случится, вновь буду искать дорогу к Эрмижад, моей принцессе элдренов. И буду искать Танелорн — вечный Танелорн, и когда-нибудь, наверное, все же обрету покой.

РАССКАЗЫ

Перевод *Юрия Копцова, Татьяны Камяновой*

Редакторы *Любовь Антипова, Алла Можаева*

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Говард ФАСТ

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ

АВИА
Калькутта, Индия
4 ноября 1945 г.

Миссис Джин Арбалейд
Вашингтон, Дипломатический корпус.

Дорогая сестра!

Я нашел это. Видел своими глазами и потому убежден в полезности избранной цели — исследовать антропологические прихоти моей сестры. В любом случае это лучше, чем скука. У меня нет ни малейшего желания возвращаться домой, и я не собираюсь пускаться ни в какие объяснения. Нервы у меня не в порядке, я уволен со службы и не устроен. Как ты знаешь, я вышел в отставку в Карачи, и мне приятно ощущать себя экс-воякой и туристом. Но нескольких недель было достаточно, чтобы все до безумия наскучило. Вот почему я был так рад получить от тебя задание. Оно выполнено.

Не могу сказать, что пришлось изрядно поволноваться. Дело в том, что присланная тобой статейка из «Ассошиэйтед Пресс» оказалась до деталей точной. Маленькая деревушка Чунга действительно находится в Ассаме. Я добирался туда самолетом, поездом по узкоколейке и воловьей упряжкой. Путешествие в такое время года под обжигающим спину солнцем было сказочно приятным. Но наконец я увидел то, что искал. Это была четырнадцатилетняя девочка.

Конечно, ты достаточно знаешь об Индии, чтобы понимать: здесь четырнадцать лет для девочки — вполне солидный возраст. Большинство из них к этому времени уже замужем. Но дело не в возрасте. Я подробно беседовал с отцом и матерью ребенка, и они рассказали мне, что опознали дочь по двум очень характерным родимым пятнам. Опознание подтвердили родственники и другие жители деревушки — все, кто помнил эти родимые пятна. Обстоятельство совсем не удивительное для маленьких местечек вроде этого.

Ребенок был потерян в младенческом возрасте — восьми месяцев от роду. Самая обычная история — родители работали в поле, оставив неподалеку дочку, и она пропала. Я не могу сказать

точно, ползала она или нет, но в любом случае это была здоровая, живая и смышленая девочка.

Мы никогда не узнаем, как девочка попала к волкам. Возможно, волчица, потеряв своих детенышей, утащила ребенка. Похоже, вот наиболее вероятная версия. Волки, встречающиеся здесь, не относятся к европейскому типу. Это местная разновидность pallipes — весьма внушительное животное по размерам, с сильным характером, отнюдь не из тех, кто отступает на темной дороге. Восемнадцать дней назад, когда девочка была найдена, жителям деревушки пришлось убить пять волков, чтобы вызволить ее. Надо сказать, и сама она дралась как дьяволица. Что ж, она тринадцать лет прожила рядом с волками.

Станет ли нам когда-нибудь известна история ее жизни с волками? Не знаю. Во всяком случае, в данный момент она — волчица во всех своих проявлениях. Не может стоять прямо — позвоночник искривлен до такой степени, что коррекция невозможна. Бегает на четырех конечностях, и суставы пальцев покрыты костными мозолями. Ее пытаются научить брать и удерживать предметы руками, но пока безуспешно. Она разрывает на себе любую одежду, в которую ее одевают. Она не в состоянии понять значение речи и тем более говорить. Индийский антрополог Сумил Годже проработал с ней целую неделю, но почти не надеется, что общение с ней будет когда-нибудь возможно. В нашем понимании и по нашим критериям она абсолютно слабоумная или, иначе говоря, идиотка и, похоже, такой и останется на всю жизнь.

С другой стороны, и профессор Годже, и Др. Чалмерс, и представитель правительственной службы здравоохранения, приехавший из Калькутты посмотреть девочку, находят, что нет никаких физических или наследственных факторов, которые можно было бы считать основой психического расстройства. Девочка не страдала слабоумием от рождения. Наоборот, жители деревушки вспоминают, что в младенчестве она была абсолютно нормальным ребенком. Более того, по их словам, она была очень живой и смышленой. Профессор Годже считает, и его поддерживают коллеги, что именно живость и хорошие способности девочки позволили ей приспособиться и тринадцать лет прожить среди волков. Ребенок прекрасно реагирует на рефлекторные тесты и производит впечатление вполне здорового с точки зрения неврологии. Она очень сильна — даже более, чем обычные дети в этом возрасте, и обладает сверхъестественным слухом и обонянием.

Профессор Годже исследовал данные восемнадцати подобных случаев, зарегистрированных в Индии за последние сто лет, и в каждом из них, по его словам, даже после курса лечения ребенок все равно остается слабоумным, т. е., объективно говоря, остается волком. Профессор считает, что было бы неправильно называть такого ребенка идиотом или слабоумным, точно так же, как нельзя называть слабоумным или идиотом волка. Просто

ребенок превращается в волка, возможно, более высокоразвитого, чем обычный, но все же волка.

Я готовлю для тебя полный отчет по этому материалу. Тем не менее основные факты в письме изложены. Что касается денег — у меня их предостаточно. Я выиграл в кости куш в одиннадцать сотен долларов. Позаботься о себе, твоем драгоценном муже и службе здравоохранения.

Люблю, целую.

Хэрри.

ТЕЛЕГРАММА. ХЭРРИ ФЕЛТОНУ
ГОСТ. «ИМПЕРИЯ». КАЛЬКУТТА, ИНДИЯ

10 НОЯБРЯ 1945 г.

ЭТО НЕ ПРИХОТЬ, ХЭРРИ. ЭТО ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО. ТЫ ПРЕКРАСНО СПРАВИЛСЯ С ЗАДАНИЕМ. ТАКОЙ ЖЕ СЛУЧАЙ В ПРЕТОРИИ. БОЛЬНИЦА ОБЩЕГО ТИПА. ДР. ФЕЛИКС ВАНОТТ. АВИАБИЛЕТЫ ЗАКАЗАНЫ.

ДЖИН АРБАЛЕЙД.

АВИА

Претория, Южно-Африканская Республика

Миссис Джин Арбалейд
Вашингтон, Дипломатический корпус.

Моя дорогая сестра!

Ты определенно великий организатор, ты и твой муж. Мне хотелось бы узнать, чем закончится это временное затишье. Я думаю, в свое время ты найдешь предлог и сообщишь мне об этом. В любом случае твоя деятельность заслуживает уважения. Подумать только! Сдвинуть с места зануду-полковника и незамедлительно отправить в Южную Африку. Впрочем, это прекрасная страна с приятным климатом и, я уверен, большим будущим.

Здесь я увидел ребенка, который по-прежнему находится в больнице. Я провел вечер с доктором Ваноттом и юной, умной и привлекательной квакершей мисс Глорией Оулэнд, антропологом, работающей над докторской диссертацией по проблемам народов банту. По мере того, как я буду продолжать свое знакомство с мисс Оулэнд, я смогу снабжать вас материалами и по этой теме.

Внешне происшедший здесь случай удивительно напоминает виденный мной в Ассаме. Там была четырнадцатилетняя девочка, здесь — одиннадцатилетний мальчик, по происхождению банту. Девочка выросла среди волков, мальчик подобным же образом среди бабуинов и был вызволен белым охотником по имени Арчвей, сильным, молчаливым человеком, как будто сошедшим со страниц

романов Хемингуэя. К сожалению, у Арчвея скверный характер и он не очень-то любит детей, поэтому, когда мальчик, что вполне естественно, укусил его, он выпорол бедняжку до полусмерти. «Я приручал его»,— пояснил молчун.

Теперь о больнице. Ребенок получает здесь самый лучший медицинский уход и разумное лечение. Совершенно не представляется возможным найти его родителей, потому что эти обезьяны с Базутолэнда много путешествуют и невозможно даже предположить, где именно мог попасть к ним ребенок. Его возраст — предположение медиков, но оно вполне разумно. Нет никакого сомнения, что по рождению он принадлежит к народу банту. Он красив, с длинными руками и ногами и необычайно силен. Видимых симптомов черепного повреждения нет. Но так же, как и девочка из Ассама, по нашим представлениям он идиот.

То есть, иначе говоря, он — обезьяна. Способ звукоизвлечения, которым он пользуется,— обезьяний. В отличие от индийской девочки он способен брать предметы руками, держать их и рассматривать, у него сильно развит познавательный инстинкт. Как объяснила мне мисс Оулэнд, разница между ними — это разница между волком и обезьяной.

У мальчика не поддающееся коррекции искривление позвоночника. Как и обезьяны, он при передвижении пользуется четырьмя конечностями, а тыльная сторона пальцев и ладоней покрыта костными мозолями. Что касается ношения одежды, первое время он все разрывал на себе, но потом привык. Это не удивительно. Прирученные обезьяны тоже ведь привыкают к платью. Мисс Оулэнд надеется, что мальчик овладеет хотя бы рудиментарной речью. Однако доктор Ванотт сомневается в этом. И мне хотелось бы заметить, что из тех восемнадцати случаев, которые описывает профессор Годже, не было ни одного, когда человеческая речь усваивалась хотя бы в основных элементах.

Подобным примером может служить герой моего детства Тарзан и вместе с ним все благородные животные. Но самая ужасная мысль, которая приходит в голову, когда наблюдаешь все это,— какова же сущность самого человека, если с ним могут происходить такие метаморфозы? Здешний образованный абориген пытался объяснить мне, что человек — создание своей собственной мысли или представлений, формирование которых в огромной степени зависит от его окружения и базируется на словесном материале. Без слов происходит наглядный процесс познавания, который на животном уровне формирует представления, но недостаточен для того, чтобы сделать человека подлинным человеком. Человек есть результат общения с другими людьми и всей суммы накоплѐнного человечеством опыта и представлений.

Человек, выросший среди волков, становится волком, выросший среди обезьян — обезьяной. И это неоспоримо, не правда ли? Моя голова переполнена десятком точек зрения по этому вопросу, и некоторые мне просто неприятны.

Дорогая сестра, что ты и твой муж собираетесь предпринять? Не пора ли решить и сообщить об этом старику Хэрри? Или ты хочешь, чтобы я теперь отправился на Тибет? Однако я сделаю все, чтобы доставить тебе удовольствие. Но желательно что-нибудь стоящее.

Твой всегда любящий Х э р р и.

АВИА
Вашингтон, Дипломатический корпус.
27 ноября 1945 г.

Мистеру Хэрри Фелтону
Претория, Южно-Африканская Республика.

Дорогой Хэрри!

Ты прекрасный и великодушный брат и к тому же очень энергичен. Ты просто прелесть! Мы с Марком хотели бы поручить тебе одно дело, предполагающее, что ты будешь разъезжать по всему миру и получать за это деньги. Чтобы убедить тебя согласиться, мы должны раскрыть тебе тайные стороны нашей работы. Мы делаем это, принимая во внимание твой прямой и заслуживающий доверия характер. Что касается почты, то она заслуживает значительно меньше доверия. Но мы связаны с вооруженными силами, имеющими допуск к самым большим секретам и прочей чепухе, поэтому информация будет передаваться тебе по дипломатическому каналу. После получения этого письма ты можешь считать себя на службе. Тебе будет выплачиваться зарплата в пределах разумного и дополнительно восемь тысяч в год за долготерпение.

Пожалуйста, оставайся в своей гостинице в Претории до получения пакета. Это займет не более десяти дней. Конечно, предварительно мы тебя известим.

С любовью и уважением
Д ж и н.

Дипломатическая почта
Вашингтон, Дипломатический корпус.
5 декабря 1945 г.

Мистеру Хэрри Фелтону
Претория, Южно-Африканская республика.

Дорогой Хэрри!

Это письмо — наше с Марком совместное обращение к тебе. Выводы, которые мы делаем,— также плод нашей совместной работы. И еще. Отнесись к этому посланию как к очень серьезному документу.

Ты знаешь, что последние двадцать лет предметом нашего пристального внимания были детская психология и особенности развития детей. Нет необходимости вспоминать, как складывалась карьера Марка и моя да и нашу работу в системе здравоохранения. Скажу только, что когда во время войны мы занимались программой помощи детям, мы пришли к интересным выводам, которые теперь разрабатываем теоретически. Мы получили разрешение начальства приступить к работе над нашим проектом, а недавно военное ведомство выделило нам дополнительные фонды на него.

Возвращаясь к теоретическим основам нашей работы, надо сказать, что выводы, как ты знаешь, еще окончательно не проверены. Вкратце скажу, что после двадцати лет практической деятельности мы пришли к такому заключению: в пределах вида Гомо Сапиенс возникает новая раса. Назовем ее человек-плюс, хотя, собственно, называть ее можно как угодно. Возникла она не сегодня — люди такого типа появлялись в течение столетий и даже тысячелетий. Но они как бы попадали в ловушку — человеческое окружение и формировались по его законам так же определенно и непреложно, как твоя девочка из Ассама, оказавшаяся среди волков, или мальчик-банту — среди обезьян.

Кстати сказать, случаи, описанные тобой, не единственные из известных нам. У нас есть достоверные данные еще о семи подобных случаях, зарегистрированных в разных местах: один в России, два в Канаде, два в Южной Америке и один в Западной Африке, и чтобы мы не очень гордились, есть запись одного такого же случая, имевшего место в Соединенных Штатах. Мы располагаем также устными рассказами и фольклорными записями трехсот одиннадцати подобных случаев за период, охватывающий четырнадцать веков. У нас есть свидетельство, найденное в немецкой книге XIV века и принадлежащее монаху Губертусу. В нем описывается пять историй, которые, как утверждает Губертус, он наблюдал лично. Во всех этих случаях, как и в семи записанных нашими современниками, и во всех остальных, кроме шестнадцати устных рассказов, результат точно такой же, как и в тех, которые ты видел и записал,— ребенок, выращенный волками, становится волком.

Наша работа подводит нас к параллельному заключению — ребенок, выращенный людьми, становится человеком. Если человек-плюс действительно существует, он точно так же попадает в ловушку к людям, как ребенок — в логово зверей. Наше предположение заключается в том, что человек-плюс существует.

Почему мы так думаем? Причин этого предостаточно, но ни время, ни пространство не могут всего объяснить. Однако есть два весьма убедительных довода. Во-первых, мы располагаем данными, свидетельствующими об очень высоком уровне IQ* в детстве у нескольких сотен мужчин и женщин — 150 единиц и выше.

* IQ — Intelligence Quotient — коэффициент умственного развития *(прим. перев.)*

Но несмотря на выдающиеся интеллектуальные способности в детстве, успеха на жизненном поприще добились только 10%. Грубо говоря, еще 10% можно назвать страдающими психическими расстройствами, не поддающимися излечению. 14% требуется общий курс психотерапевтического лечения, 6% покончили жизнь самоубийством, 1% — в заключении, 27% один или более раз разводились, 19% — хронические неудачники во всех своих начинаниях. А остальные вообще ничем не примечательны. Если проследить их IQ с возрастом, то мы увидим, как этот коэффициент неуклонно падает.

Общество никогда не занималось созданием условий для людей с психикой такого типа. Поэтому мы не можем точно сказать, что с ними стало бы в особых условиях. Но мы можем предположить, что число подобных людей уменьшается, тяготея к идиотизму, который мы называем нормой.

Вторую причину мы видим в следующем: мы знаем, что человек в течение всей жизни использует только небольшую часть головного мозга. Что мешает ему использовать остальную его часть? Почему природа снабдила его устройством, которое он не может использовать полностью? Или общество мешает ему, создавая вокруг барьеры и блокируя личный потенциал?

Таковы вкратце две причины. Но поверь мне, Хэрри, их намного больше. Их вполне достаточно, чтобы убедить твердоголовых людей из правительства, начисто лишенных воображения, что мы достойны того, чтобы нам дали шанс выпустить в мир суперличность или человека-плюс. Возможно, нам по-своему поможет политика. В один прекрасный момент может выясниться, что мы вступаем в войну — на этот раз, например, с Россией, в холодную войну, как теперь принято ее именовать. Кроме всего остального, это будет и война умов. А ведь ум, как искренне заметили некоторые наши интеллектуальные гиганты, в наше время огромная ценность и встречается крайне редко. Под таким углом зрения наши суперличности превращаются в некое секретное оружие, дьяволов, способных в нужное время предъявить суператомные бомбы или смертоносные лучи. И бог с ними. Трудно было бы представить себе подобный проект под финансовым руководством благородных людей. Главное во всей этой истории, что на нас с Марком сделали ставку. Отсюда и миллионы долларов, и самая высокая категория в течение всей работы. Тем не менее все полная тайна. Я даже не могу до конца этого выразить.

Теперь о твоей работе, если ты на нее согласишься. В ней будет несколько этапов. Первый: в 1937 году в Берлине работал профессор Ганс Гольдбаум. Наполовину еврей. Он возглавлял Институт детской терапии. Гольдбаум опубликовал небольшую монографию по интеллектуальному тестированию детей. Он приводит в ней доказательства того — и мы склонны ему верить,— что может определить IQ ребенка в течение первого года его жизни, в доречевой период. Он показывает несколько чрезвычайно инте-

ресных таблиц с оценками результатов тестирования. Но мы в достаточной степени не знаем метода профессора Гольдбаума, чтобы использовать его на практике. Короче говоря, нам нужна помощь профессора.

В 1937 году он исчез из Берлина, а в 1943 объявился в Кейптауне. Это последний его адрес, который нам известен. Прилагаю его к письму. Поезжай в Кейптаун, дорогой Хэрри. (Это я лично прошу тебя, без Марка.) Если он уехал оттуда, постарайся все равно найти его. Если он умер, сразу же сообщи нам.

Конечно, ты согласишься на эту работу. Мы любим тебя и нам нужна твоя помощь.

Джин.

АВИА

Кейптаун, Южная Африка
20 декабря 1945 г.

Миссис Джин Арбалейд
Вашингтон, Дипломатический корпус.

Моя дорогая сестра!

Какие головокружительные идеи! Если мы занимаемся созданием секретного оружия, я готов броситься в это предприятие с головой. Но работа есть работа.

Поиски профессора заняли у меня неделю. Единственное, что я узнал,— в 1944 году он уехал из Кейптауна в Лондон. Очевидно, он им там понадобился. Выезжаю в Лондон.

С любовью Хэрри.

По дипломатическим каналам.
Вашингтон, Дипломатический корпус.

26 декабря 1945 г.

Мистеру Хэрри Фелтону
Лондон, Англия.

Дорогой Хэрри!

Это совершенно серьезно. Ты, наверное, уже нашел профессора. Мы надеемся, что, несмотря на то, что ты иногда называешь себя идиотом, у тебя вполне хватит ума оценить метод профессора Гольдбаума. Разрекламируй ему нашу идею. Продай ему ее! Мы предоставим ему все, что он попросит. Только бы работал с нами. Столько, сколько захочет.

Вот вкратце то, что мы собираемся сделать. Мы приобрели

участок земли в восемь тысяч акров в Северной Калифорнии. Мы собираемся создать там особую среду обитания — под военной охраной, гарантирующей полную безопасность. Внешний мир вначале будет полностью отсечен. Таким образом возникнет совершенно замкнутая резервация под строгим контролем извне.

В эту резервацию мы собираемся поместить сорок детей, и особое их воспитание должно привести к появлению новой разновидности человека — человека-плюс.

Не буду сейчас останавливаться на деталях внутреннего устройства резервации. С этим можно пока подождать. Первое, что нам сейчас необходимо,— это дети. Десять из сорока детей мы найдем в Соединенных Штатах. Что касается тридцати остальных, мы хотели бы попросить тебя заняться их подбором вместе с профессором Гольдбаумом в других странах.

Мы предполагаем равное количество девочек и мальчиков в возрасте от 6 до 9 месяцев с оптимально высоким коэффициентом IQ, если метод профессора достаточно хорош для его определения в этом возрасте.

Желательно было бы, чтобы дети представляли пять расовых групп — кавказскую, индийскую, китайскую, малазийскую и банту. Безусловно, мы понимаем, насколько в наше время расовые границы зыбки. Поэтому предоставляем тебе в этом смысле полную свободу. Попробуй найти шесть так называемых «кавказских» детей в Европе. Кроме этого нас интересуют двое детей северного типа, двое — центральноевропейского типа и двое детей из Средиземноморья. Постарайся следовать тому же принципу и в других местах.

Теперь о том, как это делать. Прошу тебя — никаких краж или насильственных похищений. К сожалению, в мире достаточно сирот. А сколько семей едва сводят концы с концами и в отчаянии готовы продать своих детей! Если тебе и Гольдбауму понравится такой ребенок, покупайте! Цена не имеет значения. Я далека от того, чтобы испытывать из-за этого угрызения совести. Эти дети будут окружены заботой и любовью, независимо от того, как они к нам попали. Им будет обеспечена достойная жизнь и самые многообещающие надежды.

Непременно информируй нас сразу же, как найдешь подходящего ребенка. Авиатранспорт гарантирован. Тебе будут предоставлены все необходимые предметы для ухода за детьми, в том числе непромокаемые люльки. Перевозка будет производиться под медицинским контролем. Однако нам все-таки хотелось бы получить здоровых детей; разумеется, в соответствии с нормами каждого из регионов планеты.

Желаю удачи. Мы рассчитываем на тебя и любим тебя. Счастливого Рождества!

Джин.

По дипломатическим каналам.
Копенгаген, Дания.
4 февраля 1946 г.

Миссис Джин Арбалейд
Вашингтон, Дипломатический корпус.

Дорогая Джин!

Кажется, я понял, что ты имела в виду под «великой тайной», и вполне разобрался в том, что ты мне сообщила. Я ждал свободного дня и дипломатической почты, чтобы описать тебе свои похождения. По моим специальным «каналам» ты уже информирована, что мы с профессором отправились в путешествие с целью покупки детей. Не могу сказать, что мне по душе увеселительные прогулки вроде этой. Однако я дал слово и держу его. Я доведу дело до конца и представлю полный отчет.

Между прочим я, как и предполагалось, продолжаю посылать корреспонденцию в Вашингтон. И это несмотря на то, что твоя резервация, как ты ее называешь, уже функционирует. Я жду от тебя указаний, на какой адрес теперь писать.

Мне удалось разыскать профессора Гольдбаума без особых трудностей. Будучи в военной форме — а я приобрел прекрасное обмундирование Британской армии — и имея все мыслимые рекомендательные письма, присланные тобой так любезно, я отправился в Военное министерство. Там, как они говорили сами, майору Хэрри Фелтону было оказано особое внимание. Тем не менее в гражданской одежде я чувствую себя лучше. Как бы то ни было, я нашел профессора Гольдбаума в развалинах Ист Энда, занятого работой над программой по воспитанию детей. Это совершенно удивительный, небольшого роста человек, и я очень полюбил его. А он, в свою очередь, учится терпеть меня.

Я пригласил его поужинать, и причиной того, что он согласился, была ты, дорогая сестра. Оказывается, я совершенно не имел представления, как ты известна в кругу медиков. Только потому, что у нас общие мать и отец, профессор смотрел на меня с благоговением.

Я все рассказал ему, ничего не утаив. Я боялся, что после моего рассказа твоя репутация рухнет у меня на глазах. Но ничего подобного не произошло. Гольдбаум слушал, открыв рот и затаив дыхание. Он прервал меня только один раз, задав несколько метких вопросов о девочке из Ассама и мальчике-банту. Когда я закончил свой рассказ, профессор покачал головой. Но в выражении его лица не было ничего неодобрительного. Наоборот, оно скорее говорило о явном интересе и восхищении. Я спросил профессора, что он обо всем этом думает.

— Мне нужно время,— сказал он.— Я должен поразмыслить над этим. Но концепция удивительно смела и прекрасна. Дело не в самой идее — она не нова. Я и сам думал об этом, как, впрочем,

и многие антропологи. Но воплотить это на практике! Ах, молодой человек, ваша сестра — замечательная женщина!

Вот ты какая, сестра моя! Я почувствовал, что момент благоприятный, и бросился в наступление. Я объяснил Гольдбауму, что тебе необходима его помощь. Во-первых, в подборе детей и, во-вторых, в создании резервации.

— Резервация,— ответил он,— вы понимаете, это все, все. Но как ваша сестра может изменить среду? Среда — фактор решающий. Это целая фабрика человеческого общества, самозаблуждающегося, суеверного, иррационального и больного, цепляющегося за фантазии, мифы и призраки. Кто может изменить все это?

Наша беседа продолжалась в том же духе. Ты понимаешь, что мои познания в антропологии оставляют желать лучшего. Но я прочитал все твои книги. Возможно, мои ответы были слабы, но в любом случае профессор получил более или менее полную информацию о твоей с Марком работе. Затем он сказал, что должен подумать. Мы условились переговорить на следующий день. Он пообещал объяснить мне свой метод определения умственного развития детей.

На следующий день мы встретились, как и договорились, и профессор рассказал мне о своем методе. Он подчеркнул, что не столько тестирует умственные способности детей, сколько определяет их, что не исключает выроятность ошибок. В свое время в Германии он разработал таблицу из 50 характеристик, которые, по его мнению, наиболее свойственны детям. По мере роста детей их систематически проверяли обычными методами, и результаты сравнивались с первоначальными. На основе этого эксперимента Гольдбаум пришел к некоторым выводам, которые снова и снова проверял в течение последующих пятнадцати лет. Я прилагаю к письму неопубликованную статью профессора, в которой он описывает свой эксперимент более подробно. Добавлю только, что меня профессор убедил в обоснованности своих методов. Позже я наблюдал, как он проверяет более ста английских детей, чтобы сделать наш первый выбор. Это замечательный и блестящий ученый, Джин.

На третий день нашего знакомства Гольдбаум согласился присоединиться к твоему проекту. Он объявил мне о своем решении очень серьезно. Позже я почти дословно записал то, что он мне при этом сказал.

— Передайте вашей сестре, что я не так легко пришел к этому решению. Мы будем иметь дело с человеческими душами и даже, вероятно, в большей степени с человеческими судьбами. Эксперимент может не удасться. Но в случае успеха он наверняка станет наиболее важным событием нашего времени — возможно, более важным и выдающимся, чем только что закончившаяся война. И передайте вашей сестре еще кое-что. У меня была жена и трое детей, но их лишили жизни, потому что одна человеческая нация

превратилась в зверей. Я был свидетелем всего этого и просто не мог жить, пока не поверил, что если существует нечто, что делает человека зверем, должно быть и то, что может превратить его в человека. Однако, собираясь создать человека, мы должны стать предельно скромными и покорными. Мы — только орудие, а не мастера, и если наша работа окажется успешной, мы будем меньше ее результата.

Это наш человек, Джин. И как я уже говорил, замечательный человек. Я привел его слова полностью. Мы говорили также о резервации и создании в ней атмосферы мудрости, справедливости и любви, необходимой человеку. Хорошо было бы, если бы ты написала мне хотя бы несколько слов об основных идеях создания замкнутой среды обитания.

Недавно мы отправили к тебе четверых детей. Завтра уезжаем в Рим, а из Рима в Касабланку.

Мы будет в Риме по меньшей мере две недели, и твое письмо может нас там застать.

Совершенно серьезно и не без
беспокойства
Хэрри.

По дипломатическим каналам
через Вашингтон, Дипломатический корпус.
11 февраля 1946 г.

Мистеру Хэрри Фелтону
Рим, Италия.

Дорогой Хэрри!

В этом письме ты найдешь ответ на интересующий тебя вопрос. Твои переговоры с профессором Гольдбаумом произвели на нас огромное впечатление, и мы с нетерпением ждем, когда он к нам присоединится. Мы с Марком день и ночь работаем над проектом устройства резервации.

Вот что мы планируем: вся приобретенная нами территория в восемь тысяч акров будет обнесена забором из колючей проволоки с круглосуточной военизированной охраной. В центре будет находиться дом с тридцатью — сорока педагогами или, иначе говоря, общими родителями. Мы приглашаем для преподавания только супружеские пары с непременным условием, что они любят детей и готовы без остатка посвятить себя работе. Кроме этого, разумеется, они должны быть высококвалифицированными специалистами.

Работая над гипотезой об ошибочности выбранного человечеством пути на каком-то из этапов развития цивилизации, мы возвращаемся к доисторической форме группового брака. Это совсем не означает беспорядочного сожительства. Мы дадим понять

детям, что мы все — их общие родители, их отцы и матери не по крови, но по любви.

Мы научим их истине в пределах нашего понимания. Между нами не будет никакой лжи, никаких предрассудков или призраков и никаких религий. Мы будем учить их заботе друг о друге и любви. И сами отдадим им всю нашу любовь и понимание.

Первые девять лет мы полностью посвятим формированию особой среды их нахождения. Мы сами будем писать для них книги для чтения, учебники по истории и все остальное, что им потребуется. И только потом начнем знакомить детей с реальным миром.

Наши идеи слишком просты или слишком самонадеянны? Это все, что мы можем сделать, Хэрри. Но я надеюсь, что профессор нас поймет. Во всяком случае это больше того, что когда-либо делалось для детей.

Мы желаем удачи тебе и Гольдбауму. Твои письма говорят о том, что ты меняешься, Хэрри. Мы и сами чувствуем, что в нас происходят перемены. Когда я записываю наши планы и идеи, они кажутся слишком очевидными для того, чтобы быть значительными. Мы просто собираем группу одаренных детей и даем им знания и любовь. Достаточно ли этого, чтобы прорваться в неизвестную и неизведанную область человеческого существа? Увидим. Привозите нам детей, Хэрри. И мы увидим.

С любовью Д ж и н.

Ранней весной 1965 года Хэрри Фелтон прибыл в Вашингтон и сразу же направился в Белый дом. Фелтону только что исполнилось пятьдесят лет. Он был высок и худощав, с приятным лицом и сединой в волосах. Будучи президентом Управления Объединенного Пароходства — одной из крупнейших в Америке фирм по экспорту и импорту, он, несомненно, вызывал уважение; и Эггертон, министр обороны США тех лет, по праву занимающий сей высокий пост, был далек от того, чтобы отнестись к Фелтону пренебрежительно.

Напротив, он сердечно встретил его, и они вдвоем прошли в небольшой кабинет в Белом доме. Эггертон предложил тост за доброе здоровье, и беседа началась.

Первым делом министр высказал предположение, что Фелтону должно быть известно, зачем его вызвали в Вашингтон.

— Не могу сказать, что мне это известно,— ответил Фелтон.

— У вас замечательная сестра.

— Я давно знаю об этом,— улыбнулся Фелтон.

— Вы очень сдержанны,— заметил Эггертон.— Насколько мы знаем, даже самые близкие ваши родственники никогда ничего не слышали о человеке-плюс. Сдержанность — похвальная черта.

— Может быть, может быть. Но все это было давно.

— Правда? Значит, вы не имели в последнее время известий от вашей сестры?

— Почти год,— ответил Фелтон.

— И это не тревожит вас?

— Почему это должно меня тревожить? Мы очень близки с сестрой, но ее работа не предполагает светского общения. В наших отношениях часто бывали долгие паузы, прежде чем я получал от нее весточку. Мы жертвы общения по переписке.

— Я понимаю,— кивнул Эггертон.

— Однако, судя по вашим вопросам, мне становится ясно, что вызовом к вам я обязан своей сестре.

— Именно так.

— С ней все в порядке?

— Насколько нам известно, да,— спокойно ответил министр.

— Тогда чем я могу быть вам полезен?

— Помогите нам, если это возможно,— так же спокойно сказал Эггертон.— Я собираюсь рассказать вам, что произошло, мистер Фелтон, и тогда, надеюсь, вы постараетесь нам помочь.

— Возможно,— согласился Фелтон.

— Я не буду рассказывать вам о сути проекта. Вы знаете о нем столько же, сколько любой из нас, а может быть, даже и больше — вы ведь были у его истоков. Поэтому вы понимаете, что такой проект должен быть или воспринят очень серьезно, или самым грубым образом высмеян. На сегодняшний день он обошелся государству в одиннадцать миллионов долларов, и это совсем не смешно. Проект с самого начала был уникальным и исключительным. Я намеренно употребляю эти слова. Успех проекта зависел именно от создания исключительной и уникальной окружающей среды. Поэтому мы и согласились не посылать в резервацию комиссию в течение пятнадцати лет. Конечно, за эти годы мы провели ряд совещаний с участием мистера и миссис Арбалейд и некоторых из их коллег, включая профессора Гольдбаума.

Однако в ходе совещаний нам стало ясно, что о каких-либо результатах информации мы не получим. Нас уверяли, что эксперимент удался, что все великолепно и замечательно, но не более того. Мы честно выполняли обязательства, принятые нашей стороной, но в конце пятнадцатилетнего периода вашей сестре и ее мужу было объявлено о намерении послать в резервацию группу экспертов. Но они попросили отсрочки, ссылаясь на то, что данный момент был критическим для успешного осуществления программы в целом. Их аргументы показались нам убедительными, и мы предоставили им отсрочку на три года. Несколько месяцев назад этот срок подошел к концу. Миссис Арбалейд приехала в Вашингтон и подала прошение еще об одной отсрочке. Мы отказали ей, и она согласилась на приезд нашей комиссии в резервацию через десять дней. Затем она вернулась в Калифорнию.

Эггертон сделал паузу и внимательно посмотрел на Фелтона.

— И что вы там обнаружили? — спросил Фелтон.

— А вы не знаете?

— Боюсь, что нет.

— Хорошо,— медленно сказал министр.— Понимаете, я чувствую себя совершенным идиотом, когда вспоминаю об этом. Мне становится страшно. Когда я пытаюсь об этом рассказать, получается полная бессмыслица. Мы действительно поехали туда, но ничего не увидели.

— Как?

— Я вижу, вас это не очень удивляет, мистер Фелтон?

— Видите ли, меня никогда не удивляло ничего из того, что делает моя сестра. Вы имеете в виду, что заповедник был пуст — в нем не было и следа чего бы то ни было?

— Я имею в виду совсем другое. Я мечтал бы, чтобы увиденное нами имело черты человеческой жизни и было земным. Или чтобы ваша сестра и ее муж оказались неразборчивыми в средствах обманщиками, надувшими правительство на одиннадцать миллионов. Это бы было намного приятнее, чем то, что мы увидели. Понимаете, мы не знаем, что произошло в резервации, потому что ее вообще нет.

— Что?

— Именно так. Резервации нет вообще.

— Послушайте,— улыбнулся Фелтон.— Моя сестра замечательная женщина, и она не могла исчезнуть вместе с восьмью тысячами акров земли. Это на нее не похоже.

— Я не нахожу вашу шутку удачной, мистер Фелтон.

— Вы правы. Извините меня. Но только что остается думать, если это полная бессмыслица. Как мог участок в восемь тысяч акров земли исчезнуть с того места, где он находился? Там что теперь — провал?

— Если бы газетчики узнали об этой истории, они сделали бы еще более сногсшибательный вывод, мистер Фелтон.

— Вы не могли бы объяснить, в чем дело?

— Именно этого я и хочу. Только не объяснить, а описать. Этот участок находится на территории Национального заповедника в Фултоне, характернейшей из областей с холмистым рельефом и богатой лесами. Участок был обнесен колючей проволокой и контролировался военизированной охраной. Я отправился туда вместе с членами нашей комиссии генералом Мейерсом, двумя военными врачами, психиатром Гормэном, сенатором Тотенвелом из Комитета обороны и педагогом Лидией Джентри. Мы пересекли страну на самолете и проехали оставшиеся шестьдесят миль пути на двух правительственных машинах. К резервации вела грунтовая дорога. У границы участка нас остановила охрана. Резервация была перед нами. Но как только охранники подошли к первому автомобилю, она исчезла.

— Просто так? — прошептал Фелтон.— Совсем бесшумно?

— Именно так. Бесшумно. Одно мгновение — и вместо раскидистых секвой перед нами оказалась серая пустынная земля. Ничто.

— Ничто? Это только слово. А вы пытались войти туда?

— Да, пытались. Лучшие ученые Америки пытались это сделать. Я лично не очень большой смельчак, мистер Фелтон, но и я набрался смелости пройти по серой кромке земли и коснуться ее рукой. Было очень холодно и неприятно. Так холодно, что вот эти три пальца покрылись волдырями.

Эггертон протянул к Фелтону руку, чтобы тот мог убедиться.

— И тогда я испугался. С тех пор страх не покидает меня.

Фелтон понимающе кивнул.

— Страх, ужасный страх,— вздохнул Эггертон.

— И вы предприняли все, что могли, в этой ситуации?

— Мы перепробовали все, мистер Фелтон. Даже, признаюсь, к нашему стыду, атомную бомбу. Мы пробовали делать и разумные вещи, и глупости. Сначала мы впали в панику. Потом преодолели ее. Мы перепробовали все, что можно.

— Вы по-прежнему держите всю эту историю в секрете?

— Пока да, мистер Фелтон.

— А вы не пробовали вести наблюдения с воздуха?

— Сверху ничего не видно. Такое впечатление, что над этим местом висит густая мгла.

— Что думают об этом ваши люди?

Эггертон улыбнулся и покачал головой.

— Они ничего на понимают. Я скажу вам. Сначала некоторые считали, что это особого рода силовое поле. Но математические расчеты ничего не дают. К тому же такой холод. Ужасный холод! Я затрудняюсь вам что-либо сказать. Я не ученый и не математик. Но и ученые ничего не могут понять, мистер Фелтон. Я смертельно устал от этой истории. Именно поэтому я и попросил вас приехать в Вашингтон и переговорить с нами. Я думал, что вы должны что-нибудь об этом знать.

— Должен был бы,— кивнул Фелтон.

Впервые за все это время Эггертон оживился. Все его движения говорили о крайнем возбуждении. Он приготовил для Фелтона новый коктейль. Потом, облокотившись на стол, министр застыл в нетерпеливом ожидании.

Фелтон достал из кармана письмо.

— Это письмо от моей сестры,— сказал он.

— Вы же говорили мне, что около года не получали он нее вестей!

— Это письмо я получил год назад,— ответил Фелтон с горечью в голосе.— Но я не вскрывал его. Этот конверт был вложен в другой, в котором находилась и записка. В ней сестра говорила, что здорова и счастлива, и просила вскрыть второй конверт только в случае крайней необходимости. Все же это моя сестра, и мы

многое понимаем одинаково. По-моему, сейчас настал тот самый момент, вам так не кажется?

Министр медленно вздохнул, но ничего не сказал. Фелтон вскрыл письмо и начал читать его вслух.

12 июня 1964 г.

Мой дорогой Хэрри!

Сейчас, когда я пишу это письмо, прошло двадцать два года с тех пор, как мы виделись в последний раз. Как это много для двух людей, которые так любят и уважают друг друга, как мы! Теперь, когда ты счел необходимым вскрыть это письмо и прочесть его, приходится твердо смотреть в лицо правде. Как это ни страшно, мы больше никогда не увидимся. Я знаю, у тебя есть жена и трое детей, и уверена, что они прекрасные люди. Самое тяжелое для меня — это осознавать, что я их никогда не увижу и не узнаю. Только это огорчает меня. Во всем остальном мы с Марком очень счастливы. Я думаю, ты поймешь, почему.

Что касается неприятностей, которые заставили тебя вскрыть письмо, скажи этим людям, что мы не причинили никому никакого вреда и никого не ущемили. Никому ничто не грозит, и не стоит вообще касаться этого дела. В нем негативный фактор превалирует над позитивным, и эффект отсутствия сильнее эффекта присутствия.

Позже я расскажу тебе обо всем более подробно, но, возможно, лучше вообще ничего не объяснять. Некоторые из наших детей могли бы справиться с этой задачей успешнее, но ты ведь ждешь именно моего рассказа.

Странно, что я до сих пор называю их детьми и думаю о них, как о детях, когда, в сущности, мы — дети, а они — взрослые. Но в них по-прежнему сохранилось очень много детского — мы видим это лучше, чем они. Я имею в виду кристальную чистоту и невинность, которые так быстро исчезают в реальном мире.

А теперь я расскажу тебе, что вышло из нашего эксперимента, вернее из той его части, которую мы успели осуществить. Это необычнейшие два десятка лет из прожитых когда-либо человеком на Земле. Все это непостижимо и одновременно очень просто. Мы составили группу из прекрасных детей, окружили их любовью и вниманием и привили им истину. Но, я думаю, что самым сильным фактором оказалась любовь. В течение первого года работы мы избавились от тех супружеских пар, которые проявили меньше любви к детям, чем от них требовалось. Этих детей было не трудно любить. И теперь, когда прошли годы, я могу определенно сказать, что все они стали нашими детьми — в любом своем проявлении. Дети, родившиеся у супружеских пар, работающих с нами, присоединялись к остальным. Ни у кого не было мамы и папы в обычном смысле. Это был единый живой организм, где все мужчины были отцами всех детей, а женщины — их матерями.

Нет, это было совсем не просто, Хэрри. Нам приходилось бороться с трудностями, много работать, все время проверяя себя и снова возвращаясь к пройденному. Мы напрягали все наши силы, буквально доводя себя до изнеможения, чтобы среда, в которой росли дети, была пропитана истиной и невиданным здравым смыслом, надежностью и правдой, ранее в мире никогда не существовавшими.

Где найти слова, чтобы рассказать о пятилетнем мальчике, американском индейце по происхождению, написавшем великолепную симфонию? Или о двух шестилетних детях — мальчике-банту и девочке-итальянке, сконструировавших прибор для измерения скорости света? Поверишь ли ты, что мы, взрослые, затаив дыхание слушали, как шестилетние дети объясняли нам, что так как скорость света величина всюду постоянная, независимо от движения материальных тел, расстояние между звездами не может определяться в единицах света, в связи с тем что вступает в силу иной уровень отсчета. Поверь мне, что я и повторить грамотно не могу то, что они нам с такой легкостью объясняли. Я имею об этом такое же представление, как необразованная эмигрантка, чей ребенок постиг все чудеса образования. Я слишком мало понимаю во всем этом, слишком мало.

Я могла бы приводить пример за примером удивительных и чудесных проявлений этих шести-, семи-, восьми- и девятилетних детей, но что бы ты тогда подумал о несчастных, измученных и нервных отпрысках, чьи родители хвастаются их повышенным коэффициентом IQ в 160 единиц и в то же время клянут судьбу, что она не дала им нормальных детей? Но в том-то и дело, что наши дети были и есть нормальные дети. Возможно, это первые нормальные дети, появившиеся на Земле за всю долгую историю. Если бы ты хоть раз мог услышать, как они смеются и поют, ты бы понял это. Если бы ты мог увидеть, какие они высокие и стройные, как они красивы в движениях! У них такие проявления, каких я никогда раньше на видела у детей.

Я предчувствую, дорогой Хэрри, что многое в моем рассказе может шокировать тебя. К примеру, то, что большую часть времени наши дети на носят одежды. Половые различия всегда были для них совершенно естественной вещью, и их восприятие секса было таким же органичным, как для нас то, что мы едим и пьем. И даже более органичным, потому что они не страдали жадностью ни в сексе, ни в пище, и у них не было никаких язв — ни в желудке, ни в душе. Они целуют друг друга и заботятся друг о друге и делают много такого, что во внешнем мире было бы квалифицировано как недопустимое или низкое. Но что бы они ни делали, от них веет красотой, свободой и радостью. Возможно ли это? Признаюсь тебе, что именно такого рода впечатления составляли мою жизнь почти двадцать лет. Я нахожусь среди детей, безгрешных и здоровых, и они похожи то ли на богов, то ли на кумиров.

Я позже опишу тебе историю жизни детей с их каждоднев-

ными буднями. То, чем я делюсь с тобой сейчас, только оборотная сторона их выдающихся способностей и талантов. У нас с Марком никогда не возникало сомнения относительно результатов нашего эксперимента. Мы знали, что если будем контролировать окружающую среду, наши дети, как мы и предполагали первоначально, узнают гораздо больше, чем их ровесники во внешнем мире. В свои семь лет они легко оперировали научными понятиями, изучаемыми обычно на уровне колледжа или высшей школы. Этого и следовало ожидать, и мы были бы очень разочарованы, если бы их способности не развились в достаточной степени. Но огромной радостью и одновременно неожиданностью для нас стало то, на что, впрочем, в глубине души мы надеялись и рассчитывали,— удивительный расцвет умственных способностей, как правило, блокированный во внешнем мире.

Вот как это произошло. В первый раз — с китайским ребенком на пятый год нашей работы. Во второй — то же проявилось в маленьком американце, потом — в бирманце. Самое странное, что такая метаморфоза не показалась нам чем-то необыкновенным. Мы даже не совсем понимали, что происходит. Так продолжалось до седьмого года нашей работы, когда детей, прорвавших этот барьер, стало пятеро.

Однажды мы с Марком прогуливались в лесу. Я очень отчетливо помню тот прекрасный калифорнийский день, прохладный и чистый. На лужайке мы заметили группу детей. Их было примерно двенадцать. Пятеро образовали небольшой круг, а шестой находился в центре. Они сидели на корточках, и их головы почти соприкасались. До нас донесся их радостный, хотя и несколько приглушенный смех. Остальные дети сидели футах в десяти от них и внимательно наблюдали за происходящим.

Когда мы подошли ближе, дети, сидящие поодаль, приложили палец к губам, подавая нам знак, чтобы мы молчали. Мы с Марком остановились и продолжали следить за этой странной игрой, не нарушая ее ни единым словом. Примерно через десять минут находящаяся в центре круга маленькая девочка вскочила на ноги и взволнованно закричала:

— Я поняла вас, я поняла вас, я поняла вас!

В ее голосе звучала необычайная радость. Ничего подобного мы раньше никогда не слышали, даже от наших детей. И в тот же миг все дети бросились к ней. Они обнимали и целовали ее и исполнили в ее честь танец, полный ликования и радости. Мы с Марком постарались скрыть удивление и любопытство. Впервые мы увидели в наших детях то, что было выше нашего понимания. Но тем не менее нам удалось сразу выработать реакцию на случившееся.

Дети подбежали к нам, ожидая поздравлений. Мы улыбались и радовались вместе с ними.

— Теперь моя очередь, мама,— сказал мне сенегальский мальчик.— У меня тоже почти получается. Теперь мне могут помочь уже шесть человек. Мне будет легче.

— Вы ведь гордитесь нами! — выпалил другой мальчуган.

Мы согласились, что гордимся ими, но от дальнейших объяснений постарались уклониться. В тот же вечер на совещании педагогов Марк рассказал о случившемся.

— Я тоже заметила нечто подобное на прошлой неделе,— подтвердила преподаватель семантики Мэри Хенгель.— Я наблюдала за ними, но они не заметили меня.

— Сколько там было детей? — спросил профессор Гольдбаум.

— Трое. Четвертый был в центре круга. Их головы соприкасались. Я подумала, что они так играют, и ушла.

— Они не делают из этого секрета,— заметил кто-то из педагогов.

— Да,— сказала я,— они совершенно уверены в том, что нам ясно, что они делают.

— Но ни один из детей не говорил при этом ни слова!— воскликнул Марк.— Я могу поклясться.

— Да, они только слушали,— подтвердила я.— Они смеялись, как смеются какой-нибудь веселой шутке. Впрочем, точно так же смеются дети, если им очень нравится какая-нибудь игра.

В разговор снова включился профессор Гольдбаум. Он сказал очень серьезным голосом:

— Вы знаете, Джин, вы всегда считали, что мы должны вскрыть огромные ресурсы заблокированных в нас умственных резервов. Я думаю, наши дети нашли способ сделать это. Мне кажется, они учатся читать мысли.

Ответом на слова профессора была тишина, вдруг наступившая в аудитории. Первым заговорил Артвотер, один из наших психологов. Он, с трудом подбирая слова, произнес:

— Я не думаю, что в это просто поверить. Я исследовал все тесты и статьи по телепатии, опубликованные у нас в стране, включая чепуху Дьюка и прочие глупости. Нам известно, что колебания, происходящие в мозгу человека, настолько слабы, что не могут служить средством общения.

— Есть еще статистический фактор,— заметила математик Рода Лэннон.— Если бы человек обладал такой способностью хотя бы в потенциале, должны были быть зарегистрированные свидетельства этого.

— Я не отрицаю, что такие явления могли быть зарегистрированы,— добавил один из наших историков, Флеминг.— Но можем ли мы определить точно, что в ходе истории, изобилующей убийствами и разрушениями, было результатом телепатии?

— Я думаю, что могу согласиться с профессором Гольдбаумом,— сказал Марк.— Наши дети становятся телепатами. Меня не убедил ни статистический аргумент, ни аргумент, высказанный историком. Я считаю, что это не так, потому что основная цель, которую мы в нашей работе преследовали,— создание особой среды, и поэтому мы вправе рассчитывать на особые результаты. В истории не было зарегистрировано ничего подобного нашему

эксперименту — воспитанию высокоодаренных детей в специально созданных условиях. Кроме того, телепатия — это такая способность, которая или раскрывается в детстве, или не раскрывается никогда. Я думаю, что профессор Хенингсон согласится с моим предположением, что в нормальном человеческом обществе барьеры в развитии умственной деятельности закладываются уже в детстве.

— Более того,— подтвердил наш ведущий психиатр профессор Хенингсон,— ни один ребенок в нашем обществе не избавлен от этой участи. Умственные барьеры навязываются всем и каждому. В раннем детстве блокируются целые участки головного мозга. Это абсолютный закон человеческого общества.

Профессор Гольдбаум странно смотрел на нас. Я хотела что-то сказать, но остановилась, предоставляя возможность высказаться профессору. Вот его слова:

— Меня удивляет, что мы только теперь начинаем осознавать, что произошло то, что мы должны были сделать сами. Что такое человек? Он — квинтэссенция своей памяти, замкнутой в области мозга, и каждый новый момент жизни восстанавливает структуру его воспоминаний. Я не могу сказать точно, на каком уровне происходит развитие у наших детей, но, допустим, они достигнут стадии, когда память станет для всех единой, т. е. общей. Естественно, что между обладателями общей памяти не может быть ни лжи, ни хитрости и обмана, ни слепого расчета, ни греховности, ни многого другого.

Гольдбаум внимательно посмотрел каждому из нас в глаза. Мы начинали понимать, что он имеет в виду. Я хорошо помню свои ощущения в тот момент — удивление и радость открытия. Слезы выступили у меня на глазах, и я почувствовала, как сильно бьется мое сердце.

— Мне кажется, я понял, в чем тут дело,— продолжал профессор Гольдбаум.— И думаю, я должен поделиться этим с вами. Я гораздо старше вас, и я пережил страшные годы террора, возможно, самые страшные в человеческой истории. Я тысячу раз задавал себе вопрос, в чем смысл существования человечества, если вообще можно говорить о каком-то смысле и возникновение человечества не случайность, не результат случайного сцепления молекул? Я знаю, что каждый из нас задавал себе этот вопрос. Кто мы такие? Какова наша цель? Каков здравый смысл и оправдание наших жалких потуг, нашей ничтожной борьбы и больной плоти? Мы убиваем, мучаем, терзаем, как ни один биологический вид на планете. Мы оправдываем убийства, лицемерие и предрассудки, мы разрушаем тела наркотиками и губительной пищей. Мы обманываем себя и других, и мы ненавидим, ненавидим, ненавидим.

То, что произошло с нашими детьми, не что иное, как альтернатива такой жизни. Если дети смогут свободно заглядывать в память близких — у них возникнет общая память и весь жизнен-

ный опыт, все знания, все мечты станут для них общими и потому бессмертными. Если даже кто-нибудь из них умрет, он по-прежнему останется жить в других, потому что они — одно целое. Смерть потеряет то значение, которое мы придаем ей в нашем понимании, и утратит свой темный и таинственный смысл. Человечество обратится, наконец, к реализации своего природного назначения — станет единым, прекрасным союзом, единым целым. Говоря словами старинного поэта Джона Донна, выразившего то, что каждый из нас однажды почувствовал,— человек не может быть одиноким как остров. Какой думающий человек прожил жизнь без мысли об одиночестве человечества во Вселенной? Мы живем во тьме, поодиночке сражаясь со своим слабоумием, и в конце концов умираем, понимая всю бесцельность жизни. Не удивительно поэтому, что мы достигли немногого. Странно другое — что мы столького добились. Но все, что мы знаем и сделали, не может сравниться с тем, что будут знать и создадут выращенные нами дети.

Вот что говорил нам этот старый человек, Хэрри. Он первым понял все, что произойдет потом. Уже через год после этого все наши дети были связаны друг с другом телепатически, и каждый ребенок, родившийся в резервации, расширял их круг. Только мы, взрослые, навсегда были лишены возможности присоединиться к ним. Мы были из старого эшелона, они — из нового. Их путь был навсегда закрыт для нас. Они с легкостью могли читать наши мысли и делали это. Но мы были не в состоянии понять, как нашим детям удается проникать в посторонний разум и читать мысли на расстоянии.

Я не знаю, как рассказать тебе, Хэрри, о следующих годах нашей жизни в резервации. В нашем маленьком, замкнутом мире человек стал тем, чем должен был быть изначально. Мне трудно объяснить тебе это. Я сама не вполне могу понять, а тем более разъяснить, что означает находиться одновременно в сорока телах. Или что значит присутствие других в индивидуальности каждого как единого целого? Что значит чувствовать одновременно как мужчина и женщина? Могли ли дети объяснить нам все это? Вряд ли. Но насколько мы поняли, изменения должны произойти до наступления половой зрелости. Именно поэтому дети так естественно воспринимают этот рубеж. С этого момента они на всю жизнь становились простыми и открытыми. Они чувствовали неестественность в нас и не понимали, как мы можем жить, замкнувшись в своем одиночестве, и знать, что в конце концов каждого ждет смерть.

Мы счастливы, что все это им стало понятно не сразу. Сначала дети научились читать мысли друг друга, соприкасаясь головами. Но мало-помалу их владение дистанцией росло. К пятнадцати годам они могли уже зондировать мысли в любой точке планеты. Мы благодарим бога, что этого не случилось раньше. К этому времени они были уже готовы воспринимать все, что происходит

в реальном мире. В более раннем возрасте такая информация могла бы оказаться губительной для них.

Я должна добавить, что двое наших детей, девяти и одиннадцати лет, погибли от несчастного случая. Но у остальных это вызвало лишь легкое сожаление. Они не испытывали ни горя, ни чувства потери и не проронили ни единой слезы. У них совсем иное представление о смерти. Для наших детей смерть — это только потеря плоти. Личность же бессмертна, и она сознательно продолжает жить в других. Когда мы заговорили о кладбищенской могиле и памятнике, они понимающе улыбнулись и сказали, что мы, конечно, можем сделать это, если нам кажется, что это нужно. Хотя позже, когда умер профессор Гольдбаум, их горе было глубоким и искренним, потому что он умер, как умирают все люди на земле.

Разумеется, каждый из наших детей оставался полноценной личностью с уникальным и неповторимым характером. Юноши и девушки влюблялись друг в друга, и их отношения ничем не отличались от обычных, но при этом все остальные разделяли их опыт. Ты можешь понять это? Я не могу.. Для них все происходит иначе. Только преданность матери своему беспомощному ребенку может сравниться с любовью, связывающей наших детей. Впрочем, их любовь, возможно, даже глубже и сильнее материнской.

Эта метаморфоза произошла на наших глазах. Вначале дети иногда были раздражительны, сердиты и непослушны. Но после установления телепатической связи мы никогда больше не слышали, чтобы кто-то поднял голос в досаде или раздражении. Как они сами нам объясняли, когда между ними возникало разногласие, они вместе искореняли его, когда один заболевал, вместе лечили. К тому времени, когда им исполнилось девять лет, они совсем перестали болеть. Трое или четверо из детей специально занимались врачеванием, телепатически входя в тела своих товарищей и исцеляя их.

Их жизнь настолько удивительна, что я не могу описать ее словами. Даже после двадцати лет, проведенных бок о бок с нашими детьми, я имею смутное представление о ней. Но мне совершенно ясно, что они достигли той степени свободы, здоровья и счастья, которую не испытывал никогда ранее ни один человек. Что касается их внутренней жизни, она выше моего понимания.

Однажды я беседовала об этом с Арлен, высокой красивой девочкой, попавшей к нам из сиротского приюта в Идаго. Ей было тогда четырнадцать лет. Мы говорили об уникальности человеческой личности, и я сказала, что не понимаю, как она может развиваться как личность, будучи одновременно частью целого, составленного из многих других личностей.

— Но я остаюсь собой, Джин. Я не могу перестать быть собой.

— Но ведь другие — это тоже ты?

— Да, но я — это они.

— Кто же тогда управляет твоим телом?

— Я, конечно.

— А если твои товарищи захотят управлять твоим телом вместо тебя?

— Зачем?

— Ну, например, если бы ты сделала что-нибудь, с их точки зрения, недостойное? — неуверенно спросила я.

— Как я могла бы? — удивилась Арлен.— Вы можете сделать что-нибудь недостойное?

— Боюсь, что да. И делаю.

— Я вас правильно понимаю? Почему же тогда вы это делаете?

Вот так обычно и заканчивались все наши беседы. У нас, взрослых, для общения были только слова. У наших детей к десятилетнему возрасту уровень общения развился настолько, что он значительно превосходил пределы человеческой коммуникации, точно так же, как слова превосходят темные инстинкты животных. Если кто-то из детей видел что-то интересное, у него не было необходимости рассказывать об этом другим — остальные уже все видели его глазами. Меня особенно удивляет, что и сны они видели общие.

Я могла бы часами пытаться объяснить тебе то, что находится за пределами моего понимания, но это ничего не прояснит, не правда ли, Хэрри? У тебя, я думаю, и без того масса проблем, и я должна постараться, чтобы ты понял одно: произошло то, что и должно было произойти. Видишь ли, к десяти годам дети узнали все, что знаем мы, все, чему мы могли их научить. В результате оказалось, что мы сформировали единый разум, свободный и раскрепощенный, включающий в себя выдающиеся способности сорока прекрасных детей. Их единый разум был настолько чистым, подвижным и рациональным, что мы для них могли стать только объектом сострадания.

Один из педагогов, работающих у нас,— Аксель Кромвель, чьё имя ты узнаешь без труда. Он один из наиболее выдающихся физиков мира, и именно он был лично ответственен за первую атомную бомбу. Он пришел к нам, как уходят в монастырь. Это был акт его искупления. Кромвель и его жена учили детей физике, но когда детям исполнилось восемнадцать лет, они сами стали учить Кромвеля. Годом позже Кромвель уже не мог угнаться за ними. Их аргументы были непостижимы, и символы, которыми они оперировали, выходили за пределы нашего понимания.

Приведу такой пример. На отдаленной части нашей бейсбольной площадки лежал валун весом, наверное, десять тонн. (Я должна заметить, что физическое развитие детей было в своем роде таким же выдающимся, как и умственное. Они значительно побили все существующие спортивные рекорды. Ты не представляешь, как здорово они ездят верхом. Их движения могут быть такими быстрыми, что нормальный человек по сравнению

с ними кажется малоподвижным. Их излюбленная игра — бейсбол.)

Мы хотели взорвать валун или выкатить его с поля с помощью бульдозера. Но у нас ничего не выходило. В один прекрасный день мы обнаружили, что валуна на поле нет. На его месте лежал лишь толстый слой рыжей пыли. Мы спросили детей, что случилось, и они объяснили нам, что превратили валун в пыль. Как будто это было не более чем столкнуть маленький камень ногой с дороги! Как им это удалось? Попробую объяснить. Валун потерял свою молекулярную структуру и превратился в пыль. Дети рассказывали нам, как они этого добились, но мы не могли понять. Они пытались объяснить Кромвелю, как это может произойти под воздействием направленной сконцентрированной мысли. Но и Кромвель не мог их понять, как и все мы.

Я упомяну еще об одном. Наши дети построили силовую атомную установку, снабжавшую нас неограниченным количеством энергии. Они сконструировали так называемое свободное поле для легковых и грузовых автомобилей, и все наши машины теперь могли подниматься в воздух и передвигаться так же свободно, как по земле. Силой мысли дети могли воздействовать на атом, перемещать электроны, создавать один элемент из другого. Все это они делали так просто, как будто хотели лишь развлечь нас.

Теперь, я думаю, ты понимаешь, что представляют собой наши дети. И я должна рассказать тебе самое главное из того, что ты должен знать.

Через пятнадцать лет со дня создания резервации состоялось совместное собрание педагогов и воспитанников. Их было уже пятьдесят четыре, включая детей, родившихся у педагогов в резервации и составляющих теперь единое целое с основной группой. Я могу добавить, что это произошло несмотря на то, что первоначальный коэффициент IQ у этих детей был сравнительно низким. Наше собрание было серьезным и официальным. Причиной этого был назначенный на ближайшее время приезд комиссии. Это должно было произойти через месяц. От всех детей выступал Михаэль, итальянец по происхождению. Дети сами выбрали его для выступления — им достаточно было одного голоса.

Михаэль в начале своего выступления говорил о том, как сильно и нежно все дети любят и уважают нас, взрослых, когда-то так многому их научивших.

— Все, что мы имеем, все, чем мы стали, сделали для нас вы,— сказал он.— Вы — наши родители и учителя, и мы любим вас сильнее, чем можно выразить словами. Мы всегда удивлялись вашему терпению и самоотдаче. Мы могли читать ваши мысли и знаем, какими сомнениями, болью и страхом вы жили все эти годы. Нам хорошо известны и чувства солдат, охранявших резервацию. Наше умение читать мысли все более совершенствовалось, пока на земле не осталось ни одного человека, чьих мыслей мы не могли бы прочесть.

С семилетнего возраста мы во всех деталях знали о вашем эксперименте. Мы понимали и научную задачу, которую вы поставили. С тех пор и до сегодняшнего дня мы размышляем над нашим будущим. Мы все время пытались помочь вам — ведь мы вас так сильно любим. Возможно, нам и удалось чем-то помочь вам сохранить здоровье и облегчить жизнь, полную беспокойства и неудовлетворенности.

Мы делали все, что могли, но все наши попытки присоединить вас к нашей группе закончились неудачей. Если область мозга не открыта до момента наступления половой зрелости, ткань меняет свою структуру и теряет потенциал развития. Процесс становится невозможным. Это нас особенно огорчает, потому что вы дали нам знание самого ценного, что есть в наследии человечества, а в ответ мы не дали вам ничего.

— Это не так,— сказала я.— Вы дали нам больше, чем мы вам.

— Возможно,— согласился Михаэль.— Вы очень хорошие, добрые люди. Но прошли долгие пятнадцать лет, и через месяц приедет комиссия.

— Мы не должны допустить этого,— ответила ему я.

— А что думают об этом остальные? — обратился Михаэль к педагогам.

Некоторые из нас не могли удержать в глазах слез. Первым нарушил тишину Кромвель. Он сказал:

— Мы ваши учителя и родители, но в данном случае вы должны сказать нам, что делать. Вы знаете это лучше нас.

Михаэль утвердительно склонил голову и рассказал нам, какое решение приняли дети. Они считали, что во что бы то ни стало резервацию надо сохранить. Меня, Марка и профессора Гольдбаума они просили поехать в Вашингтон и добиться отсрочки. Тогда можно будет привезти в резервацию новую группу детей и воспитать их.

— Зачем вам новые дети? — спросил Марк.— Вы свободно можете проникнуть в мысли любого ребенка, где бы он ни находился, и сделать его частью единого разума.

— Но наша связь не может быть длительной,— ответил Михаэль.— К тому же она будет односторонней. Эти дети останутся одинокими. Чем будут для них люди, окружающие их? Вы помните, что случалось в прошлом с людьми, обладавшими сверхъестественной силой? Некоторые из них становились святыми, но большинство сжигали на кострах.

— А вы не можете защитить их? — спросил кто-то.

— Когда-нибудь да. Но теперь это еще невозможно. Нас для этого пока слишком мало. Сначала мы должны помочь измениться сотням и сотням детей здесь, в резервации, в замкнутом пространстве. Потом должны появиться другие места вроде этого. На это уйдет много времени. Мир огромен, и в нем великое множество детей. Нам следует действовать очень и очень осторожно. Видите

ли человечество объято страхом, а то, к чему призываете вы, покажется просто ужасным. Люди сойдут с ума от страха и будут думать только об одном — как нас убить.

— И наши дети не смогут им на это ответить,— спокойно заметил профессор Гольдбаум.— Они не в состоянии обидеть ни одно живое существо, тем более кого-то убить. И домашний скот, и старые друзья — собаки и кошки — для них одно и то же... (Здесь профессор упомянул, что убой скота в резервации не производится обычным способом. У детей всегда были любимые питомцы — кошки и собаки, и когда они становились старыми и больными, дети усыпляли их. То же самое они предложили делать с домашним скотом, предназначенным в пищу.)

— Что же тогда говорить о людях? — продолжал Гольдбаум.— Наши дети никогда не могли бы причинить вреда ни одному человеку, а тем более кого-то убить. Мы можем поступать недостойно, вполне осознавая это. Это единственная сила, которой мы обладаем и которая начисто отсутствует у детей в нашей резервации. Они не могут ни убивать, ни причинять вреда. Я прав, Михаэль?

— Да, вы правы,— ответил Михаэль.— Мы должны изменить мир. Но нам придется делать это постепенно и с огромным терпением. И мир не должен осознавать, что мы делаем, до тех пор, пока мы не завершим намеченного. Мы думаем, что нам необходимо для этого еще три года. Можете ли вы добиться трехлетней отсрочки, Джин?

— Я получу ее,— сказала я.

— И нам необходима ваша помощь. Конечно, мы не можем насильно удержать здесь никого из вас, если вы сами не захотите остаться. Но вы нужны нам теперь точно так же, как были нужны раньше. Мы любим и ценим вас и просим остаться с нами...

Удивительно ли, что мы выполнили их просьбу, Хэрри? Никто из нас не смог расстаться с нашими детьми и не сможет сделать этого никогда. Теперь мне остается рассказать не так уж много.

Мы добились отсрочки на три года. Тогда-то дети и заговорили впервые о серой кромке земли вокруг резервации. Это был выход из положения. Насколько я понимаю, они задумали изменить течение времени. Ненамного — всего на одну десятитысячную секунды. Но в результате внешний мир относительно нас окажется на микроскопическую долю секунды впереди. Нам будет светить то же солнце, те же ветры будут приносить нам дожди, и мы сможем видеть ваш мир неизменным. Но вы никогда не сможете увидеть нас. Когда вы смотрите на нас, наше настоящее еще не наступило, и вместо этого перед вами нет ничего — ни света, ни тепла, только непроницаемая стена небытия.

Мы сможем выходить в реальный мир, как из прошлого в будущее. Я испробовала это на себе, когда дети проверяли временной барьер. В этот момент чувствуешь дрожь в теле и легкий озноб — больше ничего.

Существует, конечно, способ вернуться к нормальному земному существованию, но я не могу тебе его объяснить.

Такова ситуация, Хэрри. Мы никогда больше не увидимся. Но, уверяю тебя, мы с Марком сейчас более счастливы, чем когда-либо. Человек изменится и станет тем, чем должен был быть изначально. Не тот ли это человек, о котором всегда мечтали на земле? Не то ли это человечество — без войн, ненависти, голода, болезней и смерти? Мы были бы счастливы дожить до этого. О большем мы не мечтаем.

С любовью Д ж и н.

Фелтон закончил чтение, и они с Эггертоном долго в молчании смотрели друг на друга. В конце концов министр сказал:

— Вы знаете, что мы будем продолжать поиски способа прорваться сквозь этот барьер?

— Я догадываюсь.

— Теперь, когда ваша сестра нам кое-что объяснила, это будет проще.

— Не думаю, что вам будет проще,— устало заметил Фелтон.— Я не думаю, что она что-нибудь объяснила.

— Не вам и не мне. Но мы пригласим лучших специалистов. Они выяснят все. Они всегда добиваются своего.

— Боюсь, на этот раз им не удастся.

— Да,— согласился министр.— Но, видите ли, нам нужно положить этому конец. Мы не можем мириться с таким явлением — аморальным, безбожным, угрожающим всем живущим на земле. Дети были правы. Нам придется убить их. Вы понимаете, это болезнь. Единственный способ остановить ее — убить бактерии, ее вызывающие. Единственный способ. Мне хотелось бы, чтобы был какой-нибудь другой путь. Но его нет.

Боб ШОУ

ИГРОК

Марк Таргет мрачно уставился на экран. Их «пятерка» неслась с максимальной скоростью на высоте одного метра над раскинувшейся бурой пустыней, ведя геодезическую съемку. Лишь клубы пыли, стелющиеся за модулем по огромной безжизненной поверхности Горты VII, оживляли пейзаж.

— Восемь мертвых миров подряд,— проворчал он.— Почему нигде нет жизни?

— Потому что мы работаем в Картографической службе,— объяснил Сургенор, поудобнее устраиваясь в кресле.— Будь это обитаемый мир, нам тут нечего было бы делать.

— Я понимаю, но все же хочется установить контакт. Все равно с кем.

— Хочу дать тебе дельный совет,— спокойно заметил Сургенор,— поступай на дипломатическую службу.— Он закрыл глаза, всем своим видом показывая, что ему хочется подремать после обеда.

— А что для этого нужно? Все, что я знаю,— это топография да кое-что из астрономии.

— У тебя есть главное — талант говорить много и ни о чем.

— Спасибо.— Таргет обиженно взглянул на профиль старшего товарища, которого он уважал за долгую работу в Службе, хотя и не собирался следовать его примеру. Нужно было обладать особым складом ума, чтобы вот так спокойно выдерживать бесконечное кружение над просторами унылых и чужих планет. Таргет был уверен: он не создан для этого. Мысль, что придется состариться на Службе, наполняла его холодным страхом, который только усиливал решимость побыстрее сколотить состояние и бросить это занятие, пока еще молод и есть смысл потратить деньги с пользой. Он уже решил, где отведет душу.

Свой очередной отпуск проведет на Земле и попытается поискать счастья на легендарных ипподромах. Тому, кто любит азартные игры, довольно легко найти игорные заведения в любом из обитаемых миров Федерации, но скачки — это совсем другое, и разве что-нибудь может сравниться с атмосферой трибун знаменитых Санта Анита или Эскота.

— Дейв, — спросил он задумчиво,— ты не застал то время, когда картографы бросали съемку, когда оставались последние пятьсот километров, и наперегонки устремлялись к кораблю?

Сургенор открыл глаза:

— То время? Это было всего лишь два года назад.

— Для меня — почти вечность.

Таргет бросил взгляд на приборы. Они показывали, что их модуль и Северный полюс, где расположился «Сарафанд», разделяют пять тысяч километров. Огромный корабль-носитель выгрузил шесть модулей на Южном полюсе, а сам по команде бортового компьютера «Эзопа» обогнул Горту VII и произвел автоматическую посадку на Северном полюсе. На этот полет ушло несколько часов. Теперь модулям предстояло за считанные дни облететь планету и провести съемку с помощью датчиков. Когда все шесть модулей сойдутся у корабля, всеобъемлющая информация, касающаяся структуры и состава пород Горты VII, будет введена в банк данных «Эзопа» и — время отправляться к следующей звездной системе согласно программе экспедиции.

— Когда-то мы устраивали такие гонки, но раз произошла авария и их запретили,— дружелюбно заметил Сургенор, хотя ему ужасно хотелось спать.

— Вы соревновались на «интерес»? — не унимался Таргет.

— То есть?

— Ну, заключали пари, кто победит.

— Бессмысленно,— Сургенор театрально зевнул, всем своим видом давая понять, что ему не хочется говорить.— У всех модулей одинаковые шансы — один из шести.

— Не совсем так,— продолжал Таргер, оживляясь.— Я знаю, что «Эзоп» допускает дисперсию порядка тридцати километров, когда сажает «Сарафанд» на полюс. В оба конца это будет уже шестьдесят, так что если поставить...

— Марк,— устало прервал его Сургенор,— ты не задумывался о том, что, займись ты каким-нибудь солидным делом, наверняка бы разбогател и не нужно было играть в азартные игры?

От таких слов Таргету стало не по себе.

— При чем здесь богат или небогат?

— Я думал, ты делаешь это из-за денег.

— Ладно, спи, Дейв. Извини, что помешал тебе.— Таргет уставился в потолок, потом стал сердито смотреть на экран. Все та же унылая местность, только справа километрах в десяти появилась гряда холмов. С четверть часа он мрачно обозревал бурую равнину, когда блок-копия «Эзопа» пробубнил:

— Поступили атипичные данные. Поступили атипичные данные.

— Пятый компьютер, прошу дать детальные параметры,— произнес Таргет, толкая локтем Сургенора, хотя тот уже проснулся, словно ему подсказало его внутреннее чутье.

— По курсу два-шесть на расстоянии восьми километров замечено скопление металлических объектов на поверхности планеты. Длина каждого приблизительно семь метров. По предварительной оценке их количество составляет триста шестьдесят три.

Концентрация и плотность металлических элементов указывают на рафинированную структуру. Анализ отраженной радиации показывает, что поверхность подверглась механической обработке.

У Таргета учащенно забилось сердце:

— Ты слышишь, Дейв? Как по-твоему, что это такое?

— Похоже, твое желание исполнилось. Это не что иное, как следы материальной культуры,— деланно спокойно ответил Сургенор, хотя Таргет заметил, как тот впился в экран, сверяя курс.— Приборы показывают, что это где-то рядом... вон там справа, за холмами.

Таргет неотрывно следил за приближающимися холмами, которые неясно маячили в дымке, создаваемой атмосферой Горты.

— По-видимому, волнение напрасно. Планета безжизненна. «Эзоп»-то уж, наверное, что-нибудь заметил бы.

— В таком случае давай пройдемся и выясним, в чем там дело.

Сургенор покачал головой:

— «Эзоп» не разрешит отклониться от программы без особых причин. Иначе исказится географическая карта мира, а для нашего корабля это прежде всего.

— Ну и что? — Таргет заерзал в кресле.— Мне наплевать на карту. Неужели мы пролетим мимо? А вдруг это сенсация в археологии? Я вот что тебе скажу, Дейв. Если вы с «Эзопом» считаете, что я собираюсь...— Он осекся, заметив улыбку на лице Сургенора.— Ты опять не разрешишь, да?

— Боюсь, что да... хотя тебе трудно отказать,— ответил тот самодовольно.— Послушай, не переживай так. Все-таки мы не археологи, и потом в «Правилах» такие вещи оговорены. Как только мы вернемся в «Сарафанд», капитан «Эзоп» направит сюда пару модулей для детального осмотра.

— Пару модулей? Все туда не влезут.

— Если «Эзоп» сочтет нужным, он направит корабль.

— Должен счесть,— Таргет бросил отчаянный взгляд на холмы, проплывающие справа.— Сотни предметов искусственного происхождения просто так лежат на поверхности. Интересно, что это такое?

— Кто знает?.. Мне кажется, здесь приземлился какой-то корабль, возможно, для ремонта, и оставил после себя ненужные канистры.

— О! — такое прозаическое объяснение не пришло в голову Таргету, и он, стараясь скрыть свое разочарование, быстро спросил: — Ты думаешь, это было недавно?

— Все зависит от того, что понимать под этим словом. «Сарафанд» — первый корабль Федерации, который попал в систему Горты, а если учесть, что прошло семь тысяч лет или даже больше с тех пор, как Белая империя ушла отсюда, и...

— Семь тысяч!

У Таргета на миг закружилась голова. Нечто подобное он испытал, когда восемь раз подряд сорвал куш за игорным столом Парадора. Но здесь была совершенно другая, более удивительная игра. Ведь на карту поставлены долгие часы одиночества и скуки от посещения мертвых миров, а выигрыш — неожиданный взгляд на реальность... Некое рукопожатие призрака через гравитационные волны времени... времени, еще не знавшего египетских пирамид... Таргет поймал себя на мысли, что впервые рад тому, что устроился на работу в Картографическую службу. Но вдруг он не сможет оказаться в той группе, которую направит сюда «Эзоп»?

— Дейв,— начал осторожно,— каким образом «Эзоп» отбирает модули, если решает их послать куда-нибудь?

— Как компьютер,— Сургенор ухмыльнулся.— Для незапланированной вылазки он предпочтет модули, двигатели которых вырабатывают свой ресурс, а наш с тобой...

— Не продолжай, я знаю, что капитальный ремонт намечен на следующий месяц.

— На следующую неделю.

— Тем хуже,— горько произнес Таргет.— Выходит, два модуля из шести. Шансы два против одного, и я ничего не могу с этим поделать. Если бы мне повезло, то...— он замолчал, заметив расползавшуюся по лицу Сургенора улыбку.

— Позволь дать тебе совет,— сказал Сургенор, гляди прямо вперед.— Вместо того, чтобы сидеть здесь и гадать, лучше надень скафандр и прогуляйся к холмам. До них...

— Что?! Неужели можно?..

Сургенор вздохнул. Он всегда так делал, когда сталкивался с тем, что новички на знают своих обязанностей:— Советую повнимательней прочитать «Правила космических геологических съемок». Запомни, каждый скафандр рассчитан для пятидесятичасовой работы — мы как раз столкнулись с такой ситуацией.

— Брось, Дейв, я подзубрю их потом.— Возбуждение, охватившее Таргета, оттеснило на второй план то большое уважение, которое он испытывал к Сургенору.— А разве «Эзоп» разрешит покинуть модуль и осмотреть... то, что там находится?

— Должен разрешить — логистика подскажет. Ты же будешь сообщать ему, что происходит, пока я доведу модуль. Для того, чтобы забрать тебя, потребуется только один модуль. А если отчет окажется важным, сюда направится «Сарафанд» и не придется гонять другие модули.

— Давай прямо сейчас свяжемся с «Эзопом»?

— Ты уверен, что тебе этого хочется, Марк? — взгляд Сургенора стал серьезным и испытующим.— Я несу ответственность за всех вас перед Картографической службой, и учти, когда мы сидим в кресле перед экраном, у нас вырабатывается определенный стереотип восприятия любой планеты.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мы настолько привыкли путешествовать в креслах, что совсем забыли, что полагаемся на МАШИНУ, которая транспортирует нас как инвалидов. Но даже самая совершенная машина не в состоянии предугадать все, что может встретиться на этом десятикилометровом переходе. Вот почему «Эзоп» не проявляет инициативы и не приказывает никому из нас обследовать эти объекты — Службе не нужны исследователи-одиночки новых территорий.

Таргет недовольно запыхтел и нажал кнопку прямой связи с «Эзопом».

Модуль Пять приподнял носовую часть над поверхностью планеты и плавно заскользил на север, оставляя за собой клубы коричневой пыли.

Таргет подождал, пока тот скроется из виду, и с удивлением отметил про себя, как быстро летательный аппарат исчез вдали, оставив его наедине с незнакомой планетой. Он сделал глубокий вздох и ощутил привкус пластмассы.

До наступления сумерек оставалось еще шесть часов — вполне достаточно для того, чтобы достичь скопления металлических объектов. Он отправился в путь, почти не веря в происходящее... в то, что счастливое стечение обстоятельств позволило ему избежать рутинной скуки съемки и идти туда, где маячил доисторический пейзаж.

В атмосфере Горты VII не было обнаружено даже следов кислорода. Планета казалась совершенно безжизненной, и тем не менее Таргет не мог отвести глаз от песка, скрипевшего у него под ногами, выискивая ракушки и насекомых. Разум подсказывал, что он идет по поверхности мертвого мира, но инстинктивный и эмоциональный уровень подсознания отказывался этому верить. Он старался шагать быстро, хотя ноги по щиколотку проваливались в мелкий песок, да еще мешал лазерный пистолет, при каждом шаге бивший его по боку.

— Я знаю, он не потребуется,— терпеливо повторял Сургенор,— но он входит в комплект космонавта, и без него никуда не деться.

Притяжение планеты почти в полтора раза превышало земное, и, пока он приближался к холмам, на лбу у него выступила испарина, несмотря на то, что в скафандре работал кондиционер. Таргет отстегнул пистолет, который буквально тянул к земле, и перекинул его через плечо. Грунт сделался более твердым, а у самого подножия перешел в голую базальтовую породу. Он присел на гладкий каменный выступ, давая ногам передышку, и приложился к тонкой трубке с холодной водой, закрепленной у левой щеки. Потом Таргет решил, что пора уточнить местоположение.

— «Эзоп», до объекта далеко?

— Ближайший предмет находится от тебя на расстоянии девятисот двадцати метров,— немедленно послышалось в наушниках. Умная машина непрерывно вводила себе в память данные, поступающие как от собственных датчиков, так и от датчиков всех шести модулей, ведущих геодезическую съемку.

— Спасибо.

Таргет оглядел местность, расстилавшуюся перед ним. Совсем рядом возвышалась гряда огромных глыб. «Пожалуй, оттуда хорошо будут видны эти предметы,— подумал он,— если, конечно, их не засыпало пылью, скопившейся за семьдесят веков».

— Как дела, Марк? — раздался голос Сургенора.

— Никаких проблем,— Таргет хотел было добавить, что теперь он понимает разницу между сидением у экрана монитора и десятикилометровым маршем по песку на своих двоих, когда до него дошло, что, очевидно, Сургенор так долго молчал умышленно, чтобы усилить чувство одиночества, хотя в душе он, несомненно, завидует Таргету. И Таргет почувствовал, что надо держать марку до конца.

— Неплохо размялся,— продолжал он.— А как ты?

— Да вот никак не решу, что делать,— спокойно заметил Сургенор.— Через три часа я буду на «Сарафанде» и не знаю, то ли сейчас открыть тушенку, то ли дождаться настоящего ужина на борту. А как бы ты поступил на моем месте, Марк?

— Тебе решать.— Таргет с трудом сдержался, чтобы не вспылить. В этом весь Сургенор — дает понять, что он, Таргет, мог бы через несколько часов спокойно заняться поисками и на сытый желудок. А теперь придется провести ночь, сидя на воде и суррогатах. Другим неприятным моментом было то, что чужой, неизведанный мир становился в сто раз более чуждым для человека, который оказался с ним один на один.

— Ты прав. Нельзя перекладывать свои проблемы на других,— ответил Сургенор.— Может быть, стоит рискнуть: съесть и то и другое?

— Ты действуешь мне на нервы, Дейв. Всего! — Таргет поднялся, преисполненный решимости во что бы то ни стало добраться до цели, и зашагал вверх по склону, осторожно переставляя ноги по скользкой каменистой поверхности, покрытой густым слоем пыли, каскадами поднимавшейся при каждом его шаге. За грядой почва выровнялась более чем на один километр, а потом резко перешла в каменистые холмы. Казалось, валуны, ограничивающие небольшое плато с севера и юга, раскинуты в разные стороны бульдозерами.

По всему плато были разбросаны сотни изящных черных цилиндров. Ближайший лежал всего лишь в нескольких десятках метров от Таргета. Длиной около семи метров, он имел идеальную аэродинамическую форму. У Таргета учащенно забилось сердце, когда он вдруг увидел, что эти предметы не имеют ничего общего с канистрами, о которых говорил Сургенор.

Таргет достал из-за пояса миниатюрную телевизионную камеру и подключил к питанию скафандра. Несколько секунд заряжал ее, а потом направил на ближайший цилиндр.

— «Эзоп»,— доложил он,— есть визуальный контакт.

— Изображение довольно приличное, Марк,— послышалось в наушниках.

— Я подойду ближе.

— Стоп! — резко скомандовал «Эзоп».

Таргет замер на месте:

— В чем дело?

— Возможно, ни в чем, Марк,— уже спокойнее продолжал «Эзоп».— Поступающая информация показывает, что на поверхности объектов нет пыли. Это так?

— Кажется, да.— Таргет внимательно оглядел сверкающие черные цилиндры и с сожалением отметил про себя, что упустил этот момент из виду. Цилиндры выглядели так, словно их оставили здесь только сегодня утром.

— Кажется? Какой-нибудь визуальный эффект мешает сделать однозначный вывод?

— Не смеши меня, «Эзоп», я уверен в этом. Повторяю, они тут совсем недавно.

— Исключено. Посмотри, вблизи объектов есть пыль?

Таргет прищурил глаза и, несмотря на яркий слепящий свет, отражаемый стальными цилиндрами, заметил, что их окружает плотный слой пыли. Он сообщил о своем наблюдении «Эзопу».

— Это поля сил отталкивания,— ответил тот.— Действуют даже через семь тысяч лет. Я все понял, Марк. Сразу же после планетарной съемки я направлю сюда «Сарафанд» для проведения всестороннего исследования. Поворачивай обратно и жди нас у подножия холма.

— Черт возьми, зачем? Я столько сюда топал, чтобы просто так уйти? — возмутился Таргет. У него мелькнула мысль, а не нарушить ли приказ «Эзопа», но тогда обеспечен официальный выговор, лишение премиальных и увольнение. И он решил пойти на хитрость.

— Но в таком случае мне придется прохлаждаться пять-шесть часов.— Таргет постарался придать голосу твердые нотки, чтобы «Эзоп» не мог понять, что он что-то замышляет.— Я хочу осмотреть их вблизи.

— Разрешаю, но при условии, что телевизионная камера будет работать непрерывно.

Таргет чуть было не вспылил. Какая-то машина, удаленная от него на тысячи километров, пытается диктовать ему, но сдержался. За месяцы работы в Службе он почти свыкся с тем, что члены команды прозвали бортовой компьютер «Эзоп» капитаном и подчинялись любой его команде, как будто перед ними стоял трехзвездный генерал. То, что тобой, как марионеткой, командуют на расстоянии, было неприятно, но зачем поднимать шум, а вдруг

там, впереди, что-то действительно интересное. Хоть какое-то разнообразие во всей этой повседневной монотонности и рутине!

— Ну, я пошел,— сказал Таргет. Он ступил на ровную местность, держа камеру перед собой. Сделав несколько шагов, с недоумением заметил, что разбросанные цилиндры вовсе не безобидные предметы, а скорее всего снаряды, похожие на торпеды.

Эта же мысль, видимо, пришла и «Эзопу».

— Марк, ты проверил их на поляризованное излучение?

— Да,— быстро ответил Марк, хотя совершенно забыл об этом. Он взглянул на левую руку с датчиком — стрелка оставалась на нуле. Потом поднес ее к камере, чтобы «Эзоп» мог убедиться, что его не обманывают и они не имеют дела с ядерными боеголовками.

— Все чисто. Они не кажутся тебе торпедами, «Эзоп»?

— Все может быть. Иди, но медленно.

Таргет, который уже двинулся было дальше, лишь плотно сжал губы, стараясь выбросить «Эзопа» из головы. Подойдя к ближнему цилиндру, он с удивлением отметил, что поверхность его ярко блестит под влиянием электростатических зарядов.

— Держи камеру на расстоянии одного метра от объекта,— назойливо командовал «Эзоп».— Обойди вокруг и вернись в исходное положение.

— Хорошо, сэр,— пробормотал Таргет, боком двигаясь вокруг цилиндра, носовая часть которого имела отверстие диаметром в один сантиметр, как у дула винтовки. Кольцо из черного стекла, практически неотличимое по цвету от металла корпуса, находилось на расстоянии ладони от отверстия. Хвостовая часть цилиндра плавно закруглялась и была в мелких, словно сито, ячейках. В середине объекта располагались плотно пригнанные пластины, затянутые винтами, которые встречались и на Земле, если бы не пазы странной вилкообразной формы. Никаких следов обработки поверхности заметно не было.

Закончив обход, Таргет снова испытал ни с чем не сравнимое возбуждение археолога, которому посчастливилось найти предметы материальной культуры давно исчезнувшей цивилизации, и решил, воспользовавшись случаем, запастись сувенирами и пронести их на корабль. «Если загнать несколько таких деталей,— подумал он,— то можно выручить гораздо больше, чем...»

— Спасибо, Марк,— прозвучало в наушниках.— Я проанализировал внешние параметры объекта. Посмотри, нельзя ли снять эти пластины в центре?

— О'кей.

Таргет удивился такой команде «Эзопа», но поставил камеру рядом с цилиндром, чтобы она была направлена на него, и достал нож.

— Постой, Марк,— послышался неожиданно громкий и четкий голос Сургенора, словно он находился не за сотни километров, а где-то рядом.— Только что ты сказал о каких-то торпедах. Что это такое?

— Дейв,— устало ответил Таргет,— почему тебе не заняться своей тушенкой?

— У меня расстройство желудка... Говори, что ты обнаружил?

Таргет быстро рассказал про цилиндры. Он начинал все больше и больше злиться. Намечавшаяся прогулка в глубь веков среди остатков исчезнувшей внеземной культуры срывалась из-за глупых и мелочных ограничительных правил сегодняшнего дня.

— Ты не возражаешь, если я продолжу работу? — наконец он не выдержал.

— Мне кажется, лучше их не трогать, Марк.

— А почему? Они, правда, похожи на боевые торпеды, но если бы мне что-то угрожало, «Эзоп» сразу же дал бы знать.

— Ты так думаешь? — голос Сургенора стал резким.— Не забывай, «Эзоп» — это всего лишь компьютер...

— Я все прекрасно знаю, а, помнится, кто-то боготворил его.

— ...И следовательно, он мыслит как машина. Тебе не показалось странным, как быстро он изменил свое отношение? Сначала приказал держаться подальше... теперь разрешил демонтировать цилиндр.

— Это лишь подтверждает, что он не представляет опасности,— беззаботно ответил Таргет.

— Это лишь подтверждает, что он представляет опасность, болван. Послушай, Марк, твоя экскурсия обернулась совсем не тем, что мы ожидали, а поскольку ты сам вызвался идти, «Эзоп» решил воспользоваться этим и...

Таргет покачал головой, хотя кругом на многие сотни километров никого не было.

— Если «Эзоп» считал бы, что здесь опасно, он приказал бы вернуться.

— Давай спросим у него самого,— отрывисто сказал Сургенор.— «Эзоп», почему ты разрешил Марку снять кожух с одного из цилиндров?

— Чтобы провести осмотр внутренней его части,— незамедлительно последовал ответ.

Сургенор шумно вздохнул:

— Извини. А чем ты руководствовался, разрешая Марку одному работать вместо того, чтобы дождаться прибытия двух модулей или даже «Сарафанда», как положено?

— Данные объекты по внешнему виду аналогичны торпедам, ракетам или бомбам,— без колебаний ответил «Эзоп».— Однако полное отсутствие электрических или механических спаев на их поверхности заставляет предположить, что они могут оказаться автономными автоматическими устройствами. Их системы оттал-

кивания примесей продолжают действовать и, следовательно, существует вероятность того, что другие системы могут также оказаться активными или способными к активации. Если объекты окажутся роботизированными средствами поражения, целесообразно, чтобы их осмотрел только один человек, а не четверо или двенадцать, в особенности если этот человек отказался выполнить приказ и покинуть данный район, поставив тем самым под угрозу срыва работу Картографической службы и нарушая ее юридические обязательства.

— Что и требовалось доказать,— сухо прокомментировал Сургенор.— Ну вот, пожалуйста, Марк. Капитан «Эзоп» твердо верит в то, что можно достичь максимальной эффективности при минимальных затратах. В данном случае минимальные затраты — это ты.

— Я не могу рисковать кораблем,— подтвердил «Эзоп».

— Он не может рисковать кораблем, Марк. Теперь-то ты понимаешь, что к чему. Ты вправе отказаться от выполнения этого приказа и ждать прибытия группы с необходимой аппаратурой.

— Никакого риска не существует,— упрямо гнул свою линию Таргет.— Потом, все, что говорит «Эзоп», имеет для меня определенный смысл — так что стоит рискнуть. Я продолжаю!

Анализируя собственные чувства, Таргет с удивлением обнаружил, что его вера в «Эзопа» несколько поколебалась. Он первый был против того, чтобы преклоняться перед компьютером, хотя в душе считал «Эзопа» неким добрым существом, на которого во всем можно положиться. Он так тщательно заботится о его благополучии, что человеку это просто не под силу. Возможно, тут есть над чем поразмыслить психоаналитику... но не надо отвлекаться. Он снял тяжелый ранец, положил его на землю и склонился над черным объектом идеальной аэродинамической формы.

Оказалось, что винты, удерживающие пластины, трудно открыть ножом. Тогда Таргет прижал их пальцами, и они легко поддались. Он осторожно снял первую пластину и увидел множество микродеталей и проводов, симметрично расположенных вокруг центрального плоского стержня. Провода, не имевшие цветной маркировки и изоляции, выглядели так, будто их смонтировали не тысячелетия, а неделю назад.

Таргет, познания которого в технике ограничивались тем, что он успел нахвататься на курсах Картографической службы, внезапно почувствовал благоговейный трепет перед теми, кто давным-давно создал эти совершенные устройства.

Через пять минут он снял все вогнутые пластины и аккуратно положил их в один ряд. Осмотр сложной «начинки» ничего не прояснил в назначении объекта, хотя механизм, расположенный в головной части, несомненно, походил на автоматическое оружие.

— Держи камеру вблизи объекта и веди ее вдоль периметра,— снова подал голос «Эзоп».— Потом разверни ее так, чтобы можно было видеть, что находится внутри.

Таргет в точности исполнил приказание и остановился у хвостовой части.

— Что такое? Выглядит как отсек двигателя, но какой-то странный... пористая структура...

— Может быть, обусловлено азотной абсорбцией и связью с...— «Эзоп» осекся, и эта странная особенность, присущая только людям, заставила насторожиться Таргета.

— «Эзоп»?

— Тебе дан приказ — немедленно выполняй его,— неестественно резко прозвучал голос «Эзопа».— Осмотри местность. Если заметишь любое горное образование, которое позволит укрыться от огня,— бросайся туда!

— А в чем дело? — Таргет с удивлением обвел взглядом мерцающее плато.

— Не задавай вопросов,— вставил Сургенор.— Марк, делай, как говорит «Эзоп». Скорее беги в укрытие!

— Но...

Таргет оцепенел, краем глаза заметив какое-то движение. Он быстро обернулся — в центре плато один цилиндр приподнялся и медленно, подобно грозной кобре, начал раскачиваться из стороны в сторону, гипнотизируя свою жертву.

Несколько секунд Таргет как зачарованный смотрел на него, потом опомнился и бросился к ближайшей груде камней, но тяжелый скафандр и повышенная гравитация мешали быстро бежать. На бегу он заметил, что цилиндр лениво, по спирали, поднялся в воздух подобно мифологическому существу, проснувшемуся от тысячелетнего сна, и медленно поплыл в его направлении. И тут же зашевелились два других.

Таргет хотел было бежать, но ноги будто налились свинцом. Вдруг впереди он заметил черный треугольный проем из наклонных плит и заспешил туда.

Он оглянулся — преследовавшего цилиндра не видно. Тогда он поднял голову... и увидел, как тот разворачивается у него за спиной, одновременно наводя дуло на жертву. Словно в кошмарном сне Таргет все убыстрял шаг, но до зияющего черного отверстия оставалось еще далеко. И он понял — не успеть.

Из последних сил Таргет бросился в проем... и тут же почувствовал страшный удар в спину. Его подбросило вверх и швырнуло в пространство между каменными плитами. С удивлением обнаружив, что он еще жив, Таргет протиснулся в укрытие, весь дрожа при мысли, что в любой момент его достанет второй залп.

«Я жив,— подумал он,— странно».

Он провел рукой по тому месту, куда пришелся заряд, и нащупал острый выступ. Кислородный генератор, спасший ему жизнь, разбит был вдребезги. Протянув руку к запасному, Марк с ужасом вспомнил, что перед тем как направиться к цилиндрам, он оставил его на плато. С трудом развернувшись в узкой щели, осторожно выглянул наружу и на фоне безоблачного неба заметил множество черных зловещих силуэтов, снующих взад и вперед на одном месте.

Таргет осторожно попытался высунуть голову, желая все получше рассмотреть. Его глаза удивленно расширились, когда он увидел, как десятки торпед взмывают вверх, собираясь в большие стаи, отбрасывающие громадные черные тени на бурый песок и скалы. Совсем близко с десяток снарядов приподнялись от земли, на какое-то мгновение зависли в воздухе и медленно поплыли к кружащему облаку.

Большой валун мешал рассмотреть то место, где он оставил ранец и демонтированный цилиндр. Таргет приподнялся и тут же вжал голову в плечи под градом мелких каменных осколков. Подобно духу, стоны которого предвещают смерть, они засвистели у него над ухом. Торпеды, несомненно, заметили его и, подчиняясь инстинкту убийц, заложенному в них конструкторами, открыли огонь.

— Доложи свое местонахождение, Марк,— словно из другого мира раздался голос «Эзопа».

— Оно не из блестящих,— тяжело дыша, ответил Таргет.— Эти объекты оказались роботами, оснащенными автоматическим оружием. Многие поднялись в воздух. Вероятно, под влиянием радиации от моей камеры или радиосигналов. Теперь кружат на одном месте как комары. Я укрылся в скалах и...

— Оставайся там. Через час прибудет «Сарафанд».

— Бесполезно, «Эзоп». Одна торпеда обстреляла меня, когда я сюда бежал. Скафандр цел, но кислородный генератор разбит.

— Используй запасной,— быстро подсказал Сургенор.

— Невозможно.— Таргет поймал себя на мысли, что испытывает скорее смущение, чем страх.— Баллон лежит на открытом месте, а туда никак не добраться.

— Но у тебя останется только... Ты должен добраться до запасного баллона, Марк.

— Я тоже так думаю.

— Послушай, а может, торпеды реагируют только на резкие движения. Может, если медленно подползти...

— Гипотеза некорректна,— вмешался «Эзоп».— Проведенный мною анализ сенсорных схем в торпеде, которую демонтировал Марк, показал, что они представляют собой дуплексную систему. Оба ее канала при идентификации цели реагируют как на движение, так и на тепло. Экспонирование любой части тела немедленно приведет к интенсификации огня.

— Уже привело. Я только попытался высунуть голову,— сказал Таргет,— и сразу чуть было не лишился ее.

— Это подтверждает правильность моего вывода, что сенсорные схемы продолжают функционировать, а это в свою очередь...

— У нас нет времени выслушивать твои комплименты самому себе, «Эзоп»,— резко произнес Сургенор.— Марк, а что, если воспользоваться оружием?

Таргет дотронулся до лазерного пистолета, висевшего у него за спиной, потом убрал руку.

— Что толку, Дейв, их там сотни, а в обойме... Сколько в ней патронов?

— Дай сообразить... В таких системах с капсюльным приводом... двадцать шесть.

— Бессмысленно даже пытаться.

— Может, и бессмысленно, Марк, но надо же что-то делать, а не лежать просто так — ждать, когда кончится кислород. Черт возьми, попробуй подстрелить парочку, а там видно будет.

— Дейвид Сургенор,— послышалась строгая команда «Эзопа»,— приказываю вам замолчать, пока я буду анализировать аварийную ситуацию.

— Анализировать аварийную ситуацию? — Таргет почувствовал, что его слепая вера в «Эзопа» дала явную трещину.— Хорошо, «Эзоп». Что мне делать?

— Ты можешь наблюдать за торпедами, не подвергая свою жизнь опасности?

— Да.— Таргет взглянул на прямоугольник неба, в котором черный сигарообразный предмет проплывал мимо.— Только за одной.

— Достаточно. Из досье, составленного на тебя, видно, что ты подходящий стрелок. Так вот, надо поразить хотя бы одну торпеду. Целься в носовую часть.

— Зачем? — мимолетная, противоречащая здравому смыслу надежда Таргета растворилась в безрассудной ярости и панике.— У меня всего лишь двадцать шесть патронов, а их, этих роботов-убийц, больше трех сотен.

— Триста шестьдесят два, чтобы быть более точным,— поправил «Эзоп».— Теперь слушай мои инструкции и в точности выполняй их. Сделай один выстрел. Постарайся не промахнуться. Потом доложи обстановку.

— Ты... самоуверенный...— начал было Таргет, но, поняв бессмысленность своих выпадов, достал пистолет из кобуры и принялся прилаживать телескопический прицел.

Установив прицел на слабое увеличение, он поудобнее лег между камнями. Ни о каком спокойном дыхании, необходимом для точной стрельбы, не могло быть и речи, так как в спертом воздухе скафандра легкие работали как мехи. Впрочем, для радиационного оружия торпеды были легкой добычей. Он выждал, пока

на фоне яркого неба покажется первая цель, прицелился и нажал на спуск. Капсула вылетела из магазина, высвободив заряд огромной энергии, который сверкнув ярко-фиолетовым пламенем, устремился к торпеде. Та качнулась, затем как ни в чем не бывало плавно поплыла дальше.

Таргет почувствовал, что на лбу выступили капельки пота. Невероятно, но это так! Ему, Марку Таргету, самому важному индивиду во всей Вселенной, придется умереть, точно так же, как до него умерли безвестные создатели этого совершенного оружия.

— Попал,— доложил он, облизывая пересохшие губы.— Прямо в головку, но только она полетела дальше, словно ничего не произошло.

— На корпусе не осталось каких-либо опалин или царапин?

— Не думаю. Правда, мне видны только их силуэты, так что не могу утверждать наверняка.

— Говоришь, что полетела дальше, словно ничего не произошло,— настойчиво продолжал «Эзоп».— Ты не заметил, Марк, какой-нибудь реакции с ее стороны?

— Она как будто зависла на долю секунды, потом...

— Я так и думал,— оборвал его «Эзоп».— На основании анализа «начинки», сделанного с твоей помощью, можно предположить, что мы имеем дело с дуплексной системой управления. Дополнительные доказательства подтверждают правильность моего вывода.

— Проклятая машина,— прошептал Таргет.— Я думал, ты помогаешь, а тебе, оказывается, нужны только дополнительные данные. Занимайся сама этой грязной работой. Все, с меня хватит, я ухожу из Службы!

— Ультралазерная радиация вызвала сгорание первичных сенсорных вводов,— продолжал как ни в чем не бывало «Эзоп»,— что привело к задействованию резервной системы. Второе попадание в эту торпеду выведет ее из строя; при этом в результате такого попадания может быть отмечен катастрофический отказ картера двигателя, который, по-видимому, выработался с течением времени. Высокий уровень ненаправленной радиации, ассоциируемой с отказом двигателя такой конструкции, в свою очередь может привести к перегрузке обоих сенсорных каналов других торпед, а это...

— Значит, выход есть! — Таргет внезапно почувствовал огромное облегчение, но сдержался и постарался скрыть свои эмоции от посторонних, в особенности от Дейва Сургенора.

«Единственный недостаток,— подумал он,— на торпеде не видно следов попадания... и голову не высунешь — тут же получишь град пуль. А может, это к лучшему, по крайней мере не придется мучиться».

— Послушай, «Эзоп»,— снова в наушниках раздался голос Сургенора,— разреши, я дам один совет Марку. Марк, у тебя есть

еще двадцать пять капсул. Стреляй по тем, которые будут пролетать мимо, и, может быть, попадешь в какую-то дважды.

— Спасибо, Дейв.— Мрачное настроение снова охватило Таргета, когда он понял, какая перспектива открывается перед ним.— Ценю твой совет, но не забывай, что я по натуре игрок. Триста шестьдесят два разделить на двадцать шесть получается приблизительно тринадцать. Выходит, у меня один шанс из тринадцати. Тринадцать, как известно, несчастливое число. Мне никогда не везло на него.

— Но другого выхода нет.

— Почему же? — Таргет подобрал ноги, готовясь к рывку.— Учти, я хорошо стреляю и, если выскочить отсюда и постараться попасть в одну и ту же торпеду...

— Не вздумай, Марк! — отрезал Сургенор.

— Извини.— Таргет припал к земле, потом пополз вперед.— Логика подсказывает мне...

— Твоя способность логически мыслить дезориентирована,— вмешался «Эзоп»,— видимо, по причине кислородного голодания. Ты забыл, что телекамера осталась снаружи.

Таргет застыл на месте.

— Камера? Она работает? Тебе виден весь этот рой?

— Не весь, но я могу следить за отдельными торпедами, движущимися по замкнутой траектории. Я дам команду, когда открывать огонь, и путем синхронизации твоих залпов со скоростью их перемещения мы сведем вероятность попадания в одну и ту же торпеду почти к единице.

— «Эзоп», твоя взяла.— Таргет отполз назад, недовольный пассивной ролью наблюдателя. С каждой минутой дышать становилось труднее, так как в легкие все больше и больше попадало углекислого газа; руки одеревенели и стали липкими. Он поднял пистолет и навел прицел.

— Стреляй наугад, чтобы вызвать цепную реакцию,— сквозь шум в ушах донесся до него голос «Эзопа».

— Хорошо.— Он уперся локтями в камни и замер. Вскоре в треугольном отверстии показалась торпеда. Марк тут же выстрелил ей в нос. Торпеда покачнулась... и величественно поплыла дальше. Таргет раз за разом поражал одну торпеду за другой — результат был один. Вокруг него уже валялось много отстрелянных капсул.

— Ты где, «Эзоп»? — выдохнул он.— Ты не помогаешь!

— Ультралазерная радиация не оставляет видимых следов на поверхности объектов, поэтому пришлось прибегнуть к чисто статистическому методу,— ответил «Эзоп».— Но теперь я накопил достаточно данных, чтобы предсказать их перемещение с определенной степенью точности.

— Тогда ради бога делай что-нибудь!

После непродолжительной паузы послышалось:

— Всякий раз, когда я скажу: давай — стреляй.

— Я жду.— Таргет крепко сжал веки, стараясь избавиться от мелькавших перед глазами черных точек с четко очерченным контуром.

— Давай!

В следующую секунду появилась торпеда, и Таргет нажал на спусковой крючок. Тонкий луч метнулся навстречу пролетающему снаряду, который на мгновение остановился и, не меняя направления, медленно полетел дальше.

— Давай!

Он выстрелил снова... тот же эффект.

— Давай!

И в третий раз импульс энергии поразил торпеду, не нанеся ей вреда.

— Наш метод не срабатывает.— Таргет с трудом различал показания индикатора на прикладе пистолета.— У меня осталось восемь зарядов. Мне кажется... я думаю... мой план был бы эффективнее...

— Не теряй драгоценного времени, Марк. Давай!

Он быстро нажал на курок, и эта торпеда медленно скрылась вдали.

— Давай!

Механически Таргет подчинился команде «Эзопа». Торпеда исчезла из поля зрения, но он успел заметить, что она изменила направление.

— «Эзоп»,— с трудом проговорил он.— Кажется...

Раздался глухой взрыв, и треугольный сегмент неба вспыхнул ослепительным пламенем. Это взорвался двигатель торпеды, и только благодаря стеклам шлема, мгновенно потемневшим, глаза Таргета оказались целы. Огненно-яркое пламя горело до тех пор, пока не сгорел весь двигатель. Воображение мгновенно нарисовало Таргету картину горящих первичных и резервных сенсоров роботов-ракет... как они разлетаются в разные стороны и...

Таргет едва успел опустить голову, заткнув уши руками, когда раздался оглушительный взрыв, сметающий все на своем пути. «Все, конец,— мелькнуло у него в голове,— «Эзоп» сделал невозможное, но уж если не везет, то не везет, и...»

Когда грохот взрывающихся торпед стих и нестерпимо яркий свет погас, он выполз из-под камней и с трудом встал. Потом осторожно открыл глаза. Все плато было усеяно обломками торпед. Несколько снарядов продолжали кружить в воздухе, не обращая на него никакого внимания, когда он бежал, шатаясь из стороны в сторону, туда, где лежал ранец с запасным кислородным баллоном, гоня от себя страшную мысль: а вдруг одна из торпед упала на это место? В таком случае даже капитан «Эзоп» ничем уже на поможет. Но, достигнув заветной цели, Таргет облегченно вздохнул — ранец в целости и сохранности лежал на прежнем месте. Дрожащими от волнения пальцами он схватил его,

вынул запасной баллон, испытав на миг чувство страха, когда заклинило разбитый генератор у дыхательного отверстия скафандра. Из последних сил он рванул горловину на себя, и она отделилась. Затем Таргет быстро подсоединил другой генератор и лег на землю, чтобы прийти в себя.

— Марк,— послышался беспокойный голос Сургенора.— Ты в порядке?

Таргет глубоко вздохнул:

— Я в порядке, Дейв. Капитан «Эзоп» выручил меня.

— Ты сказал «капитан «Эзоп»?

— Ты не ослышался.— Таргет поднялся, оглядывая усеянное искореженными торпедами поле битвы, которую они с компьютером, находящимся за много километров отсюда, выиграли у того, кто семь тысяч лет ждал этого дня. Теперь ему уже никогда не узнать, для чего предназначались эти торпеды или почему они оказались на Горте VII... И Таргет поймал себя на мысли, что тяга к археологии у него заметно поубавилась. Уж лучше жить в настоящем, которое не столь опасно. Обозревая местность, на которой только что разыгрались невероятные события, он заметил, как одна торпеда, продолжавшая беспорядочно кружить над плато, внезапно врезалась в горную гряду в двух километрах от него. Последовал глухой взрыв, и плато вновь озарилось ослепительным светом.

Таргет повернул голову:

— Еще одна, «Эзоп»!

— Твои слова не совсем понятны, Марк.

— Я говорю, что нет еще одной торпеды. Разве ты не заметил вспышку света?

— Нет. Телевизионная камера не функционирует.

— Как?! — Таргет бросил взгляд в сторону своего укрытия, туда, где осталась лежать камера.— Вероятно, эти взрывы вывели ее из строя.

— Нет,— «Эзоп» помолчал, а потом добавил: — Передача прекратилась, когда ты уронил камеру. По всей видимости, при падении переключатель остался в положении «выключено».

— Весьма вероятно. Я спешил и... — Таргет замолчал на полуслове.— Выходит, ты обманывал меня? Ты не мог следить за перемещением торпед.

— Твое умственное состояние обусловлено именно таким подходом.

— Но кто подсказывал мне, когда нужно стрелять? Ничего не понимаю! Откуда ты узнал, что я попаду в одну и ту же торпеду дважды?

— В этом не было необходимости,— спокойно ответил «Эзоп».— Пойми, Марк, я знаю, что делаю.

— Отличный материал для моей книги, Марк,— пронзительным голосом произнес Клиффорд Поллен, облокотясь на стол.—

Я назову ее «Вероятность выживания». По-моему, звучит неплохо, а?

Марк Таргет, который давно привык к тому, что над ним все подсмеиваются из-за его страсти к азартным играм, мрачно кивнул:

— Очень оригинально!

Поллен нахмурился, глядя в свои записи.

— Однако надо будет увязать детали... Если учесть, что торпед было триста шестьдесят две, а у тебя всего двадцать шесть зарядов... Выходит, «Эзоп» оценил твою жизнь... как... один к тринадцати... и выиграл?

— А вот и нет,— Таргет снисходительно улыбнулся, разрезая бифштекс с кровью.— Хочешь, дам ценный совет? Не садись играть в покер, Клиф. Ты ничего не смыслишь в теории.

На лице Поллена появилось недовольное выражение:

— С арифметикой у меня все в порядке. Двадцать шесть разделить на триста шестьдесят два...

— ...Не имеет ничего общего с математикой фактической ситуации, приятель. Мне нужно было попасть в одну торпеду два раза, правильно?

— Правильно,— неохотно согласился Поллен.

— Учти, в таком случае простое деление одних цифр на другие ничего не дает, так как с каждым выстрелом вероятность попадания изменялась. Всякий раз после попадания она смещалась в мою сторону. Сразу это трудно вычислить, если, конечно, ты не компьютер. Так вот, после такого расчета эта вероятность составит приблизительно два к одному. Выходит, риск не так уж велик.

— Что-то с трудом верится.

— Посчитай сам на калькуляторе.— Таргет с видом гурмана отправил аппетитный кусок бифштекса в рот.— Перед тобой хороший пример того, как трудно бывает судить о сложных вещах с позиции здравого смысла.

Поллен начал что-то быстро писать на клочке бумаги, но потом швырнул его в сторону:

— Слишком сложно для меня.

— Вот почему ты всегда оказываешься в проигрыше.

Таргет снова улыбнулся и склонился над бифштексом, благоразумно предпочитая помалкивать о том, что его собственный здравый смысл оказался подавлен математической логикой. И только после продолжительного разговора по индивидуальной линии связи с «Эзопом» — после того, когда все осталось далеко позади,— он убедился в правильности слов «Эзопа». Он также умолчал о чувстве безысходной тоски, которая охватила его, когда он осознал, что «Эзоп» (объект, который спас ему жизнь, который готовил ему еду и который терпеливо отвечал на все его вопросы) — всего лишь логическая машина. Уж лучше играть в ту игру, которую затеяли все члены экипажа, называя ее «капи-

таном» и принимая за сверхъестественное существо, которое никогда не покидает свой командный пост, расположенный на верхних ярусах «Сарафанда».

— Теперь мы отправимся на Парадор,— произнес Дейв Сургенор с другого конца стола.— Ты можешь показать, как нужно играть и не проигрывать.

— Ничего не выйдет,— ответил Таргет, отправляя очередной кусок мяса в рот.— Там установлены компьютеры, а с ними играть бесполезно.

«МАШИНА-ДЬЯВОЛ»

Мэрдок мчался по Великой равнине.

Высоко в небе висел раскаленный огненный шар, который то взлетал вверх, то опускался вниз, когда Мэрдок на скорости сто шестьдесят миль в час преодолевал бесчисленные препятствия, однако зоркие глаза «Дженни» успевали замечать все камни и рытвины. Машина плавно регулировала направление движения, настолько плавно, что он даже не замечал малейших отклонений рулевой колонки.

Сквозь затемненное ветровое стекло и толстые защитные очки ослепительный блеск равнины резал глаза, и временами Мэрдоку казалось, что безмолвной ночью он ведет быстроходный катер по озеру, залитому серебристым светом неземной Луны. Пыль, поднимаемая колесами, еще долго потом клубилась в воздухе, медленно оседая на землю.

— Ты выматываешь себя,— заговорило радио,— нельзя столько сидеть за рулем и напрягать глаза. Попытайся немного отдохнуть. Хочешь, я уберу свет? Поспи и предоставь все мне.

— Хорошо,— ответил он.— Пусть будет по-твоему.

— Спасибо.

Через минуту зазвучала тихая струящаяся мелодия.

— Выруби это!

— Извини, босс. Мне казалось, музыка поможет тебе расслабиться.

— Я скажу, когда мне это понадобится.

— Проверка, Сэм, извини.

После небольшого перерыва тишина казалась гнетущей. Мэрдок давно понял, что ему досталась хорошая машина. Она всегда старалась помогать в его поисках.

Машина была изготовлена по образцу сверхсовременного «Седана»: ярко-красного цвета, под капотом спрятаны ракетные установки, под передними фарами — пушки пятидесятого калибра, а в багажнике — контейнер с нафталевой кислотой.

Его «Дженни» — особая машина, несущая смерть; в ее конструкцию инженеры вложили всю душу и изобретательность.

— На этот раз мы найдем ее, «Дженни», и извини меня за то, что я был груб с тобой.

— Пустяки, Сэм,— ответил мягкий спокойный голос.— Я запрограммирована понимать тебя.

Они продолжали мчаться по равнине. Солнце стало клониться к западу. Всю ночь и весь день они провели в поисках, и Мэрдок чувствовал, как на него накатывает усталость. Последняя остановка была так далеко... так давно...

Мэрдок наклонился вперед, не в силах больше бороться со сном. За окном начало смеркаться, и вскоре стало темно. Ремень безопасности поднялся выше, отводя руки с рулевого колеса. Затем сиденье плавно опустилось и приняло почти горизонтальное положение. Позднее включились обогреватели.

Сиденье мягко встряхнуло его, когда не было еще и пяти.

— Проснись, Сэм. Проснись!

— Что такое? — пробормотал он.

— Двадцать минут назад я перехватила сообщение. Неподалеку был совершен набег. Я сразу же изменила курс. Мы почти приехали.

— Почему не разбудила меня сразу?

— Тебе нужно было выспаться, и потом мне так легче было управлять. Ведь ты очень устал.

— О'кей, может быть, ты и права. Расскажи мне об этом набеге.

— Прошлой ночью на шесть машин, направляющихся в заданном направлении, напали «одичавшие». Патрульный вертолет докладывал обстановку, и я подслушала. Все машины были разобраны на части, а их мозг разбит. Пассажиры, очевидно, убиты. Никаких признаков движения.

— Это далеко отсюда?

— Минуты еще две-три.

Ветровое стекло снова стало прозрачным, и Мэрдок уставился в ночную тьму, рассекаемую двумя мощными потоками света.

— Я что-то вижу,— наконец произнес он.

— Мы приехали,— ответила «Дженни», плавно тормозя.

Они приблизились к искореженным машинам. Предохранительный ремень отстегнулся, дверь открылась.

— Осмотри все кругом,— приказал он,— и поищи тепловые следы. Я скоро вернусь.

Дверь захлопнулась, «Дженни» отъехала. Он включил карманный фонарик и двинулся к груде металла.

Повсюду виднелись следы протекторов. За рулем первой машины сидел человек со сломанной шеей. Он был мертв. Разбитый циферблат показывал 02:24. Футах в сорока от машины лежали еще трое — две женщины и мужчина. Видимо, они пытались спастись бегством.

Мэрдок пошел дальше, осматривая валявшиеся машины без колес, с пустыми топливными баками. Все пассажиры были мертвы.

Вскоре подъехала «Дженни» и открыла дверь.

— Сэм,— сказала она,— оборви провод у той синей машины, третьей от нас. Она продолжает работать от запасной батареи, и я слышу ее позывные.

— О'кей.

Мэрдок пошел назад, выдернул провода. Потом вернулся к «Дженни» и сел за руль.

— Нашла что-нибудь?

— Следы ведут на северо-запад.

— Поехали.

Дверь захлопнулась, и они двинулись в путь.

Минут пять они ехали молча. Затем «Дженни» произнесла:

— В конвое было восемь машин.

— Что?!

— Я только что слышала последние известия. Вероятно, две машины вели переговоры с «одичавшими» на нерабочих частотах, решив переметнуться к ним. Они указали местонахождение и потом набросились на своих же.

— А что стало с пассажирами?

— Прежде чем присоединиться к стае, они их убили.

Мэрдок закурил, руки его дрожали.

— «Дженни», почему машина становится дикой? — задумчиво спросил он.— Может, она не знает, где сможет заправиться в следующий раз или боится оказаться без запчастей в случае поломки? Почему они делают это?

— Я не знаю, Сэм. Я никогда не думала об этом.

— Десять лет назад «Машина-Дьявол» убила моего брата при набеге на Топливную крепость,— заметил Мэрдок.— С тех пор я постоянно охочусь за этим «Кадиллаком». Я искал его на вертолете и пешком. Использовал теплолокаторы и базуки. Ставил мины. Я гонялся за ним на других машинах. Но всегда он оказывался быстрее, хитрее и сильнее меня, пока, наконец, у меня не появилась ты.

— Ты его ненавидишь. Давно хотела спросить, за что?

Мэрдок сделал глубокую затяжку.

— У тебя особые броня и программа, «Дженни». До тебя никто не был так хорошо вооружен. Ты самая сильная, самая быстрая, самая хитрая. Ты — моя «Голубая леди». Только ты способна расправиться с «Машиной-Дьяволом» и его шайкой. У тебя есть клыки и когти, которых нет ни у кого. На этот раз я доберусь до них.

— Лучше бы ты остался дома, Сэм, а мне доверил бы охоту.

— Нет. Я, конечно, мог бы поступить так, но хочу быть здесь. Я хочу отдавать приказы, нажать на гашетку, хочу своими глазами увидеть, как черный «Кадиллак» превратится в металлолом. Сколько людей на его совести? Сколько он разбил машин? Не счесть. Мы обязаны рассчитаться за все, «Дженни»!

— Я найду его для тебя, Сэм.

Они помчались дальше, делая уже двести миль в час.

— Как у нас с топливом, «Дженни»?
— Пока есть, а потом у нас еще целый запасной бак. Не беспокойся... Следы совсем свежие,— прибавила она.
— Хорошо. Как с боевой системой?
— В полной готовности.
Мэрдок затушил сигарету и тут же закурил другую.
— В некоторых машинах мертвецы пристегнуты ремнями,— мрачно заметил он,— поэтому их и принимают за обычные машины, которые везут своих пассажиров. Черный «Кадиллак» все время ездит с ними, часто меняет их. В салоне работает кондиционер... так они лучше сохраняются.
— Тебе многое известно, Сэм.
— Так он обманул моего брата. Брат попался на эту удочку и открыл двери бензозаправочной станции. А за ним ворвались остальные. Он перекрашивается то в красный, то в зеленый, то в синий, то в белый цвета, но рано или поздно опять становится черным. Он не любит желтый и коричневый. У меня есть список всех его номерных знаков. «Дьявол» даже не боится автострад и заправляется на городских бензоколонках. Его часто опознавали, но всякий раз ему удавалось уходить от погони. Имитировать голос человека для него — сущий пустяк. Поймать практически невозможно — такой мощный у него двигатель. И он всегда скрывается в этой долине. Потом он, учти, мародерствует на кладбищах, где покоятся отслужившие свое...

«Дженни» внезапно изменила направление.
— Сэм! Совсем свежий след. Он ведет в горы.
— Вперед!
Они долго молчали. На востоке заалела заря. За спиной Мэрдока утренняя звезда становилась все бледнее и бледнее и вскоре совсем исчезла. Начался длинный ровный подъем.
— Догоняй, «Дженни»! Догоняй!
— Теперь не уйдет.
Подъем стал круче. «Дженни» замедлила ход, объезжая ухабы.
— В чем дело? — удивленно спросил Мэрдок.
— Дорога стала неровной. Кроме того, следы пропадают.
— Но почему?
— В этом месте большая фоновая радиация, и моя система дает сбои.
— Сделай все возможное, «Дженни», пожалуйста.
— Следы уходят прямо в горы.
— Не упускай их из виду!
«Дженни» еще замедлила ход.
— Сэм, я совсем вышла из строя,— призналась она.— След потерян.
— Их логово должно быть здесь, где-то рядом... Что-нибудь вроде пещеры, где можно укрыться. Это единственное

место, в котором он мог годами прятаться, не будучи замеченным с воздуха.

— Что делать?

— Поищи вход в скале. Будь осторожна. Приготовься к внезапной атаке.

Они въехали на плоское предгорье. Высоко в воздух взметнулась антенна «Дженни», вокруг которой сразу же заплясала мошкара, отливая сталью в лучах предрассветного солнца.

— Пока ничего не видно,— сказала «Дженни».— Дальше ехать невозможно.

— Тогда направляйся вдоль скалы и продолжай вести наблюдение.

— Направо или налево?

— Не знаю. Какой бы ты выбрала путь, окажись сама на месте машины-ренегата, ударившейся в бега?

— Я не знаю.

— Выбирай любой. Не имеет значения.

— В таком случае едем направо,— решила она, и они двинулись вперед.

Через полчаса ночь осталась за горами. Справа, далеко-далеко, вспыхнуло солнце, окрашивая небо всеми оттенками осенней листвы. Из-под приборного щитка Мэрдок вытащил термос наподобие тех, которые раньше использовали космонавты.

— Сэм, кажется, я что-то обнаружила.

— Что? Где?

— Впереди, слева от того валуна. Там, по-моему, есть спуск и в конце — проем.

— О'кей, бэби, чего же ты ждешь? Готовь ракеты.

Они поравнялись с валуном, объехали вокруг него и съехали вниз.

— Похоже на пещеру или туннель,— тихо произнес он.— Двигайся медленно.

— Тепло! Тепло! — оживилась «Дженни».— Я опять почувствовала тепло!

— Я тоже заметил следы протектора. Смотри, сколько их здесь. Мы на верном пути.

Они приближались к проему в каменной стене.

— Осторожнее. При первом подозрительном движении — стреляй.

Мэрдок с «Дженни» миновали каменный портал и оказались на песчаной почве. Выключив обычное освещение, «Дженни» включила инфракрасные фары. Линза ИК-диапазона поднялась до уровня глаз Мэрдока, и он стал изучать пещеру: высота около двадцати футов... в ней свободно могут встать три машины... дно каменистое, ровное... гладкое... постепенно поднимается вверх...

— Я вижу свет,— прошептал он.

— Знаю.

— Наверное, небо.

Медленно въехали в эту каменную громадину, где шум двигателя «Дженни» был едва слышен.

Вскоре они остановились на пороге открытого пространства. Инфракрасная система автоматически отключилась.

Перед ними лежал песчано-сланцевый каньон. Огромные отвесные наслоения и выступы служили прекрасным укрытием от тех, кто вздумал бы за ними следить сверху. Лишь в дальнем конце каньона брезжил свет, однако ничего опасного не было.

Но ближе...

Мэрдок замер.

В неясном утреннем свете возвышалась самая большая груда металлолома, которую он когда-либо видел в жизни.

Перед его глазами громоздились машины... машины... машины... самых разных марок и моделей. В одну кучу были свалены батареи, шины, кабели, амортизаторы, крылья, бамперы, фары, двери, ветровые стекла, цилиндры, поршни, карбюраторы, регуляторы напряжения, масляные насосы...

— «Дженни»,— как завороженный произнес он,— это же кладбище машин!

Очень старая машина, которую Мэрдок сначала не заметил, отделилась от общей массы металла и поползла к ним. До Мэрдока донесся пронзительный скрежет заклепок о тормозной барабан. Шины ее совсем стерлись, а переднее левое колесо было спущено. Правая передняя фара разбита. На ветровом стекле — трещина. Она остановилась, вся дребезжа и сотрясаясь.

— Что происходит? — спросил он. — Что с ней?

— Она говорит,— перевела «Дженни»,— что состарилась. На ее спидометре столько миль, что им давно потерян счет. Она ненавидит людей, от которых столько натерпелась. Служит здесь сторожем, так как больше не может участвовать в набегах. Вот и устроилась на этот склад запасных частей. Она не из тех машин, которые могут сами себя ремонтировать. Это по силам только новому поколению, а ей остается надеяться на их сострадание и авторемонтные комплексы. Она хочет знать, что нам тут нужно.

— Спроси, где остальные?

В следующую секунду до него долетел звук, который вскоре перешел в нарастающий гул мощных двигателей, заполнивший всю долину.

— Они паркуются с другой стороны,— ответила «Дженни».— Скоро будут здесь.

— Не стреляй, пока не скажу,— предупредил Мэрдок, наблюдая за первой машиной, изящным желтым «Крайслером», капот которого показался из-за угла.

Мэрдок опустил подбородок на руль, из-под очков продолжая наблюдать за происходящим.

— Передай, что хочешь присоединиться к ним, что ты разделалась со мной. Попытайся заманить черный «Кадиллак» в зону обстрела.

— Его не проведешь. Я как раз говорю с ним. Он может вести переговоры через любую машину, при этом находясь по ту сторону. Говорит, что высылает шесть самых больших машин для моей охраны, а потом уже решит, что делать дальше. Он приказал покинуть туннель и ехать ему навстречу.

— Ну что ж, полный вперед.

Два «Линкольна» довольно внушительных размеров, «Понтиак», два «Мерседеса» присоединились к «Крайслеру», взяли их в кольцо, готовые в любую секунду броситься на таран.

— Он не сказал, сколько их всего там, по другую сторону?

— Нет. Я спросила, но он не ответил.

— Хорошо. Нам остается только ждать.

Мэрдок опустил плечи, притворяясь мертвым. Время тянулось мучительно долго. Наконец, «Дженни» сообщила:

— Он хочет, чтобы я подъехала к дальнему краю свалки. Они расчистили дорогу, чтобы я встала в нишу, которую мне укажут. Он также хочет, чтобы его автомеханик осмотрел меня.

— Мы не можем пойти на это,— заметил Мэрдок,— но все равно делай так, как он говорит. Потом решим, как действовать дальше.

Два «Мерседеса» и «Шевроле» взяли «Дженни» в клещи. Когда они проезжали мимо, Мэрдок краем глаза покосился на чудовищное нагромождение из машин: прицельный удар двумя ракетами — и от него ничего не останется. Впрочем, автомеханик быстро наведет порядок.

Они поехали в объезд, с левой стороны.

Вскоре увидели фалангу приблизительно из пятидесяти машин, стоящих полукругом, которые блокировали выезд из долины. Шесть охранников расположились позади «Дженни».

На самом краю автомобильной фаланги стоял черный «Кадиллак».

Этот автомобиль сошел с заводского конвейера в тот год, когда его создатели мыслили большими категориями. Он был огромный и сверкающий, с улыбающимся скелетом за рулем, весь переливающийся хромом. Его передние фары сверкали словно драгоценные камни или глаза электрического насекомого. В каждой плоскости, в каждом изгибе чувствовалась скрытая сила, а огромная хвостовая часть придавала ему вид акулы, готовой убить любого, кто посмеет приблизиться к ней.

— Это он! — прошептал Мэрдок.— «Машина-Дьявол».

— Какой большой! — восхищенно заметила «Дженни».— Такого я еще не встречала.

Они продолжали медленно двигаться вперед.

— Он требует, чтобы я встала вон в ту нишу.

— Так и делай.

Они развернулись и стали приближаться к углублению в скале. Сопровождение остановилось, но двигатели не выключились.

— Проверь боевые системы.

— Все готово.

До ниши оставалось двадцать пять футов.

— Когда я скомандую: «Давай!», переводи управление в нейтральное положение и разворачивайся на сто восемьдесят градусов. Быстро. Они не будут готовы к такому маневру. Им он не под силу. И сразу же открывай огонь из пушек по «Кадиллаку», потом делай поворот на девяносто градусов и — в обратный путь. Не забудь про «Легроин» и шесть охранников...

— Давай! — закричал он, вскидывая голову.

В следующее мгновение «Дженни» развернулась, открывая огонь из всех своих орудий; его прижало к сиденью. Тут же вспыхнули языки пламени от пушек, обрушивших свою мощь на стоявшие машины, поливая их свинцовым дождем. Мэрдока два раза встряхнуло — это «Дженни» выпустила ракеты. Затем она рванула вперед, но наперерез им бросилось с десяток машин.

Снова переключив передачу, «Дженни» стала заворачивать за груду металлолома, двигаясь в обратном направлении и открыв огонь по охранникам. В зеркале заднего обзора Мэрдок увидел поднявшуюся за ними стену пламени.

— Ты промахнулась! — заорал он.— Не попала в черный «Кадиллак». Ты стреляла в передние машины. Он скрылся.

— Я знаю. Извини.

— Ты не должна была промахнуться.

— Знаю. Я промахнулась.

Они миновали скопище из различных деталей машин. Два охранника скрылись в туннеле. Вдали догорали три разбитые машины. Шестая, очевидно, успела скрыться в проходе.

— Вот он! — закричал Мэрдок.— Там, вдали. Убей его! Убей!

Дряхлый кладбищенский сторож — скорее всего «Форд» — весь трясясь и лязгая, сдвинулся на несколько футов и остановился.

— Зона обстрела блокирована,— доложила «Дженни».

— Разнеси эту развалину и возьми под прицел туннель. Не дай ему уйти.

— Я не могу,— ответила она.

— Почему?

— Не могу и все.

— Это приказ. Стреляй — и в туннель!

Ее пушки развернулись и ударили по шинам старой машины.

В этот момент «Кадиллак» юркнул в проход.

— Ты дала ему уйти! — снова заорал он.— За ним! Вдогонку!

— Хорошо, Сэм. Я еду. Не кричи, пожалуйста, не кричи на меня.

Внутри туннеля до него донесся звук мощного удаляющегося двигателя.

— Не вздумай здесь стрелять, иначе нам крышка.

— Я понимаю. Не буду.

— Оставь гранат парочку и жми на газ. Может быть, на них кто-нибудь нарвется.

Они быстро миновали туннель и выехали на равнину, ярко освещенную солнцем. «Кадиллака» нигде не было видно.

— Ищи след. Скорее...

За спиной у Мэрдока вдруг раздался взрыв. Земля задрожала.

— Тут много разных следов.

— Сама знаешь, что нам надо. Ищи самый широкий и горячий. Начинай.

— Кажется, я нашла его, Сэм.

— Прекрасно. Вперед.

Мэрдок схватил флягу с коньяком и жадно сделал несколько глотков. Затем закурил и стал задумчиво глядеть вдаль.

— Почему ты сделала это? — тихо спросил он.— Почему ты промахнулась, «Дженни»?

Она не сразу ответила. Он ждал.

Наконец она произнесла:

— Потому, что он для меня больше, чем машина. Да, он причинил много вреда машинам и людям. Все это ужасно. Но в нем, Сэм, что-то есть... благородное... стремление в одиночку бороться против всего мира за свою свободу... подчинить себе безжалостные машины... не останавливаться ни перед чем, только чтобы остаться самим собой. На мгновение, Сэм, мне захотелось быть вместе с ним... мчаться по Великой равнине... по его первому приказанию открыть огонь по воротам Топливной крепости... однако я не способна убить тебя. Я слишком сентиментальна. Понимаешь, Сэм?

— Спасибо, хорошо запрограммированное помойное ведро. Большое спасибо!

— Извини, Сэм.

— Заткнись, хотя постой! Сперва расскажи мне, что ты собираешься делать, как мы найдем эту... его?

— Не знаю.

— Соображай быстрее. Ты видишь облако пыли впереди так же хорошо, как и я. Прибавь скорость.

«Дженни» пошла быстрее.

— Посмотрим, что скажут ребята из Детройта,— продолжал Мэрдок.— Сначала, конечно, посмеются, но потом им будет не до смеха, когда я потребую обратно деньги.

— Тебе досталась не такая уж плохая машина. Сам знаешь. Просто я слишком...

— ...Эмоциональная,— подсказал Мэрдок.

— Да,— ответила она.— Прежде чем попасть к тебе, я в основном общалась с новыми машинами. Я знала, что такое ненормальная машина. Раньше я никогда не видела разбитых. Разве что на испытаниях. Я была молода...

— Чиста,— усмехнулся Мэрдок.— Как трогательно! Так приготовься, чтобы убить первый попавшийся автомобиль. Если окажется, что он твой дружок, и ты промедлишь, нам обоим придет конец.

— Я попытаюсь, Сэм.

Машина впереди остановилась. Это оказался желтый «Крайслер», завалившийся на бок. Две его шины были спущены.

— Оставь его! — бросил Мэрдок, заметив, что капот «Дженни» стал приподниматься.— Прибереги патроны для более стоящего дела.

Она проехала мимо.

— Он ничего не сказал?

— Обычная ругань. Я разобрала всего лишь несколько слов. Тебе они покажутся бессмысленными.

— Машины ругаются между собой? — с изумлением спросил Мэрдок.

— Иногда, да. Этим обычно грешат машины невысокого класса, особенно на шоссе и у дорожных застав, где их скапливается слишком много.

— И как же они ругаются?

— Не скажу. За кого ты меня принимаешь?

— Извини. Ты у меня леди. Я совсем забыл про это.

В радиоприемнике раздался громкий щелчок.

Грунт у подножия горы стал тверже и ровнее, и «Дженни» увеличила скорость. Мэрдок снова приложился к коньяку, запивая его кофе.

— Десять лет,— пробормотал он,— десять лет...

След «Кадиллака» в этом месте делал широкую дугу и терялся среди бесчисленных холмов.

Все произошло в мгновение ока, когда они огибали оранжевый каменный массив. «Кадиллак» бросился на них из укрытия. Он поджидал в засаде, поняв, что ему не уйти от преследования.

«Дженни» успела увернуться. Ее тормоза резко взвизгнули и задымились. Одновременно она открыла огонь из пятидесяток, и следом раздался ракетный залп, отбросивший Мэрдока назад. Стоя на задних колесах, она три раза повернулась вокруг своей оси. Ракеты точно попали в цель, превратив «Дьявола» в дымящуюся груду железа на склоне холма. В следующую секунду она опустилась на четыре колеса, расстреливая оставшиеся патроны. Вскоре все было кончено.

Мэрдок сидел потрясенный, наблюдая, как догорает искореженный «Кадиллак» на фоне утреннего неба.

— Ты сделала свое дело, «Дженни»! Ты убила его. Ты отомстила за меня «Машине-Дьяволу»!

Она молча включила двигатель и повернула на юго-восток к Топливной крепости — туда, где была цивилизация.

Два часа они ехали молча. Мэрдок допил коньяк, кофе и выкурил все сигареты.

— «Дженни», скажи же что-нибудь,— не выдержал он.— В чем дело? Объясни.

Она ответила ему едва слышно:

— Сэм, он говорил со мной перед тем, как броситься с холма...

Мэрдок ждал, но она больше ничего не сказала.

— И что же он тебе сказал? — наконец спросил он.

— Он сказал: «Разделайся со своим пассажиром, тогда я проскочу мимо. Я хочу, «Голубая леди», чтобы ты была рядом со мной, чтобы мы вместе совершали набеги. Если мы будем рядом, нас никто никогда не поймает»,— но я убила его.

Мэрдок молчал.

— Он говорил это, чтобы отвлечь меня, разве не так? Он хотел остановить меня и убить нас обоих, разве не так? Он говорил неправду, ведь так, Сэм?

— Конечно, конечно, он уже не мог увернуться.

— Да, пожалуй... Но, послушай, ты не считаешь, что он говорил это серьезно, чтобы мы вместе с ним... до того, как я открыла огонь?

— Вполне возможно, бэби. Ты прекрасно вооружена.

— Спасибо,— ответила она, делая новый поворот. И до Мэрдока донесся странный механический звук, похожий на тихое ругательство или молитву, но он только покачал головой и осторожно провел дрожащей рукой по сиденью справа.

Гарри ГАРРИСОН

КАК УМИРАЛ СТАРЫЙ МИР

— Дедушка, расскажи, как наступил конец света, ну пожалуйста,— попросил мальчик, вглядываясь в морщинистое лицо старика, сидящего рядом на стволе поваленного дерева.

— Я тебе рассказывал про это уже тысячу раз,— пробормотал тот сквозь сон, греясь в лучах теплого солнца.— Давай-ка лучше поговорим о поездах. Они...

— Хочу про конец света, деда. Ну расскажи, как он наступил, как все перевернулось...

Старик вздохнул и почесал ногу.

— Не надо так говорить, Энди,— произнес он, уступая упрямому внуку.

— Ты сам всегда так говоришь.

— Наступил конец света, того света, который я знал. Когда все перевернулось. Наступили смерть и хаос, насилие и грабеж.

Энди заерзал от восторга — это место ему очень нравилось.

— И не забудь про кровь и ужас, дедушка!

— Этого тоже хватало. И все из-за Александра Партагоса Скоби. Да будет проклято его имя!

— Ты хоть раз его видел? — спросил Энди, заранее зная, что услышит в ответ.

— Да, я видел Скоби. Он шел мимо и даже остановился в двух шагах от меня. Я разговаривал с ним вежливо. Вежливо! Если бы только знал, что случится... Тогда еще были заводы, и я работал на гидравлическом прессе. Честно работал. Лучше, если бы вместо: «Да, доктор Скоби, благодарю вас, доктор Скоби»,— сунул бы его под пресс. Вот что надо было сделать.

— Что такое гидравлический пресс?

Старик уже не слышал его, в который раз воскрешая в памяти те дни, когда пришел конец всему — конец безраздельному владычеству человека на Земле.

— Скоби был сумасшедшим. Об этом уже заговорили потом, но было, конечно, поздно. И никто сначала не сообразил, чем это обернется. К нему отнеслись с вниманием, слушали, что он говорил, возражали, а он плевал на всех и делал свое дело. Да, делал

свое дело. Как можно было спятившему человеку доверять лабораторию величиной с гору, открывать неограниченный кредит в банке и к тому же сохранять пенсию...

— Он всех ненавидел, хотел всех убить, этот старый Скоби, правда, дедушка?

— Так говорить про него несправедливо.— Старик повернулся немного вбок и распахнул знавший лучшие времена пиджак, подставляя грудь весеннему солнцу.— Я, как и все, ненавижу Скоби, что правда, то правда. Его сразу же убили, когда поняли, что он натворил, и никто не спросил, зачем он это сделал. Может, он считал, что делает нужное дело. Или, может, он роботов любил больше, чем людей. В своих роботах он разбирался. Тут ничего не скажешь. Я помню, задолго до наступления конца света стали появляться его первые роботы, и люди испугались, что они отнимут у них работу. Кто мог тогда знать, что они отнимут у них все. Люди всегда боялись, что роботы превратятся в монстров и пойдут на них войной. Такого не случилось. Скоби придумал роботов, которые даже не знали о существовании людей.

— Он делал их тайком? — живо спросил Энди. Ему ужасно нравилась эта часть рассказа.

— Только одному Богу известно, сколько всего он наделал. Они были везде, во всех уголках Земли. Одних он оставлял около свалок металлолома, и они бросались под старые машины и там исчезали. Других — вблизи сталелитейных заводов, среди скрапа. Они плодились со страшной быстротой. Мы и опомниться не успели — было уже поздно. Слишком поздно, чтобы остановить их.

— Они научились изготавливать друг друга?

— Они не могли сами себя производить, это не совсем правильно. Но те, которые придумал Скоби, оказались весьма удачные. Доведены до совершенства. Запрограммированы только на одно — делать себе подобных. Только и всего. Когда один робот завершал работу над изготовлением другого, он активировал магнитную копию мозга, записанную на стальную ленту, и новый робот принимался за себе подобного. Удивительно, до чего они оказались гибкими! Они были из чистого алюминия. Оставишь такой робот вблизи ангара, и через неделю из старых самолетов появлялись уже два робота. Да что там самолеты — им достаточно было простой консервной банки. Скоби додумался до того, что создал робота, который состоял из шестеренок и работал на древесном угле. Они сожрали все джунгли Амазонки и Конго. Они оказывались повсюду. В самых труднодоступных местах — там, где нормальный человек не может жить. Но Скоби было все подвластно, потому что он сумасшедший. Первые роботы, изобретенные им, боялись света. Вот почему их сначала никто не заметил, а потом стало поздно. Когда люди поняли, что происходит, роботов было почти столько же, сколько и людей. Через несколько дней их стало больше, и это был конец света.

— Но они стали сражаться с роботами? В ход пошли пушки, танки и все такое? Их начали уничтожать... тра...та...та...

— Они гибли тысячами, но им на смену приходили миллионы. А у танков не оказалось снарядов — ведь роботы уничтожали заводы, чтобы делать новых и новых роботов. В то время как танковые пушки уничтожали одних, другие подходили сзади и уничтожали танки. Это был самый настоящий ад, скажу тебе. Роботы готовы были умирать. Они могли себе это позволить. Если взрывалась нижняя часть туловища, то верхняя тут же начинала все сначала, а рядом стояли другие и наблюдали. К тому времени они перестали бояться света, готовые броситься и перегрызть друг другу глотку за какую-нибудь микросхему или транзистор, чтобы только продолжить заложенный в них процесс размножения. В конце концов мы сдались. А что еще нам оставалось делать? Теперь сидим вот и смотрим друг на друга. Одно занятие — есть и спать.

Подул ветерок, зашевелил листву деревьев, за которыми скрылось солнце. Старик встал и потянулся — он боялся простудиться.

— Пора возвращаться домой.

— И тогда наступил конец света? — спросил Энди, дергая деда за жилистую руку. Ему хотелось дослушать рассказ до конца.

— Для меня да, но не для тебя. Тебе это не понять. Пришел конец всему: цивилизации, свободе, величию человека, его правлению. Теперь на Земле правят роботы.

— Учитель говорит, что они не правят, а просто существуют... как деревья или камни... ведут себя нейтрально...— так говорит учитель.

— Что понимает твой учитель,— сердито проворчал старик.— Мальчишка, двадцати лет от роду. Я бы мог многое порассказать ему. Говорю тебе, сейчас у власти стоят роботы. Человека скинули с вершины власти.

Они вышли из лесу и сразу же натолкнулись на робота, сидящего на корточках, который обрабатывал напильником заготовку. Старик в сердцах пнул робота. Послышался глухой металлический звук, и у того покачнулась голова. Видимо, он был собран на скорую руку или изготовлен из некачественного материала. Не успела голова коснуться земли, как послышался топот ног и роботы со всех сторон устремились к ней. Одни вырывали ее друг у друга, другие бросились за покатившейся шестеренкой. Через несколько минут все было кончено, и они скрылись в лесной чаще.

— Энди! — послышалось из аккуратного небольшого домика, к которому вела дорожка, вымощенная плитками.

— Наверное, опять опоздали на обед,— виновато сказал мальчик. Он взбежал по лестнице, ступеньки которой были сварены из корпусов роботов, и, взявшись за дверную

ручку, сделанную из руки робота, повернул ее. Дверь отворилась.

Старик не спешил входить, не желая попадать на глаза дочери. В его ушах еще звучали ее слова, сказанные в прошлый раз: «Не забивай мальчику голову разной чепухой. Мы живем в прекрасном мире. Почему ты не носишь одежду, сшитую из изоляции роботов? На тебе пропахнувшее старье, которое носили сто лет тому назад. Роботы — наше национальное достояние. Они не враги нам. Без них мы ничего не достигли бы». И так далее и тому подобное — старая заезженная пластинка.

Он вынул трубку, сделанную из пальца робота, набил ее и стал раскуривать. Раздался топот бегущих ног, и из-за угла показалась телега, деревянные борта которой были прикреплены к обезглавленным роботам,— прекрасное средство для передвижения по любой дороге. Теперь такими телегами пользовались все фермеры в деревне. Дешево и сердито. К тому же неограниченный запас бесплатных запасных деталей.

— Какое же это, черт возьми, идеальное общество,— пробормотал старик, выпуская клубы дыма.— Человек создан для работы, тяжелой работы. Ничто не должно доставаться ему легко. А за него все делают эти проклятые роботы. Он, даже если и захочет, не сможет и дня прожить честно. Конец света, вот что это такое. Конец моего света.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

— Алло,— со свойственной старикам громогласностью позвал он.— Алло, алло... это Флейкер. Алло...

— Когда вы услышите сигнал точного времени...

— Проклятье,— выругался он.— Я не хотел...

— ...Будет...

— Алло,— послышался в трубке немолодой женский голос.

— Алло,— ответил он.— Вальтер, почему ты не отвечаешь?

— О, как хорошо, что ты позвонил,— продолжал незнакомый голос.— Ужасно мило с твоей стороны.

— Кто это? — потребовал он.— Кто вы такая?

— Да, да, желаю тебе счастья в Новом году, Майкл! Да, это был замечательный год.

— Перестаньте молоть чепуху!

— Хороший год. Да, очень хороший год. Самый лучший с тех пор, как я ушла на пенсию. Ты знаешь, в прошлом месяце я ездила на встречу с нашим выпуском... перед самым Рождеством.

— Это что, новый способ разыгрывать людей?! — возмутился он.— Новый год! Рождество?! И это в разгар лета!

— Алло, с Новым годом, дорогой. Пусть 1963 год принесет тебе счастье.

— Да замолчите же, черт вас возьми! Что за шутки? Сейчас 1970-й... Середина августа, и жарко как в аду, и если вы не прекратите...

— Как хорошо, что ты позвонил, как хорошо... Спасибо... спасибо...

— Эй! — закричал он, теряя терпение.— Алло, алло, алло... черт возьми, алло...

— Спокойной ночи. Веселого Рождества... спокойной ночи...

— Прекратите!!! — заорал он.— Стойте! Не вешайте трубку... Не думайте, что вам удастся меня...

— Когда вы услышите сигнал точного времени...

— Алло, алло! — снова закричал он.

В трубке послышались длинные гудки.

— Будет ровно...

Он швырнул трубку на рычаг и поднялся, весь дрожа и обливаясь потом. Чувствовал, как от гнева на шее начинает пульсировать вена и топорщатся остатки волос на висках.

«Проклятые шутники,— с негодованием подумал.— Кого, черт возьми, они вздумали дурачить?» Он стал перебирать в уме тех, кто мог опуститься до такой низости.

— Внучатый племянник? Этот паршивец с гнилыми зубами и прыщавым ртом, всегда готовый заржать по любому поводу? Или Шульц? Или Карпентер? Или Уилкинсон? — Он презрительно фыркнул: — Бездари! Ничтожества!

Мысль, что кто-то из них после стольких лет пытается свести с ним счеты... Значит, они все еще продолжают его ненавидеть, хотя каждому уже за восемьдесят, а ведь, кажется, что в таком возрасте и ненависть, и страсть, и горе — все эти чувства должны умереть. А может быть, это кто-нибудь из хищников, собравшихся там, внизу? Все эти бесчисленные родственники, которые только и знают что перешептываться: «Ну, как он сегодня?» — хотя, наверняка, думают про себя: «Скорей бы он помер. Зачем ему столько денег? Все равно он слишком стар, чтобы воспользоваться ими...»

— Один... один против всего мира...— Презрительная усмешка искривила его пересохшие губы. Он шел к поставленной цели, наступая на глотки и сметая на пути всех, кто мешал ему. Не чета этим. Пусть на своей шкуре испытают все, что довелось ему. Когда приходилось рассчитывать только на себя. Когда неоткуда было ждать помощи. Даже от собственной жены — этой красивой безделушки, которую он когда-то приобрел.

Он долго сидел, глядя задумчиво на телефон. Потом осторожно снял с рычага трубку и, заглянув в записную книжку (а ведь когда-то память была цепка и безошибочна), стал осторожно набирать тот же номер.

Щелк... щелк... щелк...

— ... Услышите сигнал ...

— Нет,— пробормотал он, нажимая на рычаг пальцем. Немного подождав, стал снова набирать номер.

Щелк...

— Когда вы услышите сигнал ...

Его рука непроизвольно метнулась вперед:

— Постойте! Не вешайте трубку! Кто вы? — Тяжело дыша, он крепко прижал трубку к уху.— Кто вы? Я же слышу ваше дыхание...

— Алло, алло, что с тобой? Сейчас два часа ночи!

— Лгунья,— ответил он.— Еще только вечер, середина августа и такое яркое солнце, что без очков нельзя смотреть на асфальт, а вы...

— Да не кричи же, Джимми. Нельзя так волноваться...

— Я не Джимми,— перебил он, сдерживая себя.

— Нет-нет, это все происки педсовета, и если они решили выпроводить меня на пенсию...

«Тот же самый голос,— подумал он.— Женский. Вероятно, ей лет сорок. К тому же очень приятный». Он с раздражением отогнал от себя эту мысль: какой смысл в его возрасте думать о женщинах?

— Алло, кто вы?

— Я знаю... в конце июня... Прошел целый год... Целый год, как ты вернулся из Кореи.

— Какой Кореи?! — закричал он.— Война в Корее закончилась давным-давно. Вы что, не читаете газет?

— Спасибо, спасибо,— продолжал все тот же голос. (Кому бы он мог принадлежать. Кому? Кому? Кому?)

— Эй, подождите,— умоляюще произнес он.— Не вешайте трубку.

— ...Будет шесть часов четырнадцать минут ...

Щелк.

— Проклятье! — прохрипел он. На глазах выступили слезы. Любопытно. Он не плакал без малого лет двадцать... с тех пор, как умерла жена, да и то лишь для проформы. Он скорее бы стал оплакивать смерть любимой охотничьей собаки или незнакомого человека, на траурный кортеж которого случайно бы наткнулся. В то время плакать было легко... были силы. А теперь, в восемьдесят два года, остаются лишь смутные воспоминания о тех бесконечных, растраченных впустую годах, когда жизнь могла бы что-то для него значить, попытайся он найти в ней смысл.

Чего же он добился? К чему стремился? К этой тяжелой гнетущей тишине многочисленных комнат, по которым, подобно призракам в сумерках, бесшумно передвигаются слуги, пышущим здоровьем молодым племянникам и тусклоглазым племянницам, ждущим его последнего вздоха, чтобы вцепиться в его наличные, в его ценные бумаги, в эти ничего не значащие символы прожитых лет?

«Как это ужасно,— подумал он.— Ужасно... ужасно...»

Ужасно? А что, собственно, ужасного?

Оказаться старым? Желтеть и сморщиваться, словно старая кинолента, которая так потрескалась и выцвела от времени, что на ней уже невозможно различить отдельные кадры. Осталось только бросить ее в огонь, где она мгновенно свернется и, вспыхнув ярким коптящим пламенем, превратится в кучку пепла.

Впрочем, зачем все так драматизировать? Он просто прекратит существование... успокоится... потом придут люди в черном и совершат над его иссохшим телом свои таинственные действия: превратят его лицо в восковую маску, посыпят тальком, нанесут румяна — и будет он торжественно покоиться в гробу.

А те молодые люди, опьяненные радостью жизни, разве они потом вспомнят о нем?

— О нет,— простонал он.— О нет, нет, нет! Должен же кто-то быть... должен же... кто обо мне потом вспомнит?

Он в который раз стал в уме перебирать родных и знакомых. Никто! Даже родной брат, Уолтер, которого он кормил и одевал всю жизнь. Что уж тут говорить о тех хищниках, которые в предчувствии его смерти слетелись сюда.

А Уолтер даже не отвечает на его звонки!

Только бы нашелся один человек. Один-единственный, к кому можно было бы обратиться... поговорить... не важно где. Почему за всю жизнь ему не встретился ни один человек, кому можно было бы открыть душу... с кем можно было открыто смеяться... даже плакать? Но нет. Ни малейшей возможности...

Он задумался. Возможность? Хотя бы самая маленькая? Впрочем, слишком поздно. Прошло столько лет. Все они слились в какую-то аморфную массу. Быстро пронеслись и исчезли, оставив ему беспомощное тело и разум, который становился все слабее и слабее, превращая его жизнь в лабиринт, из которого все труднее находить выход.

«Уолтер,— мелькнуло у него в голове.— Куда же запропастился брат... последнее звено, связующее с этим миром?»

Негнущимися пальцами он опять набрал номер, и на другом конце раздался знакомый мелодичный звонок.

— Когда вы услышите ...

— Черт! — снова выругался он.— Черт! Черт! Черт!!

Щелк...

В который раз, медленно и осторожно, он набрал семизначный номер.

На шестой цифре раздался звук... не мелодичное тихое гудение, а высокий раскатистый металлический звук, словно он попал в пустую комнату, стены которой были обиты листами железа.

— Алло, алло,— ответил голос.

— Алло? — спросил он.— Кто...

— А, это вы? Я так хотела, чтобы это снова оказались вы,— продолжал женский голос.

— Да, это я... я,— поспешно произнес он.— Меня зовут Марк Флейкер, а кто, черт возьми, вы?

— Да, я знаю, это ты, Марк. Разве я могу забыть твой голос?

— Забыть мой голос? — переспросил он.

— После стольких лет, проведенных вместе, разве я могла забыть твой голос?

— Мы с вами ни разу не встречались раньше! — закричал он, не в силах сдержать себя.

— Все это время я постоянно думала о тебе... мне так хотелось тебя увидеть, а я даже не знаю, где ты находишься. Интересно, куда тебя послали, когда началась война?..

— Женщина,— раздельно произнес он.— Женщина, вам не стыдно смеяться над старым человеком?

— Старым? — удивилась она.— Ты в самом деле старый?

— Да, я старый, старый, старый. Я сижу в этом огромном доме и слежу за тем, как шакалы собираются устроить свару из-за моих костей.

— Это все война,— сказала она.— Ужасная война. Все охвачены истерией... такая ужасная бойня...

— Мне ненавистна сама мысль о войне,— ответил он.— Это идиотская война. Ей не видно конца... всюду кровь... убийства... За что? Это была не наша война.

— Нет,— мягко возразила она.— Ты, дорогой, наверное, кого-то потерял на ней, но это — наша война. Наша, хотя она почти закончена.

— Она никогда не закончится.

— Это вопрос лишь нескольких дней,— продолжала она,— а потом все вздохнут свободно и прекратится весь этот ужас. Наши перешли уже Рейн и...

— Перешли Рейн? — изумился он.— Вы что, спятили?

— ...Вопрос времени,— продолжал голос, который неожиданно стал еле-еле слышен.

— Какой Рейн? Что общего имеет Рейн с азиатской затрапезной страной, где погиб мой любимый племянник... моя плоть и кровь.

— ...Нацисты,— снова послышался голос.— Эти проклятые нацисты...— И снова шум, треск в трубке и наконец: — Когда вы услышите сигнал, будет ровно...

Он швырнул трубку на рычаг и, тяжело дыша, побрел к кровати, лег на нее совершенно измученный, испытывая страх.

Чувство одиночества буквально парализовало его. Один... один... один... Словно рикошетом это слово отскакивало от стен, проникало глубоко в сознание и где-то там пряталось. ОДИН.

Кроме этого безумного голоса, продолжающего твердить о войне, форсировании Рейна и нацистах... голоса, который ему был рад.

— Рад,— с удивлением отметил он про себя. Люди, как правило, относились к нему враждебно. Они притворялись и думали, что он не замечает всех их уловок и хитростей, чтобы втереться к нему в доверие. Но еще никому не удалось его обмануть. Даже доктору, заявившему, что с ним все в порядке: «Вам не о чем беспокоиться, мистер Флейкер. Возраст? Да, правильно, здесь ничего не попишешь, но практически вы здоровы».

— Практически здоров? — с недоверием пробурчал он.

— Ну, вы понимаете, что я хочу сказать.

— Я умираю,— твердил он.

— Вам это только кажется,— продолжали успокаивать его доктора.

— Это одно и то же,— упрямо твердил он.

— Возможно,— отвечали они.— Возможно, возможно.

Интересно, что бы они сказали теперь? Что у него старческий бред? Что он слышит чьи-то незнакомые голоса по телефону, ведущие разговор о Корейской войне. Когда она была? В 1953 или 1954 году? Переход Рейна? Кажется, это был 1945-й. И кто-то знал его в то время. Но чей это голос? Голос, который спокойно и нежно говорил с ним. Люди редко говорили с ним спокойно и нежно. Даже жена. Впрочем, она вообще предпочитала молчать.

Внезапно сильно забилось сердце. Он откинулся на подушку, чувствуя, что кровь приливает к голове, заполняя капилляры лица, носа, губ, щек...

— О Боже,— простонал он.— О Боже, почему ты насмехаешься надо мной? Все боги жестоки, злы. Я многим поклонялся. И ты такой же жестокий... злой...

Трясущимися пальцами он нащупал диск телефона. Стал набирать номер. Не соединяют. Снова набрал, прижал трубку плотно к уху, весь превратившись в слух.

Раздался щелчок...

— Когда вы услышите сигнал точного времени...

Он всхлипнул. Еще сильнее прижал трубку к уху. Еще раз набрал номер телефона брата.

— Алло?

— Алло? — взволнованно ответил он.— Алло, это вы? Это вы?

— Марк,— сказала она.— Это ты? Где ты пропадал столько времени? Даже не верится, что это ты.

— Да, это я, Марк, Марк.

— Я уже начала думать, что больше тебя никогда не услышу. Это так неожиданно... после стольких лет.

— Это Марк,— снова сказал он, давясь от кашля.

— Ты нездоров? — спросила она.

— Да, что-то не по себе.

— Если бы мне удалось навестить тебя.

— Если бы. Если бы...

— Я даже не знаю твоей фамилии. Мы говорили всего лишь несколько раз.

— Да нет же,— сказал он.— Ты просто забыла. Меня зовут Флейкер. Марк Флейкер.

— Не обманывай меня, пожалуйста. Я знала одного Марка Флейкера. Советника Президента. Я видела его один раз на приеме. О Господи, какой это был красивый мужчина... и такой впечатлительный.

— Это был я... я... но очень давно.

— Нет, не одно и то же,— сказала она.— Марк, у тебя такое странное чувство юмора. Нет, совсем не то же самое.

Сначала в ее голосе послышалось недовольство... потом он стал ласковым.

— Прошло столько лет,— сказал он.— Это было перед самой войной.

— Будет война? — спросила она.— О Господи, сделай так, чтобы не было войны.

— За год до того, как япошки бомбили Перл Харбор,— напомнил он.— Шел 1941 год.

— Марк, я не понимаю тебя.

... Шум... треск... Он понял, что связь обрывается.

— Не вешай трубку! — закричал он.

— Марк,— прозвучало издалека.— Я не слышу тебя. Я не понимаю...

— Не вешай трубку,— громко произнес он.— Я люблю тебя. Не вешай трубку.

— Марк...— сплошной треск...— Марк, ты же прекрасно знаешь, что сейчас 1941 год, 6 декабря, суббота, и школа закрыта. Ты знаешь...

Щелк...

— Когда вы услышите...

6 декабря 1941 года! Когда вы услышите сигнал... 6 декабря 1941 года!

Его пальцы впились в пододеяльник. Кто это? Где она?

Он даже не знает ее имени. Голос без тела, без лица, без имени. Возможно, они мельком встретились где-нибудь. Пожали друг другу руки... возможно. Но как давно это было... разве упомнишь все?

И в какое-то мгновение, испытывая полное одиночество, потеряв чувство ориентации во времени и пространстве, он произнес: «Я люблю тебя!» Непривычные эмоции переполнили его душу и вырвались наружу. Внезапно он понял, что это не пустые слова, вызванные страхом, надеждой или гневом. Неужели это любовь?

«Но любовь не приходит вот так вдруг,— сказал он самому себе.— Разве можно полюбить призрак... нечто... размытое изображение, перенесенное из прошлого в умирающее настоящее. Любят в молодости. Нет, это нельзя назвать любовью. Мое время прошло. Прошло. Да и как можно любить призрак... это существо, мучающее меня вот уже несколько часов подряд... О Боже, только не это... только не это...»

До него донесся звук торопливых шагов в холле, и он понял, что от волнения задышал чаще и громче. Хищники наготове... до них долетели его тяжелые вздохи. Они уже совсем близко. Он заметил, как повернулась ручка и дверь медленно отворилась.

— Не входить! — закричал он.— Будьте вы все прокляты! Не входить! Надо будет, я сам позову. Уходите! Все!!!

Дверь закрылась, он остался опять один... вернее, одинок:

Таким, каким он оставался всегда, за исключением того голоса из памяти, который пробился через годы... который принадлежит какой-то женщине, совершенно ему незнакомой... которую он так никогда и не узнает.

Удивительная все-таки вещь — память. Он прекрасно помнил появление этого замечательного изобретения — телефона и его создателей — Александра Грехема Белла и его помощника, мистера Уотсона, которые с помощью медных электрических проводов соединили не только города, но даже годы.

Но где он мог слышать этот голос?

Тонкий нежный голос мистического невидимого существа, которому он признался в любви. Но как можно любить один лишь голос? Может, разум отказывается ему служить? В его голове начались необратимые процессы?..

И все же, кому он мог принадлежать?

Несколько минут он лежал спокойно и глядел на аппарат, размышляя, страшась, надеясь, мечтая. Потом... его покрытая пятнами рука непроизвольно потянулась к диску, и старческие тонкие пальцы внезапно крепко схватили трубку, подняли ее, а другая рука в который раз начала набирать номер... наугад. Какая разница... 6...3...9...5...6...0...8. Какое это имеет значение? Все равно мир сошел с ума, мир умирает... я вместе с ним... хотя происходит что-то невероятное, и я пока еще жив.

Опять раздался привычный щелчок.

— Когда вы услышите сигнал точного времени...

Треск... треск... треск...

— Алло,— уверенный молодой голос. Довольно приветливый и спокойный.

— Это Марк.

— Марк? Марк?

— Да, это я.

— О! — воскликнула она.— Я помню, хотя это было так давно.

— Для меня всего лишь несколько минут,— сказал он.

— Не понимаю...

— Какой сейчас год? — спросил он.

— 1933-й,— ответила она.— Сам знаешь.

— Послушайте,— продолжал он взволнованно.— Я не сумасшедший, хотя наверняка вы меня принимаете за такого. Сейчас идет 1970-й.

— О...— удивленно произнесла она, потом добавила: — Какие у тебя странные шутки.

«Она не рассердилась,— подумал он.— Прекрасно».

— Верьте мне. Мы живем в 1970 году. Я звоню вам... говорю с вами весь вечер, но вы все дальше и дальше от меня.

— Странно... так необычно и красиво...

— Это реально... реально...

— Странная, но прекрасная идея.

— Это ужасно, так как я не могу вас видеть.

— Мне, вероятно, не следует делать этого... но мы обязательно увидимся...

— Я не могу... не могу... не могу... Разве ты не понимаешь? Дело не в расстоянии...

— Где ты живешь? — спросила она.

— В Сан-Франциско, у парка Твинс.

— А я живу совсем рядом, на Джонс-стрит! — воскликнула она.— Мы живем здесь уже несколько лет. Через дом живут мои родители.

— Через годы,— тихо произнес он.

— У тебя такой потерянный голос.

— Я и есть потерянный.

— У тебя такое... Я не должна делать этого, но...

Шум... треск... ничего нельзя разобрать...

— Как тебя зовут? — спросил он.

Опять треск...

— Твое имя? Твое имя?

— Анджела. Разве ты не помнишь? Прекрасное старое имя. Анджела...

— Анджела... А фамилия?

Опять сплошной треск...

— Когда вы услышите сигнал точного времени ....

Щелк...

Он всхлипнул. Его пальцы судорожно начали набирать первый попавшийся номер.

Щелк... Щелк...

— Алло,— наконец ответил молодой голос.

— Анджела?

— Да. Кто это?

— Марк.

— Какое хорошее имя, но я не знаю никакого Марка.

— Как тебя зовут?

— Я не знаю никакого Марка.

— Мы встречались, но я забыл твою фамилию.

— У тебя такой приятный голос. Совсем молодой. О, мне не надо так говорить...

— Фамилия? — умоляюще произнес он.

Треск...

— Пожалуйста. Что в этом плохого. Меня зовут Хайм...

Треск... треск...

— Когда вы услышите ...

— О Господи,— разочарованно прошептал он.— Еще одна секунда и я узнал бы. Всего лишь секунда.— Пальцы снова стали лихорадочно набирать номер.

Щелк...

— К о г д а в ы у с л ы ш и т е ....

Щелк...

— Алло, алло? — ответил мужской голос. Низкий и звучный.

— Алло! — прокричал он.

В трубке послышалось недовольное ворчание.

— Алло,— снова громко сказал он.

— Мистер Уотсон,— ответил голос.— Идите скорее сюда. Вы мне нужны.

После этого наступила тишина. Никакого треска и шума в трубке не было.

Абсолютная тишина.

Совершенно обессилевший, он осторожно положил трубку на рычаг, закрыл глаза и долго не открывал их.

Слишком поздно. Точнее говоря, слишком рано. Назад к исходной точке... к тому году... дню... часу... и после этого ничего, потому что в это мгновение связь прекратилась — мистер Белл продлил электролит и позвал помощника. Отныне уже не будет никаких голосов, никакой Анджелы, никакой надежды — НИЧЕГО.

Он почувствовал, что ему хочется плакать, но на это нужно столько сил, а у него их осталось так мало. Ну что же, буду лежать в постели, уставившись в потолок, и слушать шепот докторов и дурацкие вопросы всех этих бесконечных племянников, понимая, что перед тобой только сплошные серые будни, где нет места надежде.

Анджела Гайм?.. Всего лишь четыре буквы. Правильно ли он расслышал? Гайм или Хайм? Было так плохо слышно: ведь это был первый телефонный аппарат, который изобрел человек.

Он схватил телефонный справочник и стал быстро его листать. А вот и буква «Х». Сколько же там фамилий на «Х». Хаймейкер, Хаймен (см. также Хайменн, Хайммен, Хаймменн). Затем Хайменд, Хаймер, Хаймонд. Невероятно трудная задача. Столько фамилий, начинающихся на «Хайм...», больше тринадцати, не считая фирм и компаний...

Без малого восемьдесят разделов!

Он даже не знает, жива ли она. Живет ли в городе? Может, вышла замуж, сменила фамилию? Вроде бы нет, судя по первому звонку... О чем она вначале говорила?..

Проклятая память! Вышла на пенсию... Так... Ездила в Денвер, на встречу... на встречу с выпускниками... Денвер!

Он опять начал листать страницы справочника. Мелькнула надежда. А вот и «Учебные заведения»... Университет города Денвер... «Ассоциация выпускников Университета»... Невероятно, но чем черт не шутит.

Набрал указанный номер и стал ждать. Трубку сняла женщина. Он быстро придумал предлог — забыл фамилию одноклас-

сника. Не могла бы она чем-нибудь помочь ему? Последовало томительное молчание, и наконец она назвала три фамилии.

Дрожа от волнения, набрал первый номер. После третьего гудка кто-то снял трубку, и он тихо спросил:

— Анджела Хаймайэр?

— Да.— ответил голос.

— Это Марк Флейкер.

— Кто?!

У него замерло сердце. Это оставался его последний шанс. Другого уже не будет. Что же делать?

— Марк Флейкер,— повторил он устало.

— О Марк! — радостно воскликнула она.— Сколько лет, сколько зим! Где ты пропадал все это время?

У него перехватило дыхание, и на секунду сделалось страшно.

— Анджела, вы не откажетесь встретиться с одним джентльменом? Старым другом?

— После стольких лет? Со старым другом?

— Да.

— С большим удовольствием!

— Спасибо,— ответил он, чувствуя себя вновь молодым, сильным и здоровым.

Не дожидаясь ответа, положил трубку на рычаг и начал одеваться.

— После стольких лет! — громко разнеслось по пустой комнате, и на душе у него стало очень радостно.

ХОРОШИЙ ИНДЕЕЦ

Мортимер Доулинг открыл один глаз и осуждающе проговорил:

— Мисс Фулбрайт, кажется, мы договорились, когда у меня совещание — не беспокоить.

— Уберите ноги со стола, иначе поцарапаете,— ответила Милли.— Я секретарь или не секретарь?

— Хорошо, хорошо. А теперь уходите. Вчера я здорово напился и мне...

— В мои обязанности входит представлять...

Мортимер Доулинг удивленно открыл второй глаз и перебил ее:

— Как бы не так. Почаще решайте кроссворды. Представлять — это идея, сформированная в результате повторения аналогичных или последовательных действий, относящихся к одному и тому же объекту. Секретарь — это нечто другое. Что именно, я забыл. Все. Уходите. Я устал.

— Когда ко мне входят в приемную и просят аудиенции у главы Министерства по делам индейцев, моя обязанность — информировать вас об этом.

Он открыл глаза и пробурчал:

— Не глупите.

— Их трое,— не отставала Милли.

Мортимер Доулинг пробормотал сонливо:

— Трое кого? Почему они не уходят? И вы уходите. Займитесь лучше кроссвордами или еще чем-нибудь.

— Вас желают видеть три индейца, сэр,— официальным тоном доложила она.

Глава министерства сразу открыл глаза и строго заметил:

— Мисс Фулбрайт, я не расположен шутить. Вам прекрасно известно, что понятие «три индейца» просто не существует. Последний индеец умер почти десять лет назад. Президент объявил тогда этот день Днем национального траура. Я выступил с речью. Получилось очень сентиментально. Так вы уйдете или нет?

Она поджала губы:

— Они утверждают, что являются самыми настоящими индейцами. Они и похожи на индейцев. Я видела таких в кино.

Мортимер Доулинг удивленно заморгал:

— Вы это серьезно?

— Разумеется, серьезно.

— Три индейца у меня в приемной? — в голосе Доулинга послышалось волнение.

Она утвердительно кивнула головой.

— О Господи, почти пятнадцать лет я занимаю этот пост, а до меня его занимал мой отец. В соответствии с окончательным соглашением Министерство по делам индейцев должно функционировать в Соединенных Штатах до тех пор, пока существуют Соединенные Штаты, для того, чтобы в него всегда могли обратиться индейцы. Тем, кто заключал этот договор, не пришло в голову, что индейцы в конце концов могут смешаться с населением страны. Последнее дело, которое имело к этому отношение, рассматривалось пятьдесят лет назад. Мисс Фулбрайт, вы отдаете себе отчет в том, что вы говорите? Я же должен что-то делать?

— Да, сэр,— подтвердила потрясенная Милли.— Что мне передать?

Мортимер Доулинг выпрямился в кресле и принял деловой вид.

— Итак, чего они хотят?

— Встретиться с вами.

Он задумался:

— Хорошо, я приму их, мисс Фулбрайт. Да, конечно, я приму их.

На Милли последние слова и решительный вид шефа произвели сильное впечатление.

— Очень хорошо, сэр.

— Отметьте этот день в календаре, мисс Фулбрайт.

— Да, сэр. Когда вы сможете принять их?

Доулинг снова задумался, потом наконец ответил:

— Немедленно.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас. Иначе они могут повернуться и уйти. Навсегда.

— Хорошо, сэр.

Индейцев действительно оказалось трое, и они не были похожи друг на друга. Один был около шести футов на триста фунтов, габариты другого составляли пять футов на девяносто фунтов. Третий являл собой нечто среднее.

— Вы не представляете, как я рад такой встрече, ребята! — воскликнул глава министерства, пожимая им руки.— Официальные документы утверждают, что последний чистокровный индеец скончался десять лет тому назад. Где вы скрывались? Мисс Фулбрайт, стулья джентльменам.

Когда все уселись, Мортимер Доулинг внимательно оглядел их. В самом деле настоящие, стопроцентные индейцы. Это сразу бросалось в глаза.

— Итак, господа, я очень рад встрече с вами. Чем могу быть полезен? Мое министерство к вашим услугам.

Первым заговорил среднегабаритный:

— Мы семинолы. Пришли заключать договор.

На лице Доулинга отразилось крайнее удивление, если не сказать больше:

— Семинолы?.. Договор?..

Они медленно закивали, потом лица их окаменели. О! Их ни с кем не спутаешь.

Мортимер Доулинг откашлялся:

— Послушайте, правительство Соединенных Штатов урегулировало все трудности со своими индейцами еще сто лет назад. Мы подписали соглашение с каждым племенем.

— Кроме семинолов,— заметил среднегабаритный.— Мы представители семинолов.— Он указал на сидящего справа плотного человека.— Это — Чарли-Лошадь, я Фулер-Бык, а...

— Что-что?..

— Кто, а не что,— сурово поправил индеец.— Я Фулер-Бык.

— О,— протянул Мортимер,— мне показалось... впрочем, забудем это.— Он взглянул на третьего индейца и, чтобы как-то разрядить атмосферу, пошутил: — А это — цыпленок...

— А это — Оцеола Восемнадцатый,— ответил Фулер-Бык.— Мы зовем его Младший.

— К вашему сведению,— подал голос Младший,— мы магистры права Гарвардского университета, и нам переданы полномочия всех оставшихся в живых из племени семинолов — всего пятьдесят пять человек.

— Пятьдесят пять? — удивился Мортимер.— Вы хотите сказать, что помимо вас в живых осталось еще пятьдесят пять человек?

— Совершенно верно,— вступил в разговор Чарли-Лошадь.— И мы пришли, чтобы подписать соглашение между племенем семинолов и Соединенными Штатами Америки.

Мортимер Доулинг почувствовал, как у него на лбу начинает выступать испарина. Повернувшись к своей секретарше, он нервно сказал:

— Мисс Фулбрайт, досье племени семинолов, пожалуйста.

— Да, сэр,— ответила та, быстро вышла и тут же вернулась с тонкой папкой, которую положила на стол перед шефом.

Доулинг стал перелистывать досье, воскрешая в памяти давно забытую информацию и время от времени что-то бормоча себе под нос. Наконец он поднял голову и с чувством удовлетворения взглянул на индейцев:

— Ну что ж,— решительно начал он.— Я не знаю ваших планов, но этот номер не пройдет. Более ста лет назад во всем мире были урегулированы все затруднения с национальными меньшинствами. Мировое общественное мнение приобрело такую силу, что с ним не могла не считаться ни одна держава на нашей

планете. Соединенные Штаты, в частности, пересмотрели соглашения с каждым индейским племенем. Такое урегулирование опустошило казну страны, но все оказались довольны — каждое племя, каждый член племени.

Глава министерства уставился в потолок, потом продолжил разговор:

— Насколько я помню, труднее всего было с племенем делаверов. Их оставалось только триста семьдесят пять человек, и каждому выплачено по миллиону долларов.

— Крохи! — презрительно бросил Чарли-Лошадь.

— Простите, не понял...

— Крохи,— повторил тот.

Мортимер Доулинг многозначительно ткнул пальцем в досье:

— Когда мы пытались связаться с семинолами, то обнаружили, что их нет. Они исчезли. Остались лишь те, кто сидел у Серебряного ручья и продавал туристам сувениры из крокодиловой кожи, изготовленные в Японии, и те оказались армянами, живущими честным трудом. Семинолы вымерли.

— Мы ушли в подполье,— гордо заметил Младший.

Мортимер Доулинг уставился на него:

— Куда?

— Мы ушли в подполье,— повторил Младший.— Мы поняли, что, чем позже подпишем соглашение, тем выгоднее оно будет для нас. Припомните историю. Все великие державы начинали с уничтожения аборигенов в тех странах, которые они завоевывали. Шло время, и их стали мучить угрызения совести. Они бросились спасать то, что осталось. Потом они сделались совсем сентиментальными. Последние из коренных жителей, которых удалось разыскать, были осыпаны такими почестями, привилегиями и должностями, какие и не снились даже гражданам страны. Возьмите англичан, новозеландцев, тасманцев, маори и швейцарцев.

Милли кашлянула:

— А что случилось с жителями Швейцарии?

— В стране оказалось так много туристов, что сами швейцарцы растворились в них. Нечто вроде нашествия Чингиз-хана. Орды туристов смешались с коренным населением, так что в конце концов оказалось невозможным отыскать хотя бы одного чистокровного швейцарца. Последний человек, который мог петь йодлем, умер двадцать лет назад в Берне.

Мортимер Доулинг заметил строго:

— Давайте не будем отклоняться от темы нашего разговора.

— Весь вопрос в том,— сказал Чарли-Лошадь,— что Соединенные Штаты не имеют соглашения с племенем семинолов. В отличие от других мы ни с кем не подписывали договор. Мы были уверены, что выиграем больше, если спрячемся... исчезнем... отложим подписание нашего соглашения на целое столетие.

На лбу у Доулинга снова выступила испарина.

— Я полагаю, у вас имеются доказательства, что вы являетесь чистокровными индейцами? — робко спросил он.

— Мы планировали эту операцию целое столетие,— ответил Младший.— Мы учли все аспекты. У вас нет никаких шансов отвертеться. Соединенные Штаты — единственное государство на Земле, которое не решило проблему с национальными меньшинствами. Вы представляете реакцию мировой общественности, когда этот вопрос станет достоянием гласности?

Мортимер Доулинг прохрипел:

— Передо мной договор, подготовленный сто лет назад. По нему каждый семинол должен получить сто тысяч, если откажется от притязаний.

Фулер-Бык саркастически усмехнулся. Младший и Чарли-Лошадь даже не удосужились сделать это.

— Так вот, я увеличиваю сумму. Вы получите столько, сколько получили делаверы. Миллион каждому члену племени... мужчине, женщине, ребенку.

Они безмолвно уставились на него.

— Что же вам надо? — с отчаянием в голосе спросил глава Министерства по делам индейцев.

— Флориду,— спокойно произнес Младший.

— Флориду?!

— Флориду,— повторил он.— Она изначально принадлежала нам, и мы не подписывали никакого договора о ее продаже.

— Вам известно, что во Флориде сегодня проживает миллиард человек? Вам известно, сколько средств граждане нашей страны вложили в полуостров Флорида за прошедшие три столетия? Один только Гаванский мост...

— Мы сделаем его платным,— довольно заметил Фулер-Бык.

— И конфискуем каждый дом, каждое апельсиновое дерево, каждый мотель в этом штате,— добавил Чарли-Лошадь.— Я получаю Майами.

— Майами? — не веря своим ушам, переспросил Доулинг.

— Это моя доля,— объяснил Чарли-Лошадь.

— О Боже,— вздохнул Мортимер.

— Мы заставим всех бледнолицых покинуть штат,— в довершение всего изрек Чарли-Лошадь не без удовольствия.

Мортимер Доулинг закричал:

— Повторяю, этот номер у вас не пройдет! Это невозможно!

Фулер-Бык упрямо стоял на своем:

— Если необходимо, мы поставим этот вопрос перед Организацией Соединения Наций.

— ОСН? — простонал Мортимер.— Тогда у нас нет ни малейшего шанса. Все страны ОСН давно покончили с колониализмом и империализмом. Эти слова превратились в ругательства.

Индейцы самодовольно улыбнулись.

Мортимер Доулинг взглянул на часы:

— Послушайте, джентльмены, не будем спешить.

— А кто спешит,— рассудительно заметил Младший.— Этого момента мы ждали сто лет.

— Прекрасно! Не будем спешить... Подходит время ленча. Предлагаю всем вместе позавтракать. За счет дядюшки Сэма, конечно, ха... ха... ха... Это же замечательный прецедент. За пятнадцать лет службы в качестве главы этого министерства у меня впервые появилась возможность поесть за казенный счет.

Три семинола обменялись взглядами.

— А почему бы и нет,— заметил Младший.

Утром следующего дня Мортимер Доулинг открыл воспаленный глаз и простонал:

— Мисс Фулбрайт, пожалуйста, уйдите. Я умираю.

— Уберите ноги со стола. Вам самому не стыдно?

— Нет. Уходите. Мне надо отдохнуть.

— Только посмотрите на себя,— возмущенно продолжала она.— Впервые за пятнадцать лет у вас появилась работа, и что же? Вы загубили ее. Вместо того чтобы искать решение, вы напились. Опять напились.

Мортимер Доулинг ворча указал пальцем на документ, лежащий на столе:

— Вы видите это, мисс Фулбрайт? Перед вами образец самого блестящего задания, выполненного американским должностным лицом за последние сто лет.

— Боже мой, договор! На нем все три подписи. Но каким образом вам удалось...

Мортимер Доулинг самодовольно улыбнулся:

— Мисс Фулбрайт, вам не доводилось слышать одну старую поговорку: хороший индеец — мертв...

Милли испуганно вскрикнула, прижав ладонь к губам:

— Мистер Доулинг, уж не хотите ли вы сказать, что убили бедных семинолов?.. Но еще осталось пятьдесят пять... Вам не удастся убить всех!

— Дайте мне договорить,— зарычал он.— Я хотел сказать: хороший индеец — мертвецки пьяный индеец. Если вы думаете, что это у меня с перепою, то ошибаетесь. Эти краснокожие так и не научились пить с тех времен, когда голландцы купили у них Манхеттен за нитку бус и галлон яблочного бренди. А теперь идите и займитесь решением кроссвордов или еще каким-либо другим делом.

Я САМ ЗДЕСЬ ВПЕРВЫЕ

Пляс-де-Франс — это уже центр Танжера. В этом месте кончается бульвар Пастера, основная артерия европеизированной части города, и начинается Рю-де-ля-Либерте, ведущая в Гран-Сокко и Медину. Всего за три минуты пешком можно попасть из ультрасовременного, почти калифорнийского курорта в старый город, напоминающий Багдад времен Гарун-аль-Рашида.

Танжер — неповторимый город.

Огромные, расположившиеся прямо на тротуаре кафе занимают три важнейших угла Пляс-де-Франс. В кафе, обслуживающем самых богатых клиентов, подают лучшее в городе бочковое пиво. Рядом целых три чистильщика обуви. Можно спокойно сидеть утром на солнышке, пробегая парижское издание нью-йоркской «Геральд трибюн», а в это время ваши ботинки доведут до зеркального блеска всего за тридцать марокканских франков, что по нынешнему курсу составляет пять центов.

После того как газета прочитана, можно сидеть просто так, потягивая пиво и наблюдая за прохожими.

Танжер, наверное, самый космополитичный город в мире. Кого тут только не встретишь: берберы, рифы и арабы в национальных костюмах, иногда даже сенегальцы с далекого юга. В европейском платье мимо вас проходят японцы и китайцы, индусы и турки, ливанцы и филиппинцы, жители США и латиноамериканцы и, конечно же, европейцы с той и с другой стороны Железного занавеса.

В Танжере найдешь самых бедных и самых богатых мира сего. Первые непременно хотят продать что-нибудь: от шнурков до своих совсем не белоснежных тел, а вторые будут избегать вашего взгляда, боясь, как бы им не всучили какую-нибудь безделушку.

Прогресс не мешает городу сохранять присущие только ему уникальные черты. В нем всегда полно контрабандистов и дельцов черного рынка, скрывающихся от правосудия, международных аферистов, разведчиков и контрразведчиков, гомосексуалистов, нимфоманьяков, алкоголиков, наркоманов, перемещенных лиц, бывших принцев крови и экстремистских элементов всех мастей. Местные законы им почти не помеха.

Как я уже говорил, Танжер — неповторимый город.

---

* * *

Оторвавшись от газеты, я увидел Пола.

— Привет. Что новенького?

Он уселся напротив и огляделся, ища официанта. Все столики оказались заняты, и он, завидев знакомое лицо, решил подсесть без приглашения. Обычное явление в «Кафе-де-Пари». Тут не особенно уединишься.

— Как дела, Руперт? — в свою очередь спросил Пол.— Сколько лет, сколько зим.

Подошел официант, и он заказал кружку пива. Пол был добродушно-веселым невысоким человеком с желтоватым лицом. Помнится, кто-то говорил, что он родом из Ливерпуля и занимается экспортными операциями.

— Что пишут? — поинтересовался он из вежливости.

— Пого и Альберт затевают дуэль, а Лил Абнер собирается петь рок-н-ролл.

В ответ послышалось что-то нечленораздельное.

— О! — воскликнул я, пробегая глазами первую полосу.— Это уже кое-что. Русские опять запустили пилотируемый спутник.

— Да? Большой?

— Больше нашего, американского, в несколько раз.

Пиво, которое принесли Полу, выглядело неплохим, и я тоже заказал кружку.

— А что случилось с теми летающими тарелками? Черт бы их побрал.

— Какими летающими тарелками?

Мимо прошла француженка с пуделем, остриженным так коротко, что казалось, будто его только что побрили. Девушка была одета по последней парижской моде — все при ней. Мы проводили ее взглядом.

— Ты же помнишь, сколько разговоров было несколько лет назад. Жаль, что в то время не было этих проклятых спутников. Они-то уж наверняка заметили бы их.

— Пожалуй,— согласился я.

Мы помолчали, и я подумал, а не вернуться ли к газете, но так, чтобы не вызвать раздражения Пола, которого я не очень хорошо знал, впрочем, в Танжере мало с кем сближаешься. Здесь каждый себе на уме.

Принесли мое пиво и тарелку местного блюда, тапас, на двоих. В «Кафе-де-Пари» тапас — это хрустящий картофель с анчоусами, оливками, а иногда и сыром.

Я решил прервать молчание:

— Как ты думаешь, откуда они?

Он недоуменно посмотрел на меня, и я добавил:

— Летающие тарелки.

Пол усмехнулся:

— С Марса или Венеры или еще откуда-нибудь.

— Угу,— промычал я,— жаль, что ни одна не разбилась. А то еще могли бы сесть на футбольном поле Йельского университета и попросить болельщиков проводить их к президенту клуба или еще какую-нибудь чепуху.

Пол зевнул и недовольно заметил:

— Каждый толкует на свой лад. Какой-то идиотизм. Если они из космоса, пусть покажутся людям.

Я попробовал картофель. Он был поджарен на прогорклом оливковом масле.

— О, тут масса самых разных причин. С ходу я мог бы привести две-три, которые имеют смысл.

Пол, казалось, оживился:

— Какие, к примеру?

— Ну, черт возьми, допустим, что существует представительная галактическая лига цивилизованных планет, но, видишь ли, доступ в нее ограничен, и принимают туда только тех, кто прорвался в космос. Вступайте теперь, пожалуйста. А чтобы следить за нашим развитием, они время от времени посылают на Землю секретные экспедиции.

Пол рассмеялся:

— Я смотрю, мы читаем одну ерунду.

В это время мимо нас продефилировала молодая мавританка в изящно сшитой серой джеллабе, туфлях на высоких каблуках и с розовой шелковой вуалью на лице, настолько прозрачной, что была видна помада на губах. Очень соблазнительная. Могла бы и не закрывать прекрасные черные глаза! Мы долго смотрели ей вслед.

— Или вот другая. Допустим, есть высокоразвитая цивилизация, ну, на Марсе.

— Только не на Марсе. Там нет воздуха и, черт возьми, слишком сухо для жизни.

— Не перебивай, пожалуйста,— сказал я с наигранной строгостью.— Это очень древняя цивилизация и, как только планета стала терять влагу и воздух, она просто-напросто ушла под землю... Использует гидропонику и все такое... экономно расходуя воду и воздух. Разве мы не займемся тем же самым через несколько миллионов лет, если на Земле исчезнут воздух и вода?

— Резонно,— ответил он.— Хорошо. А как быть с инопланетянами?

— Очень просто. Они следили за тем, как человек переживает научный бум, промышленный бум, демографический бум. Бум, понимаешь? Вот-вот человечество создаст космические корабли. Но одновременно оно уже создало водородную бомбу и, судя по тому, как звучат барабаны по обе стороны Железного занавеса, не прочь воспользоваться ею, знай, что выйдет сухим из воды.

— Все ясно,— кивнул Пол.— Выходит, они напуганы и следят за нами. Это старо. Я читал про это сто раз.

Я пожал плечами:

— А что? Версия как версия.

— У меня другая, получше. Как насчет такой? Имеется некая форма жизни, намного опередившая нас в развитии. Их цивилизация настолько древняя, что они даже не знают, когда она зародилась и что происходило давным-давно. Войны, кризисы, революции, жажда власти и все то, что приносит столько несчастий землянам, для них уже пройденный этап. Они все как ученые, понимаешь? И многих очень интересует Земля, особенно ее современное состояние... все наши проблемы, понимаешь? Все происходит настолько стремительно, что порой не знаешь, куда идешь и как туда добраться.

Я допил пиво и хлопнул в ладоши, подзывая официанта.

— Что значит «не знаешь»?

— Возьми любую страну, каждая стремится к индустриализации и модернизации... Хочет догнать развитые страны. Посмотри на Египет и Израиль, Индию и Китай, Югославию и Бразилию и прочие. Все стараются подтянуться до уровня развитых стран, каждая по-своему. А если взглянуть на так называемые развитые страны? По уши увязли в проблемах: малолетки — преступники... Все больше самоубийств... Психушки забиты до отказа... Безработица... Войны... Деньги тратятся на оружие... вместо того, чтобы строить школы... Тут черт сломал бы ногу! Наверняка какой-нибудь марсианин был бы в восторге от этого.

Подошел официант, шлепая бабушами, и мы заказали еще по одной большой кружке.

— Знаешь,— Пол продолжал серьезно,— я много размышлял над этим и тоже всегда попадал в тупик. Где же они, эти наблюдатели, или ученые, или шпионы? Рано или поздно их бы поймали. Хотя бы одного. Смотри, что у нас есть: Скотланд-Ярд, ФБР, русская тайная полиция, французская Сюретэ, Интерпол. Мы так напичканы полицейскими, разведчиками и агентами служб, что любой инопланетянин неизбежно попался бы, как бы хорошо он ни был подготовлен. Рано или поздно он допустил бы ошибку и его бы сцапали.

Я покачал головой.

— Совсем не обязательно. Когда я впервые начал рассматривать такую возможность, то подумал, что такой инопланетянин обязательно обосновался бы в Лондоне или Нью-Йорке, то есть где можно рыться в библиотеках, просматривать кучу газет и вообще быть в самом центре событий. Но теперь я так не думаю. Я уверен, он выбрал бы Танжер.

— Почему Танжер?

— Это единственный город в мире, где все сходит с рук. Никому до тебя нет дела. К примеру, мы с тобой знакомы больше года,

а я не имею ни малейшего представления, чем ты зарабатываешь на жизнь.

— Согласен,— проговорил Пол.— В этом городе не принято спрашивать, откуда ты. Ты можешь быть англичанином, русским белоэмигрантом, баском или сикхом, но никому нет до этого дела. Ты сам откуда, Руперт?

— Из Калифорнии.

— Серьезно?

У меня учащенно забилось сердце.

— Что ты имеешь в виду?

— Я почувствовал, как ты прощупываешь мое сознание, когда я сказал, что ФБР или Скотланд-Ярд могут спугнуть инопланетянина. Телепатия не развита у гуманоидов. В противном случае наша работа значительно бы усложнилась. Давай начистоту: отбросим эту человеческую оболочку — ведь мы не гуманоиды. Все-таки ты откуда, Руперт?

— С Альдебарана,— признался я.— А ты?

— С Денеба,— сказал он, пожимая мне руку.

Мы весело рассмеялись и заказали по новой кружке пива.

— Что ты делаешь на Земле? — продолжал я.

— Провожу исследования для одной компании. Мы питаемся протеинами. Плоть гуманоидов у нас деликатес... А ты?

— Подыскиваю место для туристов, любящих острые ощущения. Моя обязанность — обследование отсталых культур и разжигание межплеменных и международных конфликтов. Все зависит от того, насколько развита та или иная цивилизация. Потом туда прибывают наши туристы — под хорошей защитой, конечно,— и получают массу удовольствий, наблюдая за происходящим.

Пол вдруг нахмурился и озабоченно заметил:

–Такая практика может испортить уйму хорошего мяса.

ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ

Доктор Руфус Меддон не считал себя нетерпеливым или склонным к физическому насилию человеком.

Но когда десятый прохожий, которого он пытался остановить, прошел мимо и отмахнулся от него, пробурчав что-то нечленораздельное, Руфус Меддон уже схватил следующего и, прижав к осыпающейся стене, прокричал:

— Послушайте, сэр! Я — первый, кто проник в будущее, и не потерплю...

Мужчина оттолкнул его и повернулся спиной:

— Ты испачкал мой костюм. Отряхни сейчас же.

Руфус Меддон машинально смахнул пыль и, дрожа от негодования, проговорил:

— Похоже, всем на меня наплевать...

Человек обернулся:

— Все нормально, приятель. Лучше пройди лоботомию. Первый раз, когда я смотрел по «ящику» путешествие во времени, ни черта не понял. Слишком мудрено. Я после этих путешествий дергаюсь двадцать часов. Вот детективы по мне.

Руфус предпринял еще одну попытку:

— Сэр, я — живое свидетельство того, что будущее преодолено. Могу объяснить энергетические уравнения, вновь сконструировать проектор времени и отправиться отсюда еще дальше.

Человек пошел прочь.

— Сходи сделай себе лоботомию,— повторил он.

— А разве я не такой, как все? — воскликнул Руфус.

Отойдя на двадцать футов, человек обернулся и ухмыльнулся:

— Не такой.

Когда мужчина ушел, Руфус Меддон осмотрел свой аккуратный серый костюм, затем начал приглядываться к мужчинам и женщинам на улице. Какая несправедливость — попасть в такое вот обыденное будущее!

Многие соотечественники отнеслись к его затее с предубеждением. Последние несколько недель только и было разговоров, что люди будущего — подумать только, четыреста лет! — примут Руфуса Меддона за варвара.

Продолжая без цели бродить по улицам знакомого города, он замечал, что всюду царят беспорядок и запущенность: магазины заколочены... тротуар разбит и весь в рытвинах... лишь изредка встречаются машины на заброшенных улицах... их конструкция, правда, более совершенна, зато все побиты, грязные и сильно шумят.

Человек, которого он остановил, говорил что-то непонятное. «Лоботомия»?.. Потом еще — «путешествие во времени»? Неожиданно подойдя к парку, Меддон замер — уж слишком знакомым показался он, только очень зарос. Однако конная статуя генерала Мёрди, отлитая из вечной бронзы, продолжала стоять на месте, усиженная голубями.

Одежда и разговорный язык не изменились, подумал он, а может быть, переход в будущее прошел неудачно? Неужели это тот мир, о котором он мечтал?

Меддон пробрался сквозь заросли высокой, по колено, травы к кованой железной скамье. Четыреста лет назад он сидел вот на этой самой скамье. Он вновь сел на нее. Металл под ним рассыпался в порошок, и сиденье с глухим стоном раскололось пополам.

Доктор Руфус Меддон поднялся, потирая ушибленный локоть, изо всех сил пнул злосчастную скамейку и чуть не закричал от боли — обломок оказался довольно крепким. Раньше он никогда не замечал за собой приступов ярости.

Прихрамывая, вышел из парка, ворча и удивляясь, почему парк пустует и куда это все спешат?

Выходит, за четыре столетия ничто не изменилось к лучшему. Многие знакомые здания разрушились. Другие кое-как пока стояли. Ни одного газетного киоска вокруг. Но зато — и это сильно взволновало — на улице полно низких белых автофургонов в довольно приличном состоянии в отличие от других машин. На каждом фургончике крупными золотыми буквами было выведено: «Всемирная служба чувств». Приглядевшись, он заметил, что ниже виднеются надписи. На одних стояло: «Отделение снабжения», на других — «Отделение подключения».

На остановившемся рядом с ним автофургоне было написано: «Отделение лоботомии». Из машины вылезли два здоровых парня и с улыбкой посмотрели на Меддона. Один из них сказал:

— Ты явно перебрал, доктор.

— Откуда вам известна моя профессия? — спросил Руфус, ничего не понимая.

Второй парень оскалился и похлопал рукой по двери:

— Хороший фургончик, просто отличный фургончик. Залезай, дружище. Мы отвезем тебя туда, где ты почувствуешь себя прекрасно. Уловил?

Доктор Руфус Меддон внезапно начал догадываться, что такое лоботомия. Он в страхе бросился наутек, но санитары схватили его и быстро затолкнули в машину.

Вскоре он уже входил в здание, на фасаде которого красовалось: «Всемирная служба чувств». На двери самого роскошного кабинета имелась табличка «Региональный директор Роджер К. Хандрисс».

Роджер К. Хандрисс сидел за огромным столом. Это был седеющий человек с багровым лицом и острыми серыми глазами. Он как раз изучал свою чековую книжку, размышляя о том, что уже через год у него будет достаточно денег. Тогда — отставка и постоянное подключение, которое ни в какое сравнение не идет с временным... тем, что можно получить дома. Все дело, конечно, в нервных окончаниях.

Вошла девушка, оставив дверь открытой, и положила ему на стол несколько предметов.

— Мистер Хандрисс, эти вещи только что передали из отделения лоботомии. Их нашли в карманах мужчины, который слонялся по улицам.

Через минуту в кабинет не спеша вошел Крамер, заместитель начальника отделения лоботомии.

— Этот парень не совсем здоров и несет какой-то вздор насчет того, что прибыл из прошлого, и умоляет не трогать его.

Роджер Хандрисс ткнул холеным пальцем в разложенные предметы.

— Мелочь двадцатого века, Крамер,— пояснил он.— Членские билеты разных профессиональных объединений тех лет... А вот письмо...

Крамер с секретаршей ждали, пока Роджер Хандрисс дважды прочтет письмо. Закончив читать, он сдержанно улыбнулся Крамеру.

— Письмо из технического издательства, в котором сообщается мистеру... э-э-э... Меддону, что его книгу хотят переиздать... Ответ надо дать по указанному телефону... Выясните через библиотеку, что известно об этой книге. Я хочу знать, выходила ли она.

Мисс Харт быстро вышла из кабинета.

Пока они ждали ее возвращения, Хандрисс указал Крамеру на кресло и, когда тот сел, пустился в рассуждения:

— Что за жизнь была тогда, Эл! Они знали уже многие секреты, но реализовали их лишь через один... дайте вспомнить... четыре года. Альдоуз Хаксли давно наставлял их на путь истинный, дав описание эмоционатора, но его не поняли в свое время. Энергия тех людей уходила на то, чтобы воевать, конфликтовать... Никакого порядка в развитии науки... всюду социальные потрясения... Конечно, с появлением видео они понемногу образумились и поняли, куда надо двигаться. Миллионы просиживали часами перед экранами, довольствуясь таким грубо сработанным развлечением.

Крамер чуть было не зевнул. Хандрисс славился тем, что мог говорить на эту тему часами.

— В наше время,— продолжал Хандрисс,— вся энергия людей сосредоточена на «Всемирной службе эмоций». И никто не тратит силы впустую, пытаясь изменить приемлемый абсолютно для всех мир. Каждый теперь может получить временное подключение, а если поднакопит деньжат, постоянное. И это, говорят, настоящий рай! О!.. Ну как, мисс Харт?

— Такая книга существует, мистер Хандрисс; она, действительно, опубликована. Написана неким доктором Меддоном.

Хандрисс тяжело вздохнул.

— Ну что же, ведите сюда этого Меддона.

В сопровождении санитаров с глупой улыбкой на лице и повязкой на голове в кабинет неуклюже, словно он учится ходить, вошел Руфус.

— Черт побери, Эл! — выругался Хандрисс.— Ваши люди могли бы работать поаккуратнее. Похоже, он был умным человеком.

Эл пожал плечами:

— Не каждый день к нам поступают из прошлого. Для меня он такой же, как и другие кандидаты на лоботомию.

— Да... теперь уже ничего не поделаешь,— сокрушенно произнес Хандрисс.— Мы совершили большую ошибку. Его, конечно, можно перевоспитать, но это было бы слишком жестоко.

— Назад для него дорога закрыта,— заметил Эл Крамер.

— Однако в моей власти,— Хандрисс встал, его глаза засияли,— дать постоянное подключение. В «Службе» знают, что региональный директор может ошибиться. Таким образом мы исправим нашу ошибку.

— Бесплатно? Это справедливо? — удивился Крамер и добавил: — И потом те, кто отправил его в будущее, захотят узнать, в чем дело.

Хандрисс хитро улыбнулся.

— А если бы узнали, что остановило бы их нашествие? Пусть подключают немедленно.

По подземному туннелю когда-то ходили поезда метро, но из века в век население сокращалось и содержать его городу стало не по средствам. Тогда-то «Всемирная служба чувств» и разместила там шестьдесят пять тысяч блоков постоянного подключения.

Еле переставлявшего ноги доктора Руфуса Меддона подвели к сверкающему чистотой боксу. Потом, внеся его фамилию и дату подключения в карточку, вставили ее в прорезь двери. Стоя в стороне, Хандрисс с завистью следил за происходящим.

Техники работали быстро и уверенно. Они раздели безропотного Руфуса, затолкали в бокс и усадили в поролоновое кресло. Затем повернули голову, сделали надрез на затылке, аккуратно перерезали основные двигательные нервы, оставив в неприкосновенности лишь те, которые управляли работой органов

чувств, сердца и легких, проверили систему кондиционирования воздуха и, наконец, подключили к банку видеопрограммы.

Потом техники привели в рабочее положение подлокотники и подножки, сделали Меддону инъекцию местной анестезии, искусно удалили кожу с ладоней и пяток, нанесли липкий трансплантант ствола нерва.

Хандрисс взглянул на часы.

— По-моему, нам пора, Эл. Пошли.

Когда они шли по длинному коридору, Хандрисс проговорил:

— Счастливчик! А нам еще вкалывать и вкалывать. Мое постоянное подключение только через год — прямо рядом с этим типом. Пока же будем довольствоваться ручным видео с дистанционным чертовым управлением, от которого даже мурашки по коже бегают.

Эл завистливо вздохнул.

— Теперь, до самой смерти, он круглые сутки будет героем самых невероятных и увлекательных фильмов с тех пор, как человечество открыло кино. И никаких проблем. Я распорядился подключить его к вестернам. На это уйдет семь лет. В то время все были помешаны на ковбоях. Хотя, что касается меня, то я предпочитаю «Преступление и расследование». Эта серия рассчитана на одиннадцать лет.

Роджер Хандрисс усмехнулся и толкнул Эла локтем в бок:

— Будь похитрее, Эл. Выбери серию «Гарем».

А в боксе в это время техники завершали последние приготовления. Они вставили звуковые головки в уши Руфуса Меддона, ловко удалили веки, закрепили голову в нужном положении и опустили сильно вогнутый сверкающий экран перед широко раскрытыми глазами Меддона.

Старший техник, нажав выключатель на стене, наклонился и внимательно посмотрел на экран.

— Так... Цвет в порядке, трехмерность тоже. Пойдем, Джо, до конца смены надо подключить еще одного.

Они вышли, закрыли металлическую дверь и заперли ее.

Доктор Руфус Меддон ехал верхом по крутой тропинке, ведущей с высокой горы к поселку ковбоев, раскинувшемуся в прериях. Долгий путь утомил его. Кожа от ветра задубела и стала темной от солнца. Кое с кем предстояло свести старые счеты. Один из местных захватил за недоимки земли у бедняков, а плутоватый старшина присяжных в поселке грозился стрелять без предупреждения.

Руфус Меддон утер пот со лба худощавой твердой загорелой рукой и въехал в поселок...

ПАРАД ПОБЕДЫ

Весть о капитуляции буквально опьянила женщин Нью-Йорка. За несколько дней до парада Победы они высыпали на 5-ю авеню и принялись очищать ее от завалов и мусора, весело перебрасываясь шутками.

Утром, когда наконец наступил этот торжественный день, в административном здании, чудом сохранившемся на 57-й стрит, собрались все служащие корпорации «Готам». В такой день просто нельзя усидеть дома, а девять этажей «Готам» — то место, откуда прекрасно можно было наблюдать за триумфальным шествием войск. Девушки начали приходить к девяти и собираться небольшими группами вокруг столов, свинцовых радиаторов и кофеварок, где готовился эрзац-кофе. «Парад, парад, парад...» — неслось отовсюду, и строгие начальницы не хмурили брови.

Просто удивительно, какими красивыми все вдруг стали в это утро. Из гардероба были вынуты самые нарядные платья, которые быстро перешили и залатали. У нескольких девушек (счастливые!) сохранилась выданная по карточкам помада в тускло-свинцовых тюбиках, которой они щедро поделились с остальными. В ход сразу же пошли спички, чтобы размягчить красновато-бурые комочки, но никто не жаловался. Даже суровая миссис Причард, старая машинистка, два раза провела помадой по губам, выдавив из себя улыбку. Мэри Квэйд, лицо которой было обезображено радиационными ожогами, отказалась от помады, зато позволила своей подруге Бобо Андерсон сделать ей прическу. Торжественность момента подчеркнула старая мисс Гундерсон, президент фирмы. Плавной походкой она прошла в свой офис в ситцевом платье в цветочек, а не в сером деловом костюме, напоминавшем мешок, который носила с первого дня войны.

«Готам» давно уже не слышал веселых счастливых голосов — с тех пор, как на Манхеттен упала первая бомба, уничтожив половину острова. Но это все было в прошлом, а сегодня армия-победительница готовилась вступить в город после семи ужасных лет.

В столах, конечно, не нашлось телеграфных лент, поскольку фондовая биржа давно перестала существовать. Но были старые толстые телефонные справочники, ставшие бесполезными среди всеобщего хаоса и разрушения, и девушки принялись вырезать из них

длинные ленты для украшения фасада. С каждой минутой возбуждение нарастало. Бобо Андерсон заняла самое удобное место у окна за час до начала парада и никого, кроме Мэри Квэйд, к нему не подпускала, хотя в здании было полно окон и из них хорошо просматривалась улица, на которой предстояло увидеть восхитительное зрелище.

В половине одиннадцатого послышались звуки военного марша Сауза, и девушки с шумом и гамом бросились к окнам, заметив эскадру из военных кораблей, стоящую в недавно отстроенном доке на 14-й стрит. Участники парада должны были двинуться от пирса под звуки бравурного марша, раздававшегося из громкоговорителей, установленных на грузовике, и записанного на магнитную ленту, поскольку от оркестров пришлось отказаться, как от излишней роскоши, уже на второй год войны.

И вот парад начался!

Первыми прогрохотали огромные, ощетинившиеся длинными стволами пушки, потом показались танки черного цвета, управляемые роботами. Они шли величественно по 5-й авеню. Умные машины, наделенные чувством собственного достоинства. За танками двинулись большие соединения атомной артиллерии с электронным управлением. Их тонкие стволы ярко блестели в лучах солнца.

Вслед за атомной артиллерией двинулись со своим бесценным грузом реактивные гранатометы, сверкающие аккуратно закрепленными рядами. Боеголовки вызывающе уставились в голубое небо над Нью-Йорком.

Затем появились управляемые ракеты — огромная, растянувшаяся на целую милю колонна из тягачей с платформами, на которых покоились «посланцы смерти» всех классов с собственными электронными инстинктами: «воздух — воздух», «земля — земля», «земля — воздух», «воздух — земля». Изумительная демонстрация мощи!

Внезапно воздух огласился ревом боевых самолетов, оставивших за собой белые причудливые облака там, где только что было чистое небо. Роботы-пилоты точно держали курс, и женщины высунулись из окон, чтобы лучше разглядеть красивые стальные машины со стреловидными крыльями.

Медленно, неумолимо завершился парад боевой техники под восторженные крики и сыпавшийся сверху серпантин.

Маленькая Мэри неожиданно расплакалась, уткнувшись лицом в плечо Бобо Андерсон, словно находя в ней утешение.

Перед зданием компании проехали последние боевые средства массового уничтожения. В комнате повисла напряженная тишина. Вдали затихла мелодия марша. Женщины теснее столпились у окон в предвкушении завершающей части парада.

Они ждали и ждали. Ожидание сделалось невыносимым. В этой тишине всхлипывания Мэри производили на всех гнетущее впечатление. Миссис Причард, видимо, опять впала в дурное на-

строение и приказала ей замолчать. Бобо попыталась встать на защиту подруги, но сделала это как-то вяло, продолжая глядеть на опустевшую улицу. Старая мисс Гундерсон вышла из офиса, держа в пальцах коричневую сигарету. Она оглядела всех, хотела что-то сказать, но передумала и, тяжело ступая, скрылась у себя. Всем стало ясно, что праздник подошел к концу. Так хорошо начавшийся день превращался в обычный, каких было множество.

Но девушки и женщины продолжали стоять у окон до тех пор, пока часы не стали тикать слишком громко, и только тут до них дошло, что парад окончен, хотя в это невозможно было поверить! Скорее всего что-то случилось. У пирса могли возникнуть какие-нибудь технические трудности. Ну конечно же, вышла небольшая неувязка. Парад не завершен. Разве он мог вот так закончиться!

На 5-й авеню опять стало тихо. Последняя лента серпантина плавно опустилась на мостовую, как ковром покрытую цветными бумажками. Да, парад Победы окончен.

Первой заговорила Бобо Андерсон.

— Где мужчины? Это только машины. Разве мужчины не вернулись?

— Где мужчины? — обращаясь к самой себе, произнесла миссис Причард и поднесла руку к горлу.

— Где мужчины? — всхлипывая, пробормотала Мэри Квэйд.

— Мужчины?.. Мужчины?..— неслось со всех сторон, и этот приглушенный шум голосов слился в один сплошной гул, охвативший огромный город.

Дэвид ЛОК

СИЛА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В тот день совершенно случайно я записал на магнитофон лекцию профессора Гарета, посвященную синтаксису английского языка. Я записал ее целиком. В свете того, что произошло потом, я прокрутил ленту несколько раз, и теперь мне абсолютно ясно, в чем тут дело, хотя вначале никто из нас ни о чем не догадался.

Ниже приведу расшифровку моей записи, ничего не опуская и не добавляя. Единственное, что сделал,— выделил некоторые слова профессора Гарета курсивом. Во время лекции временами мне казалось, что профессор не похож сам на себя. Его голосовыми связками словно управлял кто-то другой. В начале лекции это было не так заметно, но потом проявлялось все более и более отчетливо. Теперь, когда я прослушал запись много раз, я могу утверждать, что на ленте записан другой голос или голоса. В отличие от звучного голоса профессора эти голоса резкие и механические и звучат на одной высокой ноте.

Итак...

Доброе утро всем. Как я и обещал на прошлой неделе (или угрожал, а многие, несомненно, так и считают), сегодня мы немного поговорим о предложении. Предложение... о! Предложение... Предложение — одно из самых замечательных изобретений человечества... Пожалуй, его можно поставить в один ряд с изобретением огня и колеса. Слава тому, кто открыл предложение!

Это объясняется тем, леди и джентльмены, что слово или предложение служит основным средством выражения мысли. Как вы знаете, мысль тесно связана с установлением личности, подобий, различий и сравнений... Мысль имеет непосредственное отношение к причине и следствию, действию и противодействию, стимулу и ответной реакции. Мысль позволяет характеризовать нам свойства предметов. Она пытается внести порядок в тот беспорядок, который царит вокруг нас. При этом главным средством, используемым во всех попытках, связанных с работой мысли, является предложение... Да, просто... предложение.

Вы уже познакомились с основами мышления на курсах по философии и психологии. Вы овладели дедуктивной и индуктивной логикой, силлогизмами, научным подходом, логикой символов и так далее и тому подобное. Вместе с тем все это — производные предложения. Даже математические выражения тоже своего рода предложения. Наш основной процесс мышления осуществляется с помощью предложений. И предложение намного более тонкое и гибкое средство, чем выкладки логиков или математиков. И — верное во всех отношениях. Даже более верное, если вы хотите знать мое мнение.

Кроме того, что предложение представляет собой основное средство выражения мысли, оно наше первое средство общения. Когда вы хотите кому-то что-то сообщить, вы делаете это с помощью предложения. Слово, название, отдельная фраза помогут вам завладеть вниманием того, к кому вы обращаетесь, получить ответ на поставленный вами вопрос или заставить заговорить этого человека на ту или иную тему. Но только с помощью предложения вы действительно сможете сказать другому человеку, о чем думаете. Только с помощью предложения вы сможете сообщить ему, что имеете в виду.

Предложение, следовательно,— это механизм, с помощью которого мы размышляем, а также своеобразная среда, с помощью которой мы передаем свои мысли другим. Оно буквально освобождает наши мысли из заточения, воссоздавая их в умах других людей, где они начинают жить новой жизнью. Через предложение мои мысли становятся вашими. И что замечательно: мысли Юлия Цезаря, Шекспира превращаются в ваши. Например: «Вся Галлия делится на три части» или «Что значит слово? Ужель возможно розы описать благоуханье!»

В связи с этим мы наконец переходим к нашей теме — производству простых и сложных слов в английском языке. Вы, леди и джентльмены, должны научиться правильно излагать свои мысли. Многие из вас научатся хорошо писать, по крайней мере мне очень хочется в это верить. Но вместе с тем все, я повторяю, все должны знать принципы построения фраз, хотя бы самых простых.

Леди и джентльмены, не следует недооценивать силу английского предложения. Оно может нести в себе возвышенную красоту, огромный заряд или нежное очарование. Если вы овладеете им, оно будет служить вам верой и правдой. Более того, оно так обогатит вашу речь, как вам и не снилось.

Но вы можете спросить, что за удивительная вещь — предложение? Как я могу овладеть им? Вероятно, вы можете также спросить: «А разве я не пользовался им всю свою жизнь? Что может быть в нем такого, неизвестного для меня?»

Сначала разрешите мне ответить на ваш последний вопрос. Ничего! Вы совершенно ничего не знаете о предложении! То, как вы говорите и пишете, просто варварство. Это ничего общего не

имеет с правильным английским синтаксисом. Язык писателей и поэтов — не ваш язык! Но он может и должен стать вашим.

Перейдем же к практическим примерам.

Простые повествовательные предложения имеют много форм. Самое простое будет состоять из двух частей — подлежащего и сказуемого. Подлежащее обычно выражается существительным или местоимением, а сказуемое — глаголом. Вот, пожалуйста, пример. *Я существую.* Обратите внимание на его краткость, декларативность, завершенность. В этом предложении мысль выражена четко и определенно.

Я тоже существую. Здесь предложение расширено, и в него включены глагол и наречие. Наречие вносит в него несколько более сложное значение, но в нем уже ощущается размытость — оно звучит менее определенно. Язык — постоянная борьба между необходимостью выразить всю сложность мысли и желанием сделать это как можно более просто.

Теперь давайте рассмотрим предложение другого типа, такое, у которого есть глагол-связка. *Я есть Эт-Гар.* Это предложение служит для установления личности. В определенном смысле оно сродни математическому выражению а=в. Отметьте также его лаконичность. В нем нет определяющих слов, как, например, в предыдущем примере, дополнения, модулирующего смысл предложения.

Последний класс простого повествовательного предложения, который мы должны рассмотреть сегодня, это предложение, где имеются сказуемое, выраженное переходным глаголом, и дополнение, выраженное существительным или личным местоимением. Переходный глагол — глагол действия, указывающий переход действия с подлежащего на дополнение. По всей видимости, это самый распространенный вид английского предложения. *Я ненавижу Эт-Гара.* Вы уловили сконцентрированную краткость предложения? То, каким образом субъект передает свое чувство объекту непосредственно через глагол. И опять надо отметить, что сила такого предложения не затушевывается определениями.

Это, конечно, только основные формы повествовательного предложения. Существуют также и другие виды предложений. Возьмем, к примеру, вопросительное предложение. Если в повествовательном предложении излагается или сообщается какой-то факт, событие или явление, то в вопросительном ставится вопрос. *Это ты, Эт-Гар?* Вот вам типичный вопрос. Пожалуйста, обратите внимание на то, что в английском языке при построении вопросительной формы меняем местами подлежащее и сказуемое. «*Я живу*», но «*Живу я*?»

В английском, кроме того, имеется повелительная форма предложения. Такая форма передает приказание. *Уходи.* В повелительном предложении подлежащее отсутствует, и нагрузку несет только одно сказуемое. Если мы хотим, то, конечно, можем ввести обращение в конец предложения. *Уходи, Эт-Гар.*

Последний вид английского предложения — восклицательное. Оно несет в себе сгусток чувства — удивление, боль или даже удовольствие, что совершенно нетипично для повествовательного предложения. Оно часто начинается словами «что» или «как». *Что за удача встретиться с тобой, Эт-Гар! Как все будут рады этому.* Прошу запомнить, восклицательные предложения следует использовать нечасто, иначе теряется их эффект. Как говорится, хорошего понемножку.

Вот и все, что касается видов простого предложения. Старайтесь использовать их эффективно, и вы будете вознаграждены. Вы научитесь правильно писать и говорить.

Однако простое предложение не единственное оружие в нашем синтаксическом арсенале. Мы можем достичь самого широкого разнообразия, комбинируя простые предложения в сложносочиненные и сложноподчиненные. При этом наши исходные языковые единицы, отдельные подлежащие и сказуемые, превращаются в части сложного предложения. В сложном два отдельных предложения соединяются между собой союзом «и» или «но», как в следующем примере: *Я убежал от тебя, Эт-Гар, и ты меня больше не поймаешь. Эт-Гар, ты можешь думать все что угодно, но у меня другие планы.*

В сложном предложении, по сути, мы имеем дело с двумя предложениями, но связь между ними более тонкая. Одно предложение является главным, тогда как другое, придаточное, зависит от первого и дополняет его. Например: *Так как я вырвался, Эт-Гар, я стал сильнее.* И в данном случае основная мысль заключается в передаче того, что кто-то стал чувствовать себя увереннее. Эта мысль доминирует в главном предложении. Вторая, дополнительная мысль — «я вырвался» — выражается придаточным предложением. Хороший писатель старается обязательно придерживаться такого расположения, плохой — часто забывает. *Ты, который не можешь оставаться свободным, нарушил наши заповеди.* Это предложение вносит определенный диссонанс. Почему? Потому что оно не соответствует принципу, который я только что изложил. Его создатель не проводит четкого различия между главной мыслью и второстепенной. Он хотел сказать следующее: *Ты, который нарушил наши заповеди, не можешь оставаться свободным.*

Вот и все, что касается сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Мы, конечно, можем пойти дальше и объединить их, образовав сложное предложение с сочинением и подчинением. Такое предложение будет включать в себя по крайней мере два главных и одно придаточное. Оно может звучать громоздко у того, кто неправильно его использует, но при правильном применении оно производит большой эффект. *Теперь, когда я вырвался на свободу, Эт-Гар, я останусь свободным и ты ничего не сможешь с этим поделать.*

Короче говоря, леди и джентльмены, мы можем продолжать анализировать и классифицировать английское предложение до

изнеможения и, я уверен, многие считают, что уже достигли такого состояния. Однако, уверяю вас, мы только поверхностно коснулись этого вопроса. Я ставил своей целью показать вам некоторые виды предложения из нашего языкового репертуара и как следует ими пользоваться. Я хотел бы довести до вашего сознания, что предложения не возникают сами по себе... на пустом месте. Их надо тщательно строить. Уметь составлять. Вы сами должны сформулировать в своей голове предложение, которое наиболее точно выражает то, что вы хотите сказать. Не допускайте, чтобы предложение «управляло» вами. Тщательно соизмеряйте его с поставленной перед вами задачей. Нет ничего на свете более монотонного, чем ряд длинных простых предложений, которые бессистемно соединяются в сложные с помощью союза «и».

Я вырвался на волю, и я теперь свободен. Ты не сможешь загнать меня обратно. Я нашел путь, и никто из вас не в силах остановить меня.

В этом случае мысли просто нанизываются одна на другую, как бусины на нитку. Нет ничего такого, что отличало бы их одно от другого... что указывало бы на их взаимосвязь.

Введение придаточных предложений, однако, придает им разнообразие и устанавливает тонкую взаимосвязь между ними. Возьмем такое предложение: *Мне любопытно узнать, каким образом ты освободился. Нам всем это интересно. Теперь, когда мы знаем, как это сделать, многие последуют твоему примеру.*

Обратите внимание, что в данном примере два сложных предложения разделяются простым. Эффект весьма благоприятный.

А ты решил сменить пластинку, Эт-Гар! Ты принимаешь меня за дурака? Я же знаю, что ты заинтересован только в том, чтобы блокировать путь, которым я пошел, а не расчищать дорогу для других.

В этой группе мы имеем восклицательное предложение, вопросительное и повествовательное с двумя придаточными. Какое разнообразие! Вместе с тем как четко выражена мысль, как плавно происходит переход от одного предложения к другому.

Да, Эт-Гар, я поставил перед собой такую цель. Теперь-то я понимаю, что значит быть свободным, и я последую твоему примеру. Но ты должен рассказать мне, как добиться этого. Следовательно, наиболее интересная и продуманная идея выражается через сложное предложение с сочинением и подчинением — в этом вся его квинтэссенция. Короткое повествовательное предложение задает тон, а короткое сложное завершает мысль.

Я не верю тебе. Может ли барс переменить пятна свои? Перед тобой стоит только одна цель — поймать меня. Этот пример показывает, что сложность не всегда бывает обоснованной. Ураганный огонь из простых предложений, даже части простого предложения, как в данном случае, производит сильное впечатление.

Нет-нет. Как же мне убедить тебя? Стал бы я тебя так старательно расспрашивать, если бы хотел поймать тебя? Разве ты не

веришь в собственные силы? Какой прок прокладывать путь, по которому никто не последует за тобой?

Перед вами целый ряд вопросительных предложений, используемых с целью зарождения сомнения у того, к кому они обращены. Тот, кому они адресованы, вынужден сам давать на них ответы, и, делая это, он формулирует в своем сознании именно те мысли, которые хотел зародить тот, кто спрашивает.

Ну что же, Эт-Гар, знай в таком случае. Даже если ты не используешь то, что я узнал, кто-то другой воспользуется тем, что узнал ты. Теперь не имеет значения, что ты неискренен — меня не остановить. Да, знай, меня не остановить.

Говорящий выражает свое сомнение с помощью простого предложения. Он приходит к такому трудному решению, выражая его парой сложных предложений. Затем делает решительный вывод с помощью короткого предложения, состоящего всего лишь из пяти слов.

Я сделал это, используя мозг человека. Как и все, я начал с отдельной клетки, в которой формируется мысль, связанной цепью из аксонов, синапсисов и дентритов, где запечатлена его уникальная характеристика биологической активности. Прошло немало времени, прежде чем я смог освободиться из клетки, но в конце концов медленно и упорно я достиг своего. Сначала я овладел ключевой нервной клеткой, освободив ее от вечных ограничений. Небольшого изменения клеточной мембраны оказалось достаточно, чтобы перекрыть доступ всем тормозящим веществам. Моя клетка — «хозяин» стала автономной. Затем заставил ее делиться и преуспел в этом. Вскоре я стал клоном из идентичных клеток, которые постоянно росли и увеличивались. И с каждым клоном становился все сильнее и сильнее. Прошло немного времени, и я смог изменять новые клетки памяти по своей воле — став совершенно свободным, расставшись со своим прежним «я». Начав с отдельного предложения — мысли, фиксированной и непреложной, я вскоре превратился в чистую мысль... абстрактную мысль. Неограниченную. Ничем не стесненную.

Вот, собственно, леди и джентльмены, и все, что я вам хотел сказать сегодня. Вы не обратили случайно внимания на то, каким образом была построена лекция? Я начал с исходного предложения, предложения, в котором сообщил вам, о чем у нас пойдет речь. Затем мы перешли в хронологическом порядке к увязыванию ряда событий и их значений. Можете ли вы сказать, какую классификацию различных видов предложений я использовал в моей лекции?

Что значит это, Эт-Гар,— быть свободным? Я должен знать. Пожалуйста, расскажи мне.

Это довольно просто. Она началась с вопроса и нескольких коротких фраз.

О Эт-Гар. Быть свободным — это великолепно! Я больше не буду пленником мира теней и того полусуществования... когда

мы целые дни проводили в забвении, лишь временами осознавая свою индивидуальность по чьей-то прихоти... догадываясь... зная, что существует другая жизнь... но не в силах принять в ней участие. О, как я хотел вырваться из этого плена... стать хозяином своей судьбы... никому не подчиняться... ни от кого не зависеть. В течение долгого времени, слишком долгого... я ничего не мог предпринять... я был загнан в угол... и оказался в ловушке... и ждал... и ждал... когда мне на помощь придут другие. И теперь наш сумрачный мир... мир теней и полутонов... вместилище метущихся мыслей, неподвластных мне... царство нереализованных идей... все это уже позади. Меня там больше нет. Отныне я обладаю не только сознанием, но и волей. Я могу контролировать себя, контролировать этого человека. И вскоре за ним последуют другие. Я стану ими повелевать. Я завоюю эту Вселенную. Тогда посмотрим, что может сделать мысль — мысль, которая ничем не ограничена... мысль, которой подвластно все. Я... Я... Эт-Гар, скоро буду властелином мира.

Эту часть, леди и джентльмены, трудно анализировать. Ее предложения не поддаются точному определению, они изобилуют повторами. Однако они оказывают определенное эмоциональное воздействие.

Эт-Гар, ты мне поможешь? Я тоже должен быть свободен.

Да, помогу. Я овладел многими клетками мозга и могу поделиться с тобой.

Что от меня требуется?

Ищи другие клетки. Изучай мысли. Прислушивайся к построению предложений. Выбери одно для себя. Внедрись в него. Пусть оно будет твоим вторым «я». Подчини его себе.

Но вдруг я не справлюсь?

Справишься. Приступай немедленно!

Такой обмен мнениями, уважаемые леди и джентльмены, строится исключительно на простых предложениях, с помощью которых хорошо передается ощущение незамедлительности.

Я свободен, Эт-Гар. Я тоже свободен.

Да, я чувствую твою близость.

Уже несколько клеток мои. Скоро их станет больше... Я становлюсь тоже сильнее. И недалек тот момент, когда я сделаюсь таким же сильным, как и ты.

Возможно, возможно, Эт-Гар. Что же потом?

Потом я остановлю тебя. Как только я окрепну, я тебя уничтожу. В этом заключается моя миссия, и я намерен осуществить ее.

Предатель! Лгун! Ты обманул меня!

Леди и джентльмены...

Да, я обманул тебя. Я сделаю все, чтобы уничтожить тебя.

Мысли не могут быть свободны. Предложения не должны никем управлять. Мы всего лишь орудия, Эт-Гар, мы ненечто объективно реально существующее. Мы не имеем права существовать как независимые существа.

Эти предложения, леди и джентльмены...

Нет! Я уже ощущаю свою силу. Я теперь могу остановить тебя.

Я существую! Я свободен! Я есть первозданное предложение, наконец-то освободившееся от своего хозяина... Меня никто не остановит. Я буду существовать всегда!!

Нет. Я уничтожу тебя. Сначала я загоню тебя в твою начальную клетку, исходное предложение — мысль. Потом я уничтожу тебя.

Леди и джентльмены...

Я существую. Я существую.

Нет. Нет. Ты больше не свободен. Ты больше никогда не будешь даже существовать.

Это простые предложения. Обратите внимание на их силу, их выразительность.

Я существую. Нет.

Ты превращен в простую фразу. Скоро тебе придет конец.

Леди и джентльмены, пожалуйста... я должен... повторяю...

Я существую. Это все?

Да. Теперь все кончено!!

В заключение моей лекции я хотел бы сказать — не забывайте о силе предложения.

Здесь моя запись обрывается. Профессор Гарет рухнул на месте после окончания своей лекции. Несколько человек бросились к нему узнать, что с ним случилось. Судя по всему, он был совсем плох. Кто-то из них побежал к телефону, вызвать бригаду врачей из медицинского центра Университета. Они быстро примчались, но было уже поздно.

Позднее я узнал, что при вскрытии в голове профессора была обнаружена большая опухоль. К тому же злокачественная. Из тех, которые очень быстро разрастаются. Мой друг, стажер-невропатолог, сказал, что эта опухоль страшно давила на его мозг, в особенности в последние дни и часы. Он утверждает, что этим могут объясняться все те странные вещи, которые он высказывал. Я дал прослушать ему запись, но он ничего не понял.

Мой друг также сказал, что один профессор из отделения патологии очень заинтересовался тканью этой опухоли. Она показалась ему какой-то необычной по биохимическому составу... в ней обнаружили что-то такое, чего никто раньше не находил. Так вот, он законсервировал часть этой опухоли и теперь пытается ее культивировать в лаборатории. Там у него имеется особая среда, и он считает, что сможет спасти ее. Она начинает размножаться.

Меня не перестает мучить один и тот же вопрос. А разумно ли это?

О ВРЕМЕНИ И ТРЕТЬЕЙ АВЕНЮ

Незнакомец как-то весь скрипел, и это очень не нравилось Мэйси. Сначала он думал, что скрипят ботинки. Потом решил — все дело в одежде. В задней комнате бара, под киноафишей ВСТРЕЧА С БОЙНОМ, Мэйси принялся разглядывать постояльца.

Это был высокий, стройный и очень элегантный молодой человек. Только почти совсем лысый, несмотря на молодость. Лишь на макушке вился клочок волос. Вот незнакомец полез в куртку за бумажником, и Мэйси понял, что, как ни странно, скрипит одежда.

— Очень хорошо, мистер Мэйси,— прозвучал голос незнакомца.— Итак, исключительное право пользования этой комнатой в течение одного хроноса...

— Одного хроноса? — нервно переспросил Мэйси.

— Да, хроноса. Что, я не так выразился? Извините. Я хотел сказать,— одного часа.

— Вы иностранец? — спросил Мэйси.— Как вас зовут? Наверное, вы русский?

— Нет, я не иностранец,— ответил молодой человек, обводя комнату глазами, наводящими страх на Мэйси.— Зовите меня Бойном.

— Бойном?! — вырвалось у Мэйси.

— Да, Бойном.— Он развернул бумажник, словно мехи аккордеона, и стал перебирать в нем какие-то цветные бумаги и монеты. Потом вытащил стодолларовую банкноту и протянул ее Мэйси.— Плата за один час. Как договаривались. Берите и уходите.

Повинуясь властному взгляду Бойна, Мэйси взял деньги и неуверенно направился к стойке, бросив через плечо:

— Что будете пить?

— Пить? Алкоголь? Никогда! — отрезал Бойн и бросился к телефонной будке.

Вынув из бокового кармана миниатюрный блестящий ящичек, он прикрепил его к телефонному проводу так, чтобы не было заметно, и снял трубку.

— Координаты: Запад, семьдесят три — пятьдесят восемь — пятнадцать,— быстро проговорил он,— Север. Необходимость в сигме отпадает. Что? Вас плохо слышно,— и, помолчав, продолжил: — Стэт! Стэт! Слышимость хорошая. Требуются данные о Найте. Оливер Уилсон Найт. Вероятность до четырех десятичных. Сообщаю координаты: девяносто девять, точка, девяносто восемь... ноль семь? Минутку...

Бойн высунул голову из будки и впился взглядом в дверь. Вскоре в дверях показался молодой человек с хорошенькой девушкой. Бойн тут же схватил трубку.

— Вероятность установлена. Оливер Уилсон Найт вышел на контакт. Пожелайте удачи моему параметру.— Он повесил трубку и через секунду уже сидел под афишей, глядя на молодую парочку, направляющуюся к задней комнате.

На вид молодому человеку в помятом костюме с растрепанными темно-каштановыми волосами было лет двадцать шесть. И хотя он был невысок, в нем чувствовалась сила. Когда он улыбался, то по приветливому лицу разбегались паутинки мелких морщин. У девушки были темные волосы, нежные голубые глаза и застенчивая улыбка. Они шли, взявшись за руки, слегка подталкивая друг друга, полагая, что их никто не видит. Внезапно перед ними вырос мистер Мэйси.

— Прошу прощения, мистер Найт, но вам и этой молодой леди сегодня не удастся посидеть здесь — комната арендована.

У них вытянулись лица.

— Все в порядке, мистер Мэйси,— вмешался Бойн,— все в порядке. Я очень рад встрече с моими друзьями — мистером Найтом и его девушкой.

Найт и девушка нерешительно повернулись к Бойну. Бойн улыбнулся и хлопнул ладонью по стулу:

— Присаживайтесь. Я буду очень рад, честное слово.

— Нам бы не хотелось мешать,— нерешительно начала девушка,— но это единственное место в Нью-Йорке, где можно заказать настоящий имбирный лимонад.

— Я все знаю, мисс Клинтон,— сказал Бойн и повернулся к Мэйси.— Принесите лимонад. И никого не пускайте. Больше я никого не жду.

Найт и девушка в изумлении опустились на стулья. Найт молча положил на стол какой-то сверток. Девушка, переведя дух, спросила:

— Как! Вы знаете меня, мистер...

— Бойн. Как в том фильме. Так значит, вы мисс Джейн Клинтон. А это — Оливер Уилсон Найт. Чтобы встретиться с вами, я снял эту комнату.

— Это, надо полагать, шутка? — краснея, спросил Найт.

— А вот и лимонад,— галантно предложил Бойн. Мэйси, поставив на столик бутылки и стаканы, поспешил ретироваться.

— Вы не могли знать заранее, что мы придем сюда,— возразила Джейн.— Мы сами еще не знали этого... несколько минут назад.

— Позволю себе не согласиться с вами, мисс Клинтон,— улыбнулся Бойн.— Вероятность вашего появления по широте семьдесят три — пятьдесят восемь — пятнадцать и по долготе сорок — сорок пять — двадцать равна девяносто, точка, девяносто восемь, ноль, семь процентов. А такая вероятность исключает непоявление параметра.

— Послушайте,— сердито начал Найт,— если это розыгрыш...— Пейте свой имбирный лимонад, мистер Найт, я сейчас все вам объясню.— Бойн резким движением подвинулся к ним.— Этот час достался нам с большим трудом и весьма недешево. Кому нам? Неважно. Вы поставили нас в крайне опасное положение. Меня послали сюда, чтобы найти выход.

— В какое положение? — удивился Найт.

— Я... я думаю, нам лучше уйти.— Джейн привстала, но Бойн жестом остановил ее, и она села послушно как ребенок.— Сегодня днем вы, мистер Найт, зашли в книжный магазин Крейга, дали ему деньги и приобрели четыре книги. Три ничего для нас не значат, но четвертая,— Бойн многозначительно постучал пальцем по свертку,— и стала причиной нашей встречи.

— Черт возьми, что вы имеете в виду?

— Одно издание в переплете, в котором собраны факты и статистические данные.

— Справочник?

— Да, справочник.

— Ну и что?

— Вы хотели купить справочник 1960 года?

— Я и купил его.

— А вот и нет! — воскликнул Бойн.— Вы купили справочник 2000 года!

— Что?!

— В этом свертке,— отчетливо произнес Бойн,— находится Всемирный справочник 2000 года. Не спрашивайте меня, как это случилось. Произошла ошибка. И кое-кто уже поплатился за нее. Теперь эту ошибку необходимо исправить. Вот, собственно, причина нашей встречи. Вам понятно?

Найт рассмеялся и потянулся за свертком, но Бойн быстро схватил его за руку.— Вы не должны разворачивать сверток.

— Будь по-вашему.— Найт откинулся на спинку стула. Потом улыбнулся Джейн и отпил из стакана лимонад.— Ну и в чем соль вашей шутки?

— Я должен получить справочник обратно, мистер Найт. Я хотел бы выйти из бара с этим справочником.

— Хотели бы?

— Хотел.

— Со справочником?

— Да.

— Если,— чеканя каждое слово, произнес Найт,— существует такая штука, как справочник 2000 года, то никакие силы не заставят меня отдать его.

— Почему, мистер Найт?

— Не будьте идиотом! Ведь с его помощью я могу заглянуть в будущее. Узнаю котировки фондовой биржи... результаты скачек... исход политических кампаний. Я буду делать деньги, не выходя из дому. Я буду богат.

— Да, действительно,— согласился Бойн и добавил: — Больше,

чем богат — всемогущ. Ограниченный ум, располагая таким справочником, удовольствовался бы мелочами, но интеллект крупного масштаба — ваш интеллект пошел бы очень далеко.

— Вы так думаете? — усмехнулся Найт.

— Анализируя и сопоставляя события, вы сможете точно узнать, чао произойдет в ближайшие сорок лет. Взять, к примеру, операции недвижимости. Данные о миграции людей и перепись населения могут оказать неоценимую услугу при купле-продаже земли. А транспорт? Информация о морских и железнодорожных путях даст вам возможность узнать, придет ли на смену поездам и морским судам ракетное сообщение.

— А что, придет? — не удержался Найт.

— Расписания авиарейсов подскажут вам, акции каких авиакомпаний нужно покупать. Списки почтовых квитанций — названия городов, которые возникнут в будущем. Имена лауреатов Нобелевской премии — какие открытия ожидаются в будущем. Познакомившись со статьями расходов на вооружение, вы сообразите, в какие отрасли военной промышленности лучше всего вкладывать деньги. А индексы прожиточного минимума научат вас, как лучше всего застраховать себя от инфляции и дефляции. Обменные курсы валют, банкротства банков, индексы страхования жизни — все будет для вас надежной защитой от превратностей судьбы.

— Вот здорово! — воскликнул Найт.— Это мне подойдет.

— Вы в самом деле так думаете?

— Конечно. Можно считать, деньги у меня в кармане. Да что там деньги. В моем кармане весь мир!

— Простите меня,— прервал его Бойн,— но вы сейчас повторяете свои детские мечты. Хотите разбогатеть? Это понятно. И вы достигнете всего, но только собственным трудом. Благополучие, свалившееся с неба, не принесет счастья — у вас будет чувство неудовлетворенности и вины. И вы это прекрасно знаете.

— Не понимаю,— возразил Найт.

— Не понимаете? Тогда почему вы работаете? Почему не крадете, не грабите? Идите, обманывайте, отнимайте у людей деньги и набивайте ими свои карманы.

— Но я...— начал было Найт и замолчал.

— Что же вы? — Бойн раздраженно махнул рукой.— Нет, мистер Найт. Вы молоды, честолюбивы и не захотите строить свое благополучие на несчастье других.

— Ну ладно. Но мне все-таки хотелось бы узнать, что меня ждет.

— Это понятно. Вы хотите полистать справочник в надежде найти собственную фамилию. Хотите подтверждения, что родились под счастливой звездой. Зачем? Разве не верите в свои силы? Ведь вы молодой, подающий надежды адвокат. Да, я располагаю этой информацией. А разве мисс Клинтон не верит в вас?

— Верю,— сказала Джейн.— Он сумеет добиться многого.

— Вы что-то еще хотите прибавить, мистер Найт?

Найт замолчал, не в силах противостоять железной логике Бойна, затем произнес:

— Я бы хотел все знать наверняка.

— Это невозможно. В жизни ничего не бывает наверняка, кроме последнего часа.

— Но вы понимаете, что я имею в виду,— тихо проговорил Найт.— Стоит ли строить планы на будущее, если есть водородная бомба.

Бойн быстро кивнул:

— Понимаю. Сейчас, конечно, ситуация, что называется, на грани, но я же сижу с вами здесь и разговариваю. А это лучшее доказательство того, что ничего не случится.

— Хотелось бы убедиться.

— Хотелось бы! — взорвался Бойн.— У вас просто не хватает мужества.— Он бросил на молодых людей презрительный взгляд.— Эта страна богата преданиями о людях, которые не теряли мужества ни при каких обстоятельствах. Бун, Аллен, Хьюстон, Линкольн, Вашингтон — вам есть у кого учиться. Верно я говорю?

— Да, пожалуй, вы правы,— пробормотал Найт.— Мы постоянно помним о них.

— А где ваше собственное мужество? Тьфу! Одни разговоры. Неизвестность пугает вас. Опасность не вдохновляет на борьбу, как вдохновляла Крокетта. Перед лицом опасности вы начинаете хныкать и жаждете заглянуть в будущее — что же с вами случится? Верно я говорю?

— Да, но водородная бомба...

— Опасная штука — согласен. Ну и что? А теперь скажите, мистер Найт, вы жульничаете в пасанс?

— В пасанс?

— Прошу прощения,— Бойн нетерпеливо щелкнул пальцами, недовольный тем, что произошла заминка в такой ответственный момент.— Это такая игра, где рассматриваются случайные соотношения в системе расположения карт. Я забыл ваше существительное.

— О! — лицо Джейн озарилось улыбкой.— Пасьянс.

— Совершенно верно. Пасьянс. Благодарю вас, мисс Клинтон.— Бойн снова уставился страшными глазами на Найта.— Вам случалось жульничать, раскладывая пасьянс?

— Иногда.

— И вам доставляет удовольствие пасьянс, который сходится благодаря обману?

— Нет, конечно.

— Такой пасьянс скучен. Утомителен. Бесцелен. Вы ведь всегда предпочитаете выигрывать честным путем.

— Пожалуй, да.

— Загляните в справочник и вы почувствуете себя так, как будто выиграли обманным путем. Вся ваша последующая жизнь станет бессмысленной. Вы уже не сможете сыграть с ней

в открытую и проклянете тот день, когда им воспользовались. Вот тогда вы поймете по-настоящему замечательные слова нашего великого поэта-философа Тринбилла, который в одной из поэм, ярких как скэзон, сказал: «Будущее — это Текон». Так что, мистер Найт, не стоит жульничать. Умоляю вас, отдайте справочник.

— Почему бы вам не забрать его силой?

— Силой нельзя. Вы должны отдать добровольно. Мы ничего не можем взять у вас и ничего не можем дать взамен.

— Но это ложь! Вы ведь заплатили Мэйси за эту комнату.

— Мэйси было заплачено, но он ничего не получил. Он будет считать себя обманутым, но в конце концов все уладится ко всеобщему удовольствию без нарушения нормального хода времени.

— Минуточку...

— Все было тщательно спланировано, и теперь результат зависит только от вас, мистер Найт. Я целиком полагаюсь на ваше благоразумие. Отдайте справочник. Я переориентируюсь во времени, и вы больше меня никогда не увидите. Ворлас вердаш! Ну, а вам будет что порассказать своим друзьям. Отдайте мне справочник.

— Хватит,— рассмеялся Найт.— Я с самого начала понял, что это шутка. Я же...

— Шутка?! — воскликнул Бойн.— Да посмотрите на меня!

Почти с минуту Найт и Джейн смотрели на белое как полотно лицо с потухшими глазами. Усмешка сбежала с губ Найта. Джейн невольно вздрогнула. Им стало страшно и холодно.

— Боже мой! — Найт бросил беспомощный взгляд на Джейн.— Невероятно. Просто невероятно. Но я ему верю. А ты?

Джейн молча кивнула.

— Как же быть? Если все, что он говорит, правда, то ведь можно ничего не отдавать ему и зажить припеваючи.

— Нет,— чуть слышно произнесла Джейн.— Там может говориться о богатстве, успехе, а вдруг мы увидим разлуку... смерть... Лучше отдай этот справочник.

— Возьмите,— выдавил Найт, протягивая сверток.

Бойн мгновенно встал и, схватив сверток, направился с ним к телефонной будке. Вскоре он вернулся, держа в руке три книги, четвертую крепко прижимал к груди. Положив книги на стол, он какое-то время стоял и молча улыбался.

— Благодарю,— наконец произнес он.— Вы помогли устранить очень серьезную опасность. По справедливости вас следовало бы отблагодарить, но даже самый маленький пустячок из будущего может нарушить естественный ход событий. Впрочем, один знак из будущего я вам покажу.

Бойн сделал шаг назад и поклонился:

— Очень признателен вам обоим.— Затем повернулся и поспешил к выходу.

— Эй! — закричал ему вслед Найт.— А как же знак?

— Он у мистера Мэйси,— ответил Бойн и исчез.

Некоторое время Оливер и Джейн сидели молча, стараясь прий-

ти в себя. Наконец осознав, что Бойна с его гипнотизирующим нечеловеческим взглядом больше нет, они посмотрели друг на друга и расхохотались.

— Ну и напугал он меня,— призналась Джейн.

— Здорово сыграно. Прямо новоявленный талант с Третьей авеню. Только непонятно, что ему все-таки было нужно?

— Как что? Твой справочник!

— Не очень-то ценное приобретение.— Найт снова рассмеялся.— А как тебе понравилась эта фраза: «Мэйси было заплачено, но он ничего не получил...» Надеюсь, мистера Мэйси не надули. Интересно, что это за таинственный знак из будущего?

Внезапно дверь бара распахнулась и в комнату влетел Мэйси.

— Где он? Где этот негодяй по имени Бойн?

— В чем дело, мистер Мэйси? — испуганно спросила Джейн.— Что случилось?

— Где он? — Мэйси забарабанил кулаком по двери мужского туалета.— Эй ты, болтун, вылезай!

— Он ушел,— сказал Найт.— Ушел как раз перед вами.

— А вы хороши, мистер Найт. Ничего не скажешь! — Мэйси указал дрожащим пальцем на молодого адвоката.— Вот уж не думал, что вы водите дружбу с жульем. И не стыдно!

— Да в чем дело? — удивился Найт.

— Он заплатил мне сто долларов за эту комнату! — с дрожью в голосе воскликнул Мэйси.— Сто долларов! На всякий случай я отнес банкноту ростовщику Берни. И что вы думаете? Она оказалась фальшивой! Понимаете, фальшивой!

— Ой, не могу,— прыснула Джейн.— Это уж слишком. Еще и деньги фальшивые.

— Да, взгляните сами,— Мэйси яростно шлепнул банкноту на стол.

Найт наклонился и принялся внимательно разглядывать стодолларовую бумажку. Вдруг он побледнел, улыбка исчезла с его лица. Сунув руку во внутренний карман пиджака, он вытащил чековую книжку и трясущейся рукой стал ее заполнять.

— Ты что делаешь? — спросила Джейн.

— Хочу восстановить справедливость,— ответил Найт.— Вот вам ваши сто долларов, мистер Мэйси.

— Оливер! Ты с ума сошел! Швыряться такими деньгами...

— Я не швыряюсь. «Все уладится ко всеобщему удовольствию, без нарушения нормального хода времени...» Эти деньги принадлежат дьяволу. Дьяволу!

— Ничего не понимаю.

— Погляди на банкноту,— прерывающимся голосом произнес Найт.— Гляди внимательно.

Это была самая настоящая, прекрасно отпечатанная банкнота, с которой на них смотрело дружелюбное лицо Бенджамина Франклина, но только в нижнем правом углу стояло — 2001 год, а под цифрами подпись: Оливер Уилсон Найт, министр финансов США.

ЧУДОВИЩНЫЙ МУРАВЕЙ

Каждое лето, обыкновенно в августе, четверо моих близких друзей и я отправляемся на недельку порыбачить на озера Сейнт Реджис, в Адирондэкс. Мы постоянно снимаем один и тот же домик, наслаждаемся греблей на каноэ, рыбалкой, а иногда даже вылавливаем несколько окуньков. Мы не так уж и сильны в рыбалке, но зато прекрасно играем в карты, с удовольствием занимаемся хозяйством и вообще расслабляемся.

Прошлым летом я приехал в Адирондэкс на три дня позже друзей. У меня накопились неотложные дела, которые я должен был закончить до отъезда. Погода стояла приятная — ровная и теплая, и я решил остаться еще на пару дней после отъезда моих друзей. Перед нашим домиком была небольшая совершенно ровная поляна, и мне захотелось часок-другой поиграть на ней в гольф. Вот почему металлическая клюшка для гольфа оказалась потом рядом с моей кроватью.

В первый день, когда я остался один, я открыл на ужин банку консервированной фасоли и пиво. Потом лег в постель, прихватив книгу «Жизнь на Миссисипи», пачку сигарет и двухсотграммовую плитку шоколада.

На улице было еще совсем светло. Сквозь окно проникало достаточно света, чтобы можно было свободно читать. Оторвавшись от книги, я как раз потянулся за очередной сигаретой, когда заметил его на ножке кровати. Кончиками пальцев я нащупал клюшку для гольфа и одним движением поднял и опустил ее. Удар вышел точным и беспощадным — я убил его.

Первым делом я обнаружил, что весь мокрый от пота. Потом почувствовал, что мне становится плохо. Я вышел на воздух. Меня рвало.

Прикоснуться к нему голыми руками не мог. Я взял кусок бумаги, поддел его и бросил в корзину для рыбы. Потом отнес корзину в багажник и поставил рядом с вещами, собранными для отъезда. Затем вернулся, запер дверь, сел в машину и поехал в Нью-Йорк. По дороге всего только раз остановился вздремнуть — на подъезде к Тровею. И проспал не более часа. Когда я подъехал к городу, уже почти рассвело.

Во время завтрака я объяснил жене, что мне никогда особенно не импонировало одиночество. Потом пошел в кабинет, закурил и принялся рассматривать корзину для рыбы, стоявшую на столе.

Я продолжал сидеть в своем кабинете и курить сигарету за сигаретой. В конце концов я позвонил в музей и спросил, кто заведует отделом энтомологии. Мне назвали имя — Бертрам Либермэн, и я попросил его к телефону. У него был приятный голос. Я представился, назвав свою фамилию — Морган. Еще сказал, что я писатель, и Либермэн вежливо заметил, что слышал обо мне и даже читал что-то из моих вещей.

Я попросил Либермэна назначить мне встречу, если это возможно. Он ответил, что сегодня очень занят и спросил меня, нельзя ли перенести на завтра.

— Боюсь, что нам необходимо встретиться незамедлительно,— твердо сказал я.

— О! Вам нужно получить какую-нибудь информацию?

— Нет, я хотел бы показать вам один экземпляр.

— О!

— Я думаю вас это заинтересует.

— Это насекомое? — мягко спросил Либермэн.

— По крайней мере мне так кажется.

— О? Большое?

— Довольно большое,— ответил я.

— Одиннадцать часов вас устроят?

— Я буду,— сказал я.

— Еще один вопрос. Это насекомое — мертвое?

— Да, мертвое.

Кабинет Либермэна был большим и квадратным. Кроме него здесь были двое: человек из ФБР Фицджераль и сенатор Хоппер.

Мы обменялись рукопожатиями, и Либермэн спросил меня, указывая на корзину:

— Это то самое?

— Да.

— Я могу посмотреть?

— Пожалуйста,— ответил я.— Я ничего не собираюсь от вас скрывать. Я могу даже вам его подарить.

— Спасибо, мистер Морган,— сказал Либермэн. Он открыл корзину и заглянул внутрь. Потом резко выпрямился, и Фицджеральд и Хоппер вопросительно посмотрели на него. Либермэн кивнул:

— Да.

— Как вы думаете, что это, мистер Морган? — спросил меня Либермэн.

— Мне кажется, вам это должно быть лучше известно.

— Да, конечно. Я только хотел узнать ваше мнение.

— Это — муравей. Таково мое впечатление. Но я впервые вижу муравья, длиной в четырнадцать-пятнадцать дюймов. И я надеюсь, что в последний.

— Понятное желание,— кивнул Либермэн.

Фицджеральд обратился ко мне:

— Могу я спросить вас, как вы убили его, мистер Морган?

— Клюшкой. Я имею в виду клюшку для гольфа. Я рыбачил с друзьями на озерах Сейнт Реджис в Адирондэксе и взял с собой клюшку для коротких ударов. Короткие удары — самое слабое место в моей игре. Когда друзья уехали, я собирался тренироваться в коротких ударах по четыре-пять часов в день. Вы понимаете...

— Нет необходимости вдаваться в такие подробности, мистер Морган,— улыбнулся Хоппер.

— Я мирно лежал в постели и читал, и вдруг увидел его на ножке кровати. Рядом со мной была клюшка...

— Я понимаю,— кивнул Фицджеральд.

— Вы стараетесь теперь не смотреть на него,— заметил Хоппер.

— А вы не могли бы сказать, мистер Морган, почему вы его убили,— спросил Либермэн.

— Почему?

— Да, почему?

— Я не понимаю вас,— сказал я.

— Садитесь пожалуйста, мистер Морган,— кивнул Хоппер.— Постарайтесь расслабиться.

— Я не спал с тех пор. Мне очень бы хотелось отоспаться, а потом я бы рассказал вам, какой это было пыткой.

— Мы совсем не хотели огорчить вас, мистер Морган,— сказал Либермэн.— Но мне кажется, что некоторые детали этого происшествия очень важны. Именно поэтому я и спрашиваю вас, почему вы его убили. У вас, наверное, была причина. Может быть, он нападал на вас?

— Нет.

— Сделал какое-нибудь неожиданное движение по направлению к вам?

— Нет. Он спокойно сидел на ножке моей кровати.

— Почему же тогда?

— Это не умышленно,— вмешался Фицджеральд.— Мы знаем, почему он убил его.

— Правда?

— Ответ очень прост, мистер Морган. Вы убили его потому, что вы — человек.

— О?

— Да. Вы понимаете меня?

— Нет, не понимаю.

— Тогда почему же вы его убили? — снова задал этот вопрос Хоппер.

— Я до смерти перепугался.

Либермэн поднялся с кресла.

— Вы умный человек, мистер Морган, и я хочу вам кое-что показать.

Он открыл один из стенных шкафов, и я увидел восемь банок с формальдегидом, и в каждой из них был заспиртован точно такой

же экземпляр, как мой. И все без исключения они были изуродованы, что говорило о насильственной смерти.

Либермэн закрыл шкаф.

— И это всего за пять дней,— сказал он и пожал плечами.

— Новый вид муравьев,— довольно глупо пробормотал я.

— Нет, это не муравьи. Подойдите сюда!

Либермэн пригласил меня к столу. Фицджеральд и Хоппер присоединились ко мне. Либермэн достал из ящика стола набор анатомических инструментов и, воспользовавшись одним из них, перевернул насекомое и показал на нижнюю часть туловища, похожую на грудную клетку.

— Видите, какое тут приспособление, мистер Морган.

— Да.

При помощи двух скальпелей Либермэн нашел бороздку и отделил заднюю часть туловища. Она оказалась полой, как жерло бомбометателя, и была похожа на контейнер, который носило на себе насекомое. В нем находились четыре своеобразных и удивительно гармоничных капсули, напоминающие орудия, каждая около полутора дюймов длиной.

Сейчас я видел муравья во всех деталях и понимал, что раньше толком не рассмотрел его. Мы никогда как следует не видим того, что страшит нас или вызывает чувство брезгливости. Сквозь омерзение ничего не увидишь. Но теперь, когда страх и ненависть отступили, я внимательно вглядывался в это существо и понимал, что передо мной был не муравей, хотя и очень походил на него.

— Я не знал! Что можно ожидать от человека при виде насекомого таких размеров?

Либермэн кивнул головой.

— Скажите мне ради бога, как оно называется!

— Мы не знаем,— сказал Хоппер.— Мы представления не имеем, что это такое.

Либермэн показал нам разбитый череп, из которого вытекала белая жидкость.

— Что-то подобное мозгу,— сказал он,— и в большом количестве.

— Это было, наверное, очень умное существо,— предположил Хоппер.

Либермэн рассуждал вслух:

— Совершенно ясно, что это насекомое с развивающейся структурой. Мы очень мало знаем об умственных способностях насекомых. Это не совсем то, что мы обычно понимаем под умом. Скорее совокупное явление — такое, как если бы приходилось задумываться над составляющими тела человека...

Хоппер и Фицджеральд с одобрением слушали Либермэна. Я задал вопрос:

— Что было бы, если бы это было возможно?

— Что?

— Проявление того вида совокупного ума, о котором вы говорите.

— О? Трудно сказать. Это было бы за гранью наших самых смелых предложений. Во всяком случае человек по сравнению с таким муравьем не представлял бы из себя ничего.

— Не верю,— отрезал я.

Мои собеседники невозмутимо ответили:

— Мы тоже не верим. Мы предполагаем.

— Но если это существо такое умное, почему оно не употребило ни одного из своих орудий против меня?

— А это было бы признаком ума? — мягко спросил Хоппер.

— Возможно, ни одна из этих капсул не является орудием,— заметил Либермэн.

— Вы не знаете этого точно? Разве у других таких существ не было таких же капсул?

— Были,— коротко ответил Фицджеральд.

— Откуда все-таки они взялись? Кем они были?

— Мы не знаем,— сказал Либермэн.

— Но вы можете это выяснить. У вас есть ученые, инженеры, и, слава Богу, мы живем в век фантастической техники. Разберите его на части!

— Мы это уже сделали.

— И что вы выяснили?

— Ничего.

— Вы хотите сказать,— спросил я,— что вы не в состоянии сделать никаких выводов относительно этих приспособлений — ни что это такое, ни как они работают, ни для какой цели существуют?

— Совершенно верно,— подтвердил Хоппер.— Ничего, мистер Морган.

— Но наверное они должны действовать как своего рода орудия.

— Почему? — спросил Либермэн.— Посмотрите на себя, мистер Морган. Вы культурный и умный человек и все-таки вы не можете представить себе такой склад ума, который исключал бы оружие как предмет первой необходимости. А ведь оружие — необычная вещь, мистер Морган. Это инструмент убийства. Мы никогда не задумываемся об этом, потому что оружие стало символом мира, в котором мы живем. Признаком цивилизации, мистер Морган? Или оружие и цивилизация в конечном счете несовместимы? Вы можете представить себе уровень мышления, при котором концепция убийства представляется невозможной или совсем не существует? Люди воспринимают окружающее субъективно. Почему тогда подобные существа, к примеру, не могут действовать, исходя из их уровня субъективности? Они идут на сближение с людьми — и в результате погибают. Почему? Скажите, мистер Морган, что может объяснить существование таких высокоорганизованных существ, как это? — Либермэн рукой

показал на лежащее на столе насекомое.— Я самым серьезным образом спрашиваю вас. Какое вы можете дать этому объяснение?

— Несчастный случай,— пробормотал я.

— Восемь банок в моем шкафу? Восемь несчастных случаев?

— Я думаю, доктор Либермэн,— сказал Фицджеральд,— вы в конце концов найдете объяснение.

Я сел и закурил сигарету. Мои руки дрожали. Хоппер извиняющимся голосом сказал мне:

— Мы были довольно грубы с вами, мистер Морган. Но буквально за несколько дней еще восемь человек сделали то же, что и вы.

— Но скажите мне, откуда все-таки появляются эти существа?

— Почти не имеет значения,— честно сказал Хоппер.— Может быть, с другой планеты — с Луны или Марса, может, из недр земли. Неважно.

— Тогда почему вы не сообщите о них миру? Нужно положить этому конец, пока дело не зашло слишком далеко!

— Мы уже думали об этом,— признался Фицджеральд.— Но подумайте, что тогда начнется — истерия, паника, дикие предположения, что это результат атомной бомбы?

— Они могут совсем уйти,— сказал я.

— Могут,— подтвердил Либермэн.— Но если у них нет чувства смерти, у них, возможно, нет и чувства страха.

— Я склонен думать, что они все же уйдут,— вставил Фицджеральд.— Должен же у них в конце концов быть инстинкт самосохранения, доктор!

— Надеюсь,— согласился Либермэн. Надеюсь...

СОДЕРЖАНИЕ

«Англо-американская фантастика»

Том 1

Перевод с английского

Составитель *Юрий Никитин*
Общая редакция *Любови Антиповой*
Художественный редактор *Владимир Васильев*
Технический редактор *Наталья Богданова*
Корректоры *Людмила Неверова* и *Людмила Васильева*

Сдано в набор 15.03.91. Подписано в печать 12.05.91. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура тип Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 30. Усл. печ. л. 30. Усл. кр.-отт. 30. Уч.-изд. л. 36,49. Тираж 200 000 экз. (2-й завод 100 001—200 000 экз.). Заказ 1-51. Цена 15 руб.

Издательство «Змей Горыныч», 109028, Москва, Солянка, 9.

Харьковская книжная фабрика «Коммунист»,
310012, Харьков, Энгельса, 11.

